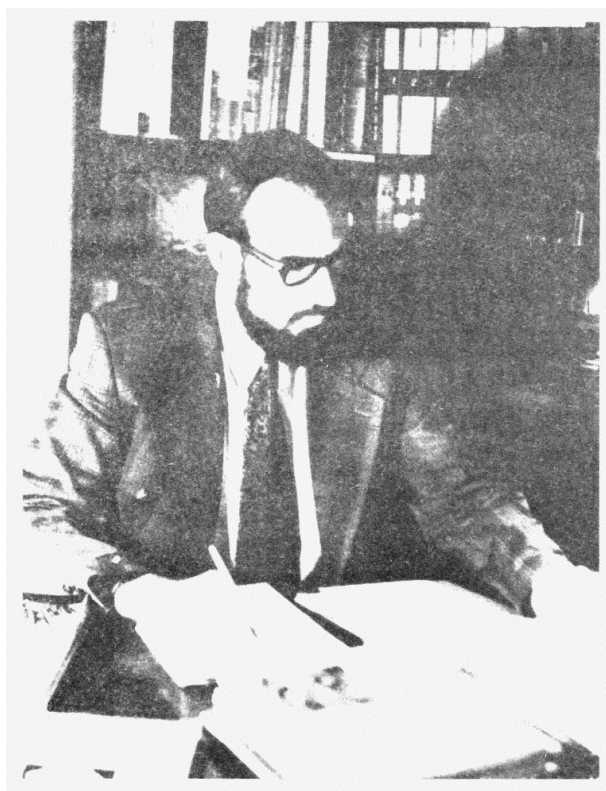

Ю. Н. Воронов

НАУЧНЫЕ
ТРУДЫ

Том II

Ю. Н. Воронов

Научные труды в семи томах

Том второй

Редакционная коллегия

О. Х. Бгажба, док. ист. наук, академик АН РА (гл. редактор),

В. Б. Ковалевская, док. ист. наук,

С. В. Воронова, председатель научно-культурного центра Ю. Н. Воронова

Сухум, 2009

Ю. Н. Воронов. Научные труды. Том второй. — Сухум: Абхазский институт Гуманитарных исследований АН Абхазии, 2009. — 610 с.

В основу II-го тома «Научных трудов» Юрия Николаевича Воронова легла его «Археологическая карта Абхазии», являющаяся по сей день настольной книгой археологов. В ней зафиксированы и описаны известные до 1969 года памятники древней, античной и раннесредневековой Абхазии (до 750 единиц), многие из которых открыты самим автором.

Остальные работы: «Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги», «Древности Военно-Сухумской дороги», «Древности Азантской долины», тематически связанные с Кодорским ущельем, как бы дополняют «Археологическую карту Абхазии».

В книгах «Памятники села Герзеул» и «Главная крепость Апсилии», написанных в соавторстве с коллегой О. Х. Бгажба дано совместное комплексное историко-археологическое исследование таких эталонных памятников позднеантичной и ранне-средневековой Абхазии, как археолого-архитектурные комплексы Герзеула и Цибилиума.

Завершается том книгой «Драма Военно-Сухумской дороги», посвященной истории строительства данной дороги вдоль древней трассы одного из Абхазских ответвлений Великого шелкового пути («Даринского»).

Книга рассчитана не только на специалистов-кавказоведов, но всех тех, кому дорога и кто интересуется древней историей и культурой Абхазии.

СОДЕРЖАНИЕ

- **Археологическая карта Абхазии**
 - Предисловие
 - Введение
 - Глава I. Палеолит
 - Глава II. Неолит и медно-бронзовый век
 - Глава III. Античность
 - Глава IV. Список монет греко-римско-византийского периода в Абхазии
 - Глава V. Краткий очерк древней истории Абхазии
 - Глава VI. Охрана памятников археологии
 - Таблицы
- **Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги**
 - Предисловие
 - Глава 1. Из истории изучения памятников каменного века Военно-Сухумской дороги
 - Глава 2. Палеолитические памятники Военно-Сухумской дороги
 - Глава 3. Ранне-неолитическое поселение в пос. Верхняя Лемса
 - Заключение
 - Рисунки
- **Древности Военно-Сухумской дороги**
 - Введение
 - Глава 1. От Гульрипша до Герзеула
 - Глава 2. По Цебельдинской долине
 - Глава 3. В ущельях Келасура и Амткела
 - Глава 4. В преддверии Багадских скал
 - Глава 5. По Дальскому ущелью
 - Глава 6. От Чхалты до Клыча
 - Заключение
 - Рисунки
- **Древности Азантской долины**
 - Введение
 - Глава 1. Памятники каменного века
 - Глава 2. Памятники эпохи бронзы
 - Глава 3. Памятники Цебельдинской культуры в бассейне р. Джимеле
 - Глава 4. Позднеантичные памятники села Азанта (комплекс Бат)
 - Глава 5. Памятники IV—VII вв. в урочище Апушта
 - Глава 6. Средневековые памятники Азантской долины
 - Заключение
- **Памятники села Герзеул**
 - Предисловие
 - Из истории поиска
 - На берегах Мачары
 - От Мачары до Герзеула
 - Герзеульская крепость
 - От Герзеула до Кодора
 - Рисунки
- **Главная крепость Апсилии**
 1. Несколько вводных слов
 2. До начала раскопок
 3. Анатомия поиска
 4. Абхазская Троя
 5. Могилы апсиров

- 6. Немного истории
- 7. Литература о Цибилиуме
- Иллюстрации
- **Драма Военно-Сухумской дороги**
 - Пролог
 - Драма дороги
 - Эпилог

Археологическая карта Абхазии

Книга «Археологическая карта Абхазии» впервые была опубликована в 1969 году издательством «Алашара», Сухуми.

Моим добрым учителям археологу Льву Николаевичу Соловьеву и египтологу Николаю Сергеевичу Петровскому свой первый труд с благодарностью посвящаю.

Автор

Предисловие

В 1969 году Абхазский Совет Общества охраны памятников культуры отмечает 10-летие своей деятельности. Задачей Общества является выявление, первичное изучение и охранные мероприятия, связанные с памятниками культуры. За 10 лет проделана значительная работа по сохранению памятников культуры. Повсюду на местах - в городах и районах, в селах и поселках республики работают первичные организации Абхазского Совета Общества, краеведческие кружки. Средства, получаемые от добровольных сборов, идут на сохранение памятников, а также на выявление новых. Ежегодные экспедиции Общества выявляют десятки новых исторических объектов, которые описываются и инвентаризируются силами сотрудников Общества с привлечением широкой научной краеведческой общественности. Всего за прошедший период было организовано до 40 таких экспедиций. Новые материалы сотрудники Общества публикуют в списках памятников, справочниках, путеводителях, в газетах и журналах.

В результате этого был накоплен обильный материал, часто не получавший вообще отражения в литературе и нуждающийся в охране и пропаганде, поставленной на строго научной основе. Общество намерено издать ряд обобщающих его деятельность работ, к которым, в первую очередь, следует отнести такие необходимые для практического пользования работы, как «Археологическая карта Абхазии» и «Свод архитектурных памятников Абхазии».

Академик Б. А. Рыбаков, говоря о перспективах научно-исследовательских работ Института археологии АН СССР, в частности отметил: «...Наша ближайшая задача... это детальные археологические карты отдельных районов...» (Вопросы истории, 1968, № 9, стр. 115).

Составление археологической карты какого-либо района - дело кропотливое, требующее большого труда по сбору и систематизации многочисленных данных, разбросанных в различных литературных источниках, по музейным и частным коллекциям. Требования, предъявляемые к археологической карте, в основном сводятся к следующему. В такой работе необходимо дать с возмож-

ной полнотой сведения об археологических памятниках на данной территории с указанием источников информации, мест хранения коллекций и их документации, указать основную литературу, в иллюстрациях отразить, с одной стороны, наиболее типичные, и, с другой стороны, наоборот, уникальные или требующие объяснения явления, показать степень изученности края - выявить как наиболее насыщенные древними памятниками местности, так и «белые пятна». И та, и другая сторона карты имеют большое практическое значение для налаживания действенной охраны археологических памятников в том или ином районе, помогут активизировать силы органов охраны памятников культуры в тех пунктах, где наиболее вероятны ценные находки. Археологическая карта является и своего рода прогнозной картой для перспективного планирования крупных стационарных научно-исследовательских работ в отдельных районах. В то же время она во многом облегчает постановку и разработку основных проблем древнейшей и древней истории изучаемого района. Археологическая карта является ценным научным справочником и пособием для работников музеев в их краеведческой и исследовательской работе. Материалы, входящие в такую работу, могут быть использованы научными работниками - специалистами, краеведами, учителями, местными краеведческими кружками и туристическими организациями, местными, городскими, районными и сельскими Советами Общества охраны памятников культуры. Все эти положения приобретают особое значение в Абхазии, где сосредоточено огромное количество памятников археологии. Необходимость составления археологической карты Абхазии ощущалась уже давно, неоднократно поднимался вопрос о сборе материалов. В связи с этим особо следует подчеркнуть принятую в 1924 году на Первом съезде деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа в Сухуме резолюцию о необходимости составления «в самом непродолжительном времени» археологической карты Абхазии. Работа эта осуществлена инструктором Абхазского Общества охраны памятников культуры Вороновым Ю. Н., который родился и жил в течение многих лет в абхазском селе Цебельда.

Сбор материалов для археологической карты Абхазии автор предлагаемой работы начал в 1964 году, еще будучи студентом Ленинградского государственного университета, когда им была составлена «Археологическая карта древней Цебельды», насчитывавшая до 80 памятников древности. В последние годы, выполняя плановое задание и принимая активное участие в экспедициях Общества, Ю. Н. Воронов провел большую работу по сбору полевого материала, его обработке и систематизации, освоил значительную литературу по вопросам, связанным с археологическим изучением края. Знаменательно, что именно Обществу охраны памятников удалось осуществить эту

трудную, но необычайно полезную, нужную работу, которая ляжет ценным справочником на столы исследователей, занимающихся древней историей Абхазии и смежных с нею территорий.

Кратко изложу основные моменты, получившие отражение в «Археологической карте Абхазии» (до VI в. н.э.).

В книге достаточно полно рассматривается история накопления археологического материала несколькими поколениями археологов, роль тех или иных ученых и краеведов в археологическом изучении края, предпосылки создания самой карты. В основных четырех главах работы насчитывается до 750 номеров, включающих краткие данные, как о комплексных, так и об отдельных находках на территории Абхазии. В главе «Палеолит», содержащей около 120 номеров, рассмотрено более 30 нижнепалеолитических, 64 мустьерских, 45 верхнепалеолитических и 15 мезолитических местонахождений орудий этого периода в Абхазии, а также пункты, где найдены кости пещерного медведя. Достаточно сказать, что в наиболее полной сведениями об этом периоде работе С. Н. Замятнина «Палеолит Абхазии» имеются данные о 46 пунктах, включавших 11 нижнепалеолитических, 24 мустьерских и 11 верхнепалеолитических местонахождений.

Глава «Неолит и медно-бронзовый век» включает до 310 номеров, из которых только 130 номеров посвящены опубликованному ранее материалу. Остальное - музейный и коллекционный материал, а также данные, собранные самим автором.

Глава «Античность» включает до 240 номеров, из которых сведениям, собранным в литературных источниках, посвящено 80 номеров. Остальное также музейный материал и описание предметов, входящих в разданные коллекции, устные сообщения, как специалистов-археологов, так и краеведов, данные личных исследований автора. В 77 номерах главы, посвященной нумизматике Абхазии, учтено более 1200 отдельных монет и до десяти кладов-комплексов. Это первый свод сведений о находках древних монет в Абхазии.

Неотъемлемой частью работы является лаконичный и в то же время насыщенный фактическим материалом очерк истории Абхазской АССР от палеолита до V в. н. э. включительно.

Большой интерес для активных членов Общества охраны памятников культуры и краеведов-любителей представляет небольшая глава, посвященная методике охраны памятников археологии.

Особую ценность представляют иллюстрации, выполненные автором очень компактно, но, несмотря на схематичность, дающие правильное представление о большом количестве археологических памятников и отдельных предме-

тов. В 49 таблицах насчитывается 5 карт, около 80 планов и до 1300 отдельных предметов, значительная часть которых публикуется впервые.

Перед автором стояла трудная задача: в книге сравнительно небольшого объема поместить огромное количество материала, вызванное необычайной насыщенностью территории Абхазии памятниками археологии. Ю. Н. Воронов сумел использовать имеющийся отечественный опыт археологического картографирования и в то же время сам ввел некоторые новые приемы в методику составления археологических карт. К этим приемам относится тематическое разделение карты по эпохам, синхронистическая таблица, большой объем иллюстративного материала и др.

В целом «Археологическая карта Абхазии» послужит ценным пособием для всех тех, кто интересуется далеким историческим прошлым Абхазии, ее археологическими памятниками, их сохранностью.

В. Пачулиа,

Председатель Абхазского Совета Общества охраны памятников культуры, кандидат исторических наук.

11

Введение

Археологическое картографирование имеет уже свою довольно значительную историю. В России впервые о необходимости картографирования археологических памятников было сказано на V Археологическом съезде в Тифлисе в 1881 г. До революции было составлено несколько карт, охватывавших губернии [7, 15, 122, 133, 134], области [185], уезды, долины рек.

В советское время картографированию археологических памятников уделяется большое внимание. Составление археологических карт было включено в тематические планы ряда научно-исследовательских учреждений, в частности в ГАИМК был создан специальный сектор по картографированию, а археологическая секция АН Белорусской ССР издала ряд карт, составленных по данным отдельных исследователей [184, с. 3]. Опубликованы карты Северного Причерноморья [184], Прикамья и Приобья [168, 169], Казахской ССР [13], Дагестана. Ведутся подготовительные работы по созданию археологических карт ряда районов Сибири, Таджикской ССР [104], Туркменской ССР [124, с. 45]. Таким образом, уже накоплен известный опыт в деле составления археологических карт.

Учитывая большую практическую и научную ценность полного свода археологических памятников и находок в Абхазии и в целях дальнейшего совершенствования работы по сохранению и систематизации памятников старины, Абхазский Совет Общества охраны памятников культуры поручил автору составить археологическую карту Абхазии. В территориальном отношении настоящая карта охватывает Абхазскую АССР, включающую Гагрский, Гудаутский, Сухумский, Гульрипшский, Очамчирский и Гальский районы.

Первые, имеющие археологическое значение, сведения об Абхазии относятся к XVIII в. Французский путешественник Де-ля-Мотрей, побывавший в 1712г. в районе Сухума, видел несколько колонн и «изуродованную голову статуи», найденную в одном из виноградников. Путешественнику продали несколько «медалей», из которых одна происходила из Диоскурии [49, с. 150].

12

В 1833 г. побережье Абхазии объездил французский путешественник Ф. Дюбуа деМонпере, который дал описание исторического прошлого Пицунды, Псырцха, Сухума, Гагра, привлекая античные письменные источники [49].

С 1870 г. краеведческие исследования в Абхазии проводил В. И. Чернявский, который занялся сбором археологических материалов в окрестностях Сухума. Им был собран материал из раннеантичных могильников на Сухумской горе [194, с. 25], и В. И. Чернявский первый выдвинул мысль, что древняя Диоскурия находилась в районе Сухума. Совместно с Р. Пренделем [135] он проследил остатки сооружений на дне Сухумской бухты, затем принял активнейшее участие в работе V Археологического съезда в Тифлисе, в протоколах и трудах которого опубликовал первые сведения о шестидесяти с лишним археологических и исторических памятниках Абхазии [193, 194]. К этому же периоду относятся и сборы сведений о древностях, предпринятые

А. Н. Введенским. Последний в 1869 г. в местности Хуап исследовал каменные гробницы, в которых была найдена керамика, золотые и железные предметы [35, с. 130].

«Замечания» А. Н. Введенского, в которых описано около 20 памятников, явились значительным добавлением к сведениям В. И. Чернявского. В 1872 г. археологические раскопки пытался проводить в замке Сатамашо (Скурча) поручик Шишков [35, с. 126]. В 1882 г. А. В. Комаров опубликовал первые материалы из античного могильника Нового Афона [83, 84]. В 1886 г., проводя раскопки по поручению Московского Археологического общества, В. И. Сизов выявил культурные слои V-III вв. до н. э. на берегу Сухумской бухты, обследовал остатки средневекового города у крепости Баграта, лично удостоверился в отсутствии следов Диоскурии на Скурче, решив, наконец, тем самым вопрос о местонахождении древнего города [144].

В 80-х гг. XIX в. большую поездку по Абхазии совершила графиня П. С. Уварова, уделявшая, главным образом, внимание христианским памятникам, однако, в ее дневниках имеются сведения о кремационных погребениях, разрушавшихся уже тогда в одном из позднеантичных могильников Цебельды [182, с. 103-104]. Она же отметила находку в Абхазии литейных форм для отливки из бронзы [183, с. 336]. В начале 90-х гг. XIX в. в Абхазии находился ботаник Н. М. Альбов, который собрал попутно богатый этнографический материал, в том числе и некоторые сведения об археологических находках у горы Сатанжо [4, с. 32]. Тогда же в коллекцию В. И. Чернявского поступил обломок плиты с надписью, подтверждавшей пребывание в Севастополисе римского легата Флавия Арриана [142].

В 1904 г. в Гаграх во время земляных работ был выявлен позднеантичный могильник, одно богатое погребение из которого датировано А. А. Спицыным V в. н. д. [164, с. 103-107]. Весьма успешными были разведки А. А. Милле-

13
ра, произведенные в 1907 г. в Абхазии. Он познакомился с коллекцией В. И. Чернявского, опубликовав из нее железное оружие скифского и раннеантичного периода с Сухумской горы и из Гульрипша, провел раскопки в Цебельдинской крепости, посетил с. Ачандара, где зафиксировал несколько предметов эпохи поздней бронзы [120, с. 72-83].

Много предметов древности попадало в музеи, подчас минуя ученых. Так, в 1890 г. в ГосЭрмитаж поступили золотые предметы из большого клада, найденного в Чубурихиндже, в ГИМ регулярно поступали материалы А. В. Комарова, В. И. Сизова, случайные находки из Очамчиры. В Тифлисский музей в 1914 г. ботаником Ю. Н. Вороновым была передана коллекция предметов из позднеантичного могильника в Цебельде [93, с. 93]. Таким образом, до установления советской власти изучение Абхазии в археологическом отношении сводилось к поверхностным и случайным наблюдениям, шло первоначальное накопление материала.

Вскоре после установления советской власти, в сентябре 1924 г. в Сухуме состоялся Первый съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, решения которого дали толчок местным краеведам для изучения Абхазии в историко-археологическом отношении [167, с. 133]. На этом съезде А. Л. Лукин демонстрировал бронзовые предметы из Гудаутского района. В 1925 г. Абхазское научное общество (АбНО), организованное в 1922 г., провело археологические изыскания на Сухумской набережной. Экспедиция в составе А. С. Башкирова (руководитель), В. И. Стражева, М. М.

Иващенко, А. Л. Лукина выявила слои I–III вв. н. э. Ими же были проведены исследования в Пицунде и Новом Афоне [18]. В это же время организуется на базе прежнего музея и новых сборов музей при АБНО, в котором сотрудничали Г. П. Барач, М. М. Иващенко, В. И. Стражев. В. И. Стражевым впервые описана культура бронзового века в Абхазии [165]. Он же открыл и описал первую в Абхазии группу дольменов в селе Азанта [166]. М. М. Иващенко проделал большую работу для определения местонахождения Диоскурии, проследив также распространение чернолаковой керамики в районе Сухума [59]. В 1929 г. А. Л. Лукиным было исследовано Аагстинское погребение, окончательно подтвердившее существование могильников бронзового века в Абхазии. В 1930 г. М. М. Иващенко обследовал несколько вторичных погребений поздней бронзы в оссуариях, открыл группу Эшерских дольменов и положил начало ее исследованию [58]. В 1933 г. А. В. Фадеев и М. Г. Манилов обследовали в карстовой пещере в г. Ст. Гагра четыре погребения начала эпохи ранней бронзы, состоявшие из четырех глиняных сосудов, содержащих отдельные человеческие кости и прикрытых черепами [158, с. 80–81]. В 1933 г. в Абхазии началась деятельность Л. Н. Соловьева. Им были открыты первые здесь палеолитические стоянки Яштух, Лечкоп, Сухум, Гвард, Кела-

14

сур, Апианча, Нижняя Лемса, Ягиш, Отап, Моква, Очамчира, Илор, Ачгуара, Гал, Цхир, Чубурисхиндж, материал из которых позволил С. Н. Замятнину провести большую работу по изучению этих единственных в то время доказательств существования человека в столь ранние эпохи в СССР [52, 53].

С. Н. Замятнин затем сам исследовал вторую часть Яштухской стоянки, местонахождения Гагры, Колхида, Отхара, Бармыш, Лыхны и др. В 1934 г. на средства АБНИИ была организована экспедиция под руководством акад. И. И. Мещанинова в составе М. М. Иващенко, А. Л. Лукина, Л. Н. Соловьева, Б. А. Куфтина, которая произвела раскопку нескольких дольменов в Эшерах, исследовала ряд кувшинных погребений в районе Верещагинского холма, там же раскопала раннеантичные погребения и обследовала поселения эпохи поздней бронзы и ранней античности [93]. В 1934 г. Л. Н. Соловьевым были открыты селища с текстильной керамикой у Очамчиры, Моквы, в пос. Красный Маяк [160]. В 1935 г. А. Н. Грен и И. Е. Адзинба провели раскопки на могильнике «Сушка» (у Иверской горы) и у Бесплетского моста. Тогда же в Абхазии работала экспедиция ГАИМК под руководством А. А. Иессена, в которой принимали участие Б. Б. Пиотровский и Л. Н. Соловьев. Экспедиция обследовала верховья р. Гумиста, пос. Красный Маяк, Очамчиру, Верещагинский холм, Азанту [65]. А. А. Иессен в своих трудах неоднократно возвращался к абхазским материалам [62, 64].

Исследование палеолитических памятников, начатое экспедицией АБНИИ в 1934 г. при участии С. Н. Замятина, Л. Н. Соловьева и М. М. Иващенко, продолжалось в 1935–1936 гг., когда в экспедиции работали Л. Н. Соловьев, П. И. Борисковский, М. З. Паничкина, А. Н. Каландадзе. Геологическое изучение местонахождений проводилось Г. Ф. Мирчинком, В. И. Громовым, Е. В. Шанцером [52, с. 3]. В 1936 г. Е. В. Шанцером и В. И. Громовым обнаружено Мачарское селище эпохи бронзы.

В 1935–1936 гг. М. М. Иващенко и Л. Н. Соловьев исследовали поселения ранней бронзы и античности к северу от г. Очамчира [60, 139]. В 1937 г. Б. А. Куфтин, Л. Н. Соловьев и А. Л. Лукин провели дополнительное исследование дольменов в Эшера [158]. В 1939–1940 гг. Л. И. Соловьевым производились раскопки в Каманском гроте [158]. В то же время (1935–

1940 гг.) он продолжает исследование памятников палеолита на Анухвинском плато, в гроте Агца [150], в Цебельде [157], собирает богатый археологический материал на территории и в окрестностях г. Сухума для установления преемственной связи трех городов - Диоскурии, Себастополиса и Цхума [146], фиксирует селище с текстильной керамикой у рек Шицкуара и Псырцха [158]. Незадолго перед началом войны Л. Н. Соловьев обследовал Калдахварский грот на р. Бзыбь, гроты Холодный и Кеп-Богаз [148], и ряд других памятников в районе Цебельды.

15

Многолетние сборы археологических предметов в Гудаутском районе позволили А. Л. Лукину в 1941 г. опубликовать фундаментальный труд по археологии Бзыбской Абхазии [112]. В 1939 г. он, следуя указаниям другого гудаутского краеведа - врача Лентропа, открывает первое на Западном Кавказе неолитическое поселение у ручья Кистрик [113]. В 1942 г. и 1946 г. Л. Н. Соловьев раскопал в Михайловской пещере погребения дольменного времени [158]. В 1945 г. И. А. Гзелишвили исследовал ряд позднеантичных погребений в районе Цебельды [38]. В том же году А. Л. Лукин обследовал селище с текстильной керамикой у Нового Афона [160, с. 28]. В 1946 г. Б. А. Куфтин раскопал три дольмена в с. Азанта [45, с. 101-102].

В 1948-1951 гг. М. М. Трапш провел раскопки Куланурхвинского могильника VIII-VI вв. до н. э. [178]. В 1951 г. М. М. Трапш и А. Н. Каландадзе исследовали поселение и медеплавильню бронзового века, а также могильники эпохи поздней бронзы и ранней античности на Сухумской горе [75]. В 1952-1959 гг. на холме Гуадиху и на Красном маяке М. М. Трапш раскопал энеолитическое поселение и могильники эпохи поздней бронзы и ранней античности [174, 172]. В 1952 г. Институтом истории им. И. А. Джавахишви ли АН ГССР под руководством А. М. Апакидзе при участии О. Д. Лордкипа нидзе, Т. К. Микеладзе, Р. М. Рамишвили и других были начаты и продолжаются до сих пор раскопки античного городища в Пицунде [9, 12, 111]. Тогда же, в 1952 г. М. М. Трапш провел исследование в Сухумской крепости [174]. В том же году Л. Н. Соловьев и Н. И. Гумилевский исследовали вторичные погребения эпохи ранней бронзы под навесами Лавинной балки на Бзыби [135, с. 81]. В 1953 г. у устья Беслетки (Басла) найдена мраморная надгробная плита с барельефом конца V в. до н. э. [173]. В том же году А. Л. Лукин доследовал погребение поздней бронзы в с. Эшера [114]. В 1954 г. М. М. Трапшем раскопана римская башня конца II в. н. э. на северо-западной окраине Сухума [78]. В 1955-1956 гг. О. М. Джапаридзе провел исследование трех дольменов в с. В. Эшера и двух дольменов в с. Ачандара [45]. В 1957-1958 гг. под руководством М. М. Трапша и Л. Н. Соловьева и при участии Ш. Д. Инал-ипа, О. Д. Лордкипанидзе, В. А. Леквинадзе, В. П. Пачулиа, Л. А. Шервашидзе, В. В. Бжания и В. С. Орелкина проводились раскопки раннесредневековой крепости Анакопии в Новом Афоне [170, 171].

Начиная с 1958 г. в Абхазии проводит работы Н. З. Бердзенишвили. Она продолжила исследование Яштухской палеолитической стоянки, произвела раскопки мезолитической стоянки в пещере Куачара и исследовала в гроте Джампал-1 (Амткельском) верхнепалеолитические слои [20]. В 50х гг. огромный материал, включающий ашельские, мустьерские, энеолитические, античные, раннесредневековые предметы, собран неутомимым руководителем школьного краеведческого кружка в с. Хейвани (Амзара) Н. И. Гумилевским,

16

коллекции которого привлекли внимание П. И. Борисковского, Е. И. Крупнова, Л. Н. Соловьева, В. П. Любина и других известных советских ученых. В это же время под руководством учителя К. А. Миносяна собрана коллекция археологических предметов в Гагрской средней школе № 2. Тогда же учитель В. И. Воротников начинает сборы на разрушаемых позднеантичных могильниках в с. Атара-Армянская.

В 1958 г. Л. Н. Соловьев и Л. А. Шервашидзе начали раскопки развалин г. Себастополиса на набережной г. Сухума. В 1959 г. эти раскопки были продолжены М. М. Трапшем и Л. Н. Соловьевым, а также А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе и В. А. Леквинадзе. [11, 100, 179, 199]. В эти и предыдущие годы дно Сухумской бухты обследовалось А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, Л. А. Шервашидзе, М. М. Трапшем, В. П. Пачулиа, В. И. Скосырским и другими [200].

В первой половине 60х гг. археологическое исследование Абхазии продолжало успешно развиваться. Экспедиция Н. З. Бердзенишвили исследовала Амткельский грот, мезолитическую стоянку на Яштухе [190]. Л. Н. Соловьев продолжал раскопки в гроте Хупына [154], где выявлены слои от конца верхнего палеолита до раннего неолита, а также фрагменты человеческих черепов конца верхнего палеолита [155]. В 1964-1965 гг. Л. Н. Соловьев и В. В. Бжания исследовали селище Кистрик, где были установлены, кроме неолитического, также энеолитический и позднебронзовый слой. В. В. Бжания при участии В. С. Орелкина исследовал Мачарское селище энеолита и бронзы, заложил шурфы на Тамышском селище эпохи поздней бронзы, Гумистинском селище ранней бронзы, исследовавшемся ранее Л. Н. Соловьевым, доследовал при участии О. Г. Хагба 2 дольмена в пос. Хабью [22, 24, 25, 26].

С 1960 г. М. М. Трапшем систематически ведутся раскопки позднеантичного могильника к юго-западу от Цебельды [175,177]. Комплекс погребений из этого могильника исследовал Г. К. Шамба [195, 196, 197]. Экспедицией Л. Н. Соловьева был раскопан слой ранней бронзы в Амткельском гроте, а также обследованы ряд гротов Багадской скалы, Калдахварский грот, могильник бронзового века в Новых Гаграх [25]. В 1966-1967 гг. Н. З. Бердзенишвили закончила исследование грота Джампал. Н. И. Гумилевский продолжает сборы в районе Цандрипш, в верховьях р. Хашупсе, в с. Сулево. В Ачмарде им открыты своеобразная верхнепалеолитическая культура и позднеантичный могильник; большой интерес представляют предметы, собранные им на распаханной территории Лапстинского могильника раннебронзовой и античной эпох. В. А. Юшиным зафиксированы ВерхнеМачарское селище эпохи бронзы и ранней античности, дольменная группа в верховьях р. Гумрипш, погребение со скифским инвентарем в с. Агудзера и другие памятники. Археологические памятники изучались и автором этой работы, о чем будет сказано ниже. В советский период много

17

предметов, а иногда и больших археологических коллекций поступало в ГМГ. ГосЭрмитаж (А. Я. Лукин, Ю. Н. Воронов), ГИМ (С.И.Четверухин), МАЭ (С. Н.Замятнин). Это материалы из позднеантичных могильников Хашупсе и Цебельды, богатейшая коллекция бронзовых предметов А. Л. Лукина, античные предметы из Сухуми, палеолитический материал. Интересные предметы имеются и в частных коллекциях А. С. Вознюка, С. И. Четверухина и др. Материалы многочисленных сборов и раскопок Л. Н. Соловьева, М. М. Трапша, М. М. Иващенко, В. И. Стражева, А. Л. Лукина составили богатый археологический фонд Абхазского государственного музея.

Первая мысль о создании археологической карты Абхазии возникла после V Всероссийского археологического съезда в Тифлисе у В. И. Чернявского [167, с. 1]. На Первом съезде деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, проходившем под председательством Н. Я. Марра в Сухуме (сентябрь 1924 г.), была принята резолюция, гласившая: «Съезд считает крайне желательным в самом непродолжительном времени приступить к сбору материалов для составления археологической карты Абхазии...» [34, с.31]. За осуществление этой задачи взялись В. И. Стражев [167] и М. М. Иващенко. Последний создал «Предварительную историко-археологическую карту» (1932 г.), на которую им было нанесено 32 памятника (АРМ). Археологическая карта Абхазии, составленная по материалам экспедиции ГАИМК 1935 г., включала 28 поселений и дольменных групп и 25 местонахождений бронзовых вещей (Архив ЛОИА). В 30х гг. за составление археологической карты берется Л. Н. Соловьев, в его окончательном списке (1948 г.) значится 111 памятников археологии (АГМ). На карту Гудаутского района А. Л. Лукин нанес в 1940 г. до 60 памятников археологии [112]. На историко-археологическую карту Абхазии, опубликованную В. П. Пачулиа в 1964 г., нанесено около 80 памятников старины, в том числе 12 археологических объектов [126]. В 1965 г. В. С. Орелкин, оформляя экспозицию археологического отдела Абхазского государственного музея, показывает на декоративных тематических картах-схемах до 140 памятников археологии.

Таким образом, сложились логические предпосылки для создания настоящей работы. В ходе подготовки археологической карты Абхазии мною была проработана по возможности вся доступная литература, вещественные и архивные материалы. Автор принимал участие в экспедициях АСГООПК и АбНИИ. В 1966 г. в план работы Абхазского Общества охраны памятников культуры было включено окончательное оформление настоящей работы. С этой целью автором были совершены поездки в Лата, Чхалта, Генцвиш, Члоу, Очамчира, Ачандара, Отхара, Калдахуара, Гагра, Хашупсе, Псху и в другие пункты Абхазии, где проводились археологические рекогносцировки на местности (табл. I). Пройден пешком древний путь от Сухума до Чхалты. В процессе работы мною

18

зафиксированы следующие памятники: позднеантичные комплексы Шапка, Цибиллум, Ахыста, Бат, Лар, Апушта, Пал, Пскал, Герзеул, античные укрепленные поселения Пацхир, Чижоуш, Чацкал, Каман-1, Каман-2, Отсюш-1, Отсюш-2, Ахипса-1, Ахипса-2, Веселовское и др.; заново обследованы циклопические крепости Бжилва и Абаарук, выявлены более древние слои в Цебельдинской позднеантичной оборонительной системе, датированы Алексеевское и Верхне Мачарское поселения эпохи поздней бронзы и ранней античности, обследован заново визуально ряд дольменных групп, установлено существование слоя ранней бронзы на поселении Каман-1, зафиксирован ряд курганов, обследовано несколько гротов и проведены сборы кремневого материала в горной зоне Абхазии. Выводы делались в основном на основании кропотливых поверхностных сборов, хотя в нескольких случаях (Пацхир, Отсюш-1, Каман-1) автору приходилось закладывать разведочные шурфы для уточнения стратиграфии. В этих походах, в обмерах и описании памятников большую помощь оказали автору Л. Н. Соловьев, В. А. Юшин, А. С. Вознюк, А. С. Четверухин, А. Н. Берников, М. К. Миносян, В. Н. Воронов, А. Н. Лозовой и др.

Относительно хорошая изученность археологических памятников, существование значительной литературы, рассматривающей в достаточной степени памятники всех эпох, позволили положить в основу данной работы не географический, а хронологический принцип и разделить по сути дела одну карту на несколько тематических, предпослав соответственно каждой карте специальный текст, оформленный в отдельную главу. Тематическое деление карты произведено следующим образом: глава I - Палеолит, глава II - Неолит и бронзовый век, глава III - Античность, глава IV - Список античных и византийских монет, найденных на территории Абхазии, глава V - Краткий исторический очерк древней Абхазии, глава VI - Охрана памятников археологии. К карте приложены библиографический и географический указатели. Отбор материала для таблиц производился так, чтобы показать основные этапы развития материальной культуры в Абхазии, проследить сходство и различие в синхронных и разновременных памятниках на обширных территориях. Рисунки выполнены автором отчасти с натуры, отчасти по зарисовкам В. С. Орелкина. Переиздаются лишь те предметы, без которых нельзя представить правильного «археологического лица» Абхазии.

В процессе окончательного оформления настоящей работы автор с благодарностью пользовался консультациями и помощью Л. Н. Соловьева, Б. Б. Пиотровского, М. М. Трапша, В. С. Орелкина, К. Х. Кушнаревой, И. Б. Брашинского, В. П. Шилова, К. М. Скалон.

19

* * *

Структура «Археологической карты Абхазии» следующая:

1. Каждый памятник или комплекс имеет свой номер и отнесен к ближайшему географическому пункту. Нумерация в каждой главе специальная. Порядок номеров установлен по течениям рек, начиная от устья, иногда по перевальным путям, с северо-запада Абхазии на юго-восток. Число, проставленное на карте, соответствует числовому показателю номера в тексте. Содержание номера на карте раскрывается условными знаками, выработанными на основе общепринятых.

2. На таблицах отдельные группы предметов по возможности размещены в хронологическом порядке. Иллюстрациям сопутствует их описание, органически связанное с основным текстом.

3. Алфавитный географический указатель содержит упомянутые в основном тексте (I-IV главы) населенные пункты, реки, урочища, вершины и т. д. Против каждого названия проставлен номер соответствующей главы текста, раскрываемой, как и в описаниях иллюстраций индексами П, Б, А и М (Палеолит; Бронза; Античность; Монеты).

Характеристика отдельного памятника дается в следующем порядке:

а) порядковый номер; б) материал и характер памятника; в) место находки *; г) краткая характеристика; д) ссылка на таблицы; е) время находки; ж) литература и место хранения коллекций. В библиографическом указателе, построенном на алфавитной основе, каждая работа имеет свой порядковый номер, который ставится в тексте, если нужно, со страницей, где упоминается описываемый памятник. Устные сообщения внесены в качестве дополнения в библиографический указатель и имеют с ним общую нумерацию.

Окончательное оформление работы закончено 1 ноября 1967 года.

** Все названия памятников, введенные в широкий научный оборот, привязаны к действующей топонимике Абхазской АССР, для которой характерны нередкие искажения или отсутствие целого ряда исконно абхазских географических названий. Сохраняя авторский текст, считаем целесообразным по возможности привести восстановленную, ныне действующую топонимику.*

20

Глава I. Палеолит *

1. Отдельные нижнепалеолитические орудия в пункте Леселидзе-1 к северу от с. Леселидзе (Ермоловка)** на бровке третьей морской террасы на левом берегу ручья, впадающего к востоку от р. Псоу в море (211, VIII).
2. Отдельные нижнепалеолитические орудия и мезолитические пластины в пункте Леселидзе2 в 0,5 км к юго-востоку от № 1 (211, VIII).
3. Мустьерские одноплощадочные нуклеусы, пластины, отщепы, остроконечники, верхнепалеолитические скребки и отщепы, мезолитические пластины в пункте Леселидзе3 в 0,5 км к северу от № 2 (211, XIII).
4. Позднеашельское миндалевидное рубило в 100 м к юго-западу от Леселидзевской средней школы на Карангатской (25 м) террасе (161. с. 185, XIII).
5. Ашельские пластины, чопперовидный нуклеус (161, с. 187-189), мустьерские остроконечники, нуклеусы, чоппер, в пункте Хейвани-1*** на бровке карангатской террасы в 1 км к северо-востоку от Хейванской школы № 2 на правом берегу р. Лапста (211, XIII).
6. Ашельский призматический нуклеус, лавалуазские нуклеусы, скребки, отбойники в пункте Хейвани-2 в 200 м к северо-западу от № 5 на бровке четвертой террасы, обрывающейся к морю и к реке Лапста (211, XIII).
7. Лавалуазские нуклеусы, мустьерские чопперы, остроконечники, скребла, верхнепалеолитические нуклеусы, скребки в пункте Хейвани-3 в 0,5 км к северо-западу от № 6 в верховьях ручья, протекающего через с. Хейвани и впадающего в море у устья р. Лапста (211, XIII).

** Все памятники к северо-западу от р. Анакомста, входящие в данную работу, описаны совместно с Н.И. Гумилевским и по материалам последнего.*

*** Исконно абхазское географическое название - Гечрипи.*

**** Исконно абхазское географическое название - Амзара.*

21

8. Позднеашельские пластины, одноплощадочные нуклеусы, лавалуазские двухплощадочные нуклеусы, мустьерские пластины, отщепы, остроконечники, скребла, верхнепалеолитические нуклеусы, пластинки и орудия на них в пункте Хейвани-4 в 250 м к северо-западу от № 7 у западного отвертка того же ручья на четвертой террасе (211, XIII).
9. Ашельские отщепы, мустьерские пластины, отщепы, остроконечники, скребки, верхнепалеолитические двухплощадочные призматические нуклеусы, пластинки и

орудия на них в пункте Хейвани-5 в 1,5 км к северо-западу от № 8 в верховьях ручья, впадающего в море к востоку от устья р. Псоу (211, XIII).

10. Ашельские отщепы, рубило, нуклеусы, лавалуазские нуклеусы, мустьерские дисковидные нуклеусы, бифасы (ручные рубильца), пластины, отщепы, остроконечники, верхнепалеолитические скребла, призматические нуклеусы, скребки, мезолитические пластины в пункте Бароновка-1*, по гряде на правом берегу р. Лапста в 0,5 км к северу от № 5 (211, XIII).

11. Мустьерские пластины, отщепы, остроконечники, верхнепалеолитические скребла, пластинки и орудия на них, мезолитические пластины, в пункте Бароновка2 в 0,5 км к северу от № 10 по гряде на правом берегу р. Лапста (211, XIII).

12. Мустьерские дисковидные и одноплощадочные нуклеусы в пункте Сулево-1** в верховьях р. Лапста на левом ее берегу (211, XIII).

13. Мустьерские дисковидные нуклеусы, бифасы, остроконечники, верхнепалеолитические скребла, скребки в пункте Сулево2 в 200 м к юго-востоку от № 12 (211, XIII).

14. Отдельные верхнепалеолитические отщепы в пос. Михельрипш (211, XIII).

15. Несколько верхнепалеолитических орудий у школы в верховьях р. Мехадыр (211, XIII).

16. Несколько микролитов - пластин мезолитического облика на северной окраине с. Гантиади (Пиленково)*** (211, XIII).

17. Мустьерские остроконечники, верхнепалеолитические скребла в пункте Ачмарда1 на правом берегу р. Хашупсе у ее изгиба на север (211, XIII).

18. Большое число верхнепалеолитических скребел, скребков, отщепов и других орудий из кремня в пунктах Ачмарда2, Ачмарда3 и Ачмарда4 по правому берегу р. Хашупсе (211, XIII).

19. Большое число верхнепалеолитических отщепов и других орудий у пос. Моноклук в 1,5 км к северо-востоку от изгиба р. Хашупсе на север на обширной поляне (211, XIII).

* Исконно абхазское географическое название - Ластараарха.

** Исконно абхазское географическое название - Пшоуха.

*** Исконно абхазское географическое название - Цандрипш.

22

20. Несколько верхнепалеолитических орудий в районе Н. Гагра на левом берегу р. Цихерва (53, с. 70).

21. Ашельские отщепы, дисковидные нуклеусы, кремни со следами вторичной обработки, верхнепалеолитические скребки, пластинки, призматические нуклеусы, отщепы, иногда с ретушью у пос. Колхида (табл. XIII, 10) в трех пунктах на высоте 180 м над уровнем моря (53, с. 88-89, МАЭ).

22. Несколько мустьерских орудий у пос. Бзыбь на правом берегу реки на 20 метровой террасе (217).

23. Два отщепа мустьерского облика в Бзыбском навесе на правом берегу р. Бзыбь в 14 км к северу от Голубого озера (табл. XII, 8), (53, с. 92, МАЭ).

24. Ряд мустьерских орудий в с. Калдахуара у пересечения шоссейной дорогой Бзыбского ущелья (53, с. 70).

25. Верхнепалеолитические отщепы и кости пещерного медведя в Калдахуарском (Жграхапы) гроте (табл. XIII, 9), (218, АГМ, 1940).
26. Значительное число верхнепалеолитических отщепов на поляне в 300 м к северо-западу от ж. д. станции Калдахуара.
27. Мустьерские массивные отщепы, дисковидные нуклеусы, скребла, верхнепалеолитические ножевидные пластины, пластиночки со стесанным краем, концевые скребки, призматические нуклеусы, резцы, микролиты, скребла в пос. Бармыш (табл. XIII, 14, 18), (53, с. 93, МАЭ).
28. Несколько мустьерских и верхнепалеолитических отщепов на левом берегу р. Мчишта у с. Отхара (табл. XIII, 17), (МАЭ).
29. Мустьерские отщепы, нуклеидные кремни, скребла, верхнепалеолитические концевые скребки, многофасеточные резцы, пластины, отщепы, поперечные сколы, призматические и дисковидные нуклеусы в центре с. Отхара (табл. XIII, 19, 21), (53, с. 93, МАЭ, 5363).
30. Несколько мустьерских остроконечников на левом берегу р. Хипста между шоссе и железной дорогой (218).
31. Мустьерский остроконечник к западу от ручья Кистрик на уступе третьей террасы (113, с. 285).
32. Раннемустьерский нуклеус на территории селища Кистрик (218).
33. Ашельские отщепы, нуклеусы (53, с. 94), мустьерские остроконечники (218), отщепы, нуклеусы (53, с. 94) в 3 км к северу от г. Гудаута.
34. Позднеашельские и раннемустьерские орудия в центре с. Лыхны (53, с. 94).
35. Несколько мустьерских орудий на второй террасе левого берега р. Хипста у с. Дурипш (218).

* *Исконно абхазское географическое название - Псахара.*

23

36. Несколько верхнепалеолитических отщепов к югу от с. Ачандара рядом с железистым источником на правом берегу р. Гудлоу, недалеко от впадения ее в р. Аапста (220).
37. Массивные ашельские отщепы и пластины у поворота над обрывом на 4 км дороги, ведущей из с. Ачандара в с. Хабью.
38. Мустьерские отщепы, верхнепалеолитические отщепы, нуклеусы, многофасеточные резцы, скребки, геометризованные орудия, пластинки в с. Анхуа Абхазская у подошвы скалы, где находится грот Агца, на площадке в местности Абаарук (150, с. 184).
39. Элементы верхнепалеолитической графики в древнейшем слое наскальных рисунков в гроте Агца, включающие многочисленные штрихи, нанесенные кремневым острием, идущие веерообразно снизу вверх, поверх которых нанесено две группы (по 5 и по 15) параллельных вертикальных линий (150, с. 164-165, 171).
40. Обширная нижнепалеолитическая стоянка Импруд к югу от грота Агца на Анухвинском плато (150, с. 164).
41. Позднеашельский отщеп, мустьерские отщепы на перевале Лашипсе (табл. XII, 4).
42. Кости пещерного медведя в пещере Абхазских спелеологов на западном склоне Афонской горы (местность Акую).
43. Отщепы верхнепалеолитического облика в нижнем слое грота у «Орлиного гнезда» на Афонской горе (218, АГМ).

44. Ашельские отщепы, двусторонне обработанные орудия, нуклеусы, пластины в пос. КюрДере (В. Эшера), на левом берегу р. Шицкуара у выхода ее из ущелья на 180-метровой террасе (53, с. 89-91, МАЭ, 5362).
45. Мустьерские пластины, нуклеусы, отщепы в с. Эшера на правом берегу р. Гумиста на 30-метровой террасе (217).
46. Позднеашельские отщепы, нуклеусы, скребла, двухсторонне обработанные кремни на четвертой (80-140 м) террасе р. Гумиста, мустьерские отщепы, пластины, остроконечники, скребла на третьей террасе (30-40 м), верхнепалеолитические пластины, призматические и дисковидные нуклеусы, нуклевидные скребки, скобели, резцы, стамески на четвертой террасе к северу от пос. Лечкоп на гряде между р. Гнилушка и долиной р. Гумиста (53, с. 84-88, МАЭ, 5360).
47. Несколько ангельских орудий на верхней площадке Сухумской горы (53, с.76).
48. Несколько мустьерских отщепов и нуклеусов на вершине холма Гуадиху (табл. XII, 10, XIII, 7).
49. Ашельские рубила, дисковидные и кубовидные нуклеусы, остроконечники, массивные отщепы, пластины, мустьерские остроконечники, отщепы,
24
нуклеусы, верхнепалеолитические нуклеусы, отщепы, остроконечники на территории сел Нижний и Верхний Яштух в 2-5 км к северу от Сухума на второй - четвертой террасах (табл. XII, 6, 11, 12; XIII, 2), (53, с. 76-82; 20, с. 169-180).
50. Мезолитическая стоянка в небольшой пещере на западном склоне г. Яштух. Инвентарь: микропластинки с притупленными краями, проколки, обломки кремня (190, с. 137-145).
51. Ашельские орудия на вершине (500 м) г. Бырц в 3 км к северу от Сухума (53, с. 91).
52. Мустьерские нуклеусы, отщепы в долине между г. Яштух и г. Ахбюк к западу от шоссе (53, с. 94-95);
53. Нижнепалеолитические отщепы на вершине г. Ахбюк (20, с. 179).
54. Верхнепалеолитическая или мезолитическая пластинка в слое В в Михайловской (Шромской) пещере (158, с. 83).
55. Верхнепалеолитический кремневый отщеп в слое 3 Каманского грота на восточном обрыве г. Каман (158, с. 87).
56. Несколько палеолитических орудий в районе пос. Каман на левом берегу р. Гумиста (20, с. 170).
57. Позднемустьерский нуклеус на западной окраине с. Андреевского (218).
58. Мустьерские отщепы, нуклевидный обломок на северной вершине горы Отсюш (АГМ).
59. Многочисленные кости пещерного медведя в пещере Медвежьей на северном склоне г. Дзышра (хутор Серебряный) в с. Псху (223).
60. Несколько палеолитических орудий у пансионата «Синоп» на восточной окраине Сухума (20, с. 170).
61. Мустьерские остроконечники, скребла, дисковидные орудья, отщепы, нуклеусы, на правом берегу р. Келасур, недалеко от устья на третьей (35 м) террасе и частично в делювии четвертой (53, с. 95, МАЭ, 5361, 5510).
62. Мустьерский остроконечник на г. Аныхапаара (табл. XIII, 1), (218, АГМ).

63. Шелльскоашельские отщепы. Скребла, рубила на южном склоне г. Гвард (230 м) в 6 км к северо-востоку от Сухума (53, с. 91, МАЭ, 5367).

64. Ашельские орудия, мустьерские отщепы на правом берегу р. Кодор, на третьей и четвертой террасе р. Кодор у с. Анастасьевка (53, с. 71; 157, с. 35, МАЭ, 5511).

65. Келасурский грот на левом берегу р. Келасур в 200 м от пересечения реки тропой из с. Полтавского в с. Бурджа. Имеются условия для стоянки.

* *Исконно абхазское географическое название - Гума.*

** *Исконно абхазское географическое название - Апра.*

25

66. Мустьерские и верхнепалеолитические орудия на вершине г. Чижоуш (табл. XIII, 20), (208).

67. Мустьерские отщепы на вершине (500 м) г. Ягиш (53, с. 95-96).

Верхнепалеолитические отщепы и мезолитические пластинки на западной вершине горы (табл. XII, 7; XIII, 11, 12, 15, 16; XIV, 1, 8, 25).

68. Грот в 300 м к западу от пункта № 62 Келасурской стены в долине у южной подошвы г. Апианча, где берет начало множество ручейков. Высота входа 8 м, глубина до 20 м, ширина входа 1213 м, толщина наслоений до 3 м.

69. Шелльскоашельские отщепы на северном склоне и в седловине (800 м) горы Апианча (53, с. 91).

70. Ангельский отщеп, мустьерские отщепы, верхнепалеолитические скребки, ретушированные пластинки, обломок обсидиана (219); на вершине и по склонам холма, где находится позднеантичная крепость Шапка (табл. XII, 5; XIII, 5; XIV, 3, 6).

71. Значительное число кремневых орудий верхнепалеолитического облика на площадке перед Пацхирской крепостью на глубине 3040 см (табл. XIV, 7).

72. Верхнепалеолитические пластины в нескольких местах на территории Шапкинского (Цебельдинского) могильника, а также во многих погребениях мужчин (табл. XIV, 2).

73. Ашельское рубило, мустьерские орудия и отщепы на перемычке у начала второй, южной части древнего русла р. Праамткел в урочище КепБогаз (217).

74. Грот КепБогаз. Шурф 2х2 м прорезал 7 м отложений, не достигнув дна. Слои Е - нуклеидные орудия, дисковидный нуклеус, многофасеточные резцы, мустьерские отщепы; слои Г, Д - резцы, микролитические орудия, кости пещерного медведя; Слои В - мезолитические орудия из галек и кремня; Слои Б - геометрические вкладыши и кости рыб (148, с. 61-65; 32; 187).

75. Несколько нижнепалеолитических орудий к востоку от грота КепБогаз (157, с. 35).

76. Позднемустьерский отщеп у крепости Цибилиум (Цабал) (табл. XIII, 13), (218, АГМ).

77. Серия верхнепалеолитических отщепов на первой террасе р. Барьял в 0,5 км к востоку от Шапкинского (Цебельдинского) могильника.

78. Мустьерские отщепы у пещеры Магара у с. Нижняя Лемса в 0,5 км к северу от окраины № 77 (53, с. 96).

79. Мустьерские отщепы, скребла, диски у пос. Верхняя Лемса на высоте 300 м над уровнем моря (53, с. 96).

80. Ашельские и мустьерские орудия на южном склоне г. Прцха (Митилёвка), к востоку от местности «Котловина» (табл. XII, 1-3, 9; XIII, 3).

26

81. Пещера Куачара на высоте 700 м над уровнем моря и на 100 м выше уровня дна мертвой долины Праамткела на восточном ее склоне в 4 км к северу от с. Цебельда. Высота пещеры у входа 1,8 м, ширина 3,7 м, длина около 200 м, в глубине есть вода. Культурный слой более 1 м. Верхний слой желтоватобурого суглинка толщиной 0,30,4 м содержал обломки известняка и щебня, в нижнем его горизонте - верхнепалеолитические орудия. Следующий слой толщиной до 1 м содержал мезолитические пластинки с заостренными концами с боковой выемкой, ножевидные, с притупленными краями, со скошенными концами, микропластинки с краевой ретушью, узкое шилообразное орудие с тщательно обработанными зубцами, проколки, резцы, скребки, обломок шлифованного орудия из песчаника, обломок костяного орудия. Кости тура, муфлона, пещерного медведя. Следы примитивного очага (20, с. 166-168; 32). При последующих исследованиях кремневая стрелка с выемкой у основания, костяные землекопалки и шильца, нижняя челюсть человека. На самом полу отщепы мустьерского облика (191).

82. Кости пещерного медведя в пещере Белоснежка на западном берегу р. Келасур (223).

83. Несколько пещер в ущелье правого притока р. Келасур к северу от пещеры Белоснежка. В одной из них недалеко от входа в нише дробленные кости пещерного медведя (223).

84. Мустьерский отщеп в полутора км от р. Келасур по пути в урочище Чацкая (табл. XIII, 8).

85. Мустьерские отщепы на площадке в районе дольменов над озером Амткел (табл. XIII, 4), (218).

86. Мустьерский отщеп на плотине озера Амткел (217).

87. Мустьерские отщепы, верхнепалеолитические отщепы, пластины в восточной части урочища Апушта в верховьях ручья, а также в позднеантичных погребениях мужчин (табл. XIII, 6; XIV, 5).

88. Несколько верхнепалеолитических орудий в с. Амткел (Захаровка), (157, с. 35). Там же на поверхности морены мустьерские отщепы (217).

89. Грот Джампал1 (Амткельский) на левом берегу р. Джампал в 200 м ниже впадения р. Схча в р. Джампал. Высота входа 15 м, ширина 19 м, глубина 18 м. Стоянка эпохи начала верхнего палеолита, в нижнем слое позднемустьерские орудия (20, с. 169).

90. Небольшая мезолитическая стоянка временного характера Джампал2 под навесом 50 м к востоку от грота Джампал1 (204).

91. Грот Хупына (Холодный) на правом берегу р. Кодор у впадения в него р. Джампал. Слой Г. Верхнепалеолитический инвентарь: нуклеусы, пластинки, скребки, резцы, острия, микролиты, сегменты, обсидиановые ору-

27
дия, костяные проколки, кости тура, серн, пещерного медведя, лося. Слой В - (время IV фазы Клычского оледенения). Мезолитический инвентарь: выпрямитель для стрел из плоскообточенного и отшлифованного предплечья пещерного медведя с заполированным от употребления отверстием и с примитивным линейным узором, много костей крупного лосося. Слой Б2 на площадке перед гротом. Мезолитические костяные плоские зубчатые гарпуны, часто с геометрическим орнаментом, кремневые пластинки, шилья, округлые скребочки, макролиты, многочисленные кости рыб (табл. XIV, Ю, 12, 14, 17, 20-22, 26), (154, с. 191-195; 32).

92. Верхнепалеолитические отщепы в пос. Планта на г. Пал за скалистой грядой у начала Багадских скал (157, с. 35).
93. Отдельные верхнепалеолитические орудия в гротах Багадской скалы (157, с. 35).
94. Грот в восточном обрыве хребта, идущего от вершины г. Пал к альпийским лугам, на высоте 1600 м над уровнем моря. Культурный слой с мезолитическими орудиями (203).
95. Мустьерские орудия в пос. Боговешта (52, с. 10).
96. Мустьерские отщепы в с. В. Наа на правом берегу р. Кодор (52, с. 10).
97. Скопления кремневых верхнепалеолитических отщепов к юго-западу от центра с. Атара-Армянская на берегу р. Кодор в двух пунктах по берегам ручья (табл. XIV, 4, 9), (209).
98. Обсидиановая пластина в 500 м от берега р. Кодор к западу от с. Атара-Армянская (209).
99. Отдельные левалуазские и мустьерские орудия у пос. Наа Армянская на левом берегу р. Кодор, особенно в районе Наасского грота (157, с. 35).
100. Мустьерские и верхнепалеолитические отщепы в районе с. Моква (52, с. 10; 53, с. 71).
101. Ангельское рубило, отщепы, мустьерские и верхнепалеолитические орудия в пос. Отап (52, с. 13; 53, с. 71; МАЭ, 5490).
102. Скребокобразное орудие мустьерского облика в с. Тхина (218).
103. Значительное число костей пещерного медведя в Джальских пещерах (208).
104. Мустьерские остроконечники и нуклеусы на стоянке Абгихдара у слияния рек Адзыкуара и Геджира к северу от с. Куазан (218).
105. Мустьерские остроконечники, скребла, диски, треугольные тонкие пластины, дисковидные нуклеусы в 1 км к северо-западу от г. Очамчира на краю третьей (35 м) террасы (53, с. 96; МАЭ, 5366, 5490).
106. Мустьерские отщепы в с. Илор (53, с. 71).
107. Позднемустьерские и верхнепалеолитические отщепы на восточном берегу озера Бебесыр (218).
- 28
108. Позднеашельское рубило, мустьерские подтреугольные и четырехугольные отщепы, скребла, дисковидные нуклеусы на левом берегу р. Окум близ с. Ачгуара на 40-метровой террасе (53, с. 96; МАЭ, 5494).
109. Палеолитическая стоянка у северного подножья холма, на котором расположен Ведийский собор (218).
110. Верхнепалеолитические скребки, проколы, отщепы, нуклеусы в с. Окум в верховьях правого притока р. Окум (214).
111. Временная верхнепалеолитическая стоянка в гроте в верховьях р. Окум (204).
112. Отдельные мустьерские орудия в с. Ачгуара (табл. XII, 13), (52, с. 10).
113. Ангельское рубило, мустьерские дисковидные нуклеусы, отщепы, пластины, остроконечники, скребла, орудия с двухсторонней обивкой, верхнепалеолитические ножевидные пластинки, призматические нуклеусы, скобели, скребки, резцы срединные, угловые и нуклевидные, ретушированные пластинки, проколки, стамески, острия в районе г. Гал к востоку от р. ЭрисЦхар в 12 пунктах (53, с. 96 -98; МАЭ, 5365, 5512).
114. Верхнепалеолитическая стоянка вс. Чхуартал у подножья скалы, на которой находится крепость - один из узлов Келасурской стены (218).
115. Отдельные мустьерские орудия в с. Шир (53, с. 71).

116. Ашельское рубило, отщепы и другие орудия в с. Чубурхиндж на пятой террасе (53, с. 92).

117. Мустьерская стоянка в 34 км по направлению к р. ЭрисЦхар на одном из ее левых притоков у дороги (218).

29

Глава II. Неолит и медно-бронзовый век

1. Энеолитические орудия из морской гальки, грузила, подшлифованные сланцевые тяпкообразные мотыжки, шары для пращи в пункте Леселидзе-1 к северу от с. Леселидзе на левом берегу ручья, впадающего к востоку от р. Псоу в море (211, VIII).

2. Энеолитические орудия из гальки, грузила, сланцевые подшлифованные тяпкообразные мотыжки, шары для пращи, наконечник стрелы (табл. XV, 19) в пункте Леселидзе-2 в 0,5 км к юго-востоку от № 1 (211, VIII).

3. Энеолитические подшлифованные тесла и топоры из сланца в пункте Леселидзе3 в 0,5 км к северу от № 2 (211, XIII).

4. Энеолитические орудия из галек, зернотерки в пункте Хейвани-1 на правом берегу р. Лапста у выхода ее на приморскую низменность (211, XIII).

5. Неолитические нуклеусы, скребки, микролиты, энеолитический кремневый наконечник стрелы, каменные подшлифованные орудия (табл. XVI, 7, 12) в пункте Хейвани-2 в 200 м к северо-западу от № 4 (211, XIII).

6. Энеолитические кремневые и сланцевые тяпкообразные мотыги (табл. XVI, 5, 6, 9, 10), каменные дисковидные мотыги (табл. XVII, 1), грузила из гальки в пункте Хейвани3 в 0,7 км к северо-западу от № 4 в верховьях ручья, протекающего через с. Хейвани и впадающего в море у устья р. Лапста.

7. Неолитические кремневые нуклеусы, микролиты, энеолитический кремневый наконечник стрелы (табл. XV, 9), тяпкообразные сланцевые мотыжки (табл. XVI, 8), грузила из гальки (табл. XVIII, 5) и другие каменные орудия в пункте Хейвани4 в 250 м к северо-западу от пункта Хейвани3 у западного истока того же ручья (211, XIII).

8. Неолитические нуклеусы, энеолитические тяпкообразные сланцевые мотыжки (табл. XVI, 11), грузила из гальки (табл. XVIII, 4) и другие каменные орудия в пункте Хейвани5 в 1,5 км к северо-западу от пункта Хейвани4 в верховьях ручья, впадающего в море к востоку от устья р. Псоу у с. Леселидзе (211, XIII).

30

9. Черепки энеолитической посуды, грузила из гальки в остатках четвертого древнего берегового вала к югу от ж/д остановки Леселидзе (211, XIII).

10. Неолитические кремневые вкладыши, нуклеусы, скребки, энеолитические наконечники стрел (табл. XV, 7), подшлифованные сланцевые мотыжки (табл. XVI, 13, 15), тесла (табл. XVI, 20, 21), топоры, грузила из гальки, зернотерки, фрагменты керамики (табл. XVIII, 18, 20) в пункте Бароновка 1 по гряде на правом берегу р. Лапста в 0,5 км к северу от пункта Хейвани1 (211, XIII).

И. Энеолитические подшлифованные сланцевые тесла, тяпкообразные мотыжки из кремня в пункте Бароновка2 в 0,5 км к северу от пункта Бароновка1 по гряде на правом берегу р. Лапста (211, XIII).

12. Энеолитические сланцевые шлифованные тесла, тяпкообразные мотыги из сланцевой гальки и кремня, грузила из гальки, зернотерки в пункте Бароновка3 на левом берегу р. Лапста, напротив стоянок Бароновка12 (211, XIII).

13. Вторичные погребения эпохи ранней бронзы в нижнем горизонте могильника Лапста по гряде в 0,3 км к северу от пункта Бароновка3. Обнаружены части черепа в глиняном сосуде. Здесь же на поверхности отдельные энеолитические тяпкообразные мотыжки (211, XIII).

14. Неолитические скребки, микролиты, вкладыши для серпов, энеолитические наконечники стрел (табл. XV, 4, 6) в пункте Сулево1 на левом берегу р. Лапста в ее верховьях (211, XIII).

15. Неолитические кремневые нуклеусы, вкладыши для серпов в пункте Сулево2 в 200 м к юго-востоку от пункта Сулево3 (211, XIII).

16. Неолитические кремневые вкладыши для серпов в пункте Сулево3 в 0,1 км к северу от пункта Сулево2 (211, XIII).

17. Отдельные энеолитические кремневые орудия в пункте Сулево4 в 0,2 км к востоку от пункта Сулево3 (211, XIII).

18. Архаическая керамика и кремневые изделия со следами обработки в Белой пещере на левом берегу р. Пхиста к северо-западу от пос. Сулево (211).

19. Клад бронзовых топоров «пиленковского» типа с круглой проушиной и выступающим с верхней стороны упором для рукояти при строительстве ж/д в с. Гантиади (Пиленково) (табл. XXXIV, 15). Находка 1917 г. (64, с. 81, СМ).

20. Энеолитическая стрелка с черешком с двумя выемками у основания (табл. XV, 10) и другие кремневые поделки (табл. XIV, 41, 42) в пункте Ачмарда 1 на правом берегу р. Хашупсе у ее изгиба на север (211, XIII).

21. Группа из 4х полуразрушенных дольменов в с. Ачмарда на правом берегу р. Хашупсе у ее изгиба на север (211).

22. Каменное пряслице энеолитического облика в устье р. Анакомста. Находка 1945 г. (АГМ).

31

23. Погребения начала эпохи бронзы в небольшой естественной пещере размером 4х2 м со входом, заваленным плитой, на юг, в г. Ст. Гагра против середины Приморского парка у шоссе. В 4х глиняных сосудах находились отдельные человеческие кости, каждый сосуд был покрыт человеческим черепом. Один из черепов искусственно деформирован (табл. XIX, 1, 2). Находка 1933 г. (158, с. 80-81, АГМ, 346-347).

24. Клад бронзовых топоров, найденный при строительстве санатория в г. Ст. Гагра, включал до 10 топоров «пиленковского» типа с круглой проушиной, выступающим с верхней стороны упором для рукояти, округлым лезвием. Находка 1935 г. (64, с. 81; 85, с. 11; 92, с. 17-18).

25. Из этого (№ 24) или из другого гагринского клада топор «пиленковского» типа в коллекции А. Л. Лукина, (АГМ, КЛ123). Длина 17 см, ширина лезвия 7,7 см, диаметр отверстия 3,1 см, высота выступа 2 см (64, с. 81).

26. Фрагменты орнаментированного кувшинчика первой половины эпохи средней бронзы на правом берегу р. Цихерва (табл. XXII, 13) при строительстве здания у поворота Альпийского шоссе к реке (212).

27. Бронзовый топор с симметричным лезвием и клиновидным обухом в г. Н. Гагра; на боковых полях проуха одно слабо выраженное ребро, длина топора 17,1 см, ширина лезвия 6,3 см (табл. XXIV, 29). Находка 1945 г. (213, ГШ № 2).
28. Могильник конца III тыс. до н. э. при строительстве пионерлагеря Ингур ГЭС в 100 м от берега моря на правом берегу речки на восточной окраине г. Н. Гагра. Доследовано 14 погребений - 11 вторичных, 1 первичное, 2 неопределенных. 5 вторичных погребений - небольшие скопления костей, на которых лежали черепа. Между некоторыми костями прослежена анатомическая последовательность. 6 погребений в глиняных сосудах, поставленных вверх дном; в сосуде череп либо его обломки, снаружи остальные сохранившиеся кости. Первичное захоронение - труположение головой на юго-запад на спине, ноги вместе, правая рука вдоль тела, левая согнута внутрь. Погребение № 8 (в сосуде) и № 9 (в грунте) в одной могильной яме. Глиняные урны - невысокие горшкообразные слабообожженные сосуды с широкой горловиной и узким слегка расширенным в основании днищем. Поверхность сосудов бороздчато сглажена. У одного сосуда у горловины снаружи наклеплены горизонтальные группы шишковидных выпуклин (табл. XIX, 3). в двух погребениях (№ 2 и № 9) шесть бронзовых спиральных подвесок в 1,5 оборота. В обоих случаях подвески лежали с двух сторон черепа, две взаимно сцепленные с одной стороны, и одна - с другой стороны. В погребении № 9 бронзовая крупная булавка, а в погребении № 3 кремневая проколка (25, с. 23-24).
29. Бронзовый пластинчатый кинжал позднедолменного периода листовидной формы с черешком в г. Н. Гагра на пляже к югу от № 28. Длина кинжа - 32 см, длина черешка - 9,5 см, ширина клинка до 4,2 см. В расширенной части кинжала по два углубления в лезвии с каждой стороны (табл. XXXVIII, 44). Вместе с кинжалом был небольшой бронзовый клинок длиной 5,8 см со слегка выращенным черешком. Находка 1953 г. (213, ГШ № 2).
30. Небольшое прясло из зеленоватого кристаллической структуры камня на пляже к югу от № 28 (табл. XVIII, 28).
31. Бронзовый топор «пиленковского» типа из клада в с. Колхида (район с/с), длина 17,1 см, ширина лезвия 8,2 см, диаметр отверстия 3 см (табл. XXXIV, 13). Находка 1951 г. (213, ГШ № 2).
32. Небольшой курган АдоуИжирта («место погребения Адоу») на правом берегу р. Бзыбь напротив башни Хасантаабаа разрушен при проведении шоссейной дороги на оз. Рица (3, с. 40).
33. Вторичные погребения раннебронзовой эпохи без черепов за Голубым озером на 13 км Бзыбского шоссе в одном из самых дальних навесов Лавинной балки. Разрозненные кости иногда прикрывались камнями (158, с. 81).
34. Бронзовый топор с четырехгранным молотковидным обухом, с четырьмя гранями на боковых стенках проушины совместно с остатками человеческого скелета в пещере в ущелье р. Бзыбь в пихтовой полосе. Длина топора 20,5 см, ширина лезвия 8,5 см (112, с. 52).
35. Клад бронзовых топоров восточнее Сосновой роши в с. Лдзаа. Один топор «пиленковского» типа, второй с клиновидным обухом и возвратной нижней гранью, два топора «кубанского» типа с узким лезвием (табл. XXXV, 14), гвоздеобразным обухом и круглой проушиной. Пятый топор с коротким широким корпусом, с круглой двускатной

снаружи проушиной и с широкой рабочей частью. Два топора утеряны. находка 1935 г. (64, с. 81; 85, с. 12).

36. Вторичное погребение эпохи ранней бронзы в Калдахварском гроте, на левом берегу р. Бзыбь к северу от с. Калдахуара. На глубине 1,5 м в слое темной гумусированной щебенки обломки лощеного сосуда из серой глины с мелкой кальцитово-примесью, вместе с которыми остатки человеческого черепа и костей. находка 1940 г. (158, с. 81).

37. Поселение эпохи поздней бронзы в местности Аагста в 1 км от моря и в 1,5 км к западу от р. Мчишта на высоте около 50 м над уровнем моря на южной оконечности гребня, идущего от с. Мугудзырхуа. Культурный слой с довольно значительным количеством обломков керамики. Толщина слоя около 0,5 м (58, с. 57).

38. Погребение эпохи поздней бронзы ниже поселения № 37. Остатки костяка подростка, обложенные булыжником. При них три бронзовых топора, с клиновидным обухом, длина их от 16 до 19 см, ширина лезвия от 5,4 до 6,7 см. Узор малого топора состоит из беспорядочно разбросанных нео-

33

динакового размера поперечно заштрихованных и крестообразно пересекающихся полос. На лезвии среднего топора имеется зубчатый узор, задние части его боковых полей заполнены продольными тупыми ребрами по 6 с каждой стороны. Там же пряжка бронзовая поясная, с головкой животного, несколько фрагментов бронзовой листовой облицовки круглого предмета, сердоликовые бусы, обломки пяти небольших красноглиняных, сероглиняных и черноглиняных сосудов, несколько бронзовых биконических полых бусин, 6 литых конических блях с фигурками овец, собак, быка и птицы. Диаметр основания бляшек 5,86 см, высота с фигуркой 67,5 см. Там же полые литые ножные кольца - внутренний диаметр 5,75,9 см, несколько кремневых отщепов и кусочки желтой охры. находка 1929 г. (112, с. 29-41).

39. Дольмен в низовьях р. Мчишта недалеко от моря (58, с. 14; 96, № 1112).

40. Два бронзовых топора с клиновидным обухом из погребения в с. Зван дрипш. Боковое поле первого топора имеет схематический рисунок птицы, отделенный от лезвия двумя сетчатыми поясками, соединенными зигзагообразной линией. Шейку топора охватывает узор из двух таких же сетчатых поясков, соединенных широким запунктирным зигзагом. От пояска к обуху тянется 5 расходящихся в соответствии с расширением профиля обуха желобков, разделенных четырьмя ребрами (табл. XXXV, 3). Другой топор с обломанным клиновидным обухом имеет на шейке ленту из косых насечек, охватывающую ее спиралью в 8 витков. Боковое поле лезвия имеет изображение солнца с восемью заштрихованными острыми лучами, ртом и закрытыми глазами. Солнце отделено от лезвия двумя параллельными ему сетчатыми поясками, между которыми р из 8 кружочков, заполненных пунктиром. Внешний пояс соединен с краем лезвия восемью треугольниками вершинами к лезвию, заполненными параллельными к основанию треугольниками четырьмя пунктирными рядами (табл. XXXV, 2). находка 1939 г. (72, с. 71, АГМ, КЛ84, 104).

41. Бронзовый орнаментированный топор с клиновидным обухом и симметричным лезвием из погребения IX-VIII вв. до н. э. в местности Абаааху в с. Звандрипш, на участке 3. Гицба. Орнамент - на боковых полях лезвия изображение фантастического животного («гвера»), на шейке заштрихованные пояски и треугольники. Длина топора 16,4 см, ширина лезвия 5,8 см (219, АбНИИ).

42. Бронзовые топорик и кинжал в с. Звандрипш. Топорик с клиновидным обухом и орнаментом на верхних полях у проуха в виде сетчато-заштрихованных ромбиков. Длина 14,8 см, ширина лезвия 4,6 см. Пластинчатый кинжал с отломанным черешком длиной 18,2 см, шириной лезвия 1,6 см - 2,8 см (АГМ, КЛ-122).

34

43. Неолитический кремневый вкладыш с обработанными приостряющей ретушью краями на левом берегу р. Мчишта к западу от с. Отхара (табл. XIV, 31), (87, с. 179, МАЭ, 5363241).

44. Дольменная группа в 100 м к югу от Отхарского с/с (42, с. 25-26; 96, №№ 1113-1114). Нами осмотрена в 1966 г. Под липой обломок плиты; длина 2,45 м, ширина сохранившейся части 0,8 м, паз вдоль - длина 1,55 м, ширина 0,11 м, глубина 67 см, толщина плиты 0,45 м. Этот обломок, как и два других, перенесены к сельсовету с площадки в 100 м ниже, где прослеживаются следы пяти дольменов. Дольмен № 1 находился целиком в насыпи. Судя по сохранившейся фотографии, верхняя крышка слегка выдавалась из земли восточным краем. В 1962 г. после удаления бульдозером крышки грабители углубились на 1,3 м. Местные жители указывают разные предметы, среди них медный браслет, кости, уголь и камень с изображением на одной стороне человеческого лица - глаза выпуклые, нос и рот слабо выражены. Под подбородком какие-то завитки. Яма была засыпана, а плиты сброшены в ручей. Дольмен №2 к северо-востоку от № 1 - нижняя плита ориентирована с востока на запад. Размеры ее - 2,6x2 м. Толщина - 0,25 м, паз - 30 см ширины. Здесь же свалено несколько обломков плит. Дольмен № 3 к востоку от дольмена № 1. Несколько плит со следами пазов и тески беспорядочно разбросаны кругом. Дольмен №4 в 5 м к востоку от дольмена № 3 - обломки плит толщиной 0,40,5 м. Дольмен № 5 в 8 м к юго-востоку от № 2, толщина плит 0,3 м, пазы слабо выражены. Выходы известняка в 1015 м к северу. Рядом родник. У одного из дольменов этой группы найден медный вислообушный топор (112, с. 25-26).

45. Из погребения IX-VIII вв. до н. э., разрушенного в с. Отхара, топор с клиновидным обухом и симметричным лезвием, длина 16 см, ширина лезвия 5,5 см. На каждом боковом поле лезвия - косой крест из 5 ромбиков. Параллельно краю лезвия дорожка шириной 4 мм. Шейку топора охватывают параллельные пояски, пространство между которыми заполнено рядами мелких глазков. На нижних полях за дорожкой врезанные треугольники. Вместе с топором ножное бронзовое кольцо, бронзовый массивный литой браслет, «шейная гривна» (112, с. 53-54).

46. Слиток меди весом 69 г на северной окраине с. Отхара. Находка 1930 г. (112, с. 81-82).

47. Обломок бронзового кольца из с. Отхара, диаметр сечения 0,9 см (АГМ, КЛ-66).

48. Из погребения IXVIII вв. до н. э., разрушенного неподалеку от Отхарской дольменной группы, бронзовый наконечник копья и два топора с клиновидным обухом, остроовальным отверстием и слегка асимметричным лезвием. Наконечник (табл. XXXVII, 16) - длина пера со срединным ребром

35

до 6 см, ширина до 2,6 см, значительная часть расщепленной тульи с дырочками для крепления древка сохранилась. Первый топор (табл. XXXV, 5) орнаментирован на боковых полях лезвия изображением собаковидного существа («гвер»), шейка топора оформлена заполненным пунктиром зиг-загом между двумя заштрихованными накрест поясками. Боковые поля обушной части внизу покрыты рядами елочного орнамента, а в

верхней части несут изображение рыбы по одной на поле. Верхние поля обуха орнаментированы треугольниками, заполненными рядами пунктира. Длина топора 16 см, ширина лезвия 5,5 см. Боковые поля и все шесть граней шейки другого топора (табл. XXXV, 6) покрыты орнаментом, состоящим из заштрихованных поясков, пространство между которыми заполнено запунктиренными кружочками. На верхних полях у отверстия нанесены контуры стилизованных птиц, также запунктиренных. Обух отломан. Находка 1967 г. (222).

49. Желобчатый бронзовый широкий браслет в пос. Жабна (112, с. 57).

50. Обломок бронзового браслета в пос. Жабна из широкой, вогнутой пластины, толщиной 0,3 см. Разрез браслета трапециевидной формы, верхнее основание 1,3 см, нижнее 3,9 см. Заполнитель выпал (табл. XLII, 16), (АГМ, КЛ-96).

51. Бронзовый кинжал с отдельной литой рукоятью в 1,5 км к востоку от р. Хипста и столько же от моря. Длина 28 см (114, с. 131).

52. Два энеолитических наконечника дротиков коричневого кремня на северной окраине Бамборской поляны к северу от шоссе. Длина одного 8,2 см, ширина пера 3 см, толщина до 0,8 см (112, с. 25).

53. Энеолитическая кремневая стрелка на Бамборской поляне к Северу от шоссе. Длина 5 см, ширина 3,8 см, толщина луковицы 1,1 см (табл. XV, 2). Находка 1941 г. (АГМ, КЛ).

54. Медная тонкая ковкая булавка с головкой в виде двух спиральных завитков, тонкий овальный круглопроволочный бронзовый браслет, обломок сосуда из глины с кварцевой примесью на северо-западной окраине Бамборской поляны. Здесь же верхний камень известняковой зернотерки длиной 34,4 см, шириной 5,4 см, толщиной 2,1 см, недоделанное прясло размером 3,5x4,3 см и пара медных височных колец. Эти предметы свидетельствуют о существовании прежде на Бамборской поляне дольменной группы (112, с. 27).

55. Бронзовый пластинчатый трехребристый браслет с концевыми завитками на Бамборской поляне к северу от шоссе на 6 км от Гудаута на глубине 1,25 м (112, с. 47).

56. Около 50 предметов из погребения VIII в. до н. э. в 1 км от берега моря в западной части Бамборской поляны. 25 бронзовых фигурок животных с
36

ажурными пластинками - 15 лошадей, 5 собак, козленок, баран, пеликан, и людей; фигурка «винопийцы», женщина с ребенком на руках (табл. XLVIII, 8, 11, 12); там же колокольчики, 2 стеклянные бусины, 2 золотые пластинки, бронзовый круглопроволочный браслет с уплощенными концами и др. Находка 1910 г. (112, с. 62-79).

57. Погребение конца эпохи поздней бронзы (VIII в. до н. э.) на Бамборской поляне. Два стержня - железный и бронзовый. Последний полый, с заостренным нижним и слегка расширенным верхним концом (жезлы?); четыре массивных бронзовых ножных кольца-браслета, на концах двух меньших колец высечены треугольники (табл. XIП, 14, 15); 32 разной величины круглых сердоликовых бусины; бронзовый котел с узким дном, резко расширенным туловом, перехватом у горловины и слегка отогнутым краем (табл. 20 XLVII, 1); две бронзовые спирали, одна в 5, другая в 9 поворотов; 3 бронзовых биконических бусины (табл. XLVII, 26); пряжка от бронзового пояса с ушастой головкой длинношеего животного (табл. XXXIX, 27); два бронзовых орнаментированных топора с симметричным лезвием, клиновидным обухом и остроовальным отверстием, длина

первого 17,8 см, ширина лезвия 6,8 см, боковые поля лезвия покрыты шахматным узором, остальные грани покрыты рядами елочной насечки (табл. XXXV, 9); длина другого топора 16,8 см, ширина лезвия 6 см, поля лезвия украшены тремя заштрихованными накрест поясками, внешний из которых параллелен лезвию; между поясками ряды кружочков, заполненных пунктиром; шейку топора охватывает широкий пояс из кружочков между двумя заштрихованными полосами; еще дальше к обуху на верхних полях широкий зигзаг, заполненный точками, затем ряды елочного орнамента; боковые грани обушной части покрыты двумя продольными рядами кружочков (табл. XXXV, 7); два бронзовых наконечника копий, одно обычного типа, длина 24,7 см, длина тульи 12,3 см, ширина лезвия 2,8 см, по втулке у лезвия поясок из шести врезанных линий (табл. XXXVIII, 11); длина второго 35,8 см, тульи 20 см, ширина лезвия у острия 2,3 см, в середине 2 см, у тульи 3,9 см, ребро с продольными желобками ясно выделено, туля украшена у лезвия четырьмя поясками из трех врезанных линий, такие же пояски у отверстия в нижней части тульи, пространство между поясками у лезвия и отверстия заполнено 12ю рядами спиралей (табл. XXVIII, 10); кинжал с продольным ребром, выраженным четырьмя сходящимися к острию желобками, длина 21 см, ширина лезвия до 2,8 см (табл. XXVIII, 45); бронзовый роговидный полый предмет (табл. XLVI, 21); полый бронзовый рожок с двумя дырочками (для крепления древка?) и с фигуркой быка; ручка от бронзового сосуда (табл. XLVII, 5); бронзовый ритон, общая длина до 46 см, диаметр горла 9,7 см, с внутренней стороны в стенке края два отверстия, ниже поясок, заштри-

37

хованный накрест; затем ритон охватывает изображение змеи, семнадцатикратно изогнутой, голова змеи стреловидная, все тело покрыто рядами пунктира. Ниже идет еще один поясок заштрихованных линий, затем большую часть тулова ритона покрывает рисунок, включающий изображение 8 скачущих «коней», причем у трех из них концы хвостов оформлены «конскими» головами, также смотрящими вперед. Среди «коней» в средней части рисунка изображены две летящих птиц. Все фигуры заштрихованы рядами пунктира. Внизу рисунок окаймляют два параллельных пояска, заштрихованные накрест, между ними широкий зигзаг, заполненный точечными линиями. Затем сужившееся тело ритона охватывает широкая выпуклая муфта, отделанная девятью рядами шнуровидного орнамента. Между муфтой и концом ритона два пояска, каждый из которых состоит из двух параллельных заштрихованных линий, между которыми тонкий зигзаг. На конце ритона козлиная голова с завитыми рогами, выпуклыми глазами и с выразительной мордой. Вдоль морды и рогов нанесен рисунок из параллельных полос (табл. XLVIII, 1). Находка 1940 г. (КJ1, ГЭ1566, 1-25).

58. Неолитическое селище Кистрик на правом берегу поймы ручья Кистрик на западной окраине г. Гудаута. Площадь селища 6 га, культурный слой толщиной до 65 см. Орудия из морских валунчиков и гальки с частичной обработкой - утюжки, дробильники, отбойники, пальцевидные камни, песты, метательные камни, полировальники, долота, остроконечники, резак, мотыжки (табл. XVI, 3), мотыги-горбуши (табл. XVI, 2), грузила, тесла, рубанки, плоские остроконечники, круговые зернотерки, песты. Шлифованные орудия - терки, стамески, тесла (табл. XVI, 17, 18), клинья, топоры (табл. XVI, 16), орудия с начатком сверления, сколы, отщепы, сердоликовые гальки, обломки гагата; кремневые орудия - пластины, нуклеидные долота, нуклеусы, проколки, ножи, сверла, резцы

боковые, отбойники, многочисленные вкладыши для серпов, микролиты; несколько обсидиановых ножевидных пластинок и отщепов; керамика плоскодонная, баночной формы, с прямыми округлыми или заостренными, слегка отогнутыми краями, диаметры доньев от 15 до 17 см (табл. XVIII, 17). Тесто грубое, с песком. На поверхности иногда густые вертикальные полосы заглаживания, иногда рифление гребенкой. Несколько фрагментов текстильной керамики из нижних слоев. Часть обломков имеет снаружи лощение, изнутри сглаженность гребенкой. Из костяных орудий шило в «черном пятне» (поле IV) (113 с. 247286). На селище выявлены также слои энеолита и поздней бронзы. Установлено, что 22 свинцовые обоймицы - прямоугольные сплюснутые пластины длиной до 10 см, от поясного набора найдены А. Л. Лукиным в «черном пятне» - землянке позднебронзовой эпохи (153, с.24; 156).

38

59. Бронзовый наконечник копья с длинной тульей с двумя дырочками для крепления древка на западной окраине селища Кистрик (АГМ, КЛ105).

60. Бронзовый топор с гвоздеобразно-клиновидным обухом, двумя желобками на внешней стороне проуха на селище Кистрик. Длина 20 см, ширина лезвия 7,5 см (табл. XXXV, 23). Находка 1950 г. (АГМ, КЛ1).

61. Энеолитический кремневый наконечник дротика на берегу р. Адзлагара в г. Гудаута (112, с. 25).

62. Известняковый горшочек со слабо вздутыми шлифованными боками и плоским дном на западной окраине г. Гудаута в 1 км от берега моря. Высота горшочка 4 см, наибольший диаметр 4,9 см, диаметр дна 2,4 см, диаметр венчика 4,1 см. Горшочек, видимо, относится к дольменной культуре (112, с. 28).

63. Бронзовый топор с клиновидным обухом и симметричным лезвием на бронзовой рукояти с тремя скульптурными стилизованными фигурками лошадей на обухе, на восточном склоне городского кладбища в г. Гудаута. Длина рукояти 24,1 см, длина топора без фигурок 14,9 см, максимальная ширина лезвия 5,7 см. Находка 1935 г. (112, с. 49-50).

64. Бронзовый шейный обруч вблизи г. Гудаута, диаметром 10,6 см, на наружной поверхности обруча 4 пояска елочного орнамента по 5 рядов насечек в каждом пояске (112, с. 51-52).

65. Погребение (IX-VIII вв. до н. э.) в г. Гудаута. Окрашенные медной окисью кости и зубы человека. Два бронзовых топора, один с клиновидным обухом, почти симметричным лезвием, длина - 16,6 см, ширина лезвия - 5,2 см (табл. XXXIV, 30). Другой топорик с изогнутым дважды телом, с молоточковидным с выпуклым тылом обухом, орнаментирован пятью параллельными поясками, заполненными штрихами. Между первым пояском в 1 см от лезвия и вторым - два ряда обратных спиралей. Между третьим, еще изогнутым параллельно лезвию, и четвертым, прямым пояском, поля заполнены рядами кружочков. Между четвертым и пятым поясками на шейке два ряда обратных спиралей. На боковых полях проушины три слабых ребра, а перед ними два больших кружка в виде ряда концентрических окружностей. Верхние поля у проушины покрыты рядом кружочков. Длина топора - 18 см, ширина лезвия - 5,7 см (табл. XXXV, 26). Третий железный с молоточковидным обухом, дважды изогнутым телом и слабым ребром на стенке проушины. Длина - 11,9 см, ширина лезвия - 3,1 см (табл. XXXV, 25). В погребении найдены фрагменты очковидных привесок, пряжек, спиралей, прутиков,

очковидная большая пряжка, четыре полых ножных браслета с наполнителем, три поясных пряжки с зооморфными длинношеими ушастыми головками (ГИМ, № 96877).

66. Отдельные неолитические предметы в местности Адзалагархук близ г. Гудаута (8, с. 38).

39

67. Клад из 35 бронзовых топоров в с. Лыхны. Выделяется 9 типов. К древнейшему относится небольшой топорик с круглым проухом (№ 34). Длина - 12,9 см, ширина лезвия-6,7 см. Диаметр проушины-2,7 см (табл. XXXIV. 9). Второй тип представлен одним топором (№ 12) «пиленковского» типа с большим выступом с верхней стороны у проушины. Длина - 16,8 см, ширина лезвия - 8,1 см, диаметр проушины - 2,73 см (табл. XXXI, 14). К третьему типу относятся три топора (№ № 14, 16, 17) с округлой проушиной и со слегка выраженной гранью на внешней стороне ее стенки. Длина - 16,9 17 см, ширина лезвия - 6,3 см, диаметр отверстия - 2,83 см (табл. XXXIV 16). Четвертый тип представлен одним экземпляром (№ 23) с симметричным лезвием и, возможно, по техническим причинам, слегка спущенным обухом - близок к предыдущему типу. Длина - 17,1 см, ширина лезвия - 8.4 см, диаметр отверстия - 2,9 см. На внешней стороне стенки проушины одно слабое ребро (табл. XXXIV, 17). Пятый тип представлен одним топором с асимметричным лезвием, остроовальной проушиной (№ 26). Тыльная часть обуха уплощена. Длина топора - 17,7 см, ширина лезвия - 8,8 см. размеры проушины - 5,5x2 см. К шестому типу относится восемь топоров с клиновидным обухом, остроовальной проушиной, асимметричным лезвием и возвратной нижней гранью (№ № 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33). Длина - 17,7 см, ширина лезвия - 6,97 см, диаметр отверстия - 2,73 см (табл. XXXIV, 20). Седьмой тип-один топор № 35 с симметричным лезвием, круглым отверстием, с молотковидным коротким обухом. Длина - 18 см, ширина лезвия - 7,2 см, диаметр отверстия - 3 см, тыльной части обуха также 3 см (табл. XXXV, 12). Последний тип представлен двумя (№№ 5, 6) топорами «кубанского» типа узкой, вытянутой формы, с гвоздеобразным уплощенным обухом, круглым отверстием и двумя ребрами по внешней сторонам: стенок отверстия. Длина топора - 18,920,5 см, ширина лезвия 5,46 см, диаметр проушины 6,3 см (табл. XXXV, 13). находка 1952 г. (АГМ).

68. Несколько бронзовых кинжальных клинков, среди них кинжал с отдельно литой рукоятью на берегу р. Хипста (112, с. 57).

69. Фигурка бронзового барана в с. Дурипш. находка 1934 г. (АГМ, 850).

70. Два грота с культурным слоем к востоку от с. Дурипш за рекой (218).

71. Отдельные неолитические орудия в долине ручья Дзишта в с. Куланьрхуа (8, с. 38).

72. Один дольмен вс. Куланьрхуа (158, с. 71) в «священном месте». Среди остатков дольменных плит медный топор (табл. XXXIV, 11). находка 1939 г. (64, с. 100, АГМ, КЛ83).

73. Бронзовый топор с возвратом средней грани в с. Куланьрхуа. Длина 18 см. ширина лезвия 6,4 см, толщина против середины насадочного отверстия 3.4 см, шейку топора охватывает поясok шириной 1,4 см, заполненный

40

мелкой косоj перекрещивающейсj штриховкой. Боковое поле между параллельной краю лезвия заштрихованной полоской и шейкой заполнено узором из скошенных крестов. В обушной части все грани окантованы рельефным витым шнуром (112, с. 45-46).

74. Тонкая бронзовая булавка длиной 10 см с Нобразной головкой, помещенной своей перекадиной на ромбовидной расплющенной верхней части иглы, в с. Куланырхуа. Под перекадиной отверстие. Длина параллельных стерженьков и перекадин - 1,51,6 см. На концах стерженьков утолщенные конические шляпки (112, с. 59-60).

75. Бронзовый пинцет, найден и утерян вместе с остатками погребения VIII VII вв. до н. э. в с. Куланырхуа (112, с. 131).

76. Бронзовое украшение в виде согнутого стержня, снабженного тремя рядами гвоздеобразных выступов, в с. Куланырхуа. Длина 6,5 см, диаметр стержня 0,6 см, высота гвоздика 0,6 см. Диаметр шляпки 0,7 см (табл. XXXVII, 41). Находка 1941 г. (АГМ, КЛ98).

77. Бронзовый предмет в виде стержня, снабженного в средней части дырочкой, в верхней части расплющенного и рассеченного на пять пальцевидных отростков, покрытых косою насечкой, в с. Куланырхуа. Длина предмета 5,8 см, диаметр стержня 0,4 см (табл. XXXIX, 30). Находка 1940 г. (АГМ, КЛ116).

78. Бронзовый полый ножной браслет с формовочной землей в с. Куланырхуа. Внутренний диаметр браслета 5,8 см, диаметр сечения тела браслета 2, 2 см. Находка 1945г. (АГМ, КЛ119).

79. В могильнике VIII-VI вв. до н. э. в с. Куланырхуа 8 погребений конца эпохи поздней бронзы. Костяки лежали на спине головой на юго-запад либо на северо-запад, в погребениях фрагментированная керамика с геометрическим, ямочным и елочным орнаментом, бронзовые топоры с гвоздеобразно клиновидным и клиновидным обухом, а в одном случае с фигуркой собаки на тыльной части обуха. Один из топоров имел бронзовую рукоять, другой, с фигуркой собаки, деревянную рукоять в витой бронзовой оправе. Три топора орнаментированы сетчатыми, елочными треугольными украшениями, елочными дорожками, кружочками, косою штриховкой. Железные ножи, скульптурные фигурки животных (табл. XLVIII, 3), бронзовые широкие цилиндрические с четырьмя круговыми ребрами браслеты, браслеты с рубчатой поверхностью (табл. XLII, 22), с наружными выступами (табл. XLII, 20), фигурный браслет (табл. XLII, 21), конические пронизи, цепочки, фибулы (табл. X, 28), спиральная завитая трубка, сердоликовые, стеклянные, янтарные, бронзовые бусы, поясные пряжки с длинношеей ушастой головкой животного (табл. XXXIX, 28), бронзовые пинцет и гребень (табл. XLIV, 6), (178, АГМ, ТГУ).

41

80. Нижний слой поселения выше № 79 относится к поздней бронзе. Инвентарь: толстостенные (до 2, 2 см) черноглиняные сосуды больших диаметров (до 1 м) с крупным рифлением снаружи и изнутри, орнаментом в виде дорожек вдавлений, красноглиняные пифосы с мелкой белой примесью в тесте, с орнаментом по налепному валику (208, 223).

81. Энеолитический кремневый наконечник стрелы ниже Куланырхвинского могильника (219).

82. Комплекс бронзовых предметов из погребений X-VIII вв. до н. э. в пос. Ачкац. Большое ножное бронзовое кольцо полого литья, обломок бронзового листового пояса шириной до 5,5 см с зооморфной длинношеей головкой. Два бронзовых топора, один из которых с клиновидным обухом и симметричным лезвием, по боковым полям лезвия орнамент четырехугольниками, составляющими крест, ограниченный со всех сторон треугольниками. Вдоль средней части боковых полей елочная дорожка, ряды крупных

глазков имеются по всем трем полям. находка 1948 г. (АГМ, КЛ 180). Второе ножное кольцо и бронзовый пинцет утеряны. Здесь же еще два бронзовых ножных кольца (219). 83. Два бронзовых топора в пос. Тасракуа. Первый с клиновидным обухом. Грани обушной части выражены шнуровым орнаментом. На верхних полях у клина два кружка с расходящимися лучами (солнца?). Боковое поле лезвия выделено кантом из косых насечек и имеет узор в виде пяти наклонных рядов косых крестов, пространство между которыми заполнено пунктирными линиями. Каждое нижнее поле несет на себе изображение четырех «солнц», вытянутых в линию, на верхних полях у отверстия два солнца, а под ними изображение коня (табл. XXXV, 4). Другой топор с клиновидным обухом орнаментирован на боковых полях лезвия изображением фантастического существа («гвера»), верхние поля покрыты елочным орнаментом, на нижних помещены в средней части небольшие ромбики по одному на поле. Длина 16,4, ширина лезвия 5,4 см (табл. XXXV, 1). находка 1950 г. (72, с. 71, АГМ, КЛ).

84. Толстое ножное бронзовое кольцо в с. Абгархук. Внутренний диаметр 5,9 см, толщина 2 см. находка 1907 г. (112, с. 41).

85. Фрагментированная бронзовая фибула с плоской ромбовидной формы спинкой в с. Абгархук (112, с. 46).

86. Два бронзовых овальных литых браслета в с. Абгархук. Внутренний длинный поперечник овала - 4,8 см, высота в середине - 1,2 см, на концах - 2,7 см. Ширина прорези - 2,5 см. Основная вогнутая внутрь желобоватая пластинка усажена крупной зернью по 16 шариков с каждой стороны. К концам оба ряда зерни заканчиваются тремя связанными грубыми завитками. находка 1909 г. (112, с. 48).
42

87. Бронзовый топор с гвоздеобразно молоточковидным обухом в с. Абгархук. Длина 18 см, ширина лезвия 6,7 см, на внешней стороне боковой стенки проушины пять притуленных ребер. Вместе с топором шейный обруч из стержня толщиной до 1,3 см. Расплющенные концы его закручены наружу в двойные цилиндрические завитки высотой 2,8 см. Внутренний диаметр обруча 11,3 см. На обруче следы стертостей от скобы с завитками, крепившей обруч. находка 1908 г. (112, с. 50-51).

88. Ингумационное погребение IX-VIII вв. до н. э. разрушено на северной окраине с. Абгархук. Бронзовая фигурка быка, длина с рогами - 8 см. Высота сзади - 2,7 см, высота с рогами - 5,8 см, длина рогов - 2,2 см. На шее за ушами поясok двумя линиями. Фактура шерсти показана на спине и животе мелкими штрихами. Бронзовый топор с дважды изогнутым корпусом украшен по боковому полю у лезвия змеей со стреловидной головкой. Тело змеи, шестикратно изогнутое, покрыто насечкой вперемежку с елочным узором. Змея отделена от основной части поля пояском, идущим параллельно лезвию. Остальная часть поля покрыта насечками. В средней части верхних и нижних полей изображение запунктиренных рыб. На наружных стенках насадочного отверстия по два желобка, оба верхних поля покрыты елочным узором. Длина топора - 17,5 см, ширина лезвия - 7,5 см, длина молоточной части - 3 см. находка 1966 г. (220).

89. Бронзовая фигурка коня в с. Абгархук. находка 1918 г. (112, с. 71).

90. Остатки миниатюрного дольмена (?) из плит желтого песчаника к югу от центра с. Ачандара на вершине гребня между р. Аапста и ручьем Гудлоу. Обмеры одной трапециевидной плиты: длина 1,6 м, верхнее основание 0,82 м, ширина в середине 1,25 м, пазы без внешней стеночки по бокам шириной 0,1 м, глубиной 22,5 см (табл. VI, 9). У

другой плиты пазы с трех сторон (табл. VI, 8). Ширина верхнего основания трапеции 0,3 м, длина 1,2 м, ширина в средней части 0,7 м. Нижняя часть плиты также обломана. Здесь же лежит четырехугольная плита размером 0,4х 1,45 м, толщиной 0,15 см (табл. VI, 10). Рядом несколько обломков подобных плит торчат из земли. В 30х гг. здесь находили бронзовые предметы: наконечники стрел, копий и др. (220).

91. Три полуразрушенных дольмена в центре с. Ачандара.

Дольмен № 1, крышка и передняя стенка не сохранились. Дольмен № 2 в 7 м к западу от № 1, сохранились две продольные плиты. Дольмен № 3 к западу от № 2, сохранились две продольные стенки, западная толщиной 0,75 м. Все дольмены ориентированы отверстием на юго-восток (45, с. 100-101; 96, №№ 1115-1117). Здесь упоминается еще 2 дольмена (93, с. 259). Вероятно, к этой группе относится медная булавка длиной 8 см с полушаровидной полый ажурной головкой, украшенной рубчатыми полосками. В головке в каждой из четырех граней имеется треугольное отверстие (93, с. 26).

43

92. Группа дольменов в окрестностях с. Ачандара в лесу (218).

93. Бронзовые предметы из погребений IX-VIII вв. до н. э. в с. Ачандара. Топор с асимметричным лезвием, гвоздеобразно-клиновидным обухом, с тремя гранями, выделенными шнуром с внешней стороны проушины, орнаментированный по шейке поясом из нескольких рядов елочного орнамента. Длина топора 16,7 см, ширина лезвия 6,5 см (табл. XXXV, 24). Вместе с топором были бронзовые спиральный браслет и ложка (табл. XLVIII, 3). находка 1907 г. (120, с. 82, ГЭ, 1333, 1).

94. Погребение IX-VIII вв. до н. э. к северу от центра с. Ачандара. Три лавролистных наконечника копий, перстень, головка быка и два топора с клиновидным обухом и симметричным лезвием. Боковое поле лезвия одного из топоров орнаментировано крестом, состоящим из четырехугольников, каждая сторона которых служит основанием для треугольников. Узор елочной дорожкой и рядами кружочков. На боковом поле второго топора стилизованное изображение фантастического животного («гвера») и косо заштрихованная рыбка на обушной части бокового поля. На нижнем поле зигзаг и трехрядная группа кружочков. Такими же кружочками, обрамленными четырьмя черточками с каждой стороны, покрыта часть верхних полей у шейки. Над головой собаки елочная насечка. находка 1909 г. (112, с. 54).

95. Бронзовый топор в с. Ачандара. находка начала века (112, с. 55).

96. Могильник IX-VIII вв. до н. э. к востоку от с. Ачандара в верховьях р. Цвындырта, на ее правом берегу (220). Из погребения на участке М. Хагба два бронзовых орнаментированных топора с клиновидным обухом, остроовальным отверстием и слегка асимметричным лезвием. На боковых полях лезвия первого топора шахматный рисунок, шейку охватывает запунктиренный зигзаг между заштрихованными поясками, в обушной части рисунок из ромбов и кружочков, заполненный пунктиром. На верхних полях у внутреннего угла отверстия схематические изображения двух птиц. Длина топора 16 см, ширина лезвия 5,5 см. Другой топор орнаментирован на боковых полях лезвия изображением фантастического животного («гвера») среди запунктиренных кружочков. Шейка охвачена рядом заштрихованных поясков. На боковых полях в обушной части волнообразно нанесены схематические изображения лошадиных (?) голов. находка 1955 г. (219, АбНИИ).

97. Бронзовый топор с гвоздеобразно клиновидным обухом, асимметричным лезвием и тремя гранями на внешней стороне боковой стенки проушины в пос. Ацвындырта (либо из могильника № 96, либо в низовьях той же реки). Длина 17,2 см, ширина лезвия 8 см (112, с. 58).

98. Обломки меди или бронзы на северной окраине с. Ачандара в пос. Джа куархуа (112, с. 81). Там же медный слиток, обломок бронзового предме-

44
та, бронзовая пластинка длиной в 1,5 см, имеющая, с одной стороны, расширение, с другой стороны - подобие квадратной пряжечки. Находка 1928 г. (112, с. 81). Отсюда же концевой фрагмент обручеподобного бронзового предмета (112, с. 70).

99. Два бронзовых топора на г. Дыдрыпш находились до конца XIX в. (112, с. 55).

100. Бронзовый наконечник копья по дороге из с. Ачандара в пос. Хабью, длина тульи 8 см, диаметр тульи 1,1 1,6 см, ширина сохранившейся части пера 3,2 см (табл. XXXVIII, 13), (АГМ, КЛ109).

101. Группа дольменов в юго-западной части поселка Хабью (табл. VI, 4), зафиксирована А. Л. Лукиным (158, с. 71). Дольмен № 1 отверстием на юго-юго-запад (вниз по склону) почти целиком заплыл землей. Крышка сброшена, передняя стенка фрагментирована. Обмеры: крышка - длина 1,8 м, ширина 1,8 м, толщина до 0,3 м; восточная стенка - длина 0,9, высота (в средней части) 1,1 м, толщина 0,25 м; западная стенка - длина 1,95, высота 1,1 м, толщина 0,3 м; передняя стенка - ширина до 1,4 м, толщина до 0,32 м; северная стенка - ширина 1,08, высота 1,1, толщина до 0,2 м. Пол собран из нескольких плит. Обмеры плиты под передней стенкой - длина до 2 м, ширина 0,52 м, толщина 0,22 м. Пазы в боковых плитах и полу прямоугольной в сечении формы - ширина 0,10,14 м, глубина 11,5 см. Пробка с шляпкой диаметром 0,450,5 м, толщиной до 0,1 м достигает длины 0,5 м. Длина стержня 31 см, диаметр овального сечения стержня 0,210,32 м (табл. VI, 7). При расчистке в северо-запад ном углу дольмена в слое 0,10,2 м от дна отмечено хаотическое скопление человеческих костей - обломки 23 черепов, челюсть с тремя зубами, фрагменты бедренных и плечевых костей, позвонки. С костями значительное число кремневых конкреций. В передней части дольмена на полу верхний камень зернотерки. Дольмен разграблен (табл. VI, 5). В 10 м к востоку от дольмена № 1 большая груда обломков известняка. Дольмен № 2 в 17 м к востоку от дольмена № 1 (табл. VI, 6) отверстием на юг. Крышка, задняя и передняя стенки лежат перед дольменом ниже по склону. Дно и боковые плиты на месте. Обмеры: восточная стенка (передняя часть обломана) - длина до 1,6 м, высота 1 м, толщина 0,25 м; западная стенка - длина до 2,6 м, высота 1 м, толщина 0,250,3 м; задняя (?) стенка - ширина 1,5 м, высота - 1,3 м, толщина 0,22 м (плита отличается высоким качеством обработки) (табл. VI, 6 г); ширина передней стенки достигала 1,95 м. Дно также не цельное. Обмеры донной плиты под передней стенкой: длина до 2,5 м, ширина 1 м, толщина 0,25 м. Пазы прямоугольные в сечении. В боковых стенках их ширина 1 см, глубина 1 см, в дне - ширина 14 см, глубина 1 см. Боковые стенки подперты кусками известняка. Дольмен разграблен.

45

Дольмен № 3 в 3 м к востоку от № 2. Полностью разрушен. Западная стенка легла на донную плиту. Восточная стенка сильно накренилась наружу. Остальные плиты уже сползли вниз по склону. Длина западной стенки 2 м, высота 1,1 м, толщина 0,3 м.

Дольмены № 2 и 3 доследовались в 1964 г. В. В. Бжания и О. Г. Хагба. В дольмене 2 ими у западной стены на полу найден медный ножичек.

102. Отбитая половина грубошаровидного, односторонне просверленного навершия булавы из песчаника, видимо, у дольменов в пос. Хабью (114, с. 153).

103. Бронзовый литой браслет из круглого в сечении стержня в пос. Хабью. Концы браслета Т-образной формы. Внутренний диаметр браслета 5,6 см, диаметр сечения стержня 1,5 см. Длина Т-образующих стержней, слитых с концами браслета перпендикулярно его плоскости - 5,3 см (таблица XLII, 17). находка 1944 г. (АГМ, КJ1121).

104. Могильник X-VIII вв. до и. э. на участке Бахмача на западной окраине с. Приморского (Арсаул). Орнаментированный бронзовый браслет. Толщина стержня 0,9 см, концы расплющены (АГМ. 1273). Булавка с крученым стержнем и петлей с завитком на конце, длиной 24,5 см, пряжка крючок с дисковидными спиралями из четырехгранного прута (табл. XXXIX, 19), цилиндрическая спираль из трехгранного прута ребром наружу и обломки двух браслетов с насечным орнаментом. находка 1912 г. (165, с. 111).

105. Селище эпохи поздней бронзы на участке Бахмача вс. Приморском (Арсаул). Черноглиняная толстостенная и каннелированная керамика. Орнаменты наклонными вдавлениями гребенкой, желобчатые, в виде рельефных концентрических окружностей, окруженных беспорядочным скоплением вдавленных ямок (табл. XXI, 54), (АГМКЛ).

106. Погребение VIII-VII вв. до н. э. на участке Репях на каменном ложе из плиток песчаника на восточной окраине с. Приморского (Арсаул, Петропавловское). Остатки костей человека, несколько бронзовых предметов и фрагменты двух сосудов, в которые, по словам находчика, были сложены вещи (165, с. 106-107). Два целых и два поломанных топора. Один топор с гвоздеобразным обухом и асимметричным лезвием, другой - с клиновидным обухом, симметричным лезвием, с изображением на боковом поле фантастического животного («гвера»). Литой бронзовый кинжал, с рукоятью, снабженной отверстием для подвешивания, орнаментированной кружочками с точкой в середине и рядом косо заштрихованных треугольников поперек основания рукояти (табл. XXXVIII, 47). Фибула с узколопастным приемником, украшенная елочным насечным орнаментом, массивная шейная гривна с закрученными концами, две биконические спиральные пронизки, три бронзовых копья и каменный брусок. Одно копьё с узкой,

46

почти до конца расчлененной тульей и треугольным, с прямым основанием лезвием, два других копья с более широкими тульями, орнаментированными косо пересекающимися заштрихованными полосами. Остатки листовой бронзы и фрагменты конусовидной верхушки длиной 30 см с прошитым бронзовой тесьмой швом от бронзового шлема ассирийскоурартского типа (табл. XLVI, 6), (93, с. 139-147, АГМ).

107. Бронзовый литой шейный обруч в с. Приморском диаметром до 12 см. Толщина стержня 1,1 1,2 см. Прорезь 6 см. Расплющенные концы обруча симметрично закручены наружу в двойные цилиндрические завитки. На наружной поверхности обруча пояски елочного орнамента (112, с. 51).

108. Бронзовый топор с гвоздеобразно-клиновидным обухом и асимметричным лезвием на северо-восточной окраине с. Приморского. Длина 17,5 см, ширина лезвия 5,5 см. На стенках проуха по четыре грани. Остальную часть полей покрывают кружочки по шесть

- на шейке и по 12 у начала лезвия, несущего на себе шахматный рисунок. Выделенные четырехугольники запунктирены (112, с. 52-53).
109. Орнаментированный бронзовый топор над р. Ацкуара (Шкуара) севернее шоссе у с. Приморского (112, с. 53).
110. Бронзовый широкий, утолщающийся к середине клинок кинжала с идущими вдоль краев лезвия широкими мелкими желобками в северо-восточной части с. Приморского. Длина кинжала 25,2 см, ширина 4,6 см, толщина 0,7 см. На язычке в верхней части клинка два отверстия для крепления рукояти (112, с. 55).
111. Бронзовый пластинчатый браслет, орнаментированный штриховыми ромбиками с продольной линией вокруг, в с. Приморском (165, с. 111).
112. Из погребения VIII в. до н. э. в с. Приморском острие бронзового копья, большая витая булавка с завитком на одной стороне и тонкая проволочная ромбического сечения гривна с заостренными концами (АГМ, КЛ85).
113. Медное тесло («сапожный нож»?) с заостренной тыльной частью, вс. Приморском. Длина 14,7 см, ширина лезвия 5,6 см (табл. XLVI, 13), (АГМ, КЛ92).
114. Обломок бронзового топора с симметричным лезвием шириной 5,7 см на окраине с. Приморского (табл. XXXIV, 28), (АГМ, КЛ88).
115. Бронзовый шейный обруч из толстого круглого в сечении прута с уплощенными и закрученными концами в с. Приморском. Поверхность обруча покрыта поясками елочного орнамента, между которыми вдоль прута изображения рыб (табл. XLII, 2), (72, с. 72).
116. Бронзовый слиток весом 64 г в форме лодочки с низким килем на южном склоне холма к северо-западу от с. Приморского: длина 4,3 см, ширина 2,3 см. Находка 1949 г. (АГМ, К Л).
- 47
117. Бронзовая голова быка в пос. Ацварта. Находка 1927 г. (АГМ, КЛ189).
118. Бронзовая треугольная пряжка с бараньей головкой на верхнем углу на участке Е. Р. Малия в с. Аацы. Головка с выраженными лобными буграми, носовой частью, слегка приоткрытым ртом, рога широко поставлены. На тыльной части пряжки под головой массивный крюк. Тело пряжки прорезано двумя треугольниками. В задней части пластинки в основании треугольника четыре дырочки. Длина пряжки 7 см, ширина основания 4,7 см. Толщина пластины 0,2 см (табл. XXXIX, 22). Находка 1962 г. (214).
119. Круглопроволочный бронзовый с заостренными концами браслет из с. Мцара: толщина проволоки 0,6 см; внутренний диаметр 5,1 см (112, с. 47).
120. Бронзовый браслет с ромбовидно-пластинчатыми концами из с. Мцара. Толщина проволоки 0,6 см. Длина концевых пластинок 3,7 см, ширина 1,7 см (112, с. 58).
121. Плоский ланцетовидный бронзовый кинжал с отдельно литой рукоятью в пос. Чобанлук. Длина 18,3 см, толщина лезвия до 0,3 см, толщина рукояти 1,2 см. Находка 1917 г. (112, с. 56).
122. Погребение IX-VIII вв. до н. э. в пос. Чобанлук. Остатки человеческого костяка, обложенные распавшимся бронзовым листом, бронзовый кинжал с отдельно литой рукоятью, длина 28 см; бронзовый топор с асимметричным лезвием, тремя гранями на внешней стороне проушины и заостренным обухом со слабо выраженной шейкой, длина 19,8 см, ширина лезвия 7,5 см, сердоликовая круглая бусина диаметром 1,3 см. Находка 1917 г. (112, с. 129130, АГМ).

123. Бронзовый височный массивный литой завиток (табл. XLIV, 21) вместе с прямоугольной пластинчатой пряжкой с крючком с пятью дырочками для связи с поясом в пос. Чобанлук. Находка 1937 г. (114, с. 150).

124. Из погребений VIII-VII вв. до н. э. в пос. Чобанлук: наконечник копья с обломанным концом, длина тульи 17,2 см (табл. XXXVIII, 9); шейная гривна с уплощенными концами диаметром 12,1 см из толстой, с диаметром сечения 0,4 см, витой проволоки (табл. XLII, 4); наконечник копья с обломанным концом, длина 21 см, тульи - 13,5 см, перо тонкое, с выступающей острой гранью, ромбовидное в сечении, в верхней части тульи у перехода к лезвию гравированный поясok шириною 3,3 см из двух параллельных полос, между которыми ряды кружков (табл. XXXVIII, 8); наконечник с тульей длиной 14 см и пером с выступающей гранью (табл. XXXVIII, 12). У всех наконечников в нижней части тульи дырочки для крепления древка. Поясной ролик, длина 3,8 см, диаметр сечения 1,3 см, отверстия 1,2 x 0,3 см (табл. XXXIX, 17); несколько поясных обоймиц с внутренним диаметром 1,1x0,4 см; цилиндрическая проница диаметром 0,6 см; шпенек длиной 1,5 см, диаметр сечения 0,5 см; медный шлифованный стер-

48
жень ромбовидный в сечении, длина 5,5 см, толщина до 0,6 см; десять разнообразных обломков от браслетов и неопределенных предметов (АГМ, КЛ130, 132-145, 150-153, 156-179).

125. Бронзовая сечка в пос. Анхуа Армянская. Длина - 9,4 см, тыльной части - 3 см (табл. XXXVII, 37). Находка 1943 г. (АГМ, КЛ).

126. Бронзовый топор с клиновидным обухом, остроовальной проушиной и возвратной нижней гранью в с. Анхуа. Длина - 17,5 см, ширина лезвия - 6 см (табл. XXXIV, 23). Вместе с топором два тяжелых свинцовых пластинчатых кружка (АГМ, КЛ).

127. Литое массивное бронзовое кольцо в с. Анхуа. Внутренний диаметр 5,4 см, прорезь 0,5 см, концы слегка отогнуты наружу. Диаметр округлого в поперечнике стержня 0,6 см (112, с. 57).

128. Два бронзовых литых шейных обруча с симметрично закругленными наружу двойными цилиндрическими завитками в с. Анхуа (112, с. 51).

129. Грот Агца в стене 100-метрового обрыва на высоте 30 м в с. Анхуа Абхазская. Длина около 7 м, ширина 2,5 м, высота 22,5 м. Левая от входа стена несет три группы одновременных изображений. Под рисунками раннесредневекового времени изображения более древнего периода: ряд вертикальных зигзагообразных линий, грубое подобие лука со спущенной тетивой и лежащей поверх нее стрелой, стилизованное изображение человека с головой, напоминающей лук со стрелой в тетиве, изображение копья миндалевидной формы, еще лук со стрелой, вставленной наоборот, удлинненный полуовал с радиально расходящимися концами, изображение в форме рогатки. Эта группа изображений относится к неолиту или к началу бронзового века (150, с. 170).

130. Курганообразная насыпь из кусков известняка у шоссе, ведущего к перевалу Лашипсе в 78 км от Нового Афона на южном склоне г. Ацангуара Ашха. Курган вытянут с севера на юг и лежит на глинистом основании. Длина его до 37 м, ширина более 25 м. Высота сохранившейся части до 2,5 м, длина по кругу 66 м (табл. VI, 17). По словам местного жителя Ясона Гунба, показавшего курган, его высота раньше достигала 67 м. Камень из кургана в основном разобран на подсыпку дороги. Выходы известняка в 1000

м к югу. Рядом в ложине - родник. У восточной подошвы кургана проходила в старину дорога из Анхуы к перевалу Лашипсе и дальше в долину р. З. Гумисты.

131. Селище в устье р. Мысра (Псырцха?) на западном берегу реки в 1,5 км к северо-западу от пос. Н. Афона, на 4метровой террасе шириной до 100150 м. В слое В гумусированный песок с черепками посуды позднебронзового облика и с отдельными кремневыми отщепами, глубина 11,2 м. Здесь же два глиняных столбика с развилкой. Слой Г содержал

49

крупнозернистый песок с керамикой среднебронзового облика, глубина слоя 1,21,5 м. В слое Д на глубине 1,8 м обломки архаичной посуды (159, с. 270).

132. Следы двух погребений в 100 м к западу от селища в устье р. Мысра, на глубине 2 м в верхнем горизонте слоя Г. Погребение 1 на небольшой вымостке диаметром 0,4 м и мощностью 0,5 м из мелкой гальки, кости человека и черепки посуды. Погребение 2, содержащее черепки посуды и кости человека, находилось ниже подобной галечной вымостки (159, с. 270).

133. Энеолитические кремневые орудия - полукруглые ножи (табл. XIV, 34, 44), наконечник дротика (табл. XV, 8), заполированный вкладыш серпа (табл. XIV, 40), 4 отщепа и скола в глинистом субстрате на полу грота Ахупшка, находящегося в отвесной скале в 15 м от верхнего края восточного обрыва г. Аныхамца к п. Мысра к западу от пос. Н. Афон (214).

134. Следы поселений поздненеолитической, раннеэнеолитической и позднебронзовой эпох при раскопках Анакопии. Башня 3 - в слое Г следы эпохи поздней бронзы - мелкие окатанные черепки и грузила из морской гальки (171, с. 130). Башня 5 - в слое В «некоторое количество очень мелких черепков, относящихся к бронзовой эпохе» (171, с. 132). Башня 6 - в слое А полированный каменный топорик энеолитической эпохи со следами вторичного использования в средневековье (171, с. 134). В слое, подстилающем слой Г, черепки эпохи неолита и бронзы (171, с. 137). В 40 м против башни 1 в раскопе 1 нижние горизонты содержали фрагменты посуды эпохи бронзы (171, с. 138).

135. Бронзовые предметы из погребения VIII-VII вв. до н. э., разрушенного при постройке водолечебницы в пос. Н. Афон. Наконечник копья с двускатной гранью. Общая длина 34,8 см, длина пера 16,2 см. Тулья орнаментирована пояском из шести параллельных полосок. Топор с обломанным обухом, длина от лезвия до середины проушины 12,1 см, ширина лезвия 5,5 см. Орнамент косой крупногородчатой штриховкой. На боковых полях штриховка ограничена в 1 см от края лезвия параллельной последнему мелкозачерченной наискось полоской. На нижних полях в заштрихованных прямоугольниках по углам имеются кружочки. Другой топор с обломанным обухом. Длина 12,2 см, ширина лезвия 5,4 см. В штриховом орнаменте боковых полей изображение фантастического животного («гвера»). Грани обушной части выделены рельефным жгутиком. Два наконечника копий лавролистной формы с обломанными тульями. Длина 8,4 и 6,8 см при ширине пера 3 см. Поясная пряжка, кованная из ромбовидной в сечении толстой проволоки диаметром 69 мм, длина пряжки 10,5 см. Кольцевидный круглопроволочный браслет, внутренний диаметр 7 см, прорезь 0,4 см, концы расплющены до сантиметровой

50

ширины и орнаментированы шестью поперечными рядами насечек (*по своему облику относится скорее к другому, позднеантичному комплексу - Ю. В.*). Фибула с ромбовидной плоской спинкой, покрытой поперечными врезками, общая длина 9 см, ширина 4,4 см (табл. XL, 26). Литая рюмочка - высота 4,4 см, наибольший диаметр 4,2 см, толщина стенки 0,2 см (табл. XLVII, 4), (112, с. 4345).

136. Бронзовый наконечник копья и пряжка из могильника IX-VIII вв. до н. э. на северной окраине Московского цветочного хозяйства в пос. Н.Афон (218).

137. Бронзовая литая мотыга VIII-VII вв. до н. э. на углу цветочного хозяйства и кладбища на морском валу в пос. Н. Афон. Длина 13,3 см, ширина лезвия до 4,4 см, диаметр круглой проушины 2,8 см (табл. XXXVI, 24), (АГМ).

138. Бронзовая кованая гарпунообразная стрелка из пластинки на берегу моря к югу от пос. Н. Афон. Длина 5 см, размах заостренных крыльев острия 2,8 см (табл. XXXVIII, 54), (208).

139. «Медный» наконечник копья с узким лезвием, со слабым ребром, на вершине Афонской горы. Длина 22 см (165, с. 111).

140. Бронзовый топор с гвоздеобразно-клиновидным обухом, асимметричным лезвием и тремя короткими продольными гранями на стенках проуха в с. Псырцха. Длина 17,2 см, ширина лезвия 7 см (112, с. 58).

141. Селище с текстильной керамикой в восточной части пос. Н. Афон на остатках 4-метровой террасы на глубине до 1,2 м (159, с. 270).

142. Селище у ручья Шицкуара в 17 км к западу от г. Сухума. В небольшой полосе 4-метровой террасы шириной 2050 м небольшие линзы гравия с текстильной керамикой (159, с. 269).

143. Селище эпохи поздней бронзы на холме Верещагина вс. Н. Эшера. Фрагменты квадратных сосудов с тканевыми отпечатками (159, с. 269; АГМ, CVIII, 91, 120), каннелированная керамика (93, с. 20), обломки посуды больших диаметров, серой снаружи, красноватой изнутри, в изломе светло-серой, с белой кристаллической примесью, выпадающей на поверхностях. Толщина фрагментов до 0,8 см, рифление снаружи редкой гребенкой. Орнамент косыми насечками по валику (табл. XXII, 30), венчики массивные, жгутообразно оформленные (табл. XXII, 36), (АГМ, CVIII, 104, 109, 141, 115, 116).

144. Могильник эпохи поздней бронзы в северной части Верещагинского холма. Четыре вторичных погребения на расстоянии 15 м друг от друга на одной прямой. Высота урн до 100 см. Диаметр тулова до 85 см, орнамент рубчатый, образующий рисунок в виде треугольников или в виде валика, покрытого рядом параллельных полосок, разделенных косыми насечками, елочный. Урны стояли на плоских плитах известняка на глубине до 0,5 м. В погребении № 1 указывается два скелета.

51

Инвентарь первых двух погребений: бронзовый топор с клиновидным обухом и с бронзовой рукоятью длиной 29 см (погр. 1), длина топора 16 см; кинжал со стержнем, в середине вдоль лезвия три острых ребра, образующие два желобка, длина кинжала 28 см, длина стержня 3 см, ширина лезвия у рукояти 3 см; два аналогичных кинжала с четырьмя полосами вдоль лезвия с отверстиями в стержнях, длина первого кинжала 24 см, длина стержня 2,5 см, ширина 3,3 см, второго - длина 23,5 см, длина стержня 3,5 см, ширина 3,3 см; короткий, узкий кинжал с тульей, с тремя полосками по лезвию, длина

20,1 см, туля - 3 см; 4 наконечника копья с коротким пером под прямым углом, переходящим в длинную тулю, доходящую почти до конца острия, размеры: первого - длина 26 см, втулки 16,5 см, ширина пера 3,5 см, второго - длина 27 см, длина тульи 16,5 см, ширина пера 4 см, третьего - длина 25 см, длина тульи 15,5 см, ширина пера 3,3 см, четвертого - длина 23 см, длина тульи 15,5 см, ширина пера 3,4 см; 3 ножных прорезных круглых массивных кольца наружным диаметром 11,511,8 см, толщиной 2,52,9 см; ручной трехребристый цилиндрический разомкнутый браслет, высота цилиндра 1010,5 см, диаметр по ребру 9,5 см, внутренний - 7,5 см; 4 бронзовых полых конуса, увенчанных двойными звериными головками, внутри конусов петельки, высота 6 см, диаметр основания 5 см; 4 биконических бусины длиной до 4 см; 12 фрагментов от двух литых бронзовых поясов (погр. № 1) с ушастыми длинношеими головками на конце, ширина 4,3 см; 14 фрагментов листовой бронзы со следами скрепления бронзовой пластинкой от шлема или колчана; до 100 сердоликовых бусин; синяя стеклянная усеченно-пирамидальная подвеска, два куса бронзы и два куса олова. Погребение 3 содержало костяк без инвентаря. Находка 1930 г. (58, с. 58-64; 93, 155-178). Погребение 4. Вторичное захоронение в глиняном кувшине бссуарии, поставленном вверх дном горловиной на каменную плиту в нишу. Сосуд с сильно раздутым корпусом, узким горлом и отогнутым наружу венчиком, лепной вручную из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка. Орнамент плечиков налепным пояском отделен от гладкого тулова. Изнутри сглаженность гребенкой. Толщина стенок до 0,8 см. Диаметр дна сосуда 25 см, высота до 100 см. Внутри были череп, длинные кости рук и ног суставами вместе, три шейных позвонка, обе лопаточные кости и обломки ребер; топор с клиновидным обухом и симметричным лезвием, орнаментированный двумя парами сетчатозаштрихованных лент по краям и с кружочками в середине, составляющими пояс, охватывающий наиболее суженную часть топора, на каждой стороне лезвия изображение фантастического существа («гвера»), на двух боковых гранях в обушной части - изображение рыбы, длина топора 17,4 см; брон-

52

зовый наконечник копья с выступающей срединной гранью, длина 17 см, ширина пера - 3,4 см; второй наконечник длиной 21 см, с тулей длиннее пера, ширина пера 2,7 см; железный наконечник копья с узким пером, длина наконечника 28 см; пера - 15 см; бронзовый кинжальный клинок длиной 24,4 см, шириной 4,2 см, в треугольном выступе основания два отверстия для скрепления с рукоятью бронзовыми стерженьками (табл. XXXVIII, 46); шейная гривна из массивного оловянного прута толщиной 1,1 см, с концами, расплюснутыми до 1,8 см в ширину и свернутыми в завитки, диаметр гривны 12 см; 31 бронзовая бусина и неясного назначения маленький стержень. Находка 1934 г. (93, с. 178-200).

Ряд предметов из разрушенных погребений на территории могильника. Железный топорик с молоточковидным выпуклым обухом, длина 17,7 см, ширина лезвия 6,5 см, диаметр проушины 2, 4 x 2,8 см (табл. XXXV, 29), (АГМ, CVIII, 101). Другой железный топорик со следами ребер на стенках проуха (табл. XXXV, 28). Обломок бронзового топора с клиновидным обухом, со слабым ребром на боковом поле, по обеим сторонам которого ряд запунктиренных кружочков. При переходе от обуха к проушине на боковых стенках в верхней части елочный орнамент, а на верхних гранях два ромба, заполненных тремя рядами точек. От ромбов вдоль проушины тянутся елочные дорожки (табл. XXXV,

8), (АГМ, CVIII, 102). Бронзовый топор с клиновидным обухом, наконечник копья (дротика?) с расщепленной, частично отломанной тульей и с треугольным пером; пинцет; поясная скорлупчатая бляшка с крючком; две литых конических бляхи с петлями и с украшениями в виде двух смотрящих в противоположные стороны зооморфных головок; двумолоточковая головка с отверстием от булавки, относящейся, видимо, к дольменной культуре; глиняная кружка. Находка 1927 г. (93, с. 152, ГМГ). Наконечник бронзового копья с расщепленной тульей, на которой выгравированы два бегущих в разные стороны животных, спинами друг к другу между двумя поясками с зубчатым орнаментом (93, с. 212-213, АГМ). Часть культового облачения - нагрудника, выкроенного из бронзового листа в форме соединенных вместе змеиных (фаллических?) протонов, как бы вырастающих из общего тела. Между ними полукруглое пространство около 19 см в диаметре. Края предмета орнаментированы вдоль со всех сторон пунктирной линией. В средней части основания размещены три круглых выдавленных четырьмя концентрическими уступами выпуклости. На поверхности вдоль каждого протома выбито с изнанки толстой пунктирной линией и очерчено с лица тонким пунктиром извивающееся тело змеи со стреловидной головкой (табл. XLVI, 2). Находка 1930 г. (93, с. 164-166, АГМ). Три бронзовых ножных кольца (АГМ, 1250).

53

145. Бронзовый слиток диаметром до 14 см, толщиной до 3 см в северной части Верещагинского холма (АГМ, CVIII, 103).

146. Остатки селища эпохи поздней бронзы на холме к востоку от Верещагинского холма в пос. Амжасара (93, с. 5-8).

147. Три бронзовых предмета, снабженных грибовидными конусами на стерженьках с треугольными отверстиями «в кургане в с. Эшеры в 6 верстах от Сухума» (165, с. 112). Один из этих предметов - бронзовая поясная пряжка, правая якоревидная часть начинается треугольником, на каждом углу которого грибовидный (фаллический?) выступ, ниже - перекрестие с пятью такими же выступами, у которого снизу крюк. Левая часть начинается треугольной петлей и кончается большим перекрестием, оформленным на крыльях фигурками баранов, смотрящих врозь. Из-под ног обоих баранов расходятся по три грибовидных выступа. С крыльев свисает по грозди из четырех таких же выступов. Аналогичная гроздь завершает и конец основного стержня. Орнамент жгутом (табл. XXXIX, 21), (АГМ, 210). Другой предмет - обломок отдельно литой рукояти кинжала (114, с. 132).

148. Три бронзовых топора в с. Эшера. Находка 1962г. (АГМ, 708).

149. Бронзовый клинок в с. Эшера. Лезвие широкое с продольными желобками. В верхней части клинка язычок с двумя отверстиями для крепления рукояти (АГМ, 1243).

150. Два массивных овальных бронзовых кольца толщиной 0,70,9 см со внутренним диаметром 5 6,5 см в с. Эшера. Находка 1934 г. (АГМ, 222730).

151. Бронзовый топор с рукоятью длиной 29,1 см (АГМ, 1309) и ряд других предметов из с. Эшера. Ножные кольца, пряжка от узкого бронзового пояса, конусные поясные украшения, наконечники бронзовых копий с длинной открытой тульей и прямоугольным основанием листа, узкие бронзовые кинжалы с продольными ребрами и желобками по лезвию, сплошной цилиндрический ребристый широкий браслет, два куска светлого металла, несколько каменных бус; темно-синяя буса-подвеска в форме

усеченной пирамиды с основанием 0,7x0,7 м, высотой 1,4 м. Находка 1930 г. (58, с. 58-64).

152. Бронзовый топор с гвоздеобразно-клиновидным обухом, асимметричным лезвием и тремя ребрами на внешней стороне проуха из погребения IXVIII вв. до н. э. в с. В. Эшера на участке А. С. Аветисяна. Длина 15,4 см, ширина лезвия 7 см. Вместе с топором были бронзовый наконечник копья и дротик (219).

153. Группа дольменов в пос. КюрДере (В. Эшера). Дольмены расположены по одной прямой поперек склона террасы, имеющей направление с запада - северо-запада на восток - юго-восток. Дольмены состоят из пяти плит.

54

Часто имеется еще одна плита, служившая полом. План дольменов-трапециевидный, с широкой передней и узкой задней стенкой. Передняя стенка выше задней. Пазы в боковых плитах и поверхность плит обработаны тщательно. В передней стенке по средней линии в нижней части плиты круглое отверстие, затыкавшееся каменной втулкой. Фасад дольменов на юго-восток, кроме одного, фасад которого на юго-запад. Дольмен № 1. Раскопан в 1930 г. Размеры передней плиты - высота 2,1 м, ширина 2,93 м, диаметр отверстия 0,42x0,36 м, толщина плиты 0,2 м, толщина боковых плит 0,40,5 м. Длина боковых плит - 3,68 м и 3,69 м. Пазы 11 см ширины с округлым зашлифованным дном. Передние пазы находятся на расстоянии 40 см от края. Высота задней стенки 1,7 м. Ширина покровной плиты спереди 5,25 м, сзади 4,85 м. Длина ее 3,7 м. Вес верхней плиты около 22,5 т. Нижней плиты нет. Дольмен разграблен. Инвентарь (АРМ): полые сферично-плоские пуговицы с двумя или четырьмя треугольными врезами на плоской, а в одном случае и на выпуклой стороне, диаметр от 1,3 до 4,9 см; бочонковидная и круглые бронзовые бусы, пронизи, серьги в виде спирально завернутой проволоки с утолщениями на концах - длина 2,1 см; две булавки со сферическими треугольно прорезными головками, длина до 95 см; две парных птицевидных застежки с треугольными хвостиками, с круглыми отверстиями в туловище и головками с двумя ушками, длина 4,2 см; фрагменты спирального браслета и другие бронзовые обломки; брусочек из сланца с отверстием, длина 11 см; несколько обломков черно и красноглиняных сосудов (58, с. 17-19; 93; с. 266-268; 96, № 1118).

Дольмен № 2 (по Б. А. Куфтину дольмен, находящийся на одной линии с № № 1, 3, 4, 5 и стоящий между дольменами № 1 и № 2 по М. М. Иващенко). В нем прослежены вторичные захоронения в толще от дна дольмена до высоты 41-55 см. Найдено около 30 черепов. Инвентарь в юго-западном углу: медный крюк, горшочек с короткой шейкой, скопление бус, медный ножичек, два сосудика - скорлупчатая чашечка и чашечка с коническими стенками; в левом заднем углу - миниатюрный горшочек, в метре от последнего к центру - медный ножичек (93, с. 273-276; 96, № 1119). Дольмен № 3 в 30 м к востоку от № 1. Ширина передней плиты 2,5 м, толщина 0,35 м. Правая боковая плита шириной 2,65 м, левая 2,55 м. Ширина задней плиты 2,02 м. Ширина верхней плиты 3,5 м, толщина 30 см. Выступы боковых плит до 0,5 м. Уцелел от грабителей костяк с наконечником копья (58, с. 20-21). Этот дольмен - дольмен № 3 у Б. А. Куфтина (93, с. 272-273; 96, № 1120).

Дольмен №4 в середине между № 3 и № 5. Фасад на юго-юго-запад. Размеры отверстия 0,49x0,51 м. Ширина верхней плиты 2,94 м, толщина

55

0,25 м. Инвентарь: в передней части дольмена вислообушный топор длиной 18 см, ширина лезвия до 4,5 см; бронзовый острый крючок с четырехгранной тульей, на каждой грани орнамент в виде змей, грани разделены жгутовым орнаментом, по бокам тульи два круглых отверстия. Длина крюка 17 см, втулки 95 см (табл. XXXVIII, 4); 3 бронзовых листовидные клинка длиной 11,520 см, шириной 3,56 см (табл. XXXVIII, 26); один наконечник со срединным ребром; бочонковидная с выступами подвеска длиной 3 см; 5 бронзовых и 1 каменная буса; 5 красноглиняных сосудов, 4 со штифтиковыми ручками, один с выступами. Высота наиболее сохранившегося сосуда 12,5 см, диаметр горлышка 12 см, диаметр доньшка 8 см, высота горлышка 2 см, ниже горлышка орнамент с небольшими круглыми вдавлениями, на ручке елочный орнамент; каменные изделия - зернотерка, брусок из гальки, длина 18 см (58, с. 31). В задней половине дольмена 1012 погребений. Инвентарь: трехзубый медный крюк со шнуровым орнаментом на тулье (табл. XXXVIII, 1), вислообушный топор в северо-западном углу, длина 16 см, ширина лезвия 4 см, шейки 2 см (табл. XXXIV, 1); треугольное лезвие ножа; миниатюрная чашечка и горшок с узким горлышком у задней стенки (93, с. 276-277; 96, № Ц21).

Дольмен № 5 в 40 м к востоку от № 3. Ширина передней плиты 3 м, высота 2,28 м, толщина 0,28 м. Размеры овального отверстия 0,46x0,37 м. От верхнего края отверстия до верхнего края плиты 1,5 м. Инвентарь: в восточном углу несколько черепов и узкий, слегка расширяющийся к лезвию, медный топор со слегка заостренным обухом. Длина 14,5 см, ширина лезвия - 4 см (табл. XXXIV, 2); два листовидных медных клинка: один 18 см длины (стержень 5 см) и 3,2 см ширины (табл. XXXVIII, 3), второй - 13 см длины и 2 см ширины; две тонкие стрелковидные медные пластинки с коротким черенком, длина 3,5 см и 8 см; три обоймочки овальной формы; 17 бочонковидных круглых медных бус, подвесок и колечек; четыре спиралевидных серьги с утолщениями на заходящих концах; три округлых в разрезе колечка размером 1,5x1,6 см; две сферических треугольно прорезных пуговицы; небольшое медное навершие - цилиндр с отверстием 0,8 см в диаметре, с тремя бараньими головками наверху, высота 2,5 см; птицеобразная застежка с широким хвостом и бараньей головкой с закрученными рожками, длина 5,5 см, высота 3,4 см; сланцевый брусок с отверстием, длина 12 см; фрагменты четырех серо- и красноглиняных сосудиков (58, с. 23-27). Этот дольмен - дольмен № 5 у Б. А. Куфтина (93, с. 269-270; 96, № 1122)

Дольмен № 6, раскопанный в 1937 г. Л. Н. Соловьевым, в юго-восточном углу остатки шести вторичных погребений. Инвентарь: фрагменты нес-

56
кольких сосудов, мелкие и крупные медные и бронзовые бусы, украшения в виде двух сросшихся вершинами треугольников, две бронзовые булавки, прорезные головка и пронизь, две бронзовые серьги с заходящими концами. У восточной стенки три вторичных погребения. Инвентарь: фрагменты бронзовой жуковины и большой бронзовой бусины. Дольмен № 7 (№ 1 по О. М. Джапаридзе) в 10 м от дольмена № 1. Восточная плита - длина 3,75 м, высота 1,6 м, толщина 0,38 м; западная плита - длина 2,9 м, высота 1,8 м, толщина 0,32 м; северная стенка - длина 2,3 м, высота 1,6 м, толщина 0,25 м. Диаметр отверстия на юго-восток - 0,41 x 0,48 м. Два культурных слоя. Верхний с двумя погребениями эпохи поздней бронзы - кости на камнях, бронзовый наконечник копья (табл. XXXVIII, 18), два бронзовых пластинчатых пояса с ушастыми головками

длинношеих животных на пряжке (табл. XXXIX, 29), 56 биконических бронзовых бус, 2 бронзовых завитка и 2 спиральки. Нижний слой содержал много погребений - беспорядочных скоплений костей с предметами. 3 бронзовых булавки с ажурными головками, 2 кинжальных клинка (табл. XXXVIII, 41, 42), длинная пластинка с острием на одном конце и двумя завитками на другом (табл. XL, 20), 4 височные подвески, 3 завитка, 25 различных бус - биконических, с шишечками, бочонковидных, ажурных, гвоздевидных, фигурки, зубы коровы, фрагменты двух кувшинчиков, орнаментированных врезными пересекающимися вертикальными линиями, шевронами, слегка наклонными насечками вдоль горловины (табл. XXII, 3, 10). Слой датируется концом ранней бронзы (45, с. 79-92; 96, № 1123).

Дольмен № 8 (№ 2 по О. М. Джапаридзе) рядом с предыдущим. Западная плита: длина 2, 26 м, высота 1,2 м, толщина 0,22 м; восточная плита: длина 2, 25 м, высота 1,25 м, толщина 0,22 м; южная плита: длина до 2 м, толщина 0,4 м; северная стенка: длина 1,8 м, высота 1,2 м, толщина 0,16 м. В культурном слое более 20 погребений. Медный стреловидный клинок (табл. XXXVIII, 7), колечко, височная подвеска, фрагменты глиняных сосудов, один в виде чаши (табл. XXII, 7), другой с ручкой (табл. XXII, 8), венчики у большинства вертикально загнуты (табл. XXII, 11). Орнамент косыми насечками. Инвентарь датируется второй половиной эпохи ранней бронзы (45, с. 93-95; 96, № 1124).

Дольмен № 9 (№ 3 по О. М. Джапаридзе) в 10 м от предыдущего. Северная плита: длина 4,14 м, высота 1 м, толщина 0,3 м; восточная плита: длина 1,82 м, высота 1,4 м, толщина 0,26 м; южная плита: толщина 0,15 м. Инвентарь: бронзовый маленький наконечник, бронзовая пластинка, кремневые наконечники стрел с выемчатым основанием (табл. XV, 20), глиняное прясло, фрагменты от 5 сосудов. Орнаментация горизонталь-

ными или вертикальными пучками полос (табл. XXII, 9), косыми насечками, обломки сосуда с конически сужающимися к дну стенками (табл. XXII, 12). О. М. Джапаридзе датирует инвентарь 2400-2200 гг. до н. э. (45, с. 95-100; 96, № 1125).

В 1937 г. Б. А. Куфтин раскопал еще 2 дольмена, материалы из которых, используя его полевые записи, опубликовал О. М. Джапаридзе (46, с. 212-239). В дольмене № 2 прослежено четыре разновременных слоя, последний из которых датируется колхидкой (46, с. 220).

Комплекс предметов, происходящих из разграбленных дольменов этой группы. Навершие с бараньими головками, смотрящими врозь, ажурная головка булавки, предмет, напоминающий миниатюрную остродонную кружку с ручкой, два завитка (табл. XLIV, 17), стержень с четырьмя лопастями в средней части, биконическая бусина с шишечками по ребру (табл. XLVII, 24), (45, рис. 33).

154. Погребение VIII-VII вв. до н. э. в пос. В. Эшера в 1,5 км к западу от дольменов. Бронзовый инвентарь: кинжал с массивной отдельно литой рукоятью, длина 28 см, пряжка поясная литая в виде надвое согнутой бронзовой пластинки шириной 5,6 см (ширина пояса), в средней части которой длинношеяя зооморфная ушастая головка; 14 бронзовых биконических и 30 сердоликовых бусин; височный завиток (табл. XLIV, 20); навершие булавы; сложные головки двух булавок и обломок стержня к ним; две сложные четырехъярусные девятизвенные привески, каждая из которых состоит из полый, полушарной шипастой, сзади прорезной жуковиной, с двумя петлями, с которыми

соединены два полых ажурных перевернутых конуса, нижними ушками своими, в свою очередь, соединяющиеся с верхними петлями двух коромыслиц, соединенных нижними колечками с петлями на спинках двух миниатюрных птичек с распростертыми крыльями и развернутым хвостом либо с перевернутыми головчатыми конусами; обрывок поясной ленты; концевая головчато-конусная подвеска на коромыслице; обломок ленты, четыре верхушки конусно-колокольчатых украшений, передняя часть фигурки фантастического животного («гвера»), несколько десятков обломков листовой бронзы, обломки трех слабообожженных сосудов (114, с. 126-177).

155. Комплекс бронзовых предметов приобретен Н. С. Замятниным в пос. В. Эшера. Наконечник копья с лезвием, слегка суженным в середине. Расщепленная туля у пера орнаментирована поясками елочного орнамента. В нижней части тульи дырочки для крепления древка. Длина 24 см, ширина пера 2,8 см (табл. XXXVIII, 14), (МАЭ, 54051). Полая конусовидная бляшка с петелькой изнутри, с двумя головками животных. Размер: 6х4,5 см (табл. XLVI, 1), (МАЭ, 54052). Концевой обломок шейной гривны, 58

слегка сплюснутый конец покрыт снаружи тремя рядами косых насечек. Длина 8 см, ширина конца до 0,5 см (МАЭ, 54053). Небольшой предмет в виде шестиконечного «цветка», каждый лепесток которого представляет стержень с выпуклой шляпкой. В центре предмета круглое отверстие. Диаметр 2,3 см (табл. XXXVII, 43), (МАЭ, 54054).

156. Селище конца эпохи поздней бронзы в пос. Красный Маяк на западной окраине г. Сухума. На береговом валу длиной около 400 м и шириной до 0,5 км пятнами на глубине до 1 м культурный слой, насыщенный текстильной керамикой, обожженной галькой, керамическим шлаком, обработанными расщепленными морскими гальками, одна из которых - выемчатое долото. Костяное орудие - шильце либо крючок (160, с. 33). В юго-восточной части селища следы кострищ, около них текстильная керамика и много глиняных рогаток двух типов - с круглым сечением стержня и четырехгранных в сечении. Размеры: длина 1520 см, длина развилок 23 см, диаметр сечения колышков первого типа до 34 см, второго - 2х2 см. Концы колышков заострены. Бытовая керамика с выпуклым туловом и слегка отогнутым венчиком, изготовлена на гончарном круге, орнамент елочный, волнообразно врезными линиями, сетчатый (172, с. 185-188).

157. Погребение эпохи поздней бронзы в северо-западной части селища в пос. Красный Маяк. Вымостка из мелкой гальки, на которой два глиняных сосуда. Находка 1935 г. (159, с. 275-276, АГМ).

158. Остатки двух погребений VIII-VII вв. до н. э. в 10 м от берега на селище в пос. Красный Маяк. В двух из трех сосудов, стоявших вверх дном, кости, части черепов, миска, закрывавшая первую урну, железный изогнутый прут. В третьем кувшине - бронзовая прямоугольная пряжка, круглая поясная бляха, инкрустированная соляным знаком, пронизь, две бронзовых дугообразных фибулы и грузило из плоской гальки. Находка 1947 г. (158, с. 89-90).

159. Могильник X-VI вв. до н. э. в пос. Красный Маяк. Исследовано 131 погребение. Вторичные погребения в кувшинах либо прямо в грунте и труположения, главным образом, в скорченном положении на боку, головой на северо-запад либо на юго-восток. Дно могил вымощено галькой. Инвентарь: керамика, железное и бронзовое оружие, браслеты, фибулы, инкрустированные пряжки, бусы. Раскопки 1956-1959 гг. (172, с. 193-207, АБНИИ).

160. Гумистинское поселение эпохи ранней бронзы (рубеж III-II тыс. до н. э.) в 3 км к западу от г. Сухум в с. Ачадара. Дисковидные мотыги «сухумского» типа (табл. XVII, 3), миниатюрные каменные каплевидные подвески с просверленными отверстиями (табл. XVIII, 14, 15), обломок

59

каменного ножа и другие изделия из камня (табл. XVI, 24; XVII, 57, 17, 20; XVIII, 10, 11). Большинство керамики имеет буровато-красное или черное лощение. Сосуды баночной или бадьевидной формы, глубокие миски, небольшие миски-ситечки для процеживания жидкостей. Ручки петлевидные, в двух случаях ластовидные выступы. В верхней части у венчика налепливались выпуклые шишечки. Орнамент резной, линейно-геометрический, штамповый, часто вокруг сосуда налеплялся глиняный жгут с зубчатыми насечками (табл. XVIII, 21; XIX, 20, 21, 24, 27-31, 38, 43, 54; XX, 2, 9, 10, 12, 13, 19, 26, 27, 34-40, 42, 44, 45; XXI, 18, 19, 23, 30-32, 37, 38, 43, 44, 56), (158, с. 148-149; 22, с. 14-17, АГМ).

161. Курганная насыпь в центре Гумистинского поселения в 3 км к западу от г. Сухума. В ней могильник конца III тыс. до н. э. 4 погребения в скорченном положении, головой на юго-запад, обложены большими камнями. В одном погребении - миниатюрный каменный топорик с начатым сверлением и маленькая каплевидная подвеска с отверстием, изготовленная из плоской сланцевой гальки, глиняные горшочки слабого обжига (158, с. 148; 22, с. 17-18, АГМ).

162. Селище эпохи ранней бронзы в районе Сухумского вокзала. Лошила (табл. XVII, 9), подшлифованные орудия, каменные ножи (табл. XVII, 8), песты и др. предметы (218, АГМ).

163. До десятка топоров эпохи поздней бронзы найдено в п. Лечкоп в различные годы (АГМ, 93, 96, 97, 259, 826, 936, 1194).

164. Два бронзовых топора эпохи средней бронзы с круглыми проушинами, провисающими обухами и узкими лезвиями в пос. Лечкоп. Длина одного 16 см, диаметр проушины 3 см, ширина лезвия у края 4,6 см, у перехода к отверстию 4,2 см. Обух провисает на 3 см, образуя на тыльной части выпуклину. Другой топор длиной 15,7 см, шириной лезвия у края 4,7 см, проушина 4 см. Обух провисает на 2 см. Диаметр отверстия 3 см (табл. XXXIV, 3, 4). Находка 1961-1962 гг. (АГМ).

165. Два литых бронзовых топора со слегка провисающим обухом в пос. Лечкоп. Первый с исковерканным обухом, видимо, с круглым отверстием. Длина 17 см, ширина лезвия у края 7 см, у проушины 4 см. Другой топор длиной 16 см, ширина лезвия 5 см, обух провисает на 1 см. Тыльная часть обуха слегка выклинивается. Диаметр проушины 3,1 см (табл. XXXIV, 5, 6), (АГМ).

166. Бронзовый топорик и несколько бронзовых сечек в пос. Лечкоп. Находка 1933 г. (58, с. 55).

167. Клад из 15 бронзовых топоров (два в АГМ) в пос. Лечкоп. Находка 193 г.

168. Бронзовый топор с возвратом средней грани в пос. Лечкоп (АГМ, 1278).

169. Погребение VIII-VII вв. до н. э. в пос. Лечкоп. Бронзовый массивный

60

шейный обруч, внутренний диаметр 1212,5 см, диаметр стержня 1,4 см. Концы сплющены до ширины 3,3 см и закручены наружу. Внешний диаметр завитка 1,6 см (табл. XLII, 1). Бронзовый кинжал со слегка выраженной у острия гранью. Длина 28,5 см.

Длина лезвия - 26 см, ширина - до 2,2 см. Небольшой черешок длиной до 2,5 см, на конце имеет дырочку для крепления рукояти (табл. XXXVIII, 49), (АГМ, 699-700).

170. Следы поселения эпохи ранней бронзы выявлены при строительстве 4-й школы г. Сухум. На глубине 4 м в слое синей глины черепки посуды, орудия из морской гальки, кремневые отщепы, грубая овальная зернотерка. Находка 1937 г. (163, с. 47).

171. Каменный молот с желобчатым перехватом и лопастной рабочей половиной в Ботаническом саду г. Сухум (табл. XVII, 18), (93, с. 278, АГМ, 1236).

172. Бронзовый топор с гвоздеобразно-клиновидным обухом в Ботаническом саду. Находка 1929 г. (АГМ).

173. Обломок глиняного сосуда, датированный А. А. Миллером бронзовой эпохой, на дне Сухумской бухты под 9 метровой толщей отложений (82, с. 10-16).

174. Клад, включавший 7 бронзовых сечек в глиняном сосуде в г. Сухум. Находка 1912 г. (58, с. 56; 85, с. 25).

175. Черепки глиняной посуды и орудия из морской гальки конца бронзового века на глубине 1 м на углу улиц Мира и Фрунзе в г. Сухум. Находка 1936 г. (146, с. 105, АГМ).

176. Кремневый наконечник стрелы раннебронзового периода в верхнем слое при раскопках Севастополиса в г. Сухум. Находка 1959 г. (11, с. 217, АГМ).

177. Два бронзовых наконечника копий на территории санатория МВО (219).

178. Каменный грубо отшлифованный топор-молот на Сухумской горе (АГМ).

179. Овальный курган на склоне Сухумской горы (179, с. 16).

180. Клад бронзовых вещей на южной вершине Сухумской горы. 12 крупных и 1 небольшой (табл. XXXIV, 18) топоры с асимметричными лезвиями, с тремя гранями на внешней стороне проуха и частью с гвоздеобразно-клиновидным обухом, в отдельных случаях обух без шейки, уплощен (табл. XXXV, 15). Длина топоров 17,5-21,8 см. Два обломка от однотипных топоров, два орудия типа долот, обломок сечки, три медных слитка. Клад относится к концу II - первым десятилетиям 1 тыс. до н. э. (75, с. 74-76, АГМ).

181. Поселение XII-VIII вв. до н. э. в северо-восточной части седловины у подножия северной вершины Сухумской горы. Кости животных, зернотерки, несколько отщепов из кремня и гальки. Керамика лепная вручную либо на круге, иногда каннелированная (табл. XXIII, 5). Орнамент елоч-

61

ный, рядами треугольников (табл. XXII, 28), широкими бороздками, штампованными косыми штрихами, желобками (табл. XXIII, 10), сетчатым штампом, накладными жгутиками, имитацией отпечатков ткани. Венчики отогнутые, часто жгутовидно оформленные (табл. XXII, 40), ручки рогатые (табл. XXII, 25). В нижнем горизонте слоя остатки меде плавильни - керамические тигли, комки пережженной глины, остатки глиняной обмазки (75, с. 83-87, АГМ).

182. Погребение эпохи поздней бронзы на Сухумской горе содержало костяк головой на юго-запад, три бронзовых топора, однотипных с найденными в кладе, слегка граненный бронзовый браслет, два глиняных сосуда (75, с. 77).

183. Позднеэнеолитическое поселение на вершине холма Гуадику. Инвентарь: каменные орудия - тяпкообразные и дисковидные мотыжки, шлифованный топор, долота (табл. XVI, 19), резак, зернотерки, сферические терочники, грузила для сетей (табл. XVIII, 6), шары для пращи (табл. XVI, 25), подвеска с биконическим отверстием (табл. XVIII, 16).

Кремневые орудия - мотыги, наконечники стрел, ножевидные пластинки, сечения, скребки, резцы, 2 небольших слитка свинца. Керамика: плоскодонные сосуды с петельчатыми ручками, сделанные вручную, с примесью в глине песка, дробленого кварца, шамота, иногда выгорающая органическая примесь. Большинство сосудов ангобировано, с последующим хорошим сглаживанием. Днища иногда с выступающим поддоном, массивные. Орнамент резной, елочный, колосковидный, ступенчатый, иногда рельефный, из овальных зигзагообразно положенных валиков. У небольших мисок по краю венчика налеплялись группы шишечек (табл. XIX, 4, 6, 8-10, 12-15, 33, 35, 37; XX, 18; XXI, 12, 16, 22, 47), (174, с. 213; 26, с. 33-35, АГМ).

184. Бронзовый топор и шлаки, полученные при плавке медной руды в восточной части вершины Гуадику. Находка 1935 г. (58, с. 53).

185. В погребении самого конца эпохи поздней бронзы на вершине Гуадику бронзовые сечки (табл. XXXVII, 35, 36), (174, с. 215).

186. Остатки двух жилых помещений первой половины 1 тыс. до н. э. на вершине Гуадику (174, с. 214).

187. Грузила из гальки с выемками по краям на правом берегу р. Беслетка (Басла) в 1,5 км от берега моря (АГМ, 635).

188. Кремневые наконечники стрел в пос. Н. Яштхуа. Находка 1940 г. (АГМ, 719).

189. Небольшая неолитическая стоянка на вершине г. Яштхуа (204).

190. Бронзовые предметы конца эпохи поздней бронзы в пос. В. Яштхуа (АГМ, 937-940). Три массивных литых овальных с закругленными кра-

62

ями завитка диаметром 2, 22,5 см (табл. XLIV, 23), плоская поясная пряжка в форме глубокого полукруга, инкрустированная треугольниками белого металла в рамке, большая пряжка-крючок, малая якоробразная пряжка (табл. XXXIX, 24), обломки двух массивных колец и 5 тонких бронзовых пластинок. Находка 1935г. (114, с. 150).

191. Полуразрушенное погребение позднебронзовой эпохи вс. В. Яштхуа. Вместе с костями найден ряд предметов. Обломок железного наконечника копья с пером, ромбовидным в сечении, диаметр тульи у пера 1,3 см, ширина пера до 3,5 см (табл. XXXVIII, 17); серебряный обломок; большой бронзовый пояс, состоящий из 7 звеньев, включающих 300 обоймиц, нанизанных в 3 ряда; пряжка в виде головы барана (табл. XXXIX 18); несколько бронзовых обоймиц - две целые и 20 обломков; большой литой колокольчик, стенки которого покрыты выпуклым растительным орнаментом, высота до 4 см, диаметр 2,7х 1,6 см. Под петелькой отверстие (табл. XLV, 18). Два целых малых бронзовых колокольчика и несколько обломков; высота одного с ушком 2,9 см, диаметр основания 1,2 см, в нижней части врезаны 2 пояска, а над ними сквозное отверстие; другой с отверстием в нижней части, высотой 2,8 см, диаметром основания 1,4 см (табл. XLV, 16, 17). Фрагменты 2х одночленных фибул, одна из которых с ромбовидной спинкой, разделенной пополам елочной дорожкой, по обеим сторонам которой врезаны кружочки; края ромба отделаны косыми линиями (табл. XL, 32). Отдельные звенья и крючки от бронзовой цепочки, внешний диаметр колечка 0,6 см. Несколько обломанных и 1 целый бронзовый круглопроволочный завиток с расходящимися концами (табл. XLIV, 22). Концы 4х круглопроволочных, орнаментированных насечками браслетов оформлены в виде змеиных головок, внутренний диаметр браслета до 5,3 см. Фрагменты узкого браслета, орнаментированного с внешней стороны елочкой, с концами в виде

змеиных головок (табл. XLIII, 5, 7). Обломки пластинчатого бронзового браслета с узкой спинкой (1,1 см) и с расширяющимися концами (до 2 см.). Диаметр браслета до 5 см. Орнамент наклонными насечками по краю и двумя рядами кружочков, соединенных черточками (табл. XLIII, 1). Другой пластинчатый браслет орнаментирован пояском скобочек по краю, двумя пунктирными линиями, заканчивающимися пунктирными же кружками с точкой в середине (табл. XLIII, 2); на спинке, выделенной двумя рядами скобочек, врезан кружочек с точкой, диаметр браслета до 5 см. Третий браслет покрыт несколькими рядами скобочек, перекрещивающихся на спинке (табл. XLIII, 4). Четвертый браслет со слегка расширяющейся спинкой, орнаментированный рядами скобочек, точек и одним или двумя врезными кружочками с точками (табл. XLIII, 3);

63

обломки еще двух пластинчатых браслетов (АГМ, 645). Несколько предметов, в том числе фигурка бронзовой лягушки, остались у Н. З. Бердзенишвили (204).

192. Группа дольменов фасадами на юг в пос. Цугуровка на самой высокой точке долины между гор. Яштхуа и Ахбюк, на участке Л. Мадеяна (табл. VI, 1). Дольмен № 1 (табл. VI, 2). Восточная стенка разбита на три куска, крышка сброшена. Обмеры: восточная стенка - длина 3,9 м, высота 1,4 м, толщина 0,2 м; западная стенка длина 4,1 м, толщина 0,2 м; северная стенка - ширина 2,15 м, толщина 0,35 м; южная стенка - ширина 2,6 м. Пазы прямоугольной в сечении формы, ширина 12 см, глубина 2 см. Расстояние между пазами в боковых стенках 2,7 м. Расстояние от паза до конца сзади 0,5 м, спереди 0,6 м.

Обломок, видимо, крышки шириной 3 м выступает из земли у западной стенки. К востоку в 3 м лежит плита размером 1,2 x 1 м.

Дольмен № 2 в 7 м к западу от № 1. Вертикально стоит только восточная стена, выступающая из земли на 0,5 м, в длину на 3 м. Передняя стенка шириной 2,42 м и толщиной 0,2 м упала внутрь дольмена, отверстие овальной уплощенной внизу формы слегка сужается внутрь. Обмеры его снаружи: вертикальный диаметр 40 см, горизонтальный - 47 см. Обмеры изнутри: вертикальный диаметр 37,5 см, горизонтальный 43 см. Расстояние от нижнего края плиты до отверстия 34 см. Через шурф, пробитый сквозь отверстие в грунте на 20 см, прощупывается донная плита. Западная стенка высотой 1,4 м опустилась внутрь дольмена на переднюю стенку.

Дольмен № 3 в 5,5 м к западу от № 2 (табл. VI, 3). Обмеры: восточная стенка - длина 4,1 м, толщина 0,45 м; западная стенка - длина 4,1 м, высота спереди 1,7 м, толщина до 0,45 м; северная стенка в земле; южная стенка - ширина 2,85 м, толщина 0,4 м. Крышка спереди обломана, длина - 3,2 м, ширина - 3,4 м, толщина - 0,5 м. На верхней поверхности вдоль крышки выбиты две канавки - у восточного края длиной 1,1 м, шириной 0,25 м, глубиной 0,15 м, у западного края до конца плиты шириной 25-42 см, глубиной 0,16 м. Обе «жертвенные» канавки начинаются на равном расстоянии от верхнего края плиты расширениями. Пазы желобчатые. С востока стенку подпирает плита размером 2x1,2x0,45 м. Она опирается на хорошо обработанную плиту, лежащую плашмя почти на поверхности. Длина последней 3,4 м, ширина 2,6 м, толщина 0,55 м. В 3 м к западу от дольмена лежит плита размером 1,7x1,7 м.

Дольмен №4 в 14,5 м к юго-западу - западу от № 3. На груде камня лежит крышка с желобчатыми пазами вниз. Обмеры ее: длина 3,2 м, ширина 2,7 м, толщина 0,4 м.

64

В 8,2 м к западу от № 4 почти на поверхности лежит «жертвенный» камень - плита подтреугольной формы со следами обработки. Обмеры: длина 2,55 м, ширина в верхней части 2,4 м, в нижней, северной части, 0,6 м, толщина до 0,35 м. В верхней части на поверхности плиты выбиты две канавки, соединяющиеся в середине плиты и одной канавкой спускающиеся до конца плиты. Восточная канавка начинается лункообразным расширением диаметром 13 см. Канавки местами также имеют лункообразные расширения по всему протяжению. Ширина канавок вверху 1012 см, внизу до 20 см, глубина до 57 см. Вокруг плиты при расчистке появились с востока до 56 крупных обломков известняка размерами до 0,80,9 м в длину. На двух из них имеются следы обработки. С запада у нижнего края плиты обломок с желобчатым пазом. Длина 0,75 м, ширина 0,37 м, толщина 0,15 м. Паз шириной 0,2 м, глубиной 34 м.

193. Пещера Михайловская (Гумская) в 7 км от г. Сухум в ущелье между горами Ахбюк и Каман, на склоне первой, на высоте 50 м. Входное отверстие шириной 1,4 м, высотой 0,5 м. Вестибюль пещеры засыпан на 2,5 м щебенкой и рыхлым делювием. Слой В лишен щебенки. С ним связаны 7 вторичных погребений, в которых преобладают кости конечностей и нижние челюсти. Погребения подстилались плоскими небольшими камнями. Инвентарь погребений: обломки плохо обожженной глиняной посуды, бронзовые спиральные пронизи, бронзовое кольцо с ушком, бронзовые бусы, две бронзовые височные подвески, подвеска из клыка (158, с. 81-96).

194. Каманский грот в 8 км от г. Сухум на восточном обрыве г. Каман. В слое Е - следы селища. Керамика грубая, темная, с песком, со сглаженной гребенкой поверхностью, с резным орнаментом, и изредка лощеная с орнаментом в виде остроугольных шевронов. В слое Д найдено 7 вторичных погребений, включавших отдельные, главным образом, крупные кости. Погребение 1 было прикрыто плоским камнем. Инвентарь: три бронзовые мелкие бусины, бочковидная бронзовая бусина, свинцовая бляха, сердоликовая бусина, крупный кремневый отщеп. Имеются следы «тризны». Погребения относятся к первой четверти второй половины II тыс. дон. э. (158, с. 86-90).

195. Передняя стенка дольмена с круглым отверстием в 1 км к северо-востоку от с. Михайловское (Гума) по дороге в с. В. Келасур (158, с. 72).

196. 9 бронзовых бус, надетых на бронзовую спираль, в пос. Каман. Находка 1953 г. (табл. XLVII, 25), (АГМ, 3125).

197. Слой эпохи ранней бронзы на поселении Каман-1 в юго-западной части г. Гумбиху. Обломки тонкостенной с округло-уплощенными доньшками керамики. Диаметры сосудов иногда значительны. Много сосудов миниатюрных с диаметром дна до 34 см. Поверхность изнутри и снаружи хоро-

65
шо сглажена, часть керамики обработана красным и черным лощением. Черепок в изломе бархатисто-черного цвета с незначительной примесью мелко толченого известняка. Черепок подвергался восстановительно-окислительному обжигу с последующим ангобированием для более успешной обработки лощилом. Узор у края почти прямых венчиков паркетный, в виде треугольных шевронов углами вниз (городки), горизонтальными линиями, несколькими параллельными рантиками по краю, пересеченными вертикально вдавленными линиями, вертикальными рядами полосок, идущих от слабо выраженного перехода к днищу к краю сосуда (табл. XIX, 44-

47, 49, 52, 53, 58, 60-64; XX, 3, 22-24; 46; XXI, 29). Здесь же кремневые сколы, резцы. Датировка - поел. четв. III тыс. до н. э.

198. Грот Иващенко в скалистых обрывах южного склона горы Гумбиху. Вход с юго-запада по узкому карнизу скалы. Коридор раздваивается вправо и влево. В левом коридоре в боковых нишах архаичные черепки. В правом - значительный культурный слой - фрагменты красной и серой, до блеска лощеной керамики, идентичной посуде с поселения Каман-1. Находка 1934 г. (218, АГМ).

199. Небольшой грот в 0,5 км к западу от поворота р. Гумисты под Андреевской пещерой, в 15 м над уровнем реки. Высота входа 1,5 м, ширина 4 м, длина до 20 м. Культурный слой толщиной более 2 м. В верхнем слое каменное точило со сверленной дырочкой, ниже обожженные кости и зубы мелкого рогатого скота, расщепленная сланцевая галька. Некоторые кости напоминают заготовки для шильц, на всех следы работы. Кремневый материал: невыразителен.

200. Обломки керамики с орнаментацией по ранту позднебронзового облика на западной окраине с. Андреевского (Апра) (184).

201. Курганообразное возвышение, сложенное в основании мергелем, в середине излуцины шоссе от с. Андреевского к г. Отсюш. По краям в обрывчиках на глубине 0,3 м от поверхности размывается керамика. Один сосуд с раздутым туловом; диаметр дна 5 см. Диаметр тулова на высоте 4 см от дна - 12,4 см. Лепка жгутовая. Ручка петельчатая, со штифтиком. Поверхность снаружи подвергнута лошению, масляниста на ощупь. Окраска поверхности не ровная от черной до светло-коричневой (табл. XX, 28).

Датировка - конец III тыс. до н. э. (?)

202. Гумская пещера на юго-западном склоне г. Отсюш (бывш. пос. Ленино). Площадь культурных наслоений до 400 кв. м. в передней части следы пяти раскопов (М. М. Иващенко?). Культурный слой глубиной до 1,1 м. Слой А - 10 см - современный слой. Слой Б - 40 см - светло-охристая, с золой, рассыпчатая земля, обломки средневековой керамики, железный прут. Слой В - 30 см - отделен от предыдущего прослойкой

66 с углем. Земля светло-желтая, рассыпчатая. Находок нет. Слой Г - 30 см. Также отделен от предыдущего слоя угольной прослойкой. Находки: обожженные кости, расщепленные гальки, мотыжки из гальки с острой спинкой (218, АГМ).

203. Погребение IX-VIII вв. до н. э. в каменном ящике в районе пос. Сухум ГЭС. Бронзовые наконечник копья, спиральная пряжка, диаметр спирали 6 см, длина 11,5 см, круглопроволочная шейная гривна (табл. XLII, 3). Находка 1934 г. (112, с. 40, АГМ, 865-867).

204. Группу дольменов указывают в верховьях р. Маденга к югу от р. Гумрипш (223).

205. Группу дольменов числом до 1012 указывают охотники на террасах в среднем течении р. Гумрипш (Генрипш), правом притоке р. З. Гумиста. В одном из дольменов, полностью сохранившемся, каменный пол (223).

206. Один дольмен на левом берегу р. Гумрипш в 4 км от впадения последней в р. З. Гумиста (223). Передняя плита: высота 1,5 м, ширина 1,8 м, толщина 0,3 м, отверстие 0,7 м от верхнего края, овальной формы 40x42 см, слегка сужается внутрь и направлено на север, то есть вверх по склону. Боковые плиты: западная - длина 1,95 м, высота 1,2 м, толщина 0,30,35 м, восточная - длина 2 м, высота 1,2 м, толщина 0,30,35 м, восточная - длина 2 м, высота 1,4 м, толщина 0,4 м. Задняя стенка: длина 0,6 м, высота 0,9 м,

толщина 0,35 м. Пазы желобчатые. Под боковые и переднюю стенки подложено по два или по три больших обломка сланца (табл. VI, 11). К востоку от дольмена в искусственном валу, в западной части которого он находится, прослеживаются два возвышения. Рядом с дольменом родник. Ближайшие выходы известняка находятся в полукилометре к юго-западу.

207. Группа дольменов в районе перевала Доу в плоской балке, пересекающей дорогу (158, с. 71).

208. Несколько обработанных кремней неолитического облика на самой верхней точке перевала Доу (табл. XIV, 35, 36).

209. Два дольмена без крышек в нижнем течении р. Ришеву в местности Водопад. Желобчатые пазы сделаны тщательно (158, с. 71).

Дольмен № 1. Отверстие на северо-восток. Ширина передней плиты 1,34 м, расстояние от верхнего края до середины отверстия 0,9 м, толщина плиты 0,3 м, ширина северной плиты 1,68 м, толщина до 0,4 м. Ширина южной стенки 1,8 м, толщина 0,3 м. Ширина задней стенки 1,1 м, толщина 0,15 м. Внутренние обмеры: 1,1x1,2x1,2x1,1 м. Диаметр отверстия 31-36 см (табл. VI, 12).

Дольмен № 2. в 20 м к северу выше первого. Ширина передней стенки наверху 1,58 м, внизу 1,68 м, высота плиты 1,64 м, толщина стенки до 0,4 м. Под переднюю стенку подложены плиты высотой по 0,5 м каж-

67
дая, ширина средней видимой плиты 0,5 м. Ширина северной стенки 2,58 м, высота до 2,2 м. Задняя и южная боковая стенки в земле. Толщина задней до 0,22 м, южной до 0,5 м. Внутренний обмер: 1,4x 1,52x 1,3x 1,4 м. Отверстие на северо-восток - восток овальной формы с уплощенной нижней частью - высота 0,26 м, ширина 0,36 м (табл. VI, 13), (204). Около дольменов свинцовое колечко и обломки толстостенной тонко отмученной керамики баночной формы с уплощенным дном. Поверхность изнутри хорошо сглажена, черная, как и в изломе. Снаружи - красная ангоба. Примесь песка иногда значительна (223).

210. Несколько пещер указывают псхувские охотники в 34 км от дольменов вверх по р. Ришеву к г. Дзышра. В одной из них сглаженные стенки, по которым в камне выбиты какие-то рисунки (218). Охотники упоминают три навеса к западу от тропы за перевалом на Хабью, которые имеют культурный слой (218).

211. Бронзовые предметы у впадения р. Ришеву в р. Бзыбь (218).

212. В 0,5 км к северу от центра с. Псху, к западу от главной дороги, в перелеске в разрушенном кургане из камней весом до 50 кг дольмен отверстием на северо-запад. Крышка выброшена, передняя стенка разбита (табл. VI, 14, 15). Обмеры: северная стенка - длина 2,6 м, толщина 0,35 м, высота сзади до 1,7 м, спереди до 1,2 м; южная стенка - длина 2,95 м, толщина до 0,5 м, высота сзади 1,7, спереди 1,2 м. Обе боковые плиты составлены из двух частей, подогнанных друг к другу подтеской Пазы желобчатые, в северной стенке имеются следы второго желобчатого паза рядом с пазом в задней её части. Восточная (задняя стенка) - ширина 1,88 м, высота 1,7 м, толщина 0,22 м. Передняя стенка также из двух частей. Отверстие диаметром до 42 см выбито в большей части плиты и имеет уплощение сбоку, образуя перемычку в 0,1 м с краем плиты. Пол дольмена был выложен плитками сланца.

- В том же перелеске еще несколько неразобранных насыпей и менгир Б 50 м к югу от дольмена. Высота наземной части 1,1 м, ширина в верхней части 0,5 м, в нижней 0,7 м, толщина 0,40,45 м. Основание менгира прячется в каменной насыпи (табл. VI, 16).
213. Группа дольменов в долине р. Агурипста (215; 58, с. 71).
214. Группа дольменов в верховьях р. Баул (215; 158, с. 71).
215. Один дольмен разрушен при строительстве дороги в пос. Санчар.
216. Следы поселения эпохи ранней бронзы в нижнем слое замка Баграта Инвентарь: грубые толстостенные лепленные вручную сосуды баночной формы, петлевидные ручки, костные шильца (219).
217. Курган, у которого найдены две бронзовые круглые бляхи с прорезными кружочками и две фигурные бронзовые привески, в Алексеевском ущелье
68
Первая, треугольная привеска, имеет на каждой стороне серповидную лунку, другая птицевидная. Находка 1909г. (165, с. 112, АГМ, 391-393,401).
218. Селище IX-VIII вв. до н. э. в верховьях Алексеевского ущелья на холме (Ахвылаабаа?). Сборы: толстостенные черные, с крупным беспорядочным рифлением снаружи, красные осыпающиеся изнутри обломки посуды, донышки слегка выпуклые, массивные. Ручки плоские, с поперечными валиками в верхней части, иногда рогатые (табл. XXII, 26), (208).
219. Бронзовая полая литая нога быка к северо-востоку от Сухума в с. Алек сеевка (Дзегута). Высота 6,5 см. Спереди и сзади вдоль ноги желобки (табл. XXXV, 31). Находка 1938г. (АГМ).
220. Бронзовый топор у кирпичного завода на левом берегу р. Беслетка (165, с. 110).
221. Кремневый наконечник дротика в ущелье р. Дзегута (табл. XV, 15), (58, с. 5).
222. Бронзовый топор с симметричным лезвием, возвратной нижней гранью и отломанным клиновидным обухом, в среднем течении р. Дзегуты на левом ее берегу. Ширина лезвия 6,1 см, длина до середины проуха 12 см (табл. XXXIV, 27). Там же в обрыве правого берега гранитный валун с просверленным отверстием. Диаметр валуна до 13,3 см, толщина 4,5 см, диаметр отверстия, сужающегося к середине, 4,5-2,5 см (табл. XVII, 21). Находка 1967 г. (208).
223. Бронзовый топор с гвоздеобразно-клиновидным обухом, асимметричным лезвием и тремя гранями на внешней стороне стенки проуха в 3 м к востоку от башни № 18 Келасурской стены на левом берегу р. Келасур. Длина 20,2 см, ширина лезвия 8,4 см (табл. XXXV, 22). Находка 1937 г. (214, АСГООПК).
224. «Много бронзовых вещей» в с. Ново-Черниговка на левом берегу р. Келасур (165, с. 108).
225. Мачарское селище эпохи энеолита и бронзы на берегу моря в 1 км к востоку от устья р. Мачара. Культурный слой прослежен на 400 м. Площадь раскопов 94 кв. м. Слой 1 - современный, в нижнем горизонте - кремневые пластинки, галечные отщепы, обломок зернотерки. Слой 2 - мощность 0,30,55 м. Следы искусственной галечной вымостки, яма глубиной до 1,8 м, на дне угольки, обломки керамики, частично с отпечатками тканей. Каменные орудия: зернотерки, резак, грузила, долота, тяпкообразные мотыжки «сочи-адлерского» типа (табл. XVI, 14); мотыжки «сухумского» типа, стамески, рубанки, проколки, наконечник с черешком, песты, грубые рубящие орудия, скребла, ножи, наковальни, гранитные отбойники, шары для пращи. Кремневые отщепы аморфны,

редко с ретушью; скребки, резцы, сегментовидные орудия. Керамика: 1) из слоя 3 - с чер-

69

ной, серой и буро-красной поверхностью (табл. XXI, 53); 2) серо-пепельно-красноглиняная с примесью шамота и песка, часто с пористой от выпадающих и выгорающих частиц поверхностью. Днища плоские, ручки плоскоовальные в сечении (табл. XXI, 48, 49), орнамент горизонтальными лентами и колосковый (табл. XIX, 34). Обломки сосудов с отпечатками тканей, керамических столбиков и четырехгранных брусков. Датировка слоя - XVII-XIV вв. до н. э. Слой 3 смыкается со 2 м. Мощность 0,35-0,5 м. Следы жилищ, возможно, хижин из плетеных прутьев - гумусированные пятна с находками. Каменные орудия, сделанные сколами, точечной техникой, редко с подшлифовкой: зернотерки, резак, стамески, остроконечники, долота, проколки, скребла, ножи, грузила, иногда с желобком (табл. XVIII, 7-9), шары; наковальни, гальки со встречным сверлением (табл. XVIII, 2), рубанки, наконечники, массивные рубила, ложила (табл. XVII, 10). Керамика: 1) темно- и светло-серая с пористой поверхностью; 2) с примесью песка, кварцита и слюды, буровато-коричневая и черная, в большинстве лощеная изнутри и снаружи, иногда ангоба, либо без лощения. Несколько обломков от прямоугольных сосудов, трехручный кувшин. Днища плоские, ручки петельчатые, вдоль них сверху иногда вдавленная полоса (табл. XXI, 1, 2), прикрепление к стенке с помощью шпунтика. Орнамент на лощеных сосудах геометрический, резной или гребенчатый, горизонтальными или вертикальными полосами, насечками, зигзагами, елочкой или колосками, штампами из треугольников и ромбов, каннелюрами, шевронами (табл. XIX, 16-19, 23, 25, 26, 32-34, 39, 48, 50, 51, 59, 66-70; XX, 5, 7, 8, 11, 15, 16; XXI, 6, 35, 39, 42, 46, 52, 55). Датировка слоя - начало II тыс. до н. э. Слой 4 мощностью до 1,3 м. Отделен стерильной прослойкой от слоя 3. Зольные пятна и группы валунов - очаги, следы жилищ-полуземлянок. Каменные орудия: галечные отщепы, резак, стамески, остроконечники, дискообразные мотыги «сухумского» типа (табл.

XVII, 4), долота, проколки, скребла, раскалыватели, зернотерки, несколько кремневых отщепов - на трех подправках. Керамика темно-красного и бурого оттенка грубой лепки (табл. XVIII, 24, 26). Поддоны массивные, примесь песка и гранитной дресвы. Венчики прямые, либо слегка вогнутые, орнамент отсутствует, лишь в одном случае врезана полоска у края. Рифление крупногребенчатое, вертикальное, на днищах отпечатки листьев (табл. XVIII, 19), в одном случае циновки. Датировка слоя - первая половина III тыс. до н. э. Раскопки 1964 г. (159, с. 272; 24, с. 113-126).

226. Селище Мачара-2 эпохи поздней бронзы на левом берегу р. Мачара на холме в 2 км от берега моря на площади 100x50 м. Керамика сизого цвета, плоскодонная, с рыхлой поверхностью. Ручки с роговидными выступами, между которыми нанесены параллельные по валику рубцы (табл. XXII,

70

22). Орнамент в виде косых насечек. Много обломков сизых, красноватых, желтых с большой примесью песка, с волнистым орнаментом (табл. XXIII, 34). Венчики слегка отогнуты. Толстостенные (до 2,5 см) красные изнутри, черные с редким рифлением снаружи обломки пифосов (223).

227. «Бронзовые браслеты, проволоку, пряжки» и другие предметы находят в районе поселения Мачара-2 (223).

228. Котел с бронзовыми фигурками людей и животных на Гульрипшской возвышенности на левом берегу р. Мачара. Находка 1932 г.
229. Следы поселений конца эпохи бронзы в 7 пунктах по холмам и гребням на левом берегу р. Мачара в 6 км от моря.
230. Комплекс бронзовых предметов в пос. Агудзера. Пластинчатый кинжал с отдельно литой рукоятью, длина 31,5 см, клинка - 21,7 см (табл. XXXVIII, 50); кинжальный клинок без рукояти; широколопастный пинцет, длина 15 см. Находка 1935г. (114, с. 130-131).
231. Связка из 58 вотивных бронзовых топориков в пос. Барнаут в 3 км к северу от с. Гульрипш. Длина одного топорика 9,3 см, ширина лезвия 2 см (табл. XXXV, 30), (221, АГМ, 3-66, 1).
232. Скопления керамики эпохи поздней бронзы в нескольких пунктах пос. Барнаут (223).
233. Клад 52 бронзовых предметов в глиняном сосуде на границе сел Пшаш и Богопошта. Поверхность сосуда хорошо сглажена, красная снаружи и черно-коричневая изнутри, в изломе две резкие полосы - красная и черная. Дно плоское диаметром 8,6 см. 9 целых сечек (табл. XXXVII, 20-24, 28-30, 32). Тыльная часть плоская или выпуклая, сужается к концу, либо сохраняет ширину от лезвия до тыла. Ширина тыльной части 2-3,2 см, у перехода к лезвию 4-5 см, длина тыльной части 3,7-5,5 см. Длина сечек 6,4-11,5 см. Ширина лезвия 8,8-12 см. У части сечек один конец лезвия более заостренный, чем другой. Вотивная сечка длиной 1,8 см, шириной лезвия 3,8 см (табл. XXXVII, 27). Один топор с клиновидным обухом, слегка опущенным лезвием, длина 18 см, ширина лезвия 6,5 см (табл. XXXIV, 24). Другой топор того же типа с обломанной обушной частью. Ширина лезвия 6,8 см (табл. XXXV, 10). Обломок расщепленной тульи копья (табл. XXXVIII, 1, 9). Округлая пряжка с прорезными отверстиями треугольной формы по кругу, у срезанной части с тыльной стороны по краю три парных гвоздеобразных выпуклины, а на противоположной стороне обломанный крюк. Размеры пряжки 6 x 6,4 см, толщина 0,2 см (табл. XXXIX, 26). Другая пряжка в виде овального кольца диаметром 3,75,2 см из стержня сечением 0,8 см. На одной стороне кольца гвоздеобразный (фаллический?) выступ. Диаметр шляпки 2,1 см. С тыльной стороны у пряжки две петли и крюк
71
(табл. XXXIX, 25). Третья пряжка в виде птицы с отломанной головой. Снаружи инкрустацией белым металлом показаны крылья. С тыльной стороны две петли и обломанный крюк (табл. XXXIX, 23). Четвертая пряжка треугольной формы с двумя прорезами в пластинке, в задней части которой три фигурки баранов, имеющие с обеих сторон туловища по головке, фактура шерсти показана поперечными врезами. Под баранчиками три отверстия. Спереди с тыльной стороны пряжки массивный крюк, основание которого, выступающее снаружи, обломано. Длина пряжки 7,2 см, ширина основания 5,8 см, толщина пластинки 0,4 см. Высота баранов до 2,5 см, (табл. XXXIX, 20). Ещё 10 обломков сечек и около 30 небольших слитков и их обломков. Находка 1963 г. (АГМ).
234. Грубая толстостенная керамика больших диаметров с охристо-красной изрытой поверхностью в пос. Бабушера. В изломе коричнево-черный черепок имеет очень много белой выпадающей и рассыпающейся примеси. Рифление крупнозубчатой (1 см = 2 зубца) гребенкой, беспорядочное (223).

235. Обломок шлифованного орудия из гальки и черешковый кремневый наконечник дротика с обломанным кончиком (табл. XV, 13), на поселении Чижоуш1 на западной вершине г. Чижоуш. Там же значительное число керамики позднебронзового облика (табл. XXII, 15, 17, 18; XXIV, 14, 22,23).

236. Насыпной курган, ориентированный северо-северо-восток - юго-юго-запад, на перевале к р. Келасур в 0,5 км к западу от с. Полтавское* у тропы, ведущей на западную вершину горы Чижоуш (табл. VII, 2). Длина насыпи 25 м, ширина 15 м, высота 4,5 м. На восточном склоне кургана след каменной кладки и несколько черепков средневековой посуды.

237. Обломки грубых толстостенных лепных баночных сосудов грязно-серого цвета с примесью песка на западной вершине г. Ягиш. Техника лепки ленточная. На днище снаружи остатки тканевых отпечатков. В этом районе следы стоянки эпохи ранней бронзы (218). Здесь же кремневая пластинка с боковыми выемками (табл. XIV, 32).

238. В нижнем слое Пацхирского укрепления энеолитические кремневые орудия (табл. XIV, 43), наконечник стрелы с отломанным черешком (табл. XV, 3), расщепленные гальки, грубая керамика позднебронзового облика с неровной поверхностью, с сильно загнутыми венчиками (табл. XXII, 19), либо вогнутыми (табл. XXIII, 18). Красноглиняные сосуды с двойными ручками, накладным валиком, рогатыми ручками (табл. XXII, 27). Лепка сосудов часто шматковая.

* *Исконно абхазское географическое название - Чижоуш.*

72

239. Пещера размером 10x12 м в 100 м к северу от Пацхирского укрепления. В верхнем слое красная рыхлая керамика.

240. Курганообразное возвышение над водопадом на левом берегу р. Барьял. «Здесь находят много человеческих черепов» (210). Высота насыпи прежде достигала 5 м, длина 12 м, ширина более 8 м. У подножия холма находили бронзовые предметы («кувшин и таз»). Холм сложен из огромных мергелевых плит и сохранился в высоту до 3 м.

241. Селище на вершине (969 м) г. Адагуа на площадке, ограниченной с юга и запада четырехметровыми обрывами. С востока и севера площадка была огорожена стеною из мелкого камня, остатки валов которой сохранились на высоту до 0,5 м и в длину на 12 м. У северной стены изнутри округлое помещение диаметром до 2 м (табл. VIII, 8). Сборы: фрагменты больших сосудов с сильной примесью песка и с резкой гребенчатой сглаженностью по черной наружной поверхности, фрагменты небольших сосудов баночной формы с почти прямым венчиком, черепки охристой, светлой окраски, тонкие, с примесью толченого кальцита или извести, выпавших на поверхности. Сосуды лепились вручную и вертикально сглаживались гребенкой. Донышки плоские, узоры в виде ряда косых вдавлений штампом под краем сосуда (табл. XXIII; 9). Часть обломков со следами черного и красного до блеска лощения. Среди каменных орудий несколько гранитных пестов (табл. XVII, 23).

242. Курганообразный холм на южной окраине с. Цебельда. Длина более 70 м, ширина 22 м, высота до 10 м. Вытянут холм с юго-востока на северо-запад. Форма его характерна для насыпи, хотя образование подобного рода останца в мергелях обычно (183). Шурф показал, что курган сложен из прессованных катышков мергеля. К северо-западу от его подошвы тянется мощный земляной вал длиной до 50 м, шириной до 4,5 м, высотой до

1,5 м. Следы такого же вала идут вдоль юго-западной подошвы холма в 10 м от него в длину на 60 м. Остатки вала и с северо-востока (табл. VII, 7). К северо-востоку болотце глубиной до 2 м, площадью 30 x 70 м.

243. Ранненеолитическое селище в 1,5 км к северо-западу от с. В. Лемса (Джи машта) на площадке 0,3x0,3 км. Инвентарь: кремневые резцы, сегменты, трапеции, резчики, проколки (табл. XIV, 11, 13, 15, 16, 18, 19, 23, 24, 29), расщепленные гальки, гранитные обломки, обсидиановые пластинки и проколка. Стрелка с выемкой у основания (табл. XV, 17). Керамика толстостенная грубая, иногда рыхлая, баночной формы, вероятно, из № 244. На полу «землянки» (прослойка из обожженной глины) донце со слегка наращенными стенками. Находки 1964-1967 гг.

244. Селище эпохи поздней бронзы в 100-200 м выше № 243, на площади до 10 тыс. кв. м. Керамика больших диаметров, с уплощенными сверху

73

массивными венчиками (табл. XXIII, 8). Орнамент в виде ряда наклонных полос по выпуклому прямоугольному в сечении налепному валику (табл. XXII, 29). Фрагменты рыхлые, пористые от выпадающей крупной белой пережженной кристаллической примеси, в изломе керамика черная, либо краснокоричневая в белую крапинку.

245. В районе селища № 244 находят «кости в кувшинах, бронзовые бусы, цепи» и другие предметы.

246. Клад бронзовых предметов в районе селища № 244. Бронзовые слитки, вес одного до 30 кг, бронзовые топоры, два из которых с асимметричным лезвием, клиновидным обухом, остроовальным отверстием и возвратной нижней гранью. Длина одного 16 см, ширина лезвия 6,4 см, диаметр отверстия 2,2-3 см (табл. XXXIV, 21). Длина другого топора 16,3 см, ширина лезвия 6,3 см, диаметр проуха 2,4-4 см (табл. XXXIV, 22). Бронзовое тесло длиной 21 см, шириной лезвия 5,5 см, со слегка расширяющейся тыльной частью, ширина которой 2,9 см, толщина 0,4 см (табл. XLVI, 14). Находка 1964 г.

247. Каменный ящик раскопан в местности Котловина между вершинами Ахупач и Прцха (бывшее с. Рождественское). Внутренние размеры - 2,5x0,8 м, толщина плит известняка - 0,2 м. Плиты хорошо обработаны изнутри. Другой ящик рядом, около 1,5 м в длину. Отверстий не обнаружено (158, с. 72). Из последнего ящика происходит кремневый наконечник дротика с черешком, длина - 8,3 см, ширина - 3 см, длина черешка - 1,4 см, ширина - 1,1 см (табл. XV, 14) и каменный топор с недосверленной проушиной, длина 10 см, толщина в середине 4 см, по краям 2,8 см. Диаметр отверстия 1,4 см (табл. XVII, 16), (АГМ).

248. «Почти на гребне г. Ахупач, на поставленных стоймя нескольких плитах лежит огромный плоский камень», рядом местные жители находили какие-то, металлические предметы.

249. Каменный молот с желобчатым перехватом в первом зале пещеры Белоснежка, находящейся к северу от впадения р. Джимеле в р. Келасур на правом берегу последней на высоте около 200 м. Длина 24 см, диаметр до 11,5 см, ширина выемки 3 см, глубина ее 0,7 см (табл. XVII, 19). Находка 1965 г.

250. Дольмен в пос. Сули (Счха) в 500 м к западу от Азантской школы неправильной трапециевидной формы с двумя отверстиями - одно побольше в передней стенке, другое в задней. Ширина передней стенки 2,7 м, высота 1,64 м, ширина задней стенки - 2,44 м, высота 1,44 м (158, с. 71; 96, № 1, 137). В дольмене много перемешанных костей,

фрагменты миниатюрных сосудов с плоскими доньшками и вертикально поставленным краешком, орнамент в виде ряда вертикальных полос, либо по всему тулову елочный, разделенный полосками (табл. I, 1, 2,5); бронзовый крюк (табл. XXXVIII, 5), спиральные обломки, гвоз-

74

дики с грибовидными шляпками, стреловидный предмет, булавка с завитком, кабаньи клыки и др. Раскопки Б. А. Куфтина 1947 г. (45, с. 101-102). Два дольмена упоминает в пос. Сули М. М. Иващенко. Обмеры одного из них: отверстие на север диаметром 41 см, ширина задней плиты 2,69 м, длина боковой плиты 3,5 м, высота ее спереди 2,6 м, толщина плит 0,25 м (58, с. 11).

251. Две каменные гробницы, рядом с № 250. Стенки из крупных неотесанных обломков известняка, иногда поставленных на ребро. Первое округлое помещение с выходом к югу, диаметр 2,3 м. Другое помещение прямоугольное, размером 1,4х1,8 м. В нем человеческие кости без инвентаря. Раскопки Б.А. Куфтина 1947 г. (158, с. 71).

252. Группа дольменов к востоку от с. Азанта у обрыва к озеру Амгкел. Дольмен № 1 (166). Обмеры: ширина передней плиты 2,37 м, высота 2,4 м, диаметр отверстия, направленного на юго-восток, 0,41х0,32 м; длина боковой плиты - 2,58 м, высота спереди 2 м, сзади 1,5 м; высота дольмена вместе с верхней и нижней плитой 3,4 м. Обмеры нижней плиты 2,07х2,24 м, толщина плит 0,5 м. На задней плите, проваленной внутрь, погребение эпохи поздней бронзы. Инвентарь: крупные литые бронзовые бусы, булавки со спиральными головками, своеобразно орнаментированная «бритва» (газ. «Заря Востока», № 96 от 15/V1947 г.). В основном различные бронзовые кольца, завитки (табл. XLIV, 18, 19), бусы (табл. XLVII, 23), плоские концевые с завитками булавки (табл. XL, 19), бронзовая скульптурка медведя, обломки от керамических сосудов с плоским дном, слегка отогнутым венчиком (табл. XXII, 4, 6). Раскопки Б.А. Куфтина, 1947 г. (45, с. 101; 96, № 1135).

Дольмен №2 в 25 м к северу, почти полностью в земле. Крышка кусками провалилась внутрь, длина боковых плит до 3 м, длина передней плиты около 2 м, глубина ямы в дольмене 1,5 м. В 100 м к северо-западу на поляне еще один дольмен, также почти в земле. Крышки нет. В 150 м к юго-западу от первого дольмена на вертикальных выходах известняка на высоте до 2 м лежит горизонтально плита со следами обработки. Толщина до 0,4 м.

253. Квадратный каменный ящик из известняковых плит размером 3х3 м, недалеко от большого дольмена. Вероятно, отсюда три бронзовые фигурки быков и крупная угловатая бусина. Длина фигурок 56 см, в спине у них круглые отверстия, рога изогнутые (165, с. 109; 58, с. 85; АГМ, 398-400).

254. Медный литой топорик в с. Азанта. Длина 12,2 см, ширина лезвия 6,5 см. Наружные поля обуха выделены двумя широкими неглубокими бороздами, образующими по обуху три слабо выраженных валика (табл. XXXIV, 10), (218, АГМ).

75

255. Грот Верхний на высоте 100 м над уровнем о. Амгкел на его западном склоне на 50 м ниже уровня плато, где стоят дольмены. Нижний этаж - светлое помещение со скалистым полом, за исключением впадины площадью 35 кв. м. заполненной землей. Небольшой шурф дал расщепленные кости, орудия из гальки, обломки керамики поздней бронзы. Верхний этаж - большое помещение овальной формы высотой до 5 м.

Между камнями на полу керамика поздней бронзы, черная в изломе. У входа в одну из них под обломком глиняного сосуда небольшой кусок ветхой почерневшей кожи, после обработки которой выявился рисунок, нанесенный концом тонкого режущего орудия. Можно разобрать фигурку оленя, а сзади нее неясный контур человека. Этот кусок кожи передан в ГосЭрмитаж (218).

256. Энеолитический культурный слой в гроте Джампал-1 в 200 м ниже слияния рек Джампал и Схча. Толщина слоя 1,5 м. Горизонт А - современный. Горизонт Б - темная, очень рыхлая земля, почти без щебенки, довольно много лощеной темно-коричневой керамики. Погребение на большом камне головой на северо-северо-запад, обложенное камнем. Череп, многие кости рук, лопатки отсутствуют. Обломок nelloщенного сосуда баночной формы с петельчатой ручкой. Горизонт в отделен от предыдущего слоя прослойкой угля и золы - следы больших кострищ. Керамика с красной, хорошо сглаженной поверхностью. Слой подстилается щебенкой и углем. Горизонт Г - немногочисленные сланцевые заготовки со следами шлифовки. Керамика грубая, хорошо сглаженная, с большой примесью песка. Ниже идет крупная щебенка, в которой появляются палеолитические орудия. Энеолитический материал (204, АГМ): 119 фрагментов керамики - 13 из них венчики сосудов, 2 обломка с ручкой, донная часть лощеного сосуда, обломок керамического ситечка, 28 кремневых сколов, костяная проколка, кости - нижняя челюсть человека, рог, зубы животных и др., шлифованная стамеска из черного камня, около 30 каменных орудий, заготовок и обломков. В 1966 г. полную раскопку слоя проводил Л. Н. Соловьев.

257. Позднемезолитические раннеолитические макролиты, сланцевые орудия, рубилообразные раскалыватели костей, долота, рубанки, трапецеобразные микролиты, зернотерки, терочки, мотыги-горбуши (табл. XVI, 1) в слое Б Холодного грота (154, с. 194).

258. Несколько сосудов позднебронзового облика размывается в восточной части с. Чина на склоне горы Пал. Сосуды больших диаметров, венчики слегка отогнуты, обжиг слабый, большая примесь песка, глина ярко-красная либо сизая.

259. Группа предметов энеолитического и раннебронзового облика найдена при обследовании пещер и гротов (Аханысхуа и др.) Багадской скалы экспедицией Л. Н. Соловьева в 1958-1966 гг.

76

260 Черепки темно-серой керамики «колхидского типа» в выемке шоссе у Чертова моста на правом берегу р. Кодор (210).

261 Древние выработки медной руды, следы шахт и медного шлака в 15 км от с. Георгиевского (с. Горгеул) в верховьях р. Джампал (143, с. 116).

262 Наиболее древний слой рисунков на культовом камне пастухов на горном массиве Гуараб в верховьях р. Джампал относится к эпохе поздней бронзы (214).

263 Из клада бронзовых предметов в с. Лата слиток весом до 3035 кг. Находка 1956 г. (АГМ).

264 Группа дольменов в верховьях р. Джампал (58, с. 14; 96, № 1138).

265 4 группы дольменов в районе с. Чхалта (158, с. 71).

266 Из погребения эпохи ранней бронзы под навесом в районе Клухорского перевала больше десятка костяных палочек-пронизей, покрытых поперечными рубчиками (218, АГМ).

- 267 Клад бронзовых предметов в с. Атара-Абхазская, среди них три топора с гвоздеобразно-клиновидным обухом, с симметричным лезвием, наружные стенки проушины укреплены ребрами. Находка 1962 г. (215).
- 268 Бронзовый топор с гвоздеобразно-клиновидным обухом, округлой проушиной, боковые стенки которой снаружи укреплены ребрами, в 3 км к югу от с. Атара-Армянская. Находка 1958 г. (209).
- 269 Рубилообразнообработанные, расщепленные и просверленные (табл. XVIII, 3) гальки к юго-западу от центра с. Атара-Армянская на берегу р. Кодор по берегам ручья (209).
- 270 Бронзовый наконечник копья в с. Атара-Армянская. Находка, 1953 г. (АГМ, 3126).
- 271 Медный топорик с массивной широкой лезвийной частью, со слегка вислым обухом, с круглым отверстием, в 2 км к северу от центра с. Атара-Армянская. Длина 13,5 см, ширина лезвия 7 см, у обуха 5 см, диаметр проушины 3 см (табл. XXXIV, 12), (209).
- 272 Бронзовый слиток в с. Атара-Армянская. Вес 7кг (209, АГМ).
- 273 Группа дольменов указывается в горах Панавского хребта к северу от с. АхуцаДжгерда (158, с. 72).
- 274 Большой круглый конусовидный курган, поднимающийся среди равнины, примыкающей к р. Дгамыш (на правом ее берегу), у с. Джгерда в местности Аныхамца. На вершине его встречаются человеческие кости (3, 119-120).
- 275 Тамышское поселение эпохи поздней бронзы находится в 200 м к востоку от р. Тоумыш и в 300 м от моря. Площадь поселения 90 x 100 м. По краям с северо-запада и с северо-востока на площадке прослеживаются два курганообразных возвышения до 1 м. Площадка окружена заболоченными
- 77
- протоками - возможно, древними рвами. Верхний горизонт культурного слоя 0,3 м - современные и средневековые остатки. Следующий горизонт -0,3-0,55 м, датируется X-VIII вв. до н. э. Инвентарь: текстильная керамика в сочетании с посудой, сделанной на гончарном круге, с плоским доньшком, петлевидными ручками, часто рогатыми (табл. XXII, 20, 21), орнамент - чеканный, елочный и сетчатый, каннелюры (табл. XXIII, 4), некоторые сосуды имели крышки (табл. XXII, 16); двурогие керамические столбики; обломок каменного шлифованного молота с желобчатым перехватом. Нижний слой, 0,55-0,75 м, датируется XIV вв. до н. э. Инвентарь: керамика - ручки петельчатые с седловидным углублением в верхней части, орнамент резной геометрический паркетный; каменные орудия (сланец, песчаник, гранит) - зернотерки, терочки, мотыги, отбойники, грузила, ложила, камни с отверстиями, шары для пращи (22, с. 17-18).
276. Из клада бронзовых предметов в пос. Лабры, включавшего до 9 топоров, 2 целых и 2 обломанных топора с гвоздеобразно-клиновидным обухом. Размеры одного из них - длина 21 см, ширина лезвия 8 см. Находка 1926 г. (165, с. 109-110; 72, с. 46).
277. Несколько бронзовых слитков в с. Кочара. Вес некоторых из них от 4 до 10 кг. Находка 1930 г. (58, с. 55).
278. В составе клада бронзовых предметов на левом берегу р. Кетванарвы у пос. Кутол сечки и другие изделия (3, с. 121).
279. Бронзовый топор с клиновидным обухом и симметричным лезвием в с. Кутол. Длина 15,6 см, ширина лезвия 5,5 см. Орнаментирован на боковых полях лезвия и на шейке заштрихованными накрест поясками, между которыми ряды запунктиренных

кружочков, на верхних полях у отверстия изображения птиц по одному на поле, затем по направлению к обуху елочный орнамент. На боковом поле обуха в верхней половине запунктуренная глазастая рыба. Находка 1956 г. (219).

280. Моквинское селище эпохи поздней бронзы в 5 км к западу от г. Очамчира на правом берегу р. Моква у устья. Площадь около 1 га. Керамика на гончарном круге, большие сосуды, горшочки, миски, крышечки для узкогорлой посуды. Поверхность сосудов иногда залощена. Ручки овальные в сечении, расширяющиеся в местах прикрепления сосудов, в верхней части ручки часто наклепана уплощенная шишечка. Иногда ручки рогатые, либо в виде пластинчатого придатка. Орнамент линейный, пояски косых нарезок, елочный, зубчатый чеканом, рядом заштрихованных треугольников - шевронов. На самом берегу текстильная керамика. Много подшлифованных орудий из морской гальки, отдельные кремневые поделки (159, с. 267, 273-274). В нижнем слое керамика эпохи ранней бронзы (218).

78

281. 5 слитков различной величины от 10x9x8 см до 3,5x2,5x1,5 см, болванка и сечка (табл. XXXVII, 34), из клада бронзовых предметов в глиняном сосуде на периферии Моквинского селища у ж/д. Находка 1935 г. (159, с.267, АГМ, 236, 267-268).

282. Клад бронзовых предметов в пос. Араду в 1 км от дороги и р. Моква на поле. 6 мотыжек, из них 2 с желобчатым орнаментом, 2 в обломках, топор, фрагмент согнутого обломка топора, обух мотыжки (табл. XXXVI, 23), 2 обломка серпов (табл. XXXVII, 8, 9), 2 неопределенных фрагмента. Находка 1965 г. (АГМ).

283. Из клада бронзовых предметов в с. Маркула бронзовый слиток весом более 30 кг. Находка 1964 г. (АГМ).

284. Клад бронзовых предметов в глиняном двуручном кувшине в с. Члоу. Среди предметов топор длиной 16,8 см, шириной лезвия 6,7 см, с округлой проушиной диаметром 2,73,2 см. (табл. XXXIV, 7), ручки кувшина петельчатые, круглые в сечении. Диаметр горловины - 11,6 см, дна - 16-18 см, тулова в средней части 22 см. Высота сосуда 21,8 см. Вдоль тулова на уровне нижних концов ручек врезана глубокая канавка, а между нею и краем венчика двузубым резцом по сырой глине нанесена схематическая змеевидная линия четырьмя изгибами (табл. XXII, 14), (АГМ, 1035). Три других топора остались у крестьян, (221).

285. Поселение эпохи ранней бронзы (вторая половина III тыс. до н. э.) в нижнем горизонте западного холма на берегу р. Джикумур в 200 м от моря, к северо-западу от г. Очамчира. Мощность слоя до 0,45 м. Следы шалашевидных жилищ. Инвентарь: орудия из гальки - резак, стамески, рубанки, остроконечники, топоры, мотыги, грузила, гранитные зернотерки, пряслице из песчаника; кремневые орудия - стамески, долота, скобели, скребки, резцы, проколки, дисковидные нуклеусы, резак, остроконечник, вкладыши для серпов, зубчатые вкладыши, обработанные пильчатой ретушью, наконечники дротиков и стрел (табл. XV, 16), пила (табл. XIV, 33); изделия из кости - проколки, долото, остря; керамика - часто чернолощенная, сосуды баночной или бадьевидной формы, глубокие миски, чашечкообразные сосудики, орнамент резной, линейный, в виде чередования групп горизонтальных и вертикальных полос, наклонных друг к другу линий, образующих иногда паркетный узор (табл. XIX, 48, 49, 56, 71; XX, 1, 14, 33), наклепки ниже края сосуда рельефного валика, по которому сделаны крупные вдавления или рубцы, часть полого сосуда в виде быка (табл. XXI, 36), ручки

петельчатые, штифтиковые, ластовидные и валикообразные захваты (табл. XX, 31, 32, 43, 47, 48; XXI, 9, 11); костные остатки - коровы, свиньи, козы, овцы, оленя, дельфина, камбалы (163, с. 3-65; 60). В шурфе, вырытом к запа-

ду от холма, на глубине 3 м ниже уровня моря, были найдены черепки посуды и мотыжка из козьего рога с проухом (184).

286. Культурный слой с керамикой эпохи поздней бронзы, среди которой чернолощенные фрагменты, прослеживается к востоку от 4-й Джикумурской насыпи в береговом обрывчике вала на глубине 30-40 см на 250 м в длину (215).

287. Второе Очамчирское селище (VIII-VII вв. до н. э.) отдельными линзами занимает береговой вал длиной 0,5 км, шириной до 50 м к северо-западу от г. Очамчира.

Прослежены производственные площадки с уплотненным полом, остатки небольших наземных жилищ со следами кострищ посередине. Крупные пятна культурного слоя до 145 м в диаметре, мощность его 70 см. Инвентарь: каменные орудия резак из расщепленной гальки, грузила для сетей, молот с желобчатым перехватом; керамика: четырехугольные сосуды - «черены» для выпаривания соли со слегка выпуклым тонким дном и двумя слегка удлиненными для удобства водослива уголками, размеры сосуда 25x40 см, глубина 15 см, внутренняя поверхность сглажена, наружная несет следы ткани; глиняные рогатые колышки с острым концом, длина 2030 см, тело круглое в сечении, диаметр 3 см, длина развилок 4 см; горшочки с выпуклым донышком, сильно отогнутым низким венчиком, петельчатые ручки примазывались к корпусу, поверхность тщательно сглажена либо залощена, линейный или волнистый орнамент покрывал сплошь большие участки тулова (160, с. 23-55; 159, с. 266).

288. Бронзовый топор в г. Очамчира (83, №21; ГИМ, клад. VII, 31/3а).

289. Клад бронзовых предметов на северо-западной окраине г. Очамчира у Чайной фабрики. 8 сечек с выраженными рабочими концами, длина 8,8-9,6 см, ширина лезвия 9,3-10,1 см, толщина 0,2-0,4 см (табл. XXXVII, 17-19,25,26,33,39,40); мотыга с округлой проушиной диаметром 2,5 см, длина 11,7 см, ширина рабочей части 5,5 см (табл. XXXVI, 22); 3 фрагментированных и 1 целый топоры с гвоздеобразно-клиновидным и клиновидным обухами: у первого три ребра на наружной стороне проушины (табл. XXXV, 21), второй с тремя слабыми гранями у проушины, длина 19,4 см, ширина асимметричного лезвия 6,3 см (табл. XXXV, 19); 4 фрагмента серпов: 2 концевых (табл. XXXVII, 10,12), один срединный (табл. XXXVII, 11) и рукоять с частью лезвия с отломанным выступом (табл. XXXVII, 13); зубило, длина 6 см, толщина 2 см, ширина до 3 см, бока желобчатые (табл. XLVI, 12); 20 усеченно-конусовидных, дисковидных и амфорных слитков общим весом до 20 кг. Находка 1957 г. (212, АГМ).

290. Клад бронзовых предметов к северо-западу от г. Очамчира у Чайной фабрики на участке Е. Пипия по соседству с № 289. Пять обломков топо-

ров с клиновидным обухом и симметричным лезвием, один с возвратной нижней гранью. 11 дисковидных слитков, весом до 15 кг. При доследовании здесь на площади 6x6 м колотые пережженные камни, частицы пережженной земли. Находка 1961 г. (219, АБНИИ).

291. Из клада бронзовых предметов в с. Квезань плоский слиток диаметром до 20 см, четвертушка меньшего слитка, 3 топора (АГМ).

292. Бронзовый слиток при взрывных работах в известняковом карьере в с. Квезань (Куазан). По словам рабочих, «там повылетало еще много таких». Находка 1946г. (АГМ).
293. Бронзовый топор с гвоздеобразно-клиновидным обухом и тремя гранями на стенках проуха в пос. Квезань. Длина 19,6 см, ширина асимметричного лезвия 7,3 см (табл. XXXV, 20), (208).
294. Бронзовый топор при постройке Акармарской дороги у г. Ткуарчал. Находка 1935 г. (СА, II, 1937, с. 237).
295. Дольмен выше Бедийского собора в с. Бедиа (58, с. 14; 96, № 1139) найти не удалось.
296. Стоянка эпохи поздней бронзы в с. Царча. Грубая посуда больших диаметров (табл. XXII, 32), орнамент в виде сетки пересекающихся линий по внешней стороне венчика (табл. XXII, 33) и каннелюр (табл. XXIII, 6), прясло из розового песчаника (табл. XVIII, 29), круглая галька с просверленной дыркой (табл. XVIII, 1), кремневый наконечник дротика с черешком и опущенными нижними углами пера (табл. XV, 5), (АГМ).
297. Из клада бронзовых предметов в с. Царча шесть аморфных и круглых слитков диаметром до 7,5 см, толщиной 2-2,5 см. Находка Н. Я. Шония 1959 г. (АГМ).
298. Клад бронзовых предметов в кувшине диаметром около 30 см на берегу ручья в г. Гал. 8 обломков топоров, обрезки листовой бронзы (сечки?), куски слитков. Керамика рыхлая, светло-охристая, ниже закраины на горловине чередующийся узор треугольниками. В шурфе куски бронзы, керамика, уголь, красные обожженные камни - следы медеплавильни. Находка 1956 г. (214, АбНИИ).
299. Бронзовый слиток на холме к северу от № 298 в лесу (ГМГ).
300. Неолитические кремневые орудия в г. Гал в районе на берегу ручья. Находка 1959 г. (214).
301. Два бронзовых округлых слитка у г. Гал (214).
302. Клад бронзовых предметов в бронзовом котле в с. Тагилон (Таглан) на правом берегу р. Ингур. Форма из красной меди для топора с дважды изогнутым телом, фрагмент такой же формы, сечка, топор с гвоздеобразно-клиновидным обухом, медный прут, фрагмент бронзовой пластинки, возможно, от сосуда. У целой формы скрепление створок осуществля-
- 81
- лось с помощью двух шипов и двух отверстий в каждой створке во взаимно перекрестном положении. У другой, фрагментированной створки, легкие закраины и соответствующие им выемки. Находка 1922 г. (93, с. 219; 85, с. 32; ЗМ, инв. № 46-51). В связи с находкой литейных форм в с. Тагилони интересно беглое замечание П. С. Уваровой (183, с. 336) о находке форм для отливки из бронзы в Абхазии.
303. Из клада бронзовых предметов в с. Тагилон (Таглан) несколько сечек с поверхностью, покрытой врезам, длина 9,8-13,1 см, ширина лезвия до 12, 2 см (табл. XXXVII, 14-16); бронзовая мотыжка, по форме лезвия близкая к сечкам, длина 10 см, ширина лезвия 12 см, диаметр круглого отверстия 2,1 см (табл. XXXVI, 21), (АГМ, 31).
304. Две бронзовые листовидные мотыги с округлым лезвием в с. Тагилон. Длина одной 18,5 см, ширина лезвия до 5,2 см, диаметр отверстия до 2, 4 см. Другая мотыжка несколько меньших размеров (табл. XXXVI, 25, 26), (ЗМ, 17).
305. Жилой холм с текстильной керамикой и рогатыми керамическими столбиками в 10-15 км к юго-востоку от г. Очамчира у впадения р. Окум в море на левом ее берегу (205).

306. Следы поселения с текстильной керамикой на берегу моря у пос. Гагида.
307. Из клада предметов в с. Чубурхиндж в сосуде-цилиндре из бронзового листа на трех заклепках (табл. XLVII, 2), 6 медных слитков, 2 бронзовых сечки (табл. XXXVII, 31, 38), кусочек перламутра, 9 слитков серебра, 3 слитка золота, обломок золотой орнаментированной пластинки (табл. XLV, 13) и 2 золотых привески (табл. XLIV, 24, 25). Находка 1890 г. (Архив ЛОИА, д. № 176 за 1890 г.; 93, с. 172, ГЭ).
308. Медный топор, наконечник копья, застежка и много «разных вещей, преимущественно оружия» у г. Сатанжо (4, с. 329).
309. Курган ДихаГудзба в с. Чубурхиндж у шоссе среди равнины у развалин башни Парони (3, с. 139).
310. Из клада бронзовых предметов вс. Саберио, включавшего 8 топоров, один попал в коллекцию А. В. Комарова. Находка 1881 г. (85, с. 48).

82

Глава III. Античность (конец VII в. до н. э. - V в. н. э.)

1. Погребение IV-V вв. н. э. в пункте Бароновка² на правом берегу р. Лапста. Инвентарь: бронзовая пряжка (табл. XXXIX, 34), фибула бронзовая с пластинчатой круглой прорезной спинкой (табл. XLI, 22), бронзовые копо ушка и крючок на кольце, янтарные бусы и другие предметы (211, XIII).
 2. Обломки чернолаковой посуды, остродонной красноглиняной местной амфорной керамики, пифосов, горшочков, мисок античного периода в пункте Бароновка³ на левом берегу р. Лапста (211, XIII).
 3. Античный могильник (IV в. до н. э. - V в. н. э.) на левом берегу р. Лапста в 2,53 км от берега моря на продолжении холма к северу от пункта Бароновка³. Труположения головами на юго-запад. Инвентарь: чернолаковая и краснолаковая керамика, красноглиняные остродонные амфоры, пифосы, горшки, миски, железные мечи, топоры, близкие по форме к цебельдинским, наконечники копий с ясно выраженным ребром на пере, железные ножи, один с бронзовым пояском - перекрестием (табл. XXXIX, 12), железные пружинные ножницы (табл. XLVI, 17), бронзовые пряжки, круглопроволочные с завязкой фибулы (табл. XLI, 13), круглопроволочные браслеты с расплюснутыми концами с насечкой, спиральные в три поворота бронзовые массивные браслеты с многогранными головками (табл. XLIV, 3), золотой тонкопроволочный браслет с фаллическими концами (табл. XLIV, 4), пружинная часть бронзовых ножниц (табл. XLIV, 15), около 100 бусин с золотистой прокладкой, стеклянные сине-зеленые, пастовые каменные бусы и др. Позднейшие погребения датируются медным бубенчиком и другими предметами VIII-X вв. н. э. (211, XIII).
 4. Раннесредневековый (V-VIII вв. н. э.) могильник в восточной части пос. Сулево (211, XIII).
- 83
5. Фрагменты позднеантичной краснолаковой керамики в развалинах крепости на берегу моря в устье р. Лапста (3, с. 12).
 6. Позднеантичный слой в Хашупской крепости (табл. X, 3). Кладка стены в западной части крепости по типу относится к IV в. н. э. (табл. XI, 5).

7. Позднеантичный могильник на левом берегу р. Хашупсе напротив Хашупской крепости. Погребения снаружи выложены камнем (211). Из разрушенного погребения крупные золотые бусы, инкрустированные драгоценными минералами (195, с. 18, ГМГ).
8. Остатки позднеантичного укрепления на крутом холме к востоку от пос. Ачмарда. Керамика светлых, зеленоватых оттенков с примесью мелкого песка и белых частичек, тонкоотмученная, пористая.
9. Позднеантичный могильник в районе пос. Ачмарда (211).
10. Из позднеантичного могильника в устье р. Бегерепста у д/о «Гребешок» бронзовый браслет с 8ю прямоугольными утолщениями (211, XIII).
11. Позднеантичная крепость в г. С. Гагра. в 1830 г. здесь была «каменная ограда, остатки старинных стен и башен» (48, с. 60-61). В 1833 г. отмечены двойные стены от моря к скале, низкие четырехугольные башни, сделанные из больших квадров, каменные своды в башнях, с севера к стене примыкало четырехугольное пространство с остатками таких же стен (табл. IX, 3), (49, с. 95-96). В восточной стене прослеживается у основания ряд из крупных тесаных квадров, по технике обработки ближе всего стоящих к кладке стен цитадели Анакопии (III в. н. э.).
12. Погребение конца IV-начала V в. н. э. в г. С. Гагра. Две бронзовые привески (табл. XLIV, 26,31), бронзовый крест (табл. XLI, 2), подвеска-сосудик с винтообразно нанесенными штрихами снаружи, обломки витой шейной гривны с ромбовидно расплюснутыми концами, украшенными растительным орнаментом, с крючками для сцепления (табл. XLII, 7), 2 серебряные серьги (табл. XLIV, 28), золотая подвеска, серебряная фибула с круглой ажурной спинкой, на которой следы камешков в оправе из золотой зерни (табл. XLI, 23), серебряная фибула с крестовидной спинкой (табл. XLI, 24), золотая круглая и 2 серебряные узкие обоймицы, несколько бронзовых трубочек-пронизей длиной до 12 см, серебряная зубочистка и копоушка на кольце (табл. XLI, 30), 5 серебряных браслетов, обломки бронзового зеркала и серебряной чаши (табл. XLVII, 8), обломок витой серебряной проволоки, 32 бусины - из агата, сердолика, синего стекла, пастовые глазчатые, хрустальные, янтарные и двойная серебряная (164, с. 103-107). У находчика осталась тонкая золотая гривна (120, с. 83).
13. Раннеантичный железный топорик типа секиры-молотка, на левом берегу р. Цихерва. Длина 9,6 см, ширина лезвия 10,6 см, длина нижней части лезвия 6,5 см (213, ГШ № 2).
- 84
14. Позднеантичный могильник на левом берегу р. Цихерва на 100-метровой террасе к северу от школы. Длинный железный меч с двумя слабыми ребрами вдоль лезвия и с прямоугольным инкрустированным стеклом перекрестием (табл. XXXIX, 11), бронзовая пряжка с прямоугольной обоймицей на 4х заклепках, на верхней пластинке которой инкрустирован цветным стеклом крест, топор цебельдинского типа, длина 16,5 см, ширина лезвия 14 см (табл. XXXVI, 15), (213, ГШ № 2).
15. Из позднеантичного могильника в г. Гагра железный наконечник копья, бронзовая фибула, фрагменты орнаментированных фибул, бронзовых цепочек, керамика (ГИМ, 97564).
16. Погребение первой половины VI в. до н. э. в пос. Колхида включало остатки костяка, фрагменты железных наконечников копий, обломки глиняных сосудов и железный акинак в бронзовых ножнах. Длина 31 см, ширина перекрестия 5,1 см. Ножны

орнаментированы рельефным шнуром, треугольниками, схематическим изображением змеи, спиралями (табл. XXXIX, 1), (176, с. 139-142).

17. Следы могильника с мраморными плитами на правом берегу р. Бзыбь в середине небольшой площадки в 10 м от реки напротив башни Хасанта абаа (3, с. 35).

18. Четырехугольная позднеантичная башня и остатки стен на берегу озера Инкит (18, с. 39; 111).

19. Пицундское античное городище. Раскопки экспедиции АН ГССР ведутся с 1952 г. Открыта значительная часть фортификационных сооружений, городские ворота, жилые и хозяйственные комплексы, храмы, баня, канализационный коллектор (табл. IX, 2). Культурный слой II-III вв. н. э. представлен краснолаковой керамикой - чаши вытянутых форм на кольцевидной подставке, с вертикальным, скошенным внутрь бортиком, миски с округленными стенками и загнутым внутрь краем на кольцевидной подставке, блюда овальной формы, глубокие миски с высоким гофрированным вертикальным бортиком, с горизонтально наклепанными ручками, двуручные кувшинчики, светильники, амфорная керамика, местная и привозная, кухонная посуда, лутерии. В культурном слое IV-V вв. краснолаковая керамика других форм, большие миски с расходящимися стенками и скошенным снаружи краем, с плоским дном, тарелки с горизонтальными краями, часто покрытыми рифленным волнистым орнаментом, миски с округлыми стенками с насечкой по скошенному снаружи бортику. На дне сосудов часто вдавленные изображения крестиков или фантастических животных. Разнотипные красноглиняные амфоры с бороздчатыми стенками, с высоким, слегка суживающимся кверху горлом и распластанным вен-

85

чиком, обломки кухонной посуды и проч. Остатки стеклянного шлака, обломки изделий, стеклянные капельки из местной стеклодувной мастерской. Железный топор цебельдинского типа (табл. XXXVI, 19), (222). В западной части городища выявлены контуры большого комплекса сооружений, опоясанного, в свою очередь, стеной. Это трехкомнатная казарма, фундаменты дома с кирпичным и из каменных плит полом (12, с. 34-36).

В слое II-III вв. обнаружены две бронзовые фигурки, одна - изображение нагого древнегреческого божества Дионисия в сидячей позе, другая изображает стоящего босого человека в коротком, выше колен платье, с корзиной в правой руке, в левой руке предмет, перекинутый через плечо, на голове длинный рог (140, с. 133-135).

Фрагмент латинской надписи на обломке керамической плиты. Сохранились буквы LEG - остатки клейма римского легиона (11, с. 105-106). Керамический фрагмент с выцарапанным словом АKN (77, с. 173-179). К IV-V вв. относится мозаичный пол из раннехристианского храма. Площадь пола несколько десятков метров. В центре изображение «фонтана жизни», по сторонам которого стоят олень и лань с олененком. В юго-западной части храма, в прямоугольной крещальне на полу изображен фонтан с голубями. Там же изображение коровы с телятком и другие рисунки (116, с. 145-153).

20. Из погребения IV-V вв. н. э. в с. Калдахуара бронзовый браслет с нечетным числом четкообразных утолщений с ямкой на каждой из трех их граней, небольшой бронзовый ладьевидный сосуд, серебряная фибула с крестовидной дужкой (112, с. 79).

21. Из раннеантичного погребения в с. Отхара обломок большого сосуда с орнаментом по рантику и бронзовый перстень с печаткой (табл. XLV, 5). Находка 1967 г. (222).

22. Три гробницы в пос. Хуап «на террасе у подножия горы». В одной из них «семь глиняных чашек, представляющих усеченный конус, имеющий в высоту не более 1 дюйма с четвертью, при диаметре нижнего сечения, служившего дном, в вершок и верхнего - в полтора вершка, золотые крючок и петля... и железная секира». находка 1869 г. (35, с. 130).
23. «Много бронзовых птичек и других предметов», один из которых описывается как культовая эгретка с всадником и колокольчиком, находили в с. Джирхуа (187).
24. «Обломок меча, наконечник копья и кинжал» найдены при вспашке поля вблизи с. Звандрипш (33, с. 53).
25. Бронзовая эгретка культового назначения в виде ажурной вытянуто-треугольной формы пластинки, сверху которой помещена фигура жереб-
86
ца с всадником, а снизу бараньи головы с колокольчиками, найдена вместе с донной частью чернолаковой греческой котилы IV в. до н. э. к северу от шоссе на Бамборской поляне (112, с. 70-72).
26. Железный лавролистный наконечник копья на Бамборской поляне. Длина 27 см, ширина пера 5 см (112, с. 73-74).
27. Из мужского погребения IV-II вв. до н.э. на восточной окраине Бамборской поляны 2 лентовидных бронзовых браслета, орнаментированных обратными спиралями, оселок длиной 13 см, обломки грубого глиняного сосуда с уплощенной ручкой, обломок железного кинжала длиной 19,7 см (112, с. 77-79).
28. Тонкопроволочный разомкнутый бронзовый браслет V-IV вв. до н. э. с шаровидными вздутиями на концах и бронзовая двуспирально кольцевая булавка на восточной окраине Бамборской поляны (93, с. 39).
29. 5 амфор на дне моря в районе Бамбор. находка 1954 г. (АГМ, 2527).
30. Несколько обломков амфорной посуды в верхнем слое селища Кистрик. Здесь же железный наконечник копья, длина 25,7 см, диаметр тульи у основания 2, 2 см (табл. XXXVIII, 37) (АГМ, КJ1).
31. Бронзовый кругло проволочный браслет в Гудаута. Диаметр 6,2 см. в середине спинки квадратная выпуклина с ямкой. Оба конца орнаментированы. находка 1944 г. (ГИМ, 81849).
32. Погребение V-III вв. до н. э. к западу от г. Гудаута. Остатки костяка, три круглых бронзовых ленточных браслета, украшенные елочным узором, местами прерываемым продольными или поперечными зигзагами или той же елочной дорожкой. Ширина ленты 1 см, диаметр 4,75 см. Обломок одночленной бронзовой фибулы, две стеклянные бусины-сережки. находка 1915 г. (112, с. 75).
33. Погребение V-III вв. до н. э. к востоку от г. Гудаута. Остатки костяка, два бронзовых ленточных браслета и одночленная бронзовая фибула. находка 1916 г. (112, с. 76).
34. Серебряная с двусторонней чеканкой чаша (фалар) эллинистической эпохи с лицевым изображением Горгоны в обрывах западнее г. Гудаута. Внутренняя поверхность представляет негативный рельеф наружной стороны. Диаметр чаши 1212,5 см, высота 5,2 см, толщина стенки 2 мм. Вдоль края чаши имеется три пояска. Первый - гладкий, второй с насечками, третий - в виде стилизованной ветки лавра шириной в 8 мм. Лицо Горгоны обрамлено густыми локонами волос, основание которых скрыто под крыльями, и свисающими с висков змеями, по четыре с каждой стороны. На шее Горгоны три

рельефных пояска шириной 12 мм (табл. XLVII, 6), (112, с. 82-84). Образец грекобактрийского искусства III в. до н. э. (180, с. 59-61).

87

35. Латунный медальон-талисман IV-V вв. н. э. в г. Гудаута. На лицевой стороне бесполоая человеческая фигурка с огромными ладонями и со знаком креста на груди (112, с. 81).

36. Толстостенный сосуд с тремя железными топорами и несколькими бронзовыми орнаментированными пластинками в пос. Адзлагара. Под сосудом еще какие-то вещи. При доследовании найден железный топор с клиновидным обухом, длиной 19 см, на боковых полях параллельные бороздки. Топор сопровождали фрагмент железа, 2 эллиптических звена бронзовой цепочки длиной 0,6 см без спайки концов, остатки тонкой витой бронзовой шейной гривны, уплощенные концы которой шириною до 0,7 см орнаментированы прямыми линиями, между которыми ряд кружков с ямками в центре. Конечные пластинки второй такой же шейной гривны покрыты зигзагами. Находка 1938 г. (112, с. 73-75).

37. Бронзовый круглопроволочный браслет с вогнутой спинкой, с 5 призматическими утолщениями в пос. Адзлагара. На внешних гранях утолщений кружочки с точкой в центре. Внутренний диаметр 5,16,5 см, сечение - 0,30,4 см (АГМ, 100).

38. Бронзовый круглопроволочный браслет с уплощением к прорези концов, украшенных рядами продольного пунктира и железный наконечник копья в пос. Абгуэра (Абгаюара) (112, с. 79-80).

39. Бронзовый браслет с ромбовидно-пластинчатыми концами в с. Куланьрхуа (112, с. 58).

40. Бронзовый круглопроволочный браслет диаметром 5 см, с сечением проволоки 0,4 см, с концами, украшенными зооморфными головками и поясками горизонтальных и вертикальных насечек в с. Куланьрхуа (табл. XLIII, 24). Находка, 1941 г. (АГМ, КЛ, 107). Отсюда же круглопроволочный бронзовый браслет с сильно расплюснутыми концами со следами насечек. Внутренний диаметр 6 см, ширина расплюснутого конца 1,2 см (табл. XLII, 19), (АГМ, КЛ, 71). Вместе с последним браслетом обломки браслетов со вздутиями. Один круглопроволочный с вогнутой спинкой и семью вздутиями, покрытыми насечками и выделенными на стержне линейными поясками. Диаметр браслета 4,25,5 см (табл. XLIII, 19), (АГМ, КЛ).

41. Два бронзовых перстня с печатками в пос. Куланьрхуа (табл. XLV, 6, 8). Диаметр первого 2,3 см, диаметр овальной печати 11,2 см, на ней рисунок на астральный мотив (табл. XLV, 7), (АГМ, КЛ, 94, 101).

42. Погребения конца VII-VI вв. до н. э. в Куланьрхвинском могильнике. Погребение 3 - женское, костяк на спине головой на юго-запад, 2 серебряные серьги, мелкие кольцеобразные бусы, бронзовая булава с Ноб разной головкой, с цепочкой, с очкообразными привесками, две бронзовые фибулы с цепочками (табл. XL, 28), железная фибула с бронзовой

88

цепочкой, железное колечко, крестовидный бронзовый предмет (табл. XXXVII, 42), бронзовая фигурка свиньи с изображением птицы сверху, бронзовая спираль, круглопроволочный бронзовый браслет, обломки глиняного сосуда. Погребение 4 - конское, костяк на правом боку головой на юго-запад. Бронзовые удила со стремячковидными ушками, железные трехпетельчатые псалии, обломки глиняных

сосудов, ручка одного орнаментирована наклонными параллельными врезами. Погребение 5 - мужское, костяк на спине головой на юго-запад. Два железных топора типа секиры-молотка, фрагмент серебряной фигурки животного, железный кинжал, 2 железных ножа (табл. XXXVIII, 52), железная фибула, 5 железных и 14 бронзовых втульчатых двухперых и трехперых скифских стрел, обломки 5 глиняных сосудов с ямочным и врезным орнаментом. Погребение 10 - остатки человеческого и конского костяков, бронзовый втульчатый трехперый наконечник скифской стрелы, железный нож с прямой спинкой, фрагменты бронзовых деталей конской сбруи. Погребение 12 - мужское. Костяк на спине головой на северо-запад, 2 втульчатых железных наконечника копий, обломки 2 глиняных сосудов. Два погребения, видимо, принадлежали скифам, погребение коня также со скифским инвентарем (178).

43. Поселение VII-II вв. до н. э. на склоне выше № 42. Фрагменты амфор с примесью в коричневой глине черных блестящих кристалликов (табл. XXIX, 21), обломки небольших красноглиняных сосудов с кольцевым поддоном (табл. XXIV, 6), ручки петельчатые, прямоугольные в разрезе, с продольным линейным орнаментом (табл. XXIV, 21) (208).

44. Т-образная шарнирная бронзовая фибула V-VI вв. н. э. в с. Куланырхуа (АГМ, КЛ, 118).

45. Из погребения II-IV вв. н. э. в с. Лыхны бронзовый круглопроволочный браслет с 5ю призматическими утолщениями, на каждой грани которых врезаны двойные кружки с точками. Диаметр до 6,5 см, сечение проволоки 0,4 см (табл. XLIII, 13), (АГМ, КЛ).

46. Бронзовые круглопроволочные орнаментированные браслеты из погребения IV-II вв. до н. э. в пос. Тасракуа. Концы браслета оформлены змеиными головками либо ушками. Находка 1967 г. (222).

47. Крупный бронзовый колокольчик с отвесными стенками, подковообразным ушком, боковой прорезью, упирающейся в рельефную двукружную спираль на окраине с. Абгархук почти на берегу моря. Язычок на петле, концы которой, пропущенные через отверстие в своде, отогнуты на наружную поверхность. На уровне спирали накрест расположены три маленькие головки круторогих баранов. Высота колокольчика 3,8 см, ширина 2, 2 см. Находка 1912 г. (112, с. 60).

89

48. Из погребения VII-VI вв. до н. э. у слияния рек Аапста (Баклановка) и Дохурта бронзовая фибула с дужкой удлиненно-ромбовидной формы, орнаментированной двумя рядами косых насечек по краям и двумя врезными кружками в середине; бронзовый наконечник копья лавролистной формы, длина 10,7 см, длина пера 6,5 см. Пятиконечная бронзовая крестообразная подвеска с ушком, длина 3,8 см. Находка 1927 г. (112, с. 59).

49. Шесть тонких бронзовых браслетов V-IV вв. до н. э. с вогнутой спинкой, с 7 или 11 вздутиями в с. Абгархук. Находка 1930 г. (112, с. 60-61).

50. Бронзовая эгретка культового назначения в виде всадника на ажурной пластинке с колокольчиками в с. Абгархук. Находка 1918 г. (112, с. 71).

51. Литая бронзовая рукоять кинжала, орнаментированная косыми желобками, идущими от отверстия в центре к концам рукояти, в с. Абгархук. Длина 10 см, ширина 1,62,8 см (табл. XXXVIII, 53), (АГМ, КЛ, 77). Вместе с рукоятью безадресные раннеантичные обломок гривны из пластинки шириной 0,8 см, покрытой пересеченными врезными линиями (табл. XLII, 6), обломки круглопроволочных шейных гривн с расплюснутыми концами, покрытыми точечными насечками (АГМ, КЛ, 78-81).

52. Толстая бронзовая цепочка с полуторасантиметровыми овальными звеньями из проволоки сечением 0,3 см в гористой части с. Абгархук. На последнем из 28 звеньев следы сцепления с каким-то предметом. находка 1912 г. (112, с. 60).
53. Бронзовый браслет (58, с. 53) и 3 бронзовых круглопроволочных браслета с орнаментированными утолщенными концами в с. Абгархук (АГМ, 408-410).
54. Около 10 бронзовых орнаментированных круглопроволочных браслетов со змеиными головками на концах в с. Абгархук. В одном случае концы браслета заходят друг за друга (табл. XLII, 31). Диаметр браслетов 4,95-5,4 см, сечение проволоки до 0,3 см (табл. XLII, 32, 33). Несколько браслетов снабжены на концах ушками (табл. XLII, 30). Вместе с ними обломок чернолакового сосуда (АГМ, КЛ, 76).
55. Железный воинский набор из погребения III-IV вв. н. э. в с. Ачандара к северу от пос. Хуцурхуа у дома О. Г. Хагба. Длина наконечника копья 31,1 см, ширина пера 3,3 см, длина тульи 12 см. Длина наконечника дротика 13,8 см, диаметр тульи 1 см (220).
56. Селище V-II вв. до н. э. на участке Бахмача в с. Приморском. Среди находок обломки амфоры светло-охристой глины с черными кристаллическими блестками (АГМ, КЛ).
57. Из погребений VI-IV вв. до н. э. в пос. Синапли две фибулы с веретенообразной, по наружной поверхности рубчатой дугой. Длина одной 5 см, другой 5,2 см, высота 2,8 см и 3,5 см. Обе части прорезной спинки
- 90

у первой оформлены поперечными рубцами, по краям прорези две бараньи головки. Длина фибулы 6 см, высота 3 см (табл. XL, 29). Другая фибула со спрямленной и утонченной частью спинки, включенной в качестве поперечника в кружок, обсаженный в плоскости десятью шариками. Диаметр этой ажурной розетки 22, 2 см. Длина фибулы 4 см (табл. XL, 30). В этом же месте было найдено еще два обломка фибул. находка 1928 г. (112, с. 76). Литая бронзовая с ушком печатка высотой 1,1 см с двумя одинаковыми знаками на донце (112, с. 80-81).

58. Из погребения VI-V вв. до н. э. в пос. Эжнепли бронзовая булава с головкой из 3 радиально расходящихся в плоскости сантиметровых стержней, которые прикрыты дугой, украшенной по полям рельефным волнистым зигзагом, на концах смотрящими в противоположные стороны головками баранов; с одной стороны основания стержней - волнистый зигзаг, с другой - ушко, длина булавки 11,4 см (табл. XL, 23); маленькая бронзовая фибула и остатки бронзового лавролистного наконечника копья (112, с. 60).

59. Из погребений VII-VI вв. до н. э. в пос. Эжнепли бронзовые обломки гривны, наконечника копья, бусины, браслетов, стреловидного предмета (табл. XXXVII, 45), одночленная фибула с плоскоовальной спинкой, на которой узор в виде елочной дорожки, по обеим сторонам которой врезные кружочки, соединенные линиями (табл. XL, 31). находка 1937 г. (АГМ, К Л, 63).

60. Круглопроволочная бронзовая фибула из погребения V-IV вв. до н. э. с прорезанной спинкой, украшенной выпуклым пояском, вдоль которого в плоскости, перпендикулярной стержню, ряд выпуклостей, в пос. Эжнепли; длина 6 см, высота 3,3 см. С фибулой несколько браслетов с вогнутой спинкой и нечетным числом вздутий (112, с. 76).

61. Из погребений V-III вв. до н. э. в пос. Эжнепли узкопластинчатый бронзовый браслет, обломки 3 бронзовых браслетов с вогнутой спинкой и с нечетным числом вздутий, 3 проволочных бронзовых браслета - один с расплюснутыми концами, другой с тонкой

кольцевой рубчатостью стержня, третий - с крупным поперечно-рубчатым рисунком на наружной поверхности. Находка 1930 г. (113, с. 61).

62. Из мужского погребения II-IV вв. н. э. в пос. Эжнепли 5 бронзовых браслетов. Первый - диаметром до 6,5 см, сечением 0,5 см, сплюснутые концы покрыты снаружи рядами насечек. Второй диаметром до 7 см с 5ю утолщениями, два из которых на концах. Третий браслет с 7ю четкообразными утолщениями с ямками на их гранях. Фрагменты двух подобных браслетов с уплощенными концами и браслета из крученой проволоки с сильно сплюснутыми концами. Здесь же длинный желез-

91
ный наконечник копья с простым двускатным лезвием и бронзовая накладка от поясного набора. Находка 1929 г. (112, с. 78-79).

63. Из погребения IV-V вв. н. э. в пос. Эжнепли серебряная фибула с крестовидной дужкой, длинный железный наконечник копья с двускатным пером, бронзовый круглопроволочный браслет со сплюснутыми концами, бронзовая фибула и 6 бусин. Из этого же могильника овальный круглопроволочный браслет, сплюснутые концы которого обращены в стилизованные и орнаментированные листики. Диаметр до 5,8 см. Находка 1927 г. (112, с. 79-80).

64. Среднеанухвинская циклопическая крепость (Абаарук) из камня, сложенного насухо, вытянута с севера на юг на большой площадке, ограниченной обрывами с востока, на гребне лесистого холма у соединения дорог, ведущих из сел Чобанлука и Приморского в с. Веселовку (Бжилва). Длина 45 м, ширина до 20 м, стены шириной до 23 м и высотой до 1,5 м. В средней части у западной стены изнутри остатки помещения. В северной части возвышение с остатками построек (табл. VIII, 3). По рассказам местных жителей, в 1919 г. здесь найден «блестящий панцирь и бронзовый кинжал». По другим рассказам, в 1915г. здесь найден серебряный кинжал, железные ножи и другие предметы (126, с. 85). Керамика из сборов 4х типов. I тип - обломки больших пифосов красно-желтого цвета с большим количеством песка в тесте, с крупнорифленой поверхностью, в изломе сизые, доньшки массивные, выступающие (табл. XXIV, 20). II тип - краснокоричневые обломки баночной керамики с выпадающей на поверхностях белой кристаллической примесью. III тип - грязно-белая тонкоотмученная амфорная керамика с фиолетовым оттенком и с черной кристаллической примесью в тесте, тонкоотмученные мажущиеся светло-желтые черепки с мелкой примесью с металлическим блеском. Ручки субовальные в сечении. IV тип - обломки грубых тонкостенных сосудов с красной и коричневой, хорошо сглаженной поверхностью и с примесью песка в тесте. Предварительная датировка материала - последние вв до н. э. - начало н. э.

65. Предметы из античных погребений в с. Средняя Анхуа (Армянская). Бронзовый круглопроволочный браслет с сильно расплюснутыми концами, орнаментированными по краю полосой из насечек и разделенными на две половины вдоль идущей елочной дорожкой, по обеим сторонам которой парные обратные спирали, диаметр браслета 5,4 см, сечение проволоки 0,4 см, ширина конца 1,6 см (табл. XLII, 18). Находка 1943 г. (АГМ, КЛ, 183). Шейный обруч и браслет (АГМ). Браслет с призматическими вздутиями, с дырочками на каждой их грани (АГМ, КЛ, 182). Бронзовый браслет с 10 призматическими утолщениями, на каждом из 3 полей кото-

92

рых врезан кружок с ямкой посередине. Сечение браслета 0,6 см, диаметр 6 см (табл. XLIII, 14). Находка 1948 г. (АГМ, КЛ, 184).

66. Бжилвинская циклопическая крепость в 1,5 км к северу от Среднеанухвинской крепости на вершине гребня к западу от дороги, ведущей в с. Веселовку (126, с. 86-87). С востока крепость защищена обрывом, с запада развал стены высотой до 23 м, шириной до 610 м, сложенной из глыб размером 90x50x30 см. Общая длина стен около 150 м. В южной части два округлых помещения, одно выступает за линию стены. Диаметр внутреннего помещения 2,5 м, внешнего - 5 м. В северной части, примыкая одной стеной к обрыву, четырехугольное помещение, внутренние обмеры которого 6x8 м. У его западной стены изнутри маленькая округлая пристройка размером 2,5x2,5 м (табл. VIII, 2). Керамика четырех типов. I тип - толстые, с красной поверхностью, в изломе серые либо красные обломки от больших пифосов, доньшки массивные, выступающие (табл. XXIV, 19, 23). II тип - мелкие обломки тонкостенных светло-коричневой окраски баночных сосудов с вертикально сглаженной поверхностью изнутри и снаружи, с примесью белых кристаллических частичек, выпавших на поверхностях. III тип - обломки амфорной керамики светло-желтых и фиолетовых оттенков с черной кристаллической примесью, фрагменты светло-желтого цвета из тонко отмученной глины с мелкой примесью с металлическим блеском.

IV тип - тонкостенные небольшие сосудики с хорошо сглаженной поверхностью серо-красноватого цвета, один обломок имеет следы лощения. Среди других находок керамическое прясло диаметром 3,5 см, толщиной 1 см с отверстием диаметром 1 см (табл. XVIII, 30). Предварительная датировка комплекса - последние вв до н.э. - начало н.э.

67. Веселовская крепость (или святилище?) - сооружение в виде нескольких смежных округлых помещений различного диаметра, со стенками, сложенными насухо из крупных обломков выветрившегося известняка в 1.5 км к юго-западу от центра с. Веселовка и в 1,5 км к востоку от Бжилвинской крепости на вершине лесистого холма, окруженного со всех сторон карами и небольшими обрывами и представляющего ровную площадку размером 100x30 м (216). Толщина стен сооружения до 2-2.5 м. Высота сохранившихся перегородок до 3 м. Внутренний диаметр наибольшего восточного помещения 5 м, западного - 3 м, центрального - до 3 м. Северное помещение узкое, до 1 м ширины и вытянутое, так что оно охватывает среднее, соединяясь с концами внешней стенки с крайними помещениями. Вся площадка окружена мелкими обрывчиками, под которыми следы многочисленных строений в виде полукруглых пристроек к скале из камня насухо (табл. VIII, 4). Здесь, возможно, нахо-

93
дились жилища с крышей, лежавшей одной стороной на краю площадки, а другой укрепленной на столбах. И площадка, и эти ячейки изобилуют фрагментами керамики. I тип - пифосная керамика больших диаметров (до 1 м), серо-сизая, либо черная, с большой примесью песка, с крупным, иногда находящим рифлением на поверхностях, ручка петельчатая. II тип - керамика баночной формы с прямыми закругленными краями, с выпадающей на поверхностях белой примесью, с плоскими доньшками (табл. XXIV, 38). Орнамент в виде налипного жгутика с косыми насечками штампом (табл. XXIV, 17). III тип - обломки темных амфорных сосудов с черной блестящей кристаллической примесью. Несколько фрагментов из тонкоотмученной красножелтой

мажущейся глины с мелкими блестками. IV тип - серо-красноглиняные обломки неопределенной формы сосудов, глубокий красноглиняный кольцевидный поддон (табл. XXIV, 16).

68. Женское погребение в 50100 м к юго-западу от № 67 у подножия холма при рытье канавы у дороги. Кости, бусы, бронзовый браслет и какие-то другие предметы (216).

69. Из погребений VII-II вв. до н. э. в пос. Чобанлук обломки бронзовых круглопроволочных браслетов с тройными призматическими утолщениями, на гранях которых кружочки либо ряды скобок (табл. XLII, 28, 29); обломок гривны, с рядом поясков из параллельных поперечных или наклонных насечек (табл. XLII, 9). Предмет из узкой ленты, раздвоенный конец которой образует две спирали, длина 2,9 см (табл. XL, 25). Два круглопроволочных браслета с вогнутыми спинками и с зооморфными головками на концах с поперечными рубчиками на шейке (табл. XLII, 23, 26), (АГМ, КЛ, 131, 146-149, 154-155).

70. Бронзовая пластинчатая подвеска в виде остря, в верхней части раздвоенная с дырочкой в пос. Чобанлук. Пластинка орнаментирована пояском линий в верхней части и рядами кружочков (АГМ, КЛ).

71. Железный акинак с сердцевидным перекрестием в пос. Чобанлук. Длина 18,1 см, длина лезвия 22,6 см, ширина лезвия у рукояти 3,5 см, ширина перекрестия 3,5 см (табл. XXXIX, 2), (АГМ, КЛ).

72. Предметы из античных погребений в пос. Чобанлук. Бронзовый круглопроволочный браслет с расплюснутыми концами, покрытыми точечными насечками и растительным орнаментом, переходящим в ленточный у стержня. Диаметр до 5,2 мм (табл. XLIII, 28), (АГМ, 330). Браслет с двумя желобками вдоль тела изнутри и насечками на концах. Диаметр браслета 5 см, сечение стержня 0,6x0,2 см (АГМ, 329). Обломки бронзовой витой шейной гривны с расплюснутыми концами, украшенными рядом врезных кружочков (АГМ, 303). Круглопроволочная бронзовая

94

гривна с сильно расплюснутыми концами с двумя дырочками у края для сцепления (табл. XLII, 5), (АГМ, 314). Обломок круглопроволочного браслета со змеиной головкой на конце (табл. XLII, 27), (АГМ).

73. Черепки амфорной посуды в слое Б селища в устье р. Мысра (Псырцха?) на западном ее берегу в 1,5 км к западу от Нового Афона (159, с. 270).

74. Фрагменты амфоры, раннесредневековых толстостенных сосудов и кости свиньи в гроте к северу от грота Ахупшка, в обрыве горы Аныхамца к р. Мысра (181).

75. 10 амфор в 6-7 км от берега моря с глубины 96-150 м напротив Нового Афона (табл. XXIX, 5, 9-11, 13-14). Находка 1954 г. (АГМ). Тогда же в море найдено еще 4 амфоры (АГМ, 2526).

76. Амфора в море в районе Нового Афона с глубины 120 м. Находка 1953 г. (АГМ, 3129).

77. Слой с большим количеством чернолаковой посуды IV-II вв. до н. э. в районе 2й линии обороны Анакопии (146, с. 133-136, 138, 144).

78. Цитадель Анакопийской крепости (III в. н. э.). Общая длина стен 204 м, высота 45 м, ширина 1,2 м (табл. IX, 5). Кладка из хорошо отесанных известняковых квадров «с кордоном на ребро» (18, с. 53) почти без раствора (табл. X, 10). Вход в цитадель на высоте более 2 м от подошвы стены, облицован тремя массивными плитами, наружные их обмеры: правой - 1,7x0,4 м, левой - 1,4x0,5 м, верхней 1,8x0,5 м. Восточная «Римская»

башня высотой до 16 м, отстоит от стены на 1 м. По типу кладки (табл. XI, 3) она относится к несколько более позднему времени, чем стена. Внешний обмер внизу 9,7x8,7x9,3x8,3 м, внутренний обмер 5,35x4,1x5,2x4 м. Толщина стен до 2,1 м. Кверху башня суживается, снаружи сильнее. В первом этаже следы водосбора с остатками обмазки раствором с примесью толченого кирпича. В южной и западной стенах водосливы. Вход через дверь прямо на второй этаж снаружи по приставной лестнице. Видны пазы перекрытий 3-го и 4-го этажей. Смотровая площадка, видимо, была защищена зубцами (табл. IX, 6). По ряду признаков башня может быть отнесена и к периоду гетуэзского владычества (18, с. 57).

79. Позднеантичный могильник «Сушка» в пос. Кучук-Стамбул у северного подножья горы Иверской. Янтарные дисковидные бусы до 5 см в диаметре, бронзовые браслеты с восемью призматическими, украшенными по внешним трем граням глазками утолщениями, серебряные с крестовидной спинкой фибулы, ромбические бронзовые концевки гривен, железные длинные наконечники копий с ромбическим сечением пера. Раскопки А. Н. Грена в 1935 г. (93, с. 94). Круглопроволочный браслет с утолщающимися концами, покрытыми сетчатым орнаментом, внутренний диаметр 5,56 см (табл. XLIII, 23), (АГМ, 874). Круглопроволочный бра-

95
слет сердцевидной формы со слегка утолщающимися концами, диаметр 6 см (табл. XLIII, 27), (АГМ, 873). Пластинчатый браслет, орнаментированный по концам кружочками на вершине углов, отделенных двумя рядами скобочек от основной части, покрытой треугольниками, заполненными пунктиром с кружочками на вершинах. Диаметр браслета 5,5 см, ширина пластины 1,2 см, толщина 0,1 см (табл. XLIII, 25), (АГМ). 4 бронзовых браслета, 3 бусины, бронзовое зеркало, янтарная бусина, 4 серебряных серьги, просверленные раковины, обломки стеклянного сосуда и др. (АГМ, 871-876). 2 браслета с призматическими вздуттями (АГМ, 1668). 4 браслета с конусоутолщенными концами (112, с. 23). Из разрушенных погребений: хрустальные, 4 пастовые, 15 сердоликовых, 16 синих стеклянных, мозаичная, 2 янтарные и каменная бусы, 2 бронзовых браслета с призматическими утолщениями, бронзовая пряжка, железный топорик с молоточковидным обухом. находка 1965 г. (202, АСГООПК). Нами исследовано женское погребение IV в. н. э., костяк на спине головой на запад. В головах фрагментированный кувшин, на груди бусы - две граненые хрустальные, две стеклянные пронизи, раковина каури, крестовидный бронзовый предмет (табл. XXVII, 44), одна янтарная бусина. Руки согнуты в локтях и сложены под грудью. На правой руке два бронзовых пластинчатых браслета, на концах которых по два отверстия, окруженных врезными кружочками. Пластика украшена тремя кружками с ямочками в центре (табл. XLIII, 29). На левой руке два бронзовых браслета. Один круглопроволочный, с уплощенными концами, с тремя продольными рядами пунктира по внешней поверхности (табл. XLIII, 30). Другой в виде бронзовой змейки толщиной 0,1 см, один конец расплюсчен и образует головку, на которой два небольших кружочка-глаза, над которыми большой кружок. Другой конец заострен (табл. XLIII, 31). На груди, кроме бус и двучленных фибул обычного типа с пластинчатой крестовидной спинкой (табл. XLI, 20), находился бронзовый предмет туалета - орнаментированные лопаточка и шильце (табл. XLI, 31). У таза остатки железного ножа. Античный могильник разрушен при строительстве дороги от Ново Афонского монастыря, видимо, на Афонскую (или

Иверскую?) гору, на которой устраивался виноградник. Инвентарь труположений - бронзовая фигурка быка, 3 железных наконечника копий, железный кинжал акинак, бронзовый плоский круг с крестовидными разрезами, обломки бронзовой фибулы, небольшой бронзовый завиток, несколько бронзовых браслетов со змеиными головками на концах, 8 стеклянных и янтарных бусин (71, с. 1-2, ГИМ, клад 57/606), 3 железных топора, железный нож, 3 прясла, орнаментированная глиняная бусина, часть орнамен-

тированной стенки и дно глиняного сосуда, глиняный орнаментированный штамп, 2 железных небольших серпа (ГИМ, клад 57/59а).

81. Керамика раннесредневекового облика с выпадающей примесью и расщепленная галька в гроте на «Орлином гнезде» (218, АГМ).

82. Одночленная бронзовая круглопроволочная лучковая подвязная фибула в с. Псырцха. Длина 10 см (136, с. 105).

83. Античный могильник в пос. Чинталукв 2,5 км к востоку от «Орлиного гнезда» на двух холмах. На западном холме остатки каменной прямоугольной постройки, сложенной насухо. Здесь найдено 5 бронзовых браслетов с восемью прямоугольными утолщениями, 3 внешние их грани покрыты врезными кружочками с ямкой в центре (табл. XLIII, 20). В 15 м к северу от постройки бронзовый бычок с ушком для подвешивания. В 2050 м к югу по склону холма во время установки высоковольтной мачты и строительства дороги много погребений с бронзовыми цепочками и другими бронзовыми предметами, бусами, костями. Из позднеантичных погребений в 100 м к востоку от каменной постройки бронзовый браслет с семью утолщениями, имеющими на внешних гранях кружочки с ямкой в центре; круглопроволочный бронзовый браслет со сплюснутыми запунктиренными концами; 5 бусин - граненая (табл. XLVII, 31) и круглая хрустальные, 2 янтарных, глазчатая пастовая; серебряное кольцо с печаткой (табл. XLV, 12). Из раннесредневековых погребений остатки костяка с частью одежды из шелковой ткани с серебряными ажурными подвесками и костяная шпилька для волос (212). Погребения изредка обложены камнями.

84. Пучок вертикально стоящих 5 бронзовых и нескольких железных наконечников копий в пос. Чинталук в 100 м к востоку от вышеописанного могильника. Два бронзовых наконечника, длина одного 43 см, ширина пера 0,9 см, туля витая у перехода к перу, с дырочками для крепления древка. находка 1947 г. (АГМ, КЛ). Третий наконечник длиной 31,2 см, перо 16 см, ширина его у основания 2 см, туля орнаментирована поясками линий (табл. XXXVIII, 15), (208).

85. Раннесантичное селище в устье р. Шицкуара, на обеих ее берегах на остатках 4-метровой террасы. Инвентарь: стенки, доньшки, ручки амфор, чернолаковая посуда, фрагменты черепицы (159, с. 269-270). Здесь же на правом берегу размыта гончарная печь, вокруг нее обломки амфор, в частности, с клеймом ДЮГКОУ на ручке (табл. XXIX, 28), (218; 219).

86. Раннеантичный слой селища на холме Верещагина содержит амфорные доньшки и ручки, фрагменты чернолаковых сосудов, обломки амфор грязно-белого цвета с черной кристаллической примесью (58, с. 64).

87. Золотой, покрытый зернью поясик от полый золотой бусины диаметром 15 мм на холме Верещагина (93, с. 18-19).

97

88. 4 железных листовидных наконечника копий на холме Верещагина, длиной до 30,5 см, ширина пера у конца 1,5 см, у тульи 4,5 см, длина пера 19,5 (табл. XXXVIII, 20), (АГМ, С VIII, 97-100).

89. Раннеантичный могильник на южном склоне холма Верещагина. Погребение 1 - кремация в косской амфоре III в. до н. э. (табл. XXIX, 3), (55, с. 106), поставленной горловиной вверх и прикрытой плитой из обтесанного сланца, в амфоре пережженные кости, фрагменты железного серповидного ножа, 5 тонкопроволочных бронзовых браслетов с вогнутой спинкой, с концами, оформленными поперечными рубчиками, лебединными головками, щелевидными бороздками, уплощенными широкими змеевидными головками. У горла урны 2 кувшина; второй узкогорлый с отбитым венчиком и ручкой с шаровидным туловом, покрытым волнообразным узором, нанесенным шестнадцатизубой гребенкой, залощенный у шейки и дна, 3 двуручных и 1 без ручек амфорис ка для румян. Раскопки 1934 г. (93, с. 21-41).

Погребение 2 - ингумация к юго-западу от погребения 1. Дно могилы устлано булыжником. Костяк на спине головой на северо-восток, левая рука согнута на животе. Правая рука кистью у самой головы. На правой руке бронзовый браслет, аналогичный урновым. У браслета с левой руки на концах утолщения округло-биконической формы. Такой же браслет в ногах. На пальцах правой руки два бронзовых перстня. На печатке первого изображение лающей собаки с ухом и торчащей на загривке шерстью. Вторым перстень с заходящими концами и с прямоугольным, длинной осью расположенным вдоль пальца щитком, на котором выполненное выемчатой резбой изображение крылатого грифона, перед головой которого грубо оформленная голова быка, фон пунктирный. Под черепом бронзовые серьги - проволочные колечки диаметром 1,1 см. Более 40 бусин в области шеи: 28 бусин из гагата и гешира, 9 шаровидных бусин из голубой стекловидной пасты, 4 овальные сердоликовые бусины, стеклянная шаровидная бусина, перламутровая пронизка, несколько стеклянных бусин с золотой прослойкой. В ногах узкогорлый кувшинчик, однотипный с кувшином без горлышка из урнового погребения. Высота 19,5 см, диаметр тулова 14,6 см. Поверхность кувшина орнаментирована рядом заходящих друг на друга поясков волнистых линий, нанесенных 16зубой гребенкой. Шейка и часть тулова залощены полосками в вертикальном направлении. Лощением выполнена и ромбическая сетка, нанесенная на узор. Узкая шейка, расширяясь, образует раструб с неровно отогнутым наружу венчиком около 5 см в диаметре. Здесь же венчик чернолакового одноручного сосуда (93, с. 22-23,41-91).

90. Из погребений V-III вв. до н. э., разрушенных при постройке дороги, к северу от № 91, чернолаковая (табл. XXVIII, 11) и местная (табл. XXV, 35) посу-
98

да, различные предметы, верхняя часть бронзового аттического шлема, высота которого 16 см, длина 25 см, ширина 17 см. Вдоль края надбровных дуг и с боков ряд отверстий, на макушке 2 дырочки (табл. XLVI, 10), (АГМ).

91. Эшерское античное городище (пос. Амжасара). Обломки амфор, чернолаковой и краснолаковой посуды, раннеантичных и позднеантичных пифосов, глиняные пирамидальные отвесы, кровельная черепица со слегка наклонным и расширенным внутрь бортом, высотой снаружи 5,4 см, изнутри 2,52,7 см, шириной 33,2 см, водопроводные керамические трубы (раструб с одной стороны и ступенчатое сужение с

- другой, глубина вложения 5,5 см. Диаметр труб 10,5-15 см). На плоской вершине холма ряд земляных бугров - фундаментов (79, с. 5-8). Здесь крестьяне брали хорошо отесанный белый камень (46, с. 67-68).
92. Наконечники железных четырехгранного дротика и копья с тульей эллинистической эпохи вдоль передней стенки в верхнем слое дольмена № 6 в с. В. Эшера (158, с. 78).
93. Обломок чернолакового канфара IVIII вв. до н. э. у крепости «Старый Сухум» к востоку от устья р. Гумиста (табл. XXVIII, 5), (205).
94. Остатки амфор к западу от пос. Красный Маяк на берегу моря (146, с. 122).
95. Фрагменты буролаковой керамики конца VII вв. до н. э. в глинистых отложениях на берегу моря в пос. Красный Маяк (218, АГМ).
96. Фрагменты чернолаковой посуды, привозной синопской черепицы и другие остатки IV-III вв. до н. э. в верхнем культурном слое селища в пос. Красный Маяк (172, с. 185-188).
97. Более 20 погребений VI-II вв. до н. э. в Красномаяцком могильнике. Инвентарь: бронзовые ассирийского типа удила, бубенчики с изображением растительного орнамента и двуглавого грифа, часть щита в виде грифа, бронзовое ситечко, спицы для вязки сетей, топоры-секиры, кинжалы «махайра», ножи, чернолаковая посуда и др. Раскопки 1956-1959 гг. (172, с. 193-207).
98. Селище IV-III вв. до н. э. над могильником VIII-VI вв. до н. э. в пос. Красный Маяк. Остатки гончарной печи, выложенной известняковыми камнями, принесенными издалека, обломки черепицы, посуды, керамические пирамидальные грузила, квадратные кирпичи размером 22x23 см, толщиной 5 см. Вокруг печи следы навеса. Местная керамика: пифосы, амфоры, горшочки, орнамент желобчатый, волнообразный, ломаными врезными линиями, 1 косыми насечками; импортная: остродонные амфоры, кровельная черепица (172, с. 189-193).
99. Железный кинжал с бронзовой рукоятью в г. Сухум между пр. Мира и морским берегом в прослойке торфа в синих глинах у бывшего Грузпе дучилища (146, с. 104).
- 99
100. Бронзовый браслет с уплощенными концами в виде змеиных головок в г. Сухум (ГИМ, 54746).
101. Бронзовый пластинчатый браслет с пятью квадратными утолщениями, орнаментированными на гранях кружками с ямкой, в центре г. Сухум. На концах двойные квадраты, между ними и первым одиночным квадратом на теле 2 желобка (табл. XLIII, 10), (АГМ, 102).
102. Отдельные черепки красной толстостенной античной керамики: в центре г. Сухум на глубине до 1 м (146, с. 122).
103. Обломки античной черепицы, пирамидальное глиняное грузило, створки устричных раковин на ул. Чавчавадзс (ныне Гулия) (146, с. 122).
104. Цоколь прямоугольного сооружения из тесаного и булыжного камня на растворе, разрушен при рытье котлована для фундаментов строящегося здания у Красного моста по ул. Лакоба (214).
105. Известняковый саркофаг на правом берегу р. Беслетка у Красного моста. Длина 2,1 м, ширина в головах 68 см, в ногах 40 см, глубина в головах 30 см, в ногах 37 см, изголовье приподнято. Толщина стенок 57 см. Ширина плечиков 17 см. Саркофаг

прикрыт массивной крышкой из того же материала с продольным ребром сверху, со слабыми пазами изнутри (табл. VII, 9), (АГМ).

106. Культурный слой V-II вв. до н. э. с остатками кладки в западной части сквера в начале ул. Пушкина (Ольгинская ул.) недалеко от берега моря. На обломке чернолакового сосуда оттиснуты штампом пальметки, опоясанные овами. Обломки черепицы, чернолакового лекифа и мегарских чаш, амфорной и местной керамики, пирамидальный отвес. В позднеантичном слое краснолаковые блюда с рельефным орнаментом по краю, два куса медной проволоки, две свинцовые пластинки - части свинцового ящика-урны римского легионера. Вблизи последних пластинок сожженные кости. Раскопки 1886 г. (144, с. 1, ГИМ, 93995).

107. Золотой обруч с подвесками - круглыми пластинками между ул. Пушкина и крепостью на берегу моря (193, с. 15; 25, с. 126).

108. Камень с надписью, глубоко врезанной и имевшей в углублениях остатки красной краски, взят из кладки в районе Сухумской набережной. Содержание надписи: HADR... PER FL.A... LEG... «Адриан через Флавия Арриана порт сей соорудил». Коллекция В. И. Чернявского. (142).

109. Гробница из тесаных плит, прикрытая большими плоскими черепицами, в западной части Сухумской крепости. Разграблена в 1939 г. (146, с. 120).

110. Культурный слой III-II вв. до н. э. перед гостиницей «Рица». Пирамидальные грузила, амфориски, обломки амфорной посуды (табл. XXVIII, 38, 43), фрагменты мегарской чаши (табл. XXVIII, 28), чернолаковая (табл. XXVIII, 7) и буролаковая посуда. В северном направлении слой

100

уменьшался, на восток увеличивался от 0,6 до 1,1 м. Раскопки 1940 г. (146, с. 121).

111. Каменная ступа в 40 м от берега на дне моря против римской крепости. Высота 27 см, диаметр дна 17 см, внутренний диаметр края 20 см, толщина стенок до 4 см, глубина ступки 13,5 см, с внешней стороны 4 округлых ребра высотой до 3,2 см (табл. XI, 10). Находка Л. А. Шервашидзе 1958 г. (АГМ, 1306).

112. Остатки римской крепости - города Себастополиса. Раскопками исследованы восточное укрепление, состоящее из главной стены с примыкающими к ней башнями и контрофорсами, западное укрепление, стена которого примыкает к восточному и выходит за пределы парапета набережной, стена с двумя башнями по краям, в восточном укреплении остатки бани с керамическим полом. Западное укрепление датируется I в. н. э. Выявлены стены II, IV, V вв. Общая длина комплекса древних стен около 220 м. Толщина стен 2, 25 м, стен башен до 3 м, кирпичные пояса в 23 ряда. На морском дне в районе крепости остатки других сооружений, беспорядочно устилающих дно, очертания оборонительных стен, скрытых под водой. Среди находок жернов от ручной мельницы, обломки амфор (199, с. 171-179; 200).

Западная часть крепости. Верхний слой 1 мощностью 0,7 м с остатками средневековья.

Слой 2 IV-V вв. н. э. Инвентарь: красноглиняные амфоры с реберчатыми либо желобчатыми ручками, овальными в сечении, часто обломки амфор с густо рифленой поверхностью, ручки от самосской амфоры. Краснолаковая керамика - миски со слегка расходящимися стенками, с плоским дном и низким узким ободком, тарелки с горизонтально отогнутым краем, полушаровидные чашечки с горизонтально отогнутым краем на маленькой кольцевидной подставке. Стекланные изделия - доньшки

рюмкообразных сосудов и сосудов с синими глазками. Фрагменты кухонной посуды, пифосов и др. Слой 3 - конец II - первая половина III в. н. э. В строительном мусоре светло-красноглиняные и коричневые обломки южнопонтийских амфор с примесью черных частиц, обломки амфор со светлой ангобированной поверхностью и гофрированными стенками, обломки синопских амфор сиреневого цвета с примесью черных частиц. Краснолаковая посуда - фрагменты мисок, чашек, блюд, тарелок, кубков, одноручных и двуручных кувшинов. На закраинах и ручках рельефные изображения сцен охоты, цапли, дельфина, рака, рыб, канфар, растительного орнамента. Бортики украшались бугорками и рубчиками. Скульптурные глиняные изображения головок утки и барана, обломок стенки красноглиняного кувшинчика с рельефным изображением птицы и виноградных листьев

101

с гроздьями и человеческих фигур с птичьей маской и щитом (гладиаторы?).

Красноглиняные светильники, лутерии, кухонные горшки, миски, сковороды. Слой 4 - жилой комплекс I-II вв. н. э., часть комнаты со стенками из булыжника на растворе, двор с хозяйственным помещением, остатки пифосов и круглый колодец, облицованный изнутри булыжником; в колодце обломки краснолакового двуручного кувшина, синопских амфор, остатки кожаной стельки для обуви. Помещение стоит на известковой прослойке - строительной площадке. Ниже прослойки в слое 5 найдены остатки водостока, обломок двухствольной ручки от косской амфоры I в. до н. э., веретенообразный бальзамарий. В слое 6 III-II вв. до н. э. мощностью до 1 м обломки краснолаковых пергамских и чернолаковых сосудов, фрагменты ангобированной миски с чернолаковыми поясками, обломки мегарской чаши, обломок стеклянной позолоченной бусины, виноградные косточки. В нижнем горизонте слоя обломки чернолаковой посуды V в. до н. э. (11, с. 209-235). Восточная часть крепости. Слой «а» мощностью 0,31,25 м. Остатки жилого помещения булыжной кладки, черепки амфор с ребристыми ручками, с глубоким частым рифлением, относящихся к IV-V вв. н. э. В этом же слое фрагменты кирпича, черепицы, водопроводных труб, жерновов, ручной мельницы, рыболовные крючки (табл. XXXIII, 10) металлические шлаки, кости животных, красноглиняные остродонные с желобчатой и рифленой поверхностью, иногда желтоватые с черной примесью импортные амфоры. Слой «б» мощностью 0,51 м. Обломки краснолаковых чаш и мисок, черепки узкогорлых амфор III-IV вв. н.э. У самой мощной стены восточного укрепления (рубеж III-IV вв. н. э.) несколько красно и белоглиняных черепков с христианскими крестиками (табл. XXX, 24), характерными для IV-VI вв. Гончарная обжигательная печь из огнеупорного кирпича на глиняном растворе, одета с трех сторон в массивный (толщиной до 1 м) булыжный кожух. Ширина печи 6,25 м, длина 5 м. Полезная площадь 16 кв. м. Вдоль топочной камеры печи посередине проходит центральный канал длиной 4,2 м, шириной 0,860,96 м. Перед ним по оси с юго-западной ее стороны расположено устье топки с арочным перекрытием высотой 0,9 м при наибольшей ширине 1 м, наименьшей у основания устья 0,84 м. От основания продольного канала по обе стороны ответвляются по 4 узких боковых канала длиной 1,151,2 м, при ширине 1624 см. Сохранившаяся максимальная высота боковых каналов от основания продольного канала 0,9 м. Толщина опорных арок между каналами 0,590,75 м. В этих опорах местами имеются булыжники. В устье печи и у второй опорной арки частично сохранились своды центрального топочного канала -

продольный канал имел кирпичное перекрытие в виде сводиков. Время постройки печи - конец III в. Слой «в» мощностью слоя 0,40,8 м. Фрагменты краснолаковых блюдец, краснолаковые миски, блюда, кувшинчики с ребристыми ручками на кольцеобразной подставке, с рельефной орнаментацией, изображающей строение, животных - козы, кабана, растения - кипарисы, пальмы (табл. XXXI, 11, 13, 14). На закраинах блюдец рубчики, резкие волнообразные и горизонтальные линии, выпуклые бугорки. Эта керамика относится ко II - началу III в. н. э. Несколько краснолаковых светильников, на одном из которых рельефное изображение трех граций (табл. XXX, 20), фрагменты чашлутериев, на одном из них греческое клеймо (табл. XXX, 6). Слой «г». Деревянная вымостка вертикально вбитыми пучками кольев. Обломки амфор и чернолаковой посуды III вв. до н. э., местная керамика, косточки персика, скорлупка грецкого ореха. Местная керамика позднеантичных слоев представлена обломками горшков, больших двуручных котлов, мисок, краснолаковых и других подражаний привозной посуде. Орнаментация горшков и котлов врезной волной и гребенчатым рифлением. Терракотовая статуэтка человека с лентовидной наклепной полосой через правое плечо и круглым предметом, напоминающим лепешку, в правой руке (табл. XXXII, 29). Стекланные фрагменты рюмок, стаканов, флаконов зеленоватого цвета (табл. XXXIII, 22-35), (179; с. 236-253).

113. 3 римские геммы рубежа I-II вв. н. э. в г. Сухум, случайные находки (109, с. 84-85, ГМГ, 870, 918, 871).

114. Значительное количество обломков чернолаковой керамики в районе Сухумского ж/д вокзала (8, с. 153).

115. Римская сторожевая башня конца II в. н. э. на вершине глинисто-галечного холма в северо-западной части г. Сухум в конце ул. Краснофлотской. Башня ориентирована углами по сторонам света, в плане квадратной формы. Размер внутри: 5,47x5,4 м, снаружи: 6,45x6,30. Стены толщиной 0,9 м сложены из обкатанного булыжника и ломаного камня на галечно-известковом растворе с примесью толченого кирпича без фундамента прямо на грунте, в котором более ранние погребения. Цокольная часть булыжной кладки от 0,6 до 0,72 м высотой. Весь верх от цоколя до сохранившейся высоты стен (2 м) обработан баткажем - затиркой швов. От северо-западного угла башни под северный угол дома Одинца проходит фундамент стены той же толщины (0,9 м). От западной стены был водосток, обложенный камнем (табл. IX, 4). Раскопки М. М. Трапша 1954 г. Среди прочих находок во втором слое были четыре глиняных светильника, один из них с греческой надписью «*παρασεῖς προσχυνεῖν χυρίν*

□*Ερμην Μαρχυρίν υπέρ σωτηρίας*», «Давай поклоняйся владыке Гермесу Меркурию ради спасения» (табл. XXX, 22), (78), краснолаковая и амфорная посуда, позднеантичная черепица, глиняные пирамидальные отвесы для ткацкого станка, каменный жернов из двух круглых плит, в нижнем слое - чернолаковая посуда и др. (219).

116. Античная амфора, зарытая горловиной вверх, в ущелье р. Харикуара. Находка 1935 г. (146, с. 122-123).

117. Раннеантичное поселение на седловине у подножия северной вершины Сухумской горы - амфорная керамика, амфориски, пифосы, чернолаковые канфары и килики,

кружки, миски, горшки, тарелочки, отвесы, обломки черепицы VIII вв. до н. э. (75, с. 83-87).

118. Раннеантичный могильник на вершине Сухумской горы. 12 погребений IV-III вв. до н. э., из них 4 кремационных. Одно в урне, остальные - грунтовые. Инвентарь: железные предметы - мечи с прямыми поперечными перекладами на вершине рукояти (табл. XXXIX, 3), акинаки (табл. XXXIX, 5), топоры-секиры (табл. XXXVI, 8), топоры-молотки, наконечники копий и дротиков (табл. XXXVIII, 21, 24). Бронзовые предметы - круглопроволочные браслеты с вогнутой спинкой, пластинчатые браслеты, колокольчики с цепочками, серебряные фибулы с овальной пластинчатой орнаментированной дужкой и другие предметы. Керамика - кувшины, горшки, амфоры, амфориски, чернолаковые канфары и котилы (174, с. 207-208). Много железного оружия - наконечников копий, кинжалов, а также керамики было в коллекции В. И. Чернявского, собранной на Сухумской горе (194, с. 259; 120, с. 73).

119. Могильник VI-V вв. до н. э. на холме Гуадику. Полная кремация и частичное сожжение в могильной яме, ориентированной с востока на запад. Инвентарь: железное оружие - мечи с поперечными перекладами на вершине рукояти (табл. XXXIX, 4), кинжалы с сердцевидным перекрестием, топоры-молотки, топоры-секиры (XXXVI, 7), втульчатые наконечники копий (табл. XXXVIII, 22, 23), дротиков; бронзовые перстни - печати, на щитках которых изображения человеческих фигур с крыльями, играющих на свирели, держащих ветвь, животных - сфинксов, льва, лошади, орла; бронзовые круглопроволочные браслеты с вогнутой спинкой, с нечетным числом вздутий, призматических утолщений, винтовой нарезкой (табл. XLII, 24), с утолщенными концами (табл. XXII, 25), со змеиными головками, с поперечными наружными надрезами, иногда стержень браслета трехгранный в сечении; бронзовые булавки с веерообразными головками, по внешней стороне которых ряд подвесок-колокольчиков; фибулы бронзовые трех типов - с овальной пластинчатой спинкой, с граненой дужкой и двучленные, круглопроволочные с дужкой в виде розетки с восе-

104

мью выступами, игла прикручена к стержню; бронзовые детали пояса; витая шейная гривна, с ромбовидно уплощенными концами с крючками, орнаментированная пластинка; стеклянные голубые, синие, черные бочонкообразные, грушевидные, иногда глазчатые и янтарные бусы, среди них подвеска в виде головки кабана; керамика - кувшины, горшки, орнаментированные гребенчатым сетчатым волнообразным узором, ломанными линиями; красноглиняные амфориски (табл. XXVIII, 8), фрагменты гераклейских IV-III вв. до н. э., косских (табл. XXVIII, 49) и других амфор; обломки чернолаковых котил, киликов, канфаров (171, с. 201-223).

120. Остатки раннеантичного селища на холме Гуадику. Черепки местной керамики, пирамидальные грузила, фрагменты чернолаковых сосудов (174, с. 212), обломки амфорной посуды светло-желтого либо грязно-белого цвета с лиловатым оттенком, в глине которых присутствует характерная черная кристаллическая примесь.

121. Два железных раннеантичных топорика типа секиры-молотка на правом берегу р. Беслетка у шоссе в 2 км от моря. Длина одного 12 см, ширина лезвия 10,5 см, длина нижней части лезвия до 7,5 см (табл. XXXVI, 6), длина другого 13,5 см, ширина лезвия 6,5 см (табл. XXXVI, 3), (АГМ, 552).

122. Черепки чернолаковой посуды, обломки синопской черепицы и грузила из глины и камня (табл. XVIII, 12) на правом берегу р. Беслетка в 2 км от моря (АГМ, 1140).

123. Каменная гробница, крытая черепицей, разрушена в пос. В. Яштух (221).

124. 2 бронзовых браслета с другими предметами из погребения с трупосожжением в с. В. Яштух Находка 1934 г. (АГМ).

125. В слое Г Каманского грота погребение ребенка без инвентаря и несколько обломков позднеантичных амфор (135, с. 88).

126. На скалистом гребне холма Гумбиху к западу от мертвой долины, в северной части которой находится Андреевская пещера, остатки укрепленного поселения Каман¹. Длина основной части поселения, окруженного 45 метровыми обрывами, 70 м, ширина от 10 до 20 м. С юга поселение в позднеантичную эпоху было укреплено квадратной башней размером 5,3x4 м, толщина стены 1 м (табл. VIII, 12). Сложена стена из больших отесанных блоков, на слабом известковом растворе. Ряды выдержаны. Размеры одной из плит: 1 x0,4x0,4 м, другой - 0,6x0,5x0,4 м. Отесанные плиты составляли облицовку (табл. XI, 2). Забутовка из рваного известняка на известково-песчаном растворе. Высота сохранившейся части стены башни до 1,1 м. Остатки каменных валов более древнего происхождения имеются по гребню на площадках в 5060 м к югу от башни. Вход с севера по естественной лестнице на 5-метровый скалистый уступ. Перед входом на нескольких площадках, общей площадью 1200-1300 кв. м, распо-

105

ложены остатки поселения отдельными пятнами по ступеням к 5060 метровому обрыву, опоясывающему вершину с запада. Культурный слой почти сполз в обрыв. По своему характеру в хронологическом отношении подъемный материал распределяется следующим образом. 1) Несколько обломков сероглиняных горшочков с сильно отогнутым венчиком раннесредневекового облика. 2) Позднеантичные обломки красно и сероглиняных пифосов с уплощенным сверху массивным венчиком цебельдинского типа, с волнистым орнаментом, нанесенным гребенкой на подступах к горловине (табл. XXV, 18), обломки мисок с уплощенным краем, ручки с очкообразным налетом от красноглиняных кувшинчиков с чашечкообразным венчиком (табл. XXV, 37), светлоглиняные квадратные кирпичи и др. 3) Светлоохристые, серые и коричневые обломки с выпадающей на поверхностях примесью из толченого кальцита и известняка, доньшки уплощенные, форма баночная. Несколько обломков амфорной посуды грязно-белого с лиловатым оттенком, сизого, коричневого, красного цвета с черной кристаллической блестящей примесью. Датировка-последние вв. до н.э. - начало н. э. Керамика из разведочного шурфа в башне - пережиточная форма третьей группы. Черепок красновато-сизый, хорошо обожженный, сглаженный снаружи, изредка гребенкой, дырочки от выпавшей примеси имеют рваные края. В нижнем слое у пола башни под завалом камней обломок стеклянного сосуда III-IV вв. н. э.

«Греческий город Каманы», обнаруженный в этом районе греческим археологом К. Врисисом в 1884 г. (103, с. 58) - не есть ли это селище Каман¹ ?

127. Поселение Каман² в 1 км к северо-западу от поселения Каман¹ в западной части гребня, обрывающегося к северу к р. Гумиста, на ровной площадке на вершине, защищенной каррами, щели в которых завалены камнями. Местами просматриваются остатки валов из мелкого камня. Длина укрепленного поселения с востока на запад 80 м, ширина 2030 м (табл. VIII, 10). Керамика из сборов 4х типов. 1 тип - обломки

толстостенных больших сосудов с выступающим поддоном. II тип - обломки баночных сосудов с выпадающей примесью. III тип - куски амфорной керамики грязно-бело-фиолетовых оттенков с черной кристаллической примесью.

IV тип - много обломков тонкостенных баночных сосудов красного, черного, коричневого обжига. Основной комплекс относится к последним вв. до н. э. - началу н. э. 128. Селище Ахипса² на большой поляне, вытянутой с запада на восток, венчающей вершину в 1,52 км от р. 3. Гумиста по хребту, поднимающемуся на правом берегу реки напротив Андреевской пещеры. Поляна

106

окружена крутыми склонами и обрывами. Длина ее 5060 м, ширина до 30 м. в восточной части - карры. В северо-западном углу площадки кольцообразное сооружение высотой до 1 м из выветрившихся обломков известняка. Внутренний диаметр кольца - 2 м. Внешний - 8 м. На поляне, особенно рядом с постройкой - обломки керамики с выпадающей примесью и другой посуды, однотипной с материалами № 127.

129. Селище Ахипса¹ в 1 км к северу от селища Ахипса² на продолжении той же гряды на вершине за перевалом, ведущим из долины 3. Гумисты в долину левого притока р. Хожгейта. На плоской вершине с крутыми склонами и обрывами во все стороны - небольшое возвышение, искусственно надстроенное обломками известняка насухо. Длина сооружения 23 м, ширина 12 м. Длина стены 53 м. К северо-востоку на склоне ряд узких площадок одна над другой. На них по краям следы искусственных невысоких насыпей из камня (табл. VIII, 5). К западу на ровной поляне между камнями большое число обломков разнообразной керамики. I тип - толстостенная пифосная керамика со сглаженной гребенкой, охристо-серо-красноватой наружной поверхностью, сизая в изломе, с большой примесью песка. II тип - обломки светлой пористой тонкостенной посуды с примесью толченого кальцита. III тип - обломки горловины амфоры с ручкой овально-вытянутой формы в разрезе (табл. XXIX, 15) из светло-желтой глины с фиолетовым оттенком и с большой примесью черных блестящих кристалликов, обломки тонкоотмученной мажущейся желтокрасной керамики, IV тип - обломки небольших тонкостенных сосудов красного, черного, серого, сизого и светло- и темно-коричневого оттенков с наружным рифлением либо сглаженностью. Комплекс относится к последним векам до н. э. - началу н. э.

130. Остатки селища в 56 км вверх по р. Хожгейта в 1,52 км к северо-западу от Верхне-Шубарской крепости. Ниже перевальной тропы развитые карры. Ниже них склон усыпан керамическими обломками. Керамика красноглиняная либо черноглиняная, хорошего обжига, в основном с выпадающей примесью. Этим же признаком здесь обладают толстостенные сосуды. Донышки уплощенные либо с намечающимися кольцевыми поддонами, венчики отогнуты. Керамика этого типа существует здесь до раннего средневековья.

131. Глиняный кувшин и железный кинжал в нем в центре с. Андреевское (218).

132. Обломки позднеантичных кувшинчиков с чашечкообразным венчиком цебельдинского типа в одной из пещер, в 100 м выше Гумской пещеры. На пифосных черепках под натечной коркой характерный волнистый орнамент, нанесенный многозубчатой гребенкой (208).

107

133. Селище Отсюш-1 на южной пирамидальной вершине (891 м) горы Отсюш на ровной площадке с крутыми обрывистыми склонами. Размеры площадки 15x8 м, примерно в центре кольцеобразная насыпь высотой снаружи до 0,5 м. Внутренний диаметр насыпи 4 м, наружный слегка вытянут к западу - 10x8 м (табл. VIII, 6). Склоны засыпаны обломками камня, сланца, керамики, керамическим и железным шлаком. В северо-восточном секторе нами заложен Г-образный шурф общей площадью 3 кв. м. Ввиду отсутствия в литературе сведений о памятниках типа Отсюш-1 даем ниже подробное описание добытого материала (табл. XI, 8).

Слой А. Глубина до 0,25 м. Крупные камни от развалившейся стены, сложенной насухо, корни, гумус. Между камнями керамика. Тип I. Толстостенная, хорошо обожженная пифосная керамика. Толщина стенок 1 2,5 см. Поверхность снаружи от ярко-красного до оранжевого и сизого цвета обработана продольным крупнозубчатым рифлением на гончарном круге. Переход от тулова к венчику вертикальным рифлением. Внутренняя поверхность часто не сглажена и рыхлая. В изломе черепок сизый, серый, черный с сильной примесью песка. Доньшки диаметром 1316 см массивные, плоские, с выступающим ребром (табл. XXV, 12, 13). Узор рубчатым штампом (табл. XXV, 15). Тип II. Керамика без орнаментов, доньшки уплощенные, краешек слегка отогнут, расширяется кверху, образуя слабую полочку внутрь. Высота сосуда баночной формы 12,6 см, диаметр дна 11 см, диаметр венчика 15,5 см, диаметр в середине тулова 13 см (табл. XXV, 11). Сизые, голубоватые, красноватые, желтоватые, черные оттенки перемежаются на поверхности одного сосуда. Некоторые обломки сплошь светлые с красновато-сизым оттенком, покрытые белыми крапинками примеси. Сосуды лепились вручную, жгутовой или шматковой техникой, сглаживались снаружи от доньшка к венчику, изнутри обработаны мелким рифлением - видимо, пучком травы. В изломе черепок имеет зеленовато-серый либо черный оттенок с большим количеством белых, по внешнему виду кристаллических, но рассыпающихся включений - примесь, которая выпала на поверхности, образуя ее своеобразную рыхлую фактуру. Тип III. Серо-сизая тонкостенная амфорная керамика с большим количеством своеобразной черной кристаллической блестящей примеси, напоминающей толченое вулканическое стекло. Хорошо обожженный звонкий черепок. Изнутри поверхность гофрирована, в слое обломок из бело-желтой, тонкоотмученной глины. Тип IV. Несколько обломков керамики баночной формы толщиной до 0,7 см с хорошо сглаженной, слабо лощеной поверхностью. Снаружи рифление вертикальное, изнутри горизонтальное. Тесто имеет примесь из мелких белых частичек. Орнамент в виде налепного

108

валика с нанесенными на него косозубчатым штампом насечками, в одном случае типа паркета (табл. XXV, 16). Тип V. Обломки одного сосуда позднеантичного облика. В слое также железный шлак, камень от гранитной зернотерки.

Слой Б. Глубина 0,25-0,5 м. Камни, комковатый перегной, керамика. Тип I. Рифление снаружи горизонтальное с вертикальными затертостями, изнутри грубое сглаживание. Преобладают сизые с красными пятнами черепки, появляется несколько обломков, снаружи черных, изнутри красноватых либо серых с большим количеством мелкого песка. Наружное рифление слабое. Тип II. Несколько невыразительных обломков. В основном тип переходит в керамику с хорошо сглаженной поверхностью, в которой видны белые крапинки примеси, поверхность черепка серая, красноватая, без

характерной гаммы цветов, остается некоторая маслянистость на ощупь. По своему облику эта керамика смыкается с IV типом. Тип III. Черепки светлых, серо-сизых тонов, с большим количеством черной кристаллической примеси, присутствуют в слое в несколько меньшем количестве. Тип IV. Несколько обломков сосудов баночной формы, часть из которых, видимо, от сосуда с наклепанным орнаментированным валиком из слоя А. Черепок снаружи хорошо сглажен либо покрыт вертикальным рифлением, изнутри горизонтально сглажен, в изломе черный, почти без примеси либо из очень светлой охристой глины с большой примесью белых частичек. Донышки диаметром до 5,2 см уплощенные, со слегка выступающим поддоном (табл. XXV, 7, 10). Резко выступающий край одного поддона сосуда из красной глины с белой примесью выделен многочисленными врезами небольшим (женским?) ногтем. Диаметр дна 6,7 см (табл. XXV, 8). Тип V здесь и ниже отсутствует.

Среди других предметов обломки бесформенного железного окислившегося куска, керамический кружок диаметром 2,3 см, толщиной 0,9 см, сделанный из бокового черепка сосуда I типа (табл. XXV, 9), несколько бесформенных кремневых и галечных обломков. Слой Б почти сливается по характеру со слоем А, хотя появляются свои особенности. Число обломков посуды I и II типов резко сократилось, большинство посуды разбито, видимо, при падении стены, поэтому, если провести раскопку слоев А и Б по всей площади (32 кв.м) селища, можно затем собирать целые сосуды - все фрагменты на месте. Это свидетельствует, видимо, не о постепенном угасании жизни на селище, а о каких-то событиях, заставивших покинуть поселение однажды и навсегда.

Слой В. Глубина 0,5-0,75 м. Черная земля, щебенка, уголь, в нижней части слоя - каменная «вымостка», состоящая из больших камней,

109

положенных ровной стороной вверх, керамика. Тип I. Немного обломков толстостенной охристо-сизой, красной изнутри и черной снаружи, керамики с наружным слабым, беспорядочным, иногда крупнозубчатым вертикальным или горизонтальным рифлением, изнутри очень мелким горизонтальным. В изломе черепок коричневый, черный, иногда сплошь сизый, со значительной примесью песка. Утолщенные краешки отогнуты наружу (табл. XXV, 1), редко с орнаментом из резких косых вдавлений крупнозубчатым штампом (табл. XXV, 2). Тип II. Немного светло-сизых с красным оттенком обломков с большим количеством белой кристаллической примеси, выступающей на поверхности. Изнутри примесь выпала. В изломе черепок серый, пористый. Тип III. Обломки из охристо-сизой, тонкоотмученной глины с черной кристаллической примесью. Эта примесь иногда выпадает, чаще изнутри, образуя шершавую, изрытую поверхность. Тип IV. Обломки черноглиняных и темно-коричневых сосудов со стенками, сглаженными вертикальным рифлением, орнамент врезными линиями (табл. XXIV, 55, 56; XXV, 3, 4). Много обломков от грязно-красного сосуда баночной формы с примесью песка и слюды, покрывающей поверхность, с орнаментом в виде выпуклого рантика с косыми насечками по нему (табл. XXIV, 54). Рифление вертикальное.

Среди других предметов обломок бронзового пластинчатого браслета (табл. XXV, 5), бронзовый (табл. XXV, 6) и железный шлак, много бесформенных кремней, обломки орудий из сланца, расщепленная галька. Слой Г. Глубина 0,75 м. Под «вымошкой» щебенка с черной рыхлой землей, отдельные большие камни, керамика. Тип I. Немного

обломков красноглиняной хорошо обожженной керамики с широким горизонтальным рифлением снаружи и внутри. Иногда обломки сплошь сизые, с красным оттенком снаружи. Орнамент в виде ряда наклонных углублений, нанесенных зубчатым штампом, либо в виде двух рядов этих же углублений, наклонных в противоположные стороны (табл. XXIV, 40). Тип II. Керамика с выпадающей белой примесью представлена несколькими невыразительными обломками от тонкостенных баночных сосудов. Тип III. Много характерных крупных обломков благодаря лиловатому и грязно-белому цвету, качеству глины, черной, очень мелкой, блестящей кристаллической примеси, почти не отличаются от так называемой «синопской» амфорной керамики из раннеантичных (V-III вв. до н. э.) поселений приморской зоны. Тип IV. Наблюдается резкое увеличение числа мелких сосудов (до 1520 экземпляров на кв. м вместо 3-4 в верхних слоях). Много обломков темно-коричневых и красноглиняных сосудов баночной формы со слегка выступающим либо плоским дном (табл.

110

XXIV, 42, 46, 49), с вертикальным беспорядочным рифлением широкозубой гребенкой, с откинутым венчиком (табл. XXIV, 37, 40, 44), иногда обработанным этой же гребенкой (табл. XXIV, 32), орнамент наклонными глубокими врезами либо вдавлениями (табл. XXIV, 39, 45, 51) вдоль горловины. В одном случае венчик по краю имеет ряд наклонных вдавлений (табл. XXIV, 50). Ручка от красноглиняного кувшина, сужающаяся к середине, в разрезе овальной, почти биконической формы (табл. XXIV, 43). Среди других предметов в верхней части слоя железное кресало луковидной формы (табл. XXIV, 53); обломок костяной подшлифованной пластинки длиной 4,6 см, шириной 0,4-0,9 см, толщиной до 0,3 см, с одной стороны следы отломанной петельки, с другой отломано расширяющееся продолжение, орнамент четырьмя врезными кружочками с ямкой с каждой стороны (табл. XXIV, 47); три стеклянные синие бусины: биконическая (табл. XXIV, 31), бисерная шарообразная (табл. XXIV, 36) и цилиндрическая с тремя белыми волнистыми поясками (табл. XXIV, 48); бронзовая круглопроволочная прорезная пронизь (табл. XXIV, 30), много костей мелкого рогатого скота (трубчатые кости, бабки, позвонки) и птиц; обломок шлифованной гальки.

Слой Д. Глубина 1-1,25 м. Щебенка, чернозем, угли, рассыпающиеся гранитные валунчики. Слой подстилают обломки рваного известняка, очень тесно сложенные. Керамики немного. Тип I почти отсутствует. Обломки черноглиняного и сизого сосудов. Тип II отсутствует. Тип III. Два обломка грязно-белой керамики с сизым и розоватым оттенком, с черной кристаллической примесью обычного типа. Тип IV. Зеленоватые или красновато-серые фрагменты с беспорядочно рифленной поверхностью как снаружи, так и изнутри. Диаметр сосудов увеличивается при тонких стенках до 2035 см. В то же время доньшки диаметром до 5,2 см (табл. XXIV, 27). Рифление мелкое, но очень четкое, иногда образует сложный узор (табл. XXV, 33). Венчик слегка отогнут, орнамент штампом косыми насечками пропадает, вместо него ряд наклонных вдавлений по выпуклому рантику (табл. XXIV, 26) и пальцевыми вдавлениями по краю венчика (табл. XXIV, 25).

Среди других предметов бронзовый обломок предмета, напоминающий височную подвеску. Изнутри по кругу желобок (табл. XXIV, 29); обломки из бронзы, кусочек трубчатой обожженной кости, на черной отполированной поверхности которой видны

следы острого предмета, создающие какой-то схематический рисунок, много костей, железный и керамический шлак, обломки сланца, сглаженные работой гальки.

Слой Е. Глубина слоя 1,25-1,8. Культурные остатки идут в верхнем горизонте толщиной 20 см. Под второй вышеупомянутой «вымошкой»

111

из мелкого рваного известняка прослойка черной земли. Рассыпчатый серо-желтый грунт, напоминающий золу, уходит к западу от раскопа. Присутствуют угольки, очень много костей животных. Керамика I и II типов отсутствует. III тип представлен двумя обломками. IV тип - обломки темно-коричневой тонкостенной рифленой беспорядочно внутри и снаружи посуды со слабоотогнутыми венчиками, диаметр сосудов до 3031 см (табл. XXIV, 24). Несколько черепков несут легкое лощение. Один черепок ядовито-оранжевого цвета из тонкоотмученной глины с красными вкраплениями, со множеством мелких блесков. Кусочек рыхлого серого доньшка диаметром 11 см от сосуда баночной формы с большой примесью песка в глине (табл. XXIV, 28). Кусочек тонкостенного красноглиняного сосуда с сетчатым сглаживанием (табл. XXIV, 32). в нижней части слоя Е много трубчатых костей и зубов мелкого рогатого скота, сланцевых дощечек, кусочки шлака и железный гвоздь с выпуклой шляпкой (табл. XXIV, 34).

Поселение относится к культуре, оставившей такие крепости как Бжилуа, Среднеанухвинская и др. и принадлежавшей, видимо, санигам. Предварительная датировка - последние века до н. э. - начало н. э.

134. Селище Отсюш-2 на северной основной (91,6 м) вершине горы Отсюш на площадке размером до 500600 кв. м, окруженной известняковыми каррами, щели между которыми заполнены камнем. В северной ее части четырехугольное возвышение из камня насухо размером 4x4 м и высотой до 1,5 м. Сборы: керамика, железный и медный шлак, обломки сланца, валунчики изверженных пород. К востоку от возвышения, служившего, очевидно, цитаделью, на покатой площадке поселение площадью более 2 000 кв. м, защищенное с севера обрывом, с юга каррами и обрывами, с востока остатками вала длиной 50 м из мелкого камня (табл. VIII, 71) Мощность культурного слоя местами до 1 м. Датировка - последние века до н. э. - начало н. э.

135. Ряд гротов вдоль реки, берущей начало на склонах г. Чумкузба у с. Апианда. В одном из них неподалеку от «священного места» культурный слой, в верхнем горизонте которого найдена горловина раннесредневекового горшка (223).

136. Погребение в кувшине с железным оружием по дороге, не доезжая до слияния р. Цумур с р. Гумиста (218).

137. «Древние могилы» у слияния р. Цумур с Гумистой и дальше в лесу (218).

138. Кольцеобразная каменная ограда на правом берегу р. Цумур на третьей террасе (45 м) у тропы на Верхний Цумур. Стены шириной около 1 м сложены насухо из валунов, размеры которых 0,30,6 м. Высота ограды

112

0,41 м. Восточная часть сооружения внутри ограды завалена мелким валуном, местами лежащим по всей поверхности площадки, местами отдельными кучами - остатки стенок легких низких построек. Размеры ограды 30 x 30 м (табл. VIII, 9), (218).

139. Клад с двумя золотыми браслетами в с. Псху (61, с. 129).

140. Бугор, в котором прослеживались какие-то стены, в устье р. Беслетка (193, с. 14).

141. Напротив устья р. Беслетка к востоку в море прослежены стены (193, с. 15). Остатки круглой башни с примыкающим к ней небольшим прямоугольным помещением. Толщина стен больше метра. Наружный диаметр башни до 6 м. Кладка булыжным камнем на известковом растворе. Вход с запада, с востока три узкие бойницы (200, с. 23).
142. Мраморная надгробная стела конца V в. до н. э. с изображением трех фигур на дне моря на глубине около 2 м к востоку от устья Беслетки. Находка 1953 г. (173, АГМ).
143. Сильно оббитый женский бюст из известняка III вв. н. э. близ присчани на дне моря (219, АБНИИ).
144. Античное поселение с чернолаковой посудой прослежено вдоль берега моря на 1 км к востоку от устья р. Беслетка (59, с. 100-101).
145. Остатки раннеантичного укрепления со следами рва и чернолаковой керамикой у замка Баграта (146, с. 124). Раскопками 1954 г. выявлен раннеантичный слой. Среди других находок бронзовые скифские псалии (219).
146. Погребение III-II вв. до н. э. на южном склоне холма над кирпичным заводом на левом берегу р. Беслетка в бывш. с. Володаровка. Браслет из тонкого золотого прутика с розеткой, снабженной миниатюрным изображением птицы с подвеской на клюве. Находка 1936 г. (146, с. 124, АГМ).
147. Обломки щита из листовой бронзы со скобками по краям на левом берегу р. Беслетка в бывш. с. Гнатенберг (АГМ).
148. Из раннеантичного селища в бывш. с. Гнатенберг (совр. Дзегута) много чернолаковой посуды (табл. XXVIII, 19, 20, 24, 27), (218, АГМ).
149. Селище античной эпохи в бывш. пос. Нейдорф (218).
150. Два бронзовых браслета вместе с золотой бляшкой, изображающей льва, повернувшего назад голову, в парке Смецкого. Один из браслетов круглопроволочный со слегка вогнутой спинкой и утолщенными концами, орнаментированными косыми и поперечными насечками. Находка 1948 г. (АГМ, 64-65).
151. Следы древних фундаментов на вершине холма на левом склоне Алексеевского ущелья в парке Смецкого. Рядом в 1938 г. разграблен кирпичный античный склеп. Ниже по склону погребение II в. н. э. Среди других золотых вещей, увезенных Н. Н. Смецким в Москву, браслет со львины-
- 113
- ми головками (146, с. 124). Отсюда же железный наконечник копья, длина 41,5 см, ширина пера 5,5 см (табл. XXXVIII, 25) (АГМ).
152. Погребение III в. до н. э. на западной вершине холма Ахвылабаа в верховьях Алексеевского ущелья. Железные массивный наконечник копья, два дротика, меч и топорик, остатки бронзовой богато орнаментированной оправы, видимо, от щита, диаметром до 0,8 м (табл. XLVI, 4, 5), бронзовая чаша, несколько темноглиняных тарелок, чернолаковые сосуды. Находка 1939 г. (146, с. 125).
153. Раннеантичное селище в верховьях Алексеевского ущелья на холме Обломки пифосов (табл. XXIV, 2, 3), светлоглиняных амфор, иногда с примесью черных кристалликов, обломок ручки родосской амфоры (табл. XXVIII, 36), (208). Здесь же железный топорик с молоточковидным обухом (табл. XXXVI, 5). Длина 15,5 см, ширина лезвия 7 см (208).

154. Несколько погребений разрушено во время пахоты в верховьях Алексеевского ущелья. По описаниям - бронзовые аттические шлемы, железное оружие, бронзовые украшения, чернолаковая керамика (221).
155. Черепки античной посуды вместе с трубами древнего водопровода у устья р. Дзегута (Волчья) за парком «Синоп». Находка 1935 г. (146, с. 123).
156. Черепки посуды античной эпохи на правом берегу р. Келасур на мест; здания Субтропического института (ныне здание АГУ) (146, с. 123).
157. Три бронзовые скифские псалии у устья р. Келасур. Находка 1926 г (АГМ, 412-414).
158. Обломки двух древнегреческих аттических шлемов, целиком выкованных с округлым оголовьем, с пластически моделированным затылочным шейным выступом, со стреловидным наносником и привесными на шарнирах нащечниками из раннеантичных погребений на правом берегу р. Келасур у устья (табл. XLVI, 7-9), (138, с. 146; 93, с. 129; АГМ).
159. Камень с греческой надписью латинскими буквами в устье р. Келасуу. Находка 1849 г. (144, с. 48).
160. Из раннеантичного погребения на вершине прибрежного холма на левом берегу р. Келасур в ограде Келасурской стены (в крепости?) часть электронового браслета и фрагменты древнегреческого бронзового шлема. Находка 1940 г. (125, с. 125, АГМ).
161. Сердоликовая инталия в золотой оправе, разделенной на 26 гнезд, заполненных попеременно стеклышками красного цвета и серо-зеленоватой пастой, в устье р. К тасур. Обратная часть оправы гладкая, с боков имеются ушки. Размер с оправой 3,9x5,15 см, сердолик 2,5x3,4 см. На камне вырезано погрудное изображение женщины средних лет, взор вправо. Рядом - юноша лицом к ней. Справа от него - профиль мужчины, а по овалу надпись. Инталия относится к последней четверти III - 114 первой четверти IV вв. и. э. (80, с. 98-104). Надпись переведена как аланская с помощью осетинского языка: «Нина есть, ее семейство есть, на груди есть», причем были вырезаны сначала первые два предложения, а затем последние (181, с. 190-192).
162. Раннеантичные поселения на холмах вдоль водораздельного гребня между рр. Келасур и Мачара. Пункт 1 в 1,5 км по гребню от ресторана «Мерхеул». Пункт 2 в 200 м дальше, на вершине «конуса» - холма на самом водоразделе, здесь следы укрепления диаметром до 20 м. Пункт 3 в 250 м к северо-востоку по гребню на склоне амфитеатром на юг, площадь до 5 тыс. кв. м. Здесь во время пахоты находили бронзовые браслеты со вздутиями. Пункт 4 в 100 м дальше к северо-востоку по гряде; площадь, насыщенная керамикой, до 3 тыс. кв. м. В 50 м от пункта 4 на перевале заплывший водоем, в 250 м от которого на конечной вершине гребня пункт 5. Пункт 6 в 300 м к юго-западу от «конуса» (табл. IV, Д).
163. Раннеантичный слой на поселении Мачара2. Обломки темно-коричневого лощеного сосуда с округлым туловом, сплошь покрытым волнистым орнаментом (табл. XXIX, 24). Красноглиняная посуда с тонкими стенками и петельчатыми ручками (табл. XXIV. 11). Обломки остродонных амфор и черепицы из тонкоотмученной глины грязно-белого с фиолетовым оттенком цвета, с мелкой черной кристаллической примесью (табл. XXIX, 19). В нижней части селища крестьяне при пахоте находят бронзовые браслеты, цепочки, пластинки и др. (223).

164. Раннеантичные поселения на левом берегу р. Мачара напротив бывшего ресторана «Мерхеул». Пункт 1 на трапециевидном холме в 2 км от р. Мачара в верховьях ее левого притока. Пункт 2 в 300 м к юго-западу на такой же вершине. Пункт 3 в 300 м к западу от пункта 2 по ответвлению от основного гребня, уходящего к морю. Пункт 4 в 50 м к западу от пункта 3 на продолжении того же ответвления. Пункт 5 в 150 м к северу - остатки поселения площадью до 20 тыс. кв. м с укреплением на вершине. Холм ограничен с севера 100-метровыми осыпями. В средней части пространства, засыпанного обломками разнообразной керамики, черепицы, зернотерок, при вспашке разрушено много погребений, в которых упоминается до 15 браслетов с вогнутой спинкой и нечетным числом вздутий. Пункт 6 в 50 м к востоку на склоне того же холма. Пункт 7 в 300 м к западу (табл. IV, Д).

165. Остатки селища раннеантичного времени в 0,5 км от шоссе в пос. Агудзера к северу от храма Смецкого (223). В нижней его части могильник. В срезе дороги 2 железных наконечника копий, длина одного 23,5 см, длина лезвия 14,5 см, ширина уплощенного лезвия до 3 см. У конца легкое ребро, в нескольких метрах выше погребение коня с инвентарем

115

скифского типа - железные удила, бронзовые псаии, бляшки и зооморфная фигурка (табл. XLV, 25-31), (223).

166. Железный наконечник копья с выступающей срединной гранью из раннеантичного погребения на месте бывшего санатория имени В. И. Ленина в с. Гульрипш (120, с. 74).

167. Железный наконечник копья с уплощенным пером в с. Гульрипш. Длина 20 см, длина тульи 11 см ширина пера до 3,5 см. находка 1958 г. (АГМ, 470).

168. Античный могильник в 3 км к северу от с. Гульрипш в пос. Барнаул Железный топор цебельдинского типа, бронзовые фибулы (табл. XLI, 7), 3 круглопроволочные бронзовые шейные гривны с шаровидными концами, выделенными врезными поясками из параллельных линий, диаметром 1215 см (табл. XLII, 11). 9 круглопроволочных бронзовых браслетов со слегка вогнутой спинкой с нечетным (57) числом шаровидных либо призматических вздутий с врезными насечками и кружочками (табл. XLII, 17, 18), (АГМ, 4-66, 1-3). В районе места находки разрушено погребение человека в панцире (221).

169. Поселение Чижоуш¹ справа от следов древней дороги на холме в западной части г. Чижоуш над обрывом к р. Келасур. Курганообразная насыпь высотой 5 м, окружена каменным валом шириной 23 м и высотой до 1,5 м. Длина вала 145 м, диаметр насыпи 52x40 м. На вершине насыпи остатки постройки насухо (табл. VII, 11). К западу от холма в 1520 м остатки земляного вала высотой до 1 м, длиной 3040 м. Керамика 4 типов. I тип - красноглиняные с сизым оттенком небольшие сосуды с сильно выступающим поддоном, овальными в сечении ручками, узкими, слегка отогнутыми венчиками. II тип - большая группа серо-сизо-черных с красноватыми пятнами по поверхности баночных сосудов, с большим количеством песка в тесте, петлевидными ручками, плоскими доньшками. III тип - обломки характерных баночных сосудов с выпадающей кальцитовый примесью. IV тип - амфорная посуда серо-сизого оттенка с черной кристаллической примесью (табл. XXIX, 17). На поляне перед холмом, на площади 150x100 на периферии селища следы жилищ и обломки керамики. Основной комплекс относится к последним векам до н. э.

170. Жилой холм Чижоуш2 в восточной части горы у обрыва к р. Малая Мачара. Керамика близка по облику к материалам поселения Чижоуш1 (223).

171. Остатки древнего селища на северо-западном гребне г. Ягиш. Керамика красно-сизая, серая, раннеантичного облика.

172. Позднеантичный могильник разрушен у входа в Пацхирское (Ольгинское) ущелье с юга при расширении карьера известкового завода. Железное оружие, бронзовые и серебряные предметы, керамика.

173. Герзеульский клад монет в небольшом толстостенном плоскодонном
116

кувшинчике с серой изнутри, снаружи красной поверхностью в пос. Герзеул. Рядом с кувшином несколько бронзовых предметов - небольшой треножник, обломки подставки для светильника, а также 2 золотых листка от венка (57, с. 1-2, АГМ, 1088).

174 Незначительный позднеантичный слой с характерной цебельдинской керамикой под раннесредневековым слоем на Герзеульской крепости, построенной не ранее VI в. Ниже залегает раннеантичный слой с баночной керамикой с выпадающей кальцитовый примесью.

175 Герзеульский позднеантичный могильник располагался на обширных полянах гребня в 300 м к югу от крепостных ворот. Почва подверглась сильной эрозии и потому почти весь могильник смыт. Кремационное женское погребение II-III вв. н. э. в небольшом кувшинчике. Инвентарь: агатовые, янтарные, стеклянные и другие бусы, 2 бронзовых круглопроволочных браслета, один из которых с двойной, поддающейся растяжке перевязью (табл. XLIV, 1), другой со змеиными головками на концах (табл. XLIII, 32), две одночленные бронзовые фибулы (табл. XL, 34, 35), железный нож и бронзовая подвеска (табл. XLIV, 27).

176 Пацхирская крепость на плоской вершине холма в северной части Пацхирского ущелья над впадением в р. Б. Мачара её левого притока. Площадка защищена с двух сторон 10-метровыми обрывами, а с третьей - каменной стеной шириной в 34 м, высотой до 1,5 м. Длина стены от обрыва до обрыва 60 м (табл. VIII, 1), стена сложена насухо из больших выветрившихся глыб известняка (табл. X, 8). В северной части к стене изнутри пристроены помещения - два квадратных и одно округлое. Шурф, заложенный мною под руководством Л. Н. Соловьева, в юго-восточном помещении дал в слое около 1 м большое количество керамики. Группа обломков от плоскодонных сосудов баночной формы с толстыми (до 0,8 м) стенками, с примесью белых кристалликов; обломки амфорной посуды-венчики, горловины, ручки, доньшки (табл. XXVIII, 41,42; XXIX, 16,18,20), с кристаллической черной блестящей примесью; обломок кольцевого поддона чернолакового сосуда (табл. XXVIII, 29); голубая реберчатая бусина на скалистом полу. Аналогичный материал - бусину, обломок бронзового браслета, обломок от днища другого импортного сосуда и большое количество местной керамики дал шурф в южной части крепости. Предварительная датировка материала - VI-I вв. до н. э.

177 Остатки архаичной постройки из камня без раствора на небольшом холме к югу напротив Пацхирского укрепления за рекой.

178 Остатки небольшого четырехугольного строения из мелкого камня без раствора площадью 20x20 м в пос. В. Юрьевка на пирамидальной вершине. Керамика сизых оттенков с наружным, иногда вертикальным

117

рифлением. В восточной части строения прослеживаются 2 округлых маленьких помещения диаметром до 2 м (табл. IX, 8).

179. Позднеантичная керамика, железное оружие, бронзовые предметы, человеческие кости в ложине в 50 м к югу от № 178.

180. Позднеантичный могильник в 0,5 км к юго-западу от № 179 за пос. В. Юрьевка на полях, прослежен в длину на 400 м. Погребения кремационные, в урнах, инвентарь, характерный для могильников цебельдинской культуры. Кувшинчики с чашечкообразными венчиками (табл. XXVI, 5), железное оружие, бронзовые фибулы и др.

181. Шапкинский позднеантичный комплекс в юго-западной части Цебельдинской долины у входа в Пацхирское (Ольгинское) ущелье. Крепость на крутобоком холме, в верховьях левого притока р. Б. Мачара. Вратная четырехугольная башня с усеченным южным углом на перешейке, соединяющем холм с горами. Размеры башни 12x13 м, толщина стен до 1,52 м, высота до 1,5 м. В 90 м от нее вверх по гребню остатки массивной башни, за которой высится главная башня, сохранившаяся на высоту до 6 м. Размеры последней 8x8 м. Толщина стен до 1,5 м. Облицовка большими тесаными квадратами на известко-вопесчаном растворе, ряды выдержаны (табл. X, 9). За башней двор, поднимающийся к вершине холма, здесь большая четырехугольная башня размером 10x12 м, следы строений, каменные развалы. С юга крепость имела две линии стен, с севера, где склок круче, - одну. Общая длина стен около 600 м, площадь крепости 15 тыс. кв. м (табл. IX, 7). Культурный слой почти смыт. Керамический материал нескольких типов. I тип - хозяйственные толстостенные большие кувшины для хранения жидкостей, зерна и пр. Поверхность сосудов в основном светло-красная, иногда коричневая и черная. Орнамент волнистыми линиями у перехода к горловине, наклепными выпуклыми шнуровыми и пальцевыми узорами, вдавленным орнаментом. Под венчиком часты клейма мастеров. Имеется два подтипа этой посуды - пифосы с массивным, треугольным в сечении, уплощенным сверху венчиком и без ручек и такой же величины (высота до 5060 см) кувшины с характерным, часто гофрированным венчиком и двумя петлевидными широкими ручками-захватами в нижней части тулова, которые иногда орнаментировались. Днища 1-го подтипа иногда выступают, маленьких диаметров, днища 2-го подтипа плоские. II тип - хозяйственная кухонная посуда состоит из небольших лепных горшков с яйцевидным, орнаментированным волнистым узором туловом, с отогнутым венчиком, под которым изредка узор насечками. Иногда к такому сосуду прилеплялась петельчатая ручка.

III тип - обломки высоких (до 5055 см) двубрюшных остродонных двуручных амфор с чашечкообразным венчиком. Орнаментировка врезными

118

кружочками, волнистыми линиями, часты клейма мастеров. IV тип - миски двух подтипов. 1й - тонкоотмученные, различных диаметров, с низким кольцевым поддоном, мелкие, со следами коричневокрасного лака, с различно профилированным краем блюда и тарелки. Другой подтип - местные глубокие плоскодонные или с кольцевым поддоном миски, с уплощенным краем, по которому наносился иногда узор, в частности, из ряда врезных кружочков. V тип - сосуды рюмкообразной формы с кольцевым глубоким поддоном. VI тип - фрагменты разнообразных по форме и величине небольших кувшинчиков. Венчики чашечкообразные, гофрированные, иногда с вертикально

повернутым краешком, с внешней полочкой. Тулово у сосудов часто грушевидной формы, иногда яйцевидной или округлой. Ручка иногда двойная, обычно орнаментирована, с наклепными очкообразными спиральями, иногда обратными. Орнамент на тулове волнистыми линиями, группами кружочков, наклепами рельефных бараньих либо козлиных головок. Подтип этих кувшинов из тонкоотмученной глины с вытянутым яйцевидным туловом, длинным узким горлом, переходящим в небольшой венчик, верхняя часть ручки соединяется с серединой горла, поверхность до лощения заглажена, обычно коричневая. Орнамент врезными линиями и кружочками. VII тип - значительное число обломков гофрированной тонкоотмученной керамики. В районе остатков храма в центре крепости попадаются раннесредневековые фрагменты, послужившие причиной поздней датировки крепости (167, с. 31). Обломки баночной керамики с белой примесью и обломки амфорной керамики грязно-белого цвета с небольшой примесью черных кристалликов характеризуют более древний слой, чем позднеантичный.

Поселение располагалось к югу на сильно наклонной поляне площадью 200x70 м. Культурный слой почти разрушен сельскохозяйственными работами, однако в некоторых местах он сохранился на глубину до 1 м. Керамический материал аналогичен керамике с крепости.

Шапкинский могильник расположен к северу от крепости и поселения. Древняя дорога, соединявшая поселение с могильником, проходила у подножия г. Апианча, около 600 м, а затем переходила к холмам, на которых располагались погребения. Ширина дороги в конце XIX в. достигала 45 метров. Могильник площадью 2,5x1,5 км ограничивается р. Барьял с запада, севера и востока, с юга и юго-запада могильник охватывает русло речки, текущей под г. Апианчей, затем омывающей северо западный склон Шапки и впадающей в Барьял, здесь называемой уже р. Б. Мачара. В результате сильной эрозии почвы и пахоты разрушено около 1000 погребений (93, с. 93; 39, с. 93-99; 19; 5, с. 50-75; АГМ, ГМГ, ГИМ, ГЭ). С 1960 г. на могильнике ведутся раскопки, выявившие 119

более 300 погребений (175; 177; 195; 196; 197). Могилы располагались отдельными комплексами, видимо, по родовой принадлежности. Исследовано 5 таких родовых комплексов - Ахацраку, Абгыдзраку, Алраку, Ауахвамаку, Ахаччараку; всего их до 40. Два основных обряда захоронения ингумация и кремация. Трупоположения, главным образом, головой на запад, однако часто хоронили головой на юг (комплекс Ахаччараку), иногда на север и на восток. Разнообразие погребальных обрядов свидетельствует о существовании различных религиозных представлений даже внутри рода. Так, в родовом комплексе Ахаччараку прослежено сосуществование кремационного и ингумационного обряда, причем последний, при котором покойник клался лицом на север (196, с. 263, рис. 1.), по-видимому, связан с культом Полярной звезды. Одно женское погребение в скорченном положении на боку. Покойного сопровождала различная посуда, вооружение, украшения, детали одежды. Остатки кремированного покойника ссыпались в урну вместе с мелкими вещами. Сжигание трупов проводилось, как правило, отдельно от его вещей в крематории, вероятно, находившемся в крепости. Урна ставилась горловиной вверх, либо горловиной вниз и прикрывалась миской. Если урну клали боком, то чаще горловиной на запад. Около урны располагали глиняную и

стеклянную посуду, орудия и другие крупные предметы. Основной комплекс могильника относится к III-VI вв. н. э.

182. Обширный раннесредневековый поселок возник на территории Шап кинского могильника в VII-VIII вв. н. э. В центре поселка позже стоял храм (табл. IV, Ж).

Экспедицией М. М. Трапша при нашем участии исследовано 2 домовища - остатки культурного слоя до 1 м толщины, насыщенного кухонной керамикой (табл. XXVII, 36-39, 41-44). В домовище Ахацраку найден пучок стрел, колчан не сохранился.

183. Круглопроволочное бронзовое колечко диаметром 1,5 см на северо-западном склоне восточной вершины г. Апианча.

184. Полуразрушенный широкий вал из известняковых глыб пересекает ущелье у грота КепБогаз (218).

185. Позднеантичный комплекс Цибилеум расположен у северо-восточной части подошвы г. Адагуа. Крепость находится на 2х утесах, общая длина стен, опоясывающих утесы с северо-запада, до 500 м. С юговос тока 50-метровые обрывы в сторону р. Кодор. 2я внутренняя линия обороны на каждом утесе в отдельности. Ширина стен местами до 3,5 м, высота до 810 м, площадь крепости 11 тыс. кв. м (табл. IX, 7). Высота западной воротной башни до 16 м, облицовка тесаными известняковыми квадратами (табл. XI, 4). Керамический материал на крепости в верхнем слое раннесредневековый. Последние следы поселения относятся к

120

XII в. н. э. Раннесредневековый слой подстилает керамика, характерная для позднеантичных цебельдинских поселений. Среди прочей посуды - обломки кувшинов с чашечкообразным венчиком. Древнейшие части крепости датируют IV в. н. э. (101, с. 250).

Поселение располагалось у подошвы утесов к северо-западу под стенками крепости на дне карстовой балки. Площадь поселения до 10 тыс. кв. м. Культурный слой до 2 м. Так же, как и в крепости, в верхнем слое много раннесредневековых обломков. Ниже идет позднеантичная керамика. Цибилеумский могильник в 50 м к западу от 16-метровой башни. Площадь размывающихся погребений 200x50 м. Отдельные скопления погребений имеются на ряде холмов в 800 м к северо-западу от крепости. Погребения ингумационные и кремационные. Инвентарь: предметы украшения и одежды, железное оружие, в женских погребениях часто железные мотыги (табл. XXXVII, 7). Ориентировка покойников головой на запад и юг. По инвентарю (одночленные фибулы, монеты) могильник датируется II-VI вв. н.э. В. И. Стражевым и М. М. Иващенко в 1927 г. в могильнике найдены бронзовая пряжка и печать (АГМ, 415). В 1942 г. Л. Н. Соловьевым исследовано два погребения. Первое - на глубине 1,5 м - кости человека, бусы, железный обломок ножа, бронзовый тонкий браслет, второе - ниже по оврагу, костяк головой на юг, обломок железной фибулы. Там же большой кувшин с петлевидными ручками в нижней части тулова, с орнаментом на них и плечиках сосуда пунктирным треугольником с кружочками на углах (218).

186. Бронзовый саркофаг VI-VII вв. н. э. с коробовым сводом, в котором был костяк и какие-то вещи, в с. Б. Краевичи. Саркофаг переслан в Археологическую комиссию, а затем передан в этнографический отдел Русского музея (АрхЛОИА АН СССР, дело № 251 за 1911 г.). По сведениям, собранным в 1942 г. Л. Н. Соловьевым, в нем были два скелета - мужской и женский. На женщине было «блестящее» платье, которое рассыпалось в

прах, золотое кольцо с камешком, золотой браслет, в головах бронзовый сосудик («светильник») и другие вещи, которые были растащены. Длина саркофага - 183 см, крышки 185 см, ширина корпуса в головах - в верхней части 54 см, у днища 55 см, в ногах - в верхней части 45 см, внизу 30 см, высота - в головах 49 см (без крышки), в ногах 40 см (с крышкой 53 см). Сделан гроб из 4 листов (три листа - боковые стенки, один лист - дно) кованой меди на заклепках. Крышка выпуклая со срединным ребром, раздваивающимся у концов к углам, скреплена с корпусом двумя петлями шарнирного типа и закрывалась с помощью двух петель навесным замком (табл. VII, 10, ГЭ).

187. Позднеантичный комплекс Ахыс на вершине горы Ахыста в 4 км к северу от центра с. Цебельда. Крепость на скалистом мысе в северной части

121

горы. Стены бетонной кладки длиной 350 м опоясали вершину. Облицовка слабо подтесанными плитами известняка. Ряды до некоторой степени выдержаны (табл. XI, 6). Внутри стен остатки разрушенных помещений. Воротная башня разрушена. В юго-западной стене разграбленный тайник с арочным потолком. Площадь крепости - 5 тыс. кв. м (табл. X, 7). Позднеантичный слой подстилается баночной керамикой с выпадающей белой примесью (табл. XXIII, 25, 36) и фрагментами амфор сизо-серо-красноватых оттенков с черной кристаллической примесью (табл. XXIX, 23). Поселение протянулось на 220 м к югу от крепости. Прослежено 3 мощных поперечных вала, насыпанных из мелких камней. Ширина валов до 34 м, высота до 1,5 м. Между валами много обломков керамики, характерных для позднеантичных поселений Цебельды. В западной части поселения у обрыва остатки округлых строений из ломаного камня насухо. Могильник в 450 м к югу от поселения. Погребения еще глубоко - вспашкой 1966 г. повреждено несколько кремаций в урнах с чашечкообразным венчиком на площади 500x200 м. Следы древней дороги видны вдоль гребня горы от пос. Кесяновка.

188. Селище с керамикой с выпадающей белой примесью на холме между вершинами гор Ахупач и Прцха.

189. Обломки позднеантичного пифоса с уплощенным венчиком, нескольких лепных горшков и кости в верхнем горизонте слоя в боковом отверстии пещеры (П83) в ущелье правого притока р. Келасур к северу от пещеры Белоснежка (223).

190. Селище на подъеме к урочищу Чацкал в 1,5 км р. Келасур на вытянутом холме. Вершина холма защищена 1015-метровыми обрывами с севера и юга. Вход с запада по узким ступеням на скалистый выступ площадки высотой 5 м. С востока - карры; пространство между огромными известняковыми хаотично разбросанными глыбами засыпано камнями. В северо-восточном углу площадки 4-метровый скалистый уступ, под которым остатки большого помещения, ограниченного с южной стороны скалой, со всех остальных - остатками насыпи, сохранившейся в длину до 20 м, в ширину до 2 м, на высоту до 1,5 м. Длина помещения до 14 м, ширина 58 м (табл. VIII, 11). Когда-то, видимо, по северному краю стояли столбы, на которые с уступа были переброшены бревна, поддерживающие кровлю. Стены, вероятно, как и на синхронных Чацкалу поселениях Отсюш, Каман и др. - могли быть из 2х плетневых параллельных стенок, пространство между которыми заполнялось мелким камнем. Керамика баночных форм с выпадающей примесью, амфорная с черными кристалликами в глине, керамический шлак, обломки гранита, поднятые сюда с реки, куски сланца. Основной комплекс относится к последним вв. до н. э.

191. Позднеантичный комплекс Лар в западной части Азантской долины в среднем течении правого притока р. Джимеле. Крепость треугольная в плане на скалистой вершине. Стены сложены насухо с юга и востока в виде вала шириной до 34 м и высотой до 1,5 м. С запада крепость защищена 40-метровым обрывом. Вдоль северо-восточного обрывистого склона 100-метровый участок стены. У южной 120-метровой стены изнутри прослеживаются остатки четырехугольных башен. В средней части укрепления также остатки стены и башни. Площадь крепости до 6 тыс. кв. м (табл. X, 4). Поселение под стенами, к югу на площади более 15 тыс. кв. м делилось на несколько частей параллельными валами. В нижней части недавно проложенное шоссе обнажило культурный слой толщиной до 2 м, содержащий кухонную посуду, обломки сосудов с чашечкообразным венчиком, обломки керамики из тонкоотмученной глины, пифосной орнаментированной керамики. Могильник прослежен на 2 км к западу от Чертова моста через р. Джимеле. При расширении дороги разрушено до 10 погребений III-VI вв. н. э. Инвентарь: бронзовые и серебряные пряжки (табл. XL, 1-5, 11), железные мечи, топоры (табл. XXXVI, 9, 20), наконечники копий (табл. XXXVIII, 37, 38), сельскохозяйственные орудия (XXXVII, 5, 6; XLVI, 16), серебряная орнаментированная шейная гривна (табл. XLII, 12), разнообразная керамика (табл. XXVI, 23).

192. Селище в 1,52 км к юго-западу от обрыва к озеру Амткел на южном склоне пологой возвышенности. В лесу ниже карров, опоясывающих вершину, следы многочисленных взаимно пересекающихся валов на площади 50x100 м высотой до 1 м. Керамика раннесредневекового облика. Несколько обломков с выпадающей на поверхности примесью. Другие черепки сплошь сизого цвета, хрупкие, с гребенчатой сглаженностью по наружной поверхности. Обломок миски с уплощенным краем, который покрыт косыми насечками штампом, нанесенными также и по налепному рантику ниже края.

193. Следы разновременных поселений в каррах в 100200 м к юго-востоку от дольменной группы у края обрыва к озеру Амткел. Среди ясно выраженной средневековой (XII-XIV вв.) керамики присутствуют темно-коричневые, почти черные черепки с выпавшей на поверхностях белой кристаллической примесью.

194. Позднеантичный могильник на площади 100x50 м у развалин средневекового храма на восточной окраине с. Азанта у ведущей к озеру Амткел дороги, колеи которой разрушили несколько погребений - кремации и ингумации головой на запад. Инвентарь: железные мотыги, топоры, фибулы, браслеты, бусы, прясла и керамика (табл. XXVI 2, 7).

123

195. Позднеантичный комплекс Бат на вершине горы Бат. Крепость вытянуто-прямоугольной формы. Высота стен местами до 2 м. Длина стен до 160 м. С севера они не сохранились. Площадь крепости до 1200 м. В западной и восточной частях укрепления остатки строений, кладка стен бетонная, облицовка небольшими подтесанными плитами (табл. X, 5). Основной подъемный материал относится к поздней античности. Более древний слой содержит керамику раннеантичного облика. Поселение к югу от крепости под стенами, площадь до 5 тыс. кв. м, защищено несколькими параллельными валами, остатки которых тянутся на 200 250 м к западу. Пифосная керамика, обломки сосудов с чашечкообразными венчиками, осколки стеклянных позднеантичных изделий. Позднеантичный слой подстилается обломками баночной керамики с выпадающей примесью. В 1,5 км от крепости к юго-западу гору пересекает

вал шириной до 45 м, высотой до 1,5 м, длиной 180 м. Кладка из больших известняковых глыб насухо. Дальше к западу остатки древней дороги, в канавах обломки позднеантичной керамики и другие предметы, свидетельствующие о существовании здесь могильника.

196. Одинокое позднеантичное погребение в урне, имеющей чашеобразный венчик, две петлевидные ручки в нижней части тулова и одну ручку у венчика, в середине плотины озера Амткел примерно в 250 м от спуска на плотину с Апушты. Инвентарь: железные наконечники копий, нож, фибула, бусина и 3 маленьких кувшинчика с чашечкообразными венчиками. Это погребение вместе с остатками более древнего селища и кремневым материалом, обнаруженными здесь, окончательно подтверждают вывод геолога Б. Л. Соловьева о том, что основная плотина озера Амткел образовалась не в 1891 году, а много десятков тысяч лет назад.

197. Позднеантичный комплекс Апушта к востоку от озера Амткел в урочище Апушта. Крепость на узком гребне, обрывающемся к югу в Амткельское ущелье и защищенном с севера рядом ступенчатых обрывов. Длина крепости до 350 м, ширина 2040 м, общая длина стен до 600 м. Стены высотой до 1 м сложены насухо из известняка, образуя ряд оборонительных линий по гребню в основном наращивая существующие обрывы. Площадь до 8 тыс. кв. м (табл. X, 6). Поселение прослежено к северу от крепости, в верховьях ручья на площади до 5 тыс. кв. м. Могильник к северо-западу от крепости за ручьем. Разрушающиеся в результате активной эрозии погребения прослежены на площади в 1 кв. км. Кремации в урнах и ингумации головой на запад и юг. Инвентарь: разнообразная керамика (табл. XXVIII, 3, 4, 6, 8), бронзовые фибулы (табл. XLI, 25-28), браслеты, серебряные серьги (табл. XLIV, 34), бусы, железное оружие - топоры (табл. XXXVI, 16), ножи, умбоны и пр.

124

Архаичная керамика в гроте на правом берегу р. Джампал в 200 м от нее под скалистой грядой, поднимающейся к вершине г. Пшоу.

1 Небольшой грот в 20 м к югу от выхода подземной р. Карасу у устья р. Джампал. Между щебенкой кости животных и обломок доньшка позднеантичного сосуда.

200. Обломки позднеантичной светлоглиняной керамики с Хобразным клеймом в небольшом гроте в 50 м над уровнем р. Джампал над пещерой Карасу.

1 1 Средневековая, античная и более древняя керамика у с. Панта в пещере Красной, находящейся в 300 м ниже слияния рр. Джампал и Кодор на высоте 40 м над уровнем реки (218).

1 1 Позднеантичный комплекс Пал в 1 км к востоку от слияния рр. Джампал и Схча на вытянутом холме. Крепость в северной, более возвышенной части холма, с трех сторон защищенная обрывами. Стены сложены из камня насухо. Ширина стен до 2 м, высота до 1 м. Общая длина внешних стен крепости 340 м. В восточной части следы второй стены и башни. Посередине площадка с возвышением, на которой фундаменты четырехугольной башни размером 9х10 м. Площадка отделена от крепостного двора в северной половине крепости стеной и рядом прямоугольных помещений, примыкающих к огромному скалистому останцу. Площадь крепости 4700 кв. м (табл. X, 1). Поселение на площади до 15 тыс. кв. м к югу от крепости за глубоким рвом. С востока обрывы и карры, с запада остатки стен. В зарослях развалы камней, остатки строений. В северо-западной части поселения прослеживается узкий искусственный ров шириной 0,5 м, глубиной 0,5 м,

длиной до 30 м, ведущий от центральной части поселения к краю обрыва к р. Джампал, стенки рва выложены камнем. Керамика типичная для позднеантичных поселений Цебельды - кувшинчики с чашечкообразными венчиками, с волнистым орнаментом, с врезными кружочками, пифосная керамика, кухонная посуда. Могильник следует ожидать к востоку от крепости на полях.

203. Обломок позднеантичного бронзового круглопроволочного браслета с уплощенными концами, орнаментированными двумя рядами редких насечек в 2 км от крепости Пал к северо-востоку за пос. Чина. Диаметр браслета 5,7 см (табл. XLIV, 11).

204. Остатки селища над обрывом к р. Кодор у пос. Чина на площади в 300 кв. м. Керамика красная, сизая, черная.

205. «Кувшины, а в них железное оружие - наконечники копий, кинжалы, топоры» в северной части с. Георгиевское (Джампал) на холмах, по сообщениям местных жителей.

206. Карры образуют ряд параллельных стен и замысловатых проходов, которые приводят в обширное открытое помещение с 2-метровыми есте-
125

ственными стенами, на пути к пастбищам г. Гуараб в 34 км от с. Георгиевское. В центре помещения каменный куб.

207 Позднеантичный слой рисунков на культовом камне пастухов на горном массиве Гуараб в верховьях р. Джампал. Изображения позднеантичных цебельдинских топоров (табл. XXXVI, 17). Второй камень ниже по склону имеет жертвенные лунки (214).

208 Позднеантичное укрепленное селище на правом гребне ущелья р. Учкур на холме, окруженном обрывами, площадью 20x20 м. Керамика с волнистым орнаментом.

209 Кувшины с бронзовыми и железными предметами находят при пахоте между Багадскими скалами и р. Учкур.

210 Железные и бронзовые предметы в кувшинах находили при сельскохозяйственных работах в среднем течении р. Учкур.

211 Железные цалда, мотыжка и топор позднеантичного типа в с. Лата (АГМ). Мотыжка длиной 14 см с уплощенной тыльной частью обуха (XXVI, 29). Длина топора со слабо свисающим нижним краем лезвия 18 см, ширина лезвия 10,5 см.

212 «Глиняный горшок, железное оружие и человеческие кости» в 40 м от крепости в с. Чхалта у шоссе при проведении его в 1944 г. (210).

213 Бронзовая фибула в с. Чхалта. Находка 1927 г. (АГМ, 394).

214 Керамика, по описанию, цебельдинского позднеантичного типа, железное оружие, браслеты, бусы и другие предметы при строительстве дома в 0,5 км вверх по р. Чхалта (214).

215 Железный наконечник дротика в с. Ажара. Находка 1933г. (АГМ, 394).

216 Клухорский перевальный путь прослежен мною от Сухума до Чхалты. От Себастополиса-Диоскурии он шел вдоль р. Беслетка, через бывш. с. Гнаденберг (Абжаква) к берегу р. Келасур в районе с. Александровка, где соединялся с дорогой от устья последней. Следы более древней дороги, функционировавшей в последнем тыс. до н. э. и, видимо, ранее, шли отсюда через западную окраину гребня г. Чижоуж, через с. Полтавское и р. Барьял к Марамбе. Другое ответвление пути, функционировавшее в основном в позднеантичную эпоху, шло у южной подошвы гор Чижоуш и Ягыш, направляясь дальше мимо Герзеульской крепости через Герзеульский проход к Кодору. Основная перевальная дорога поворачивала в районе Герзеульской крепости в

Пацхирское (Ольгинское) ущелье. Возможно, первоначально, как и позже, во времена строительства Келасурской стены, путь в районе Мерхеульского известкового завода шел по руслу реки, выбираясь затем на западный или на восточный склон ущелья. На восточный склон (Апианча) первые 100 м подъем крут, но потом вдоль всего ущелья идет ровная дорога по бровке древне-

126
го сброса, которая приводит к Пацхирскому укреплению. Не исключена возможность, что путь мог идти и по западному склону ущелья в районе современного шоссе. Во всяком случае, под Пацхирским укреплением хорошо видны следы дороги, поднимающейся очень полого по ущелью левого притока р. Б. Мачара к юго-востоку на территорию Шапкинського могильника. В позднеантичное время, видимо, существовало ответвление, приводившее к Шапкинскому поселению, от которого шла удобная дорога. В конце XIX в. ее ширина достигала 45 м и по ней свободно проезжала телега. От крепости до могильника дорога прослеживается на 700 м вдоль склона г. Апианча. На территории могильника по холмам, сильно эрозированным, остались продольные участки утрамбованной земли, возможно, остатки путей, по которым подвозили к месту захоронения покойников. Погребения, как правило, сосредоточены именно вдоль этих останцев. Основная дорога проходила по гребню в юго-восточной части могильника. Следы дороги превосходно видны на участке 1,15-1,6 км от ворот крепости Шапка. Дорога шириной до 5-6 м огибает подошву холма. Дальше до мертвой долины р. Амткел между гг. Апианча и Адагуа дорога идет 3 км прямо без поворотов, подъемов и спусков. Ее следы хорошо выражены уже на подъеме к Дже гашкарскому лугу у подошвы г. Адагуа. В 300 м от дна мертвой долины видна глубокая колея шириной до 45 м, глубиной до 1,5 м. Этот участок прослеживается на 150 м. Здесь, на 5 м км от Шапки, в 20 м к северу от дороги, разрушено несколько кремационных позднеантичных погребений. В одном железные копья и половинка кесарийской монеты. Снова дорога хорошо видна через 1 км - характерная утрамбованная бровка земли на совершенно смытом в остальных частях мергелевом склоне гряды. У дороги разрушено мужское ингумационное погребение головой на запад. Инвентарь: железные наконечники копий, нож, бронзовая фибула, пряжка, большой пифос, кувшинчик с чашечкообразным венчиком в головках, кухонный горшок со следами ручки и глиняная вазочка с коническим поддоном (табл. XXVI, 26) в ногах (223). Отсюда дорога поднималась на гребень, где она прослеживается на 1 км. В 800 м от мужского погребения ниже дороги справа размыты два женских труположения головой на юг. Инвентарь: бронзовые браслеты (табл. XLIV. 12, 13), одночленные бронзовые фибулы (табл. XLI, 1), серебряные кесарийские монеты Сеитимия Севера, больше 50 бусин, керамика (табл. XXVI, 24, 25), мотыга (табл. XXXVII, 7); тут же кремация в кувшине, кости, одночленная железная фибула и железный браслет (223). В 200 м от погребений развилка, где от главного пути отходит полукилометровая дорога в крепость Цибилиум. Всего от ворот Шапки до ворот Цибили-

127
ума 7 км 350 м. Следы дороги снова очень яркие - это глубокая борозда в мергелях, поворачивающая постепенно к северу. В 1,5 км от развилки дорога минует русло р. Шакуран и поднимается к развалинам русской крепости 1838 г. Местные жители находят вдоль дороги погребения с керамикой и железным оружием. Дальше дорога на

протяжении 1 км совпадает с современным шоссе, но от центра с. Амткел (Захаровка) идет прямо вниз, пересекая серпантин шоссе. Благодаря ледниковой морене, грунт которой с трудом размывается, участок дороги ниже центра села прослеживается очень хорошо вдоль ручья. Ширина дороги здесь до 45 м, местами врез дороги в грунт достигает до глубины 3 м. Дорога бронирована валунами, входящими в основу моренных отложений. Ручей же за тысячи лет своего существования почти не углубил своего русла, которое ему приходится менять даже сейчас (218).

До строительства железного моста через р. Джампал попасть на отроги г. Пал было возможно только в 300 м вверх по Джампалу от слияния его с р. Схча. Здесь ширина подъема от реки на плато 4 м. Всюду в других местах нависают недоступные обрывы до 35 м. Дорога в древности пересекала сначала русло р. Амткел-Схча, а затем русло р. Джампал и выходила к вышеуказанному подъему, образованному смещениями известняковых слоев. От реки до подножия холма, где находится крепость Пал, дорога шла прямой линией, затем огибала холм с юго-востока и уходила к с. Чина. Расстояние от ворот Цибилиума до крепости Пал 6 км. 1 км дороги у холма и дальше к с. Чина хорошо выражен местами колеей, прорезавшей глины до известняков, местами утрамбованной бровкой. За с. Чины древний путь, совпадая сначала местами с современным шоссе на с. Георгиевское, поворачивал затем к востоку на низкий перевал, обходя с севера Багадскую скалу. От Джампальского моста до перевала час пути. Существовало ответвление дороги через с. Георгиевское в верховья р. Джампал на пастбища горного массива Гуараб. От перевала за Багадской скалою дорога плавно спускалась к Учкурскому укреплению, находящемуся в 20 м к востоку от следов дороги на скалистом утесе. Отсюда дорога по долине р. Учкур, а затем вдоль р. Кодор шла к р. Чхалта. В районе с. Чхалта дорога раздваивалась. Один путь шел к Клухорскому, другой - к Марухскому перевалам.

Добрый ходок, хорошо знающий дорогу, мог пройти по ней от Сухума до Чхалты за один день. В связи с вышеописанной древней дорогой упоминаются «любопытные следы Римской дороги через Главный хребет» (193, с. 24).

217. Деталь четырехугольной каменной ручной мельницы в районе Скурчи к востоку от устья р. Кодор (табл. XI, 9), (221).

128

218. Бронзовые предметы в с. Адзюбжа у р. Кодор: тонкий браслет, орнаментированный мелкими полосками; браслет с пятью вздутиями со сквозными отверстиями; две подвески в виде быка и барана (141, с. 108).

219. Античные железные наконечники копий в с. Адзюбжа (212).

220. Отдельные скопления позднеантичных погребений, в основном кремации в урнах, прослежены более чем в 30 пунктах с. Атара-Армянская по гребням холмов на площади 3х3 км. Инвентарь: железные топоры, мечи, наконечники копий, ножи; разнообразная керамика - пифосы, миски, кувшинчики с чашечкообразным венчиком; бронзовые и серебряные украшения и предметы одежды - пряжки, фибулы, серьги, браслеты, бусы (209, АГМ, 644, 827, 2424). В женских погребениях железные мотыжки (табл. XXXVII, 2, 3), длина одной из них 9,5 см, ширина лезвия 5,5 см, длина заостренной обушной части 3 см, диаметр проушины 1 см, размеры другой мотыги - длина 24 см, ширина лезвия 8,5 см, длина заостренного обуха 10 см, диаметр отверстия 3,5 см (209). Отсюда же медная

бляха, бусы, сердолик в серебряной оправе, два медных бубенчика и др. Находка 1935 г. (АГМ, 907-915).

221. Пучок бронзовых трехперых наконечников стрел с черешком в с. Атара-Армянская (209).

222. Пскальский позднеантичный комплекс на левом берегу р. Кодор против г. Адагуа на почти перпендикулярно поднимающейся небольшой, но очень приметной горе. Со всех сторон обрывистые и неприступные склоны, высотой до 150-200 м. Узкий перешеек длиной 290 м и шириной местами до 45 м приводит к вершине. Крепость на ровной площадке, стены шириной до 2 м, высотой до 2,54 м, сложены из огромных глыб (обмеры одной из них - 1,1x1,2x1 м) на прочном известковом растворе. Общая длина стен 126 м. В северо-западной части квадратная башня с округлыми углами. Общая площадь крепости до 650 кв. м. Поселение располагалось к югу. К нему невозможно попасть со стороны перешейка, т. к. крепость протянулась от обрыва до обрыва. Площадь поселения до 5 тыс. кв. м. Керамический материал состоит из обломков больших пифосов с уплощенным венчиком, кувшинчиков с чашечкообразным венчиком. Здесь же обломки стеклянной посуды III-IV вв. н. э. В нижнем слое баночная керамика с выпадающей или выгорающей примесью (табл. XXIII, 17), а также обломки чернолаковой посуды (223).

223. Фрагменты чернолаковой посуды, большое золотое кольцо и бронзовый предмет с изображением человека в районе Пскальской крепости (218).

224. Кувшинчики отдельно или группой вместе с железными предметами - ножами, наконечниками копий, бронзовыми браслетами и бусами находят местные жители в пос. Амзара на левом берегу р. Кодор.

129

225. Одноручный кувшинчик с широким туловом и узким горлом из разрушенного позднеантичного погребения в с. Тамыш. Диаметр дна 9 см, диаметр тулова средней части 14,2 см, внутренний диаметр горла 2,5 см, высота без отбитого венчика 15 см. Под нижним корнем ручки клеймо в виде схематической фигурки человека без головы с растопыренными руками и ногами (207, АСГООПК).

226. Три позднеантичных железных наконечника копий с выступающей реберчатой гранью в с. Джгерда. Длина пера 22 см, ширина 3 см. Диаметр тульи у пера 1,2 см (табл. XXXVIII, 40). Находка 1935г. (АГМ, 116).

227. Обломки чернолаковой посуды на правом берегу р. Моква у ее устья (163, с. 46).

228. Глиняный сосуд, в нем остатки костей, бронзовые массивные браслеты со змеиными головками на концах, несколько круглопроволочных колечек диаметром до 1 см и кинжалообразный предмет, согнутый пополам, длиной до 25 см с выпуклой и расширенной тыльной частью ручки и двумя треугольными выступами в месте перекрестия, замочкообразный предмет на холме Абиракаxu в северной части села Члоу в 1,52 км от левого берега р. Дуаб. Находка 1960 г. (202).

229. Остатки раннеантичного города Гюэноса в устье р. Джикумур на левом ее берегу. Прослежены следы рвов и насыпи, в нижнем горизонте античного слоя узкогорлый кувшинчик, орнаментированный сеткой из лощенных перекрещивающихся полос поверх гребенчатого волнистого узора (160, с. 39), а также обломки чернолаковой посуды IV-III вв. до н. э. (табл. XXVIII, 1, 2, 4, 6, 10, 13, 15, 17, 18, 21-23, 26). В верхнем горизонте слоя 2 кувшинчика с чашечкообразным венчиком цебельдинского типа (табл. XXVI, 16),

(АГМ). Античное селище сменилось раннесредневековым, которому принадлежат стены из крупного морского булыжника на извести толщиной 1,11,2 м.

230. Второй жилой холм в 80 м от № 229 и в 40 м от моря. Верхний слой с большими четырехугольными плоскими кирпичами раннесредневекового времени подстилается слоем с фрагментами чернолаковой посуды. На вершине холма найдены золотые предметы - бусы, листочки (от венка?), «куколка», штампованное изделие в виде двух птицевидных фигурок с бубенчиками во рту (94, с. 261); фрагмент костяного изделия с изображением головы воина в греческом шлеме (218). В срезах на северной части холма чернолаковая посуда V-IV вв. до н. э., куски античной черепицы, фрагменты амфор и пирамидальные грузила. Здесь же несколько песчаниковых плит. Наибольшая из них размером 0,2х0,95х0,1 м имеет в середине отверстие диаметром 0,38х0,42 м, по обеим сторонам которого желобчатые шириною 0,08-0,09 м, сначала

130

идущие параллельно длинной стороне плиты, пазы. Песчаник имеется ближе всего к с. Члоу (163, с. 40-41).

231. Погребение к северу от № 230. Инвентарь: бронзовая шейная гривна, бронзовые браслеты, железный топор, меч, чернолаковые сосуды, остатки человеческих зубов (94, с. 270).

232. Третий жилой холм в 200 м к востоку от второго в 70 м от моря. Длина холма с запада на восток 90 м, ширина 50 м. По краям террасовидной вершины остатки кольцевой стены из булыжника на известковом растворе (163, с. 9). При строительстве обнаружены античная черепица и остатки каменного на известковом растворе фундамента из квадратного плоского и дисковидного кирпича диаметром 17 см, толщиной 7 см (94, с. 263).

233. Четвертый холм к востоку почти на берегу моря размером 3040 м. Вершина опоясана низкой стеной из булыжника на известковом растворе. Большое число квадратного темно-красного кирпича выброшено на поверхность при рытье канав. Обломки черепицы и керамики позднеантичного и раннесредневекового облика. К востоку в обрывчике находили обломки чернолаковой керамики и бусы (215).

234. Много черепков крупных красноглиняных сосудов с чашеобразным венчиком цебельдинского облика на пологих склонах холма, обращенных к р. Галидзга у с. Заган (218).

235. Позднеантичные погребения с кувшинчиками с чашеобразным венчиком в пос. Охурей на левом берегу р. Галидзга (218).

236. Древние стены размываются в 1015 км к югу от г. Очамчира (218).

237. 22 бусины из стеклянной пасты и несколько бронзовых предметов с керамикой у с. Царча. Находка 1918 г. (АГМ, 142,842).

238. Погребение в глиняной урне в 3 км к юго-востоку от г. Гал при постройке железной дороги. Кроме костей, ничего (158, с. 56).

239. Бронзовый браслет в с. Гумуриш. Находка 1935г. (АГМ, 928).

240. Погребение рубежа III вв. н. э. на правом берегу р. Ингур у с. Тагилон. Золотые предметы: голова оленя, бочонковидная инкрустированная бусина, 7 блях, несколько обломков, серебряные предметы: три сосуда кованых, голова льва, кубок, блюдечко, 42 фрагмента, бронзовая ручка кувшина и железные предметы: четыре комка кольчуги, пять обломков конских удил, восемь фрагментов пластинки, видимо, от меча (6).

Глава IV. Список монет греко-римско-византийского периода в Абхазии

1. р. Псоу, у обрыва, 1953 г.; серебряный римский динарий Юлии Мезы, ум. 223 г. (128, № 1922).
2. р. Лапста, левый берег, могильник, 1965 г.; серебряная кесарийская дидрахма Адриана, 121-122 гг. (211).
3. с. Ачмарда, могильник, 1966 г; четыре серебряные кесарийские монеты (211).
4. г. Ст. Гагра, в крепости, 1902 г.; золотая монета времени Александра Македонского (3, с. 25).
5. г. Ст. Гагра, могильник, 1903 г.; золотая римская монета Гонория, 395-426 гг. (144, с. 107; 128, № 780; 39, № 55).
6. г. Пицунда, городище, 1953-1960 гг.; римские монеты (311 экз.): 1-Август, 27 г. до н. э. - 14 г. н. э.; 1-Адриан, 117-138 гг.; 2-Антонин Пий, 138-161 гг.; 1-Септимий Север, 193-211 гг.; 1-Юлия Меза, ум. 223 г.; 1-Орбиан, 222-235 гг.; 1-Максимин Фракиец, 235-238 гг.; 1-Филипп Старший, 244-249 гг.; 1-Филипп Младший, 247-249 гг.; 1-Волузиан, 251-253 гг.; 4-Галлиен, 253-268 гг.; 2-Салонина, 253-268 гг.; 6-Клавдий, 268-270 гг.; 9-Аврелиан, 270-275 гг.; 2-Саверина (жена Аврелиана); 1-Тацит, 275-276 гг.; 3-Проб, 276-282 гг.; 9-Диоклетиан, 284-305 гг.; 1-Максимиан, 286-305 гг.; 3-Констанций, 303-306 гг.; 6-Максимин Даза, 305-313 гг.; 15-Лициний, 308-324 гг.; 1-Крисп, 317-326 гг.; 10-Константин Великий, 306-337 гг.; 4-он же (посмертные); 5-Константин II, 337-340 гг.; 7-Констанций II, 337-361 гг.; 1-Urbs Roma, IV в.; 2-Urbs Konstantinopoli, IV в.; 2-Валентиниан, 364-375 гг.; неопределенные: 3-II в.; 31-III в.; 11-III-IV вв.; 57-IV в.; 1061-IV вв.; (77, с. 174-175; 39, № 57).
- Малоазийские монеты (40 экз.): 1-Кристофор, II в. до н. э.; Понт: 1-Полемон II, 37-67 гг.; Амастрия: 1-квазиавтономная монета, II-III вв.; Кеса-
132
- рия Каппадокийская: 4-Септимий Север, 193-211 гг.; 2-Юлия Домна, ум. 217 г.; 1-Юлия Меза, ум. 223 г.; 2-Гордиан III, 238-244 гг.; Трапезунд: 9-Коммод, 180-192 гг.; 3-Юлия Домна, ум. 217 г.; 1-Луций Вер, 161-169 гг.; 7-Каракалла, 211-217 гг.; 1-Каракалла и Гета, 211-212 гг.; 1-Александр Север, 222-235 гг.; 5-Гордиан III, 238-244 гг.; 2-неопределённые, III в. (77, с. 175; 39, № № 36, 44, 14, 10,43).
- В состав клада 1958 г. (149 экз.): Кесария Каппадокийская (серебро): 4-Адриан, 117-138 гг.; 1-Луций Вер, 161-169 гг.; 2-Септимий Север, 193-211 гг.; 1-Юлия Домна, 193-217 гг.; 1-Гета, 209-212 гг.; 1-Каракалла, 198-217 гг.; Трапезунд (медь): 7-Коммод, 180-192 гг.; 4-Клодий Альбин, 193-197 гг.; 26-Септимий Север, 193-211 гг.; 33-Юлия Домна, ум. 217 г.; 2-Каракалла и Гета, 211-212 гг.; 32-Каракалла и Элагабал, 211-222 гг.; 16-Гордиан III, 238-244 гг.; 1-Тарквиллин, 241-244 гг.; 2-Филипп Старший, 244-249 гг.; 1-Северин Отацилла, 237-249 гг.; 1-Филипп Младший, 247-249 гг.; 14-неопределенные (77, с. 176-177; 39, № № 15, 45). Монеты Северного Причерноморья (4 экз.): 1-Херсонес, II в. до н. э.; Боспор: 1-Котис I, 123-133 гг.; 1-Рискупорид V, 240-267; 1-Рискупорид VI, 318-333 гг. (77, с. 175; 139, №49).
- Византийские монеты (19 экз.): 6-Юстин I, 518-527 гг.; 7-Юстиниан I, 527-565 гг.; 1-Ираклий, 610-641 гг.; 5-Никифор Вотаниат, 1078-1081 (77, с. 176).

- г. Пицунда, 1886 г., серебряная римская монета Марка Аврелия, 161-180 гг: (128, № 1418; 39, № 78).
- г. Пицунда, 1926 г., золотой ареус Нерона, 64-68 гг, (127, № 344; 39, № 56). г. Пицунда, начало XX в., золотая византийская монета Тиверия Апсимара, 689-705 гг. (128, № 1442).
10. г. Гудаута, 1930 г.; драхма Синопы, IV в. до н.э. (112, с. 83; 128, № 1521).
11. с. Мцара, в крепости, 1935 г.; медный статер Рискупорида VI, 324 г. и. э. (128, № 1368; 39, №51, АГМ).
12. пос. Чобанлук, могильник, 1947 г.; 2 серебряные колхидки, IV-II вв. до н. э. (221, АГМ, КЛ).
13. пос. Чобанлук, могильник, 1947 г.; золотое подражание статеру Лисимаха, III-II вв. до н. э. (221, АГМ, КЛ).
14. пос. Н. Афон, на Иверской горе, боспорский бронзовый асс Митридата III, 39-45 гг. (127, № 323).
15. пос. Н. Афон, крепость Анакопия, 1957-1958 гг; 13 медные византийские анонимные монеты; 1-серебряная монета Константина Маномаха, 40е гг. XI в. (171, с. 155).
16. пос. Н. Афон, могильник «Сушка», 1935 г.; римская монета Требониана Галла, 251-253 гг. (39, № 58; АГМ).
- 133
17. пос. Н. Афон, могильник «Сушка», 1935 г.; византийские монеты: 1-Юстиниан I, 527-565 гг.; 1-неопределенная (128, № 790).
18. пос. Н. Афон, могильник, 1939 г.; медная византийская монета Льва VI, 886-912 (128, № 997).
19. пос. Н.Афон, могильник в районе монастыря, 1881 г.; серебряная кесарийская монета Адриана, 117-138 гг. (129, № 43; 39, № 16).
20. пос. В. Эшера, в дольмене, 1937 г.; серебряная колхидка, IV-II вв. до н. э. (128, № 1313).
21. пос. Лечкоп, 1936 г.; тетрадрахма Митридата VI, 75-74 гг. до н.э. (128, № 1349; 39, № 2, АГМ).
22. г. Сухум, набережная, 1886 г.; бронзовая монета Амиса, конец II - начало I в. до н. э. (МАК, II, с. 14; 127, № 310; 39, № 5).
23. г. Сухум, набережная, начало XX в.; монеты Марка Антония и Августа, конец I в. до н. э. - начало I в. н. э. (128, № 1736; 39, № 79).
24. г. Сухум, набережная, 1926 г.; серебряная колхидка, IV-II вв. до н. э. (127, № 301; 39, №48).
25. г. Сухум, город, 1880 г.; драхма Синопы, IV в. до н. э. (127, № 309).
26. г. Сухум, город, 1949 г.; афинская тетрадрахма, II-I вв. до н. э. (128, № 1528, ГМГ, 6348).
27. г. Сухум, город, 1949 г.; золотая византийская монета Тиверия Аптимара, 698-705 гг. (128, № 1588; ГМГ, 5388).
28. г. Сухум, город, 1950 гг.; несколько монет Кесарии Капподокийской (128, № 1739).
29. г. Сухум, город, 1950 г.; обол Амиса, 105-90 гг. до н.э. (39, № 6).
30. г. Сухум, римская крепость Себастополис, 1939 г.; сикл Амиса, конец III-начало II вв. до н. э. (39, с. 17, АГМ).
31. г. Сухум, римская крепость Себастополис, 1951-54 гг.; Антиохия: 1Гальба, 68-69 гг.; 1-неопределенная, II-нач. III в. (39, № 42); 1-малоазийская неопределенная, I в. н. э.;

- Трапезунд: 3-Коммод, 176-192 гг.; 1-Макрин, 217-218 гг. 1-Каракала, 210 г.; 1-Орбиан, 222-235 гг.; 4-неопределенные, II-III вв. н. э. (39, № 46).
32. г. Сухум, римская крепость Себастополис, 1939 г.; серебряная драхма Александра, III-II вв. до н.э. (39, с 17, АГМ).
33. г. Сухум, римская крепость Себастополис, 1954 г.; серебряная кесарийская монета Каракаллы 210 г. (39, № 38).
34. г. Сухум, римская крепость Себастополис, 1959 г.; обол одного из городов Понта или Пафлагонии, 105-90 гг. до н. э. (39, № 7).
35. г. Сухум, римская крепость Себастополис, 1959 г.; римская монета Антонина Нумериана, 183-284 гг. (39, № 60).
36. г. Сухум, римская крепость Себастополис, 1959 г.; Трапезунд: 1-Коммод, 134-176-192 гг.; 1-Каракала, 198-217 г. (39, № 48).
37. г. Сухум, римская крепость Себастополис, 1959 г.; римская монета Аркадия, 395-408 гг. (179, с.240).
38. г. Сухум, римская крепость Себастополис, 1959 г.; среди других монет - Трапезунд: 1-Аврелиан, 270-275 гг.; 1-Константин I, 306-337 гг. (179, с. 247).
39. г. Сухум, римская крепость Себастополис, 1959 г.; две монеты, из которых одна боспорская середины I в. н. э. (И, с. 221).
40. г. Сухум, римская крепость Себастополис, 1959 г.; монета Амиса или Понтийской Команы, I в. до н.э. (11, с. 221).
41. г. Сухум, римская башня, 1954 г.; Трапезунд: 2-Коммод, 176-192 гг. (39, № 47); Рим: 1-Коммод, 186-187 гг.; 1-Септимий Север, 195-196 гг.; 1-Септимий Север, 196-197 гг. (39, № 61); Кесария: 1-Коммод, конец II - начало III вв. (39, № 39).
42. г. Сухум, окрестности, конец XIX в.; драхма Аристарха Колхидского, 52-51 гг. до н. э. (39, с. 21, ГЭ).
43. г. Сухум, окрестности, начало XX в.; клад колхидок, среди которых 3 серебряных монеты Савлака, II в. до н. э. (128, № 1017, ГИМ).
44. г. Сухум, окрестности, начало XX в.; клад серебряных колхидок, среди которых монета Савлака, II в. до н. э. (128, № 1016, БМ).
45. г. Сухум, окрестности, 1909 г.; в составе клада - Боспор (Никодемия): 1-Максимиан Гернул, 286-305 гг.; 1-Максимин Даза, 305-313 гг.; 1-Лиций Старший, 307-323 гг. (128, № 777; 39, № 59).
46. г. Сухум, окрестности, 1928 г.; электровое подражание статеру Александра, I в. до н. э. - I в. н.э. (39, № 89).
47. г. Сухум, окрестности, 1930 г.; византийский золотой солид Константина II, 641-668гг. (127, № 361).
48. г. Сухум, окрестности, 1940 г.; Боспор - медный статер Рискупорида VI, 322 г. н. э. (39, № 52; АГМ).
49. г. Сухум, окрестности, 1954 г.; тетрадрахма Митридата VI, I в. до н. э. (39, № 3).
50. г. Сухум, восточный берег р. Беслетки, 1926 г.; Лаодикея: 1-Септимий Север или Каракалла, 193-217 гг. (127, № 350; 39, № 41).
51. г. Сухум, холм Гуадику, могильник, 1953 г.; серебряная колхидка, IV в. до н. э. (174, с. 222).

52. г. Сухум, район турбазы, 1959 г.; Боспор: 1-дупондий Рискупорида II, 68-92 гг. (39, № 53); Кесария Капподокийская: 1-неопределенная, I в. н. э. (39, № 37).

53. г. Сухум, Синоп, 1964 г.; византийский электровый солид Никифора Бониата, 1078-1087 гг. (208).

135

54. г. Сухум, Синоп, 1966 г.; медная монета Константина Великого, 306-340 гг. (208).

55. с. бывш. Нейдорф, 1927 г.; золотой венецианский дукат (108, № 590).

56. р. Келасур, восточный берег, 1,5 км от устья, 1890 г.; несколько килограммов бронзовых монет, главным образом, Диоскуриады, конец II-I вв. до н.э. (127, № 308).

57. с. Герзеул, 1921 г.; из клада монет описано 469 экз.: 1-обломок подражания статеру Лисимаха; 1-динарий Августа, 2 г. до н. э. - 11 г. н. э.; Кесария Капподокийская: 1-Нерон, 54-68 гг.; 30-Веспасиан, 69-79 гг.; 9-Домициан, 81-96 гг.; 22-Нерва, 96-98 гг.; 165-Траян, 98-117 гг.; 90-Адриан, 177-138 гг.; 63-Антонин Пий, 138-161 гг.; 28-Луций Вер, 161-169 гг.; 59-Антонин Пий и Марк Аврелий, 161-180 гг. (57; 127, № 346; 39, № 17, АГМ); 1-Домициан, 91-92 гг.; 1-Нерва, 98 г.; 3-Траян, 112-117 гг.; 1-Адриан, 121-122 гг.; 1-Луций Вер, 161-169 гг. (39, № 17 а, ГМГ). Сохранилось - в АГМ - 87, в ГМГ - 8 экз. (27, с. 13-14).

58. с. Цебельда, Шапкинский могильник, кесарийская серебряная монета; 1954 г.: 1-Нерва, 98 г.; 1-Траян, 98-99 гг.; 1-Траян, 112-117 гг.; 2-Адриан, 121-122 гг.; 1-Антонин Пий, 139 г. (128, 1739; 39, № 19, ГИМ); 1-Траян, 112-117 гг. (39, № 19 а); 1958 г.: 1-Адриан, 121-122 гг.; 1-Юлия Домна, 206 г. (39, № 20); 1960-1962 гг.: 1-Траян, 112-117 гг.; 2-Адриан, 120-121 гг., 1-Антонин Пий, 139 г. (39, № № 21, 22, 22 а); 175, с. 273; 195, с. 19); 1966 г.: 1-неопределенная, I-III вв.; 1-бронзовая неопределенная, III-IV вв. (219); 1-Траян, 98-117 гг.; 1-Адриан, 121-122 г. (223, определение Л. Н. Беловой, Ленинград); византийская монета, 1967 г.: 2-Юстиниан I, серебро, 527-565; 1-Юстиниан I, золото, 527-565 (23).

59. с. Цебельда, у западной подошвы г. Адагуа, погребение-кремация, 1959 г.; обломок серебряной кесарийской монеты II-III вв.

60. пос. Б. Краевичи, крепость Цибилиум, 1909-1911 гг., несколько золотых монет, среди которых подражание статеру Лисимаха (127, № 1329, АГМ).

61. пос. Б. Краевичи, Цибилиумский могильник, кесарийская серебряная монета; 1937 г.: 1-Адриан, 121-122 гг. (39, № 18; АГМ); 1966 г.: 2-Септимий Север, 193-211 гг. (223; определение Л. Н. Беловой); 1967 г.: 2 неопределенные, II-III вв. н. э. (223).

62. с. Чхалта, в крепости, 1939 г.; золотая византийская монета Юстиниана I, 527-565 гг. (128, № 1067).

63. с. Гульрипш, 1927 г.; золотой статер Лисимаха, 323-282 гг. (108, № 317).

64. с. Барнаут, 1966 г.; клад серебряных колхидок в кувшине, на одной монете изображение головы быка (221).

65. пос. Бабушера, 1937 г.; золотой македонский статер Александра, 336-323 гг. (128, № 1318).

136

66. с. Атара-Армянская, могильник, серебряные кесарийские монеты; 1935 г.: 1-неопределенная, I-III вв. (АГМ); 1965 г.: 1-неопределенная, I-III вв. н. э. (209); 1966 г.: 1-Адриан, 117-138 гг. (209).

67. г. Очамчира, 1911 г.; медная византийская монета Льва VI, 886-912 гг.

68. с. Кахор, 1925 г.; из клада серебряных колхидок 5 монет, IV-II вв. до н.э. (128, № 997; ГМГ, 16-26, 1226-1230).
69. с. Гумуриш, 1920 г.; денарий Т. Каризия, 45 г. до н. э. (127, № 339; 39, № 63; АГМ); 2 динария Августа, 2 г. до н. э. - 11 г. н. в. (128, № 339; 39, № 63, АГМ).
70. г. Гал, окрестности, 1905 г.; из клада монет 60-70 драхм Полемона II, 42-63 гг. (129, № 27; 39, № 11).
71. с. Набакеви, 1936 г.; из клада серебряных кесарийских монет: 13-Адриан, 117-138 гг. (128, № 775; 39, № 23; 3М).
72. с. Набакеви, 1961 г.; более 400 серебряных колхидок IV-II вв. до н. э. из клада в глиняном кувшине (АГМ).
- Монеты Диоскуриады II-I вв. до н. э.
73. Крым, Херсонес; 1890 г.-1 (128, № 1508); 1899 г.-1 (128, № 972); 1903 г. -5 (128, № 976); 1904 г.-5 (128, № 978-980); 1907 г.-1 (128, № 983); 1932 г.-1 (128, № 1509); 1936 г. -1 (128, № 1300); 1936 г. (на северном берегу Гераклийского полуострова)-1 (128, № 1510); 1941 г.-1.(128, № 1871).
74. Крым, Тиритака, 1934 г. -2 (128, № 1513).
75. Крым, Мирмекий, 1934 г. -1 (128, № 1514).
76. Тамань, городище Петрея, 1950 г. -1 (126, № 1721).
77. Турция, Каралар (60 км к северо-западу от Анкары), 1933 г.-2 (128, № 1308).
- 137

Глава V. Краткий очерк древней истории Абхазии

Современная Абхазия вытянута вдоль берега Черного моря с северо-запада на юго-восток от р. Псоу до устья р. Ингур на 190 км, простираясь в глубь суши на 4575 км. Общая площадь поверхности Абхазии около 8700 кв. км. Границами ее с юга и с юго-запада служит Черное море, с северо-запада - р. Псоу, с севера и с северо-востока - Главный Кавказский водораздельный хребет, а на востоке Свано-Абхазский хребет и нижнее течение р. Ингур. На большем своем протяжении Абхазия характеризуется горным типом рельефа.

Высокогорная (выше 1800 м) зона делится на две подзоны: субальпийская с мягкими контурами хребтов и холмов и альпийская с острыми вершинами (сиерры), утесами и осыпями.

Зона средних гор (200-1800 м) представляет собой ряд хребтов и гряд. Область передовых хребтов сложена плотными известняками, которые хорошо сопротивляются выветриванию и образуют узкие каньонообразные ущелья, крутые склоны с довольно плоскими обширными водоразделами. Здесь характерны различные типы карстового рельефа - крупные воронки, провалы, исчезающие и появляющиеся из-под земли реки и т. д. в верхней части зоны рельеф становится более расчлененным, склоны круче, водоразделы сужаются, превращаясь в гребни. В двух местах, у Нового Афона и в Гагра, горы подходят вплотную к морю.

В Абхазии, главным образом, в зоне средних гор, в достаточном количестве представлены полезные ископаемые, многие из которых использовались с глубокой древности. Медные руды зафиксированы в районе Калдахуара, на р. Псоу. в ущелье р. Бзыбь, у перевала Аданге, на р. Птыш, в с. Ажара, в верховьях р. Джампал, в Дальском

ущелье, в с. Джгерда, г. Ткуарчал, по р. Окум, в ущелье р. Варча и др. (143, с. 114-116). Железо имеется в Гагрском районе, у Санчарского перевала, на Дзышре, в Ажарах, по р. Сакен, в верховьях р. Зимы, в верховьях р. Беслета, в Калдахуаре, пор. Галидзгеидр. (143, с. 106-111). Проявления золота отмечены в с. Псху, на рр. Джампал, Кодор, Ингур (143, с. 111-112).

138

Горный хрусталь встречается около р. Кобчара (143, с. 105), в районе Марухского перевала, в верховьях р. Псоу (211). Гагат (гишер) отмечен в устье р. Чхалта, в горах Кердуала и Зимунара, на горе Овяпш, в с. Аблухуара (143, с. 104).

Прибрежная зона (до 200 м над уровнем моря) в северной и средней части республики характеризуется развитыми древними морскими террасами, причем пятая, последняя терраса сильно промыта и расчленена на ряд холмов, сложенных толщей валунов и гальки, прикрытой глинистыми отложениями. В юго-восточной части Абхазии эта зона характеризуется всхолмленной к горам и болотистой у моря низменностью. Климат влажный субтропический (54, с. 8-26).

С пятой (80-110 м над уровнем моря) террасой связаны памятники ашельского периода (800-100 тыс. лет назад). Уровень моря был тогда выше современного, климат мягче, и первые люди поселялись по берегам рек на открытых местах, используя в качестве укрытий, вероятно, дупла и стволы деревьев, навесы. Ашельские орудия обнаружены в мертвой долине Восточной Гумисты, на горе Яштух около Сухума и в др. местах (53, с. 82; 20, с. 174-175; 52, с. 9-13; 15 с. 164; 161). Наиболее значительным из них является Яштухское местонахождение, материалы которого позволяют проследить ряд характерных черт ценнейшей палеолитической техники (52, с. 23). Кремневый инвентарь ашельских стоянок Абхазии имеет ближайшие аналогии в материалах стоянок Клектон-он-Си в Англии и Леваллуа во Франции (52, с. 15). Рубила из северо-западной Абхазии по характеру обработки сходны с лучшими экземплярами рубил из Арзни и Сатанидар в Армении (161, с. 185). Сочетание двусторонне обработанных орудий и отщепов, характеризующее Яштухское местонахождение, типично и для Сатанидара (125, с. 40-41). Это внешнее сходство абхазских кремней со столь далекими местонахождениями объясняется уровнем техники обработки кремня в этот период, не позволявшем давать так много вариантов, как в более позднее время (188, с. 28).

Поскольку ашельские местонахождения располагаются в Абхазии на недалеком расстоянии друг от друга и выявляют близкое сходство материала, вероятно, можно сказать здесь и об определенном генетическом родстве, обусловленном естественным процессом расселения ашельских общин (8, с. 12). Ведущей формой хозяйства была охота на крупных зверей (8, с. 13), которая стимулировала развитие коллективных форм труда (30, с. 51). Члены коллектива людей эпохи ашеля умели изготавливать орудия определенных форм, владели огнем, осуществляли коллективную охоту и обладали зачатками коллективной собственности на орудия и средства производства. Несмотря на еще не сформировавшийся физический тип, отсутствие одухотворения явлений окружающей природы и промискуитет, такой коллектив представлял уже определенное человеческое общество (188, с. 26), состоявшее из замкнутых экзогамных, хотя и меняющихся в своем составе, объединений из небольшого числа групп людей, владевших значительной территорией - кормовой базой (86, с. 24).

139

Развитие нижнепалеолитического общества завершила мустьерская эпоха (100-40 тыс. лет до н. э.), хотя ряд признаков позволяет выделить ее в особый «средний палеолит» (88, с. 21). Мустьерские местонахождения в Абхазии многочисленны и связаны с третьей, 40-метровой террасой (52, с. 9), проникая в то же время глубоко в горы. Инвентарь местонахождений составляют дисковидные нуклеусы, остроконечники, скребла, рубила и т. д. (52, с. 15-16; 20, с. 170-173). В этот период, вероятно, уже могли существовать какие-то межплеменные связи. Так, мустьерский инвентарь близ Очамчиры сходен с материалами Кубани и Крыма (52, с. 14). Орудия из Ачгуары и Ахбюка близки к мустьерскому материалу из пещер Чокурча и Шайтан-Коба в Крыму (52, с. 17). Мустьерские орудия из Ахбюка, Келасур и Очамчиры также сближаются с синхронными кремнями Ильской стоянки на Кубани (10, с. 29). Таким образом, прослеживаемые «внешние связи» Абхазии в этот период ведут пока на Кубань и в Крым. Специфические приемы обработки кремня, прослеженные в Абхазии, включают ее в обособленную от Русской равнины мустьерскую культуру Кавказа и части Крыма (188, с. 109). В этот период формируется физический тип неандертальца, совершенствуется речь - появляются дифференцированные слова предложения (8, с. 19), возрастает значение коллективной охоты, которая все больше становится занятием мужчин, тогда как собирательство остается в руках женщин, закладывая основы для возникновения матриархальной общины, утверждается кровнородственная семья, появляются первые признаки оседлости - все чаще местом обитания становятся пещеры (20, с. 169). Верхний палеолит Абхазии (40-12 тыс. лет до н. э.) характеризуется изменениями в технике, формах хозяйства, физическом типе человека и общественных отношениях. Отжимная техника, ретушь способствовали большому разнообразию кремневых изделий. Находки встречаются скоплениями на небольших ограниченных участках (52, с. 18), причем связь с речными потоками уже не так четка, как раньше - поселения располагались на отдельных гребнях и площадках (52, с. 9), либо в пещерах (20, с. 166-168; 154, с. 191). В этот период устанавливается экзогамия, способствовавшая окончательному формированию Homo sapiens, черепные кости которого найдены в гроте Хупына (155, с. 143-145). Охота становится полностью мужским занятием, зарождается рыболовство (154, с. 191). Женщины с детьми оставались на стоянках и, занимаясь собирательством растительной пищи и ведя все усложнявшееся хозяйство, становились хозяйками общественных жилищ. Это привело к образованию материнской родовой общины, единственной в то время социальной ячейки общества. В этот период уже пользовались скроенной и сшитой одеждой (2, с. 126-149), о чем говорят кремневые и костяные проколки. Тогда же зарождается искусство (150, с. 170-174) и складываются религиозные верования - анимизм, тотемизм, культ матери-прародительницы, магия, табуация, ношение талисманов. В поз-

140

днем палеолите Абхазии наблюдается дальнейшее развитие межобщинных связей. Обилие нуклевидных форм сближает верхнепалеолитические местонахождения Абхазии с синхронными пещерными стоянками Крыма и Имеретии (52, с. 18). Кремневый и костяной материал из грота Хупына близок к находкам из пещерных стоянок Западной Грузии (154, с. 191), геометрические орудия сходны с инвентарем Губского навеса № 7 (186, с. 50), выпрямитель для стрел из этого грота близок к аналогичным предметам

мадленских стоянок Франции (154, с. 191). Изделия из обсидиана, найденные в гроте Хупына, свидетельствуют о связях с районами Эльбруса или Боржоми (81). Мезолит (XII-VII тыс. до н. э.) характеризуется в Абхазии в основном анкерными стоянками (20, с. 167-168; 154, р. 190-194; 163), в этот период усложняется собирательство, создавая предпосылки земледелия, по-прежнему большую роль играет охота и рыболовство. Костяные гарпуны из грота Хупына близки к азильским гарпунам из Франции (154, с. 194), а также сходны с гарпунами из верхних слоев пещеры Гварджилис-кльде (154, с. 191), материалы из которой близки к находкам в пещере Куачара (20, с. 168).

Неолит (VI тыс. до н. э.) характеризуется распространением земледелия и появлением зачатков животноводства, изобретением глиняной посуды, полировки, сверления и пиления камня. Двусторонне обработанные кремневые трапеции и другие геометризованные орудия включают селище Кистрик в ряд таких неолитических памятников Кавказа, как Нижняя Шиловка, Овечка, синхронные слои Каменноостской пещеры, Анасеули и Мицисцихе (186, с. 57). Такие же орудия характерны для мезолитических стоянок Натуфийской культуры в Палестине и Гелуана в Египте (192, с. 61-63). Пластинки с боковыми выемками также сближают Кистрик, как и Нижне-Шиловскую стоянку, с Натуфийской культурой и стоянками в Гелуане (186, с. 58-59). Видимо, с юга на Кавказ пришли не только двусторонние геометрические орудия, которые тянутся узкой полосой по Черноморскому побережью Кавказа, но и навыки земледелия и скотоводства (186, с. 59). Керамика Кистрика близка к посуде из Мицисцихе в Колхиде, Нижней Шиловки и Каменноостской пещеры на Северном Кавказе (181, с. 59). Существует немало черт, заимствованных из местной мезолитической культуры. Так, мотыги-горбуши из Кистрика сохраняют форму мотыг из верхнего слоя грота Хупына (154, с. 194). По-прежнему велика роль охоты и рыболовства. Получают ли лук и стрелы широкое распространение (8, с. 45), трудно сказать. На Кистрике наконечников стрел неолитического времени не найдено. На Нижне-Шиловской стоянке в позднем неолите широко употреблялась праща (161, с. 58) и уже появляются прототипы стрел (153, с. 15). В эпоху неолита развивается сухопутное сообщение по морскому пляжу, так как регрессия моря и заполнение бухт выносами рек выровняли берег (152, с. 137). Общество неолита - это общество развитого

141

матриархата с материнской семьей в основе; совокупность материнских родов, сохраняя деление на фратрии, составляла племя, возглавляемое также обычно женщиной (86, с. 125-129). Религия заключалась в основном в поклонении женскому божеству (73, с. 230-233).

Энеолит (IV-первая половина III тыс. до н. э.) характеризуется первым появлением медных изделий холоднойковки, хотя камень по-прежнему служил основным материалом для орудий. Тяпкообразные мотыжки, характерные для раннеэнеолитических стоянок северо-западной Абхазии, как, видимо, и полированные клиновидные топоры в их ранней форме, типичны для поселений типа Хассуна в Месопотамии (192, с. 168-169; 186, с. 61). По-видимому, распространение мотыжек переднеазиатского типа на Черноморское побережье Кавказа связано со вторым этапом связей западнокавказских племен с южными районами (186, с. 61). В этот период земледелие по-прежнему оставалось основной отраслью хозяйства, сохраняя за

женщиной руководящее место в родовой организации (47, с. 46-51). Однако развивающееся из охоты животноводство начинает расшатывать устои матриархата. Эпоха ранней бронзы (2500-1800 гг. до н. э.) характеризуется появлением плужного земледелия, развитием скотоводства, возникновением металлургии (47, с. 55-56), что привело к концу III тыс. до н. э. к установлению руководящей роли мужского начала в общественной жизни. Однако родовая организация еще сильна, о чем говорит строительство дольменов, требующее силы большого коллектива (93, с. 267; 96, с. 105). В конце III тыс. до н. э. на территории Абхазии употреблялось 3 варианта захоронений - дольменные, пещерные и грунтовые. Общей чертой погребального обряда было применение вторичного погребения очищенных от мяса костей умерших (158, с. 90), свидетельствовавшего о широком распространении культа мертвых. Происхождение абхазских дольменов, видимо, самых ранних на Кавказе (46, с. 70), связывается с заимствованием их формы (131, с. 182) из Сирии и Палестины (152, с. 157). Культурные связи этого периода отличаются интенсивностью - возникают постоянные торговые пути через перевалы (152, с. 158). Граница соприкосновения между носителями майкопской культуры и очамчирской (береговой) культурой Абхазии проходила, по-видимому, в зоне передового хребта по линии Калдахуара-Каман-Амткел (218). На Гумистинском поселении и в Амткельском гроте найдены глиняные ситечки, близкие к майкопским (186, с. 93). Из поселений Гуадиху и Очамчирского имеются обломки керамики с рельефным криволинейным орнаментом, характерным для Куроараксинской культуры (21, рис. 3), нижних слоев Наохваму (94, табл. 48) и Мешоко (186, с. 75-76). По-видимому, в конце периода (XXII-XIX вв. до н. э.) на территории Абхазии формируется дольменная культура. Погребальный инвентарь в ранних дольменах близок к инвентарю Сачхерских курганов в верховьях

142

р. Квирилла (93, с. 316), а вислообушные топоры сходны с топорами из могильников Фаскау и Кумбульты (93, с. 279).

В эпоху средней бронзы (XVIII-XIV вв. до н. э.) территория Абхазии была включена в культурный очаг, охватывавший все Западное Закавказье и Прикубанье (8, с. 82). Культурные связи прослеживаются через перевалы. Об этом свидетельствует распространение дольменов вдоль Псхувского перевального пути (Доу-Санчар), сходство топорика из Азанты с топорами из Гиляча (121, с. 135) и из Келермесской (115, с. 33-35). Погребальный инвентарь средних дольменов тесно связан с культурой дольменов северо-западного Кавказа (45, с. 103), а также с материалами из синхронного могильника близ Брили в Раче (10, с. 116).

В эпоху поздней бронзы (XIII-VIII вв. до н. э.) территория Абхазии является одним из трех основных центров формирования и расцвета Колхидской культуры (110, с. 152) и характеризуется здесь поселениями, могильниками и могилами - мастерскими, в этот период ведущую роль в хозяйстве продолжали играть развитое земледелие и скотоводство. Колхидскую культуру отличает от кобанской именно земледельческий уклон хозяйства (44, с. 283-284). В конце II тыс. до н. э. складывается отгонное яйлажное скотоводство (89, с. 307). Изображения отдельных предметов, найденных в Красномаяцком могильнике в Сухуме, имеются среди наскальных рисунков на альпийских лугах Гуараба (214). Распространения лука и стрел не прослеживаются (93, с. 136), а на Тамышском поселении найдены шары для пращи (22, с. 17-18). Некоторые

исследователи полагают, что стрелы делались из плохо сохраняющихся костей, листовой тонкой бронзы (94, с. 177), либо из самшита (218). Большую роль играли охота и рыболовство, о чем свидетельствуют изображения зверей, птиц, рыб на предметах. Важное место в хозяйстве приморского населения занимала добыча соли (159, 137), зародившаяся, видимо, еще в эпоху ранней бронзы (156). Текстильная керамика, связанная с солеварным промыслом, свидетельствует также о богатом ассортименте шерстяных и льняных изделий (159, с. 284-285). Религиозные верования этого периода характеризовались пережитком культа богини-матери (93, с. 253), культом луны (112, с. 68), тотемизмом (178, с. 59), культом явлений природы, в частности, грома (114, с. 156), культом козы и барана (93, 237-245), птиц (114, с. 160) и змей, амулетами и талисманами. Прогресс хозяйственной техники (плужное земледелие, успехи металлургии, появление гончарного круга и пр.) создавал условия для перехода от родового коллектива к индивидуальному хозяйству, превращения земли в частную собственность, образовывались родственные соседские общины, объединенные в патронимию (86, с. 188). Ряд родовых патронимий составлял патриархальный род, в свою очередь, входивший в состав племени (72, с. 406). Складываются отдельные группы населения -

143
ремесленники, служители культа (114, с. 159) родоплеменная верхушка (178, с. 80). Военные столкновения между племенами начинают принимать регулярный характер (8, с. 105). По-прежнему существуют поселения (в связи с солепроизводством и торговлей) на берегу моря, но население, стремясь к безопасности, все охотнее начинает осваивать близлежащие вершины с крутыми склонами. На поселениях Мачара-2, на Сухумской горе, в Н. Эшере и в других пунктах прослеживаются элементы цитаделей refugia, вероятно, окруженных деревянным частоколом.

Исторические связи Абхазии в этот период тянутся в Западное Закавказье, где получают распространение бронзовые топоры и другая продукция, в частности, из мастерской с Сухумской горы (69, с. 86). О реальных связях с Урарту, а, возможно, и с Ассирией, свидетельствует находка в с. Приморском конического бронзового шлема (93, с. 146-147), а также сердоликовые бусы, в частности, из Бамборского клада, близкие к урартским (130, с. 188-189). В то же время Абхазия по-прежнему остается непосредственным соединительным звеном между Северным Кавказом и Западным Закавказьем (114, с. 92).

Абхазский этнос сложился на Черноморском побережье Кавказа в результате длительного процесса этнической консолидации древнего аборигенного населения с пришлыми из северо-восточных районов Малой Азии племенами - носителями «языка победителя» и, естественно, более совершенной культуры (8, с. 120). Начало этого процесса относится еще к неолиту - первый (с натифийской культурой) и второй (с памятниками типа Хасунны) этапы связей неолитических западнокавказских племен с Передней Азией (186, с. 57-61), а завершение - к последним векам предантичной эпохи (8, с. 121). Один из компонентов абхазо-адыгского этнического массива выявляется в хаттском языке (119, с. 400). К хаттам, в частности, относят упоминаемых в ассирийских источниках кашков и абешла, часть которых этнически должна быть абхазо-черкесского происхождения (117, с. 204). О заселении в прошлом предками абхазо-адыгов приморской части северо-восточной Малой Азии и юго-западного Закавказья свидетельствует топонимика этих мест - Синоп, Акампис, Арипса, Апсареа, Дуабзу,

Супса, Фазис и др. (43, с. 428-429), которую можно увязать с жившим «в этом районе с древнейшего времени» племенем иганиехов (118, с. 93). Антропологические материалы говорят о существовании в древности на Западном Кавказе и в Малой Азии единого антропологического типа, так называемой «понтийской расы», представители которой продвигались из Малой Азии по восточному берегу Черного моря на север (31). Вывод о тесных древнейших взаимосвязях Кавказа и Малой Азии и даже о прошлом культурном единстве этих областей имеет серьезные основания (90, с. 5). Постепенное переселение отдельных частей малоазийских племен на север было вызвано складыванием

классового общества, создавшего относи-

144
тельное перенаселение, а также различными вторжениями в Малую Азию (152, с. 161). С одной из таких волн увязывается появление в Абхазии дольменов (8, с. 125). Во всяком случае, как показали исследования поселений энеолита и бронзы (22), резких смен форм материальной культуры в Абхазии не прослежено, приходящие формы сосуществуют с местными, постепенно сливаясь с ними. Результатом процесса этнической и материальной консолидации пришлых и местных элементов и явилось формирование здесь древнеабхазских этноса и культуры (8, с. 125). Передвижение оттесняемых к северу племен продолжалось и всю эпоху бронзы, в частности, в первой половине I тыс. до н. э., когда в Абхазии наблюдается большое разнообразие погребальных обрядов, видимо, свидетельствующее, благодаря общности инвентаря, о складывании единой этнической группы из племен с некоторыми различиями в культуре и быту (8, с. 129).

В недрах колхидской культуры занимается «заря новой великой эпохи железа» (88, с. 112). Появляется сначала инкрустация железом, а затем и различные железные предметы (XII-VIII вв. до н. э.), однако массовое распространение предметы из железа получают лишь с VII в. до н. э. (110, с. 156).

В конце VIII в. через Абхазию по Меото-колхидской дороге, связывавшей по Черноморскому побережью Северный Кавказ с Малой Азией, прошли на юг киммерийцы, а позже этот путь использовали западные скифские племена (130, с. 245), в первой половине VI в. до н.э. возвращавшиеся из Передней Азии. Не исключено, что часть скифов осела в Абхазии (178, с. 81), оказав заметное влияние на местную материальную культуру. С VI в. до н. э. на территории Абхазии, как и на всем Кавказе, наблюдается массовое употребление наконечников стрел, акинаков, секир и других предметов из железа, часто изготавливавшихся уже на месте по скифским образцам (89, с. 63-65). Погребения с характерным скифским инвентарем прослежены в Куланырхуа (178, с. 81), на Красном Маяке (172, с. 200), на горе Гуадику (174, с. 216-217), на Сухумской горе (174, с. 207-208), в Агудзере (223). О широких культурных связях этого периода свидетельствует находка в Красномаяцком могильнике бронзового украшения щита в виде стилизованной фигуры орла и бронзовых литых удил древнеассирийского происхождения конца VII-VI вв. до н. э. (172, с. 204), связываемых также со скифскими походами (130, с. 245).

Начало греческой колонизации на побережье Абхазии относится ко второй половине VI в. до н. э. (37, с. 29), хотя эпизодические посещения эллинов имели здесь место значительно раньше (110, с. 153). Вероятно это были выходцы из Милета (106, с. 73) либо из одной из милетских колоний (37, с. 29), обосновавшиеся в прибрежных ремесленно-земледельческих поселениях местных племен и создавшие здесь торговые фактории (28,

с. 155) Диоскурию (Сухум) и Гюэнос (Очамчира). Диоскурия служила затем эмпорием для окрестных пле-

145

мен (Strabo, XI, 2, 16, 19) и, видимо, вывела колонии в Гагра (Триглит), Пицунду (Питиус) (28, с. 156), Новый Афон, Эшеру.

Греческая колонизация имела исключительно большое значение в социально-экономическом и культурном развитии Колхиды (106, с. 69). В результате развития торговых связей через греческие города в Абхазию поступают многочисленные товары - соль, вино, оливковое масло, керамика, украшения и другие изделия греческих ремесленников (28, с. 156). С VI в. до н. э. в Абхазии широко распространяется чернолаковая керамика. Фасосские и хиосские амфоры зафиксированы в Сухуме и Очамчире, в последнем пункте найдена керамика из Пальмиры (91, с. 165). Косские амфоры найдены в Эшере (79, с. 21), на Гуадику, в Анхуа. В III-I вв. до н. э. в Диоскурию и Гюэнос поступала керамика из Гераклеи Понтийской. Получают распространение иноземные денежные знаки и дается толчок местному монетному делу. Каботажные маршруты, особенно на ранней стадии, способствовали увеличению торгового оборота восточночерноморских колоний и с Крымом. Греческие колонии способствовали ускорению роста производительных сил, возникновению (28, с. 155) и развитию городской жизни, втягивали местных жителей в широкие экономические связи, ускоряли процесс классообразования среди местных племен (14, с. 43-44), способствовали выделению среди местного населения торгово-аристократической знати (174, с. 226). В III-I вв. до н. э. имеет место массовое производство местной керамической тары античного типа - амфор, пифосов, мисок, блюд, кубков типа канфаров, краснолаковой керамики, пирамидальных грузил для ткацкого станка (110, с. 173). На греческое влияние указывают обычай класть в погребение монеты (с IV в. до н. э.) и греческие буквы на местных монетах (110, с. 163). В то же время вдоль важнейших торговых путей появляются оборонительные системы, укрепленные поселения, стены которых сооружались из огромных камней насухо (Веселовка, Бжилва и др.), либо с помощью двух параллельных турлучных плетней с забутовкой из мелкого камня (Чацкал, Отсюш и др.). Бытовая керамика (разнообразные горшки, кувшины, кружки, миски), предметы из бронзы продолжают местные традиции. Местное население своей самобытной культурой оказывало значительное влияние на быт греческих городов (172, с. 140), через которые экспортировало корабельный и строевой лес, льняные ткани, воск, мед, смолу, дичь, золото, железо, рабов (110, с. 163). Абхазия в этот период не входила в состав Колхидского царства, поэтому местные племена были слабо связаны с ним (68, с. 789). Греческие колонии не подчинялись колхидским царям и имели внутреннее самоуправление (67, с. 241).

Судя по сообщениям раннеантичных авторов (Гекатей Милетский, Псевдо-Скилак Кариандский), изучаемую территорию заселяли племена колхов, колов, кораксов и гениохов (97, с. 2, 84-85). Что касается содержания терми-

146

нов «колхи», «племена гениохов», то в применении к Абхазии их следует понимать, главным образом, не в узком (этническом), а в широком (собирательном) смысле (8, с. 131-137).

Ввиду накопления новых материалов о кораксах, остановимся на них подробнее. Племя кораксов впервые упоминается в сочинении Гекатея Милетского (VI в. до н. э.), который сообщает также о Кораксийской крепости (97, с. 2). Псевдо-Скилак (IV в. до н. э.), перечисляя гениохов, кораксов, колхов, связывает с последними города Диоскурию и Гюэнос (97, с. 85), из чего видно, что кораксы локализируются к северу от Диоскурии. Римский автор 1 в. н. э. Плиний Секунд сообщает: «... и кораксы с колхским городом Диоскуриадою...» (97, с. 179), то есть локализует кораксов в непосредственной близости от Диоскурии. Там же он дает картину расселения с юго-востока на северо-запад племен близ Диоскурии-Себастополиса: «...племя абсиллов, крепость Себастополис... племя саников...» (97, с. 179). Таким образом, кораксы жили где-то в районе Диоскурии, но в горах, так как побережье было занято другими племенами. Об этом свидетельствуют многочисленные косвенные указания. Так, Помпоний Мела (44 г. н. э.) сообщает, что часть Кавказских гор называлась Кораксийскими горами, поскольку они принадлежали кораксам (84, с. 117). Плиний Секунд упоминает Гениохийские горы, «которые другие называют кораксийскими» (84, с. 181). Новое название гор (Гениохийские) уже в это время (1 в. н. э.) заменило прежнее название (Кораксийские), «устаревшее в связи с исчезновением племени кораксов» (ВДИ, № 2 (1949) с. 297). Мне кажется, что перемена названия гор указывает на смену населения, засвидетельствованную археологическими материалами. Керамический инвентарь поселений и могильников позднеантичной (II-VI вв. н. э.) цебельдинской культуры, правильно сопоставляемой с апсилами (175, с. 276) существенно сличается от керамики с раннеантичных поселений Цебельды (Пацхир, Чижоуш-1 и др.), не проявляя непосредственных генетических связей с последней. В то же время смены населения в районе Н. Афона и долины р. Гумиста не прослежено. Специфические черты керамики с раннеантичных поселений (Бжилва, Отсюш и др.) сохраняются здесь вплоть до раннего средневековья. Поэтому я связываю племена кораксов античных авторов с племенами, обитавшими до начала нашей эры в Цебельде, вдоль Клухорского перевального пути, а Кораксийскую крепость сопоставляю с Пацхирской крепостью.

В конце II - начале I в. до н. э. территория Абхазии была включена в состав Понтийского царства. Из Колхиды, в том числе из Абхазии, шла Митридату VI Евпатору важная помощь в организации его морских сил (41, с. 254). В третьей войне против римлян к Митридату присоединяются гениохи (ВДИ, № 4 (1946), с. 279). В этот период особое значение имела Диоскурия, которая чеканила собственную медную монету (76, с. 40-41). Об особой роли города

147

свидетельствует и концентрация в этом районе монет времени Митридата VI (39, с. 19). В 66 г. до н. э. здесь зимовал Митридат, отступивший из Малой Азии под натиском римлян (ВДИ, № 4 (1946), с. 279). После незначительного периода независимости, вызванного поражением Митридата, Абхазия, как и вся Колхида, была завоевана его сыном Фарнаком (118, с. 332), а затем опустошена войной между новым правителем Боспорского царства Асандром и ставленником Рима в Понтийском царстве Митридатом Пергамским (118, с. 333). Смутами воспользовались гениохи и другие местные племена, которые в конце 1 в. до н. э. разрушили Питиунт (98, с. 179) и опустошили Диоскурию (36, с. 105). Однако номинальное подчинение племен, населявших Абхазию, Понтийскому царству, продолжалось, поскольку, когда в 63 г. н. э.

римляне превратили Понт в свою провинцию, среди повинующихся римской силе, согласно Иосифу Флавию, оказались и гениохи (41, с. 276). В то же время полное подчинение Колхиды Риму было затруднено восстанием Аникета (29).

Римляне достаточно ясно представляли себе стратегическое значение Закавказья как барьера против северных кочевников (118, с. 324). Поэтому во второй половине I в. н. э. Рим стремился создать на восточных берегах Черного моря цепь зависимых «буферных» государств для предотвращения вторжения сарматских племен с Северного Кавказа (91, с. 85). Видимо, этим объясняется сравнительно рано наметившаяся (конец I - начало II вв. н. э.) римская ориентация лазов, апсилов, абазгов, санигов (118, с. 372-373).

Главными путями проникновения кочевников могли быть долина Риона (51, с. 139) и Абхазия. Около 137 г. н. э. римский легат, правитель Каппадокии Флавий Арриан совершил поездку в Фасис и Себастополис, чтобы проверить готовность римских гарнизонов отразить грозящее нападение (51, с. 139). Поездка Арриана, видимо, имела далеко идущие планы и последствия. Во всяком случае, во второй половине II в. н. э. начинается расцвет городской жизни в Себастополисе (11, с. 222). В этот период поддерживаются мирные отношения с местными племенами. Так, в 172 г. каппадокийский легат Мартий Вер борется с непокорным сатрапом Тиридатом, убившим вождя гениохов (141, с. 15). В то же время римляне укрепляют свое положение в Абхазии. В конце II в. строится сторожевая башня у Себастополиса, к началу III в. римский гарнизон разместился в Питиунте (111, с. 105-106). Однако в III в. напор кочевников с севера все возрастает. Военный союз между Римом и местными политическими образованиями становится необходимым для обеих сторон (118, с. 379). В 252 г. готы напали на Питиунт. Сукессияну, руководителю римского гарнизона, удалось успешно отбить первую атаку, однако, когда его отозвали в Рим, готы захватили Питиунт, уничтожив гарнизон (118, с. 379-380). Сведений об угрозе Себастополису в этот период не существует. В продолжение всего III в. он процветает, как и быстро оправившийся Питиунт, сооружаются мощные дополни-

148

тельные оборонительные стены (100, 199). Основой безопасности Себастополиса от набегов готов, а затем и гуннов, послужили меры, принятые местными римскими властями. К середине III в. н. э. с помощью абазгов сооружается цитадель Анакопии, явившаяся звеном между Себастополисом и Питиунтом. В этот же период римские укрепления появились в Гагра и у Сочи (101, с. 247-251). Как и прежде, огромное значение имел Клухорский перевальный путь, являвшийся ветвью торгового пути, связывавшего Северный Кавказ с восточными провинциями Римской империи, в частности, с Малой Азией (108, с. 117). О важности этого пути свидетельствует, в частности, находка в погребении IV в. н. э. на Шапкинском могильнике бусины с печаткой, на которой изображен китайский иероглиф (ГЭ). Однако реальных свидетельств проникновения кочевников через Клухор пока не отмечено, что объясняется, видимо, существованием в средней части этого пути в районе Цебельды мощного оборонительного комплекса. Крепости Пскал, Лар, Бат, Апушта, Ахыс, Пал, Цибилуим, Шапка, Герзеул* (последние четыре вдоль следов древнего пути) создали непреодолимый рубеж на подступах к Себастополису со стороны перевалов. Система кладки Шапки ближе всего подходит к кладке Анакопийской цитадели. Подъемный материал с крепости показывает, что в середине III в. она уже функционировала. К III в.

относится сооружение башни на городище Каман-1. Древнейшие части Цибилиума датируются концом III-IV вв. н. э. (101, с. 250), но здесь уже существовало укрепленное поселение во времена Септимия Севера и его преемников. Одновременно с Шапкой построен, видимо, и Пскал. Кладки Бата и Ахыса относятся, вероятно, к середине IV в. Укрепления Лар, Апушта, Пал сохранили кладку без раствора, близкую к раннеантичным горным и предгорным укреплениям (Пацхир, Бжилва). Исследование Шапкинское могильника показывает, что все мужское население здесь несло воинскую службу. В женских погребениях не зафиксировано мотыг, типичных для других синхронных могильников. Все это говорит об исключительно воинственном характере местного населения (177, с. 187), в жизни которого земледелие занимало второстепенное место. Совершенно очевидно, что цебельдинцам приходилось выполнять тяжелые функции охраны подступов к Себастополису, с которым они отнюдь не вели «упорную борьбу» (177, с. 187), так как им приходилось отражать врагов из-за перевала (175, с. 266). Для могильников Цебельды характерны монеты кесарийского чекана, которые служили «основным средством обращения в той части Колхиды, которая находилась в зависимости от римлян и контроль над которой осуществлял-

** Все крепости Цебельдинской долины Ю. Н. Воронов после раскопок Цибилиума датировал с IV-VI в. н.э. на VI в. н.э.*

149

ся через приморские крепости» (39, с. 24), в данном случае через Себастополис. Герзеульский клад монет вместе с остатками золотого венка (57) не свидетельствует «о богатствах отдельных лиц нагорной Абхазии» (195, с. 18), а является платой за какие-то услуги союзникам апсилам. При сравнении монет из Герзеульского клада с монетами из цебельдинских могильников обращает на себя внимание их общий характер - все они, как правило, кесарийского чекана и относятся к I-III вв. н. э. Не случайно клад найден у Герзеульской крепости, где также рядом с древней дорогой, ведущей в Цебельду, находилось позднеантичное укрепление.

Весь период взаимоотношений Себастополиса с населением древней Цебельды (II-VI вв. н.э.), как и с другими племенами, населявшими Абхазию в то время, следует рассматривать с точки зрения особо важного значения для Рима охраны перевальных путей через Кавказ (Санчар, Марух, Клухор), являвшейся одной из основных функций римского гарнизона в Абхазии (8, с. 194). В сложившихся условиях постоянной угрозы из-за хребта римские власти должны были всячески стремиться поддерживать лояльные отношения с местными политическими образованиями (8, с. 194). Следует подчеркнуть, что римляне не стремились к насильственному насаждению здесь своей культуры - они преследовали в Абхазии, главным образом, военно-стратегические и политические цели (8, с. 193).

В связи с вышесказанным интересно следующее наблюдение. Начало расцвета городской жизни в Себастополисе падает на вторую половину II в. н. э. (11, с. 222); в конце же IV начале V в. жизнь в Себастополисе постепенно замирает (199, с. 177), а в конце V в. город утратил свое былое значение (179, с. 253). То же самое прослежено и в отношении могильников цебельдинской культуры - первые захоронения относятся к концу II в. н. э., а наиболее поздние предметы датируются VI в. н. э. (195, с. 19), едва ли достигая его конца. Все крепости, кроме Цибилиума, Герза и Пскала, в конце VI в. уже не

функционируют. Керамика VII в. с Герзеульской крепости (Лоссорион?) уже сильно отличается от позднеантичной и отсутствует в Цебельде всюду, кроме Цибилиума. В первой половине VI в. здесь упоминаются лишь «в высшей степени укрепленная» Тзибила (137, с. 403) и где-то неподалеку (по некоторым признакам Пскальская крепость) «с древних времен» Тцахар (1, с. 119). Угасание Себастополиса повлекло за собой угасание Цебельдинской культуры.

В позднеантичный период на территории Абхазии проживали древнеабхазские племена апсилов, абазгов, санигов и гениохов (97, с. 222; 98, с. 179). В I в. н. э. апсилы проживали к югу от Себастополиса, к северо-западу от них - саниги, на территории которых находились Себастополис, Кигн (Эшерское городище?) и Пеней (Питиунт), а дальше за р. Бзыбь простиралась земля гениохов (98, с. 179). Во II в. н. э. Себастополис продолжает находиться в

150

земле санигов, к югу от них выделяется племя абазгов, граничащее с апсилами, в свою очередь, соприкасающимися с лазами (97, с. 222). В начале II в. н. э. лазы проживали к югу от Хобоса - Ингура (71, с. 17), а территория княжеств апсилов и абазгов находилась между Ингуром и Себастополисом (71, с. 18). Географические названия с формой «рипш» увязываются с санигами (8, с. 174). Следовательно, южная граница санигов проходила в районе Гульрипша, скорее всего по Кодору, за которым размещались апсилы.

Племя абазгов впервые упомянуто в начале II в. н. э. (97, с. 222) между апсилами и санигами. Абазги являлись, видимо, прежде частью одного из этих племен, скорее санигов, поскольку абазги, проживавшие в районе Нового Афона в V-VI вв. н. э. (42, с. 159-167) сохранили характерную для санигов керамику с белой кристаллической примесью, выпадающей на поверхности, тогда как керамический материал апсильцев (Очамчира, Атара, Цебельда) не имеет этого признака (175, с. 262, 264). Во II в. н. э. лазы оттеснили апсилов к северу (99, с. 383). Как показывает керамика, в III-IV вв. апсилы занимали территорию, включающую г. Очамчира, сс. Охурей, Заган, Тамыш, Атара-Армянская, Цебельда, Азанта и др. (195, с. 9-18). В IV-V вв. они проникают в район среднего течения р. Гумиста (Каман-1), продвинув в то же время свою границу на побережье к району современного Нового Афона (42, с. 161).

Позднеантичный период (I-V вв. н. э.) характеризуется высоким уровнем городской и сельской культуры (8, с. 214-219). Раскопки Себастополиса продемонстрировали яркую традиционную генетическую связь местной материальной культуры с более ранними местными формами (8, с. 214) и в то же время дали огромное количество импортной амфорной керамики, краснолаковой и стеклянной посуды (11; 179). Носители цебельдинской культуры, имеющей глубокие местные корни (175, с. 275), в то же время использовали привозную краснолаковую и стеклянную посуду. Их высокоразвитая металлургия давала железное оружие, выполненное как в местных традициях, так и по римским (умбоны и др.) образцам, предметы из бронзы, серебряные, а иногда и золотые изделия - браслеты, серьги (175, с. 262-272), гривны (лар), кубки. Там сооружались мощные крепости, строители которых использовали совершенную римскую кладку. Все это говорит о том, что Абхазия в этот период была органической, хотя и периферийной частью античного культурного мира, наряду с другими южными районами нашей страны (8, с. 168).

151

Глава VI. Охрана памятников археологии

Поскольку настоящая работа рассматривает период истории человеческого общества в Абхазии до V в. н. э. включительно, нам представляется естественным в главе, посвященной охране памятников археологии, привести эдикт римского императора Майория, призывавшего именно в V в., точнее в 457 г. н. э. охранять те исторические памятники, которые теперь, спустя 1510 лет, целиком и полностью стали объектами археологии.

«... Преисполненные решимости положить конец безобразию, которое давно вызывает наше отвращение, мы, в качестве правителя государства, отмечаем, что под предлогом общественной необходимости преступно разрушаются древние здания, составляющие украшение Вечного города. С целью создать малое уничтожают великое. Это приводит к дальнейшим злоупотреблениям, и частные владельцы безнаказанно разбирают на материал памятники великого прошлого, хотя любовь к отечеству должна была бы подсказать населению не разрушение, а должную заботу о них.

Посему настоящим эдиктом повелеваем, чтобы все здания, воздвигнутые древними для общественных нужд или для украшения города, будь то храмы или другие монументы, оставались неприкосновенными. Судья, допустивший, малейшее умышленное разрушение памятника, будет подвергаться штрафу в размере пятидесяти фунтов золота. Чины, находящиеся на службе порядка, а потому ответственные за сохранность древних памятников, если допустят их разрушение, будут приговорены после соответствующего наказания плетьюми к отсечению рук...» (105, с. 196).

Памятники археологии имеют решающее значение в изучении древней истории Абхазии, поскольку сведения о ней, содержащиеся в письменных источниках, относятся только к позднему времени. Материалы этих памятников являются единственным источником для восстановления реальной исторической картины жизни племен, обитавших на территории Абхазии

152

как в первобытную эпоху, так и в более поздний период. Именно поэтому забота о сохранении археологических памятников для науки является делом большой важности, элементарным требованием культуры.

Все возрастающая необходимость сохранения археологического наследия прошлого, до сих пор плохо ли, хорошо ли, но хранившегося в земле, диктуется той интенсивностью, которую приобрела общественная жизнь в последнее время. Большие площади осваиваются под сельскохозяйственные угодья, вырубается леса, во многих пунктах наблюдается эрозия почвы, в городах шлетя с ранее никогда невиданным размахом строительство. Фундаменты зданий все глубже уходят в землю, разрушая остатки древних жилищ и кладбищ. А ведь большинство памятников археологии - стоянок, поселений, могильников, крепостей, комплексов и отдельных предметов - еще не найдено, не исследовано либо исследовано частично.

Большую работу по охране древних памятников проводит Отдел охраны памятников Министерства культуры Абхазской АССР и Абхазское Общество

охраны памятников культуры. Ежегодные экспедиции Абхазского Совета Общества выявляют большое число неизвестных до сих пор исторических объектов, в том числе и памятников археологии, имеющих большую научную ценность.

Однако основной упор до последнего десятилетия несправедливо делался на охрану архитектурных сооружений, относящихся, главным образом, к средневековью. Начиная с 1966 года, на заседаниях Президиума АСГООПК неоднократно подчеркивалась необходимость налаживания действенной охраны и популяризации памятников археологии. Учитывая, что для этой цели необходима систематизация имеющихся археологических данных, Президиум АСГООПК принял решение о подготовке к изданию настоящей работы.

Неоценимую помощь в выявлении памятников археологии, в их сохранении для науки оказывают краеведы. Это люди, не являющиеся по специальности археологами, но бескорыстно посвящающие свой досуг изучению родного края. Устраивая в свободное от работы время походы и обследования отдельных районов, краеведы открывают новые пещерные стоянки, древние поселения, могильники, собирают ценный материал на разрушаемых памятниках, идут за трактором, внимательно осматривая каждый ком земли.

К таким людям, беззаветно преданным своему второму призванию, относится Н. И. Гумилевский, учитель, пенсионер, который, несмотря на свой почтенный возраст (в 1966 г. ему исполнилось 75 лет), как и раньше, руководит кружками юных краеведов, в частности, в Хейванской средней школе. Н. И. Гумилевский со своими ребятами собрал на обширных пашнях уникальную археологическую коллекцию, содержащую огромное количество предметов, относящихся как к палеолиту, так и к неолиту, энеолиту и античности. Коллекции Н. И. Гумилевского, хранящиеся в нескольких школьных музеях, настоль-

153

ко интересны, что для их изучения к нему приезжают ученые Абхазии, Москвы и Ленинграда. Вслед за Н. И. Гумилевским нужно назвать имена А. С. Вознюка и В. А. Юшина (Сухум), В. И. Воротникова (Атара-Армянская), К. А. Миносяна (Гагра), Н. Я. Шония (Гал). Не следует забывать, что И. Е. Адзинба и А. Л. Лукин, опубликовавшие ряд значительных работ по археологии Абхазии, были также краеведами, да и вообще археология как наука имеет своим основанием труд краеведов - любителей старины. Как правило, разрушение древних памятников происходит бессознательно, поскольку население не подозревает о существовании в данном месте каких-либо следов прошлого. Иногда это единичные предметы из камня, кости, бронзы или железа, иногда керамика либо целые комплексы предметов - поселение, клад, могила. Во всех случаях краевед должен разъяснить, что нельзя ломать найденные предметы, терять их, отдавать для игры детям, а нужно бережно сохранить и передать затем в музей либо в местный отдел культуры. Передающий должен при этом дать подробные сведения об обстоятельствах находки, от точности которых зависят правильные исторические выводы и решение вопроса о необходимости дальнейшего изучения места находки. Краеведы могут и должны, наряду с разъяснительной работой среди населения о необходимости охраны памятников культуры, сами осуществлять выявление, учет и первичное изучение незарегистрированных и неизвестных науке объектов, передавая затем полученные данные в научные учреждения (16). Выявление новых памятников

необходимо начинать со сбора сведений среди местного населения: не находил ли кто-либо когда-либо что-либо в земле, не находили ли в окрестностях кости, каменные топоры и другие орудия, глиняные сосуды, бронзовые или железные вещи - украшения, кинжалы, мечи, топоры, ножи и т. д. Необходимо выяснить, нет ли поблизости каких-либо древних развалин, дольменов или холмов, на вершинах и склонах которых много битой глиняной посуды, где имеются древние кладбища, пещеры или гроты. Иногда с археологическими объектами связаны различные легенды и предания, которые также необходимо записывать. Большую помощь в поиске может оказать и местная топонимика (например: «абаааху» - «холм, где имеются руины» и т. д.).

Если у местного жителя дома окажутся какие-то случайно найденные предметы, следует убедить его передать эти вещи в музей вместе со сведениями, что, где, когда и кем было найдено.

После того как краевед соберет данные о каких-либо памятниках древности, ему необходимо самому проверить эти сведения и в соответствии с увиденным сделать уточнения в своих записях. При наличии в указанном месте следов памятника нужно провести по возможности их полную фиксацию. Здесь на помощь приходят планшет с миллиметровой, компас, рулетка, саперная лопат-

154

ка или нож. Найти места древних стоянок, селищ либо могильников значительно труднее, чем наземный памятник. Поэтому в поисках следов этих объектов нужно тщательно осматривать в указанном месте прежде всего канавы, распаянные участки, обрезы дорог, обнажения речных берегов и оврагов. Именно в таких местах легко обнаружить отдельные каменные орудия, обломки керамики, кости и другие предметы. Культурный слой обычно выделяется более темным, чем основной грунт, цветом из-за присутствия в нем большого количества включений угля, золы и других остатков материальной культуры.

В то же время следует помнить, что рыть ямы и вообще раскапывать обнаруженные памятники нельзя. Только на разрушенных участках можно произвести зачистки культурного слоя с целью определения его характера. Обязательно следует собирать предметы лежащие на поверхности или выпадающие из пенки обрыва. Одновременно краевед должен бороться с проявлениями кладоискательства.

В наиболее аварийном состоянии, на наш взгляд, находятся в настоящее время памятники, локализующиеся на берегу моря. Это положение связано с неотектоническими процессами - интенсивным опусканием (до 0,2-0,5 см в год) морского берега, так и с гидроэвстатическим поднятием (до 1 см в год) уровня Черного моря (99). В результате этих процессов множество памятников археологии - береговых поселений и их могильников размывается волнами, уходит под воду либо заболачивается. И здесь в выявлении и изучении гибнущих памятников могут помочь краеведы.

Описание обнаруженных памятников нужно проводить с учетом следующих данных (16; 201).

- 1) Наименование памятника, его характер, в том числе все местные названия.
- 2) Местоположение (район, сельсовет, населенный пункт, направление и расстояние от него, кто владелец участка и т. д.),

3) Местонахождение памятника с уточненной топографией (на берегу моря, реки, оврага, на вершине или склоне горы, холма, в лесу на опушке леса или на поляне и т. д., все данные в соответствии со сторонами света).

4) Внешнее описание памятника (форма, размеры, если культурный слой обнажен, то отметить распространение по площади и примерную толщину).

5) Характеристика собранных находок.

6) Сохранность памятника и не угрожает ли ему разрушение.

7) Когда и кем проведено первичное обследование.

Если возможно, следует сфотографировать памятник и набросать его схематический план.

Произведенные по изложенному вкратце плану обследования археологических памятников, обладая достаточной полнотой данных, представляют большой научный интерес и являются необходимой стадией изучения всякого памят-

155

ника, предшествующей его раскопкам. Поэтому нужно сделать так, чтобы результаты проведенных разведок были всецело использованы специальными организациями, охраняющими и исследующими древние памятники.

Каждый, имеющий какие-либо сведения о памятниках, должен наладить связь с соответствующими организациями, со стороны которых он в дальнейшем может получать помощь и руководство. Перечислим эти организации (применительно к исследуемой в данной работе территории).

1. Абхазское Общество охраны памятников культуры (г. Сухум, Дом Правительства, 1 корп., 3 этаж, ком. 7-9) *.

2. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И.Гулиа АН ГССР (пр. Руставели д. 28) **.

3. Абхазский государственный музей (ул. Ленина, д. 20)

* Здание Общества вместе с архивом было сожжено войсками Госсовета Грузии.

** Здание Института вместе с архивом было сожжено войсками Госсовета Грузии.

156

Библиографический указатель

1. Агафий, О царствовании Юстиниана, М.-Л., 1953.

2. Абрамова З. А., Элементы одежды и украшений на скульптурных изображениях человека эпохи верхнего палеолита в Европе и Сибири, МИА, № 79, 1960.

3. Адзинба И. Е., Архитектурные памятники Абхазии, Сухуми, 1958.

4. Альбов Н. М., Этнографические наблюдения в Абхазии, «Живая старина», вып. III, 1893.

5. Амброз А. К., Фибулы юга Европейской части СССР, «Археология СССР» (Свод археологических источников), вып. Д130, М., 1966.

6. Амиранашвили (Болтунова) А. И., Новая находка в низовьях Ингура, Тбилиси, 1935.

7. Антонович В. Б., Археологическая карта Тамбовской губернии, «Труды XI археологического съезда в 1889 г.», М., 1901.

8. Анчабадзе З. В., История и культура древней Абхазии, М., 1964.

9. Апакидзе А. М. Археологические раскопки в Бичвинта, «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси, 1953.
10. Апакидзе А. М., Бердзенишвили Н. З., Джапаридзе О. М., Гобеджишвили Г.Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А., Хоштария И. Е., Археология Грузии, Тбилиси, 1959.
11. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д., Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса, ТАИ, т. XXXIII-XXXIV, 1963.
12. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д., Отчет о работах Причерноморской археологической экспедиции в 1959 г.; «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси. 1960.
13. Археологическая карта Казахстана, АлмаАта, 1960.
14. Атлас ГССР, Тбилиси - Москва, 1964.
15. Багaley Д. И., Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии, «Труды XIV археологического съезда в Харькове в 1902 г.» т. I, М., 1905.
16. Бадер О. Н., Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения, М., 1938.
17. Бадер О. Н., Материалы к археологической карте горного Крыма, ТНИИКМР, т. 1, 1939.
18. Башкиров А. С., Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г., ИАНО, вып. IV, 1924.
157
19. Бердзенишвили К. И., Позднеантичная керамика из Цебельды, МАГК, II, 1959.
20. Бердзенишвили Н. З., Новые данные по палеолиту Абхазии, ТАИ, т. XXX, 1959.
21. Бейбуртян Е. А., По поводу древней керамики из Шреш-Блура, СА, III, 1937.
22. Бжания В. В., Древнейшая культура Абхазии (автореф. канд. дисс.), М., 1966.
23. Бжания В. В., История археологического изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии, МАА, 1967.
24. Бжания В. В., Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии, СА, № 1, 1966.
25. Бжания В. В., Могильник в Н. Гаграх, «Тезисы докладов научной сессии АГМ», Сухуми, 1964.
26. Бжания В. В., Энеолитическое поселение на горе Гуадику, «Тезисы докладов научной сессии АГМ, посвященной 50летию основания музея», Сухуми, 1965.
27. Бокучава Г. К., Несколько замечаний по поводу публикации М. М. Иващенко о герзеульском кладе монет Кесарии Каппадокийской, «Тезисы докладов научной сессии АГМ», Сухуми, 1964.
28. Болтунова А. И., Античные города Грузии и Армении, сб. «Античный город», М., 1963.
29. Болтунова А. И., Восстание Аникета, ВДИ, 1939, № 2.
30. Борисковский П. И., Древнейшее прошлое человечества, М. Л., 1957.
31. Бунак Б. В., Антропологический состав населения Кавказа, ВГМГ, т. XIII-А, 1947.
32. Бурчак-Абрамович Н. И., Фауна пещерных стоянок южной Абхазии, сб. «Пещеры Грузии», т. III, 1965.
33. Бюллетень АБНО, № 910, Сухум, 1925.
34. Бюллетень № 3 Распорядительного Комитета Первого съезда деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, Сухум, 1924.

35. Введенский А. Н., Замечания на записку В. Чернявского. Протоколы V археол. съезда в Тифлисе, М., 1879.
36. Ган К., Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе, ч. 1, Тифлис, 1884.
37. Гайдукевич В. Ф., История античных городов Северного Причерноморья, «Античные города Северного Причерноморья», т. 1, М. Л., 1955.
38. Гзелишвили И. А., Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии, САНГ, № 12, Тбилиси, 1947.
39. Голенко К. В., Денежное обращение Колхиды в римское время, Л., 1964.
40. Голенко К. В., Монеты из находок в Сухумской крепости, ТАИ, т. XXXIII-XXXIV, 1963.
41. Гулиа Д. И., История Абхазии, т. I, Приложение второе. Древнейшие сведения о Колхиде и колхах (Извлечение из древнегреческих и римских описаний Кавказа), Сухум, 1925.
42. Гунба М. М., К вопросу о локализации крепости Трахеи, ТАИ, т. XXXII-XXXIII, 1963.
43. Джавахишвили И. А., История грузинского народа, т. I, Тбилиси, 1951.
44. Джапаридзе О. М., Бронзовые топоры Западной Грузии, СА, т. XVIII, 1953.
158
45. Джапаридзе О. М., Дольменная культура в Грузии, ТТГУ, т. 77, 1959.
46. Джапаридзе О. М., К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры, Тбилиси, 1961.
47. Джапаридзе О. М., Ранний этап древней металлургии Грузии, Тбилиси, 1955.
48. Дьячков-Тарасов А. Н., Гагры и их окрестности, ЗКОИРГО, кн. XXIV, 1904.
49. Дюбуа де-Монпере Ф., Путешествие вокруг Кавказа, Сухум, 1937.
50. Ельницкий Л. А., Из исторической географии древней Колхиды, ВДИ, № 4, 1938.
51. Ельницкий Л. А., О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья, ВДИ, № 2, 1964.
52. Замятнин С. Н., Палеолит Абхазии, Сухуми, 1937.
53. Замятнин С. Н., Очерки по палеолиту, М.-Л., 1961.
54. Захаров С. А., Почвенно-географический очерк Абхазии, Сухум, 1930.
55. Зеест И. Б., Керамическая тара Боспора, МИА, № 83, 1960.
56. Иващенко М. М., Beitrage zur Vorgeschichte Abchasiens, ESA, t. 7. 1932.
57. Иващенко М. М., Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской, ИГАИМК, VII, вып. 10, 1931.
58. Иващенко М. М., Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, ИНИИК, вып. 3, 1935.
59. Иващенко М. М., К вопросу о местонахождении Диоскурии древних, ИАНО, вып. I, 1926.
60. Иващенко М. М., Новые археологические открытия в Абхазии, НиТ, № 5, 1936.
61. Иващенко М. М., Развалины в Псху, ИАНО, IV, 1926.
62. Иессен А. А., К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, вып. 120, 1935.
63. Иессен А. А., К хронологии Больших кубанских курганов, СА, XII, 1950.
64. Иессен А. А., Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века, МИА, № 23, 1951.
65. Иессен А. А., Сухумская экспедиция ГАИМК, СА, № 3, 1937.

66. Инадзе М. П., Города Колхиды в античную эпоху (Диоскурия), ТИИД, т. VI, вып. 2, 1962.
67. Инадзе М. П., К вопросу о самоуправлении приморских городов Колхиды античной эпохи, САИЕ, № 2, 1959.
68. Инадзе М. П., К вопросу о скептухиях Колхидского царства, САНГ, т. XXVI, № 6, 1961.
69. Инадзе М. П., К вопросу о торговле в древней Колхиде, КБС, т. II, 1962.
70. Инадзе М. П., К вопросу о характере развития городов Северной Колхиды, САНГ, № 6, 1959.
71. Инадзе М. П., К истории Грузии античного периода (Фл. Арриан и его сведения о Грузии), (Автореф. канд. дисс.), Тбилиси, 1953.
72. Инал-ипа Ш. Д., Абхазы, Сухуми, 1965.
73. Инал-ипа Ш. Д., К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии (по пережиточным этнографическим данным), ТАИ, т. XXV, 1954.
74. История Грузии (под ред. Н. А. Бердзенишвили), Тбилиси, 1958.
75. Каландадзе А. Н., Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954. 159
76. Капанадзе Д. Г., Грузинская нумизматика, М., 1955.
77. Капанадзе Д. Г., Нумизматические находки Пицундской археологической экспедиции за 1953-1959 гг., ВДИ, № 4, 1966.
78. Каухчишвили С. Г., Греческая надпись на сухумском светильнике, ТАИ, т. XXVIII, 1957.
79. Каухчишвили С. Г., Греческая надпись бичвинтской мозаики, САНГ, № 1, 1955.
80. Кинжалов Р. В., Резной сердолик ГосЭрмитажа (К вопросу об аномастике Закавказья III-IV вв. н. э.), сб. «Исследования по истории культуры народов Востока», М.-Л., 1960.
81. Клевакин Г., Гарпуны Холодного грота, «Вечерний Тбилиси», 4. XI.1960.
82. Козлов А. Л., Предварительный отчет о геологических исследованиях в б. Сухумском уезде в 1929 г.; Изв. Всесоюзн. геол.развед. Объединения», вып. 68. 1932.
83. Комаров А. В., Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 г., ИКОИА, II, 1884.
84. Комаров А. В., Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае, ИКОИА, I, 1882.
85. Коридзе Д. Л., К истории Колхидской культуры, Тбилиси, 1965.
86. Косвен М. О., Очерки истории первобытной культуры, М, 1957.
87. Круглов. А. П., Подгаецкий Г.В., Долининское поселение у г. Нальчика, МИА, №3, 1941.
88. Крупнов Е. И., Древняя история и культура Кабарды, М., 1957.
89. Крупнов Е. И., Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.
90. Крупнов Е. И., Древнейшее культурное единство Кавказа и Кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа), «XXVI международный конгресс востоковедов», М., 1963.
91. Кудрявцев О. В., Восточная политика Римской империи вначале правления Нерона, ВДИ, № 2, 1948.
92. Куфтин Б. А., Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941.
93. Куфтин Б. А., Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949.

94. Куфтин Б. А., Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950.
95. Куфтин Б. А., Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и КуроАраксский энеолит, ВГМГ, т. XIII, 1944.
96. Лавров Л. И., Дольмены северо-западного Кавказа, ТАИ, т. XXXI, 1960.
97. Латышев В. В., Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, С.Пб., 18931900.
98. Латышев В. В., Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II., С.Пб., 19041906.
99. Лашхия Ш. В., О неотектонических процессах в прибрежной зоне Абхазии, ТСПИ, т. IX, 1956.
100. Леквинадзе В. А., Оборонительные сооружения Себастополиса, СА, № 1, 1966.
101. Леквинадзе В. А., По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье, САНГ, X: 1, 1965.
102. Лев Д. И., Новые археологические открытия в Западной Грузии, ВЗ, № 3, 1935. 160
103. Леонид, архимандрит, Абхазия и ее христианские древности, М., 1884.
104. Литвинский Б. А., О принципах составления археологической карты Таджикистана, «Доклады АН Таджикской ССР», вып. 7, 1953.
105. Лихачев Д. С., Беречь памятники прошлого, «Нева»; № 3, 1963.
106. Ломоури Н. Ю., Греческая колонизация побережья Колхиды, Тбилиси, 1962.
107. Ломоури Н. Ю., Из исторической географии древней Колхиды, ВДИ, № 4, 1957.
108. Ломоури Н. Ю., К вопросу о торговых путях Грузии, ТИИД, т. IV, вып. 1, 1958.
109. Лордкипанидзе М. Н., Геммы Госмузея Грузии, IV, Тбилиси, 1967.
110. Лордкипанидзе О. Д., Античный мир и Древняя Колхида (к истории торгово-экономических и культурных взаимоотношений в VI-II вв. до н. э.), Тбилиси, 1966.
111. Лордкипанидзе О. Д., Предварительный отчет о разведочных археологических работах, проведенных в окрестностях озера Инкит, МАГК, т. III, 1963.
112. Лукин А. Л., Материалы по археологии Бзыбской Абхазии, ТОИПКГЭ, т. 1, 1941.
113. Лукин А. Л., Неолитическое селище Кистрик близ Гудаута, СА, XII, 1950.
114. Лукин А. Л., Эшерская находка, ТАИ, т. XXVII, 1956.
115. Марковин В. И., Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.), МИА, № 93, 1960.
116. Мацулевич А. А., Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте, ВДИ, № 4, 1956.
117. Меликишвили Г. А., К вопросу об этнической принадлежности кашков, М(О), т. III, 1953.
118. Меликишвили Г. А., К истории Тбилиси, 1959.
119. Меликишвили Г. А., Наири-Урарту, Тбилиси, 1954.
120. Миллер А. А., Разведка на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г., ИАК, вып. 33, 1909.
121. Минаева Т. Н., Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске, КСИИМК, XVI, 1947.
122. Норцев А., Историко-археологическая карта Тамбовской губернии, «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. 50, 1905.
123. Очерки истории Абхазской АССР. ч. 1, Сухуми, 1960.
124. «Памятники Туркменистана», № 1, 1966.
125. Паничкина М. З., Палеолит Армении, Л., 1950.

126. Пачулиа В. П., В краю золотого руна (исторические места и памятники Абхазии), М., 1964.
127. Пахомов Е. А., Клады Азербайджана, и других республик и краев Кавказа, вып. II, «Труды ИИЯЛ Азербайджанского филиала АН СССР», т. II (41), Баку, 1948.
128. Пахомов Е. А., Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа, вв. III-VIII, Баку, 1940-1959.
129. Пахомов Е. А., Монетные клады Азербайджана, вып. I, «Труды общества обследования и изучения Азербайджана», вып. 3, Баку, 1926.
130. Пиотровский Б. Б., Ванское царство (Урарту), М., 1959.
131. Пиотровский Б. Б., Поселения медного века Армении, СА, т. XI, 1949.
132. Пиотровский Б. Б., Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, СА, т. XXIII, 1955.
- 161
133. Плетнев А. А., Об остатках древности и старины в Тверской губернии (к археологической карте), Тверь, 1903.
134. Покровский Ф. В., Археологическая карта Гродненской губернии (приложение к I т. Трудов IX арх. съезда в Вильне), Вильна, 1895.
135. Прендель Р., Отчет о результатах экскурсии, произведенной летом 1878 года по прибрежной полосе Абхазии и Черноморского округа. Зап. Новороссийского общ. естествоиспытателей, Одесса, 1879.
136. Придик Е. М., Новые кавказские клады, «Материалы по археологии России», № 34, Петроград, 1914.
137. Прокопий Кесарийский, Война с готами, М., 1950.
138. Рабинович Б. З., Шлемы скифского периода, ТОИПКГЭ, т. I, 1941.
139. Рамишвили Р. М., Археологические раскопки в Бичвинта, МАГК, II, Тбилиси, 1963.
140. Рамишвили Р. М., Две бронзовые скульптурки из Бичвинта, МАГК, т. III, 1963.
141. Ростовцев М. М., Новые латинские надписи с юга России, ИАК, вып. 33, 1909.
142. Ростовцев М. М., Надпись из Сухума, ЗООИД, т. XXVII, 1907.
143. Семенов В., Полезные ископаемые и Минводы Абхазии, ТАИ, т. IV, 1934.
144. Сизов В. И., Восточное побережье Черного моря (Археологические экскурсии), МАК, вып. II, 1889.
145. Соловьев Л. Н., Археологические раскопки близ г. Очамчира в Абхазии, СА, № 4, 1937.
146. Соловьев Л. Н., Диоскурия-Себастополис-Цхум, ТАГМ, вып. 1, 1947.
147. Соловьев Л. Н., Древнее поселение Кистрик в Абхазии, Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР, (Тезисы докладов), Баку, 1965.
148. Соловьев Л. Н., Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа, сб. «Вопросы карста на юге Европейской части СССР», Киев, 1956.
149. Соловьев Л. Н., К вопросу о геологической датировке абхазского палеолита, БКИЧП. № 6-7, 1940.
150. Соловьев Л. Н., Надписи и изображения грота Агца у с. Анухва Абхазская, МИА, № 79, 1960.

151. Соловьев Л. Н., Нартский эпос и археология. Доклад зачитанный на заседании Кавказской группы Института археологии АН СССР, 1964. (рукопись).
152. Соловьев Л. Н., Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы - стоянки Воронцовской пещеры, ТАИ, т. XXIX, 1959.
153. Соловьев Л. Н., Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик, МАА, 1967.
154. Соловьев Л. Н., Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. ТАИ, т. XXXII, 1960.
155. Соловьев Л. Н., Орелкин В. С., Находка костей человека в гроте Хупынипшахва (Холодный грот) в Абхазии, ВА, вып. 6, 1961.
156. Соловьев Л. Н., Отчет об археологических раскопках на поселении Кистрик в 1963-1964 гг., Архив Абх. ИЯЛИ.
- 162
157. Соловьев Л. Н., Палеолитические стоянки долины р. Кодора в связи с историей Кодорской долины. «Выездная сессия ГРУЗ, филиала АН СССР в г. Сухуми 26 29 сент. 1940 г.», Тбилиси, 1940.
158. Соловьев Л. Н., Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района, ТАИ, вып. XXXI, 1960.
159. Соловьев Л. Н., Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии, СА, т. XIV, 1950.
160. Соловьев Л. Н., Следы древнего соляного промысла близ гг. Сухуми и Очамчире, ТАГМ, вып. 1, 1947.
161. Соловьев Л. Н., Следы нижнего палеолита на карангатской террасе между р. Адлер и с. Гантиади, ТАИ, т. XXX, 1959.
152. Соловьев Л. Н., Трапш М. М., Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти, ТАИ, т. XXXII, 1960.
163. Соловьев Л. Н., Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии, СМИА, т. 1, 1939.
164. Спицын А. А., Могильник V в. в Черноморье, ИАК, вып. 23, 1907.
165. Стражев В. И., Бронзовая культура в Абхазии, ИАНО, вып. IV, 1926.
166. Стражев В. И., Казантскому дольмену, ИАНО, вып. IV, 1926.
167. Стражев В. И., Руинная Абхазия, ИАНО, вып. 1, 1925.
168. Талицкая И. А., Материалы к археологической карте бассейна р. Камы, МИА, №27, 1952.
169. Талицкая И.А., Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья, МИА, № 35, 1953.
170. Трапш М. М., Археологические раскопки в Анакопии в 1957-1958 гг., ВВ, т. XIX, 1960.
171. Трапш М. М., Археологические раскопки в Анакопии ТАИ, т. XXX, 1959.
172. Трапш М. М., Археологические раскопки в окрестностях Сухуми, ТАИ, т. XXVI, 1955.
173. Трапш М. М., Мраморный барельеф из Сухуми, ВДИ, № 4, 1954.
174. Трапш М. М., Некоторые итоги археологического исследования Сухуми в 1951 1953 гг., СА, т. XXIII, 1955.
175. Трапш М. М., Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960-62 гг., ТАИ, т. XXXIII-XXXIV, 1963.
176. Трапш М. М., Новая археологическая находка в Абхазии, КСИИМК, вып. 53, 1954.

177. Трапш М. М., О некоторых итогах археологических исследований в с. Цебельда Сухумского района, ТАИ, т. XXXII, 1961.
178. Трапш М. М., Памятники колхидской и скифской культуры вс. Куланурхва Абхазской АССР, Сухуми, 1962.
179. Трапш М. М., Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г., ТАИ, т. XXXIII-XXXIV, 1963.
180. Тревер К. В., Памятники греко-бактрийского искусства, М.-Л., 1940.
181. Турчанинов Г. Ф., Древнейшая, IV в. н. э., осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталии из ГосЭрмитажа, ИСОНИИ, т. XXII, вып. IV, 1960.
- 163
182. Уварова П. С., Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Псховский участок, Путевые заметки, т. II., М.,
183. Уварова П. С., Могильники Северного Кавказа, МАК, VIII, М., 1900.
184. Фабрициус И. В., Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. 1, Киев, 1951.
185. Фелицин Е. Д., Археологическая карта Кубанской области, М., 1882.
186. Формозов А. А., Каменный век и энеолит Прикубанья, М., 1965.
187. Формозов А. А., Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе, СА, №4, 1963.
188. Формозов А. А., Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.
189. Хотелашвили М. К. О керамике Сухумской (Севастопольской) крепости (по материалам раскопок 1959 г.), Материалы научной сессии Аб. гос. музея, Сухуми, 1961.
190. Церетели Л., Об одной временной палеолитической стоянке, «Мацне», № 1, Тбилиси, 1966.
191. Церетели Л. Д., О раскопках пещеры Квачара близ с. Цебельда, Труды АН ГССР, Тбилиси, 1963.
192. Чайлд Гордон, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956.
193. Чернявский В. И., Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно, Протоколы V археологического съезда в Тифлисе, М., 1879.
194. Чернявский В. И., Ответ на замечания А. Н. Введенского по поводу моей записки «О памятниках Западного Закавказья» и дополнения, «Труды V археологического съезда в Тифлисе», М., 1881.
195. Шамба Г. К., Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахачхархва), (автореф. канд. дисс.), Тбилиси, 1966.
196. Шамба Г. К., Позднеантичные погребения нагорной Абхазии, СА, № 2, 1965.
197. Шамба Г. К., Фибулы из некрополя Ахачхархва, МАА, 1967.
198. Шанцер Е. В., Условия залегания и геологическая датировка абхазского палеолита, БКИЧП, № 67, 1940.
199. Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н., Исследование древнего Себастополиса, СА, №3, 1960.
200. Шервашидзе Л. А., Повесть о городе, взятом волнами, Сухуми, 1967.

201. Шмидт Е. А., Ходченков А. А., Археологические памятники и их охрана, Смоленск, 1961.

Сообщения

202. Адлейба С. М.
203. Белов П. А.
204. Бердзенишвили Н. З.
205. Берников Н. А.
164
206. Бжания В. В.
207. Бжания Ц. Н.
208. Вознюк А. С.
209. Воротников В. И.
210. Гзелишвили И. А.
211. Гумилевский Н. И.
212. Кациа А. К.
213. Минасян К. М.
214. Орелкин В. С.
215. Пачулиа В. П.
216. Лупсяков М. Г.
217. Соловьев Б. Л.
218. Соловьев Л. Н.
219. Трапш М. М.
220. Хагба О. Г.
221. Хотелашвили М. К.
222. Шамба Г. К.
223. Юшин В. А.
165

Список сокращений

- АбНИИ Абхазский научно-исследовательский институт имени Д. И. Гулиа АН ГССР (Сухуми).
АБНО Абхазское научное общество (Сухум).
АГМ Абхазский государственный музей (Сухуми).
АГМ, СШ, CVIII шифры коллекций экспедиции ГАИМК 1935 г.
АСГООПК Абхазский Совет Грузинского общества охраны памятников культуры (Сухуми).
БКИЧП Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, М.Л.
ВА Вопросы антропологии, М.
ВВ Византийский Временник, Л.
ВГМГ Вестник Государственного музея Грузии, Тбилиси.
ВДИ Вестник древней истории, М.
ВШ Веселовская средняя школа.

ГАИМК Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ Государственный Исторический музей (Москва).
ГМГ Государственный музей Грузии (Тбилиси).
ГШ Гагрская средняя школа.
ГЭ Государственный Эрмитаж (Ленинград).
ESA Eurasia Septentrionalis antiqua, Helsinki.
ЗКОИРГО Записки Кавказского отделения Русского Географического общества, Тифлис.
ЗМ Зугдидский музей (Зугдиди).
ЗООИД Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса.
ИАК Известия археологической комиссии, СПб.
ИАНО Известия Абхазского научного общества, Сухум.
ИГАИМК Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИД Институт истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР (Тбилиси).
ИНИИК Известия Научно-исследовательского института кавказоведения. Тбилиси.
ИКОИА Известия Комиссии обследования и изучения Абхазии, Сухум.
ИСОНИИ Известия Северо-Осетинского Научно-исследовательского института, Орджоникидзе.
166
КБС Кавказско-Ближневосточный сборник, Тбилиси.
КЛ Коллекция А. Л. Лукина.
КСИИМК Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, М.-Л.
ЛОИА Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАО Материалы по археологии Абхазии, Тбилиси.
МАГК Материалы по истории Грузии и Кавказа, Тбилиси,
МАК Материалы по археологии Кавказа, М.
МАЭ Музей антропологии и этнографии (Ленинград).
МИА Материалы и исследования по археологии СССР, М.
НиТ Наука и техника, Л.
М/О «Мимомхилвели» («Обозреватель»), Орган ИИД, Тбилиси.
СА Советская археология, М.
САНГ Сообщения АН ГССР, Тбилиси.
СМИА Сборник материалов по истории Абхазии, Сухуми.
ТАГМ Труды Абхазского государственного музея, Сухуми.
ТАИ Труды Абхазского Института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа АН ГССР, Сухуми.
ТИИД Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили, Тбилиси.
ТНИИКМР Труды Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы, М.
ТОИПКГЭ Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, Л.
ТСПИИ Труды Сухумского государственного педагогического института, Сухуми.
ТГТУ Труды Тбилисского государственного университета, Тбилиси.
ХШ Хеиванская средняя школа.

167

Географический указатель

А

- Аагста, поселок, Б37, 38.
Аапста (Баклановка), река, П36; Б90; А48.
Аацы, село, Б118.
Абаарук, урочище, П38.
Абгархук, село, Б84; А47, 4954.
Абгихдара, урочище, П104.
Абгуэра (Абгаюара), поселок, А38.
Абжакуа (Гнаденберг), А147, 148, 216.
Агудзера, поселок, Б230; А165.
Агурипста, река, Б213.
Агца, грот, П3840; Б129.
Адагуа, гора, Б241; А185, 216, 222; М59.
Адзлагара (Адзлагархук), поселок, Б66; А36, 37.
Адзлагара, река, Б61.
Адзыкуара, река, П104.
Адзюбжа, село, А218, 219.
Ажара, село, А215.
Азанта, село, Б250254; А194.
Азантское (Амткельское) озеро - см. Амткел.
Акармара, поселок, Б294.
Александровка, село, А216.
Алексеевка (Дзигута), село, Б219.
Алексеевское ущелье, Б218; А151154.
Амжассара, поселок, Б146; А91.
Амзара, поселок, А224.
Амткел (Захаровка), село, П88; А216.
Амткел, озеро, П85, 86; Б252, 253, 255; А192194, 196, 197. Анакомста, река, Б22.
Анакопия, крепость, В134; А77, 78; М15.
Анастасьевка, село, П64.
168
Андреевская пещера, Б199; А126, 128.
Андреевское (Апра), село, П57; Б200, 201; А131.
Анхуа, село, Б125128.
Анхуа Абхазская, село, П38; Б129.
Анхуа Средняя (Армянская), Б125; А64, 65.
Аныхамца, гора, Б133; А74.
Аныхапаара, гора, П62.
Апианда, село, А135.
Апианча, гора, П68, 69; А181, 216.
Апушта, урочище, П87; А197.
Араду, поселок, Б282.
Атара-Абхазская, Б267.

Атара-Армянская, П97, 98; Б268272; А220, 221; М66.
Афонская гора, П42, 43; Б139; А80, 81.
Ахьацраку, холм, А182, 216.
Ахбюк, гора, П52; Б192.
Ахвылаабаа, холм, Б218; А152.
Ахипса, селище, А128, 129.
Ахупач, гора, Б247, 248; А188.
Ахупшка, грот, Б133; А74.
Ахуца, село, Б273.
Ахыста, гора, А187.
Ацангуараашха, гора, Б130.
Ацварта, поселок, Б117.
Ацвындырта, поселок, Б97.
Ацкуара (Шквара), река, Б109.
Ачадара, село, Б160, 161.
Ачандара, село, П37; Б9098; 100; А55.
Ачгуара, село, П108, 112.
Ачкац, поселок, Б82.
Ачмарда, село, Л17, 18; Б2021; А8, 9; М3,
Б
Бабушера, поселок, Б234; М65.
Багадская скала, П92, 93; Б259; А209, 216.
Баграта замок, Б216; А145.
Бамборская поляна, Б5257; А2529.
Бармыш, село, П27.
Барнаут, поселок, Б231, 232; А168; М64.
Бароновка (Лапстаарха), поселок, П, 10, 11; Б1013; А13,
169
Барьял, река, П77, Б240, А181, 216.
Бат, гора, АШ5.
Баул, река, Б214.
Бebesыр, озеро, П107.
Бегерепста, река, А10.
Бедна, село, П109; Б295.
Белоснежка, пещера, П82, 89; Б249; А189.
Беслетка (Басла), река, Б187, 220; АИ, 121, 122, 140-142, 144146; М50.
Бжилва, см. Веселовка.
Бзыбский навес, П23.
Бзыбь, поселок, П22.
Бзыбь, река, П23, 24; Б3234, 211; А17.
Боговешта, село, П95.
Богопошта, село, Б233.
Бурджа, поселок, П65.
Бырцх, гора, П51.
В

Верещагина холм, Б143146; А8689.
Веселовка (Бжилуа), село, А64, 6668, 133.
Володаровка, село, А146.
Волчья, река, см. Дзегута.
Г
Гагида, поселок, Б306.
Гагра Новая, город, П20; Б2729; А1315.
Гагра Старая, город, Б2326; А11, 12; М4, 5.
Гал, город, П113; Б298301; А38; М70.
Галидзга, река, А234, 235.
Гантиади (Цандрипш, Пиленково), село, П16; Б19.
Гвард, гора, П63.
Георгиевское (Джампал), село, Б261; А205, 206, 216.
Герзеул, поселок, А173175, 216; М57.
Гнатенберг, см. Абжаква.
Голубое озеро, П23; Б33.
Гуадиху, гора, П48; В183186; А119, 120; М51.
Гуараб, горный массив, Б262; А207, 208, 216.
Гудаута, город, П33; Б55, 58, 6166; А3 135; М10.
Гудлоу, ручей, П35; Б90.
Гульрипш, село, Б231; А166168; М63.
170
Гумбиху, гора, Б197, 198; А126, 127.
Гумиста, река, П45, 46, 56; Б199, 205, 206; А93, 127-129, 136, 137, 204-206.
Гумрипш (Генрипш), река, Б204-206.
Гумская пещера, Б202; А132.
Гумуриш, село, А239; М69.
Гюэнос, город, А229.
Д
Дуаб, река, А228.
Дгамыш, река, Б274.
Джакуархуа, поселок, Б98.
Джалские пещеры, П103.
Джампал, река, П89, 91; Б256, 261, 262, 264; А198-202, 207-216.
Джампальский (Амткельский) грот, П89, 90; Б256;
Джгерда, село, Б273, 274; А226.
Джикумур, река, Б285, 286; А229.
Джимеле, река, Б249; А191.
Джирхуа, село, А23.
Дзегута (Волчья), река, Б221, 222; А155.
Дзышра (Серебряная), гора, П59; Б210.
Дзышта, ручей, Б71.
Дыдрипш, гора, Б99.
Дохарта, река, А48.
Дурипш, село, П35; Б69-70.

Ж

Жабна, поселок, Б49, 50.

З

Заган, село А234.

Звандрипш, село, П30; Б40-42; А24.

И

Иверская гора, А79, 80; М14.

Илор, село, П106.

Инкит, озеро, А18.

Ингур, река, Б302; А240.

К

Калдахуара, село, П2426; Б36; А20.

171

Каман, гора, П55; Б. 194; А125.

Каман, поселок, П96; Б196.

Кохора, село, М68.

Квезан (Куазан), село, П104; Б291293.

Келасур, река, П61,65,82-84; Б223,224,236,249; А156-162,169,189,190,216; М56.

Кеп-Богаз, урочище, П7375, А184.

Кесяновка, поселок, А187.

Кетванарва, река, Б278.

Кистрик, ручей, П31, 32; Б58-60; А30.

Клухорский перевал, Б266; А216.

Кодор, река, П64, 91, 96-99; Б260; А201, 204, 216-218, 222, 224.

Колхида (Пхасара), поселок, П21; Б31; А16.

Котловина (Рождественское), урочище, П80; Б247.

Кочара, село, Б277.

Краевичи Большие, поселок, П76; А185, 186, 216; М60, 61.

Красный Маяк, поселок, БГ56-159; А94-98.

Куланыхва, село, Б39-44; А71-81.

Кутол, село, Б278.

КучукСтамбул (Барнаут), поселок, А79; М16, 17.

Кюр-дере, поселок, П44; Б153; М20,

Л

Лабры, село, Б276.

Лапста, река, П57, 10-19; Б4, 6, 10-14; А13, 5; М2.

Лар, урочище, А191.

Лата, село, Б263; А2М.

Лашипсе, урочище, П41; Б130.

Лдзаа, село, Б35.

Лемса (Джимашта), П78, 79; Б243-246.

Леселидзе (Гечрипш), село, П14; Б. 13, 8, 9.

Лечкоп, поселок, П46; Б163-169; М21.

Лыхны, село, П34; Б67; А45.

М

Маденга, река, Б204.
Мачара, река, П78; Б225-229; А162-164, 170, 176, 181, 216.
Марамба, поселок, А216.
Марухский перевал, А216.
Меркула, село, Б283.
Мегадыр, поселок, П15.
172
Михайловское (Гума), село, П54; Б193; 195.
Михельрипш, село, П14.
Моква, село П100; Б280-282; А227.
Монаклук, поселок, П19.
Мцара, село, Б119, 120; -МП.
Мчишта, река, П28; Б37, 39, 43.
Мысра, река, Б131, 132, 133; А73, 75.
Н
Наа, село, П96, 99.
Нейдорф, поселок, Б149, М55.
Новочерниговка, село, Б224.
Новый Афон, поселок, Б130, 131, 133-138, 141; А75, 76; М14-19.
Набакев, село, М71, 72.
О
Октомбери (Барьял, Ольгинское), село, Б240.
Окум, река, П108, 110, 111; Б305.
Отап, село, П101.
Отсюш, гора, П68; Б201, 202; А133, 134.
Отхара, село, П28, 29; Б4348; А21.
Охурей, село, А235.
Очамчира, город, П105; Б280, 285-290, 305; А236; М67.
П
Пал, гора, П92, 94; Б258; А202, 203, 216.
Панавский (Кодорский) хребет, Б273.
Пацхирское (Ольгинское) ущелье, П71; Б238, 239; А172, 176, 177, 181, 216.
Пицунда, поселок, А19; М69.
Планта, поселок, П92; А201.
Полтавское, село, П65; Б236; А216.
Приморское (Арсаул, Петропавловское), село, Б104-106; А56, 64.
Прцха (Митилевка), гора, П80; Б247; А188.
Пскал, гора, А222, 223.
Псоу, река, П1, 9; Б1, 8; М1,
Псху, село, П59; Б212; А139.
Псырцха, село, Б140; А82.
Пхиста, река, Б18.
Пшп, село, Б233.
Пшоу, гора, А198.
173

Р
Ришевью, река, Б209-211.

С
Сабериио, село, 117; Б310.
Санчар, хутор, Б215.
Сатанжо, гора, Б308.
Серебряный, хутор, П59.
Синапли, поселок, А57.
Синоп, поселок, П60; А155; М53, 54.
Скурча, поселок, А217.
Сулево (Пшоуха), село, П12, 13; Б14-18; А4.
Сули, поселок, Б250, 251.
Сухум ГЭС, поселок, Б203.
Сухум, город, П47, 49, 60, 63; Б142, 147, 156, 160-162, 170-182, 194, 219; А99, 118, 133, 141, 443; М2254.
Схча, река, П89; Б266; А202, 216.

Т
Тагилони (Таглан), село, Б302-304; А240.
Тамыш, село, Б275; А225.
Тасраква, поселок, Б83; А46.
Ткуарчал, город, Б294.
Тхина, село, П102.

У
Учкур, река, А208210, 216.

Х
Хабью, поселок, П37, Б100-103.
Харикуара, река, А116.
Хашупсе, река, П17-19; Б20, 21; А6, 7.
Хейвани (Амзара), поселок, П49; Б48, 10.
Хипста, река, П35; Б51, 68.
Хожгейта, река, А129, 130.
Хуап, село, А22.
Хупына (Холодный), грот, П91, Б257.
Хуцурхуа, поселок, А55.

174

Ц
Царча, село, Б296, 297; А237.
Цебельда, село, П81; Б242; А176.
Цвындырта, река, Б96.
Цихерва, река, Б26; А13, 14.
Цугуровка, поселок, Б192.
Цумур, река, А136-138.
Цхир, село, П115.

Ч
Чацкал, урочище, П84; А190.

Чижоуш, гора, П66; Б235; А169, 170, 216.
Чина, село, Б258; А203, 204, 216.
Члоу, село, Б284; А228, 230.
Чинталук, поселок, А83, 84.
Чобанлук, поселок, Б121124; А64, 6972; М12, 13.
Чубурхиндж, село, П116; Б307, 309.
Чхалта, село, Б265; А212-214, 216; М62.
Чхуартол, село, П14.

Ш

Шапка, гора, П70, 72; А181, 216; М58.
Шакуран, река, 216.
Шубара, поселок, А130.
Шицкуара, река, П44; Б142; А85.

Э

Эжнепли, поселок, А58-62.
Эрисцкар, река, П113, 117.
Эшера, село, П44, 45; В143, 147-155; А90, 92.

Ю

Юрьевка Верхняя, поселок, А178, 179, 180.

Я

Ягиш, гора, П67; Б237; А171, 216.
Яштух (Яштхуа), гора, село, П49, 50, 52; Б188-191 А123-124.
175

Таблицы

Описание таблиц

Табл. I. Схема маршрутов автора по Абхазии в ходе подготовки «Археологической карты».

Табл. II. Вид на гору Адагуа, на гребне которой находится крепость Цибилиум (VI в. н.э.).

Табл. III. Вид на воротную башню Цибилиумской крепости со стороны р. Кодор. Влево по гребню, за которым расположен могильник III-VI вв. н. э., проходит тропа к вершине г. Адагуа. Вправо в зарослях скрыты остатки оборонительных и жилых сооружений. Высота башни 16 м.

Табл. IV. Арочный вход в двухэтажную башню № 2 (VI в. н. э.)

Табл. V. Фрагмент стены крупноквадратовой кладки башни № 1 (VI в. н. э.)

Табл. VI. Погребальные сооружения. 1-3. Б192 (1М1: 300; 2, 3М1: 100); 4-7. Б101 (4М1: 300; 5, 6М1: 100; 7М1; 6); 8-10. Б90(М1: 40); 11.Б206 (М1: 60); 12-13. Б209 (М1: 60); 14-15 Б212 (М1: 100); 16. Б212(М1: 40); 17. Б130 (М1: 500). Погребальные сооружения (1-2), погребальные обряды (3-8), гробы (9-10), селище Чижоуш1 (11). 1. Б242 (М1 1000); 2. Б236 (М1: 500); 3. Б144 (М1: 15); 4. Б79 (М1: 25); 5. Б153 (М1: 15); 6. Б159 (М1: 25); 7А197 (М1: 25); 7-8. А197 (7М1: 25; 8 М1: 15); 9. А111 (М1: 20); Ю.А186(М1:25); И.Б235,А169 (М1 1000).

Табл. VII. Планы крепостей (до н. э.). 1. Б238, А176; 2. А66; 3. А64. 4.А67; 5. А129; 6. А133; 7. А134; 8. Б241; 9. А138; 10. А127; 11. А190; 12. А126 (1,2,3,4,5,6,7,9,10,11,12М1: 1000; 8М1: 500)

Табл. VIII. Планы позднеантичных крепостей. 1. А112; 2. А19; 3. А11; 4 А115; 5-6. А78; 7. А181; 8. А178; 9-11. А185 (1, 2, 3, 5, 7, 8. 9 М1:2000; 4М1: 1000; 6М1: 500; 10, 11М1: 400).
176

Табл. X. Планы позднеантичных крепостей (1-7) и детали кладок до н. э. (8) и III-IV вв. н. э. (9-10). 1. А202; 2. А222; 3. А6; 4. А191; 5А195; 6. А197; 7. А187; 8. А176; 9. А181; 10. А78 (1, 3, 4, 5, 6, 7М1: 2000; 2М1: 1000; 8М1: 100; 9, 10М1: 40).

Табл. XI. Детали кладок (1, 2, 3, 4, 5 - III-IV вв. н. э. ; 6, 7 - V-VII вв. н. э.); разрез слоя Отсюш-1 (8) и хозяйственные изделия из камня (9-10). 1. А222; 2. А126; 3. А78; 4. А185; 5. А6; 6. А187; 7. А174; 8. А133; 9. А217; 10. А109 (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7М1: 40; 8М1: 20; 9, 10М1: 10).

Табл. XII. Ашельские (1-4, 7, 9) и мустьерские (5, 8, 10-13) кремневые орудия. 1-3, 9, П80; 4. П41; 5. П70; 6, 11, 12. П49; 7. П67; 8. П28; 10. П48; 13. П112(М1: 1).

Табл. III. Мустьерские (1-6, 8) и верхнепалеолитические (7, 9-21) кремневые орудия. 1. П62; 2. П49; 3. П80; 4. П85; 5. П70. 6. П87; 7. П48; 8. П84; 9. П25; 10. П21; 11-12, 15-16. П67; 13. П76; 14, 18. П27; 17. П28; 19, 21. П29; 20. П66(М1: 1).

Табл. XIV. Верхнепалеолитические (1-9), мезолитические (10-16, 25, 26), неолитические (17-24, 27-32, 35, 36) и энеолитические (33, 34, 37-44) кремневые орудия. 1, 8, 25. П67; 2. П72; 3, 6. П70; 4, 9. П97; 5. П87; 7. П71; 10-16, 26. П91; 17-24, 29. Б243; 27, 28. Б58; 30, 32. Б237; 31. Б43; 33. Б285; 34, 40, 44. Б133; 35, 36. Б208; 37-38. Б183; 39. Б235; 41, 42. Б20; 43. Б238(М1: 1).

Табл. XV. Наконечники дротиков и стрел (энеолит и эпоха бронзы). 1, 5. Б296; 2. Б53; 3. Б238; 4, 6. Б14; 7. Б10; 8. Б133; 9. Б7; 10. Б20; 11, 12, 18. Б188; 13.Б235; 14. Б247; 15. В221; 16. 285; 17. Б243; 19. Б2; 20. Б153(М1: 1).

Табл. XVI. Каменные (4-кремень) мотыги, топоры, тесла, шары (неолит, энеолит, бронза). 1. Б257; 2,3,16-18. Б58;4,19-23,25. Б183; 5,6, 9,10. Б6; 7, 12. Б5; 8. Б7; 11. Б8; 13,15,20,21. Б10; 14. Б225; 22. А181; 24. Б160(1М1: 1, 5; 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25М1: 2; 24М1: 4).

Табл. XVII. Орудия из камня. 1. Б6; 2. Б10; 3, 5-7, 17, 20. Б160; 4, 10. Б225; 8, 9. Б162; И. А181; 12, 13. Б58; 14, 15(АГМ); 16. Б247; 18. Б171; 19. Б249; 21. Б222; 22. Б244; 23. Б241; (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, И, 12, 15, 17, 20М1: 2; 13, 14, 16, 18, 19, 22, 23М1: 4; 20, 21М1: 3).

Табл. XVIII. Поделки из камня (1-16,28-29) и керамика (17-27,30-35). 1, 29. Б296; 2,6-8, 19,22,24-26. Б225; 3. Б269; 4. Б8; 5. Б7; 6, 16. Б183; 10, 11, 14, 15,21.Б160; 12.Б187; 13.Б257; 17. Б58; 18,

177

20. Б10; 23. Б285; 27. А91; 28.П30; 30: А66; 31-34. А197; 35. А174 (13, 14, 15М1: 1; 26-М1: 4; остальное М1: 2).

Табл. XIX. Керамика эпохи бронзы. 1, 2. Б23; 3. Б28; 4, 6-10, 12 15, 33, 35, 37. Б183; 5, 40, 44-47, 49, 52, 53, 55, 57, 58, 60-65. Б197; 11, 22, 36,41, 42, 56, 71 . Б285; 16-19, 23, 25, 26, 32, 34, 39, 50, 53,59,66-70. Б225; 20,21,24,27-31,38,43,54. Б160 (Б23, Б28 М1: 6; Б183, Б285, Б225, Б160М1: 2; Б197-М1: 1; 71М1: 4).

Табл. XX. Керамика эпохи бронзы. 1, 14, 21, 25, 29, 30-52, 43, 47, 48. Б285; 2, 9, 10, 12, 13, 19, 26, 27, 34^12, 44, 45, Б160; 3, 4, 6, 22-24, 46. Б197; 5, 7, 8, 11, 15, 16. Б225; 17, 18. Б183; 20, Б275; 28. Б201; 49. А197 (ранн. средневек.), (Б285, Б160, Б225, Б183, Б275, А197М1: 2; Б197М1: 1; Б201М1: 4).

Табл. XXI. Керамика эпохи бронзы. 1-3, 6, 27, 35, 39-42, 45,46,48-53, 55. Б225; 4,5, 7-11,13-15,20,21,24-26,28, 33, 36. Б285; 12, 16, 22, 47. Б183; 17-19, 31, 32, 37, 38, 43, 44, 56. Б160; 29, 34. Б197; 51, Б275; 54. Б105; 23. А195(М1: 2; 34М1: 1).

Табл. XXII. Керамика эпохи бронзы. 1,2, 5. Б250; 4, 6. Б252; 3, 7-12.Б153; 13. Б26; 14. Б284; 15, 17, 18. Б235; 16, 20, 21, 31, 34, 35, 38, 39. Б275; 19, 27. Б238; 22. Б244; 23. 37. Б186; 4. А181; 25, 28, 40. Б181; 26. Б218; 29. Б226; 30, 36. Б143; 32,33. Б296 (Б250, Б252, Б153, Б284-М1: 3; Б226-М1: 1; остальное-М1: 2).

Табл. XXIII. Керамика эпохи бронзы (1-16,21,24) и ранней античности. 1, 2,4, 7, 11-14, 16. Б275; 3, 5, 10. Б181; 6. Б296; 8. Б244; 9. Б241; 15,19,22,23,28,37. Б235; А169; 17. А222;. 18,27. А176;20,26. А181; 35. А90; 25, 36. А187; 29. А43; 30. А153; 31. А195; 32, 33. А202; 21, 24, 34. Б226; А163 (М1: 2; 21, 24, 35М1: 4).

Табл. XXIV. Античная местная керамика. 1-3. А153; 4-7, 9, 10, 18, 21, 22. А43; 8, 12-15.А176; 11. А163; 16, 17,38. А67; 19, 23. А66; 20. А64; 24, 28, 32. А133е; 25-27, 29, 33, 34. А133д; 30, 31, 35-37, 39-53. А133г; 54-56. А133в (2, 3, 10М1: 6; 25, 26,29, 30, 31,32,33,34,35,36,45,47,48,50,51,52М1: 1; остальное М1:2).

Табл. XXV. Античная местная керамика. 1-6. А133в; 7-10. А13-36; 11-13, 15, 16. А133а; 17-22, 37. А126; 14, 23-29, 36. А191; 30-32, 46. А222; 33, 34. А195; 35, 38, 39, 41-45, 47-49, 51. А181; 40, 50, 52, 53. А202 (5, 6, 15, 41, 46, 49, 50, 52М1:1; 10, 11, 12, 13, 14, 24, 25, 28, 29М1: 4; остальное - М1: 2).

Табл. XXVI. Античная местная керамика (могильники). 1, 10-13, 15-19. А181; 2, 7. А194; 3, 4, 6, 8, 21. А197; 5. А180; 9. А225; 14, 20, 24-26.А185; 16. А229; 22. А175 (2М1: 10; 19,23М1:3;21М1: 8; остальное М1: 4).

178

Табл. XXVII. Позднеантичная и раннесредневековая (30, 33-44) местная керамика (формы, орнаменты, клейма). 1-3, 5, 6, 8-13, 16, 18, 21, 25, 26, 28, 29, 31, 32. А181; 4. А195; 7, 14, 20. А191; 15, 24, 27. А197; 17. А194; 19. А112; 22. А185; 23. А200; 30, 33-35, 40. А174; 36-39, 41-44. А182 (1, 2, 25, 36, 37,41, 42, 43, 44М1: 4; 3М1: 10; 10М1: 5; 14, 15, 16, 21, 22, 28, 29, 38, 39 М1: 1; 23М1: 3; 31М1: 6; 32М1: 8; остальное М1: 2).

Табл. XXVIII. Импортная античная керамика. 1, 2, 4, 6, 10, 13, 15, 17, 18, 21-23, 26, 32, 35, 37, 39,40, 44-48. А229; 3, 9, 20, 24, 25, 27. А148; 5. А93; 7, 28, 30, 31, 38, 43. А106; 8. А119; 11. 14. А91; 12, 16. А164; 29,41,42. А176; 33, А (Анухва); 36. А153 (14, 17, 22, 26, 27, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 38, 39,40, 43, 44, 45, 46М1: 4; 49М1: 10; остальное М1: 2).

Табл. XXIX. Античная керамика (1,2, 4-14 с затонувших кораблей). 1, 2, 7, 8, 12. А29; 3. А89; 4-6, 9-11, 13, 14. А75; 15. А129; 16, 18, 20. А176; 17. А169; 21. А43; 22. А120; 23. А187; 19, 24. А163; 25, 27. А181; 26. А229; 28. А85 (15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 25. 27М1: 2; 21, 24, 26, 28М1: 4; остальное М1: 10).

Табл. XXX. Античная керамика из Севастополиса. 1-21, 23-25. А112; 22. А115 (19, 20, 21, 22, 23М1: 2; остальное М1: 3).

Табл. XXXI. Античная керамика из Севастополиса. 1-29. А112; 11, 13 14 М1: 1; 21М1: 4; остальное - М1: 3).

Табл. XXXII. Античная керамика из Севастополиса. 1-31. А112 (2, 3, 31 М1: 4; 16, 26, 29, 30М1: 1; остальное - М1: 3).

Табл. XXXIII. Античные предметы из Севастополиса: 1, 3-35. А112; 2. А181 (1, 5М1: 10; 2М1: 8; 3, 6, 14, 16, 17, 18, 19, 20М1: 1; 4 М1: 3; 21М2: 1; остальное М1: 2).

Табл. XXXIV. Бронзовые топоры. 1, 2Б153; 36. Б164, 165; 7Б284; 8. Б35; 9, 14, 16, 17. 20. Б67; 10. Б254; 11. Б72; 12. Б271; 13. 29. Б31; 15. D19; 18. Б180; 19. Б42; 21. 22. Б246; 23. Б126; 124. Б23Э; 25, 26. Б289; 27. Б222; 28. Б114; 30. Б65(М1: 3).

Табл. XXXV. Бронзовые топоры (кроме 25, 27-29 - железо), 1, 4. Б83; 2, 3. Б40; 5, 6. Б48; 7, 9. Б57; 8, 11, 28, 29. Б144; 10. Б233; 18. Б159; 12, 13. Б67; 14. Б35; 15. Б180; 16, 17. Б (Гудаутск. рн); 19, 21. Б289; 20. Б293; 22. Б223; 23. Б60; 24. Б93; 25, 26. Б65; 27. А36; 30. Б231; 31. Б219 (30, 31М1: 2; остальное М1: 3).

Табл. XXXVI. Железные топоры, бронзовые (21-26) и железные мотыги. 1. А42; 2. А (Гудаутск. рн); 3,6. А121; 4. А (Бамбора); 5. А153; 7. А119; 8. А118; 9, 20. А191; 10, 11, 13. А181; 12.А194.14.А196; 15. А14; 16. А197; 17. А207 (прорись); 18. А2201; 19. А19; 21. 179

Б303; 22. Б289; 23. Б282; 24. Б137; 25,26. Б304; 27,28. А185; 29. А211; 30. А (Гагра); (28,29,30М1:4; остальное М1: 3).

Табл. XXXVII. Железные мотыги, бронзовые серпы, сечки и отдельные предметы. 1. 4. А197; 2, 3. А220; 5. 6. А191; 7. А185; 8, 9. Б282 10-13. Б289; 14-16. Б303; 17-19, 25, 26, 33, 39, 40. Б289 20-24, 27-30; 32. Б233; 31, 38. Б307; 34. Б281; 35. 36. Б185 37. Б125; 41. Б76; 42. Б79; 43. Б155; 44. А79; 45. А59 (41, 42, 43, 44, 15М1: 1; остальное М1: 3).

Табл. XXXVIII. Бронзовое и железное оружие. 1-4, 6, 7, 18, 41-43. Б153; 5. Б250; 8, 9, 12. Б124; 10, 11, 45. Б57; 13. Б100; 14. А84; 16. Б48 17. Б190; 19. Б233; 20. А88; 21, 24. А118; 22, 23. А119; 25 А151; 26-36. А181; 37. А30; 38. 39. А191; 40. А226; 44. Б29 46. Б144; 47. Б106; 48. Б (Анухва); 49. Б169; 50. Б230; 51. Б79 52. А42; 53. А53; 54. Б138 (1, 2, 3, 4, 6,43, 44, 46, 47, 48М1: 3 5,7, 8, 9, 12, 13, 14, 16, 17, 19, 26, 28, 51, 52, 53, 54М1: 2; 20, 24, 25М1: 5; 50М1: 6; 18М1: 2, 5; остальное - М1: 4).

Табл. XXXIX. Железное оружие, бронзовые части поясов и булавки (30, 31). 1. А16; 2, 17. А71; 3, 5. А118; 4. А119; 6. А197; 7-10, 13, 16, 33. А181; И. А14; 12, 34. А3; 14, 15, 28, 30. А42; 18. Б191; 19. Б104; 20, 23,25,26. Б233; 21. Б147; 22. Б118; 24. Б190; 27. Б57; 29. Б153; 31. Б (Гудаутск. рн); 32. А (Гудаутск. рн) (1М1: 3; 2, 3, 4, 5, 18М1: 5; 6, 10М1: 8; 7М1: 10; 12М1: 4; 14, 15, 16, 17, 30, 32, 33, 34М1: 1; 29М1: 2, 5; остальное - М1: 2).

Табл. XL. Детали поясов, булавки и фибулы. 1-3, 5, 8, 11. А191; 4, 6, 7, 9, 10, 12, 33. А181; 13-18. А197; 19. Б252; 20-22. Б153; 23. А58; 24. Б154; 25. А69; 26. Б135; 27. А48; 28. А42; 29. 30. А57; 31. А59; 32. Б191; 34. А1 (19, 28, 33М1: 2; 20, 22М1: 3; 26М2: 3; 27, 31М3: 4; остальное - М1: 1).

Табл. XLI. Фибулы и туалетные наборы (29-31). 1, 2. А185; 3-6, 10-12, 14-19, 21, 29. А181; 7. А168; 8, 13. А3; 9, 25-28. А197; 22. А1; Б191; 34. А1 (19, 28, 33М1: 2; 20, 22М1: 3; 26М2: 3; 27, 31М3: 4; остальное - М1: 1).

Табл. XLII. Шейные гривны и браслеты. 1. Б169; 2. Б115; 3. Б203; 4. Б124; 5. А72; 6. А51; 7. А12; 8, 24, 25. А119; 9, 23, 26. А69; 10. А181; 11 (а, б). А181; 12(а, б), 13. А191; , 14, 15. Б57; 16. Б50; 17. Б103; 18. А65; 19. А40; 20-22. Б79; 23, 26, 28, 29. А69; 27. А72; 30-33. А54 (1, 11, 12М1: 4; 2М1: 3; 3, 4, 5, 7, 8, 10, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 24, 25М1: 2; остальное - М1: 1).

Табл. XLIII. Браслеты. 1-7. Б191; 8. А (Чобанлук); 9, 22. А (Гудаутск. рн); 10. А101; 11. А150; 12. А (Сухуми); 13. А45; 14. А65; 15.

180

А10; 16. А176; 17, 18, 21. А168; 19. А40; 20. А83; 23, 25, 27, 29-31. А79; 24. А40; 26. А181; 28. А72; 32. А175 (12, 14, 15 М1: 2; остальное - М1: 1).

Табл. XLIV. Браслеты и другие украшения (4, 24, 25, 29, 32 - золото; 8, 14, 28, 30, 33, 34, 35 - серебро; остальное - бронза). 1, 27. А175; 2. 6, 7, 9, 10, 14, 15, 29, 30, 33-37. А181; 3-5. А3; 8, 26, 28, 31. А12; 11. А203; 12, 13. А216; 16. Б79; 17. Б153; 18, 19. Б252; 20. Б154; 21. Б123; 22. Б191; 23. Б190; 24, 25, 32. Б307 (5М2: 1; 15, 16, 18, 19М1: 2; остальное - М1: 1).

Табл. XLV. Кресты, перстни, колокольчики, предметы конской сбруи (1,4, 12, 14 - серебро; 13 - золото; 28, 32, 35, 36, 37, 39 г - железо; остальное - бронза). 1, 4, 9-11, 14, 20-22, 24, 32, 35- 39. А181; 2. А12; 3. А174; 5. А21; 6-8. А41; 12. А83; 13. Б307; 15. Б118; 16-18. Б191; 19, 33. А119; 23. Б159; 25-31. А165; 34. А197 (28, 31, 32М1: 2; 36М1: 3; остальное - М1: 1).

Табл. XLVI. Предметы культа, защиты, хозяйства (16, 17, 18 - железо; остальное - бронза). 1. Б155; 2,3. Б144; 4,5. А152; 6. Б106; 7-9.А158; 10. А90; 12. Б289; 13.Б113; 14.Б246; 15,17. А3; 16. А191; 11, 18-20. А181; 21. Б57 (1,3,21М1: 2; 2,15М1: 5; 4М1: 10; 5, 20М1: 1; 6,7, 8,9,10,16,17М1:4; 11,12, 13,14,18М1: 3; 19М1: 6).

Табл. XLVII. Посуда, бусы (1, 2, 3, 4, 5, 7,23, 24, 25, 26, 34 - бронза; 6, 8, 9, 10 - серебро; 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 29, 30, 33 - стекло; 27, 36, 37 - кость; 28 - золото; 32, 35, 38 - паста; 31 - хрусталь; 39 - каменная буса с печаткой, вариант чтения иероглифа: китайский почерк «кайши» (III-VI вв. н. э.), звучание: «бень» (пятая тональность), перевод: «корень», «император»; 1, 5, 26. Б57; 2. Б307; 3. Б93; 4. Б135; 6. А34; 7, 9-22, 34-39. А181; 23. Б252; 24. Б153; 25. Б196; 27, 28. А90; 29. А176; 30. А185; 31. А83; 32, 33. А197 (1, 2, 6, 11, 12, 18, 21М1: 3; 5, 8, 9, 13, 14, 15, 16, 17, 22, 23, 26, 31М1: 2; 7М1: 5; 19, 20М1: 4; остальное - М1: 1).

Табл. XLVIII. Предметы культа. 2. Б154; 3. Б79; 1 (А, Б, В, Г, Д), 10. Б57; 4, 7. Б48; 5. Б83; 6, 9. Б40; 8, 11, 12.Б56(1М1: 16; А, Б,В, Г, Д -М1: 2; 2М2: 1; 3,4, 5, 6, 7, 8, 9, 11М1: 1; 10М1:2; 12М1: 1,5).

Табл. XLIX. Схема хронологических соотношений археологических памятников Абхазии.
181

Табл. I

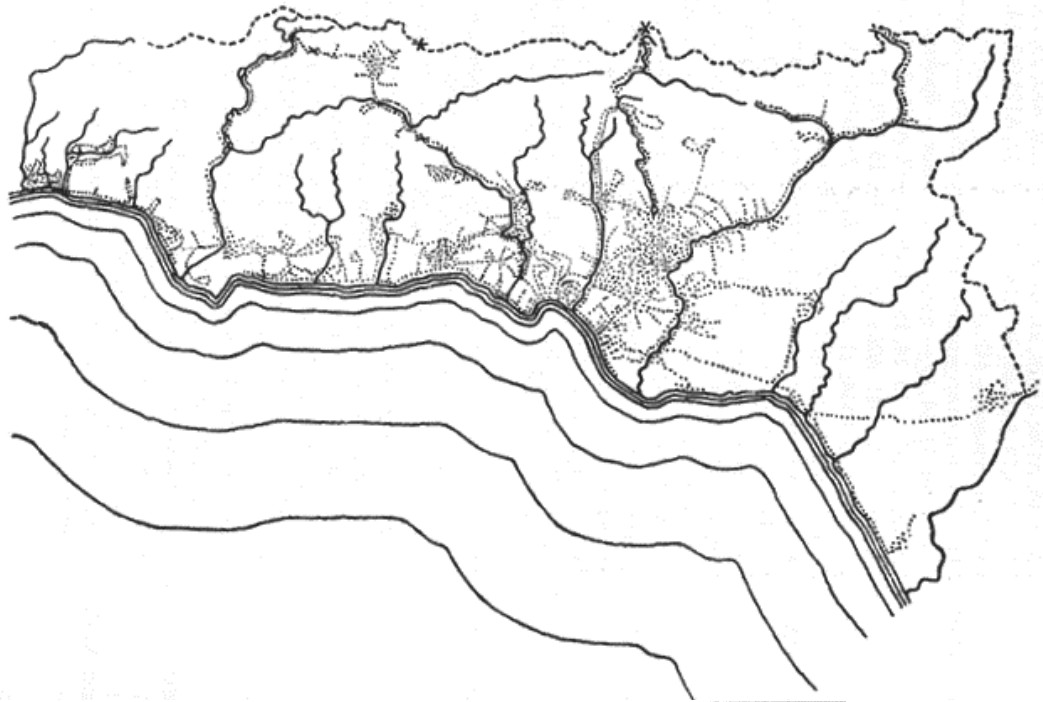

Табл. II

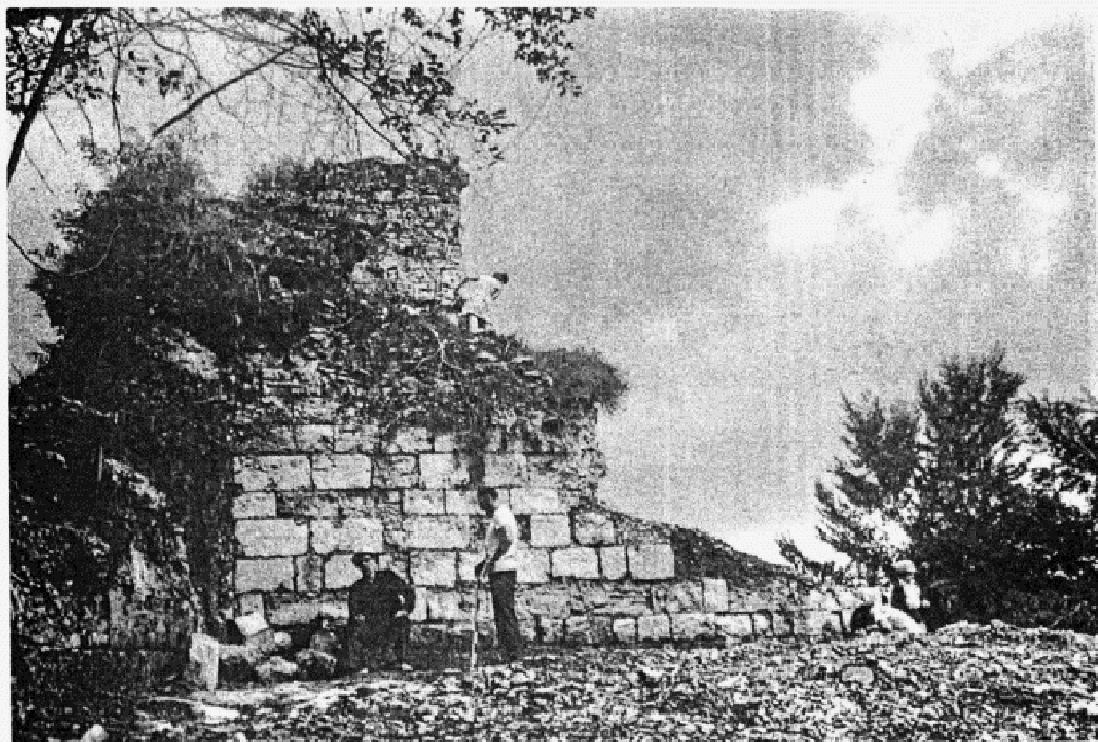
Табл. III

Табл. IV

185

Табл. V

186

Табл. VI

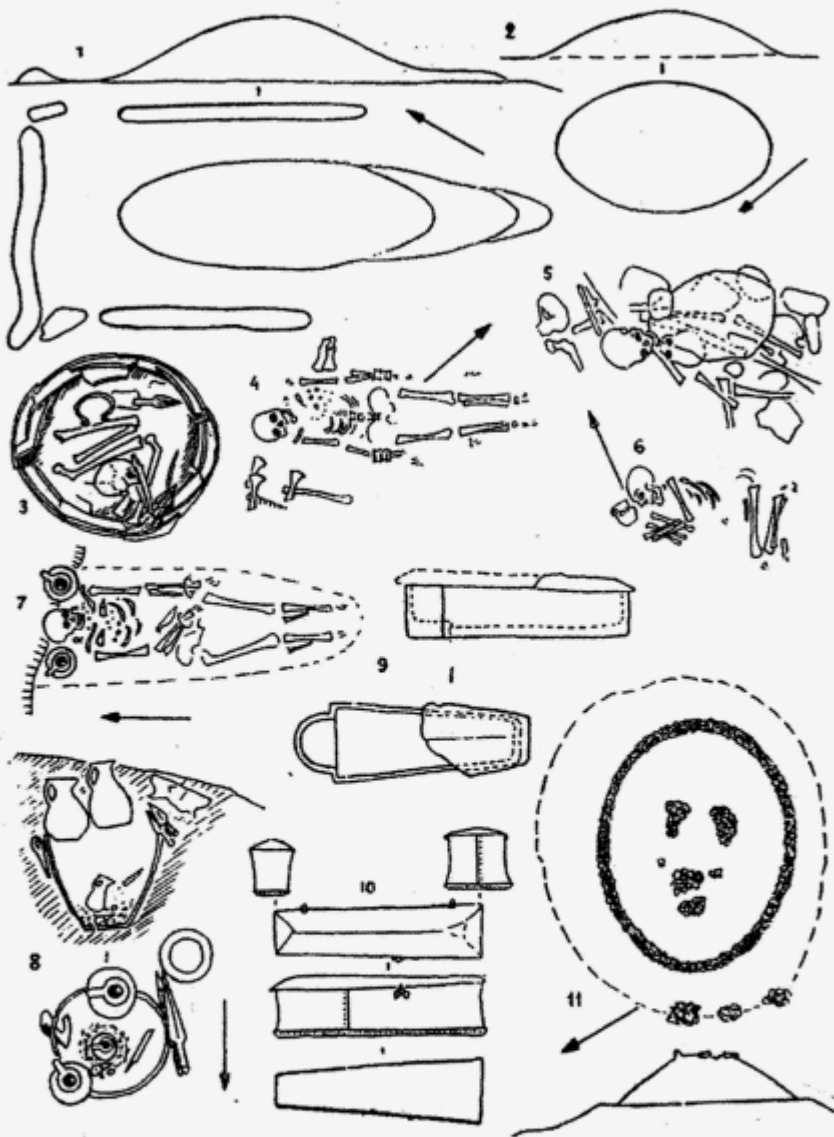

Табл. VII

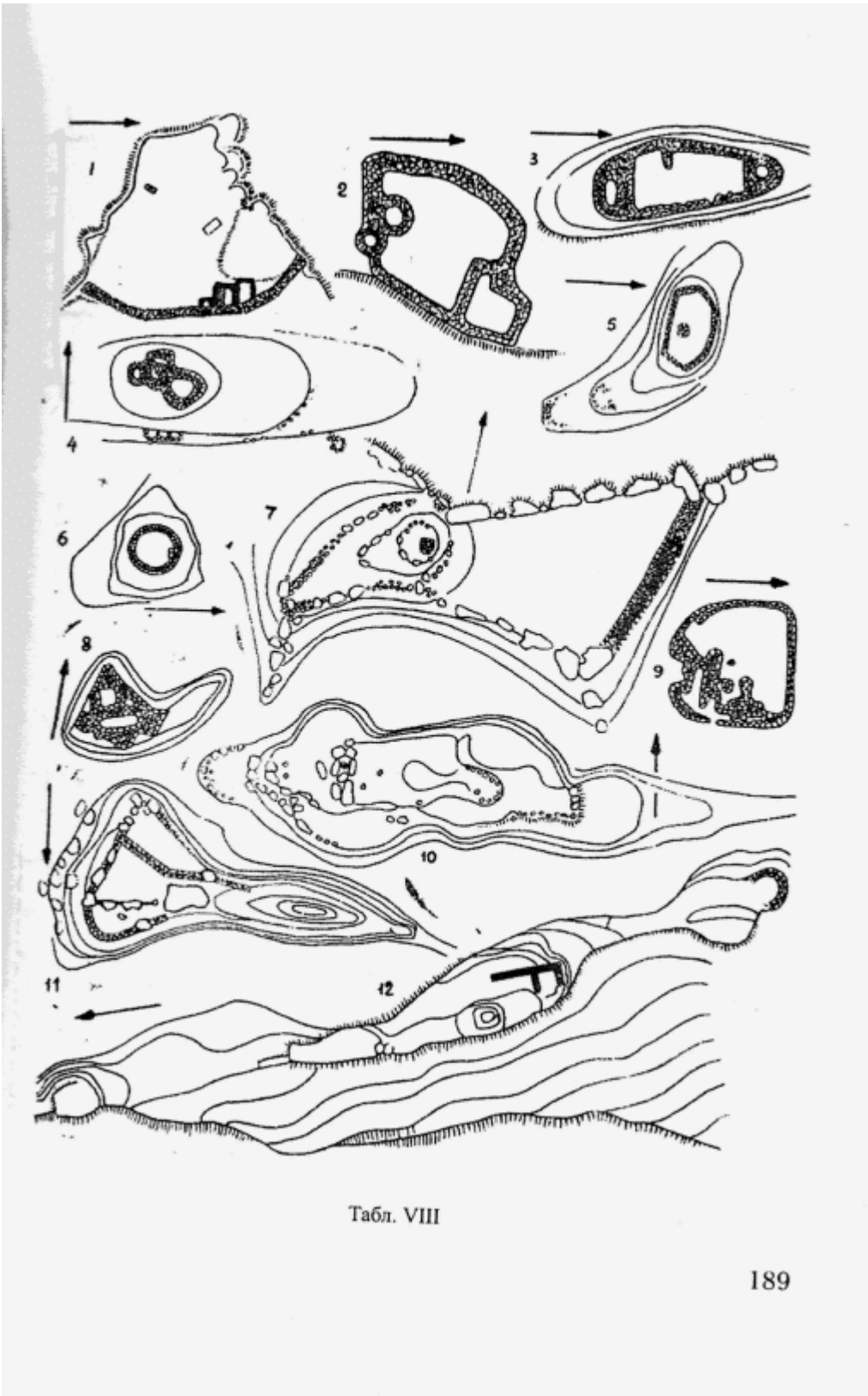

Табл. VIII

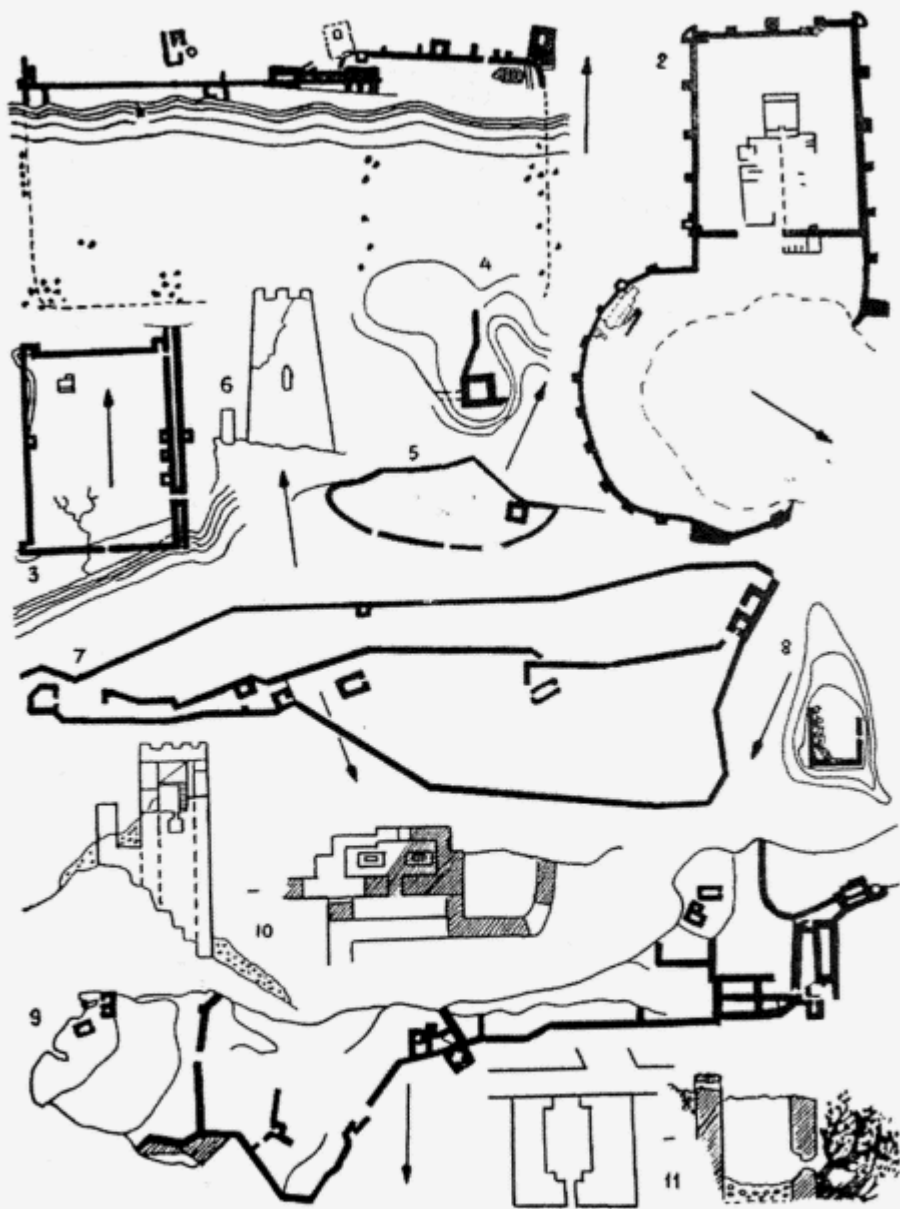

Табл. IX

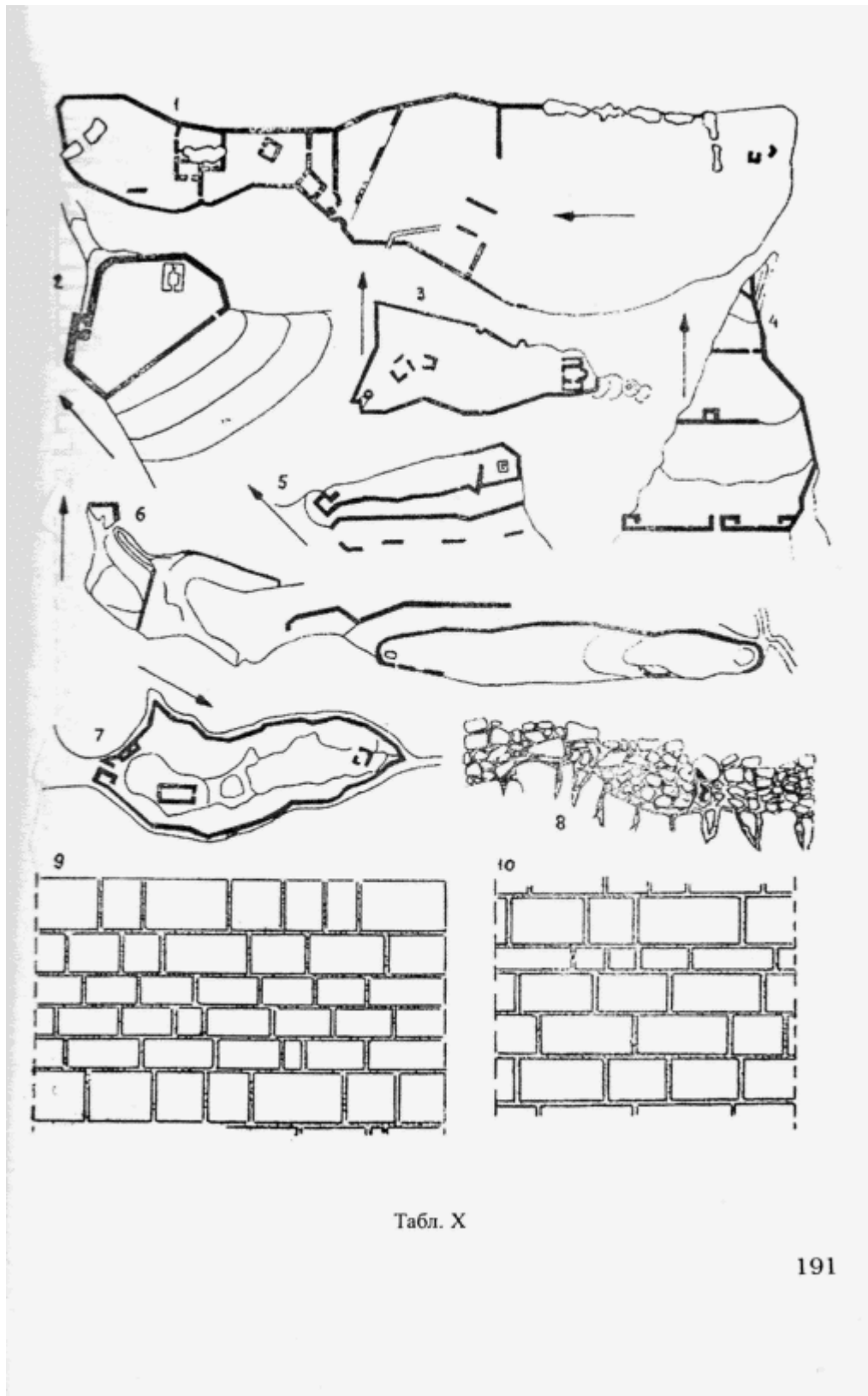

Табл. X

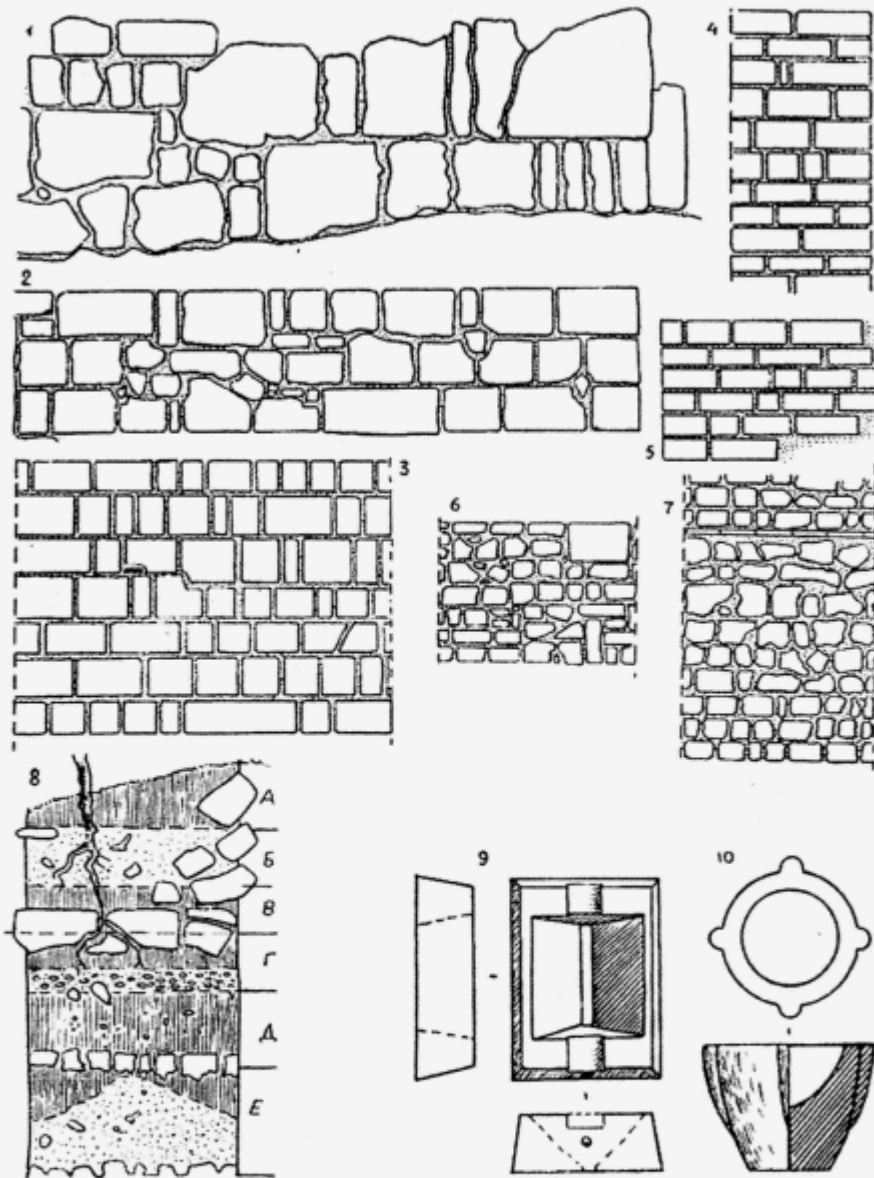

Табл. XI

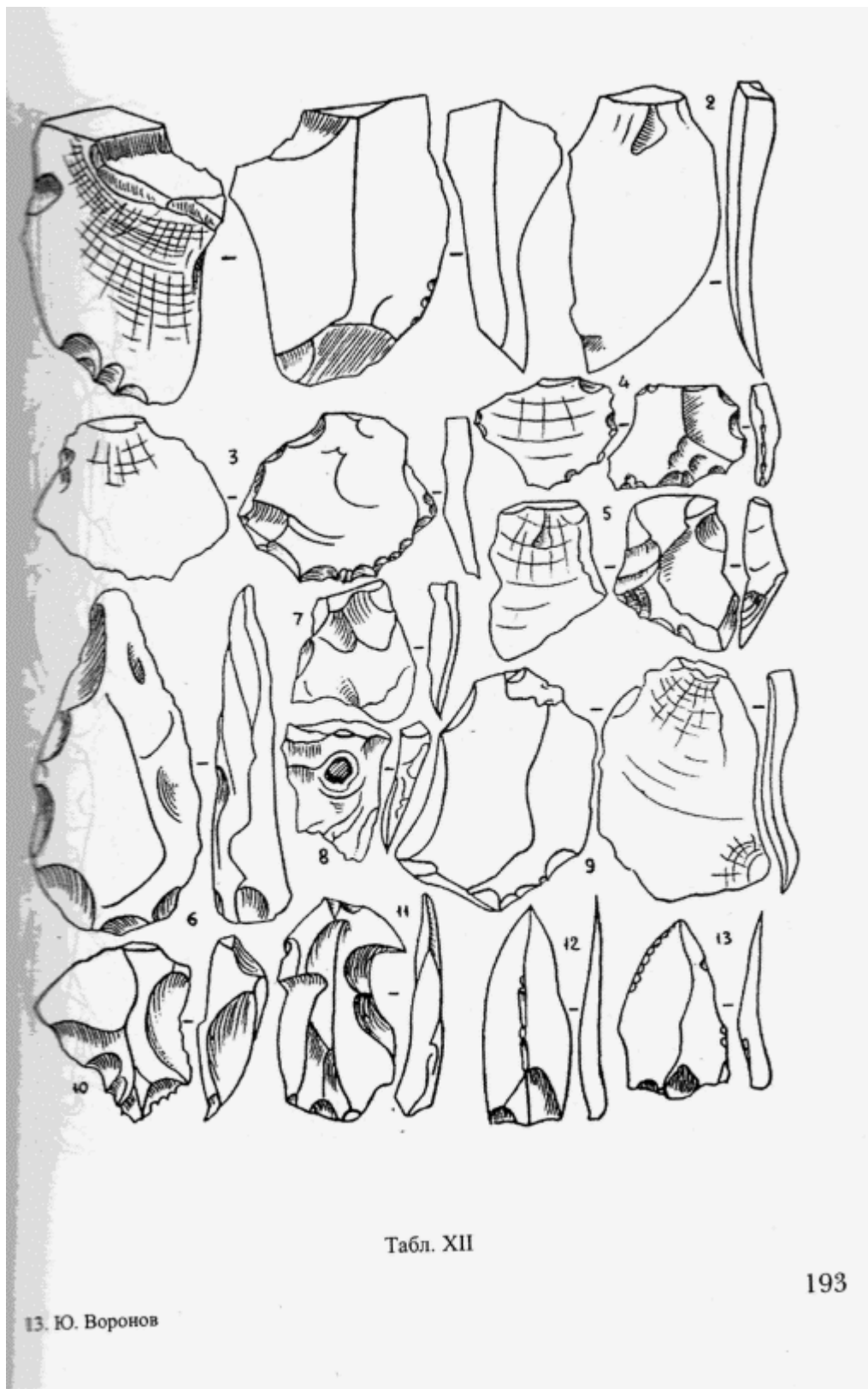

Табл. XII

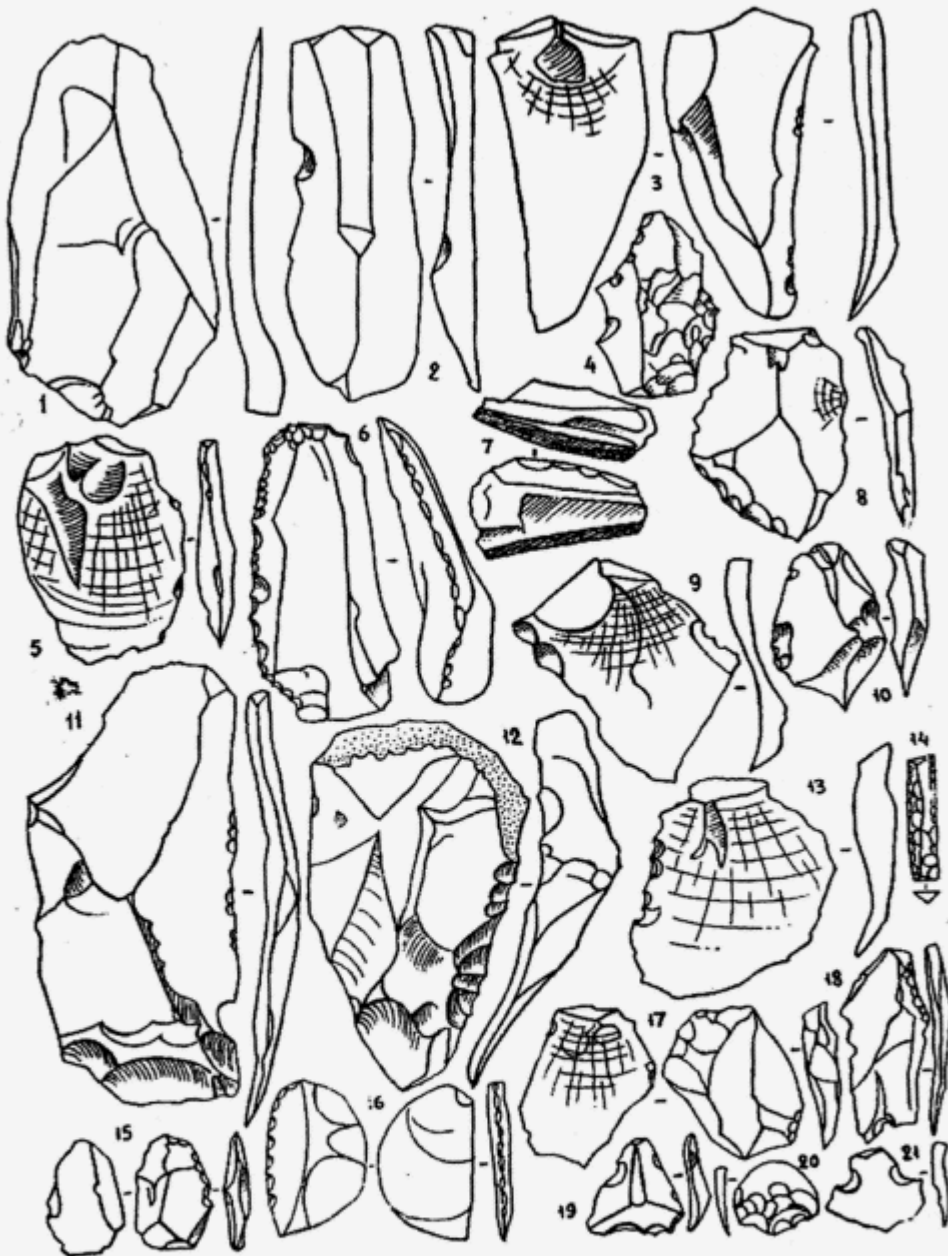

Табл. XIII

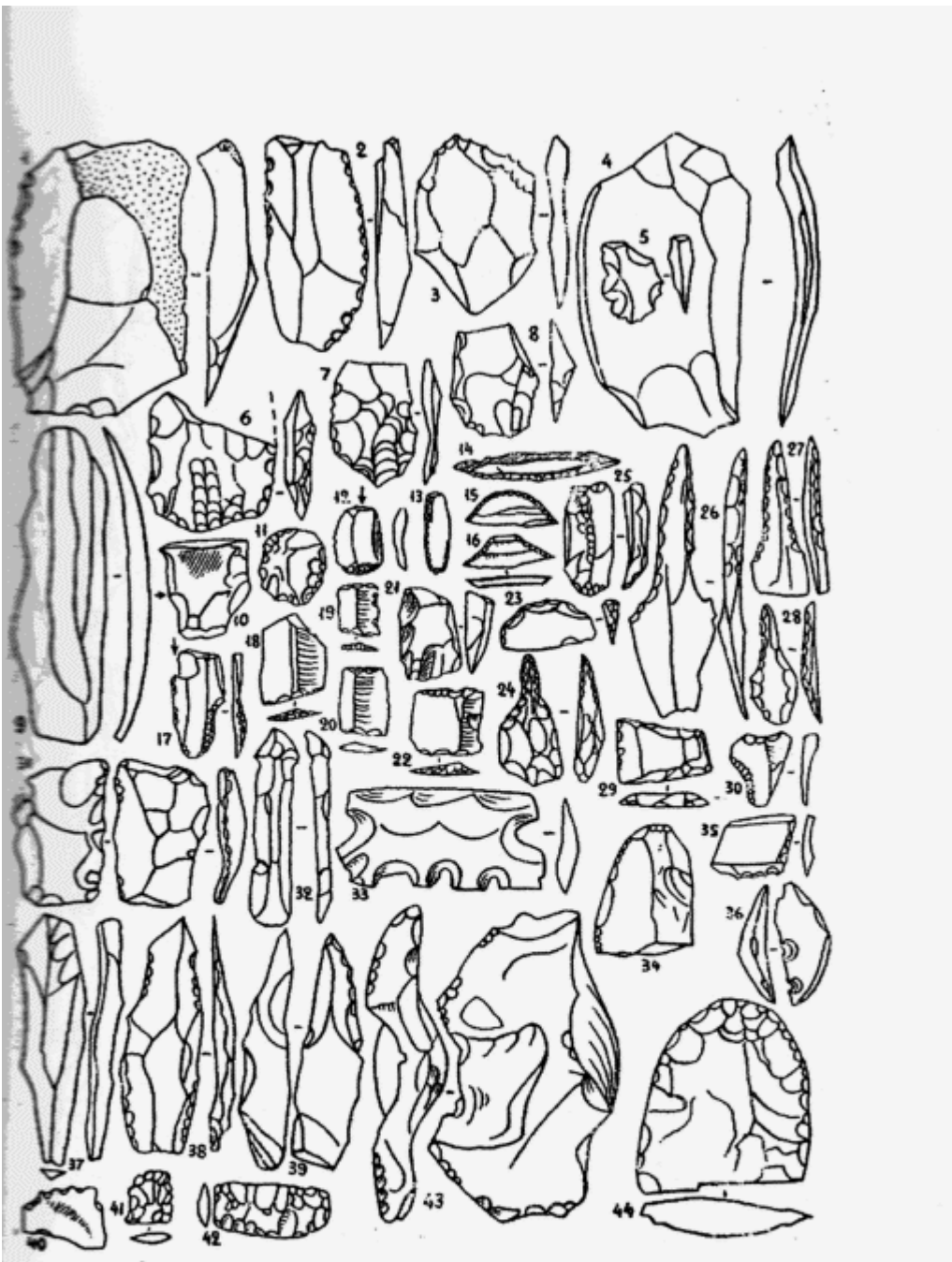

Табл. XIV

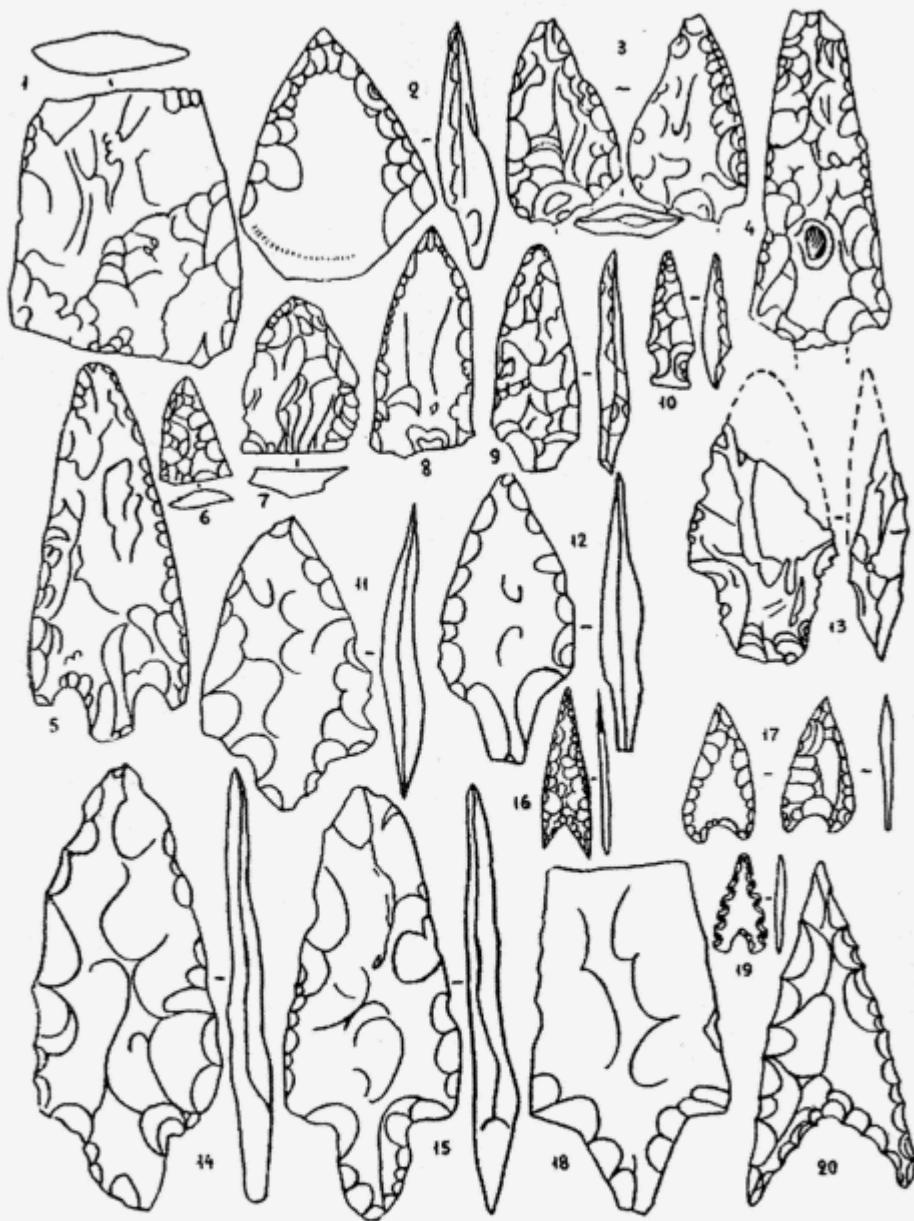

Табл. XV

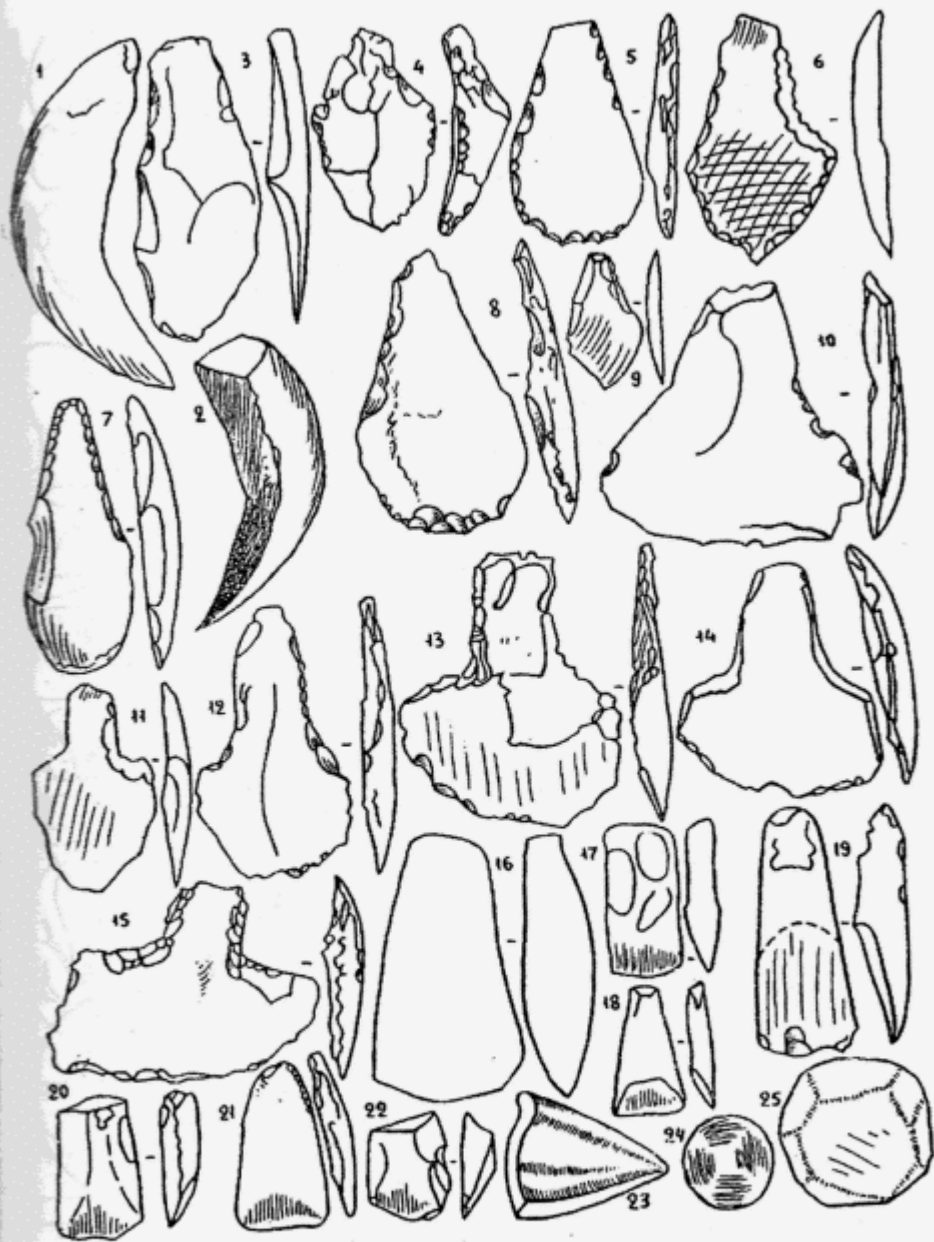

Табл. XVI

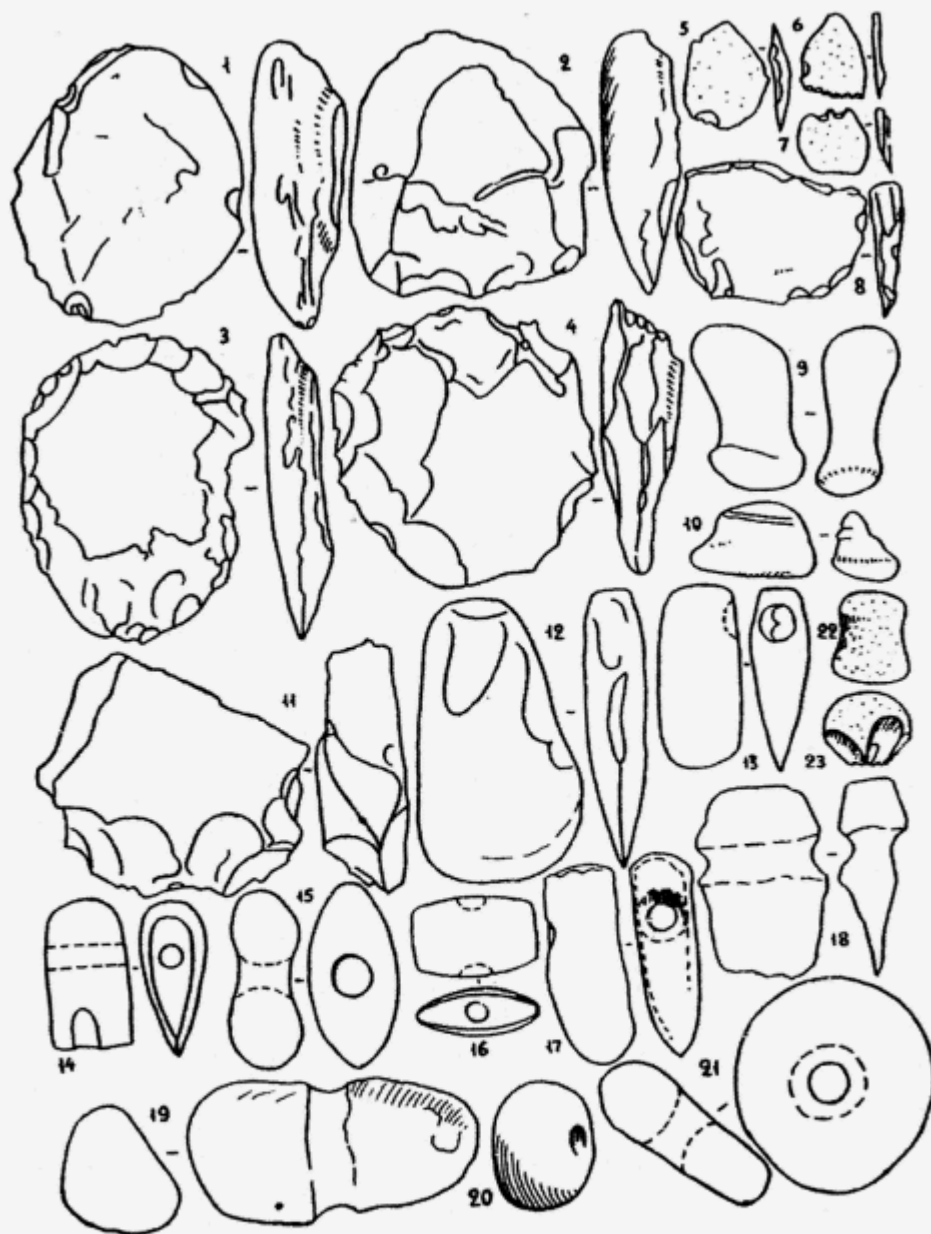

Табл. XVII

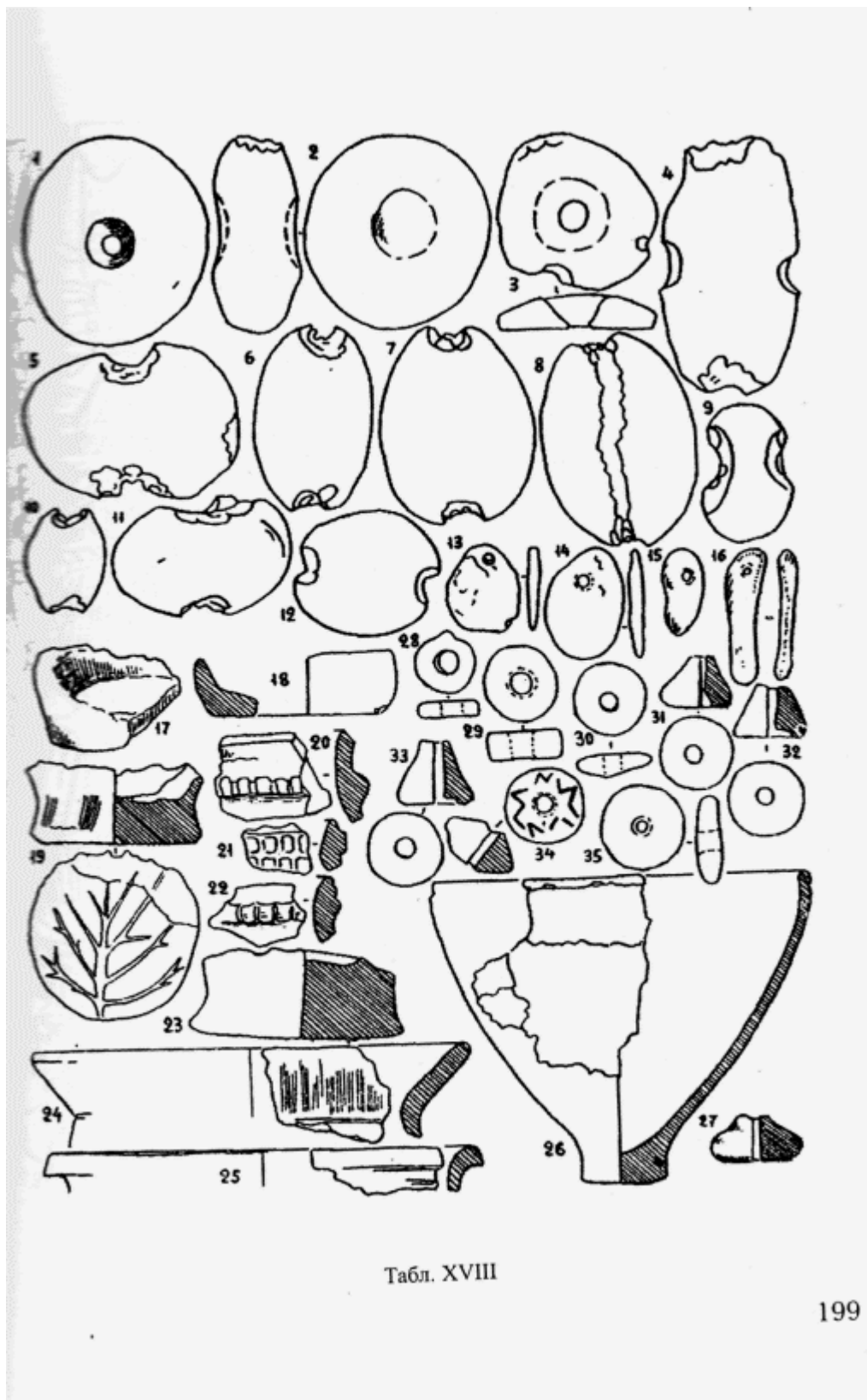

Табл. XVIII

Табл. XIX

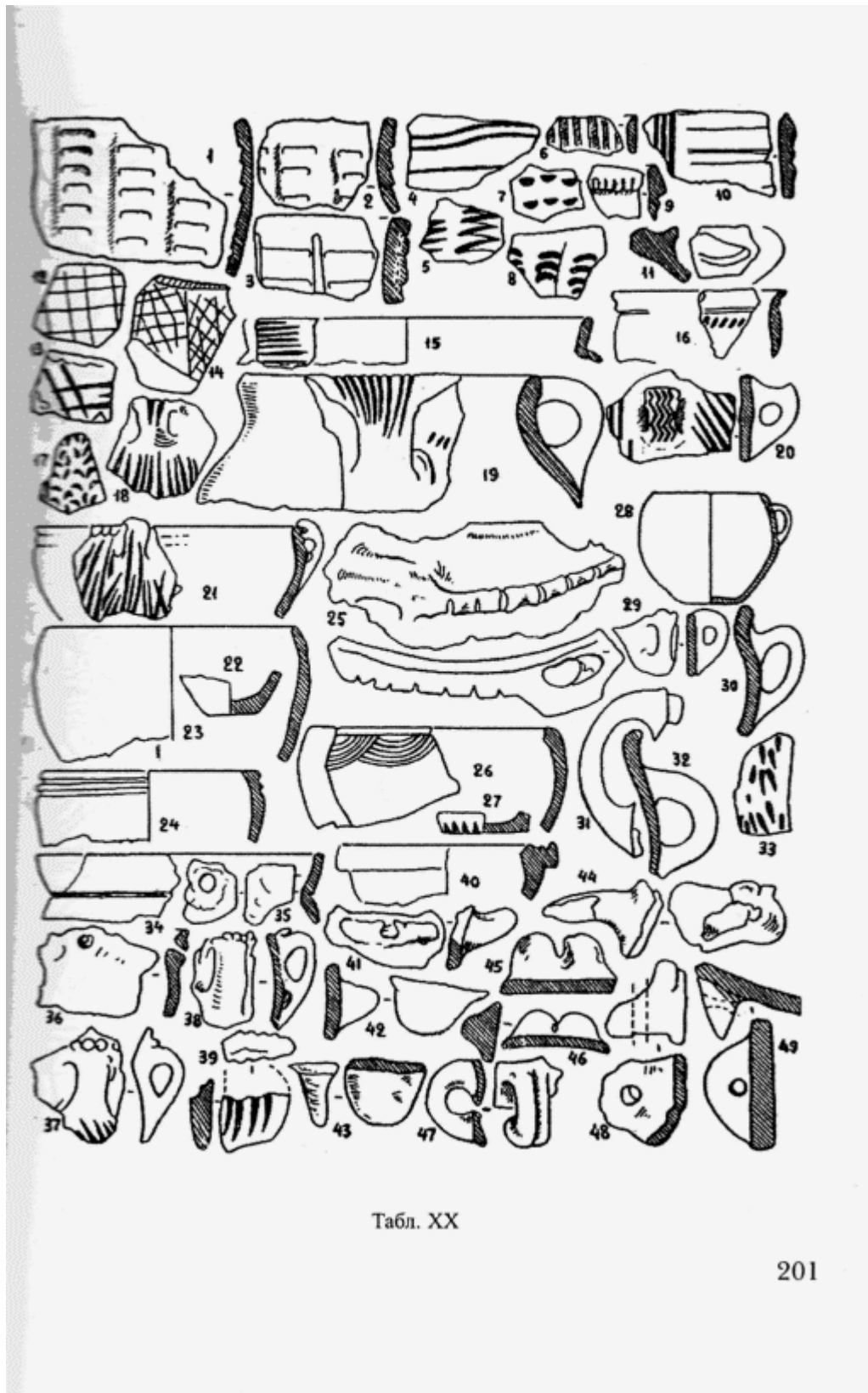

Табл. XX

Табл. XXI

Табл. XXII

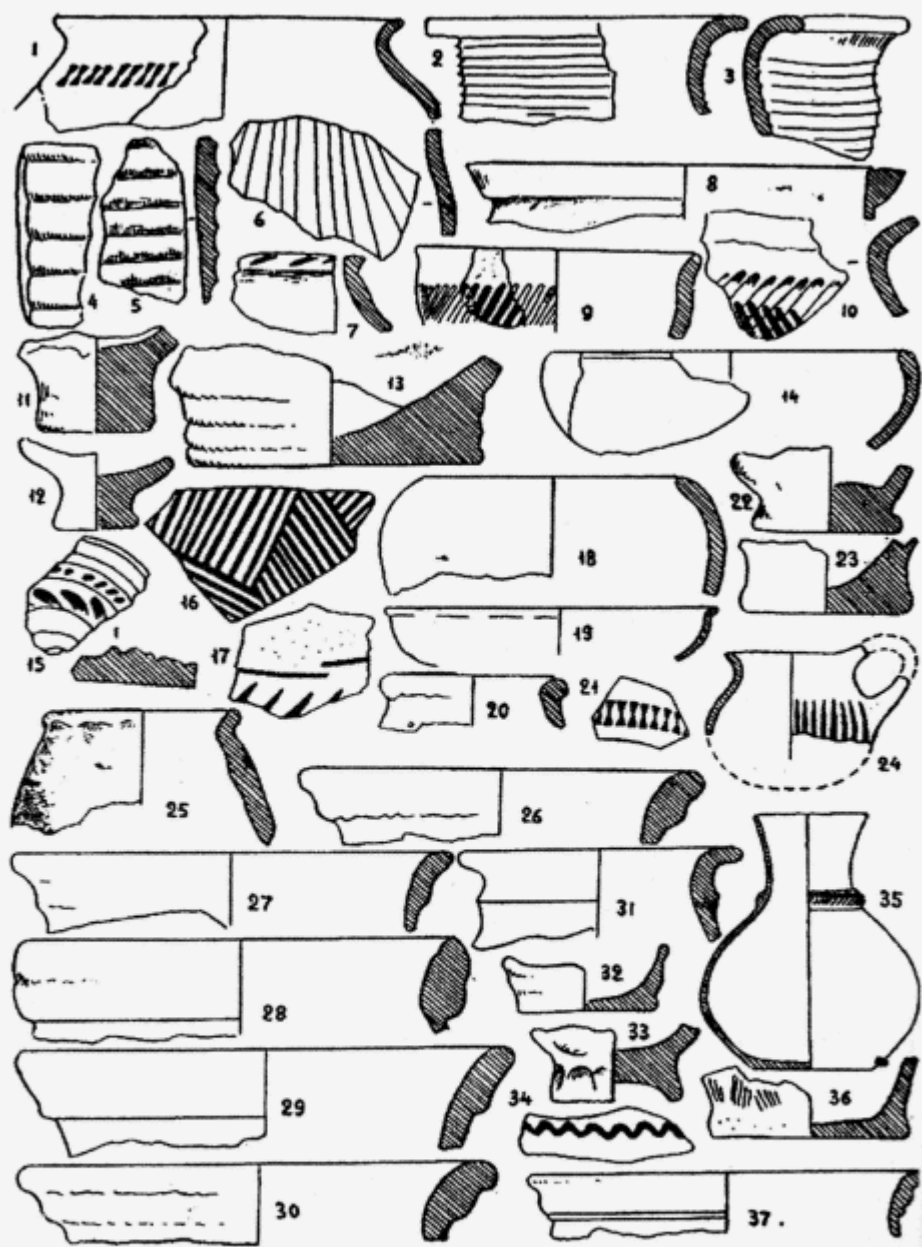

Табл. XXIII

Табл. XXIV

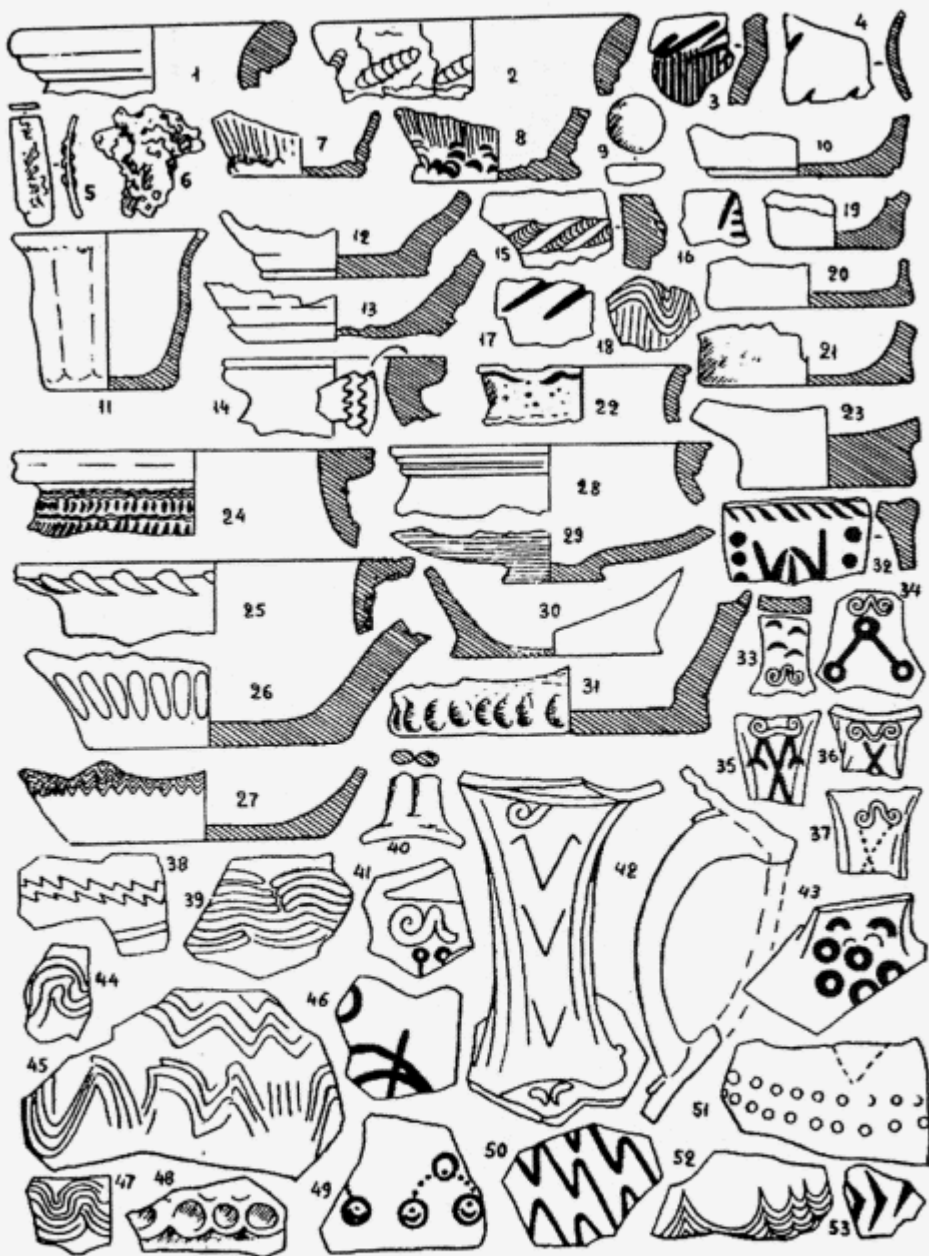

Табл. XXV

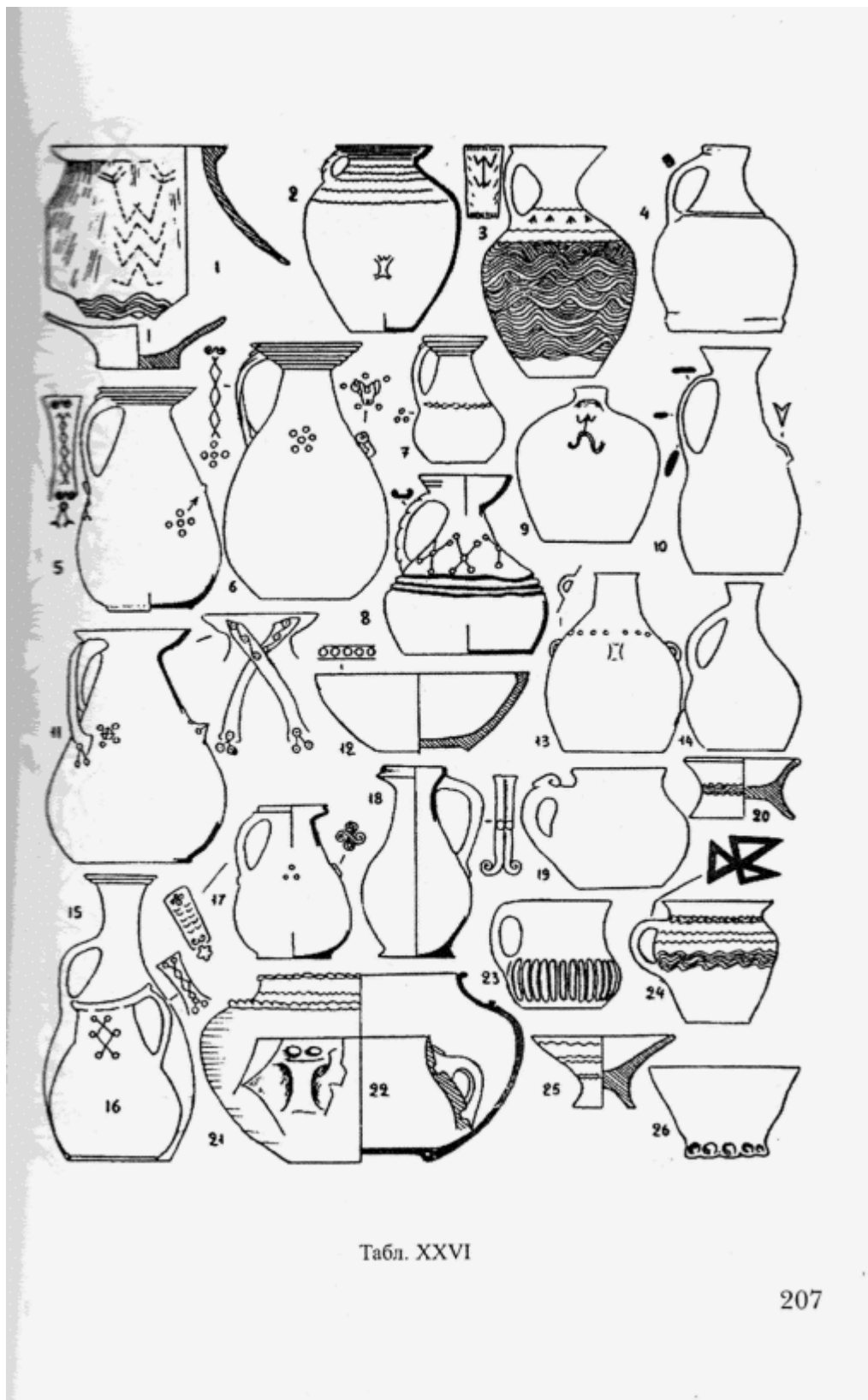

Табл. XXVI

Табл. XXVII

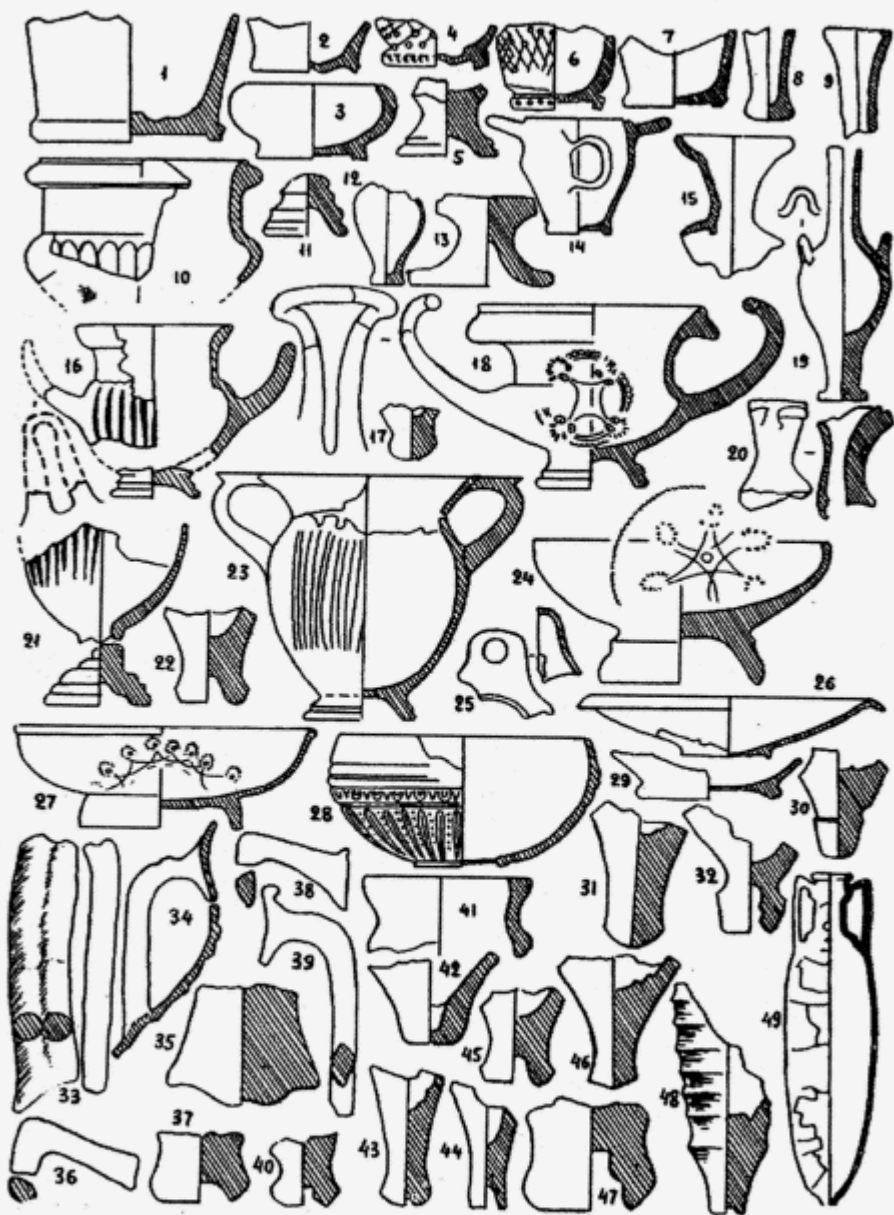

Табл. XXVIII

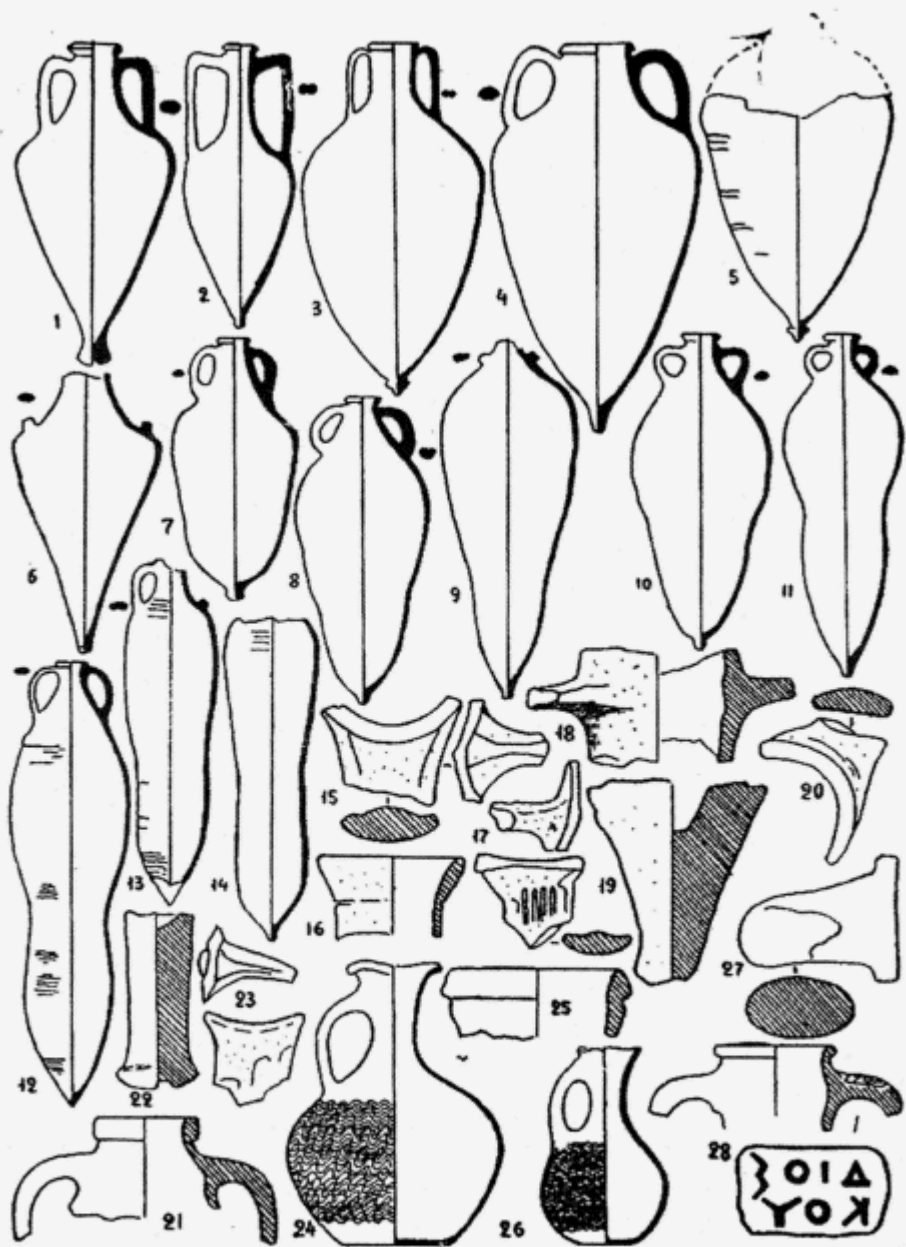

Табл. XXIX

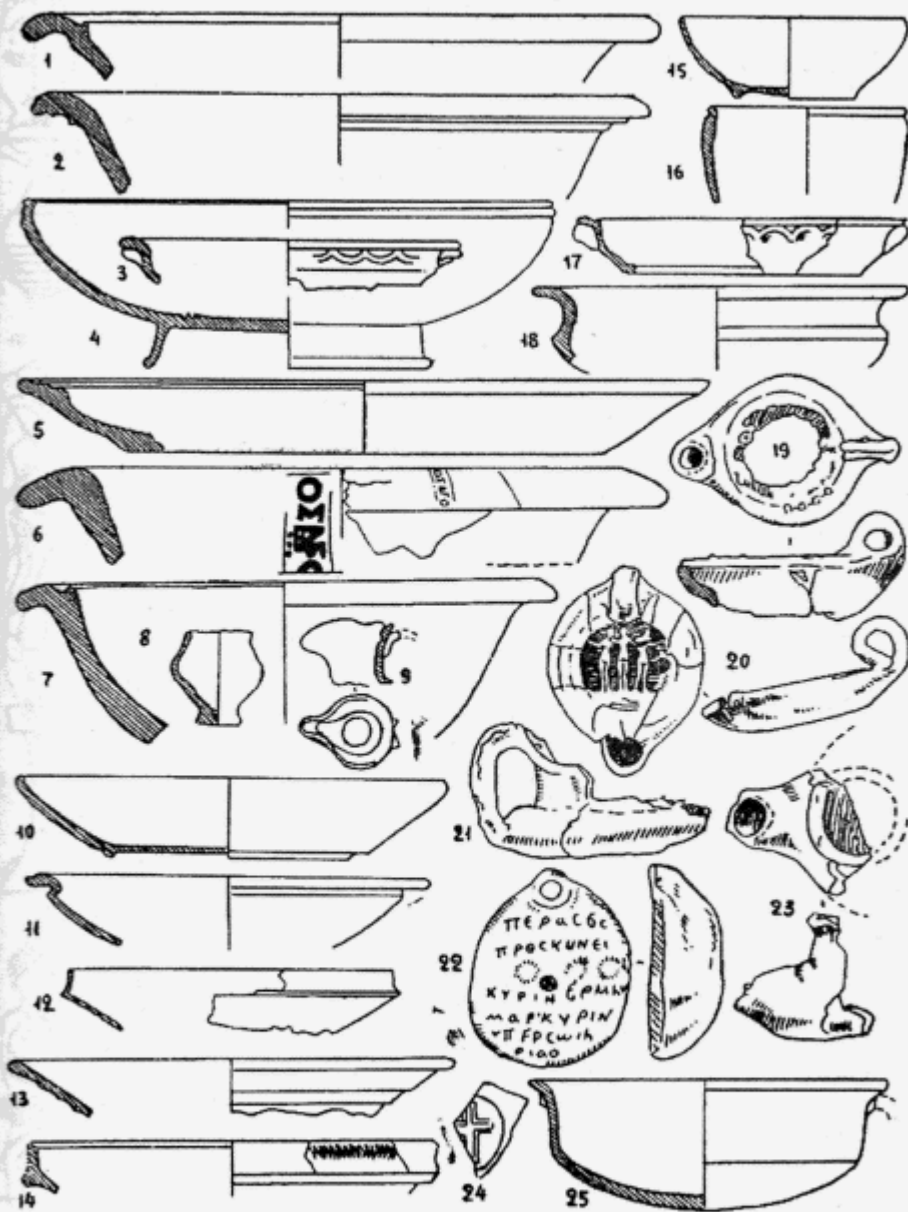

Табл. XXX

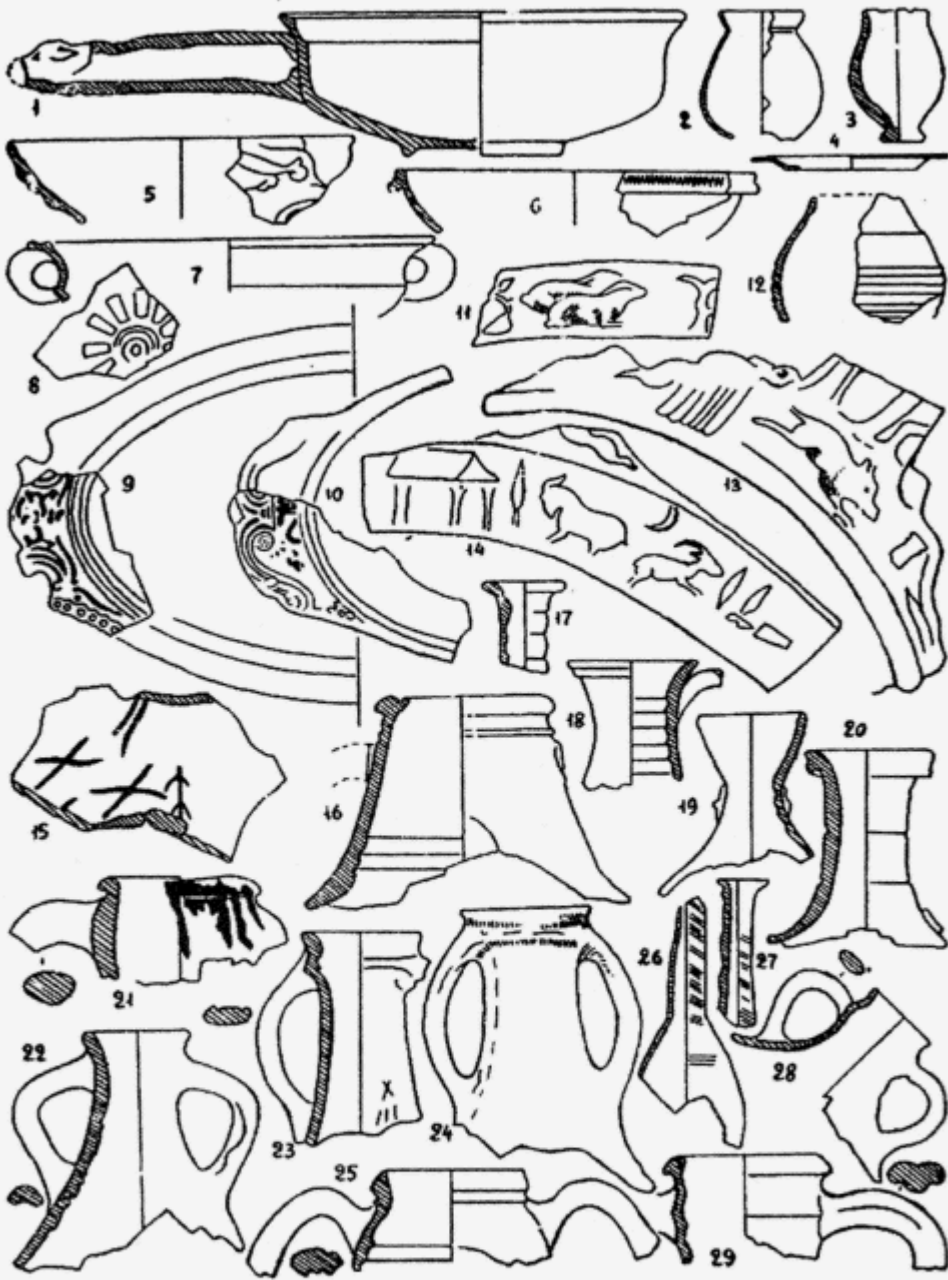

Табл. XXXI

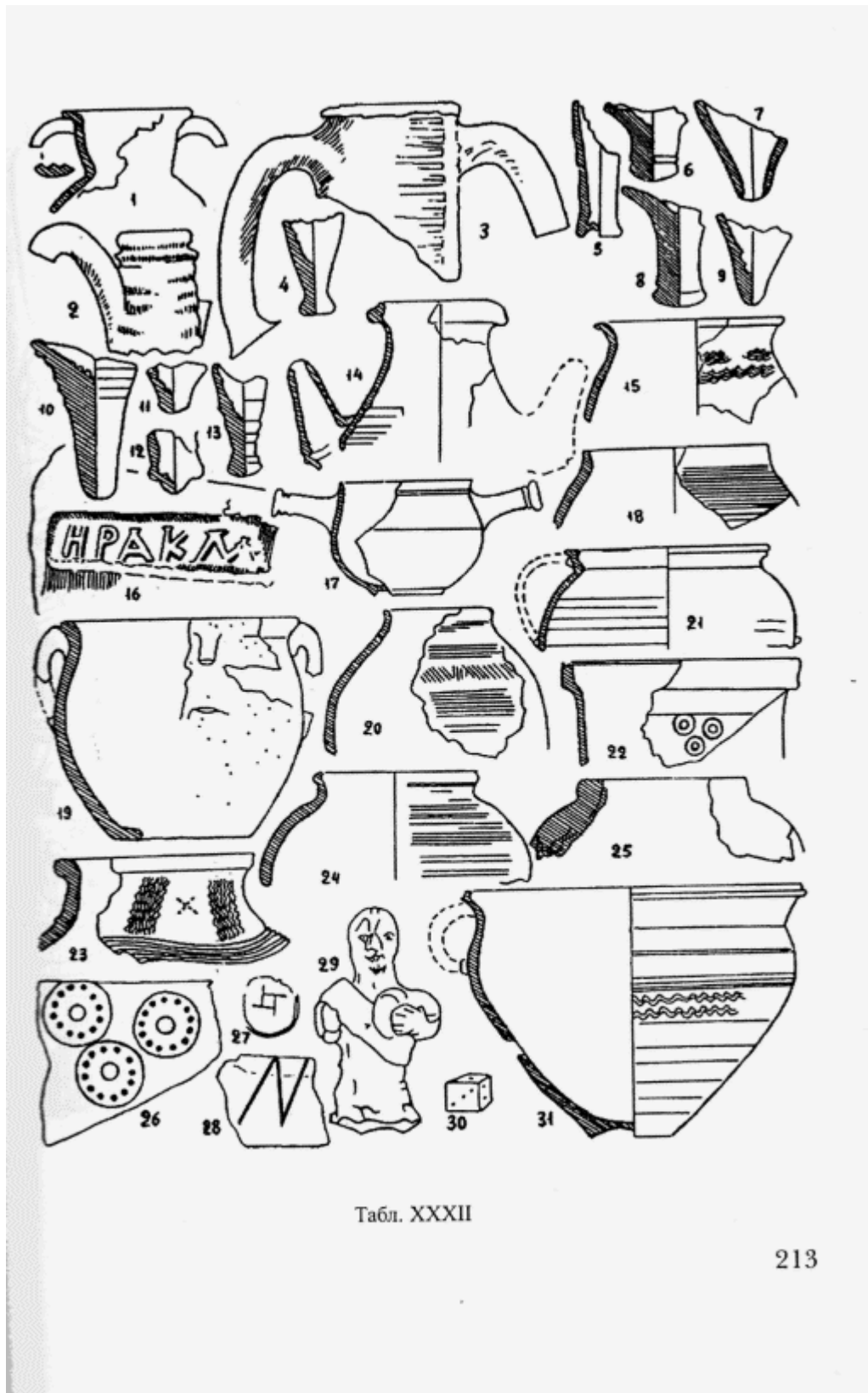

Табл. XXXII

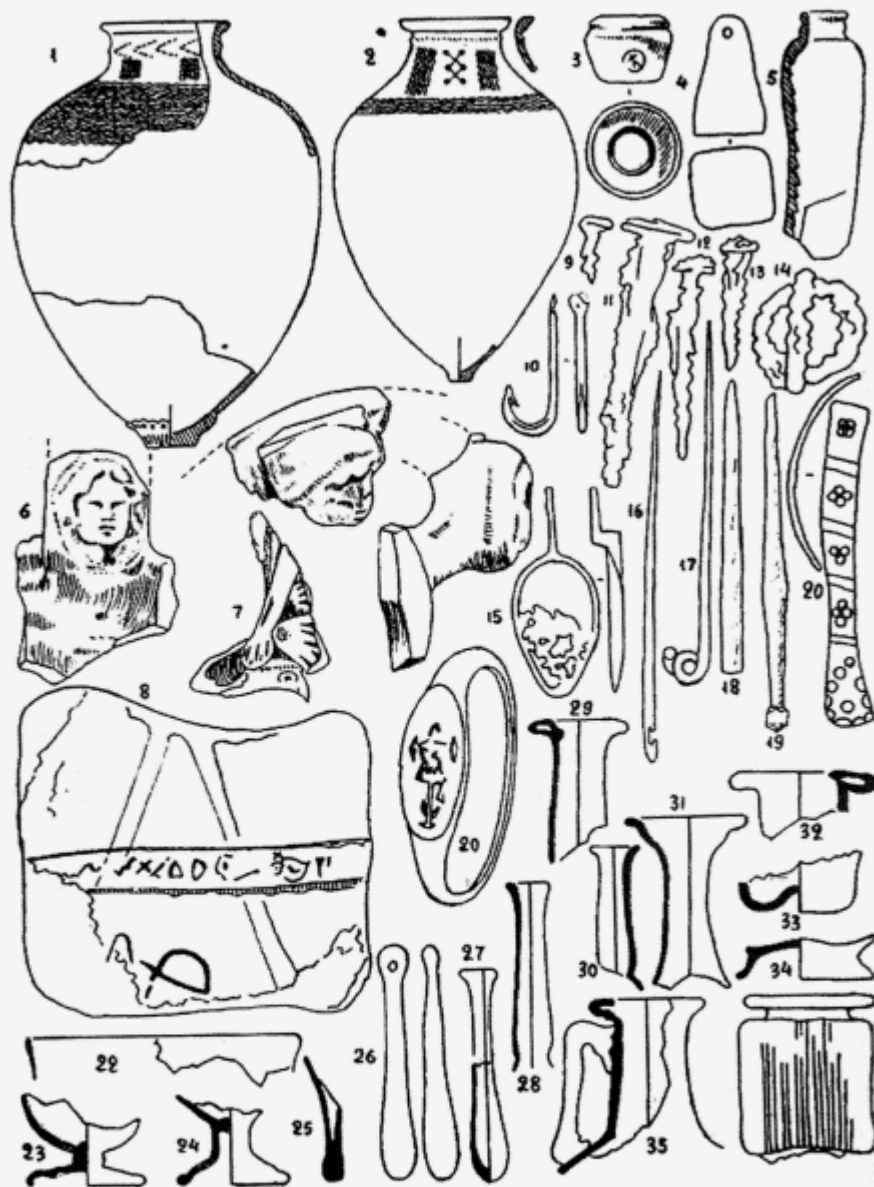

Табл. XXXIII

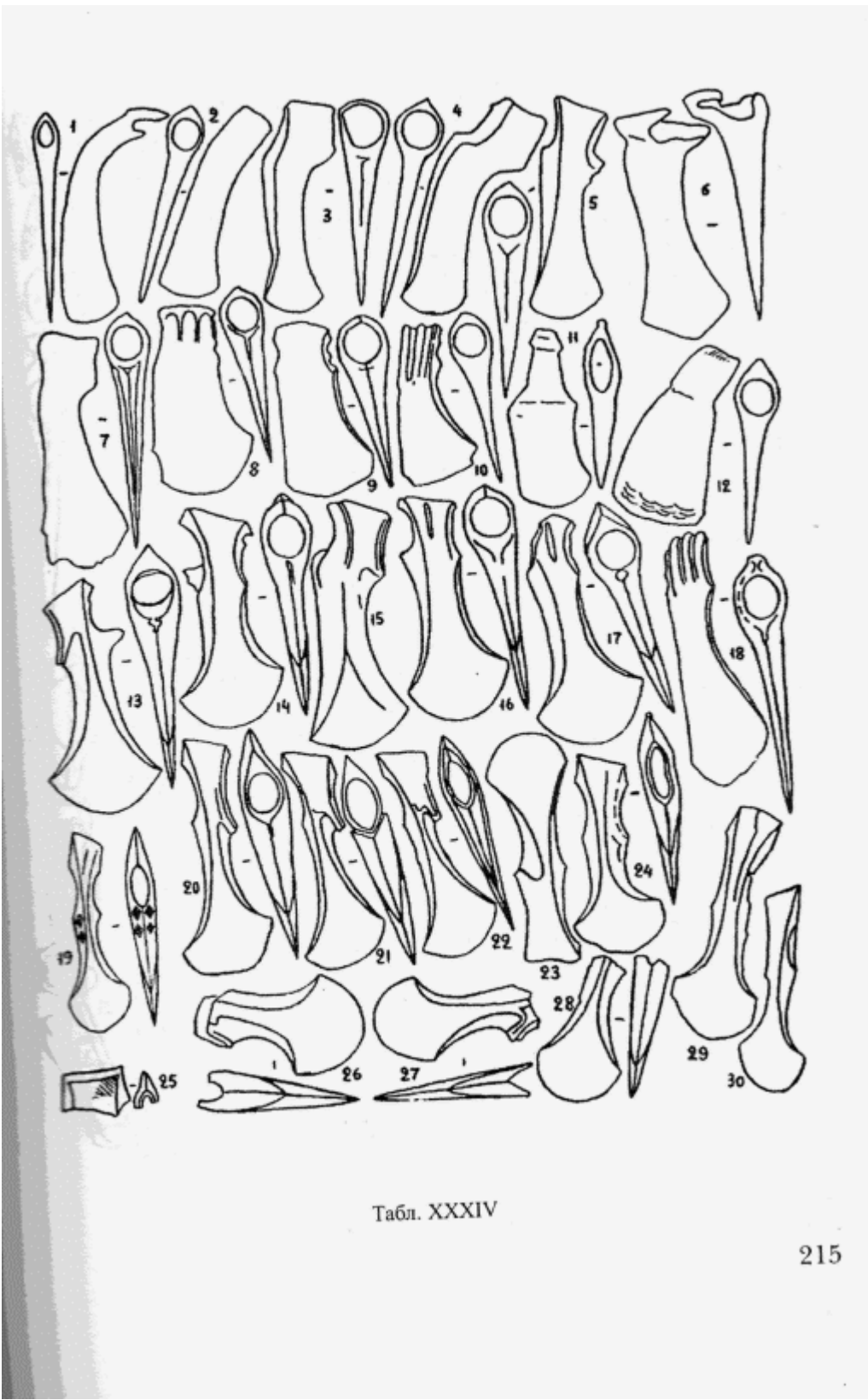

Табл. XXXIV

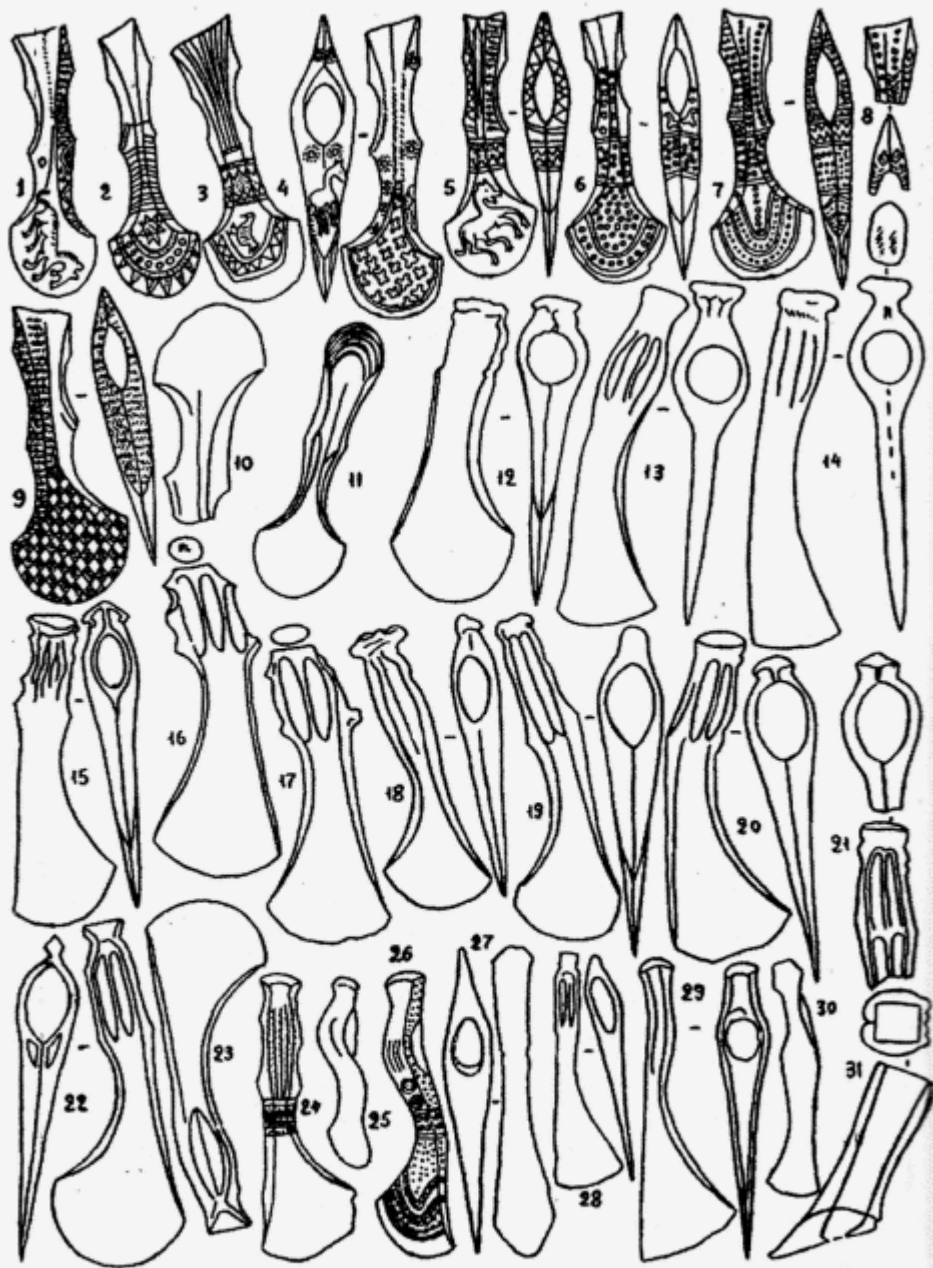

Табл. XXXV

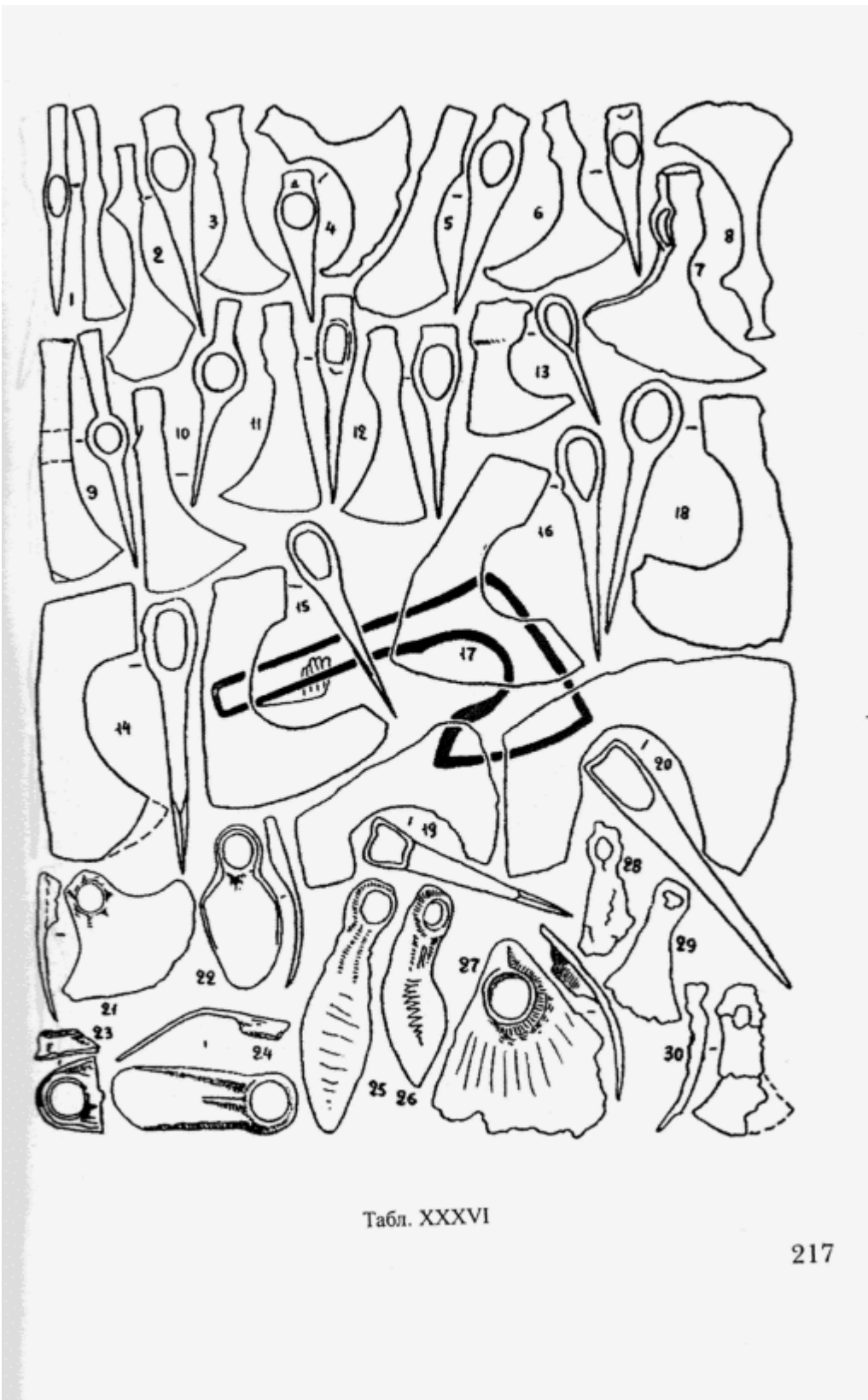

Табл. XXXVI

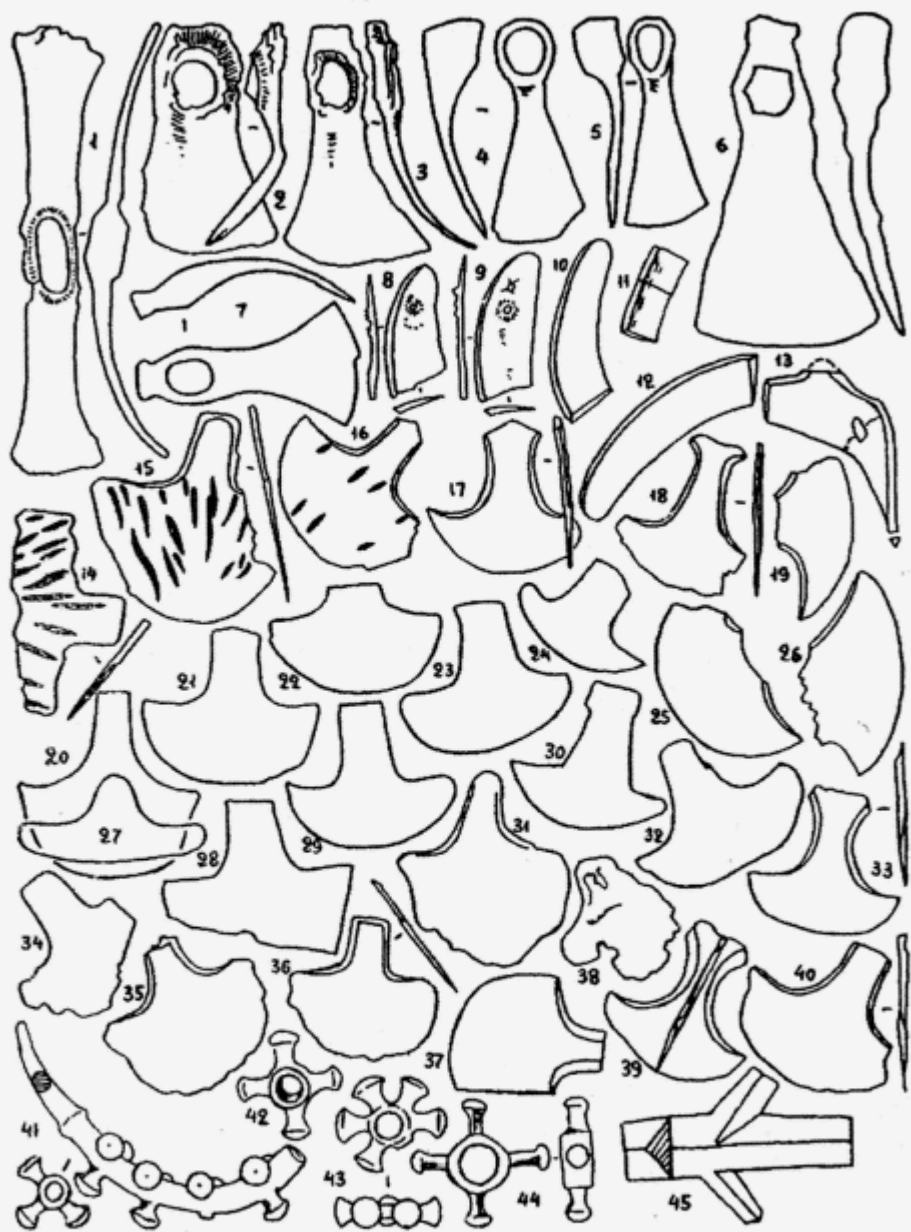

Табл. XXXVII

Табл. XXXIX

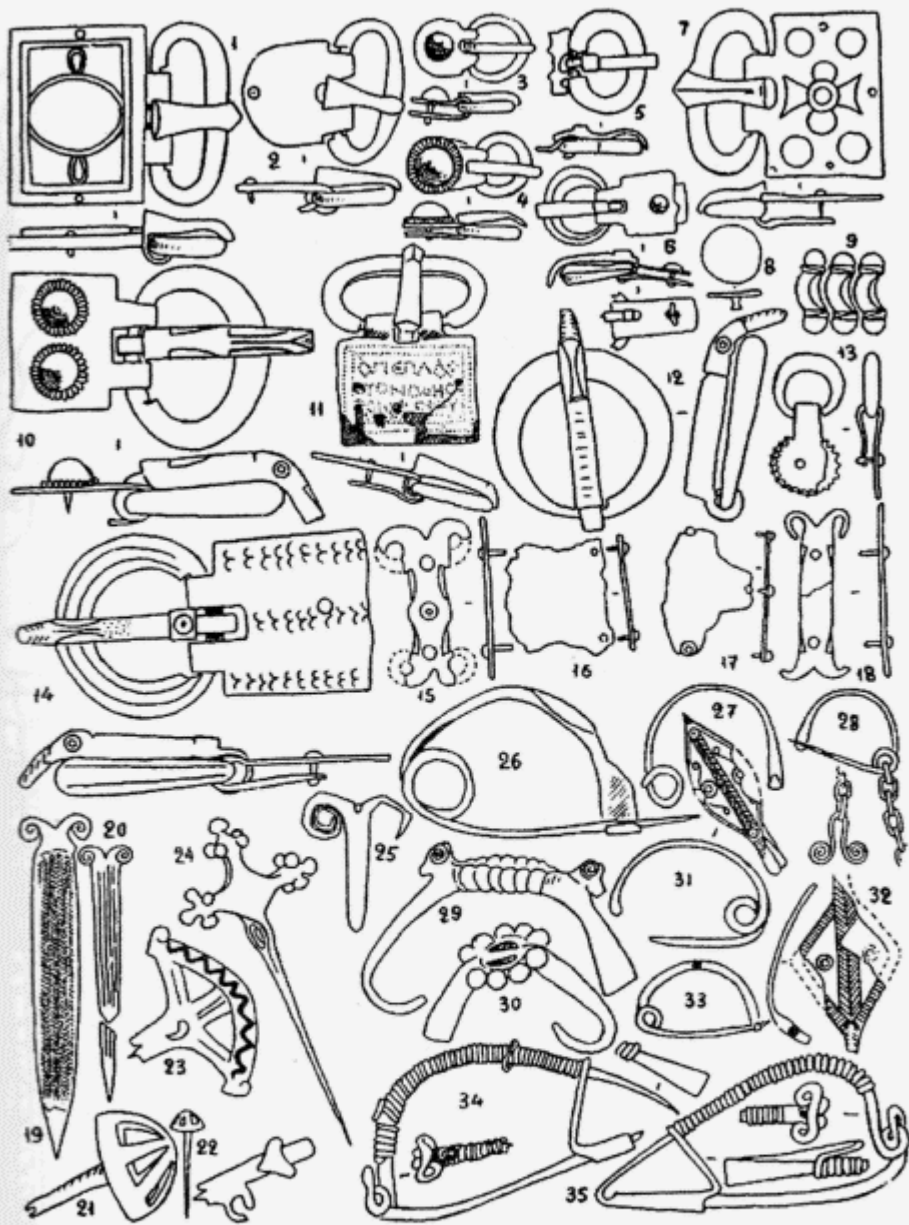

Табл. XL

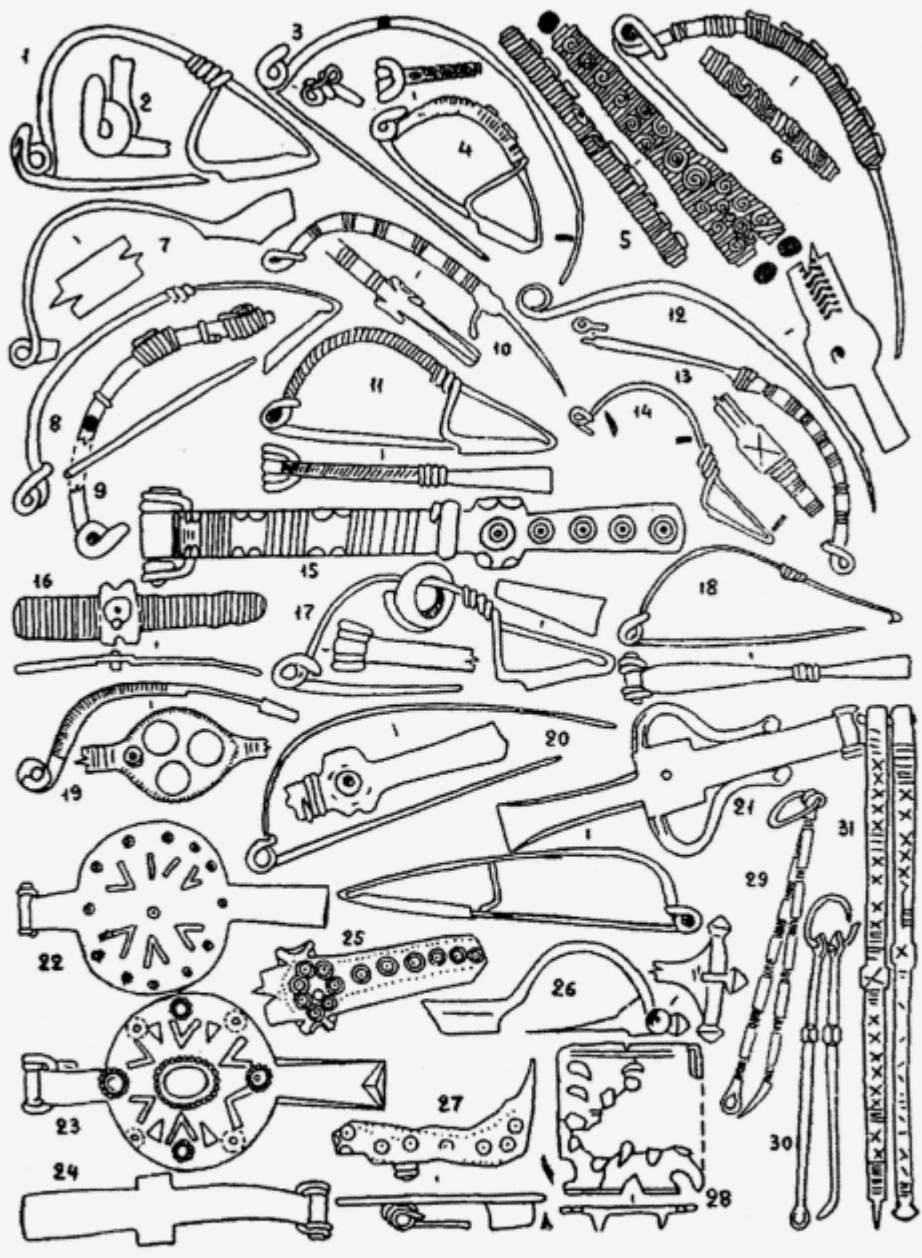

Табл. XLI

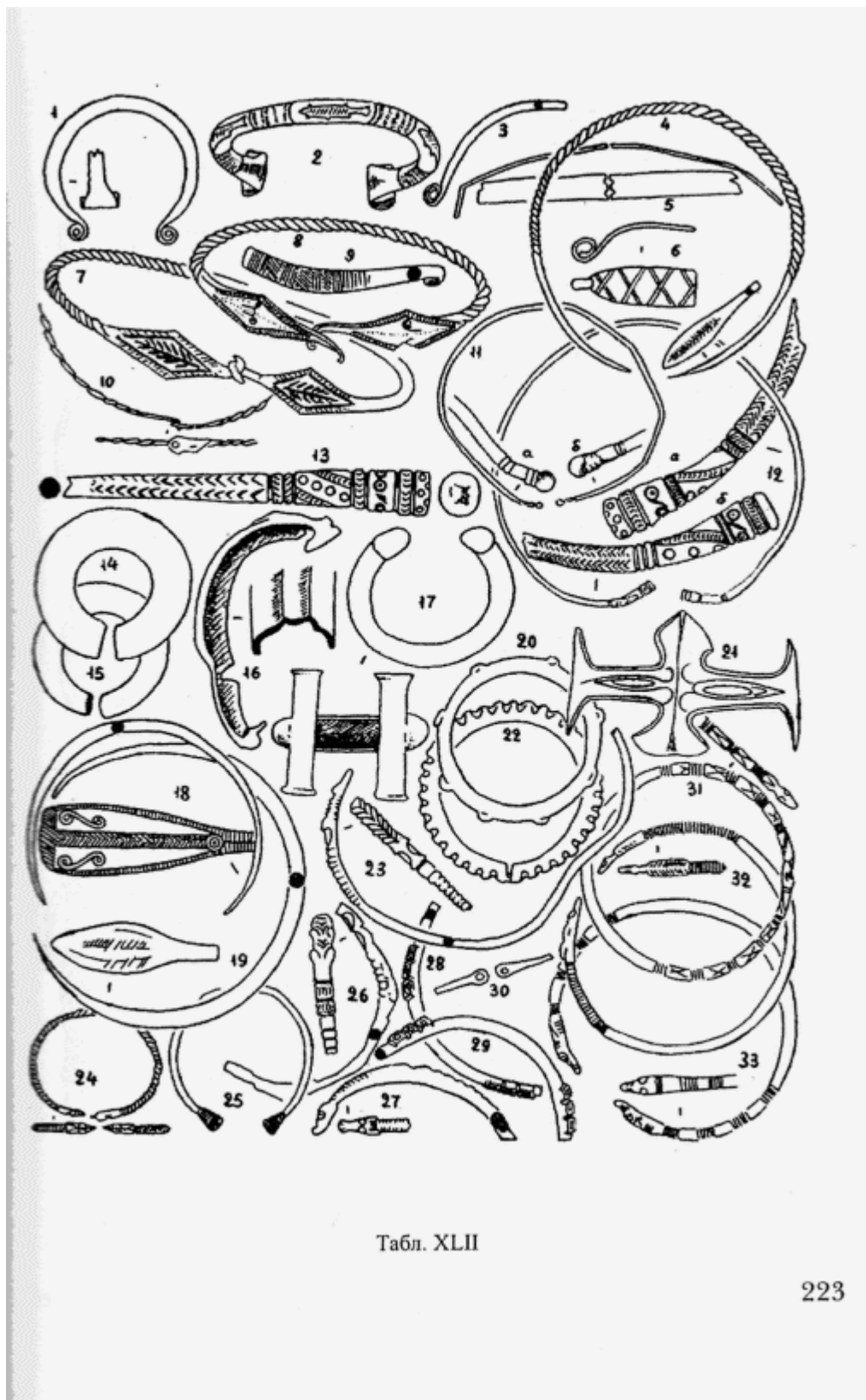

Табл. XLII

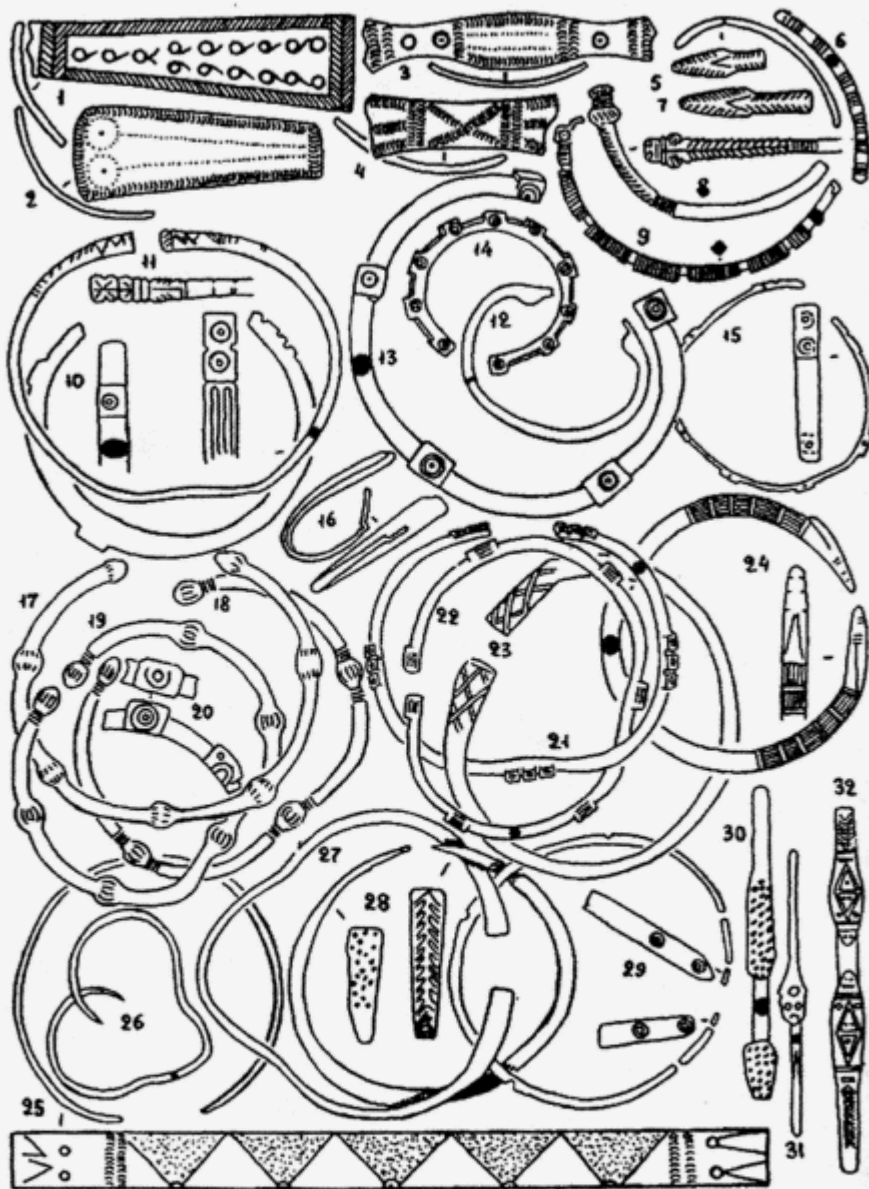

Табл. XLIII

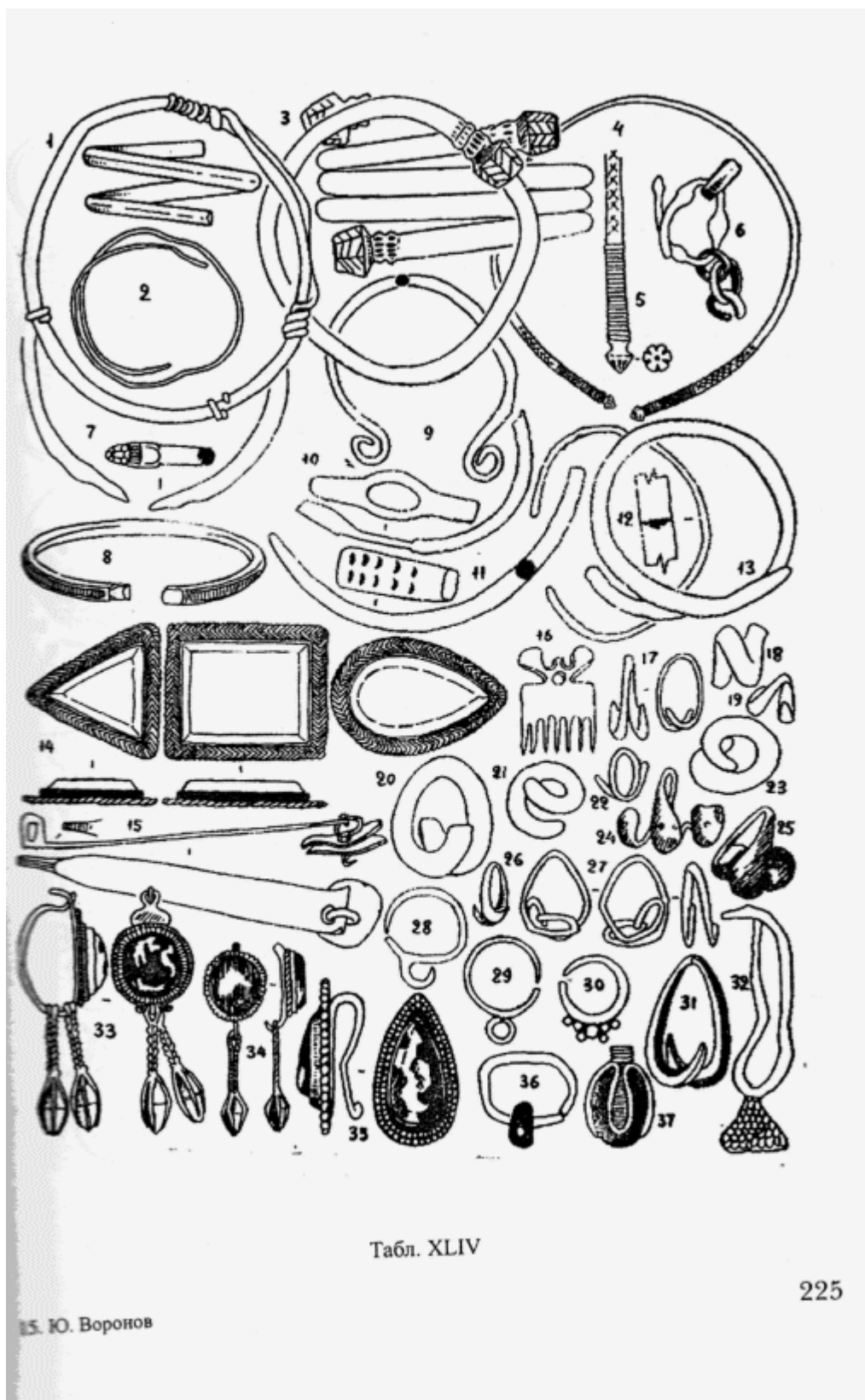

Табл. XLIV

Табл. XLV

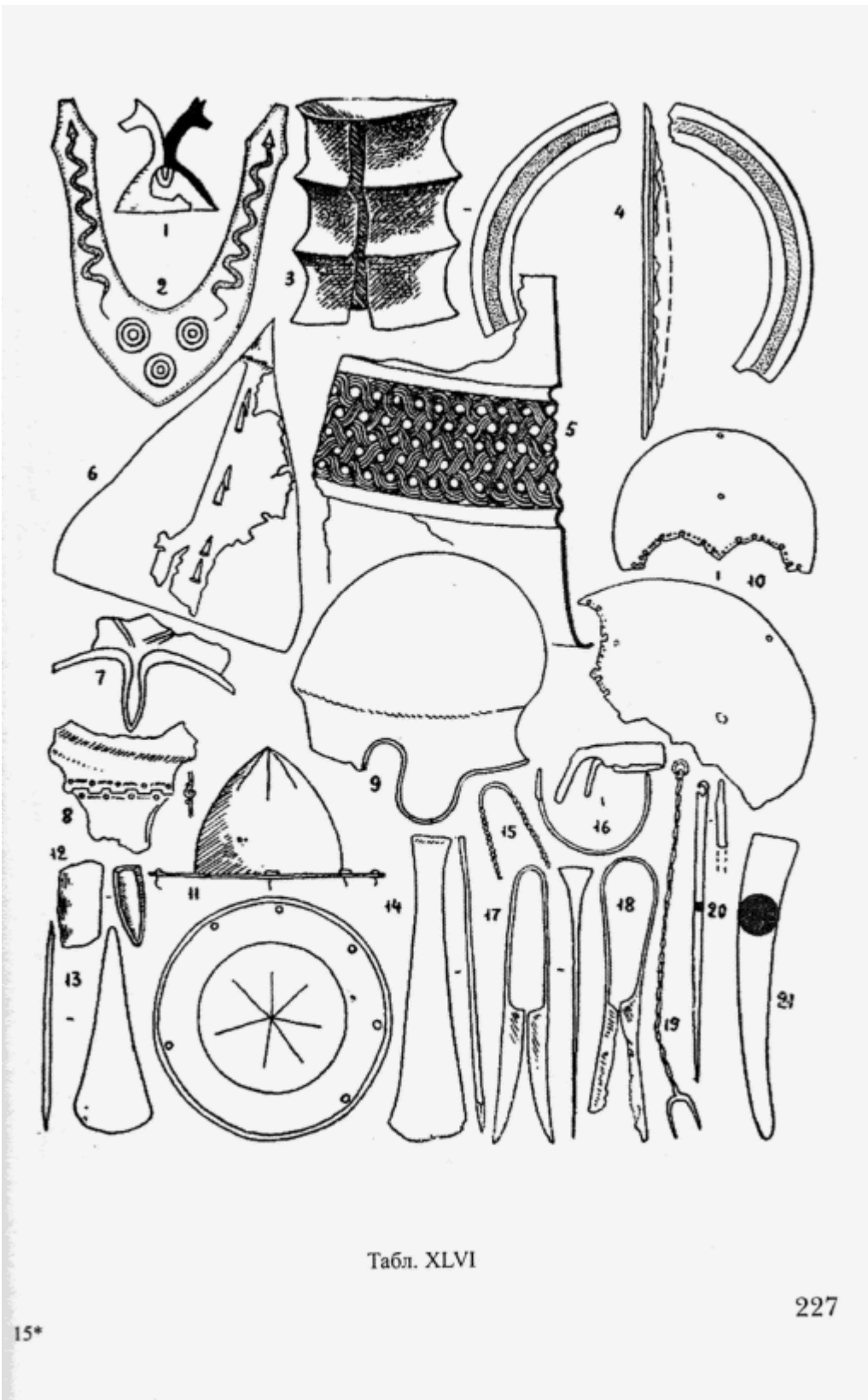

Табл. XLVI

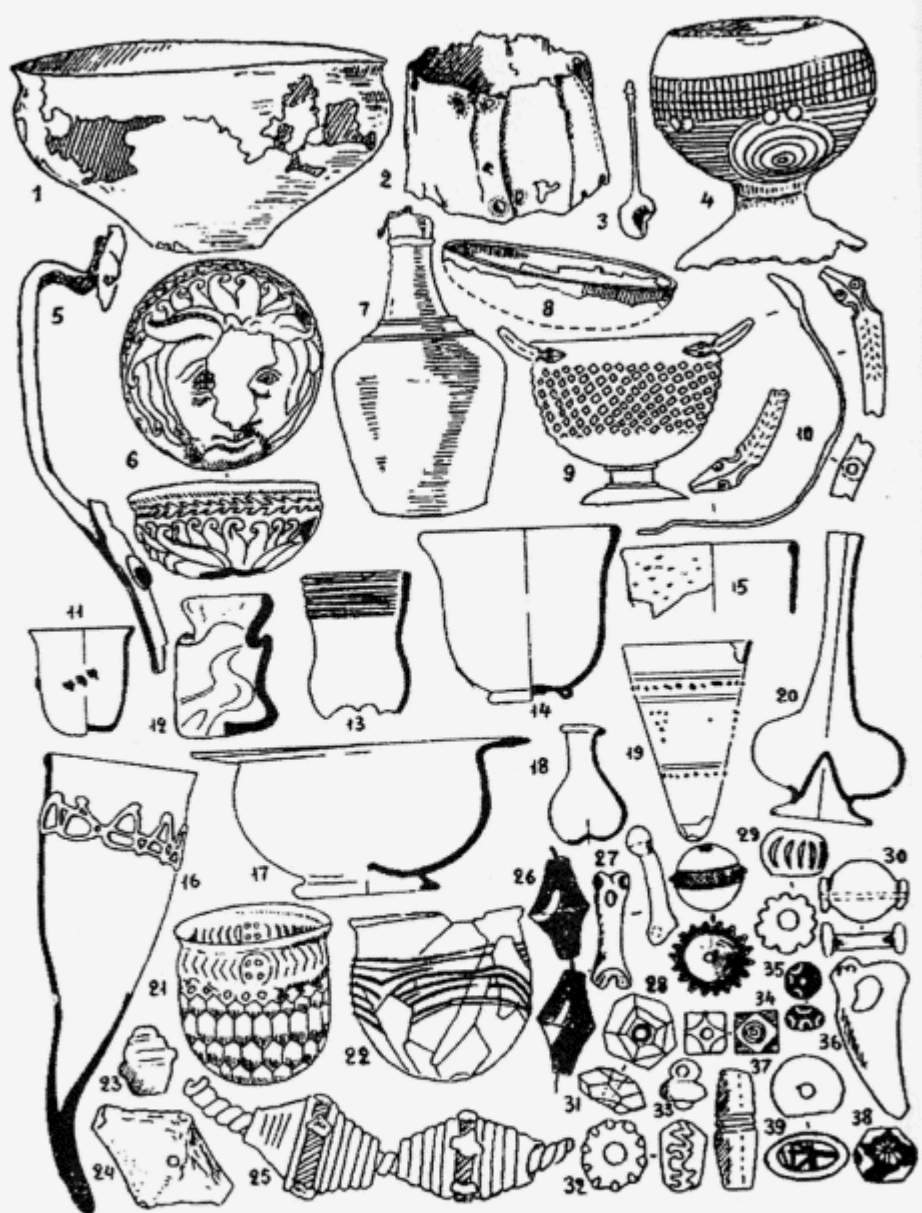

Табл. XLVII

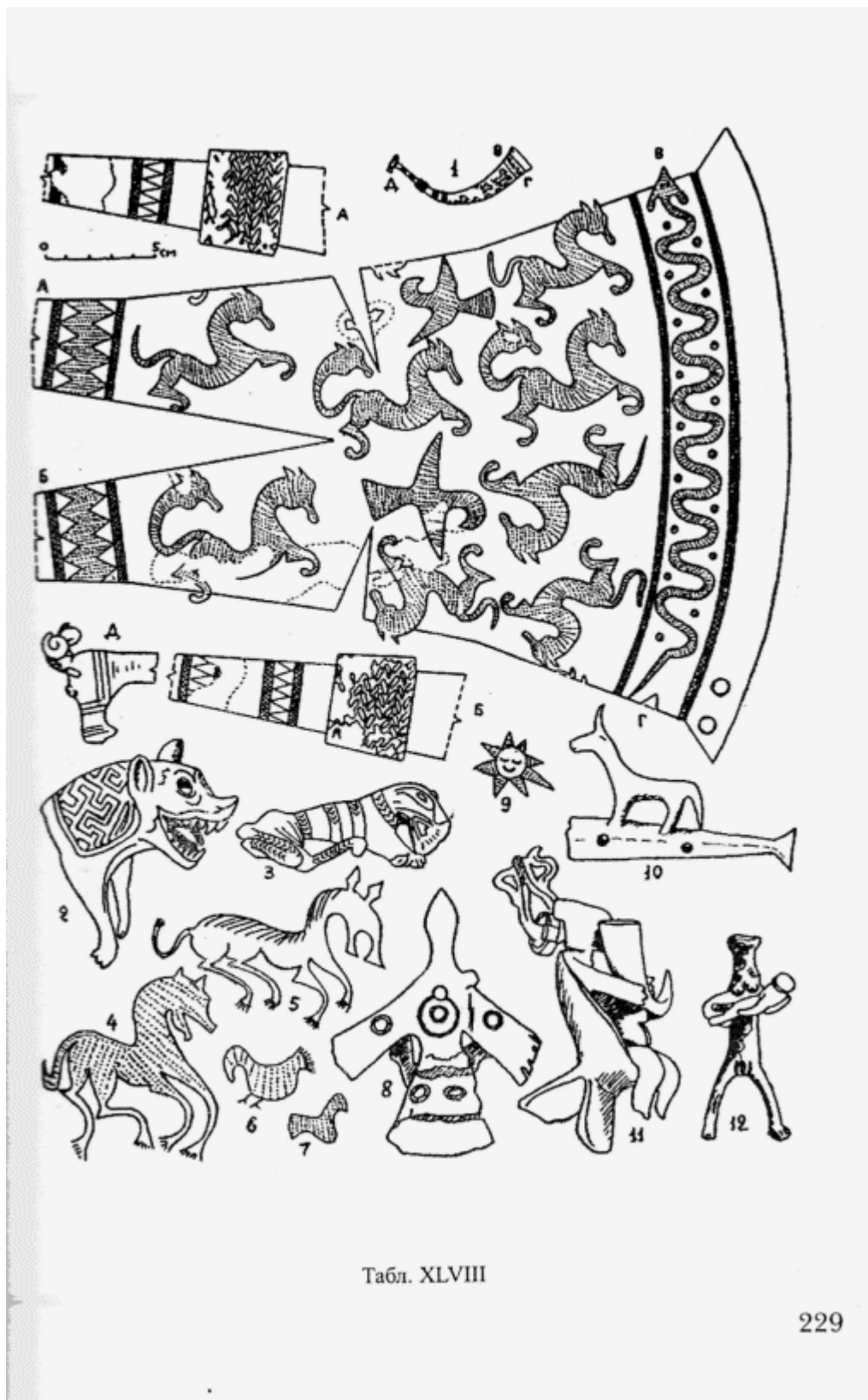

Табл. XLVIII

Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги

Книга «Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги» впервые была опубликована в 1984 году издательством «Мецниереба», Тбилиси.

232

Предисловие

В конце 1975 года автору была поручена разработка многолетней темы «Археологические памятники Военно-Сухумской дороги (с древнейших времен по позднее средневековье)». 1976 год был посвящен разработке первого раздела этой темы - «Каменный век Военно-Сухумской дороги». В соответствии с этим в июне-сентябре 1976 года были осуществлены небольшие раскопки на неолитическом поселении в пос. Верхняя Лемса. В марте-апреле и июне-сентябре того же года автором (совместно с С. З. Лакобой и В. А. Юшиным) было пройдено несколько маршрутов вдоль Военно-Сухумской дороги (междуречье Келасур и Мачары до горы Агыш, левобережье р. Большая Мачара от Черного моря до Герзеульского хребта, гора Агыш, сс. Полтавское, Аблухуара, Азанта) с целью фиксации остатков палеолита и неолита. Тогда же были в основном описаны соответствующие материалы, содержащиеся в фондах Абхазского государственного музея (результаты разведок Л. Н. Соловьева и автора), а также проработана соответствующая литература.

В процессе работы над книгой автор пользовался советами и помощью доктора исторических наук В. П. Любина, кандидатов исторических наук Н. З. Бердзенишвили и Л. Д. Церетели, а также заведующей отделом археологии Абхазского государственного музея М. К. Хотелашвили, за что и приносит им свою благодарность.

233

Глава 1. Из истории изучения памятников каменного века Военно-Сухумской дороги (Бассейны рр. Келасур, Мачара и Кодор)

Первые находки каменных орудий в рассматриваемом районе были сделаны в 1935-1936 годах Л. Н. Соловьевым, работавшим тогда в составе совместной экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии Академик наук СССР и Абхазского научно-исследовательского института краеведения (позже Института абхазской культуры, ныне Абхазский ИГИ АНА), работавшей в Абхазии в эти годы под руководством С. Н. Замятнина. 19 октября 1935 года Л. Н. Соловьев на горе Апианча (седловина вблизи вершины), а на следующий день у пещеры Магара подобрал несколько кремневых отщепов ашельско-мустьерского облика. Первые сведения об этой находке, как и с находках на Агыше, были опубликованы С. Н. Замятниным и Н. И. Березиным - «Апианча, гора, район Цебельды, к в. от Сухуми, ашель... Ягиш, гора, по левую сторону р. Маджарка, ашель» [10, с. 3; 23].

В 1936 году Л. Н. Соловьев зафиксировал две стоянки позднеашельского и ранневерхнепалеолитического времени в урочище Богаз (Цебельда1 и 2). В те же годы он же отметил наличие культурного слоя в гроте Кёп-Богаз, провел отчасти совместно с С. Н. Замятниным, отчасти самостоятельно первые сборы кремневых орудий мустьерского времени в сс. Боговешта, Анастасьевка, Верхняя Наа (Наа Армянская), Нижняя Лемса. В 1936 году геологи В. И. Громов, И. В. Шанцер и Л. Н. Соловьев нашли несколько орудий верхнепалеолитического облика в с. Захаровка (древн. Шакуран, совр. Амткел). В последующие годы Л. Н. Соловьев отмечает также остатки эпохи мустье и верхнего палеолита в с. Планта, в гротах Багадской скалы, у с. Пал, у сс. СтароЧерниговка и Хумушкур, а в 1938 и 1940 гг. проводит шурфовку гротов Холодного и Кёп-Богаз, в первом фиксируя мезолитическую стоянку, а во втором - слои мезолитического и верхнепалеолитического времени. Так завершается первый этап

234

поисков памятников каменного века Военно-Сухумской дороги, этап предварительного знакомства с богатейшими фондами древнейших остатков человеческой деятельности в этом районе.

Предварительное освещение результаты исследований 1935-1936 гг. получили в работе С. Н. Замятнина, опубликованной в Сухуме в 1937 году [25, с. 10-12, 15, 16]. Автор перечисляет восемь местонахождений кремневых орудий ашельского, мустьерского и верхнепалеолитического облика (Боговешта, Анастасьевка, Верхняя Наа, Апианча, Нижняя Лемса, Ягиш и Захаровка), говоря о находках на Апианче, отмечает стлаженность граней и заполированность поверхности орудий, которые он сравнивает с древнейшей группой кремней на Яштхуа, специально останавливается на характеристике находок и условиях их залегания на местонахождениях Боговешта («небольшое количество характерных мустьерских кремней: остроконечник, скребло, треугольная пластина с ретушью собраны на третьей террасе реки Пшاپ и частью в делювии на склоне четвертой террасы (Анастасьевка) на правом берегу реки Кодора, в обнажениях нижнего почвенного горизонта с железисто-марганцевыми стяжениями, на поверхности третьей террасы обширная серия мустьерских кремней... здесь же на четвертой террасе немногочисленные, архаические ремни Яштхуского типа, резко выделяющиеся по патине»). Сами же находки этих стоянок тогда С. Н. Замятнин не опубликовал.

В мае 1939 года в Киеве на III конференции по изучению палеолита СССР выступил Л. Н. Соловьев. Согласно краткой аннотации, им тогда «по инициативе Сухумского музея был обследован грот Холодный у Цебельды, в нем оказался хорошо выраженный тарденуазский слой, содержащий, кроме кремневых орудий и костей животных, кости человека. В другом гроте, Кет-хабае (*Кёп-Богаз* - Ю. В.), тоже обнаружены следы стоянки тарденуазского облика. Аналогичные находки были сделаны и в одном из гротов в ущелье р. Кодора» [30, с. 50]. В 1940 году Л. Н. Соловьев сделал доклад о палеолитических стоянках долины Кодора, в котором упомянул о шести открытых (уроч. Богаз-ашель, Планта - неопределенные находки кремней, Захаровка - верхний палеолит, Наа Армянская - мустье, Старо-Черниговское - мустье, Хумушкур - мустье) и о четырех

пещерных (Кёп-Богаз - эипалеолит, гроты Багадской скалы - верхний палеолит, Холодный грот - тарденуаз, грот у Наа Армянская - эипалеолит). Там же Л. Н. Соловьев отметил, что «в верхней части долины р. Кодора находок древнего каменного века не обнаружено, что м. б. объясняется неизученностью района», а также, что «находки мустьерского возраста преимущественно встречаются на побережье. В горной части они пока не обнаружены. Первые стоянки появляются здесь в начале верхнего палеолита. Особенно многочисленны ааеды стоянок эпохи эипалеолита» [32, с. 35-36].

В 1956 году Л. Н. Соловьев в своей работе, посвященной определению значения археологического метода для определения возраста карста [28, с. 51, 61-

235

70], привел краткие сведения, без публикации материалов, об открытых местонахождениях в уроч. Богаз (Цебельда 1, 2) и о стоянках в гротах Кёп-Богаз и Холодном. Относительно первого памятника исследователь писал: «...Здесь на поверхности известняков залегает красновато-бурый суглинок типа бурозема, в верхней части которого мною были найдены немногочисленные, но характерные орудия, относящиеся к двум разным типам. Ниже залегали весьма незначительные, покрытые белой патиной орудия премустьерского типа (*ашельского - ред.*), у с. Богаз были найдены отдельные, гораздо более древние орудия раннешельского типа, свидетельствующие о том, что мертвая долина р. Схча уже существовала в раннечетвертичную эпоху. Среди орудий верхнего слоя были мустьерские остроконечники, дисковидные нуклеусы и пр.».

В 1940 году Л. Н. Соловьев расширил в гроте Кёп-Богаз (№2) разведочный шурф 1938 г., проследив около 5,25 метра накоплений, в которых исследователь выделил семь слоев. В слое А1 встречались современные остатки, в слое А2 сложенном темным гумусированным грунтом, со следами очагов, отмечены черепки глиняной посуды бронзовой эпохи, в слое Б, сложенном светло-бурым суглинком с примесью мелкой щебенки, были отмечены контуры каменной ограды, за которой следы очагов, выложенных камнем, рядом с которыми найдены кремневые отщепы, микролитические вкладыши, кости, просверленная раковина и другие находки, отнесенные Л. Н. Соловьевым к позднему мезолиту (тарденуаз), в слое В, сложенном светло-бурым или охристо-серым суглинком с небольшой примесью щебенки, найдены орудия, изготовленные из кремня и речной гальки, кости животных (дикий кабан, тур, олень, медведь), отнесенные также к позднему мезолиту, в слое Г, сложенном буроватым или темно-бурым гумусовым суглинком с обильной примесью щебенки и обломков камня, встречаются еще орудия на речных гальках, но число кремневых изделий возрастает - отдельные микролиты, много резцов, резцовых сколов изогнутой формы, отдельные отщепы дымчатого обсидиана, костяные шилья, кости животных (тур, кабан, зубр, олень, пещерный медведь, хомяк, тетерев, жаба), датированные Л. Н. Соловьевым азильской эпохой, в слое Д, сложенном бурой глиной с большим количеством щебенки и камней, за исключением костей животных (олень, кабан, зубр, медведь, хомяк, пустельга, жаба) иных находок не отмечено, в слое Е прослежен ряд очажных горизонтов с прослойками культурного слоя, перемешанного со щебенкой и гумусом и разнообразными изделиями, среди которых поделки из галек очень редки, кремневые

орудия отличаются увеличением размеров - это нуклевидные орудия, скребки высокой формы, типа «рабо», резцы, главным образом многофасеточные, тонких резцовых сколов очень мало, отмечены рубилообразные раскалыватели, дисковидный нуклеус и другие изделия с пережиточными чертами мустьерской техники, немногочисленные кости животных (олень, кабан, пещерный медведь, филин). Костяные шилья, равно как и обсидиановые изделия, очень редки, что наряду с другими

236

признаками дало повод исследователю датировать этот слой верхним палеолитом, к которому отнесен и слой Ж, начинающийся в 4,5 м от поверхности и сложенный почти полностью из щебенки, среди которой найдены многочисленные отщепы позднепалеолитического облика, пластинка с двусторонней ретушью и : рудия с подправкой «мустьерского» характера.

В той же работе Л. Н. Соловьев кратко рассматривает и итоги своей шурфован Холодного грота (1940 г.), где им выделено два слоя (А и Б). В слое А (мощностью 0,8 м), образованном серой пыльной массой с обильной примесью щебенки, среди которой найдены длинные и короткие отщепы, мелкие и средних размеров пластинки, прямоугольники и трапеции, редкие сегменты, округлые скребки, обычно призматические нуклеусы, орудия из речной гальки - рубилообразные раскалыватели и др., костяные шилья и проколки, обломки двух костяных гарпунов, кости лосося, фаланги человеческих пальцев, плечевая кость человека, морская просверленная раковина и другие материалы, отнесенные Л. Н. Соловьевым к позднему мезолиту (тарденуаз). В слое Б исследователь выделил тогда три горизонта, сложенных большим количеством щебенки с примесью гумуса и различных изделий - редких орудий из гальки, кремневых скребков, редких микролитов, фаланг человеческих пальцев и других материалов, отнесенных Л. Н. Соловьевым к азильскому времени с той оговоркой, что в части этих находок имеются черты верхнепалеолитической эпохи.

Основные результаты исследований 1935-1936 годов вдоль Военно-Сухумской дороги были опубликованы лишь в 1961 году в посмертном издании работ С. Н. Замятина [24, с. 71, 91, 95-96]. К домустьерской группе местонахождений в рассматриваемом районе им отнесена стоянка на горе Апианча («Несколько отщепов архаичного типа встречено на северном склоне горы Алианчи и в седловидной впадине, пролегающей между двумя вершинами горы (по этой седловине проходит проселочная дорога из Цебельды в с. Армянское Наа). Кремни обнаружены на распаханном поле и в рывинах на дороге. Обращает на себя внимание тот факт, что кремни с Апианчи, по условиям своего нахождения исключают возможность сколько-нибудь значительного перемещения водой, выделяются сглаженностью граней, интенсивен патиной и блестящей поверхностью. Им по габитусу отвечает одна, самая архаичная группа яштухских кремней»). К мустьерской группе местонахождений отнесены находки в окрестностях Цебельды («Отщепы мустьерского времени встречены в районе Цебельды, на западном склоне горы Ягиш (верхняя площадка, 450500 м над уровнем моря), на поверхности распаханного поля. Среди этих находок обращают на себя внимание отщепы с крупными гладкими ударными площадками, а также с площадками, подправленными на нуклеусе.

В том же районе, в 1,5 км к северу от села Верхняя Лемса, на горе Апианча (? - Ю. В.), по склону балки ниже пещеры Магара, найдены еще два мустьерских отщепа с хорошо выраженными ударными площадками и около 13

237

невыразительных осколков серого сеонского кремня. Того же типа отщепы, два грубых скребла и диск встречены близ села Нижняя Лемса, по склону балки, на высоте около 300 м над уровнем моря»).

1958 год следует считать началом продолжающегося до сих пор наиболее плодотворного этапа в изучении памятников каменного века Военно-Сухумской дороги. Основная роль в этих исследованиях принадлежит Причерноморской палеолитической экспедиции Института истории (позднее Института истории, археологии и этнографии) Академии наук Грузинской ССР (Н. З. Бердзенишвили, Л. Д. Церетели и др.), отделу археологии Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР (Л. Н. Соловьев) и Абхазскому обществу охраны памятников культуры (Ю. Н. Воронов, 1966-1971 гг.).

Уже в 1958 году сотрудниками Причерноморской экспедиции были открыты нетронутые культурные слои в пещере Куачара (абх. Куабчара) и Джампальском гроте [1, с. 6-8; 4; 5, с. 166-169, рис. 3-5]. Раскопки первой стоянки продолжались до 1963 года включительно. Обработкой полученного здесь материала занялась Л. Д. Церетели [40]. В 1966-1967 гг. Н. З. Бердзенишвили и Л. Д. Церетели закончили раскопки в гротах Джампал-1 и Джампал-2. В первом были найдены остатки переходного этапа от позднего мустье к верхнему палеолиту, во втором - небольшая мезолитическая стоянка [39]. В 1970 году Л. Д. Церетели защитила кандидатскую диссертацию, в основной своей части базировавшуюся на мезолитических памятниках Кодорского ущелья [37]. Диссертация эта была опубликована отдельной монографией в 1973 году [38. с. 21-77, 84-93, табл. 1-14, XVII-XIX]. В этой работе соответствующие памятники Военно-Сухумской дороги отнесены к трем хронологическим периодам - Куачара к раннему мезолиту, Джампал-2 - к среднему и Холодный грот к позднему мезолиту.

Пещера Куачара расположена в 4 км к северу от Цебельды на высоте 750 м над уровнем моря и метров 150-200 над уровнем дна проходящего внизу сухого ущелья. Общая длина пещеры, обращенной устьем к востоку, около 100 м, ширина ее 46 м. В 60 м от входа внутри пещеры есть двенадцатиметровый колодец, на дне которого найдены кости четвертичных животных. За пять лет в устьевой части пещеры раскопано около 150 квадратных метров культурного слоя, в котором выделено пять горизонтов (1 - мощность 510 см, черный гумус, заполненный мелким, угловатым известняковым щебнем с примесью черепков глиняной посуды «позднефеодалного» времени; 2 - мощность 1520 см, желтовато-черная глинистая земля с примесью мелкого известнякового щебня, кремневых и костяных орудий, костей животных; 3 - мощность 6070 см, известковистая темно-серая глина, заполненная карбонатным щебнем, содержащая остатка очага в форме линзы длиной до 2 м и большое число кремневых

орудий и фаунистических остатков; 4 - мощность 3545 см, коричневатая карбонатная глина с примесью бесформенных глыб и щебня, кремневых орудий и костей живот-

238

ных; 5 - мощность 40 см, слабо сцементированная черновато-коричневая глина с примесью известнякового щебня, кремневых орудий и костей животных; 6 - мощность 1015 см, слабо сцементированная темная глина без археологических остатков на подстилающей ее известняковой скале), образующих два культурных слоя, один из которых (горизонты 2, 3 и 4) отнесен к мезолиту, а другой I горизонт 5) предварительно к началу верхнего палеолита (материал не опубликован). Всего в первом слое обнаружено 1443 кремневых изделия, из которых 532 (37%) - законченные орудия, а 911 (63%) - остатки производства. При изготовлении орудий использовался местный туронсеонский кремль красных, коричневых и серовато-белых тонов. Изделия из обсидиана известны в единичных экземплярах. Орудия изготовлены главным образом на тонких пластинах, изредка на отщепках, с помощью первичной и вторичной обработки. Основной характерной чертой, объединяющей весь комплекс находок из Куачары, является микролитическая техника, изготовление орудий на микролитах. Основные типы кремневых изделий, их количество в соответствующих горизонтах первого слоя, а также общее число и процент ко всему количеству находок приведены в таблице I (по Л. Д. Церетели).

Фаунистический материал из пещеры Куачара состоит из 1375 костей, принадлежащих двенадцати типам животных: пещерному медведю, бурому медведю, леопарду, лисе, волку, тигру, благородному оленю, кавказскому туру, дикой козе, косуле, дикому барану (муфлону) и хомяку. Сюда же входят две нижние челюсти человека, принадлежащего к *Homo sapiens* с рядом еще пресапиенсовых черт. Среди очень богатого набора костяных орудий (24 экз.) выделяются шилья (10 экз.), наконечники дротиков с боковыми пазами для вставки микролитов (11 экз.), ложила (2 экз.) и мотыгообразное орудие из рога (копалка?).

К отличительным чертам стоянки Куачара, по мнению Л. Д. Церетели, относятся: малое количество нуклеусов - изготовление орудий производилось в значительной степени вне пещеры, отсутствие характерных для верхнего палеолита групп нуклеидных орудий, сравнительно широкое использование скребков, изготовленных на узких и укороченных пластинках (микроскрепки), преобладание угловых резцов из прямых и узких пластинок, большая редкость многофасеточных резцов, характерных для верхнего палеолита, большое число проколов, широкое использование гравитообразных микролитических орудий, характерных для памятников ранней стадии верхнего палеолита, большой процент пластинок с притупленным краем (боковой ретушью), которые вместе с гавитообразными микролитами, возможно, заменяли геометрические орудия (сегменты, трапеции), присутствие гравитообразных остриев типа Гварджила-кльде с обработкой одного края и округлыми основаниями, присутствие низких неравнобедренных треугольных микролитов, зародившихся в начальной стадии верхнего палеолита и очень редких в памятниках Восточного Причерноморья, единичные находки сегментов и полное отсутствие трапеций, присутствие нако-

нечников стрел с боковыми выемками, изготовленных из сломанных пластинок, присутствие прямоугольных вкладышей с тремя ретушированными краями (прототипы трапеций?), богатый набор костяных орудий составного типа и т. д.

Джампальский навес расположен на левом берегу р. Джампал ниже железного моста, через который проходит Военно-Сухумская дорога, в 20 метрах

Таблица 1

№№ пп.	Наименование кремневых орудий	Количество в горизонте			Всего	%
		2	3	4		
1	Нуклеусы	6	2	6	14	1
2	Отщепы и обломки	80	169	108	357	24,7
3	Пластинки разные	79	206	210	495	34,3
4	Пластинки с частичной ретушью	11	16	4	31	2,2
5	Скребки	18	20	27	65	4,5
6	Резцы	6	11	9	26	1,9
7	Сверла	18	35	43	96	6,7
8	Комбинированные орудия	—	1	—	1	0,05
9	Наконечники стрел	2	2	1	5	0,4
10	Заготовки	2	—	12	14	1
Микролитические орудия						
11	Ассиметричные треугольники	5	8	—	13	1
12	Сегменты	2	—	1	3	0,15
13	Граветообразные острия	26	23	12	61	4,2
14	Пластинки с притупленным краем	59	101	23	183	12,7
15	Прямоугольники (вкладыши)	10	—	6	16	1,1
16	Пластинки с притупленным краем и усеченным концом	2	6	3	11	0,7
17	Пластинки с отретушированными концевыми выемками	—	12	—	12	0,8
18	Пластинки зубчатые	10	—	—	10	0,6
19	Крылообразные орудия	2	—	—	2	0,1
20	Остроконечники с двухсторонней противоположащей ретушью	2	—	—	2	0,1
21	Граветообразные острия типа Гварджилас-кде	8	6	10	24	1,7
22	Орудия неопределенных типов	2	—	—	2	0,1
Всего:		350	618	475	1443	100

240

юго-восточнее грота Джампал-1. Ширина скрытого над навесом пространства свыше 6 м, глубина до 4 м, высота навеса 2,3 м. Здесь прослежено два слоя, общая толщина которых не превышает 0,3 м. Под верхним, гумусовым слоем, лишенным каких-либо остатков,

залегал сероватый суглинок, уплотненный известняковым щебнем, между которым обнаружено большое число кремней (329 единиц) и костей животных (благородный олень, кабан, лиса, пещерный медведь). Основные типы кремневых изделий, их количество и процент приведены в таблице 2 (по Л. Д. Церетели).

Как полагает Л. Д. Церетели, обилие микроорудий, присутствие трапеций, незначительное число пластинок с притупленным краем и другие черты кремневой индустрии Джампальского навеса (грот Джампал-2) придают ему более поздний характер по сравнению с пещерой Куачара.

Таблица 2

№№ пп.	Наименование кремневых изделий	Количество	%
1	Нуклеусы	3	0,9
2	Отщепы	111	34,3
3	Обломки	48	14,8
4	Пластинки разные с ретушью	105	32,4
5	Скребки	35	10,8
6	Резцы	5	1,5
7	Сверла	6	1,9
8	Трапеции	3	0,9
9	Сегменты	1	0,3
10	Пластинки с притупленным краем	4	1,2
11	Пластинки с ретушированным концом	1	0,3
12	Острие деревянного шила	1	0,3
13	Комбинированные орудия	1	0,3
Всего:		324	100

В 1974 году сотрудники Причерноморской экспедиции (Н. З. Бердзенишвили, Л. Д. Церетели и др.) приступили к раскопкам многослойной стоянки в гроте Апианча (Кёп-Богаз), расположенного у восточного подножия горы Апианча в 3 км к югу от с. Цебельда на высоте 450 м над уровнем моря. Раскопками 1975-1982 гг. в нижней нише (площадь раскопа 48 кв. м, глубина - 5,5 м) выделено шесть литологических слоев, отвечающих четырем историческим эпохам. Первый слой состоит из известнякового щебня с примесью коричневого суглинка (мощность 0,350,4 м) и характеризуется раннеолити-

ческими материалами (ножевидные пластины, высокие трапеции с тремя ретушированными краями, микроскребки на отщепах, жатвенный нож с прямой

рукояткой, орудия из гальки, костяной крючок и др.). Во втором слое выделено два горизонта (а - мощность 0,30,35 м, и б - мощность 0,350,4 м), состоявших из светло-коричневого суглинка со щебнем и содержавших позднемезолитические материалы (орудия геометрических форм, асимметричные треугольники, трапеции с двумя обработанными краями, концевые округлые скребки, угловые и боковые резцы, конические и призматические нуклеусы, костяные ложила и шилья, кости животных и рыб современного облика, а также россомахи и кавказского лося). В третьем слое также выделено два горизонта (а - мощность 0,350,4 м, и б - мощность 0,40,45 м), состоящих из коричневого суглинка и щебня с зольными прослойками в верхнем горизонте и глыбами известняка в нижнем; материалы относятся к поздней стадии верхнего палеолита (орудия из местного серого камня, и изредка, обсидиана - конусовидные нуклеусы, резцы, скребки на ножевидных пластинках с боковой ретушью, микроострия с боковой ретушью, пластины типа граветт, костяные шилья и игла, остатки фауны 23 видов, в том числе первобытного быка). Четвертый слой (мощность 0,20,25 м) образован темно-коричневым суглинком с редкими включениями известняковых обломков и щебня без находок. Пятый слой с находками ранней стадии верхнего палеолита отделен стерильной прослойкой мощностью 0,9 м от седьмого, в котором обнаружены позднемустьеерские изделия. В 1980 г. раскопан восьмой горизонт (темно-серый влажный суглинок и щебенка) с остатками мустье (остроконечники, скребла, скребки, ножи, дисковидные нуклеусы, пластинки, осколки, отщепы и др.) [3, с. 452. 6, с. 465; 7, с. 476; 8, с. 482; 42; 43; 49, с. 48-51; 50, с. 412; 51, с. 11-13; 52. с. 508-509; 53, с. 10-17 и др.].

В 1959 году В. С. Орелкин и В. Л. Венчунас обнаружили фрагменты человеческих костей в мезолитическом слое Холодного грота [31], что привело в следующем году к возобновлению в нем раскопок под руководством Л. Н. Соловьева и при участии В. П. Якимова, Н. И. Бурчака-Абрамовича, В. В. Бжания, Н. И. Гумилевского, М. К. Хотелашвили и др. Результатом исследований 1961-1962 гг. было выявление в гроте слоев от конца верхнего палеолита до начала неолита [29, с. 191-195, рис. 1, табл. I-II]. К сожалению, за исключением упомянутого краткого отчета Л. Н. Соловьева, интереснейший материал из грота пока не опубликован. Небольшие шурфы перед гротом заложены в 1974 г и в 1980 г. Причерноморской экспедицией АН ГССР [2, с. 6; 50, с. 412].

Холодный грот (Хупынипшхуа) расположен выше места впадения р. Джампал в Кодор на правом берегу последнего. Он представляет собой светлую нишу с обширной площадкой перед входом. При раскопках выделено четыре культурных слоя. В самом верхнем слое (А) были найдены фрагменты глиняной посуды феодального времени. В следующем слое (Б), откладывавшемся

242

уже в условиях послеледникового потепления, найдены кремневые трапеции, орудия из сланца и песчаника - зернотерки, треугольные и овальные терочники, мотыгообразные орудия из галек, кости благородного оленя, лося, кабана, зерна какого-то дикого вида проса. К тому же или к несколько более раннему времени относится слой Б2, выявленный на площадке перед гротом (часть найденных в нем изделий, в первую

очередь крупных каменных орудий, характерна и для слоя Б) и характеризуемый кремневыми сегментами, трапециями, сечениями пластинок, пластинками с притупленным краем, проколками, многочисленными скребками, каменными (главным образом сланцевая галька) микролитами, рубилообразными раскалывателями костей, грубыми прототипами топоров со слабой подшлифовкой, долотами, рубанками и т. д., многочисленными костяными гарпунами. В нижележащем (в гроте) слое В, отлагавшемся в условиях нарастающих холодов последнего Каракельского оледенения, помимо скребков, сегментов и других изделий, найден так называемый «жест начальника» или «выпрямитель для стрел» - плоско обточенное и отшлифованное предплечье пещерного медведя с заполированным от употребления отверстием и орнаментированное линейным узором, а также фрагменты 8 человеческих черепов и многочисленные кости рыб, в первую очередь крупного лосося. В древнейшем слое стоянки (Г) найдены кремневые нуклеусы, пластинки, нуклевидные скребки, круглые скребки, скребки на конце пластинки, резцы чаще угловые со скошенным лезвием, многофасеточные резцы, пластинки с затупленным краем, косые острия, сечения пластинок в малом числе, немногочисленные, но хорошо оформленные сегменты, очень редкие поделки из обсидиана, костяные проколки и т. д. Фауна Холодного грота нашла предварительное рассмотрение в работах Н. К. Верещагина [12а, с. 195] и Н. И. Бурчака-Абрамовича [11; 12, с. 9-13], который помимо вышеотмеченных животных выделил здесь также бурого медведя, волка, рысь, леопарда, куницу, тура Северцева, зубра, хомяка, выдру, тетерева кавказского, фазана, голубя, орла, орлана, ворона и жабу. Краткий обзор находок в гротах Кёп-Богаз и Холодном сделан также А. А. Формозовым [35, с. 185-187].

В 1963-1964 гг. небольшую коллекцию палеолитических орудий (отдельные находки мустьерских и верхнепалеолитических изделий на плотине Амткельского озера, в сс. Амткел, Верхняя Наа и др.) в окрестностях Цебельды собрал геолог Б. Л. Соловьев [26, с. 74].

В 60-х годах определенная работа по сбору материалов палеолитического времени в рассматриваемом районе была проделана Ю. Н. Вороновым. В вышедшей в 1969 году его монографии «Археологическая карта Абхазии» [14] получили краткое освещение как уже известные (Анастасьевка, Агыш, Апианча, Богаз, Кёп-Богаз, Мачара, Верхняя Лемса, Куачара, Захаровка, Джампал-1, Джампал-2, Холодный грот, Пал, гроты Багадской скалы, Боговешта, Верхняя Наа), так и не упоминавшиеся до этого в литературе местона-

243

хождения. Среди последних сведения о находках мустьерских и верхнепалеолитических орудий на горе Чижоуш, верхнепалеолитических и мезолитических орудий на горе Агыш, ашельских, мустьерских и верхнепалеолитических изделий на горе Шапка, верхнепалеолитических кремней в Пацхирской крепости, позднемустьерских орудий у Цибилиума, верхнепалеолитических отщепов в верховьях р. Барьял, ашельских и мустьерских орудий на южном склоне горы Прцха (Метелевка), мустьерских отщепов в урочище Чацкал, вблизи большого Азантаского дольмена, на плотине озера Амткел, мустьерских и верхнепалеолитических орудий в уроч. Апушта, мезолитической стоянке восточнее сел. Георгиевского на высоте 1600 м над уровнем моря,

верхнепалеолитической стоянке у с. Наа Армянская на левом берегу р. Кодор. В той же работе были приведены и первые данные о неолитическом поселении у Цебельды.

Это поселение было зафиксировано Ю. Н. Вороновым в 1967 году на стыке между урочищем Метелевка и селом Верхняя Лемса, на юго-восточном склоне горы Прцха [20, с. 172-178]. Первоначально материал собирался на поверхности размываемого склона. Здесь были найдены кремневые призматические и конические нуклеусы, геометрические микролиты - трапеции и сегменты, разнообразные скребки, резцы, стреловидные орудия, скобели, ножевидные орудия, проколки, пилки, обсидиановые трапеции, прямоугольники, скребки и др., обломки гранита и песчаника со следами работы. Весь комплекс отнесен к раннему неолиту (первая половина VI тыс. до н. э.). В 1976 году исследования на поселении были продолжены [21]. Их результатам посвящена третья глава книги [46, с. 20-26].

Сведения о новых находках орудий в рассматриваемом районе содержатся и в некоторых других работах автора. В 1970 году в одной из пещер вблизи урочища Чацкал мной найдено несколько пластинок мезолитического облика [18, с. 378], в 1971 году проводились сборы верхнепалеолитических и неолитических кремней в урочище Метелевка, на плотине озера Амткел, в районе Багадского моста [19, с. 472] и т. д. В последние годы тем же исследователем кремневые изделия собирались также в с. Герзеул (верхний палеолит), на г. Апианча (мустье), в пос. Краевичи (мустье), на г. Шапка (мустье, верхний палеолит). Гулрыпш (финальный мустье), пос. Чегем (финальный мустье) и др. [16, рис. 1; 5, 2; 8; 9; 12, 18-20; 14].

244

Глава 2. Палеолитические памятники Военно-Сухумской дороги (Свод источников)

В настоящем разделе преследуется цель свести воедино весь доступный автору материал по палеолиту Военно-Сухумской дороги (бассейны рек Келасур - левобережье, Мачара и Кодор). Имевшиеся до этого сводки С. Н. Замятнина - 8 местонахождений [24, с. 71; 25, с. 10], Л. Н. Соловьева - 9 местонахождений [32, с. 35-36], Н. А. Береговой - 13 местонахождений и Ю. Н. Воронова - 35 местонахождений (4) явно уже не отвечают требованиям сегодняшнего дня. Описание каждого местонахождения сопровождается соответствующими иллюстрациями, способствующими объективной оценке материала. Исключение составляют такие важные памятники каменного века района как Холодный грот, грот Кёп-Богаз, пещерная стоянка Куачара (Куабчара), гроты Джампал-1 и Джампал-2, подробная характеристика которых выходит за рамки настоящей работы, поскольку им уже посвящены либо будут в ближайшие годы посвящены специальные монографические исследования. В силу этих обстоятельств, предлагаемый обзор по преимуществу является реестром местных палеолитических местонахождений открытого типа. На сегодняшний день вдоль Военно-Сухумской дороги может быть указано свыше 50 местонахождений (рис. 1).

1. Гулрыпш, поселок. В 1964 году на поверхности прибрежной глинистой террасы в 50 м от моря на своем участке агрономом Румянцевым найден небольшой позднемустьерский остроконечник из светло-серого кремня с патиной (рис. 2 - 3).

2. Боговешта (Багажашта?), село. Здесь, северо-восточнее пос. Гулрыпш, на третьей и частью в делювии на склоне четвертой террасы реки Пшап собрано Л. Н. Соловьевым и С. Н. Замятниным небольшое число мустьерских ору-

245

дий, среди которых остроконечник, скребло, треугольная пластина с ретушью и обработанной ударной площадкой [9а, с. 35; 14, с. 16; 25, с. 10, 15].

3. Старо-Черниговское, село. На склоне пятой террасы подобрано в 1940 г. Л. Н. Соловьевым скребловидное орудие (рис. 2 - 2) из светло-серого латинизированного кремня мустьерского облика.

4. Хумушкур, село. На четвертой террасе правобережья р. Кодор в 1937 г. Л. Н. Соловьевым подобрано рубилообразное орудие мустьерского облика на крупном отщепе с односторонней подправкой (рис. 22) [32, с. 36].

5. Анастасьевка, село. На правом берегу р. Кодор, в обнажениях нижнего почвенного горизонта с железисто-марганцевыми стяжениями, на поверхности третьей террасы Л. Н. Соловьевым и С. Н. Замятниным в 1936 г. была собрана довольно обширная коллекция мустьерских орудий, среди которых нужно отметить скобель (рис. 2 - 4, резец на отщепе (рис. 2 - 6), остроконечник (рис. 2 - 9), нуклеусы (рис. 2 - 10, 3 - 1) и отщепы с подправкой (рис. 2 - 5, 7, 8) из светло-серого кремня со слабой патинизацией поверхности. Здесь же собрано несколько сильно латинизированных кремней ашельско-раннемустьерского облика [9а, с. 13; 25, с. 15].

6. Наа Армянская, Верхняя, село. Сборы здесь проводились Л. Н. Соловьевым весной 1936 г. (совместно с С. Н. Замятниным), а также 17 марта и 27 апреля 1940 года на территории лимонной плантации на поверхности пятой и шестой террас (правый берег р. Кодор). Среди находок интересны рубиловидные орудия (рис. 3 - 6-8, 10) с подправкой, образующей скребуще-рубящие и прокалывающие формы, резцы на грубых пластинах (рис. 35), проколки (рис. 33), пластины (рис. 32) и др. [32, с. 36].

7. Контактная, балка. Здесь, при выходе р. Кодора из ущелья вблизи местонахождения № 6 в 1964 г. Б. Л. Соловьевым поверх моренных отложений найдено позднемустьерское скребло округлой формы из темно-красного кремня (рис. 3 - 4). Орудие частично сохранило корку, его правильное полукруглое лезвие обработано крутой ретушью.

8. Нааский грот-1. Здесь, у выхода р. Кодор из теснины на правом берегу ее под навесом 7 марта 1936 г. Л. Н. Соловьевым обнаружено несколько кремневых орудий мезолитического облика [32, с. 36], среди которых резец (рис. 4,) и нуклевидное орудие (рис. 4 - 2).

9. Нааский грот-2. Рядом с местонахождением № 8 под навесом Л. Н. Соловьевым тогда же обнаружено несколько кремневых изделий, среди которых небольшой нуклеус из красного кремня (рис. 4 - 3), относящийся, вероятно, уже к неолитическому времени.

10. Тех, село. В долине по дороге из Цебельды к с. Тех на высоте 350-400 м над уровнем моря на поверхности суглинка Л. Н. Соловьев в 1936 г. собрал несколько обработанных кремней ашельского и позднепалеолитического облика [9а, с. 14, 157].

246

11. Атара Армянская, село. На левом берегу р. Кодор в двух пунктах по берегам ручья, стекающего к Кодору на западной окраине села, В. И. Воротниковым в 1965 г. и автором в 1966 г. собрано несколько десятков орудий верхнепалеолитического облика [14, с. 16, табл. XIV, 4, 9]. Среди них интересны скребла (рис. 5 - 6,14), остроконечники (рис. 5 - 13), отщепы с подправкой (рис. 5 - 2, 3, 5, 15, 16, 17), пластины (рис. 5 - 4, 8-12), нуклеусы (рис. 57), а также рубиловидное орудие из сланца (рис. 5 - 1). Все, за исключением последнего, орудия изготовлены из коричневого кремня и, как правило, лишены патины.

12. Эцвиш-Эку, урочище. У башен Келасурской стены (№№ 65 и 72) Л. Н. Соловьевым в 1938 г. и автором в 1968 г. собрано несколько кремневых орудий, среди которых позднемустьерские остроконечники (рис. 4 - 5) и отщепы с подправкой (рис. 4 - 7, 15), а также неолитическое (?) скребло (рис. 4 - 4). Последнее орудие изготовлено из коричневого кремня и в отличие от остальных лишено патины.

13. Чегем, село. Здесь в верховьях Пскальского ручья Л. Н. Соловьев напротив здания начальной школы подобрал в 1938 г. мустьерский отщеп (рис. 4 - 6).

14. Герзеул, село. Напротив крепости VIII-X вв. на территории древнего могильника автором (1967,1970 гг.) и С. З. Лакобой (1976 г.) собрано свыше десятка позднемустьерских скребел (рис. 48,) и отщепов из кремня с довольно сильно патинизированной поверхностью, а также пластинок верхнепалеолитического или более позднего времени (рис. 4 - 10, 11) [1, с. 464].

15. Агыш, гора. На юго-западном склоне на поляне (450-500 м над уровнем моря) вблизи восточной вершины Л. Н. Соловьевым в 1936 г. собрано несколько мустьерских отщепов с подправкой (рис. 4 - 12-14, 19, 20; 6 - 4) [24, с. 95-96, табл. XXXV, 1-3, 5, 6]. В 1962 г. в том же районе автором собрана серия кремневых орудий, среди которых интересны различные изделия на отщепах (рис. 4 - 17, 18, 23, 24, 25) мустьерского облика и ряд орудий верхнепалеолитического и, возможно, мезолитического времени-отщепов и пластинок с подправкой (рис. 4 - 21,22,26,27), [14, с. 15, табл. XII, 7; XIII, 11, 12, 15; XIV, 1, 25].

16. Агыш, гора. На западной оконечности горы на склоне, обращенном к северу, на поляне в 1962 г. автором подобрано несколько верхнепалеолитических отщепов (рис. 4 -

16; 6 - 2, 3) и пластинка мезолитического облика (рис. 6 - 1) [14, с. 15, табл. XIII, 16; XIV, 8, 32].

17. Чижоуш, гора. Несколько отщепов мустьерского и верхнепалеолитического (рис. 67) облика подобрано на распаханном поле в средней части вершины в 1966 г. А. С. Вознюком [14, с. 15, табл. XIII, 20].

18. Полтавское, село. На возвышенности рядом со зданием церкви, построенной в самом начале века, В. А. Юшиным и автором 26 июня 1976 г. собрано несколько кремневых изделий позднемустьерского (рис. 6 - 10, 13) и верхнепалеолитического (рис. 6 - 5, 6, 8-10, 12) облика.

247

19. Верхняя Лемса (Метелевка), село. Здесь, к северу от села на юго-восточном склоне горы (высота 500-600 м над уровнем моря) Прцха (уроч. Метелевка) автором в 1968 г. было подобрано на поверхности глинистых отложений несколько сильно латинизированных отщепов позднеашельского (?) и мустьерского облика (рис. 6 - 14-17, 21) [14, с. 15, табл. XIV, 7].

20. Магара, пещера. Здесь, в километре восточнее пункта 19, по склону ниже входа в пещеру 20 октября 1935 г. Л. Н. Соловьев собрал полтора десятка отщепов (рис. 6 - 18, 20) и осколков, датированных С. Н. Замятниным мустьерской эпохой [24, с. 96, табл. XXXV, 7, 8].

21. Верхняя Лемса, село. На северной окраине села, в 100 м ниже от пункта сборов 19, и на таком же расстоянии к востоку от развалин храма XI-XII вв. в 1967 году автором зафиксировано раннеолитическое поселение [20, с. 172-178]. Во время раскопок этого поселения, производившихся автором летом 1976 г., здесь в перемешанном слое наряду со средневековым и неолитическим материалом было обнаружено несколько мустьерских отщепов и леваллуазских пластин (рис. 6 - 19, 7 - 1) [46].

22. Нижняя Лемса, село. В 1935 г. Л. Н. Соловьев и С. Н. Замятнин по склону балки на южной окраине села (высота до 300 м над уровнем моря) собрали два грубых скребла (рис. 7 - 2, 3), дисковидный нуклеус и несколько отщепов мустьерского облика [24, с. 91, табл. XXVIII, 5-7].

23. Юрьевское, село. Здесь, на западной оконечности горы Апианчи на южной окраине села в 1974 г. автором подобрано два мустьерских отщепа (рис. 74 5) с подправкой и латинизированной поверхностью.

24. Апианча, гора. Несколько отщепов позднеашельского или раннемустьерского облика Л. Н. Соловьев нашел 19 октября 1935 г. в северной части седловидной впадины (800 м над уровнем моря) между двумя вершинами горы (рис. 7 - 6-8) [24, с. 96; 9а, с. 13].

25. Шапка, гора. В основании позднейших культурных напластований в крепости и по южному склону горы автором в 1960-1974 гг. собрана серия кремневых скребков,

пластинок и отщепов мустьерского (рис. 7 - 9, 10, 13, 14, 17; 8 - 1) и верхнепалеолитического (рис. 7 - 11, 12, 15, 16, 18) облика. Здесь же подобраны крупное орудие из твердого серого камня, напоминающее по форме нижнепалеолитические чоппангтулы (рис. 7 - 19) и обломок обсидиана, найденный М. М. Трапшем в 1964 г. [14, с. 15, табл. XII, 5; XIII, 5; XIV, 3,6].

26. Пацхир, ущелье. До десятка отщепов верхнепалеолитического облика (рис. 8 - 2, 3) из серого и коричневого кремня без патины собрано автором в 1964 г. на площадке перед Пацхирской крепостью. Орудия попадаются до глубины 35-40 см [14, с. 15, табл. XIV, 7]. При шурфовке одного из помещений в крепости найдено скребловидное орудие в форме «летающей птицы» с подправкой (рис. 8 - 5) [17, с. 137; 14, табл. XIV, 43].

248

27. Шапкинский могильник (II-VII вв.). Здесь в разные годы М. М. Трапшем, Г. К. Шамбой, М. М. Гунбой и автором обнаружено как на поверхности почвы, так и в составе инвентаря многих мужских захоронений довольно значительное число остроконечников, пластинок, скребел, отщепов и обломков главным образом верхнепалеолитического облика (рис. 8 - 4, 6-9, 11-14), [14, с. 15, табл. XIV, 2; 33, табл. XXXII, 12; XXXIX, 3; 34, табл. IX, 5; X, 13, 14; XIII, 8; 41, табл. VI, 5; VIII, 8]. Здесь же в средней части Юстинианова холма автором подобрана в 1970 году обсидиановая пластинка с ретушью (рис. 8 - 10).

28. Барьял, река. На террасе северо-восточнее Стеклянного холма на левом берегу реки в конце 50-х годов автором собрано несколько кремневых отщепов с подправкой и сильной патиной (рис. 8 - 15-17), отнесенных Л. Н. Соловьевым к мустьерской эпохе [14, с. 15].

29. Богаз, урочище. На перемычке между Цебельдинской впадиной и спуском к Кодору 24 августа 1936 г. Л. Н. Соловьев зафиксировал следы крупной палеолитической стоянки (пункт Цебельда - Богаз-1). Среди орудий, обнаруженных в верхнем горизонте покрывающего здесь известняки суглинка-бурозема, исследователь выделил две группы - более древнюю премустьерского (ашелльского) типа и более позднюю, отнесенную к финальному мустье [28, с. 51; 14, с. 15]. Среди орудий первой группы интересны многочисленные нуклеусы (рис. 94 5), рубилообразные орудия (рис. 10,1), массивное скребловидное орудие (рис. 9 - 4, 5), скребки (рис. 9 - 2), резцы (рис. 9 - 3), пластины и отщепы (рис. 10 - 2). Большинство орудий крупных размеров носит довольно аморфный характер, изготовлено из местного туронского кремня и покрыто густой белой патиной. Среди позднемустьерских орудий выделяются нуклеусы, скребки (рис. 10 - 5, 10), скребки-резак (рис. 10 - 7), простые и дублированные резцы (рис. 10 - 12, 13), боковые резцы (рис. 10 - 12, 13), пластинки (рис. 10 - 3), остроконечники (рис. 10 - 4, 6, 9, 14). Последние изделия обычно небольших размеров, более определенных форм и изготовлены из местного туронского и темно-серого кремня с розовой патиной.

30. Малые Краевичи, село. Здесь, в 500 м восточнее пункта № 26, на перемычке между Цебельдинской и Джагашкарской впадинами 24 августа 1936 г. Л. Н. Соловьевым

выявлены следы еще одной мустьерской стоянки (пункт Цебельда - Мертвая долина-2). Из этих сборов происходят остроконечник (рис. 8 - 18), скребок (рис. 8 - 20), обломок пластины с ретушью (рис. 8 - 19) и серия маловыразительных обломков кремня с белой патиной [28, с. 51].

31. Богаз, урочище. На середине пути от местонахождения 29 к гроту Кёп-Богаз тогда же Л. Н. Соловьев собрал несколько орудий мустьерского облика (пункт Цебельда - Богаз-3).

249

32. Кёп-Богаз, грот. Расположен в мертвой долине р. Праамткел, между вершинами Адагуа и Апианча, у подошвы последней. Грот состоит из двух смежных помещений, разделенных тонкой естественной перегородкой. Впервые этот объект упоминает А. Н. Введенский [13, с. 129]. Присутствие древних следов человеческой жизни здесь было установлено Л. Н. Соловьевым 24 августа 1936 г. Первый небольшой шурф Л. Н. Соловьев заложил в гроте в 1938 г. [30, с. 50]. В 1940 г. этот шурф был исследователем расширен и углублен до 5,25 метра, в результате чего в гроте было установлено наличие семи разновременных слоев - современного, эпохи бронзы, переходной стадии от мезолита к неолиту, раннемезолитического, азильской эпохи, конца верхнего палеолита и средней стадии верхнепалеолитического времени (рис. 11, 1-31) [28, с. 61-70; 48]. С 1974 г. раскопки в гроте Кёп-Богаз (Апианча) проводят Н. З. Бердзенишвили и Л. Д. Церетели [2; 3; 6; 7; 8].

33. Богаз, урочище. На плоскости дна долины Праамткела, в 100 м восточнее грота 24 августа 1936 г. Л. Н. Соловьевым зафиксированы следы еще одной палеолитической стоянки (пункт Цебельда - Богаз-4), где он собрал несколько позднемустьерских отщепов (рис. 12 - 1-3) [14 с. 15].

34. Цибилиум, крепость. Вблизи Л. Н. Соловьевым в 1940 г. найдено несколько мустьерских кремней (рис. 12 - 4, 6) [14, с. 15, табл. XIII, 13]. Здесь же в 200 м западнее крепости автор в 1972 г. подобрал остроконечник (рис. 12 - 5), отличающийся совершенством обработки и молочно-белой патиной [16. рис. 8 - 4]. Серия мустьерских (рис. 17 - 26), верхнепалеолитических, мезолитических и неолитических отщепов, пластинок, нуклеусов и др. собрана Цебельдинской экспедицией на территории могильника № 1 и вдоль дороги между с. Малые Краевичи и крепостью в 1977-1982 гг.

35. Планта, село. Здесь, в 2 км северо-восточнее крепости Цибилиум (Большие Краевичи) над спуском к Кодору 21 августа 1936 г. и в 1940 г. Л. Н. Соловьевым собрана интересная серия кремневых орудий [32, с. 35]. Среди них мустьерский остроконечник из светло-серого патинизированного кремня (рис. 12 - 11), верхнепалеолитические изделия со слабо патинизированной поверхностью (рис. 12 - 7, 12) и пластинки из светло-серого и коричневого кремня без патины мезолитического облика (рис. 12 - 8, 10, 13). Имеется сообщение, что эта коллекция изделий собрана Л. Н. Соловьевым «на площадке перед гротом» [9а, с. 157].

36. Шакуран, река. На поляне в 100 м выше Шакуранского водопада в 1936 г Л. Н. Соловьевым подобрано несколько кремневых орудий позднепалеолитического облика (рис. 12 - 9).

37. Амткел (Захаровка), село. 8 марта 1936 г. В. И. Громов, Е. В. Шанцер и Л. Н. Соловьев обнаружили в суглинках, перекрывающих моренные отложения ниже центра села вдоль следов древней дороги, несколько

250

кремневых изделий, датированных верхним палеолитом (пункт Захаровна, Цебельда-5) [32, с. 35; 22, с. 270, 416]. Среди этих изделий имелись пластины с ретушью (рис. 12 - 14), отщепы с подправленной площадкой (рис. 12 - 19), резцы (рис. 12 - 18), проколки (рис. 13 - 11), скребки (рис. 13 - 12), отщепы с боковой ретушью (рис. 13 - 7). В 1963-1964 гг. обследованием цебельдинской морены занимался Б. Л. Соловьев, собравший на ее поверхности ниже центра села Амткел серию изделий, главным образом, мустьерского облика [26, с. 74]. Среди них миниатюрное ручное рубильце, отретушированное с обеих сторон крупными стесами, а по боковым граням мелкой ретушью и изготовленное из коричневого кремня с розовато-молочной патиной (рис. 13 - 13), небольшой резец (рис. 12 - 16), субпирамидальный нуклеус (рис. 12 - 17), массивный резец из серого кремня с патинизированной поверхностью (рис. 13 - 2), массивный резчик с лезвием в виде зубца, оформленного с одной стороны грубой ретушью и покрытого пепельно-серой патиной (рис. 13 - 5), остроконечник с боковым зубцом (рис. 12 - 15) и небольшой резчик (рис. 13 - 8).

38. Джампальское ущелье. В глубине ущелья на расстоянии около 1,5 км от места слияния рр. Джампал и Схча в 1963-1964 гг. Б. Л. Соловьевым были прослежены остатки днища древнего трога [26, с. 69], на поверхности которого он собрал несколько орудий, главным образом, мустьерского времени. Среди них массивный с белой патиной остроконечник с легкой двухсторонней ретушью у острия (рис. 13 - 9), массивный резец из желтовато-серого кремня (рис. 13 - 4), клювообразный резец из красного кремня с розовой патиной, сделанный на леваллуазской пластине путем крупного выемчатого скола (рис. 133), остроконечник из желтовато-белого патинизированного кремня (рис. 13 - 3) и ножевидная изогнутая пластина с густой светло-коричневой патиной, оформленная боковой ретушью (рис. 13 - 6).

39. Джампал-1 (Амткельский), грот. Здесь, в 200 м ниже места слияния рр. Джампал и Схча, на высоте около 30 м над уровнем реки в 1958-1965 гг. Н. З. Бердзенишвили исследовала слои переходного периода от мустье к верхнему палеолиту [4; 5, с. 166-169].

40. Джампал-2, навес. Здесь, в 20 м юго-восточнее пункта 39 Н. З. Бердзенишвили и Л. Д. Церетели в 1966-1967 гг. исследован слой, отнесенный к развитому мезолиту [39; 38, с. 84-93, табл. XVII-XIX; 36, с. 70-84] (рис. 14 - 1-60).

41. Холодный грот (Хупынипшахуа, Хупына). Стоянка мезолитической эпохи в гроте и на площадке перед ним зафиксирована Л. Н. Соловьевым в 1935 г. [30, с. 50]. В 1940 г. Л. Н.

Соловьев расширил разведочные шурфы в гроте [28, с. 65-70]. В 1959 г. В. С. Орелкин и В. Л. Венчунас обнаружили здесь обломки костей ископаемого человека [31], что привело в 1960 году к возоб-

251

новлению здесь раскопок под руководством Л. Н. Соловьева. В глубине грота было исследовано четыре слоя, отнесенных соответственно к феодальному, преднеолитическому, мезолитическому и позднепалеолитическому времени [29, с. 191-195, рис. 1, табл. I-II; 27; 44; 45] (рис. 15, 1-40). В 1974 году здесь проводили разведки Н. З. Бердзенишвили и Л. Д. Церетели, которым удалось выявить нетронутый слой верхнего палеолита на площадке перед гротом [2, с. 6].

42. Амзара, урочище. Напротив пункта 42 на левом берегу Кодора Л. Н. Соловьевым в 1940 году собрана серия кремневых изделий верхнепалеолитического облика, среди которых нужно отметить скребло (рис. 17 - 1), массивный остроконечник (рис. 17 - 2), резец (рис. 17 - 3), пластинку с кольцевой ретушью (рис. 17 - 5) и отщепы с подправкой (рис. 17 - 4, 6).

43. Пал (Чал), село. В одном из гротов, выявленных Л. Н. Соловьевым в 1938 г. в расположенных восточнее Багадских скалах, было собрано несколько верхнепалеолитических орудий [32, с. 36].

44. Багадский мост. На спуске к мосту в 50 м от него на правом берегу р. Кодор автором в 1971 году был подобран мустьерский отщеп с подправкой (рис. 17 - 7) [19, с. 472].

45. Георгиевское, село. Северо-восточнее села в одном из гротов, расположенных в восточном 10-15-метровом обрыве хребта, идущего от горы Пал к Абхазскому хребту, на высоте около 1500 м над уровнем моря у истоков р. Учкур, П. А. Беловым в 1967 г. найдено несколько пластинок мезолитического облика (рис. 17 - 8, 9) [14, с. 16; 16, рис. 6 - 7-8].

46. Куачара (Куабчара), урочище. В одноименной пещере, расположенной в

4 километрах от центра с. Цебельда в сторону Аблухуары на высоте около 650 м над уровнем моря и 150-200 м над уровнем дна сухой долины, в 1958-1963 гг. Н. З. Бердзенишвили и Л. Д. Церетели раскопали значительную стоянку каменного века, где на площади до 150 кв. м было выделено 5 горизонтов, относящихся соответственно к феодальному периоду, различным фазам раннего мезолита и верхнему палеолиту [5, с. 166-169; 38, с. 21-77, табл. I-XIV] (рис. 16 - 1-77).

47. Чацкал, урочище. На подъеме к урочищу в 1,5 км от моста через р. Келасур в 1966 г. автором подобран мустьерский отщеп с крупной односторонней ретушью вдоль края (рис. 17 - 10) [14, с. 15, табл. XIII, 8].

48. Чацкал, река. Юго-восточнее пункта 47 в ущелье ручья, стекающего с одноименного урочища, в 1966 г. В. А. Юшиным и автором зафиксирована небольшая пещера, в

вестибюле и в глубине (50 м от входа) которой обнаружены кости пещерного медведя [14, с. 15]. В 1970 г. у входа в эту пещеру автором найдена пластинка из розового кремня (рис. 17 - 11,), которая может быть датирована мезолитом [18, с. 378].

49. Азанта, село. В нескольких десятках метров южнее большого Азантско-

252

го дольмена в 1967 г. автором найдено несколько отщепов мустьерского и верхнепалеолитического (рис. 17 - 15) облика [14, с. 15, табл. XIII, 4].

50. Плотина Амткельского (Азантского) озера. В центральной части древней плотины поверх следов ледниковой морены Б. Л. Соловьев и автор 23 января 1963 г. собрали несколько отщепов мустьерского облика [14, с. 15; 26, с. 74]. Очень интересен листовидный остроконечник из сильно метаморфизированного кремня, покрытого желтовато-белой патиной, обработанной по краям двухярусной ретушью (рис. 17 - 23), а также небольшой асимметрический остроконечник, переделанный, вероятно, в ту же мустьерскую эпоху из большого правильной формы остроконечника с сильно метаморфизированной основой и густой белой патиной на поверхности (рис. 17 - 14). В сентябре 1966 года Б. Л. Соловьев подобрал здесь же еще один мустьерский отщеп из светло-серого кремня с подправкой (рис. 17 - 12) и обломок орудия из темно-серого сланца (рис. 17 - 13). Здесь же 15 ноября 1968 г. найден массивный остроконечник с двусторонней обработкой острия (рис. 17 - 16), а позже - верхнепалеолитическое скребло (рис. 17 - 25).

51. Плотина Амткельского (Азантского) озера. В восточной части древней плотины в 0,5 км восточнее пункта 50 в 1966 и 1971 годах автором собрано несколько изделий из белого и серого кремня с очень слабой патиной. Одно из орудий обработано двусторонней крутой ретушью, образующей зубцы (рис. 17 - 20), у двух других двусторонней ретушью выделен режущий край (рис. 17 - 18, 19), четвертое, зубчатое, изготовлено на пластинке (рис. 17 - 17). Эти орудия могут быть датированы поздним мезолитом или неолитом [19, с. 472; 16, рис. 12, 18-20; 47].

52. Апушта урочище. Кремни со следами обработки выявлены здесь в 1966-1970 гг., главным образом, в погребениях III-VII вв., куда они попадали в качестве составных частей огнедобывающих инструментов [14, с. 15, табл. XIII, 6; XIV, 5; 15, с. 190, рис. 9, 18]. Одно из орудий представляло собою массивный позднемустьерский отщеп с краевой ретушью и с сильной патинизацией поверхности (рис. 17 - 21). Другое орудие нуклевидной формы изготовлено на обломке со слабой подправкой и слабой патиной (рис. 17 - 24). В восточной части урочища найден миниатюрный отщеп из белого кремня со слабой патиной (рис. 17 - 22).

На этом имеющиеся в нашем распоряжении сведения о находках эпохи камня на территории, прилегающей к Военно-Сухумской дороге, пока кончаются.

253

Глава 3. Ранненеолитическое поселение в пос. Верхняя Лемса (Итоги раскопок 1976 года)

Рассматриваемое поселение было обнаружено автором весной 1967 года на пологом южном склоне горы Прцха на стыке между расположенным выше урочищем Метелевка и уходящими вниз угодьями пос. Верхняя Лемса в 5 км к западу от центра с. Цебельда. Еще в 1964 году здесь было подобрано несколько кремневых обломков и фрагментов архаической глиняной посуды, отнесенных автором к остаткам прослеженного выше поселения эпохи бронзы [14, с. 37]. Работы 1967 г., проводившиеся при участии краеведов А. С. Вознюка и В. А. Юшина, позволили собрать небольшую коллекцию кремневых изделий, которые тогда же Л. Н. Соловьев датировал предположительно неолитической эпохой. В 1968 г. автором с помощью местных краеведов М. К. Минасяна и В. Н. Воронова на поселении было заложено два разведочных шурфа общей площадью до 5 кв. м и на глубину до 0,5 м. На основе материалов, добытых сборами и при шурфовке, была написана небольшая статья, опубликованная в 1970 г. [20, с. 172-178] *. В последующий период поселение неоднократно

* Основные положения этой статьи сводились к следующему: В научный оборот было введено 60 экз. кремневых изделий, около десятка обсидиановых поделок, столько же изделий из различных пород камня, сведения о находках керамических фрагментов. Среди кремневых изделий выделены, помимо многочисленных обломков - 112 экз. (65%), нуклеусы - 3 экз. (1,8%), трапеции - 13 экз. (7,6%), прямоугольники - 2 экз., сегменты - 1 экз., скребки - 6 экз. (3,5%), резцы и резчики - 4 экз. (2,3%), пластинки и их обломки - 18 экз. (10,6%), стреловидные орудия - 3 экз., скобели - 1 экз. Среди каменных изделий - обломки гранитных валунчиков и песчаника со следами работы, речные гальки с оббитыми краями, железистые конкреции. Ни шлифованных орудий, ни керамических изделий неолитического облика здесь найдено не было, Не удалось и зафиксировать непо потревоженного культурного слоя - до глубины 0,5 м попадались обломки поливной и простой керамики XII-XIV вв. На основании присутствия пережиточных мезолитических черт (односторонняя обработка со стороны спинки, широкое использование пластинок, большой процент трапеций на трехскатных пластинках и др.), памятник был датирован ранним неолитом (первая половина VI тыс. до н. э.).

254

посещалось автором, проводившим сбор подъемного материала, вновь поступающего на поверхность в результате интенсивной эрозии почвы [19, с. 472].

Как было указано, следы неолитического поселения были обнаружены на пологом, обращенном к солнцу склоне. В 200 м северо-западнее расположены развалины храма XI в., обнаруженного П. С. Уваровой еще в 1886 г. В 150 м севернее поселения найден в 1964 г. клад топоров и других изделий позднебронзовой эпохи. Здесь же и восточнее отмечены следы поселения и могильника того же времени [14, с. 37]. Основная зона находок неолитического времени представляет собою поляну, верхняя часть которой образована ровной, поросшей травой площадкой, окаймленной с севера невысокой

скалистой грядой, полускрытой в зарослях ольхи, орешника и папоротника. Нижняя же часть этой поляны представляет собою склон, иссеченный в своей северной части канавами и подвергающийся интенсивному размыву. Здесь местами из-под глинистой почвы выступают коренные известняковые породы. Местонахождение окружено мелколесьем (орех, ольха, дикие груши и яблони, черешня, алыча, кизил, боярышник, сасапариль и др.) и пересекается недавно проведенной грунтовой дорогой, используемой тракторами и грузовым транспортом (рис. 18.). Выше основной зоны распространения находок за упомянутой скалистой грядой расположено продолговатое, ежегодно обрабатываемое под табак и кукурузу поле, за которым склон сильно размывает и изрезан глубокими канавами. Отдельные находки неолитических кремней встречены как на указанном продолговатом поле, так и в 100 м выше. Аналогичные находки сделаны и на периферии поселения восточнее и особенно южнее, куда стекают по поверхности склона и по канавам дождевые потоки, переместившие отдельные кремневые поделки на расстояние до 200 м от ядра местонахождения. Вода сейчас в непосредственной близости от поселения отсутствует. Однако скопление разновременных памятников в одном месте указывает на наличие такого источника в прошлом. В 500 м западнее в небольшом ущелье имеется родник, которым также, вероятно, могли пользоваться местные жители издавна.

В 1976 году на рассматриваемом поселении работала экспедиция Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, в задачу которой входило проверить уже имеющиеся в литературе данные по неолиту Цебельды, а также дополнить их новыми фактами*. На южной оконечности нетронутой эрозией площадки вдоль линии размыва к востоку от шурфа 1968 г. (рис. 18 - 1а) было заложено три раскопа общей площадью в 140 кв. м при глубине 0,8-1,2 м: два крайних раскопа охватывали по 36 кв. м, средний - 68 кв. м (рис. 18 - 2). Помимо этого был проведен зондаж почвы с целью поисков непо-

* Экспедиционные работы проводились в период с 10 июня по 10 июля и с 25 августа по 25 сентября 1976 г. В составе экспедиции работали Ю. Н. Воронов (руководитель), С. З. Лакоба (лаборант), В. Б. Левинтас (фотограф), М. К. Минасян, В. А. Юшин, В. Н. Воронов и А. С. Четверухин.

255

тревоженного слоя неолитического времени по периферии поселения (общая площадь шурфов до 10 кв. м). Приводимый в рисунках материал раскопок 1976 г. по раскопам распределяется следующим образом: раскоп I (западный) - рис. 19 - 2, 4, 8, 11, 16, 18, 21, 24; 20 - 2, 10, 12, 23, 25; 21 - 24, 29-31, 34, 36, 40, 42, 43, 45; 22 - 8, 10, 17, 21, 26; 23 - 6-8, 14, 15, 21, 24, 30, 36; 24 - 2, 4, 9, 19, 24, 27; 25 - 1, 5, 21, 29; 26 - 2-4, 11, 12, 15, 18, 22; 27 - 3, 4, 11; 28 - 3, 5, 9; 29 - 3, 7, 12; раскоп 2 (центральный) - рис. 19 - 3, 5-7, 9, 10, 14, 15, 20, 22; 20 - 3, 5-7, 20, 22, 24, 26, 28, 29, 31, 32, 36, 37, 39-45, 47-49; 21 - 9, 27, 28, 33, 37, 41, 46, 48-50, 54; 22 - 2, 6, 7, 18, 24; 23 - 9-11, 13, 18, 26, 29, 34, 35, 38-41; 24 - 1, 11, 17, 18, 20-22, 25; 25 - 2-4, 6-13, 17-20, 22-28; 26 - 1, 5-10, 13, 14, 19, 20, 23; 27-

1, 2, 5-7, 9, 12; 28 - 4, 6-8, 10; 29 - 6, 9-11; раскоп 3 (восточный) - рис. 19 - 17, 23, 25, 26; 20 - 21, 30, 38, 46; 21 - 35, 38, 3, 39, 51-53; 22 - 19, 20, 25; 23 - 16, 19, 20; 24 - 5, 10, 23; 25 - 14-16, 26 - 16, 17, 21; 27 - 8, 13; 28 - 11; 29 - 5, 8.

Раскопками 1976 года было установлено четыре слоя накоплений, каждый из которых характеризует определенную эпоху в формировании современного облика местности. Стратиграфия памятника представляется сегодня следующим образом (рис. 18, 3).

Слой А. Чернозем с травянистым покровом. Мощность слоя 0,10,2 м. В нижней его части начинают попадаться кремневые поделки (рис. 19, 5; 20, 22, 47; 21, 33, 49; 23, 6; 24, 9; 25, 21; 26, 4) и обломки средневековой посуды. Обнаруженные здесь же, в основании слоя гильза от патрона и железный гвоздь фабричного производства позволяют отнести накопление рассматриваемого слоя ко второй половине XIX-XX вв.

Слой Б. Коричневая мелкокомковатая глина наносного характера. Мощность слоя 0,2-0,6 м. В нем обнаружено большое число кремневых поделок

(рис. 19 - 2, 3, 7, 11, 14, 19, 21, 22, 24-26; 20 - 2, 6, 10, 20, 24-26, 29, 30, 36, 37, 39, 41, 42, 45, 46; 21 - 9, 27, 28, 30, 31, 34, 36, 38-41, 46, 47, 53, 54; 22 - 2, 6, 8, 10, 17, 18; 23 - 7-9, 15, 16, 18, 21, 24, 26, 29, 34, 41; 24 - 1, 4, 10, 11, 17-20, 25; 25 - 1-5, 16-18, 22-29, 26, 1-3, 9, 12, 13, 15, 16, 19, 21, 23) обломков каменных орудий (рис. 27 - 4-8, 11; 28 - 3-5, 7, 11), фрагменты, главным образом, средневековой керамики, среди которой два обломка поливной зеленой (рис. 29 - 7) и светло-коричневой (рис. 29 - 5) тонов керамики XI-XIV вв., пифосов (рис. 29 - 5), кухонной (рис. 29 - 12) и столовой (рис. 9 - 11) посуды, стеклянных изделий (рис. 29 - 10). Из того же слоя происходит найденный еще в 1968 году в шурфе «а» одноручный кувшинчик из тонкоотмученной светлой глины: (рис. 29 - 4). В раскопе 2 из верхнего горизонта рассматриваемого слоя вглубь вели две округлые ямы, достигавшие слоя 4 (целик) и заполненные древним мусором, обломками средневековых пифосов, кувшинов, и горшков вперемешку с кремневыми изделиями. В северо-восточном углу раскопа 3 выявлен каменный завал, связанный, судя по сопровождающим обломкам пифосов и поливной посуды, с деятельностью местного населения в развитом средневековье. Перечисленные материалы позволяют предположить, что рассматриваемый слой накапливался уже в период XII-XIV в., а упомянутые ямы были выкопаны и заполнялись в период не ранее конца этого этапа.

Слой В. Коричневая крупнокомковатая глина наносного характера, но более длительной выдержки, а потому и значительно более твердая, слежавшаяся. Мощность слоя 0,2-0,6 м, максимальное удаление от поверхности 0,2-0,6 м,

256

максимальное удаление от поверхности почвы не более 1 м. В рассматриваемых накоплениях обнаружено довольно значительное число кремневых изделий (рис. 19 - 4, 6, 8-10, 15-18, 20, 23; 20 - 3, 5, 7, 12, 21, 23, 28, 31, 32, 38, 40; 43 - 44, 48, 49; 21 - 24, 29, 35, 37, 42, 43, 45, 48, 50-52; 22 - 20, 21, 24 - 26, 23 - 10, 13, 14, 19, 20, 30, 33, 35, 36, 38-40; 24 - 2, 5, 21-24, 27; 25 - 6-15, 19-21, 30; 26 - 5-8, 10, 11, 17; 18 - 20, 23), каменных обломков (рис. 27

- 1-3, 9, 12, 13; 28 - 6, 8-10). Здесь же продолжают попадаться и отдельные обломки средневековой глиняной посуды (рис. 29 - 6), а также найдено несколько фрагментов грубой лепной посуды (рис. 29 - 3), относящейся, по-видимому, к вышерасположенному поселению бронзовой эпохи. В основании слоя в расколе 1 на глубине 0,9 м от поверхности почвы найдена кремневая стрела с глубокой выемкой у основания, которая также датируется бронзовой эпохой, скорее всего II тыс. до н. э. Следовательно, и этот слой носит переотложенный характер, а его накопление относится к бронзовой (?) и средневековой (до XIV в.) эпохе.

Слой Г. Непотревоженная материковая глина вязкой и пластичной структуры, залегающая на известняках, продуктом выветривания которых она является. Мощность слоя до 1,52 м. Культурные остатки в нем отсутствуют. Верхний контур целика в раскопе 2 в его северной части показал, что имеющаяся здесь и теперь канава начала формироваться еще в «донеолитический» период (рис. 18 - 3).

Таким образом, раскопки 1976 года, выявив еще один, третий по счету культурный пласт на рассматриваемом поселении, тем не менее, не смогли обнаружить здесь непотревоженный временем слой неолитического времени. Вся рассматриваемая площадка представляет собой, как выясняется, конус выноса ливневого потока, периодически устремляющегося сюда сверху по дну канавы, соединяющей эту площадку с упомянутым выше продолговатым полем, где также, хотя и редко, попадаются кремневые обломки неолитического времени. Пока у меня создается впечатление, что поселение неолитических поселенцев располагалось несколько выше (в 20-50 м от раскопа), а в средние века в результате сплошной вырубki леса на склоне и интенсивной его распашке почва была смыта вниз по склону, скапливаясь затем, видимо, вдоль кромки участка, где мог проходить деревянный забор (на это, вероятно, указывают следы очень древних кольев, связанные стратиграфически с каменной кладкой в раскопе 3).

Следовательно, судить об облике, характере самого поселения неолитического времени в Верхней Лемсе мы можем по-прежнему лишь предположительно. Вместе с тем раскопки 1976 года дали богатую коллекцию - свыше 500 единиц - древних изделий, значительно расширяющих существовавшие до этого представления об облике материальной культуры неолитического человека в окрестностях Цebelды. В нижеприводимый обзор включены как уже опубликованные ранее автором материалы исследований 1968 г. (рис. 19 - 1, 12, 13; 20 - 1, 8, 9, 11, 13-19, 27, 33-35; 21 - 1, 3-8, 10-16, 18, 19; 22 - 4, 5, 9, 11, 12, 14-16, 22, 23; 23 - 1-5, 12, 17, 22, 23, 25, 28, 31, 32; 24 - 3, 6, 7, 14-16, 26; 28 - 1, 2; 29 - 2, 4), так и сборы 1972 г. (рис. 20 - 4, 21 - 2, 17, 20-23, 25, 26, 32, 44; 22 - 13, 23 - 27, 37; 24 - 8, 12, 13; 29 - 1). Рассмотрим каждую группу этих изделий в отдельности.

257

Нуклеусы. Эти изделия обнаруживаются обычно в сильно сработанном виде, нередко в обломках. Большинство их из кремня коричневого цвета (рис. 19 - 2-4, 7, 11, 17, 18, 20 и др.), реже из кремня белого (рис. 19 - 5, 6, 9, 14) и серого (рис. 19 - 10, 15) цвета.

Типологически среди крупных нуклеусов выделяются: 1) нуклеусы конические (рис. 19 - 1-5, 11, 16); 2) нуклеусы ограниченные призматические (рис. 19 - 12-15, 18) - одна их сторона часто плоская, другая многогранная; 3) нуклеусы дисковидные (рис. 19 - 7, 9, 10); 4) нуклеидные обломки (рис. 19 - 6, 18 - 24). На некоторых экземплярах заметны следы переделки нуклеусов в другие орудия - из одного образована стамеска (рис. 19 - 8), у другого выделено сверло (рис. 19 - 3), на некоторых оформлен резец (рис. 19 - 6, 14, 19; 22 - 24). Очень интересен набор микронуклеусов, указывающих на максимально рациональное использование заготовок. Среди этих изделий выделяются соответственно нуклеусы конические (рис. 19 - 21, 22, 25, 26), призматические (рис. 19 - 17-19, 23, 24) и нуклеидные обломки (рис. 19 - 20) как одностороннего, так и кругового характера.

Скребки. Эти орудия в своем большинстве сделаны из кремня коричневого цвета. Типологически среди этой группы изделий выделяются: 1) скребки концевые на пластинках (рис. 21 - 42, 48, 54; 22 - 1-6, 16; 23 - 18, 19, 38, 41; 25 - 2, 25), среди которых, например, скребок на крупной пластине (рис. 23 - 38) мог служить и косым резцом; 2) скребки на пластинах с боковой ретушью (рис. 21 - 39; 22 - 7, 9, 12, 14); 3) скребки концевые на отщепах (рис. 22 - 8, 11, 13, 18; 25 - 7, 28; 26 - 21); 4) скребки концевые на отщепах с боковой ретушью (рис. 22 - 15, 17, 19, 22); 5) скребки концевые на отщепах округлой формы (рис. 22 - 25, 25 - 27); 6) боковые выпуклые скребки на отщепах (рис. 22 - 21, 23 - 16); 7) боковые вогнутые скребки на массивных обломках (рис. 25 - 4, 8; 26 - 7, 16); 8) концевые вогнутые скребки на пластинках (рис. 21 - 23, 24); 9) скребки на обломках (рис. 22 - 10, 20, 24, 26; 26 - 5); 10) массивные скребки с режущим краем (рис. 22 - 23; 23 - 17); 11) микроскребки с боковой ретушью (рис. 22 - 7). Обработка всех перечисленных орудий как правило односторонняя, со стороны спинки. Случаи подправки режущих краев орудия со стороны брюшка крайне редки (рис. 22 - 8, 10, 18, 21). К этой же группе изделий примыкает орудие на пластинке с отретушированной головкой (рис. 23 - 22), отнесенное мною ранее к скобелям.

Среди находок на поселении у Верхней Лемсы особенно многочисленны обломки пластинок со следами обработки и использования (рис. 21 - 3-8, 10-22, 25-27, 30, 33, 34, 36-38, 40, 41, 44-47, 49-53; 23 - 39, 40; 25 - 3, 11, 14, 15, 18, 21, 23, 29; 26 - 4, 6, 10, 12, 17, 18). Из орудий, изготовленных на пластинках, кроме вышеупомянутых скребков, особенно выразительны геометрические вкладыши-трапеции, сегменты и прямоугольники.

Трапеции. В этой группе изделий выделяются четыре варианта: 1) трапеции удлиненных пропорций (рис. 20 - 8, 10-16, 19, 22, 28); 2) укороченных пропорций (рис. 20 - 9, 18, 20, 23, 27, 29, 33, 38); 3) асимметричные (рис. 20 - 17, 24, 25); 4) с вогнутыми боковыми краями (рис. 20 - 26, 30, 31, 32). Все эти изделия выполнены на двухскатных и трехскатных пластинках и оформлены с помощью обычно крутой, реже состругивающей (рис. 20 - 18, 20, 25) односторонней ретуши со стороны спинки по бокам изде-

лия. Верхнее и нижнее основания трапеции обычно обработкой не затрагивались, однако в отдельных случаях все же отмечается слабая ретушь части верхнего основания со стороны брюшка (рис. 20 - 13) или со стороны спинки (рис. 20 - 28, 29). В одном случае прослежена переделка обломка трапеции в проколку (рис. 20 - 23). В другом случае была отретуширована часть верхнего основания со стороны спинки, в результате чего получился микрорезчик (рис. 20 - 14).

Сегменты. Среди этих изделий выделено три варианта: 1) сегменты укороченных пропорций (рис. 20 - 1-3, 6); 2) сегменты удлиненных пропорций (рис. 20 - 4, 5) и 3) сегменты переходной к трапециям формы (рис. 20 - 17). Все они сделаны из коричневого кремня на тонких слегка изогнутых отщеповидных пластинках или реже, на обычных двухскатных пластинках (рис. 20 - 14, 17). Дуга их образована притупляющей ретушью со стороны спинки, очень редко и в незначительной степени заходя и на брюшко. Подправка угла одного из рассматриваемых сегментов (рис. 20 - 5), преследовавшая в первую очередь, вероятно, задачу сделать вкладышевую основу более тонкой, в то же время указывает на возможность использования этого орудия и в качестве проколки или развертки.

Прямоугольники. Можно выделить два варианта этих изделий: 1) прямоугольники правильной, обычно подквадратной формы (рис. 20 - 34-37; 23 - 20) и 2) со слегка вогнутыми боковыми сторонами (рис. 20 - 39). Эти микролиты изготовлялись обычно на двухскатных, реже трехскатных пластинках с помощью крутой односторонней (со стороны спинки) ретуши. Особняком стоит прямоугольная пластинка с подструганной спинкой (рис. 20 - 35).

Стамескообразные орудия. Среди этих очень однородных изделий могут быть выделены два варианта: 1) стамески, изготовленные на нуклеусах (рис. 19 - 8, 23-25) и 2) стамески, изготовленные на нуклевидных плоских прямоугольниках (рис. 20 - 40-49).

Резцы. Среди этой довольно многочисленной категории орудий выделяются: 1) резцы на пластинках (рис. 20 - 10, 14; 21 - 31, 32, 35; 23 - 1-3, 5-7); 2) резцы на отщепах (рис. 23 - 4, 11); 3) резцы на нуклеусах (рис. 19 - 6, 14, 19); 4) резцы на нуклевидных обломках (рис. 23 - 8, 9, 13, 14; 26 - 9). В первом случае наиболее обычны концевые отретушированные орудия (рис. 21 - 33; 23 - 1, 7), встречаются также боковые резцы, образованные как простым (рис. 20 - 10, 23 - 2), так и отретушированным (рис. 20 - 14, 23 - 5) сколом. Одно из рассматриваемых орудий имеет хорошо отретушированную боковую выемку, образующую черешок (рис. 23,3), в другом случае режущий край имеет зубчатую форму, а боковая часть пластинки мелко отретуширована (рис. 23, 2).

Проколки. Эти орудия имеют обычно длинное, тщательно отретушированное острие. Среди них выделяются два варианта: 1) проколки, изготовленные на массивных обломках (рис. 24 - 4, 30-14, 25; 25 - 10, 13; 26 - 22) и 2) проколки, изготовленные на пластинках (рис. 20 - 23; 21 - 41, 24 - 9).

Остроконечники. Основой для этих изделий обычно служили отщепы, подвергавшиеся частичной ретуши или подправленные каким-либо иным спосо-

бом (рис. 24 - 1-3, 6-8; 25 - 22, 26 - 11, 13). Особенно выразителен остроконечник (рис. 24 - 1), изготовленный из слабо патинизированного светло-серого кремня и имеющий небольшую выемку у основания. Он с одного края обработан приостряющей, а с другого - притупляющей ретушью.

Сверла. Этот тип орудий, широко распространенный на местных поздненеолитических памятниках (Нижняя Шиловка, Кистрик и др.), в материалах рассматриваемого поселения представлен лишь одним не очень выразительным орудием (рис. 23 - 12). К разверткам может быть отнесено также лишь одно изделие на отщепе (рис. 26 - 14).

Изогнутые орудия. Выразительную группу изделий составляют зубчатые орудия с клювовидно изогнутым концом, изготовлявшиеся обычно на удлиненных отщепах (рис. 23 - 15; 24 - 19, 22 23; 25 - 12) и пластинках (рис. 24 - 20, 21).

Пилки. Эти орудия, изготавливавшиеся, как правило, на отщепах, имели обычно один или два рабочих края (рис. 23 - 10, 24 - 15, 18).

Необходимо также упомянуть серию зубчатых орудий, изготавливавшихся на пластинках (рис. 24 - 16, 17, 24) и на отщепах (рис. 26 - 8), пластинки с выделенной головкой (рис. 21 - 2, 9), отбойники - шаровидные желваки кремня, грубо оббитые со всех сторон (рис. 26 - 19), значительное число обломков и отщепов со следами использования в работе (рис. 25 - 1, 5, 6, 9, 16, 17, 19, 20, 26; 26 - 1-3, 15, 20).

Прежде чем завершить рассмотрение кремневого материала, выявленного на поселении у Верхней Лемсы, нужно упомянуть о неоднократных находках в культурных накоплениях отщепов мустьерского времени, попавших сюда в результате размыва расположенных выше склонов. Таким же путем, надо полагать, попали сюда и два выразительных наконечника стрел с глубокой выемкой на основании (рис. 24 - 26, 27). Ближайшие аналогии первому наконечнику я уже указывал среди северокавказских материалов II тыс. до н. э. [20, с. 176]. Наконечники, подобные второму, были широко распространены, по данным В. И. Марковина, по всему Кавказу, особенно на втором и третьем этапах северо-кавказской культуры, доживая до эпохи железа. Последнее обстоятельство позволяет связывать рассматриваемый наконечник с расположенным выше по склону поселением позднебронзовой эпохи.

Очень выразительна коллекция обсидиановых изделий (17 экз. - 2, 6% от общего числа кремневых поделок). Материал этих изделий по своему характеру ближе всего стоит к обсидиану, встречающемуся в южной Грузии и Армении, оттуда он, по-видимому, через Центральную Колхиду поступал в Кодорское ущелье. Среди рассматриваемых изделий выделяются прямоугольники (рис. 23 - 23, 26), укороченные (рис. 23 - 24, 25) и обычные (рис. 23 - 27) трапеции, скребки на пластинках (рис. 23 - 28, 31), пластинки (рис. 23 - 29, 32-34), скребок на отщепе (рис. 23 - 37) призматические нуклеусы (рис. 23 - 30, 35) и отщепы (рис. 23 - 36). По своей форме обсидиановые изделия из Верхней Лемсы не

отличаются от соответствующих местных кремневых поделок, что должно говорить в пользу местного производства и

260

обсидиановых орудий. В этой связи интересны рассказы местных жителей о частых находках в 30-40-х годах текущего столетия на территории рассматриваемого поселения крупных обломков (до 34 кг) «черного стекла» через которое даже пытались наблюдать затмение солнца.

На территории рассматриваемого поселения и в его культурных напластованиях встречено большое число каменных обломков, принадлежавших орудиям, использовавшимся местным неолитическим населением. Среди этих обломков могут быть выделены следующие изделия: 1) клиновидные орудия (рис. 27 - 1, 2, 4, 5), зеленовато-серого камня, обработанного грубыми сколами; 2) обломки продолговатых (земледельческих?) орудий (рис. 27 - 3, 12, 13) из крупнозернистой-вулканической породы; 3) призматические терочники (рис. 28 - 6, 7) из зеленовато-серой и светлой вулканической породы; 4) гальки со следами долбления (рис. 27 - 6, 28 - 1, 4) из зеленовато-серой и светлой вулканической породы; 5) обломки галек со следами затертости (рис. 28 - 3, 5, 8, 9, 11); 6) мелкие и среднего размера гальки со следами затертости (рис. 28 - 10; 29 - 1) и работы (рис. 29 - 2); 7) галечные отщепы (рис. 27, 7-9); 8) обломки песчаника со следами желобообразной затертости (рис. 28 - 2); 9) крупные железистые конкреции зооморфной (рис. 27 - 10) и клиновидной (рис. 27 - 11) формы. Шлифованных каменных изделий на Лемсинском поселении не обнаружено.

Выше, при рассмотрении стратиграфии рассматриваемого поселения, упоминалось о находках здесь довольно многочисленных разновременных керамических обломков, по которым можно составить довольно ясное представление о следующих формах сосудов: 1) лепные плоскодонные сосуды из рыхлой плохо обожженной глины (рис. 25 - 3), находящиеся соответствие в посуде расположенного выше поселения позднебронзовой эпохи; 2) крупные красноглиняные пифосы, украшавшиеся по плечам налепным рантом с рядом пальцевых вдавлений (рис. 29 - 5) либо рядом находящихся друг на друга долек (рис. 29 - 6); 3) кухонные гончарные горшки из темно-коричневой грубой глины (рис. 29 - 12); 4) своеобразные красноглиняные сосуды (кувшины?) с широким горлом (рис. 29 - 11); 5) кувшины из хорошо промешанной светлой глины (рис. 29 - 9); 6) маленькие кувшинчики - кружки со сливом, изготовлявшиеся из тонкоотмученной светлой глины (рис. 29 - 4); 7) чаши из светлой глины, украшенные зеленой (рис. 29 - 7) и коричневой (рис. 29 - 8) поливой. Все перечисленные формы изделий, кроме первой, были характерны для времени не ранее XI в., а главным образом для XII-XV вв.

Все сказанное позволяет сделать следующие предварительные выводы:

а) на поселении у пос. Верхняя Лемса пока не удалось выявить непо потревоженный (in situ) культурный слой неолитического времени - вся исследованная толща напластований носит переотложенный характер, обусловленный смывами XI-XV вв. н. э.

б) в инвентаре, характеризующем неолитический этап в жизни этого поселения, ясно прослеживается преемственная связь с местной мезолитической

261

культурой - односторонняя обработка большинства орудий со стороны спинки, применение пластинок как основы для изготовления значительной части изделий, большое число трапеций, изготовленных на трехскатных удлиненных пластинках, архаическая форма проколов, отсутствие керамики и шлифованных орудий. В этой связи очень важно выявление аналогичной культуры в постмезолитическом слое грота Кёп-Богаз, материалы которого, по свидетельству Н. З. Бердзенишвили и Л. Д. Церетели, лично знакомившихся с результатами исследований поселения у Верхней Лемсы, очень близки к рассмотренному выше памятнику. Его дата, определенная ранее мною как ранний неолит, следовательно, сохраняется. Вместе с тем, появление в лемсинских материалах высоких трапеций со струганной спинкой, характерных для более развитых неолитических комплексов Западного Закавказья (Кистрик, Гурианта и др.), указывает на то, что в данном случае мы имеем дело не с начальной фазой раннего неолита, а близкую к переходной от раннего неолита к развитому.

в) учитывая, что поселение у пос. Верхняя Лемса остается пока единственным ранне-неолитическим поселением открытого типа в Абхазии, уже давшим большое число очень редких и даже уникальных находок, нужно считать целесообразным в будущем продолжение на нем соответствующих исследований (раскопок, разведок и наблюдений), которые, несомненно, еще больше обогатят наши представления об одном из наименее изученных этапов древней истории края.

262

Заключение

Итак, вдоль Военно-Сухумской дороги сегодня известно 6 позднеашельских, 34 мустьерских, 21 верхнепалеолитическое, 21 мезолитическое и 6 неолитических местонахождений, среди которых ряд памятников (Кёп-Богаз-Апианча, Холодный грот-Хупынипшахауа и Куачара-Куабчара) уже стали эталонными. Картография этих местонахождений (рис. 1) показывает, что наиболее благоприятные условия обитания человеку издавна предоставляло Цебельдинское нагорье с прилегающими долинами и возвышенностями. Связь с морским побережьем наиболее четко вырисовывается по правому берегу р. Кодор. Следует отметить, что Военно-Сухумская дорога все еще в отношении памятников каменного века остаётся в значительной своей части археологической *terra incognita*. Многие урочища еще не посещались палеолитчиками, а систематическое прочесывание местности коснулось едва четвертой части этого мирного района. Ни одного орудия пока не обнаружено к северу от Багадских скал, хотя здесь в районе Чхалта имеются выходы кремненосных известняков, вблизи которых можно ожидать интересные находки.

Дальнейшие исследования в этом регионе будут способствовать восстановлению ряда важнейших моментов в истории первобытного общества Абхазии и Западного Кавказа в целом.

263

Литература

1. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н., Лакоба С. З. Раскопки в Герзеульской крепости. АО-1976, М., 1977.
- 1а. Бердзенишвили Н. З. Вновь открытые памятники древнекаменного века в Абхазии. «Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований в Грузии в 1958 г. (тезисы докладов)», Тбилиси, 1959.
2. Бердзенишвили Н. З., Габуния М. К., Церетели Л. Д., Хубутия Г. П. Итоги полевых работ Причерноморской археологической экспедиции, ПАИГ - 1974. Тбилиси, 1976.
3. Бердзенишвили Н. З., Габуния М. К., Церетели Л. Д., Хубутия Г. П. Причерноморская экспедиция, АО - 1974, М., 1975.
4. Бердзенишвили Н. З. Новая стоянка первобытного человека. «Советская Абхазия», 14 июля 1963 г.
5. Бердзенишвили Н. З. Новые данные о палеолите Абхазии, ТАИ, XXX, 1959.
6. Бердзенишвили Н. З., Церетели Л. Д., Мгеладзе Н.Р. Работы Причерноморской археологической экспедиции. АО-1976, М., 1977 .
7. Бердзенишвили Н. З., Церетели Л. Д., Мгеладзе Н. Р. Раскопки многослойного памятника Апянча в Кодорском ущелье. АО-1977, М., 1978.
8. Бердзенишвили Н. З., Церетели. Л. Д. Работы Причерноморской экспедиции. АО-1975, М., 1976.
9. Береговая Н. А. Открытия палеолита в СССР (1958-1968 гг.), МИА, 185, 1972.
- 9а. Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. МИА 81, 1960.
10. Березин Н. И. Справочник по палеолиту СССР. М.-Л., 1936.
11. Бурчак-Абрамович Н. И. Ископаемые позвоночные пещер Кавказа, "Acta musei Macedonici scientiarum naturalum", t. XI, № 7 (97), Скопје, 1969.
12. Бурчак-Абрамович Н. И. Фауна пещерных стоянок Южной Абхазии, «Пещеры Грузии», III, 1965.

- 12а. Верещагин Н. К. Млекопитающие Кавказа. М.Л., 1959.
13. Введенский А. Н. Замечания на записку В. Чернявского. Протоколы V археологического съезда в Тифлисе. М., 1889.
14. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
15. Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник IV-VI вв. н. э. в Абхазии. СА, 1970, 1.
16. Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми, 1977.
17. Воронов Ю. Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии. ВДИ, 1968, 3.
- 264
18. Воронов Ю. Н. Разведки в Абхазской АССР. АО-1970, М., 1971.
19. Воронов Ю. Н. Разведочные работы в Абхазской АССР. АО-1971, М., 1972.
20. Воронов Ю. Н. Ранненеолитическое поселение у с. Цебельда в Абхазии. СА, 1970, 4.
21. Воронов Ю. Н. Раскопки в пос. Верхняя Лемса. АО-1976, М., 1977.
22. Громов В.И. Палеонтологическое и геологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит), ТИГН, 64, сер. геологическая, ? 17, М., 1948.
23. Замятнин С. Н. Новые данные по палеолиту Закавказья, СЭ, 2, 1935.
24. Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. М.Л., 1961.
25. Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. ТИАК, X, 1937.
26. Соловьев Б. Л. Четвертичные оледенения бассейна реки Кодори на Западном Кавказе. БКИЧП, 34, 1967.
27. Соловьев Л. Н. Гарпуны Холодного грота. «Кавказ и Восточная Европа в древности», М., 1973,
28. Соловьев Л. Н. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа. «Вопросы карста на юге Европейской части СССР», Киев, 1956.
29. Соловьев Л.Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. ТАИ, XXXII, 1961.

30. Соловьев Л.Н. О новых геологических и археологических наблюдениях, сделанных в Абхазии в 1938 году. КСИИМК, III, 1940.
31. Соловьев Л.Н., Орелкин В. С. Находки костей человека в гроте Хупынипшахва (Холодный грот) в Абхазии, ВА, 1961, 6.
32. Соловьев Л. Н. Палеолитические стоянки долины реки Кодор в связи с историей Кодорской долины. «Выездная сессия Грузинского филиала АН СССР в Сухуми 26-29 сентября 1940 года», Тбилиси, 1940.
33. Трапш М. М. Культура Цебельдинских некрополей. Труды в 4-х томах, т, III, Тбилиси, 1972.
34. Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Труды в 4-х томах, т. IV, Сухуми, 1975.
35. Формозов А. А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. СА, 4, 1963.
36. Церетели Л. Д. Еще одна мезолитическая стоянка в прибрежной полосе Грузии. МАГК, VI, 1974.
37. Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1970.
38. Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси, 1973.
39. Церетели Л. Д. Палеолитическая стоянка Гульрипшского района. «Тезисы докладов XII научной конференции молодых научных работников и аспирантов ИИАЭ», Тбилиси, 1967.
40. Церетели Л. Д. Палеолитическая стоянка Квачара. ТИИД, VII, 1963.
41. Шамба Г. К. Ахаччарху - древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970.
42. Бердзенишвили Н. З., Церетели Л. Д. Результаты работ Причерноморской археологической экспедиции, ПАИГ - 1975, Тбилиси, 1979.
- 265
43. Бердзенишвили Н., Церетели Л., Мгеладзе Н. Пещерная стоянка Апианча, ПАИГ-1977, Тбилиси, 1980.
44. Бурчак-Абрамович Н. И., Бендукидзе О. Г. Ископаемые птицы карстовой пещеры Хупынипшахва в Южной Абхазии, «Пещеры Грузии», вып. 7, Тбилиси, 1978.

45. Бурчак-Абрамович Н. И. Фауна верхнего палеолитамезолита карстовых пещер Черноморского побережья Кавказа и ее экологическое значение, «Пещеры Грузии», вып. 8, Тбилиси, 1980.
46. Воронов Ю. Н. Раскопки раннеолитического поселения в пос. Верхняя Лемса (Цебельда) в 1976 г., ПАИГ -1976, Тбилиси, 1979.
47. Воронов Ю. Н. Древности Азантийской долины, Тбилиси, 1982.
48. Соловьев Л. Н Верхнепалеолитическая стоянка грота Кёп-Богаз в Абхазии, «Пещеры Грузии», вып. 7, Тбилиси, 1978..
49. Церетели Л. Д. Пещера Апианча, «Археология и палеогеография палеолита Крыма и Кавказа. Путеводитель», М., 1978.
50. Церетели Л. Д. Работы Кодорской экспедиции, АО-1980, М., 1981.
51. Церетели Л. Д., Клопотовская Н. Б. Пещерная стоянка Апианча, «XI Международный конгресс INQUA. Путеводитель экскурсии А16», М., 1981.
52. Церетели Л. Д., Мгеладзе Н. Р. Раскопки пещерной стоянки Апианча. АО-1978, М., 1979.
53. Церетели Л., Мгеладзе Н. Раскопки многослойной пещерной стоянки Апианча, ПАИГ-1978, Тбилиси, 1981.

266

Список сокращений

АО Археологические открытия, М.

БКИЧП Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, М.

ВА Вопросы антропологии, М.

ВДИ Вестник древней истории, М.

КСИИМК Краткие сообщения Института истории материальной культуры, М.

МАРК Материалы по археологии Грузии и Кавказа, Тбилиси.

МИА Материалы по археологии СССР, М.

ПАИГ Полевые археологические исследования в Грузинской ССР, Тбилиси.

СА Советская археология, М.

СЭ Советская этнография, М.

ТАИ Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, Сухуми.

ТИАК Труды Института абхазской культуры, Сухуми.

ТИГН Труды Института геологических наук, М.,

ТИИД Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, Тбилиси.

267

Рисунки

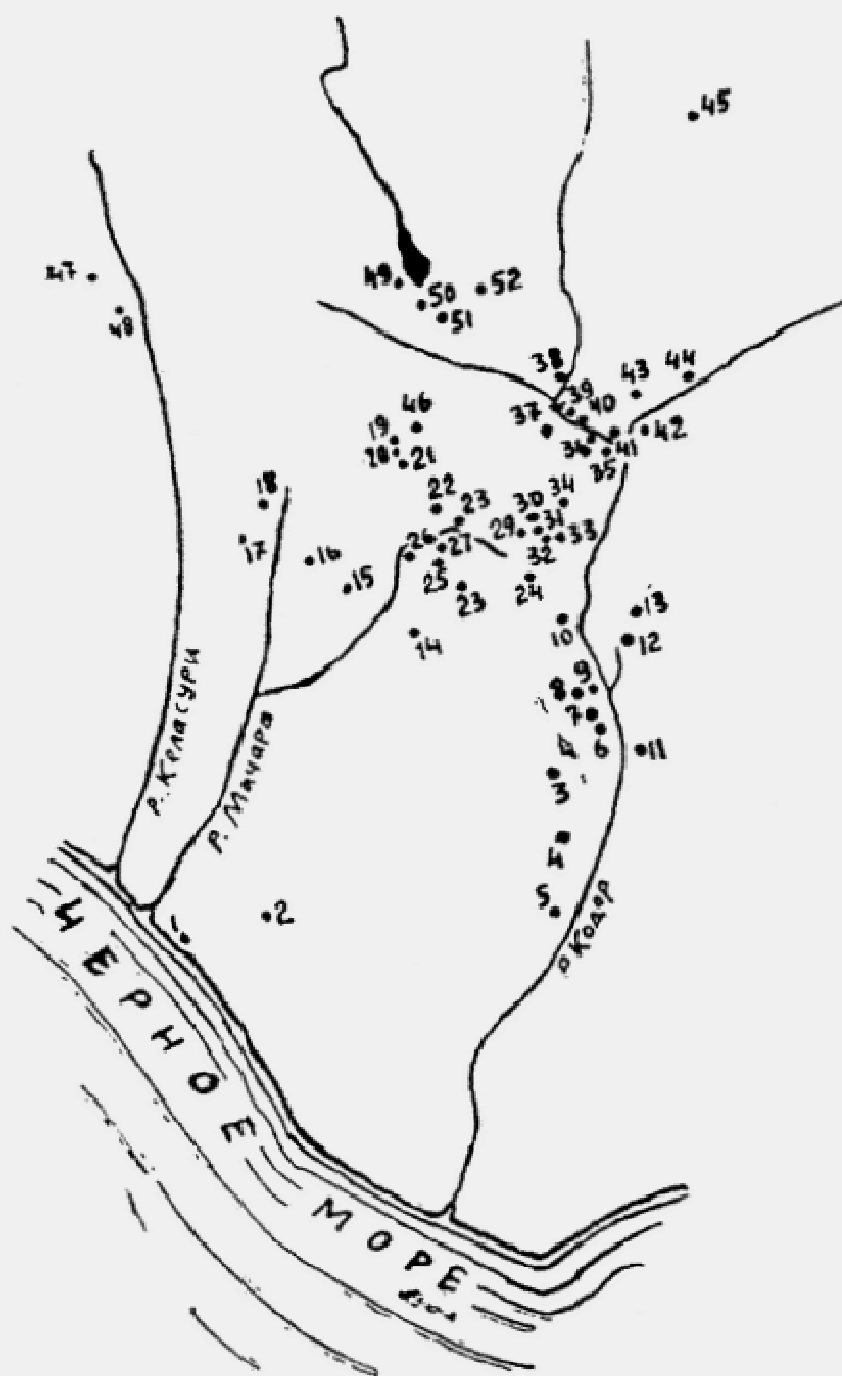

Рис 1. Схема распространения памятников каменного века вдоль Военно-Сухумской дороги.

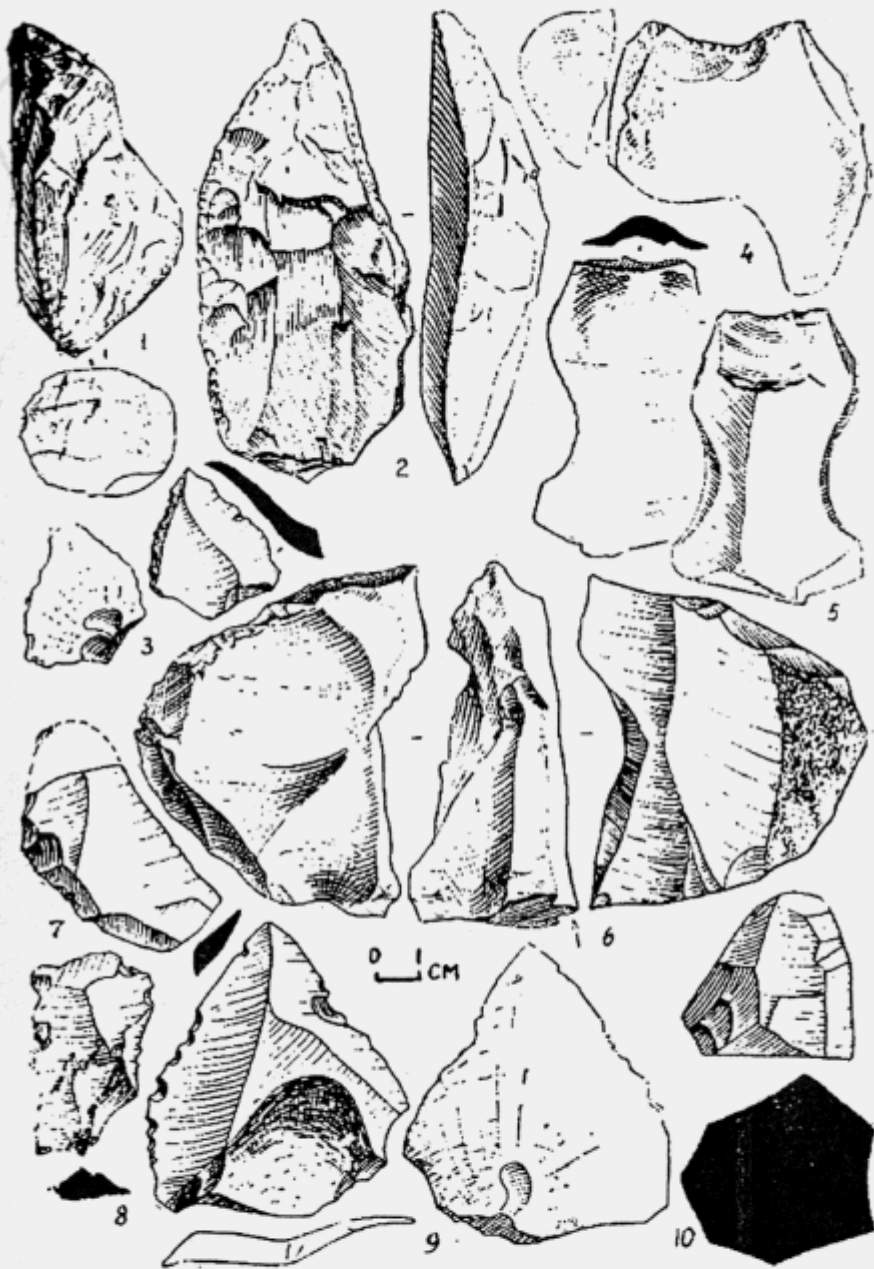

Рис. 2. Кремневые изделия из Старо-Черниговского (1), Хумушкура (2), Гульрипша (3) и Анастасьевки (4—10)

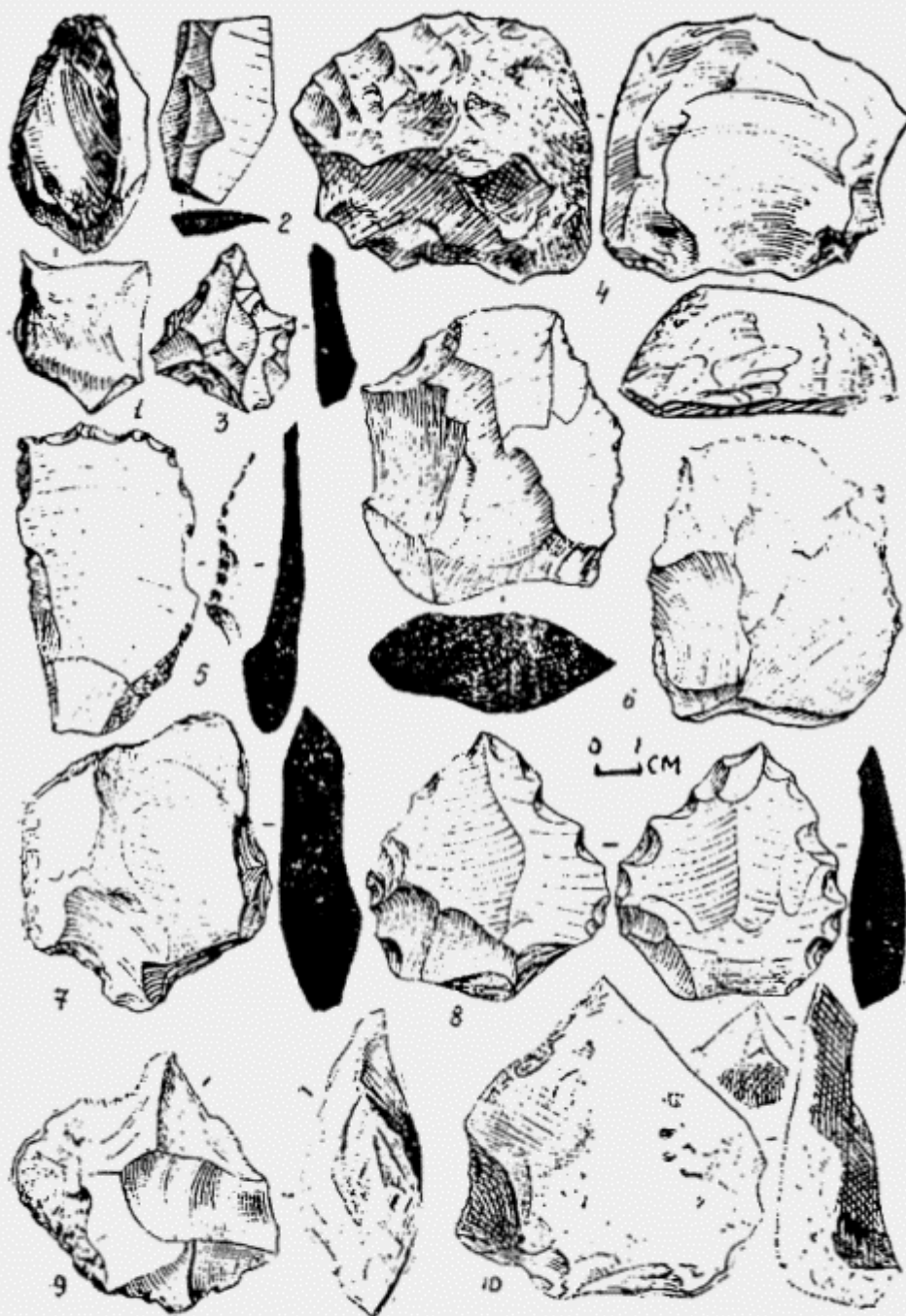

Рис. 3. Кремневые изделия из Анастасьевки (1) и Наа (2—10)

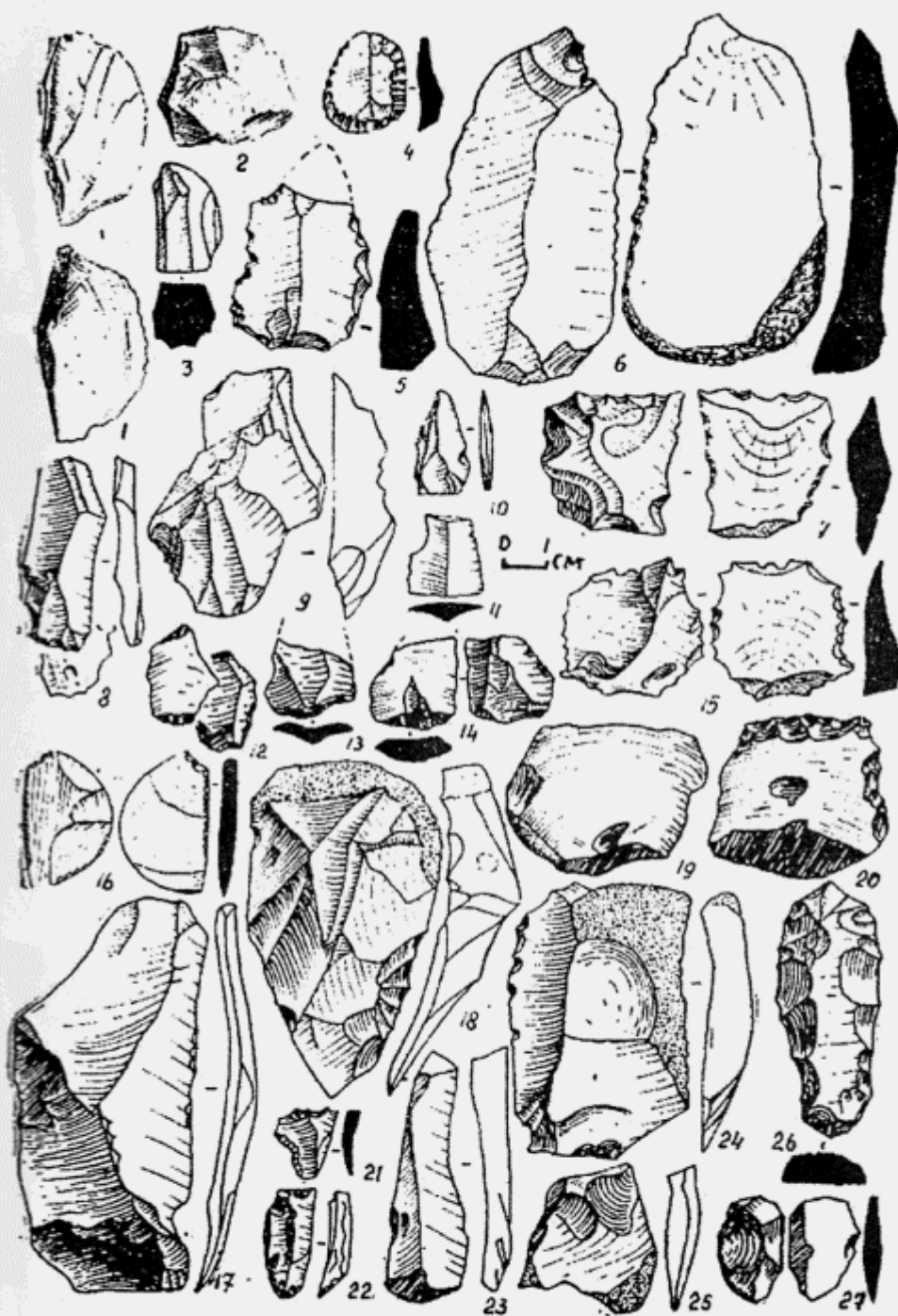

Рис. 4. Кремневые изделия из гротов у с. Наа (1—3), Чегема (4—7), Герзеула (8—11), Агыша (12—14, 16—27), Эвиш-Эку (15)

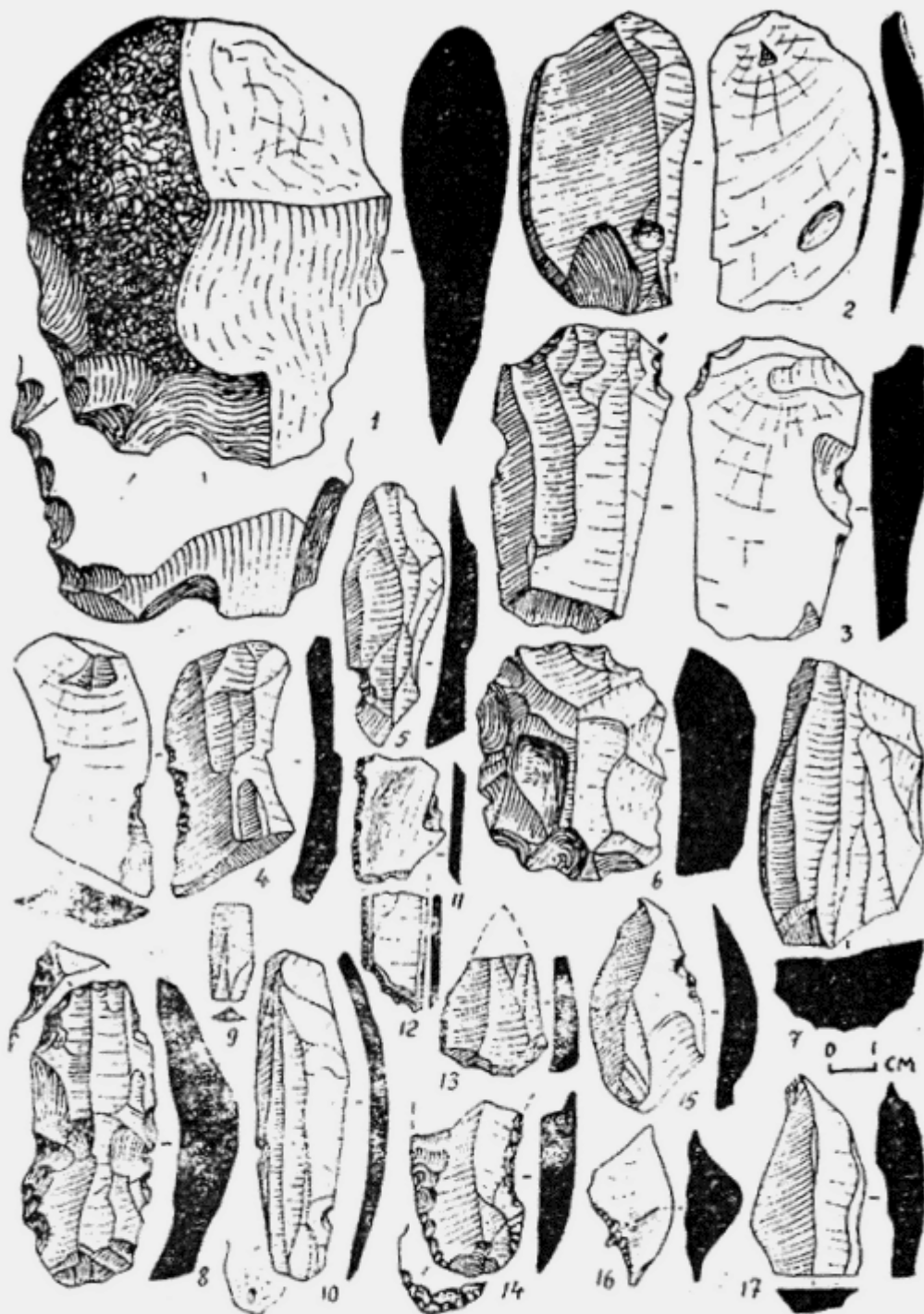

Рис. 5. Кремневые изделия из Агара Армянской (1—17)

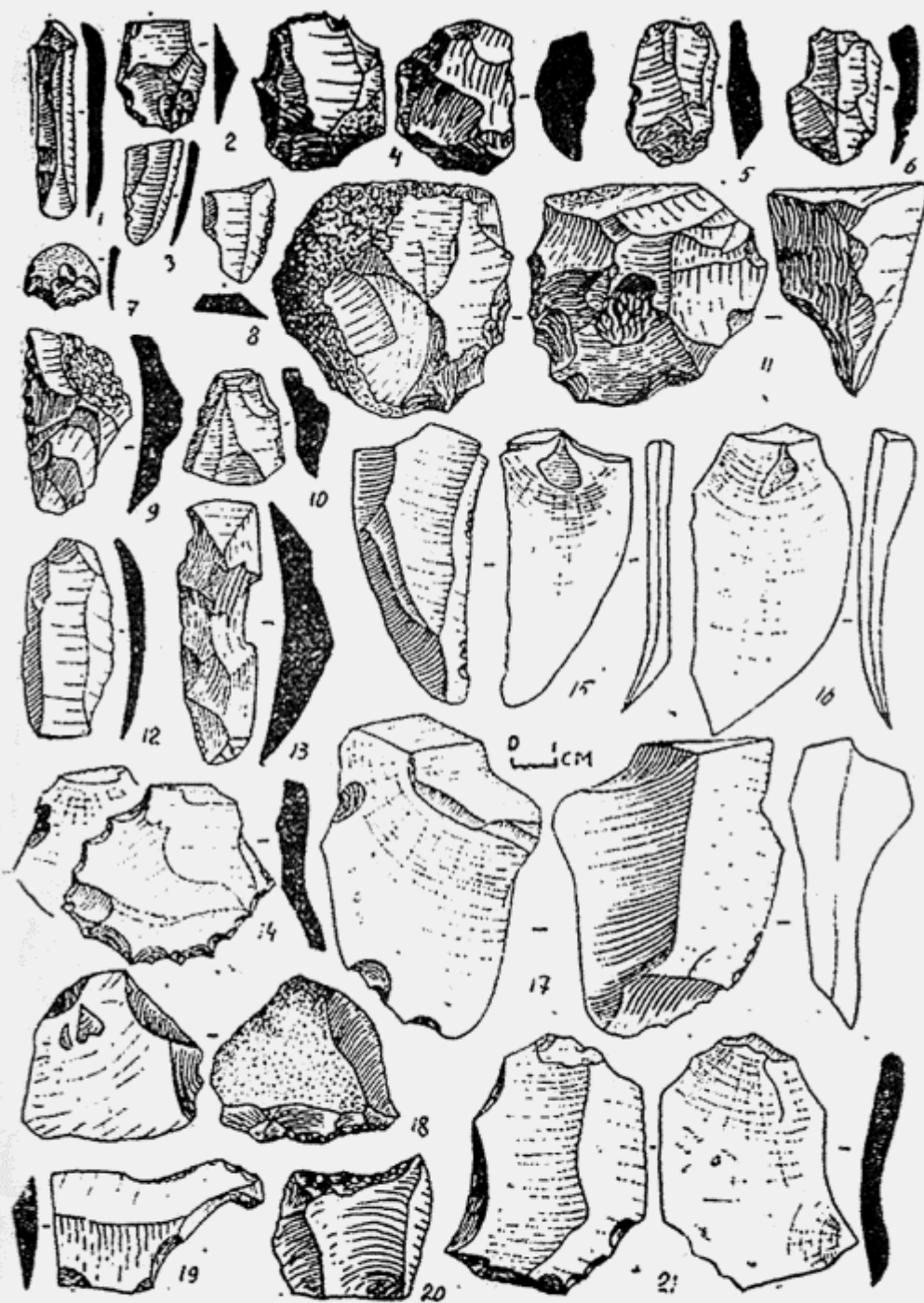

Рис. 6. Кремневые изделия из Агыша (1—4), Полтавского (5, 6, 8—13), Чижоуш (7), Верхней Лемсы (14—17, 19, 21) и Мачары (18, 20)

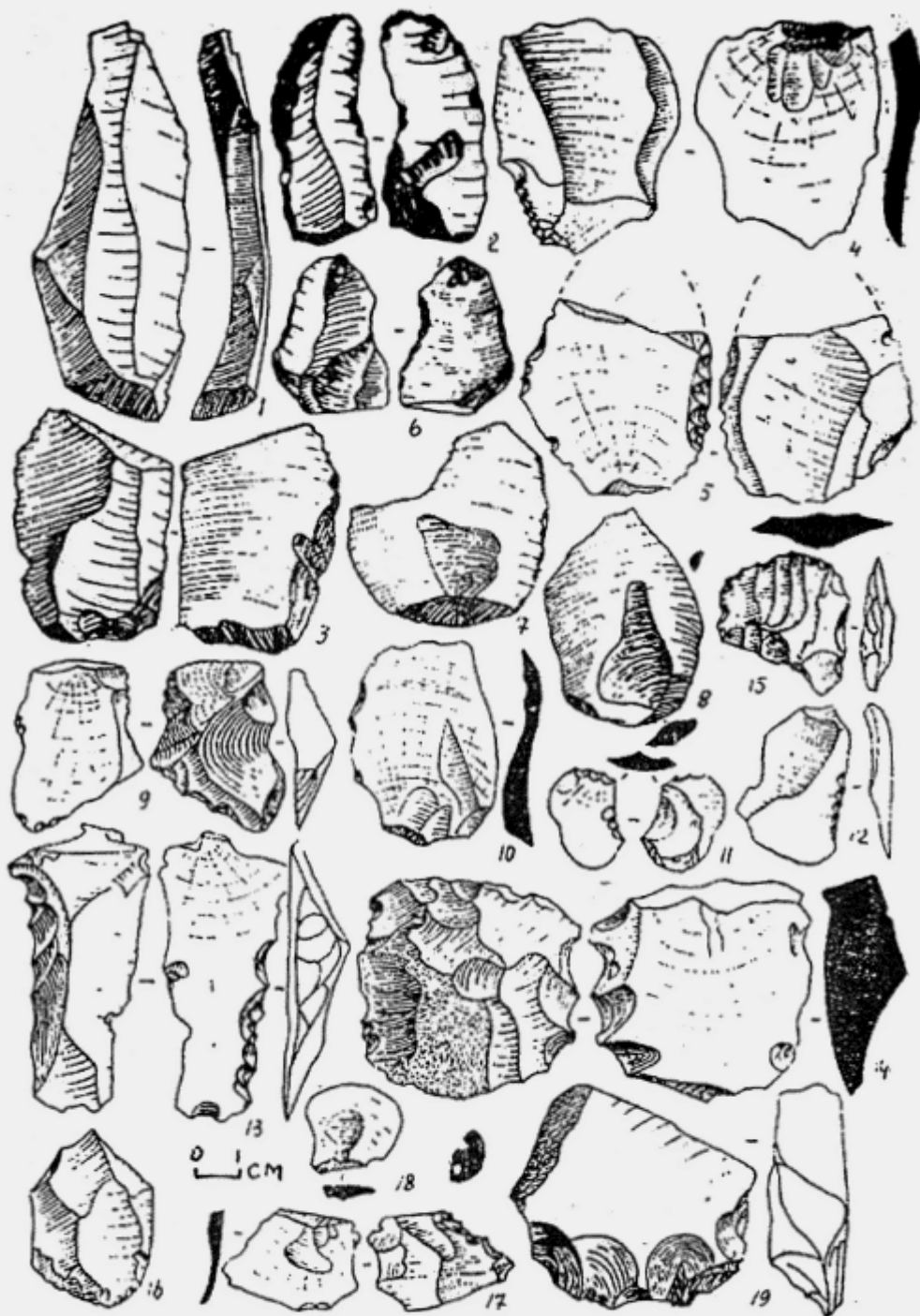

Рис. 7. Кремниевые и каменные (19) изделия из Верхней Лемсы (1),
Нижней Лемсы (2, 3), Юрьевского (4, 5), Апианчи (6—8), Шапки (9—19)

Рис. 8. Кремниевые и обсидиановые (10) изделия из Шапки (1), Пацхира (2, 3, 5), Шапкинського могильника (4, 6—14), Барьяла (15—17) и Богаза (18—20)

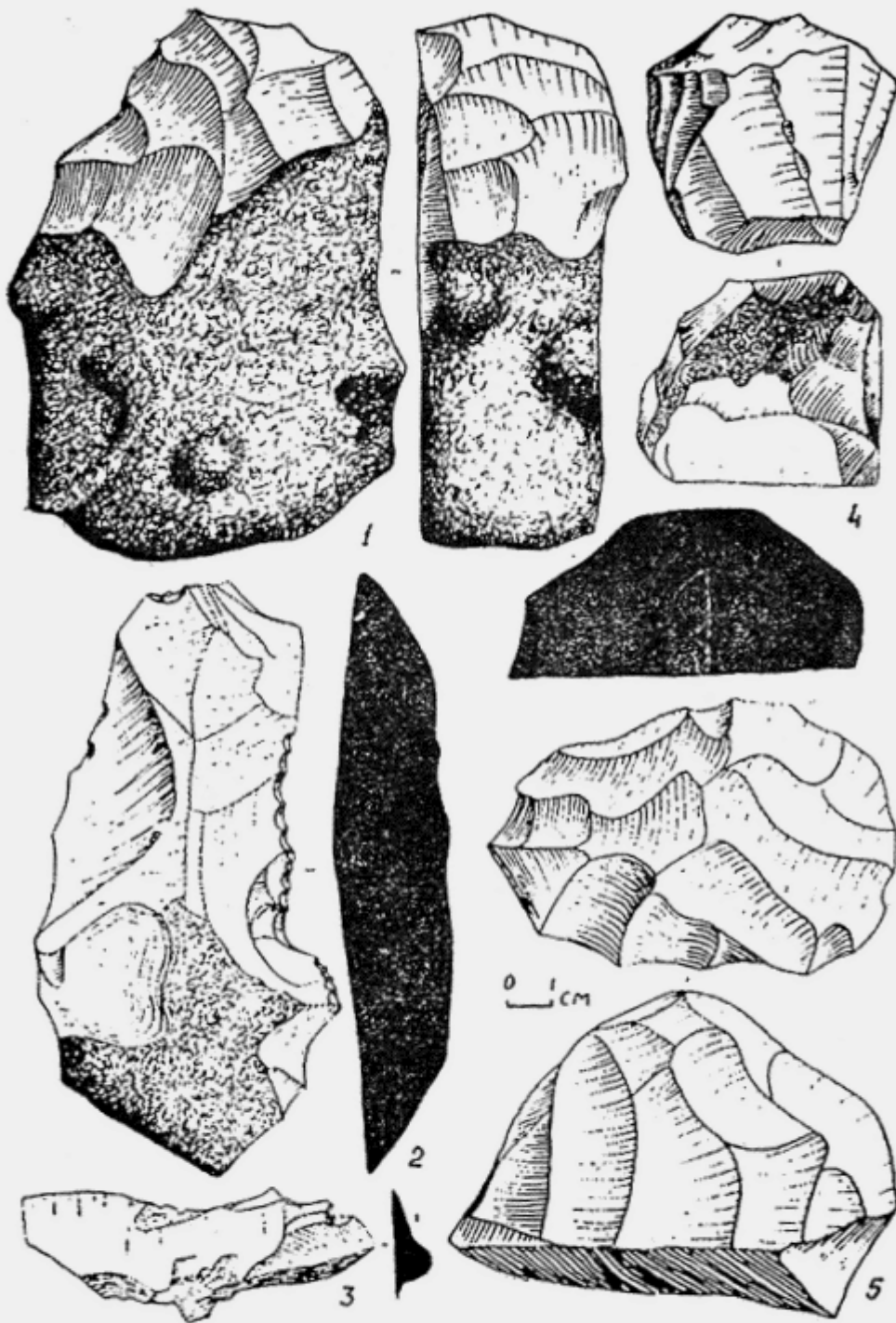

Рис. 9. Кремневые изделия из Богазы (1—5)

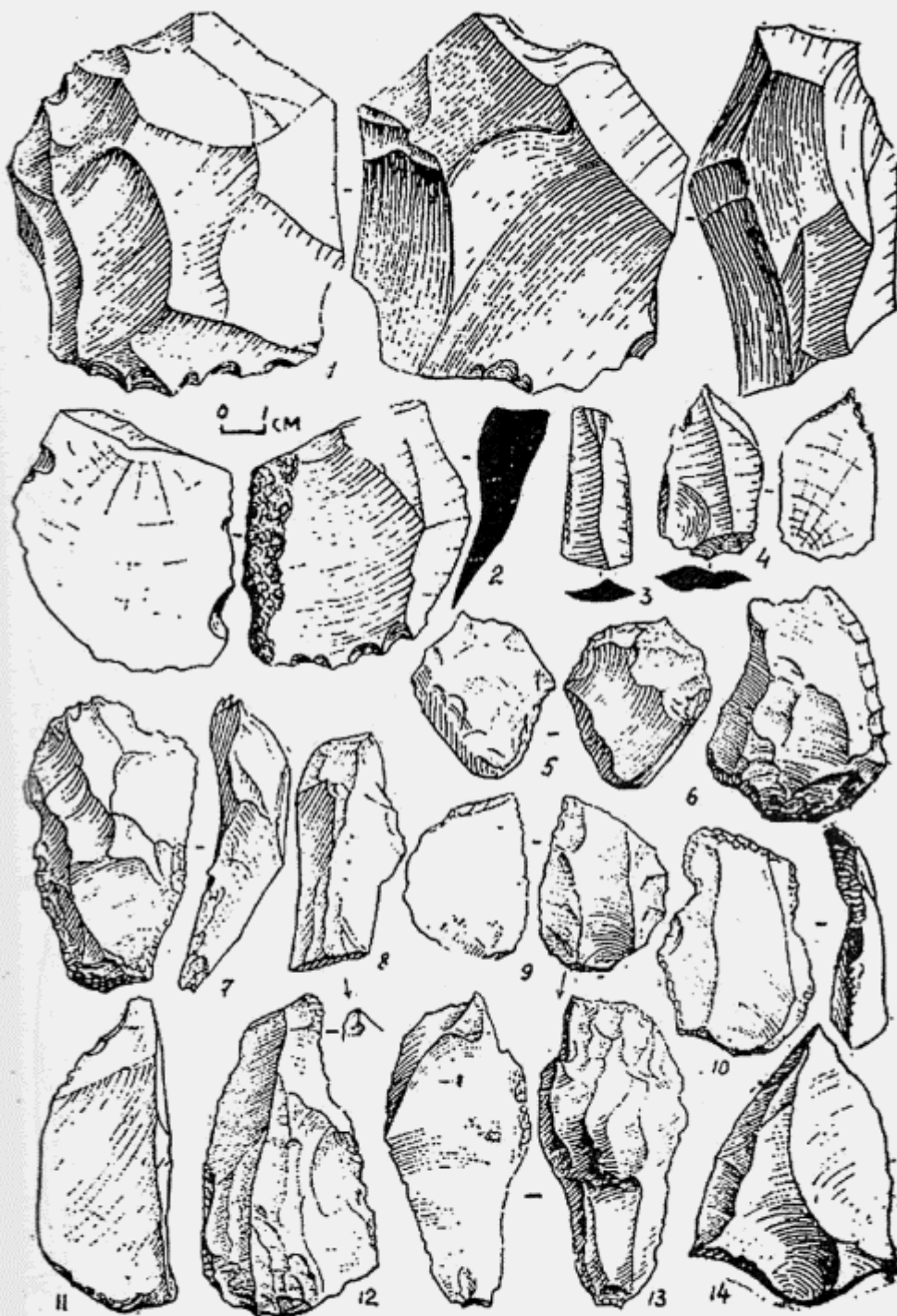

Рис. 10. Кремневые изделия из Богаза (1—14)

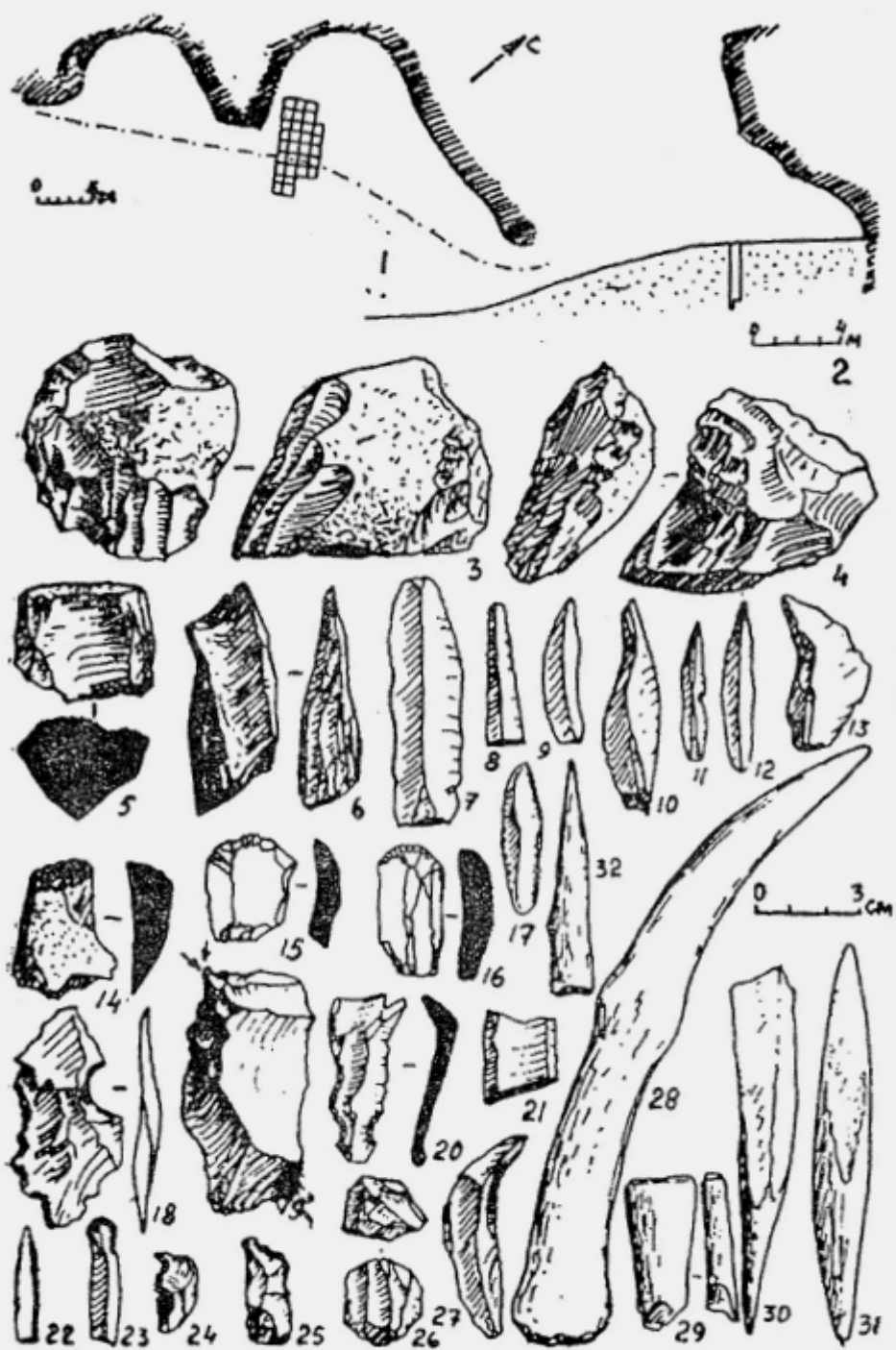

Рис. 11. План (1), кремневый (3—27) и костяной (28—32) инвентарь стоянки Кéп-Богаз

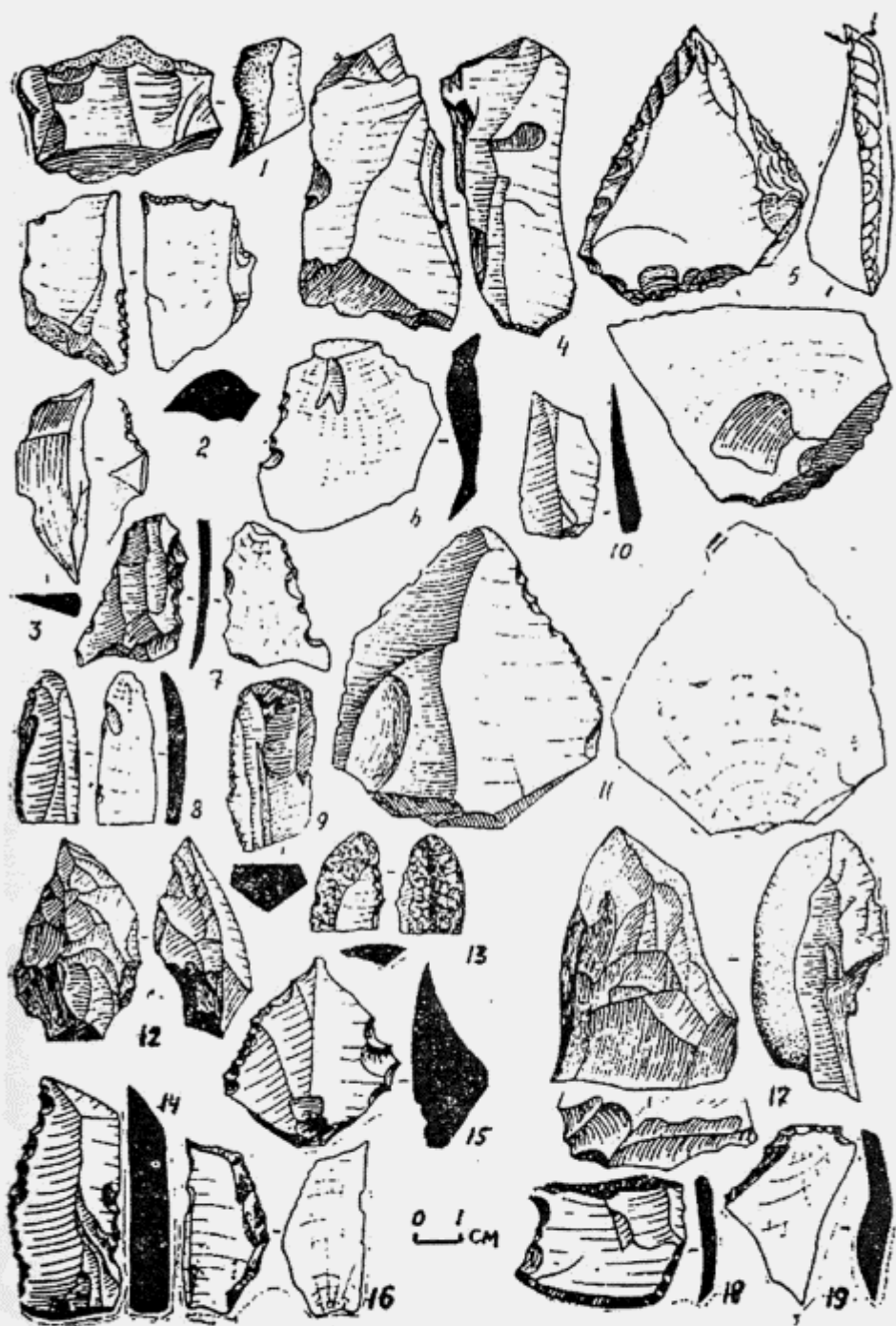

Рис. 12. Кремневые изделия из Богдаза (1—3), Цибилиума (4—6), Планты (7, 8, 10, 11), Шакурана (9), Захаровки (12—19)

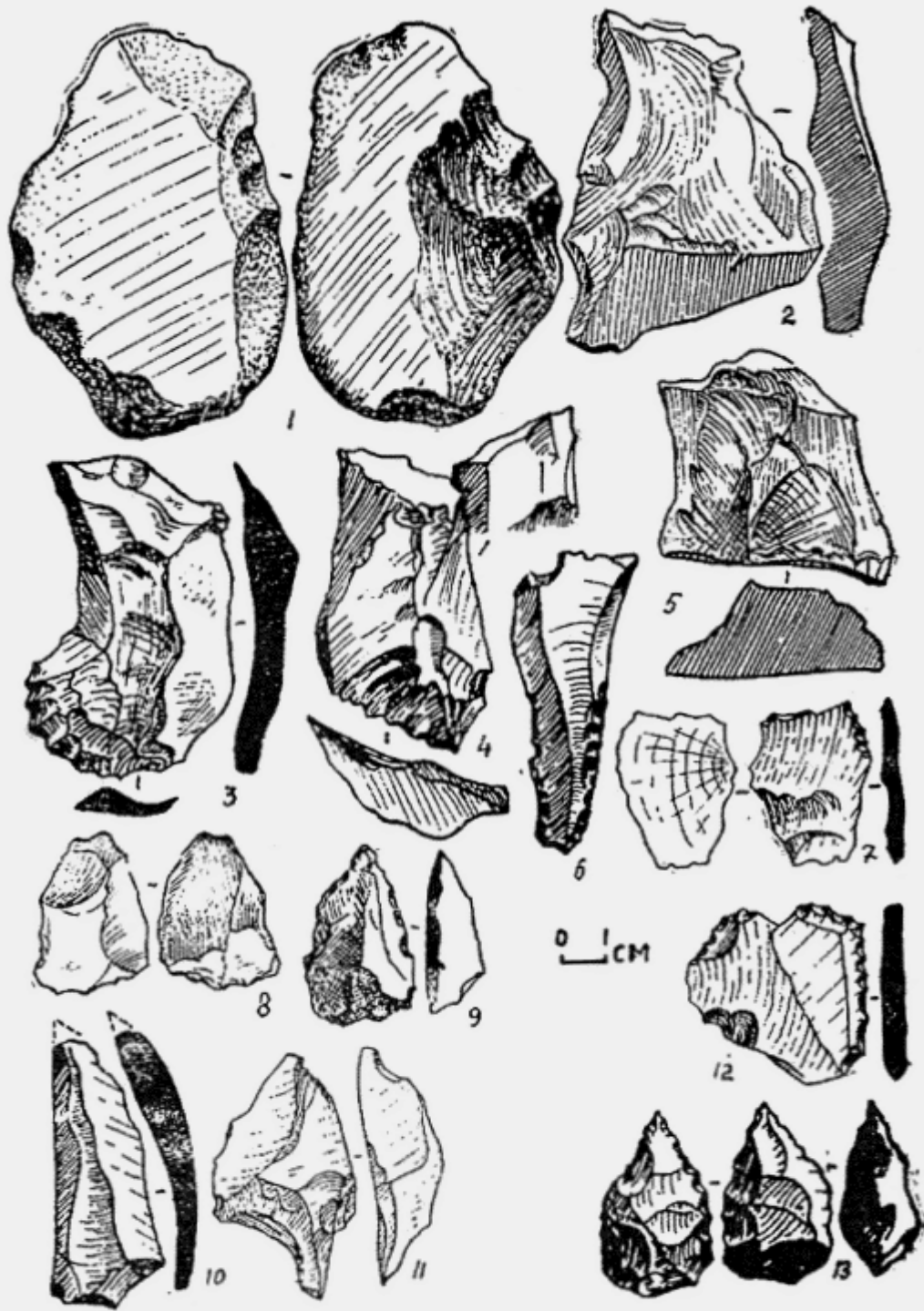

Рис. 13. Кремневые изделия из Захаровки (1—13)

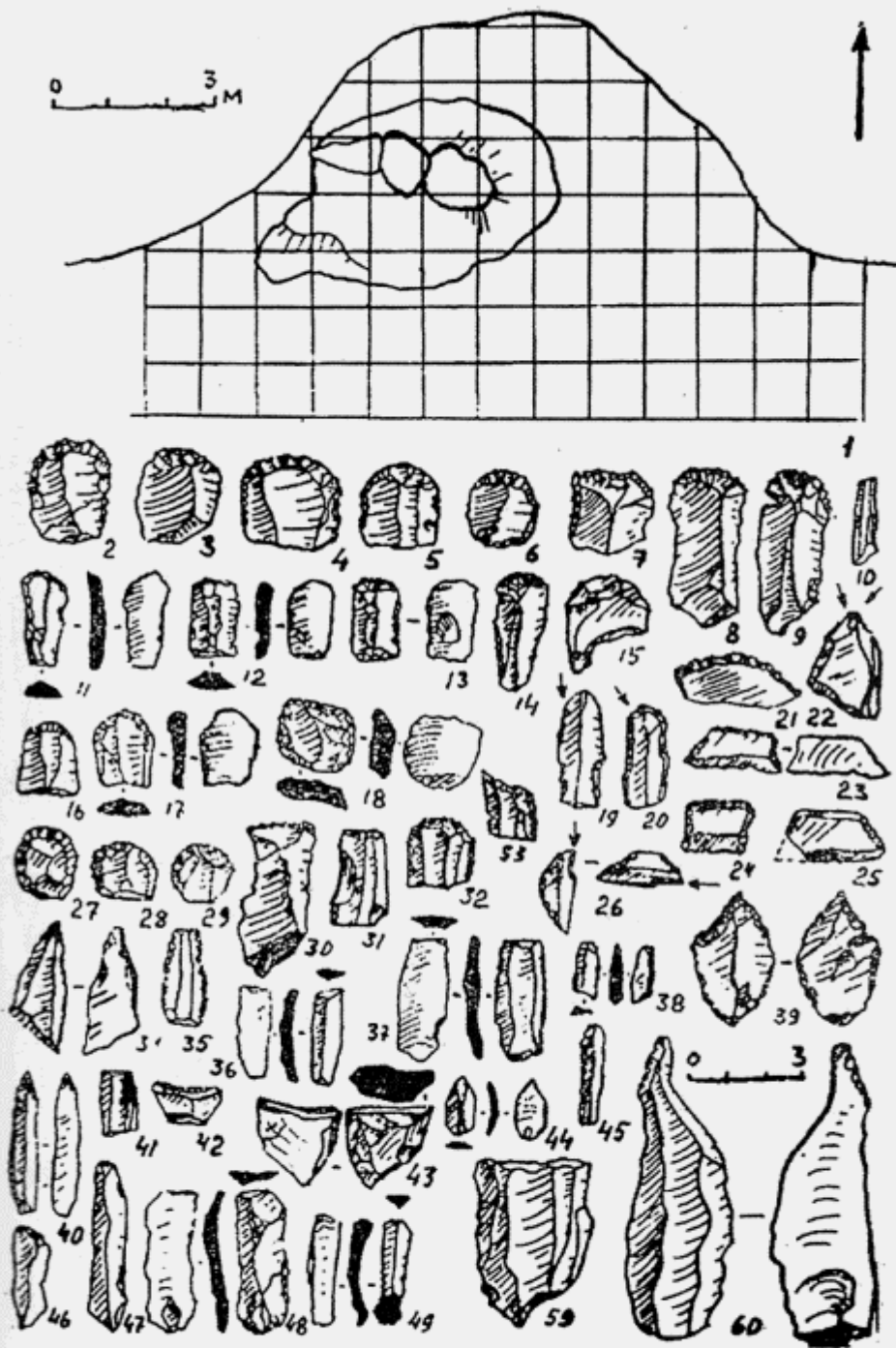

Рис. 14. План (1) и кремневый (2—60) инвентарь стоянки Джампал-2

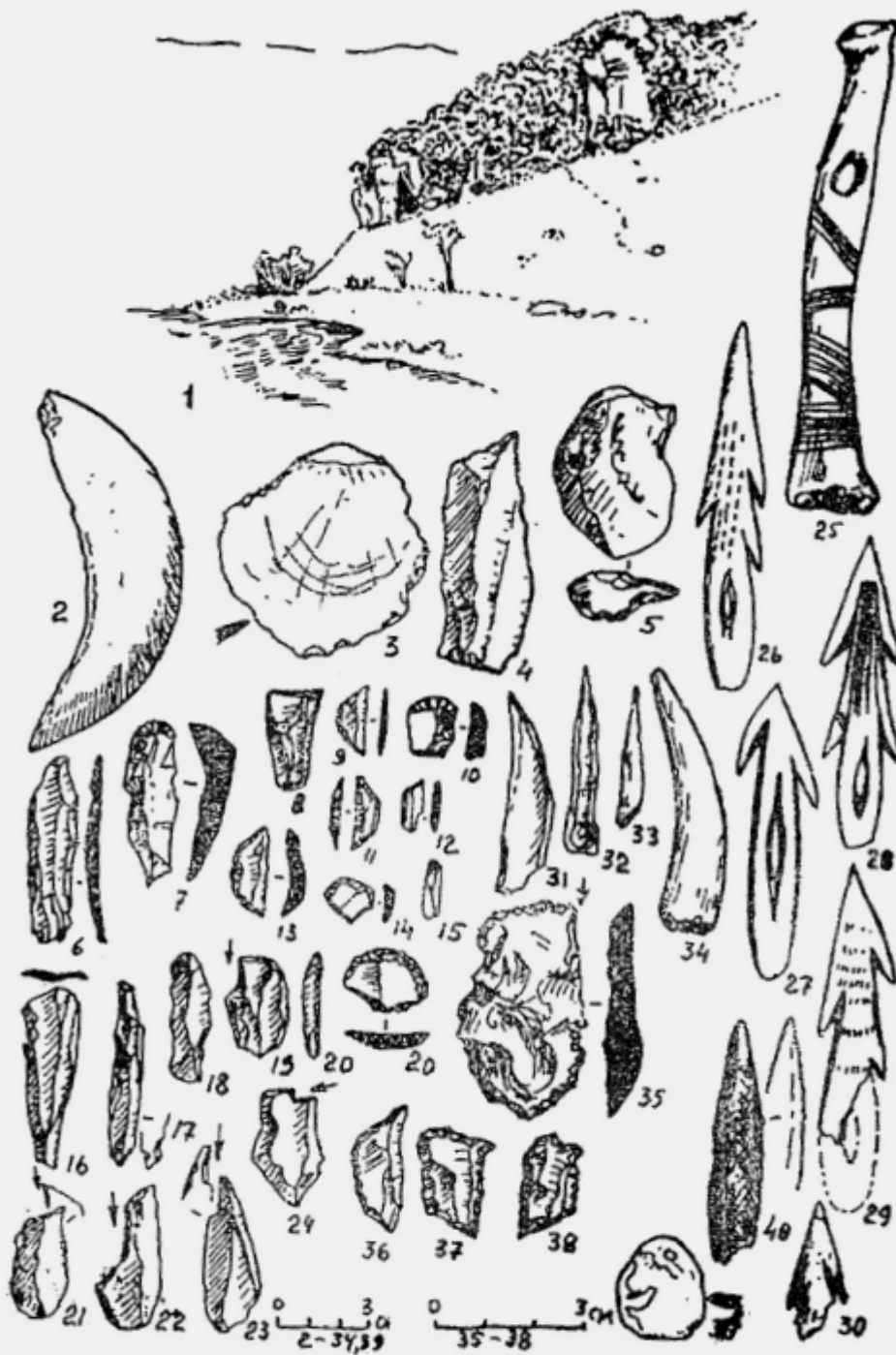

Рис. 15. Общий вид (1), каменный (2—5, 39), кремневый (6—24, 35—38) и костяной (25—34, 40) инвентарь стоянки Холодный грот.

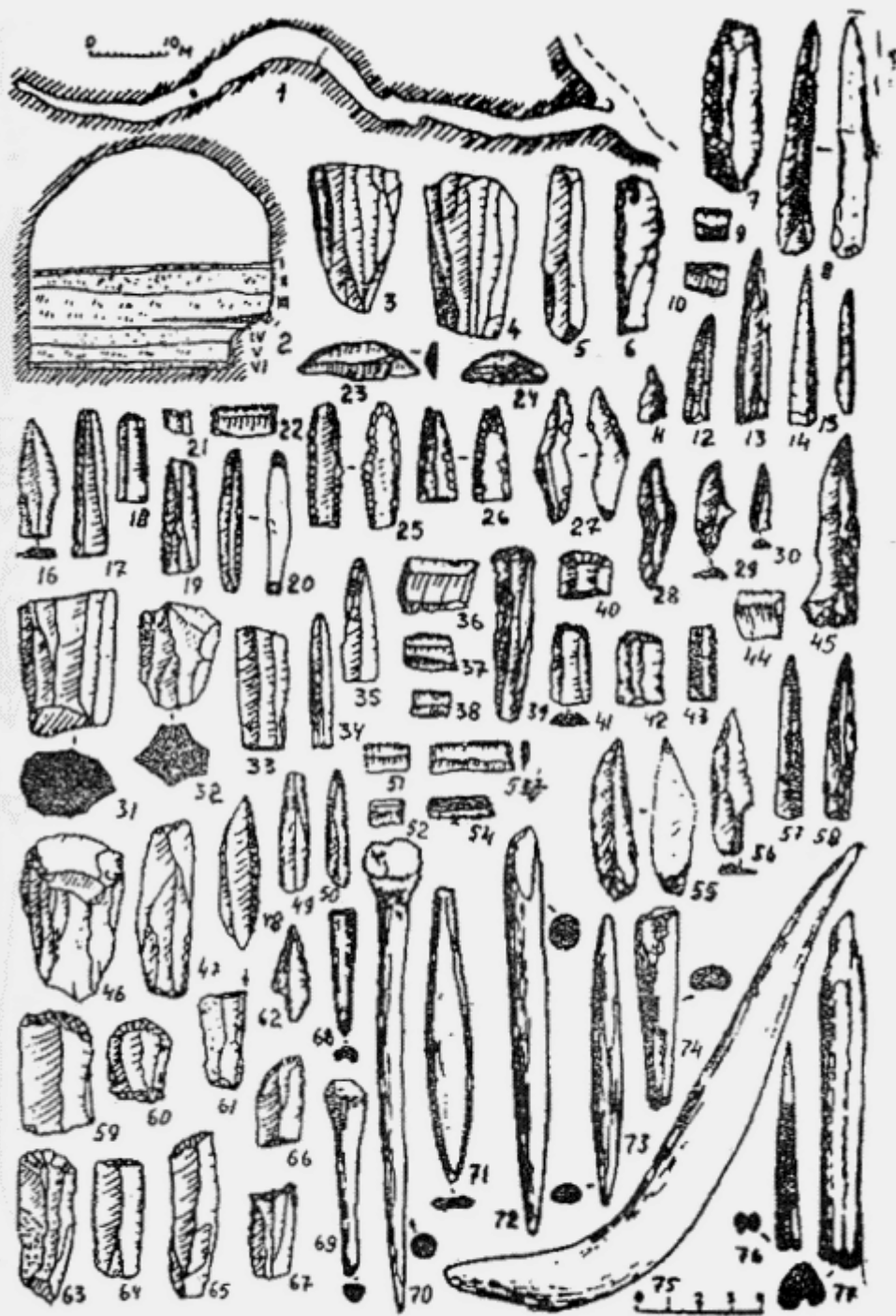

Рис. 16. План (1), кремневый (3—67) и костяной (68—77) инвентарь стоянки Квачара.

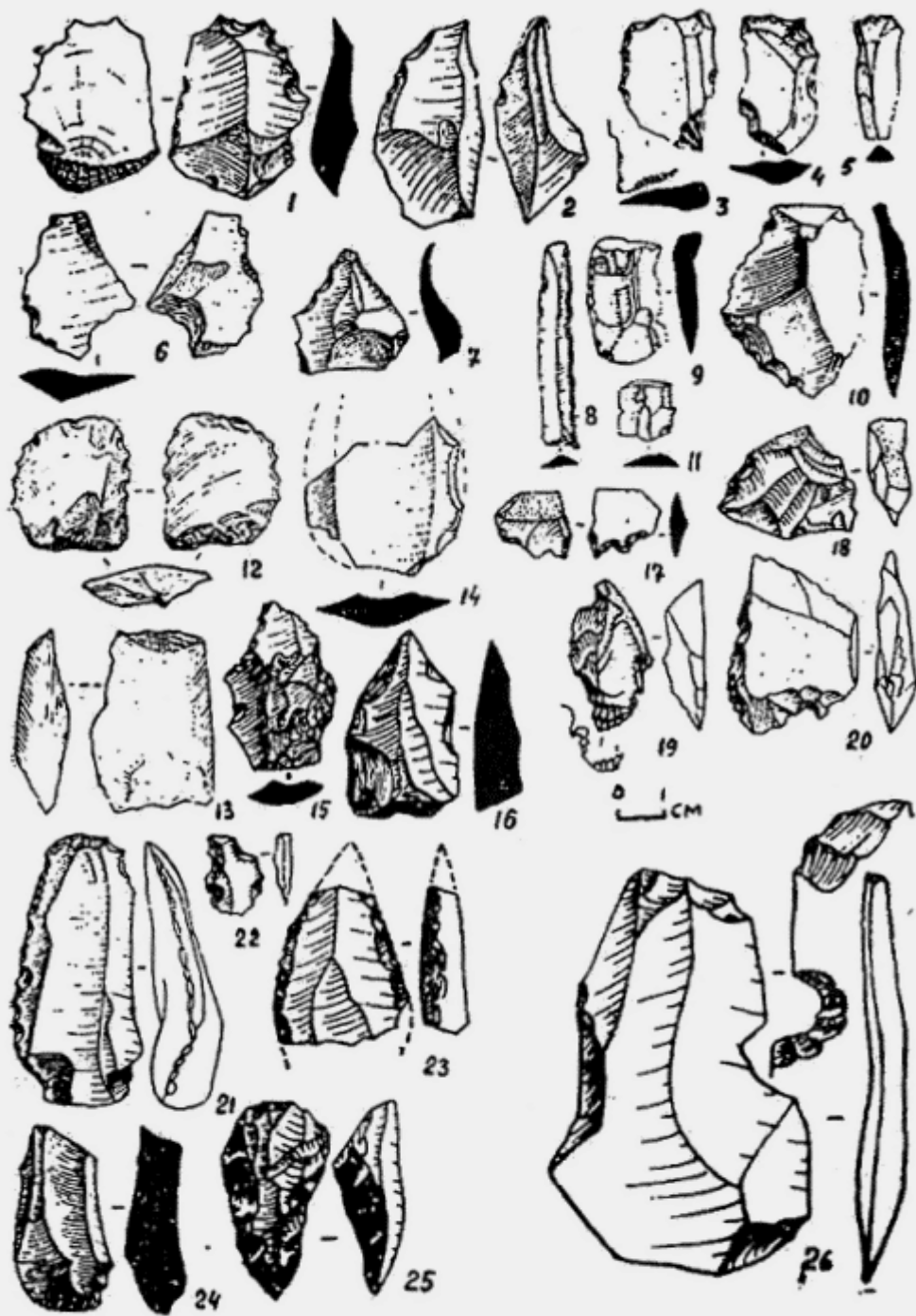

Рис. 17. Кремневые изделия из Амзары (1—6), Багады (7), Георгиевского (8, 9), Чацкала (10, 11), Азанты (12—20, 23, 25), Апушты (21, 22, 24) и Цибилиума (26).

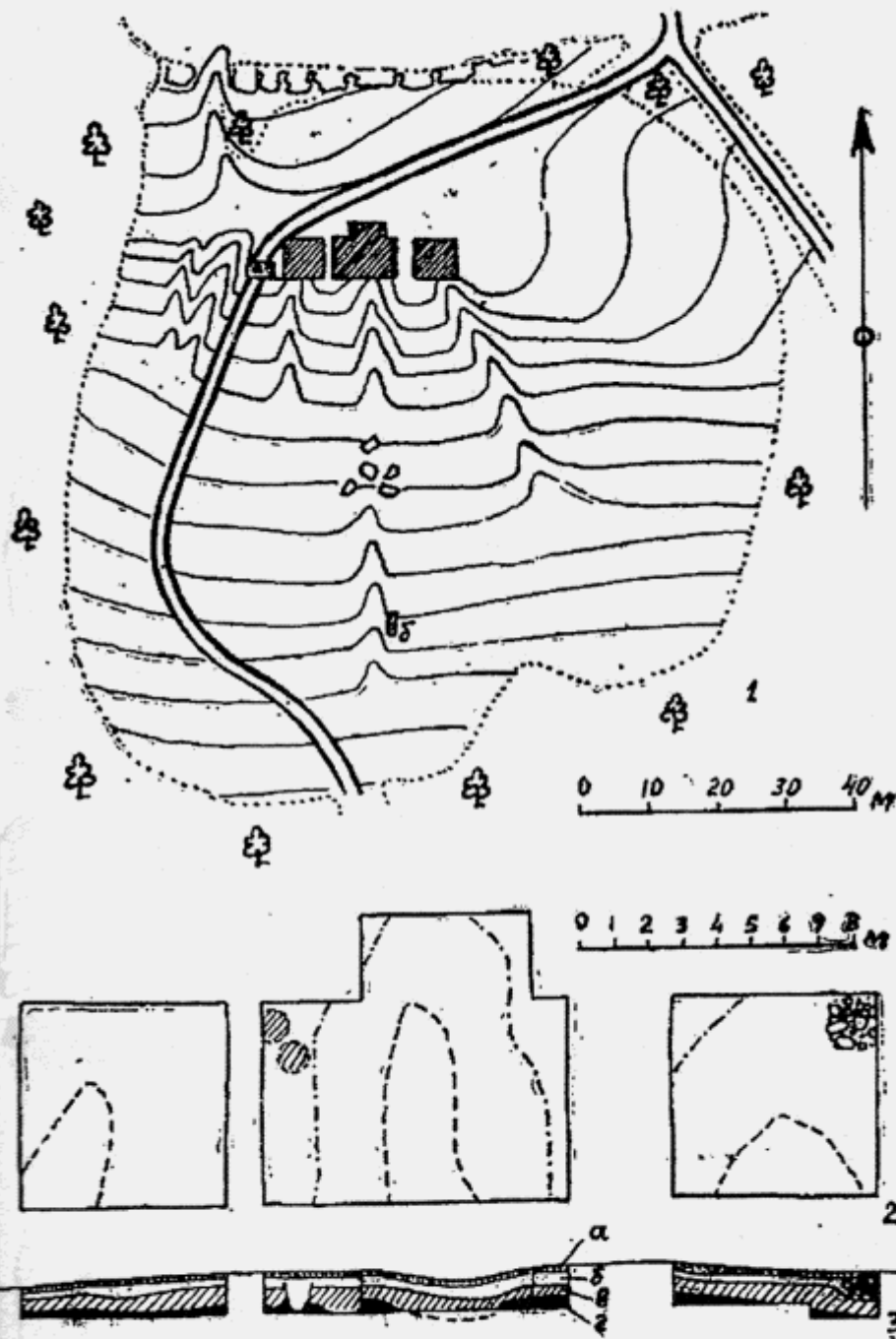

Рис. 18. План неолитического поселения (1), раскопов (2) и их разрезов в пос. Верхняя Лемса

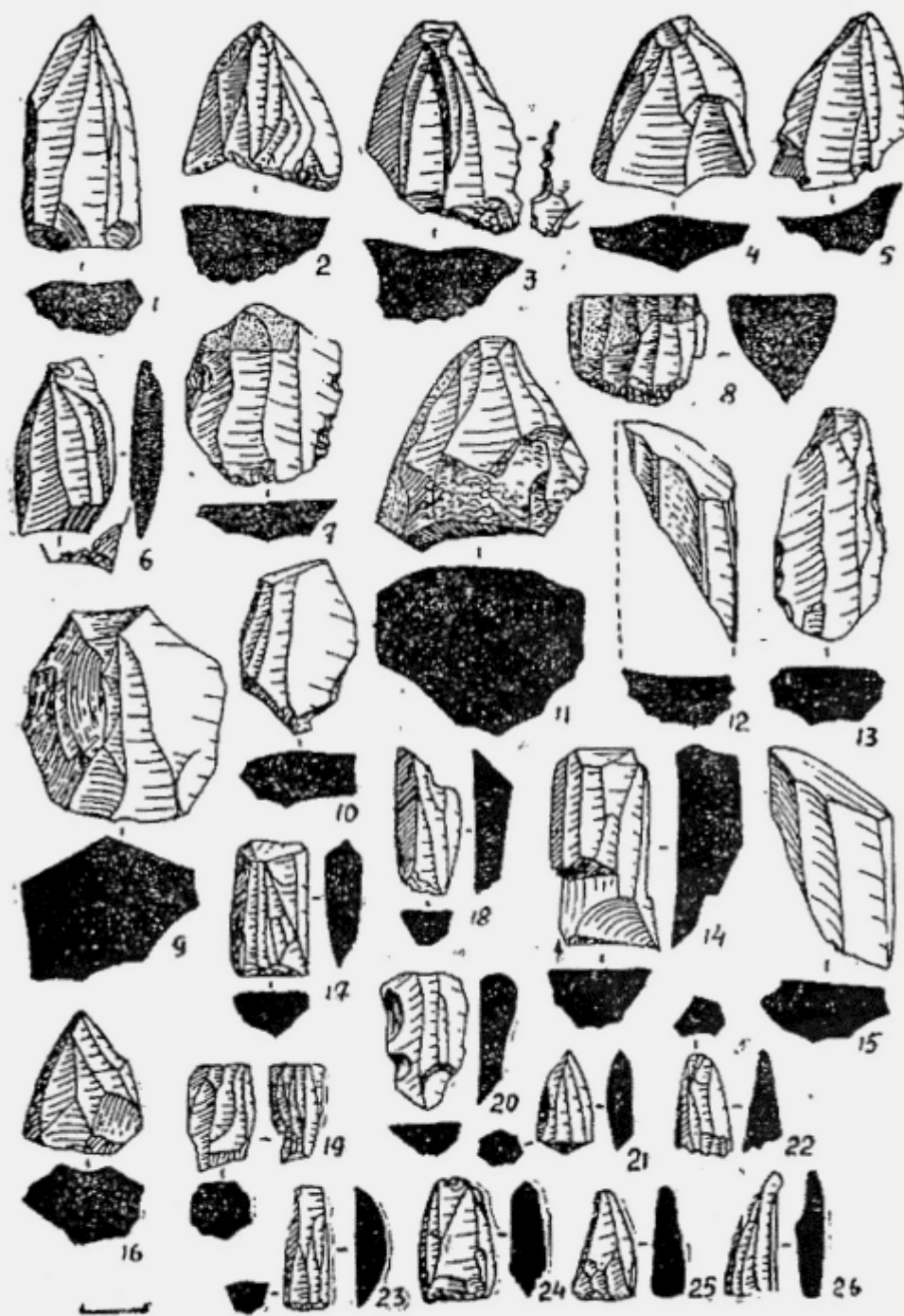

Рис. 19. Верхняя Лемса. Кремневый инвентарь

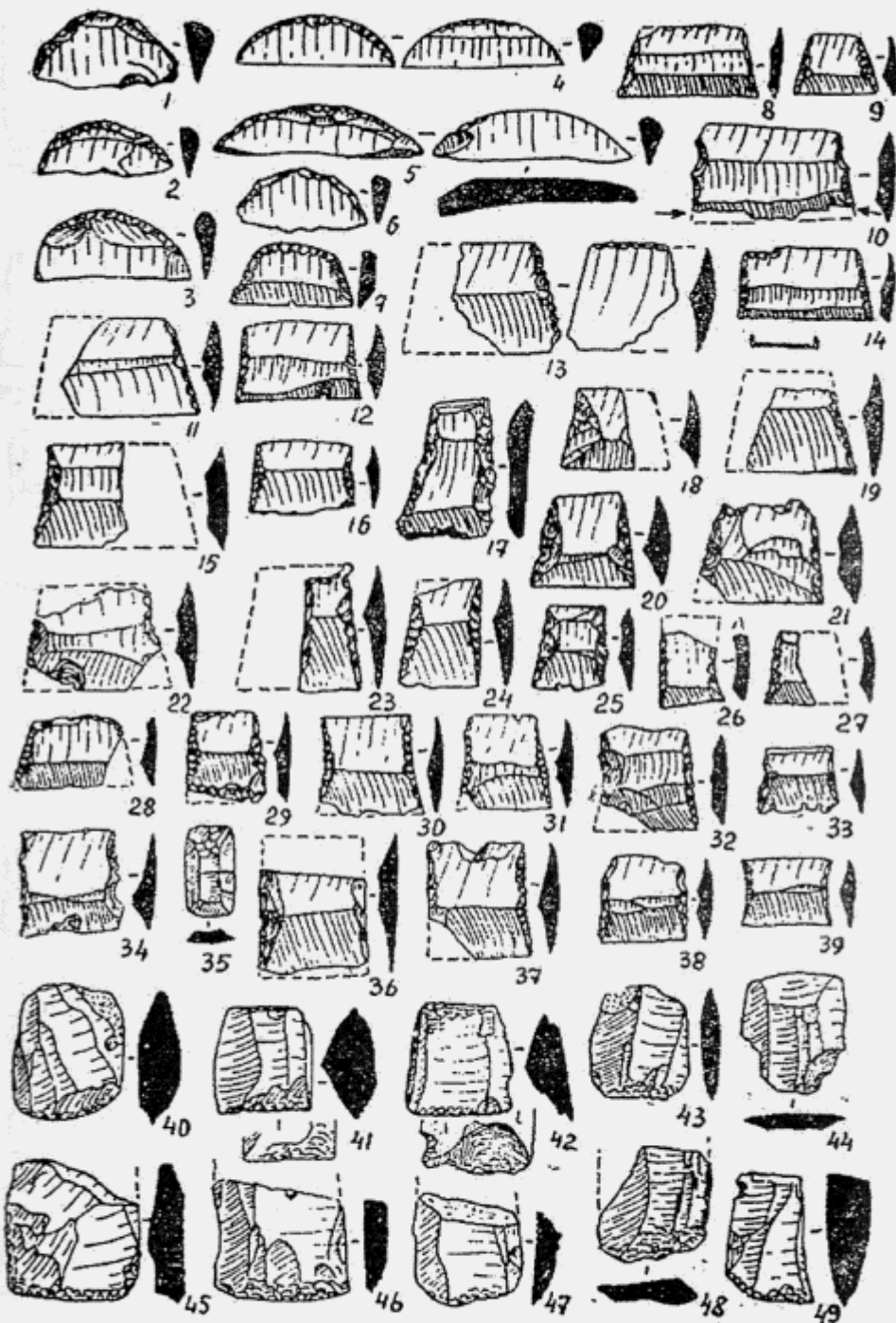

Рис. 20. Верхняя Лемса. Кремневый инвентарь

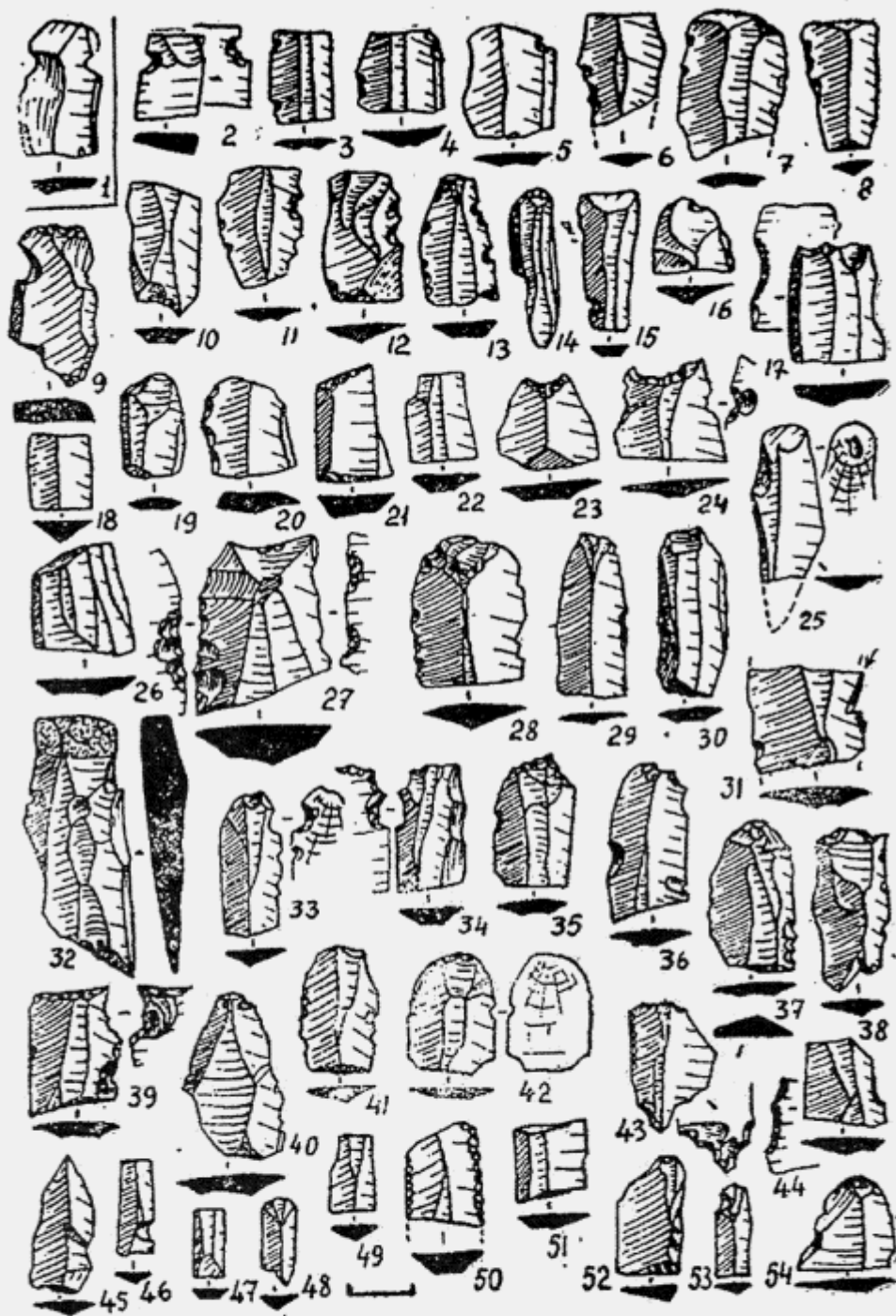

Рис. 21. Верхняя Лемса. Кремневый инвентарь

Рис. 22. Верхняя Лемса. Кремневый инвентарь

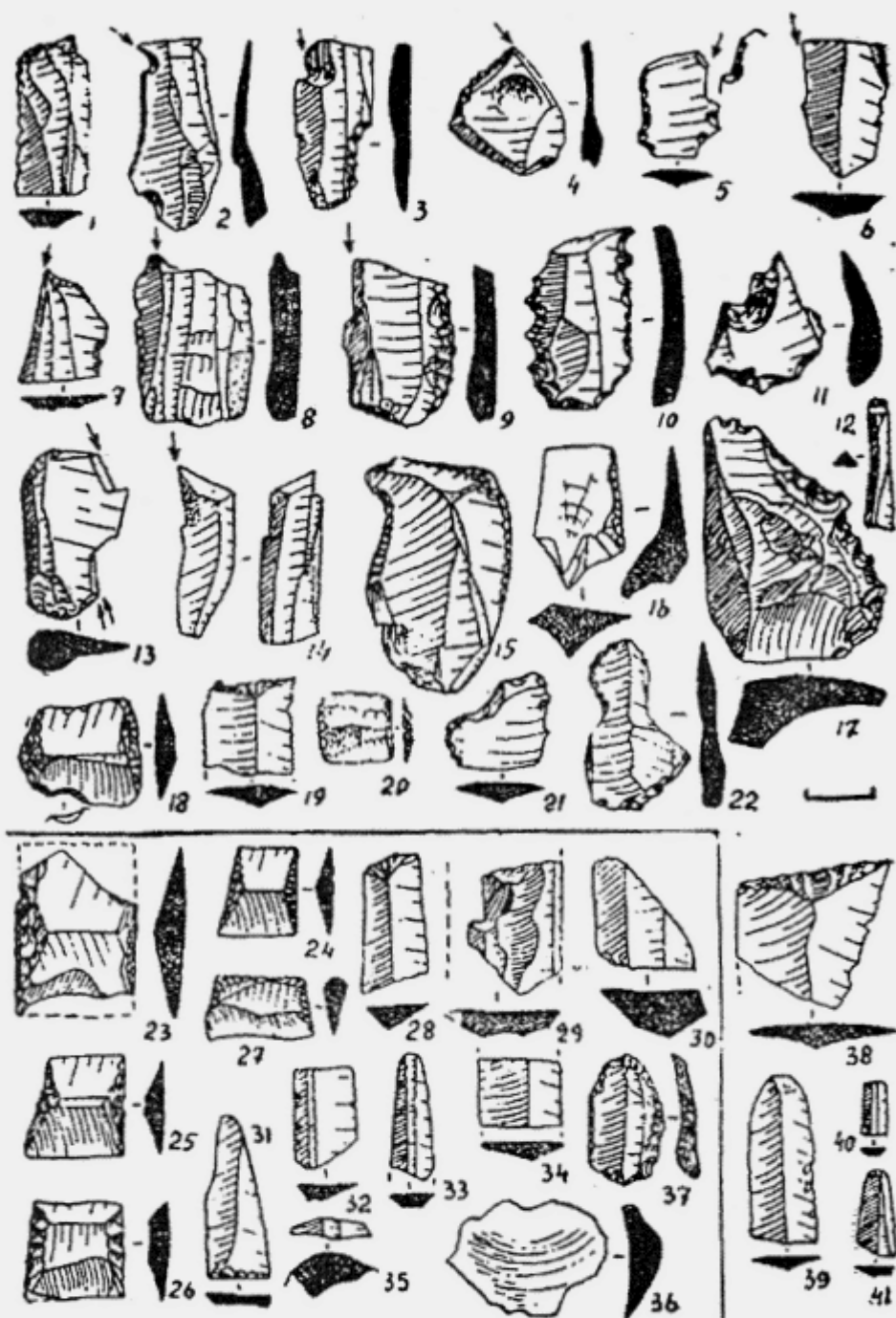

Рис. 23. Верхняя Лемса. Кремневый и обсидиановый (23—37) инвентарь

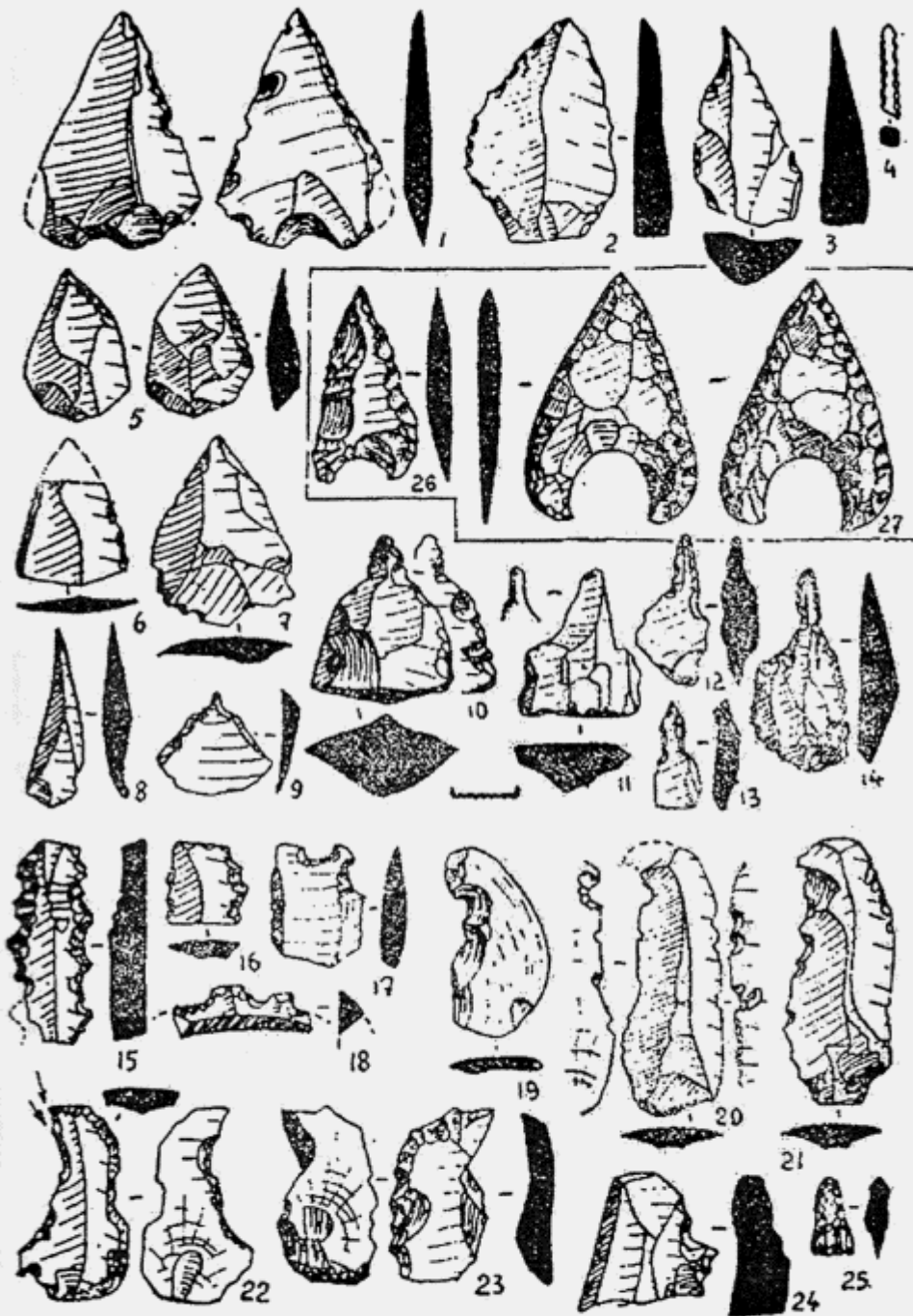

Рис. 24. Верхняя Лемса. Кремневый инвентарь

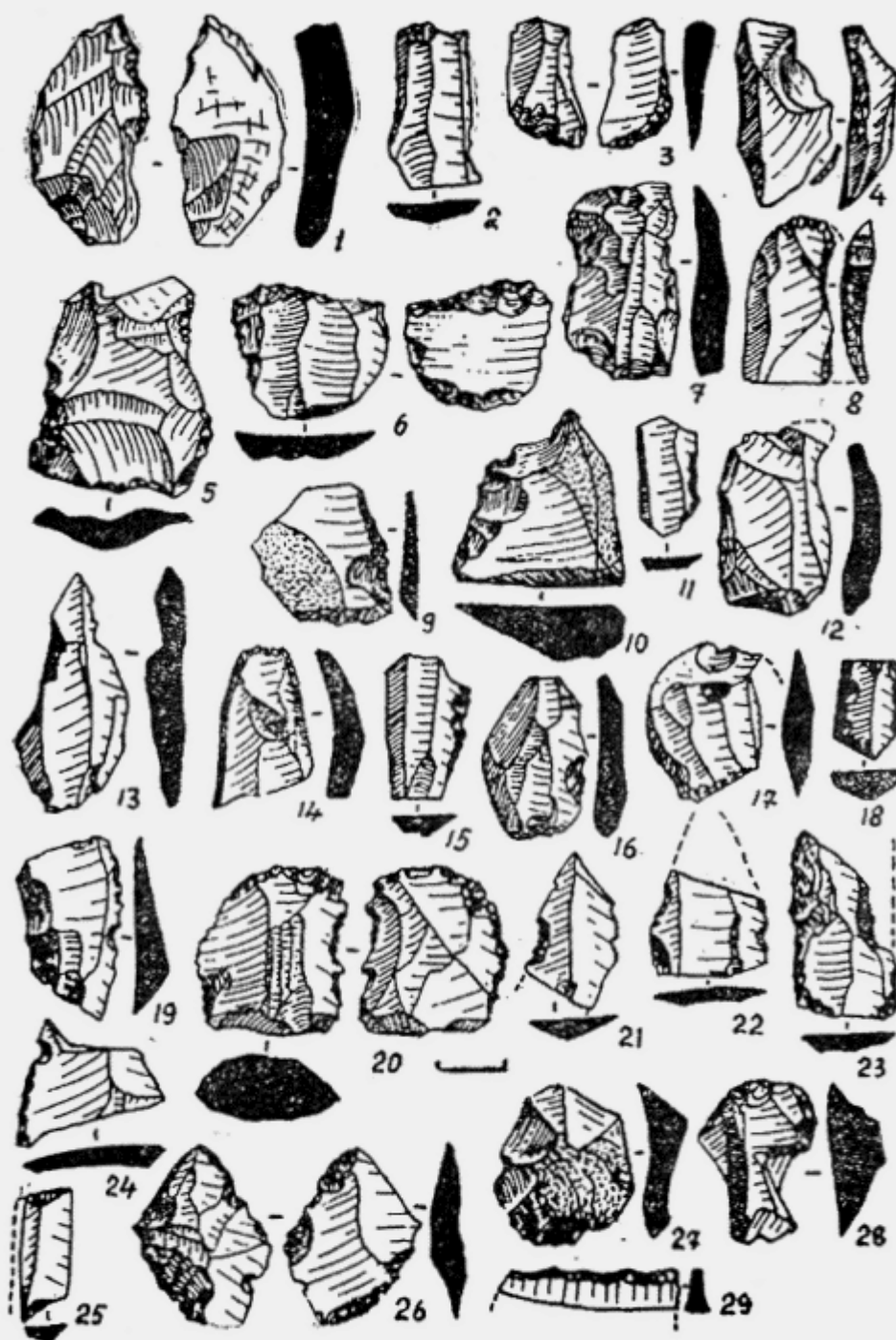

Рис. 25. Верхняя Лемса. Кремневый инвентарь

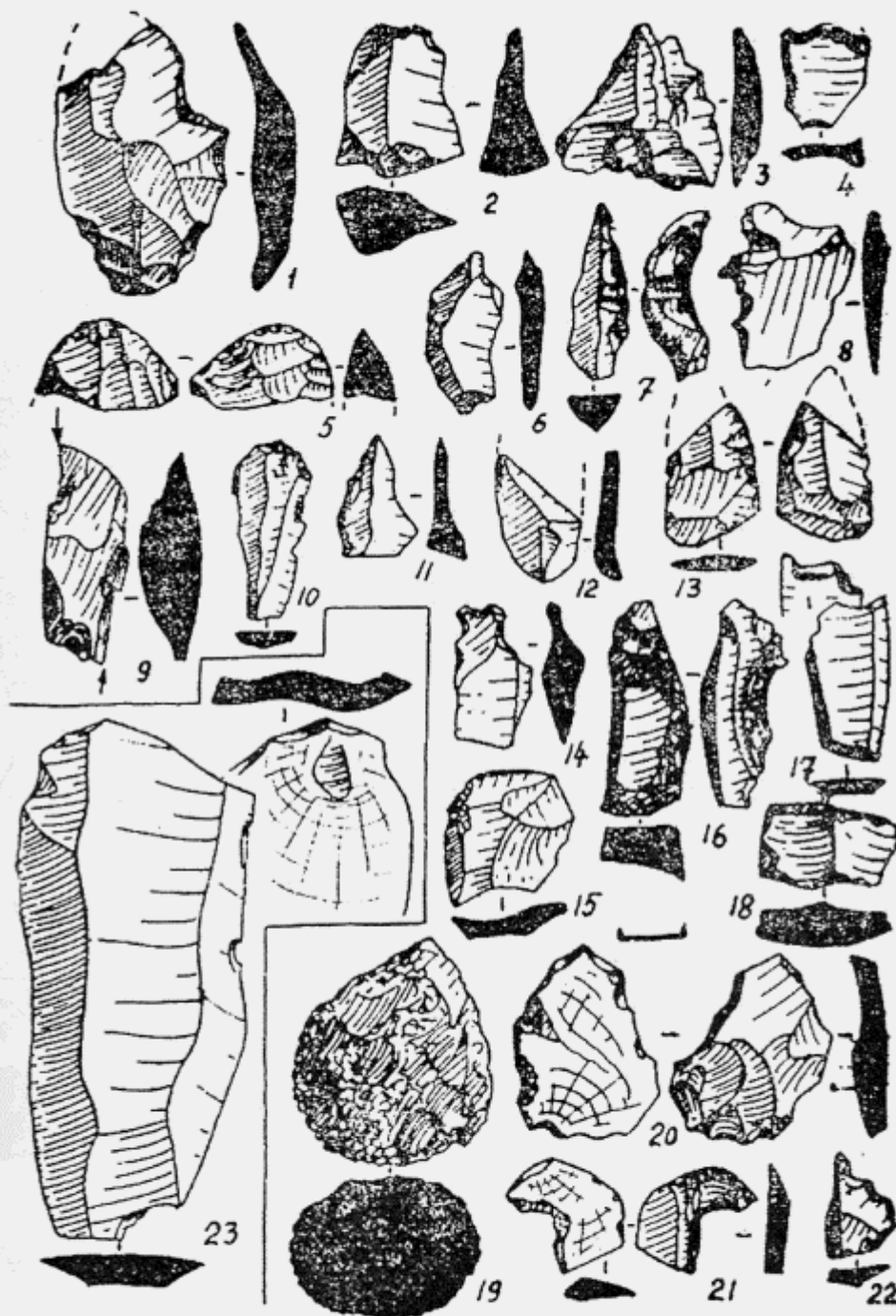

Рис. 26. Верхняя Лемса. Кремневый инвентарь

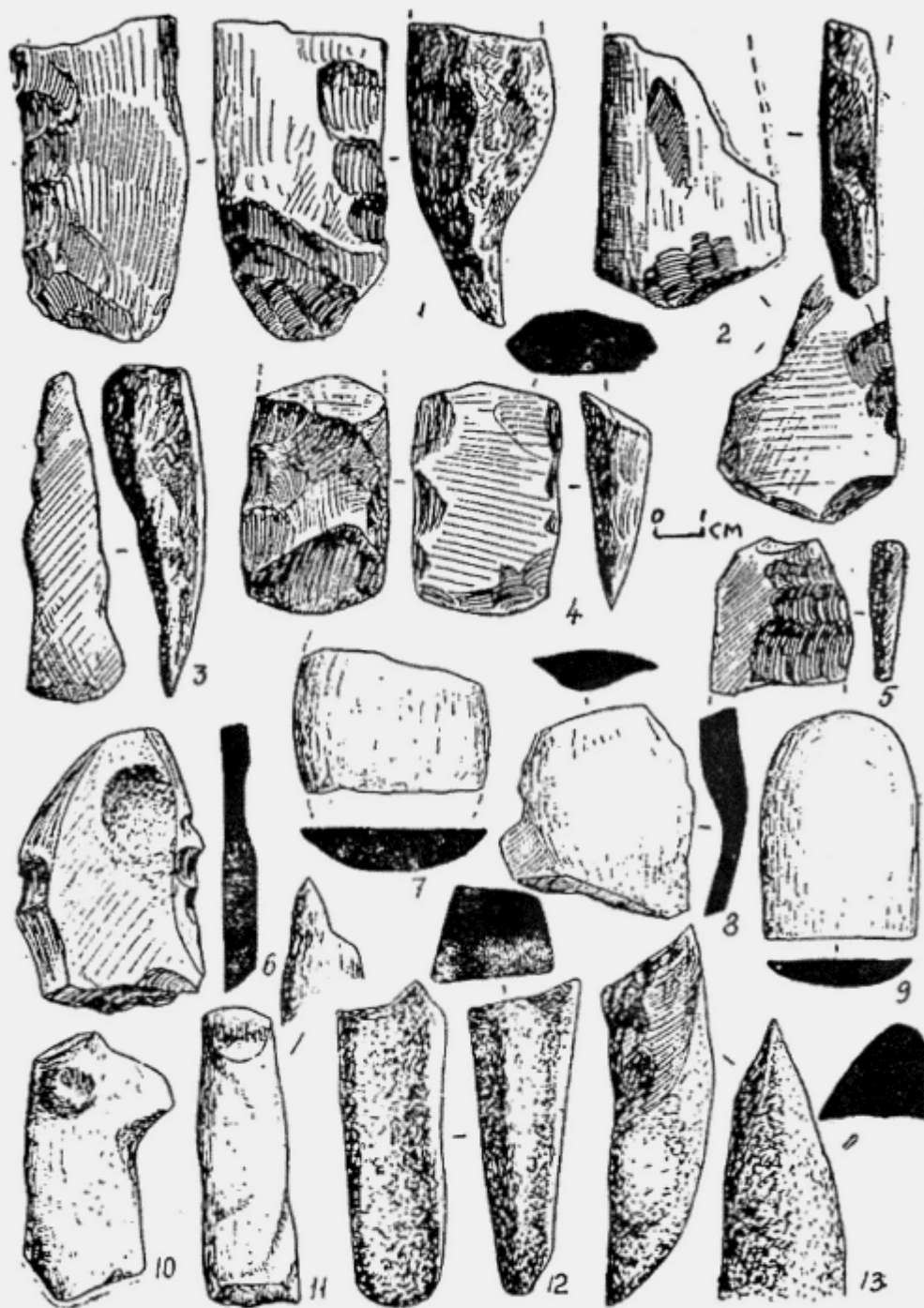

Рис. 27. Верхняя Лемса. Изделия из камня

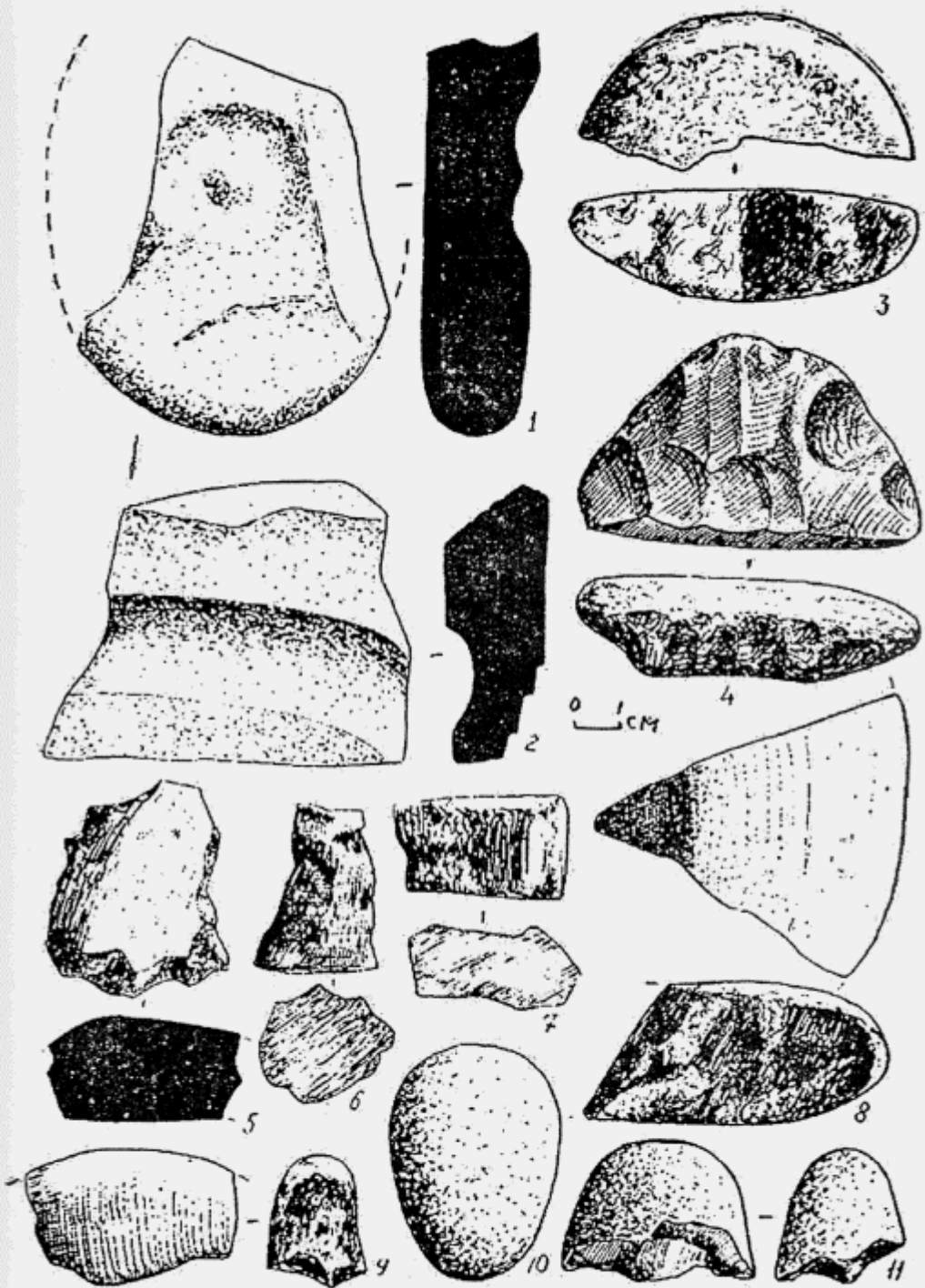

Рис. 28. Верхняя Лемса. Изделия из камня

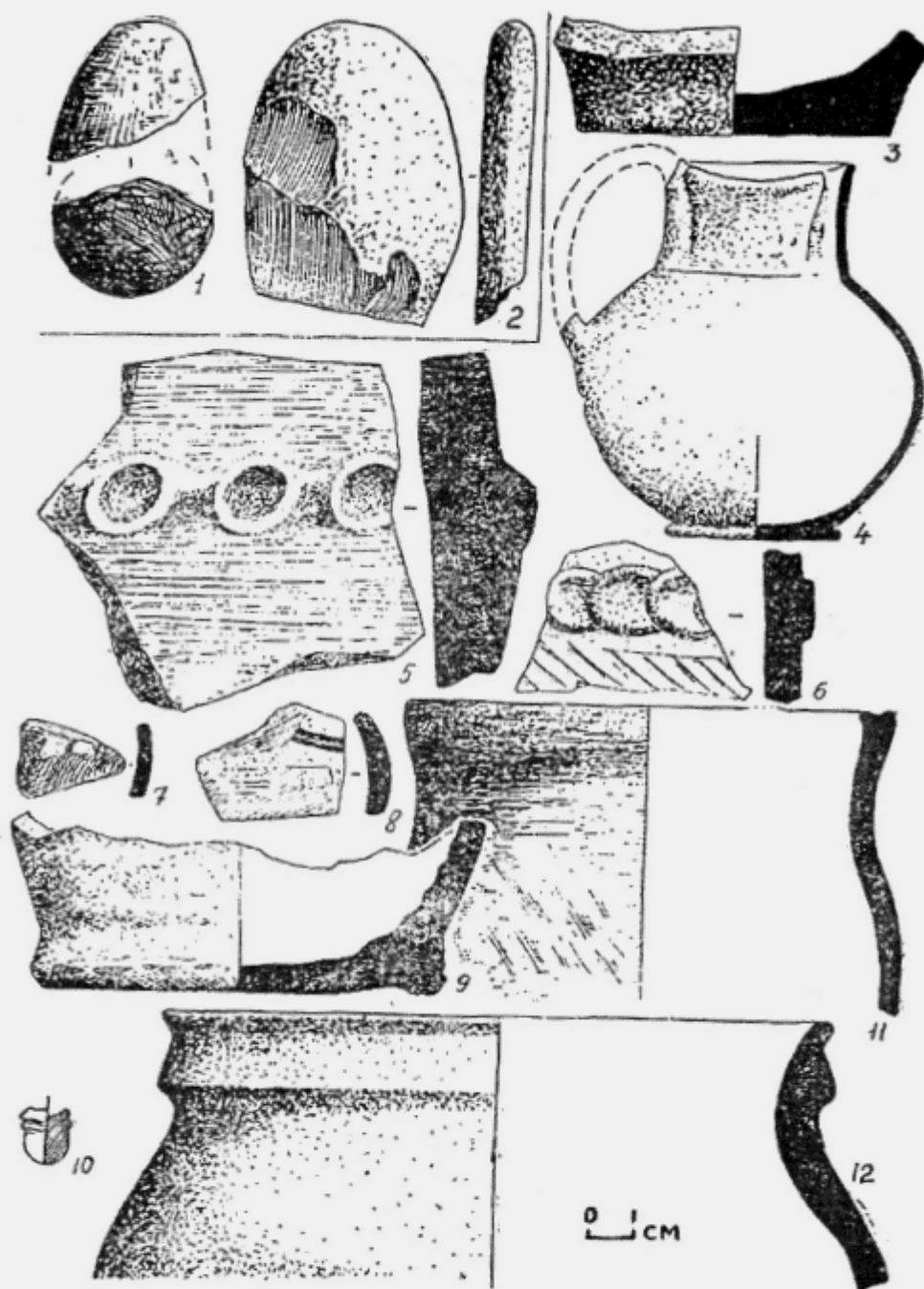

Рис. 29. Верхняя Лемса. Изделия из камня (1,2), глины (3—9,11,12) и стекла (10)

Древности Военно-Сухумской дороги

Книга "Древности Военно-Сухумской дороги" впервые была опубликована в 1977 году издательством "Алашара", Сухуми.

300

Введение

Полушутливая поговорка гласит: «Волка и археолога ноги кормят». И действительно, многие тысячи километров пришлось уже пройти археологам в том скоплении ущелий, гор, труднопроходимых зарослей, крутых склонов, осыпей, обрывов, которые характеризуют территорию вдоль Военно-Сухумской дороги. По черепкам старинной посуды, по обломкам кремневых орудий, по характеру древних руин и инвентарю языческих захоронений за столетие кропотливого труда была, в общих чертах, восстановлена интересная и сложная картина жизни местного населения с эпохи нижнего палеолита и вплоть до позднего средневековья.

Пионером археологических исследований в рассматриваемом районе может считаться председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова [30] *, осуществившая в 1886 году раскопки в трех храмах исторической Цебельды — в Вороновском, Полтавском и Ольгинском, а также описавшая в своих отчетах ряд других местных памятников (Келасурская стена и др.). Во второй половине XIX столетия с целью осмотра местных руин здесь побывали: известный исследователь древностей Кавказа Д. З. Бакрадзе, сухумские краеведы В. И. Чернявский и А. Н. Введенский, полковник Цилоссани и др. [6, с. 7].

В 1907 году в Цибилиуме произвел раскопки двух средневековых храмов А. А. Миллер [19]. Несколько позже отсюда в Археологическую комиссию поступил замечательный раннесредневековый бронзовый саркофаг, а в Кавказский музей была передана коллекция предметов из разрушенных вблизи горы Шапка погребений IV—VII вв. Эти поступления были осуществлены за счет стараний вдовы генерала Краевича, брата известного физика, и директора Кавказского музея Ю. Н. Воронова, на территории имений которых были сделаны эти находки [6, с. 61].

** Здесь и далее первая цифра в скобках указывает на порядковый номер книги из прилагаемого в конце списка литературы, вторая - страницу.*

301

Более или менее систематические исследования памятников района были начаты вскоре после установления в Абхазии Советской власти. В 1924 году Цебельду с целью осмотра ее древностей посетила группа ученых в составе академика Н. Я. Марра, Б. В. Фармаковского, Д. П. Гордеева, Г. Г. Григора, Д. И. Гулиа, С. М. Ашхацава, А. И. Лукина и В. И. Стражева. В своих работах того времени [25; 26] В. И. Стражев опубликовал первые сведения о дольменах в Азанте и о ряде более поздних архитектурных памятников; в том числе о крепости на горе Шапка, храме в Марамбе и др. Довольно результативные

разведки в конце 20-х годов предпринял в этом районе М. М. Иващенко, в публикациях и отчетах которого впервые упоминаются такие памятники как Герзеульская крепость, храмы в Амзаре и Чхалте, ацангуары на горе Хутыя и др. [16].

В 1934 году разведки дольменов и других памятников в Азанте проводил сотрудник экспедиции ГАИМК Б. Б. Пиотровский — ныне академик, директор Государственного Эрмитажа [6, с. 8].

Значительная роль в исследовании памятников Военно-Сухумской дороги принадлежит видному исследователю памятников Западного Кавказа Л. Н. Соловьеву. В 1934—1936 гг. им были открыты здесь первые палеолитические стоянки (Апианча, Лемса и др.), визуальное обследование которых он проводил с известным советским палеолитчиком С. Н. Замятиным [24]. Особое значение для науки имеют открытые и исследованные Л. Н. Соловьевым [23; 24] верхнепалеолитические и мезолитические стоянки в Холодном гроте (абх. Хупынипшахуа) и гротах Кёп-Богаз (1938, 1940, 1960, 1961 гг.). Много внимания уделил исследователь и более поздним памятникам — поселениям эпохи бронзы в Джампальском (1966 г.) и ряде других гротов вблизи Багадской скалы (1966 — 1968 гг.), могильникам Цебельдинской культуры (1938, 1959 гг.), средневековым памятникам района.

По окончании Великой Отечественной войны исследования древностей Военно-Сухумской дороги возобновились. В 1945 г. здесь провел разведки И. А. Гзелишвили, впервые раскопавший ряд погребений с сожжением IV— VII вв. вблизи села Октомбери (бывш. Ольгинское) [13]. Через год раскопке трех дольменов в селе Азанта осуществил Б. А. Куфтин. В 1955—1956 гг. разведки этих памятников производил О. М. Джапаридзе [16]. Нашли они отражение и в работах В. И. Марковина [18].

Очень интересны результаты исследований палеолитических памятников ущелья Кодора, начатые в 1955 г. Н. З. Берзенишвили и Л. Д. Церетели [3, 31]. Этими исследовательницами раскопаны верхнепалеолитические и мезолитические стоянки в гротах Джампал-1, Джампал-2, Квачара (абх. Куабчара), продолжаются исследования в гротах Кёп-Богаз и Холодном. В значительной мере на материалах этого района построена кандидатская диссертация Л. Д. Церетели [31].

В 1960—1967 гг. в районе Цебельды вел исследования ряда апсильских могильников III—VII вв. видный абхазский археолог М. М. Трапш. Результа-

302

ом этих работ, в частности, является его интересная монография «Культура Цебельдинских некрополей» [27, 28]. В составе этой экспедиции в разные годы трудились В. С. Орелкин, М. М. Гунба, Г. К. Шамба, О. Х. Бгажба, В. Б. Ковалевская, а также автор этих строк. Материалы одного из этих могильников (Ахаччарху) легли в основу кандидатской диссертации Г. К. Шамба, позже опубликованной им отдельной книгой [29].

Из других исследований 60-х — начала 70-х гг. текущего столетия следует отметить раскопки Л. А. Шервашидзе в Вороновском храме (1964 г.), В. В. Бжания на Мачарском поселении [4] и в Красном гроте [5], М. М. Гунба на склонах Апианчи [14] и О. Х. Бгажба в Герзеульской крепости (1973 г.).

Сведения о памятниках Военно-Сухумской дороги можно найти также в работах З. В. Анчабадзе [2], Ш. Д. Инал-ипа [17], В. П. Пачулиа [20—22], А. К. Амброза [1], В. А.

Леквинадзе, Р. О. Шмерлинг, К. В. Голенко, Л. А. Ельницкого, А. М. Хазанова, Л. Г. Хрушковой и многих других исследователей. Интересны и результаты краеведческих разведок В. А. Юшина и А. С. Вознюка, которым удалось выявить в этом районе серию любопытных объектов — поселения бронзовой и античной эпох в селах Мерхеул, Азанта и Амткел, большое число древних погребений с богатым инвентарем в окрестностях Ольгинского, Цебельды, Аблухвары, Азанты, различные архитектурные памятники (храм в Мерхеуле, городище в Аблухваре, крепость в Планте и др.). В течение последних двадцати лет вдоль Военно-Сухумской дороги проводит исследования и автор этих строк. Ему довелось выявить и обследовать здесь более сотни археологических объектов — поселений, могильников, крепостей, храмов и т. д. Автор принимал участие в работах многих экспедиций Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа под руководством М. М. Трапша и Л. Н. Соловьева, а также проводил самостоятельные шурфовки в Пацхарской крепости (1964 г.), на раннеэолитическом поселении в поселке Верхняя Лемса (1968 г.), на апсильском поселении Лар (1972 г.), в ацангуарах Абхазского хребта (1973 г.) и во многих других пунктах района. Материалы этих поисков опубликованы в двух десятках работ автора [6—12].

На основе всех известных сегодня данных можно с достаточной точностью проследить направление древней дороги от побережья в окрестностях Сухуми к Клухорскому и Марухскому перевалам. Две ветви этого пути, минуя небольшой перевал на горе Чижоуш и Пацхирское ущелье, соединялись у села Ольгинского. Отсюда дорога шла под Апианчей к крепости Цибилиум, затем спускалась к слиянию рек Схча и Джампал, обходила с севера Багадские скалы и вдоль ущелий Кодора, Чхалты и Клыча выводила к перевалам. Регулярные связи через них документируются с III тыс. до н. э., а их интенсивность заметно усиливается в античную эпоху (с V—IV вв. до н. э.). Особое значение этот район приобретает в эпоху «великого переселения народов» (IV—VII вв.), когда здесь проходит важнейший торговый путь из Византии в Среднюю Азию

303

в обход Каспия. За несколько веков до н. э. появляются первые крепости (Пацхир), а в IV—V вв. н. э. формируется мощная оборонительная система, обусловленная буферной ролью Апсии на путях с Северного Кавказа к пределам римлян. В конце VIII—X вв. Даринский путь, как его называют древние авторы, укрепляется с юга цепью новых крепостей (Герзеул, Чхалта, Клыч и др.). Путь этот сохраняет свое исключительное значение в системе западнокавказских туристских троп вплоть до сегодняшнего дня.

304

Глава 1.

От Гульрипша до Герзеула

Военно-Сухумская дорога начинается на западной окраине поселка Гульрипш, где она по правому берегу реки Мачара ответвляется от Новороссийско-Батумского шоссе. Эта дорога проложена вдоль следов старинной тропы, ведущей с побережья через

Клухорский перевал на Северный Кавказ и игравшей в последние тысячелетия выдающуюся роль в экономической и политической жизни местных племен. Особое значение эта тропа приобрела в античный и раннесредневековый периоды. Это обстоятельство способствовало оседанию в среде местного населения большого числа идей и вещей, характеризующих его контакты со многими странами и цивилизациями древности.

Гульрипш как поселок городского типа оформился совсем недавно — в 1975 году, но история человеческих поселений здесь уходит в глубину тысячелетий. Уже более 10 лет восточнее устья Мачары на самом берегу моря В. В. Бжания ведет раскопки поселения, возникшего в III тыс. до н. э. [4]. Первоначально люди здесь жили в полуземлянках, в которых найдены следы очагов, а также большое число фрагментов глиняной посуды и изделий из камня. Грубые толстостенные корчаги и миски имели массивное дно, на котором снаружи сохранялись отпечатки циновок и листьев, на которые ставили посуду перед обжигом. Среди каменных предметов особенно интересны зернотерки, мотыжки и т. д.

С течением времени облик поселения менялся — появились деревянные хижинки с плетеными из прутьев стенами. Глиняная посуда становится более изящной, стенки ее обрабатывались лощилом и покрывались разнообразным орнаментом с помощью резца и штампа. Появились кувшины с одной или даже с тремя ручками, а также прямоугольные сосуды. Совершенствуется и набор каменных изделий — помимо зернотерок и мотыжек появляются грузила для сетей, шары для пращи и др. Это уже культура начального этапа позднебронзовой эпохи. Но поселение продолжало существовать и позже — вплоть до самого ее конца. Об этом говорят характерная глиняная посуда, включающая корчаги и кувшины с рогатыми ручками, четырехугольные сосуды с отпечатками тканей на внешних стенках; по мнению исследователей

305

(Л.Н. Соловьев и др.), эти сосуды служили для целей солеварного промысла, процветавшего здесь вплоть до появления на побережье первых греческих поселенцев. По правому и левому берегам Мачары по мере удаления от моря растут возвышенности, переходящие затем в небольшие водораздельные хребты, увенчанные холмами, поросшими мелким лесом и кустарником. Часть этих холмов в конце бронзового века и особенно в эпоху греческой колонизации была довольно густо заселена. Одно из значительных поселений этого времени расположено в 2-х километрах от берега моря на левом берегу Мачары [6, с. 36, 58]. Оно занимает северные и южные склоны холма, в последнее время подвергавшегося террасированию и распашке. В нескольких турлучных хижинах размещались представители небольшого рода. Их быт характеризуется следами этих жилищ, а также многочисленными фрагментами глиняной посуды, каменных изделий, костей животных. Среди посуды выделяются большие хозяйственные безручные кувшины — пифосы, различные одноручные кувшинчики и двуручные корчаги, миски, чаши, мелкие лепные, возможно, жертвенные сосудики, очажные подставки и др. Керамика поселения отличается богатством орнаментации и изысканностью форм. Среди других находок особенно интересны бронзовый

наконечник стрелы, обломки каменных зернотерок и грузил. Весь этот материал характеризует заключительный этап позднебронзовой колхидской культуры (IX—VI вв. до н. э.). С течением времени поселение расширялось за счет восточного, более пологого склона холма. Число семей, а следовательно, и жилищ возрастало. На материалах поселения хорошо прослеживается проникновение в местный быт элементов греческой культуры. Многочисленны обломки родосских и синопских амфор, синайской черепицы, чернолаковых сосудов и других изделий. В последние века до н. э. широко распространяются амфоры; кастрюли и другая продукция производства мастерских самой Диоскуриады, на сельскохозяйственной территории которой располагалось поселение. Из нескольких погребений, разрушенных во время пахоты, происходят чернолаковый флакон, железный топор — цалда, многочисленные бронзовые браслеты. Восточнее этого поселения на склоне одного из холмов в зарослях довольно хорошо сохранились руины небольшой средневековой церкви, имевшей зал и две пристройки с юга и запада. Особенностью памятника, отличающей его от всех известных храмов Абхазии, является прямоугольное оформление его алтарной части изнутри. На фасаде видна плита с высеченным на ней изображением креста. Большое число населенных пунктов античного времени известно и дальше вдоль хребтов по обеим сторонам Мачары [6, с. 58]. Хорошо прослеживается планировка этих поселений в районе ресторана «Мерхеул». Первоначально в конце VI—V вв. возникало небольшое поселение, а затем оно распространялось отдельными хуторами-усадебными на соседние гребни и возвышенности. У каждого такого основного поселения могло быть, по наблюдению автора, по

306

5—7 «выселков», отражающих, вероятно, процесс распада родов на отдельные большие семьи. На поверхности распаханной земли здесь можно найти фрагменты местной и привозной посуды, различных каменных и металлических (браслеты и т. д.) изделий. Наиболее значительное поселение эпохи Диоскуриады по правому берегу Мачары находится в селе Черниговка западнее центра Мерхеул. Здесь на вершине холма, увенчанного стенами Александровской крепости — одного из узлов Келасурской стены, когда-то располагались ряды деревянных хижин. Многочисленны здесь находки местных и привозных античных изделий — амфор, черепицы, кувшинов и т. д. С вершины открывается вид на живописные горы, среди которых выделяется на переднем плане гора Чижоуш, через западную часть которой в то время проходил торговый путь от побережья в Цебельдинскую долину и дальше.

В самом центре села Мерхеул, вблизи здания средней школы, восточнее шоссе, в тени кипарисов высятся стены храма, построенного в конце XIX столетия. В этих стенах видны вторично использованные плиты от более древнего сооружения. По сохранившемуся преданию, этот храм был возведен на развалинах средневековой церкви. В километре восточнее М. В. Барамидзе в 1968 году были найдены бронзовые и серебряные железные и каменные изделия — шейные обручи, ножи, точильные камни, свидетельствующие о существовании и здесь могильника середины I тыс. до н. э. Интересны руины средневекового феодального поместья, сохранившиеся на северо-восточной окраине Мерхеул на 10-м километре Военно-Сухумской дороги, где находится

поворот на проселочную дорогу, ведущую в Герзеул [21, с. 97—98]. В начале тенистого ущелья видны развалины стены, возведенной поперек русла ручья. Тут же прислонилась к склону башня, прямоугольного плана, рядом с которой находились ворота, о чем свидетельствует паз для засовного бруса в башенной стене. Высота стены и башни достигала 3—3,5 м. В глубине ущелья у слияния двух ручьев располагается второй рубеж — трехметровой толщины стена, преграждавшая доступ из ущелья на небольшую ровную площадку. В центре последней возвышаются развалины каменного здания. Стены его возведены из речного булыжника на известковом растворе. В них сохранились проемы дверей и окон. На первом этаже находилось три больших помещения, второй этаж был, по-видимому, деревянным.

Западнее, на вершине холма, на фоне неба четко выделяется контур древних стен. Подъем к ним по осыпи между деревьями одичавшей алычи занимает не более 15 минут. За прямоугольной воротной башней скрыт небольшой крепостной двор, окруженный стеной, часть которой уже давно сползла в обрыв. Рядом с башней в стене видны следы входного лаза, высоко поднятого над землей, — в него попадали по приставной деревянной лестнице, которую затем убирали. Находки в крепости (обломки глиняной посуды, стекла и т. д.),

307

а также конструктивные особенности памятника позволяют датировать весь этот интересный комплекс концом развитого — началом позднего средневековья (XIV—XVI вв.). В это время некий феодал перегородил подходы к своему дому двумя линиями стен. Если же нападающие прорывались через эти заслоны, феодал со своими близкими мог укрыться в крепости на вершине. По сохранившемуся у местного населения преданию, когда-то это ущельице принадлежало князю Мерху (или Мярху), имя которого сохранилось в современном названии Мерхеул (Мерх — аул).

Дорога к Герзеулу ведет у основания хребта, сложенного позднечетвертичными морскими отложениями — конгломератами. В начале этой дороги, вблизи родника, видны остатки небольшого поселения античного времени — на поверхности распаханной почвы разбросаны многочисленные фрагменты местной и привозной глиняной посуды — кувшинов, чаш, амфор, отдельные фрагменты чернолаковой посуды.

На северо-западной окраине поселка Герзеул, на известняковом гребне горы, в тени грабово-дубового леса расположены руины крепости — в прошлом одного из наиболее значительных оборонительных сооружений Абхазии [12, с. 29—30]. Общая длина стен Герзеульской крепости около одного километра. Ее восточная башня и теперь возвышается на 6—8 метров. Вход в крепость проходил через башню, в наружной стене которой сохранился полутораметровой ширины проем. Внутри башни находилось небольшое помещение, из которого еще одна дверь вела на крепостной двор. Стены крепости возведены из грубообработанных блоков известняка с однослойной прокладкой из кирпича прямоугольной формы. Время возведения этих стен относится к VIII—IX вв.

Внутри крепостных стен, в зарослях, сохранились руины нескольких сооружений, среди которых особенно интересен небольшой христианский храм, построенный в развитом средневековье (XII—XV вв.). Основанием храма служит мощная искусственная

платформа, в толще которой располагаются ниши для погребений. О. Х. Бгажба в храме найдены многочисленные обломки черепицы, плита с резной рамкой, а в погребениях — глиняные кувшинчики. Западнее храма, в центре ровной площадки сохранились остатки цистерны или погреба, представляющие собой прямоугольное углубление в скалу, облицованное камнем на растворе.

Юго-восточнее крепости на обширной поляне когда-то располагался обширный могильник, позже разрушенный пахотой. Из погребений известны нож VI—V вв. до н. э., ряд предметов первых веков н. э. К последним относится и инвентарь единственного из сохранившихся здесь захоронений II—III вв. н. э., включавший кувшин-урну, где находился прах умершей, ее булавки-фибулы, браслеты, бусы, нож. Позднее в VIII—X вв. здесь хоронили людей уже по христианскому обряду, без вещей [12, с. 41].

Юго-западнее крепости в конце 20-х годов текущего столетия был найден замечательный клад из 500 серебряных монет, чеканенных в период правления

308

римских императоров Нерона, Веспасиана, Домициана, Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Луция Вера и Марка Аврелия. Монеты находились в кувшинчике, а рядом лежали бронзовый треножник, обломки подставки для светильника, золотой веночек, от которого сохранились два лепестка. Время зарытия этого клада определяется второй половиной II в. н. э., а назначение этих денег связывается с субсидией римлян местным племенам [12, с. 88—89]. Однако какой-то трагический случай, скорее всего внезапное нападение, заставили посла римлян спешно зарыть эти деньги. Он погиб, а клад пролежал в земле около двух тысяч лет, прежде чем на него наткнулись местные крестьяне.

Местность эта была хорошо обжита и в развитом средневековье. Об этом свидетельствует водопровод, соединивший родник скорее всего с поместьем какого-то местного феодала. Линия керамических водопроводных труб прослежена на расстоянии в 300 м. Вода шла самотеком вниз по склону.

С западной башни Герзеульской крепости через просветы в ветвях дуба и реликтовой сосны можно любоваться видом на Пацхирское (Ольгинское) ущелье и открывающуюся за ним Цебельдинскую долину. Далеко внизу слышен шум замечательного Герзеульского водопада. При взгляде на запад открывается широкая панорама на холмистые предгорья и долину р. Мачара, вдоль которой хорошо видна цепь башен Келасурской (Великой абхазской) стены.

Живописные руины 13-и башен километровой линией протянулись в сторону выхода Мачары из известняковых теснин. Здесь стена служила средством обороны против нападения со стороны Цебельдинской долины. Еще в начале XIX столетия знаменитым французским путешественником Ф. Дюбуа-де-Монперэ было отмечено, что цебельдинцы издавна представляли угрозу для прибрежного населения. Это и побудило строителей стены обратить особое внимание на укрепление этого наиболее удобного выхода из Цебельды на побережье.

Келасурская стена не являлась сплошной. Ее строители весьма охотно использовали условия местности, позволявшие обходиться без сооружения сплошной линии обороны. Так и здесь у входа в ущелье древние строители возвели цепь башен по правому берегу

реки, на левом же ее берегу, где начинаются обрывы, возведена лишь одна башня, а затем вплоть до Кодорского ущелья на протяжении семи километров какие-либо сооружения отсутствовали. Это главным образом труднодоступная горная местность — крутые, обрывистые склоны, зоны оползней и осыпей, узкие ущелья.

Как правило, башни имеют очень неглубокий фундамент, а часто обходятся и без него. Расстояние между ними обычно колеблется от 40 до 120 м. Разметы башен в плане в среднем 7х8 м при толщине стен до 1,5—2 м и высоте их то 4—6 м. После возведения башен между ними встраивалась стена, от которой по правому берегу р. Мачары сохранились слабые следы фундаментов. В каждую башню вел вход, облицованный деревянными брусьями и запиравшийся на бревенчатый засов. Башни имели два этажа. Межэтажное перекры-

309

тие было деревянным, оно держалось на массивных балках. С этажа на этаж попадали по приставной деревянной лестнице. В стенах второго этажа часты небольшие бойницы для огнестрельного оружия. Бойницы эти направлены обычно на запад и север, т. е. в сторону гор. Верхний край башенных стен представляет собою заглаженную сверху раствором плоскость. Крыша в башнях была либо частичной — навесы вдоль стен, либо могла держаться на деревянных брусьях, следов которых однако на верхнем торце стен не сохранилось.

В расположении башен и самой стены заметны существенные недостатки стратегического характера. Так, ближайшая к ущелью башня буквально прислонена к крутому склону горы, откуда сверху она совершенно открыта для обстрела. Перед фасадом стены на этом участке находится довольно ровное, удобное для маневрирования пространство, в то время как с тыльной стороны, в непосредственной близости от башен, расположено русло реки, непроходимой в непогоду. Обращает на себя внимание и плохое качество строительных материалов — булыжник в кладке не отборный, почти без следов обработки, разнокалиберный, раствор плохого качества, невыдержанный, а вдобавок его клали зачастую настолько скудно, что в толще стен оставались значительные пустоты. Все это пагубно сказалось на сохранности памятника. Но и то, что есть, достаточно впечатляюще, и туристы часто с удовольствием останавливаются у руин древней башни, стоящей рядом с шоссе.

Келасурская стена — крупнейшее оборонительное сооружение Кавказа. Изучением ее в той или иной мере занимались Ф. Дюбуа-де-Монперэ, В. И. Чернявский, В. И. Сизов, П. С. Уварова, А. А. Миллер, М. М. Иващенко Л. Н. Соловьев, И. Е. Адзинба, В. П. Пачулиа, Л. А. Шервашидзе, А. С. Вознюк, О. Х. Бгажба, М. М. Гунба и др. Однако ни один из них не исследовал стену на всем ее протяжении от Келасура до Ингура, а ограничивался лишь описанием отдельных наиболее доступных ее участков. Поэтому и сведений о стене, ее протяженности (100-160 м), количестве башен (800-2000), ориентации бойниц, датировке (от VI в. до н. э. до XIII—XIV вв. и. э.) и т. д., были весьма смутны и противоречивы. Автору довелось первым пройти всю стену; в результате чего было установлено, что общая протяженность ее основной оборонительной линии составляет около 60 километров, стена кончается в районе Ткварчели — лишь четыре башни имеется восточнее на сорокакилометровом участке до Ингура, общее же число башен

составляет 279. На основе анализа архитектурных особенностей стены, сопутствующих археологических данных и письменных источников, автором было высказано мнение, стена эта построена во второй четверти XVII столетия [8].

** Поскольку существующая до сих пор датировка этого памятника основана, главным образом, на данных архитектуры, а стратифицированный археологический материал почти не привлекается, окончательная датировка памятника остается еще спорной.*

310

Глава 2.

По Цебельдинской долине

Асфальтированной лентой уходит Военно-Сухумская дорога в глубину Пацхирского (Ольгинского) ущелья, отличающегося своей исключительной живописностью — крутые склоны, перемежающиеся скалистыми грядами, буйные лесные заросли, шумные водопады внизу — все это создает неповторимый колорит путешествию. Шоссе через ущелье было построено в 1898 году. До этого по этим склонам вела узкая тропа, которой издавна пользовались путники.

У самого входа в ущелье высится корпус известкового завода. За ним белеет карьер, при разработке которого был разрушен могильник III—VII вв. н. э., принадлежавший прежним обитателям этого места, вероятно, несшего охранные функции по наблюдению за движением вдоль важной в стратегическом отношении тропы. В погребениях найдено много железного оружия — топоры, мечи, наконечники копий [12, с. 41]. Поблизости разрушен и небольшой грот с культурными остатками (фрагменты керамики, кости животных и др.), свидетельствующими о том, что под его навесом укрывались на ночлег одинокие путешественники и охотники несколько сот лет назад.

Ущелье начинает расширяться у места образования реки Мачары, где сливаются Барьял и безымянный ручей, текущий с востока. На высоком скалистом мысу, образованном двумя ущельями, в зарослях граба, бука и орешника прячется небольшая площадка, защищенная с двух сторон естественными десятиметровыми обрывами, а с третьей — мощной искусственной стеной, сложенной насухо так называемой «циклопической» кладкой из крупных обломков известняка, достигающих 1 м в поперечнике. Длина стены до 60 метров. Изнутри к ней пристроены три помещения. При раскопках центрального, проводившихся автором совместно с Л.Н. Соловьевым, были найдены многочисленные обломки глиняных изделий местного и привозного (амфоры, чернолаковая посуда и др.) происхождения, фаянсовые бусы, обломки бронзовых украшений, кости животных — мелкого и крупного рогатого скота. Анализ этих находок позволил датировать сооружение последними веками до н. э. и связать ее с культурой кораксов, населявших горные окрестности Диоскуриады (совре-

311

менный Сухум) в середине I тыс. до н. э. Кораксы и их крепость впервые упоминаются автором VI в. до н. э. Гекатеем Милетским. Кораксы, судя по ряду источников,

относились к гениохам, занимавшим в то время значительную часть Черноморского побережья Кавказа. Сам этноним «кораксы» — «вороны», иногда даже равнозначный этнониму «гениохи», возник, по-видимому, на основе греческой этимологизации местного наименования, совмещенного с мифологическими ассоциациями, неизбежно возникавшими тогда при упоминании Диоскуриады — культ Диоскуров на Кавказе засвидетельствован источниками и под именем кораксов [6, с. 59, 75].

Древняя тропа здесь раздваивалась. Одно ее ответвление шло вдоль современного шоссе в сторону с Ольгинского, другое — в глубь ущелья упомянутого безымянного притока Барьяла к горе Шапка через самшитовый лес. Гора эта была облюбована человеком издавна. Здесь найдены кремневые палеолитические орудия, обломок пластинки обсидиана эпохи неолита, фрагменты глиняной посуды и каменные топоры бронзового века, обломки амфор и чернолаковой посуды. Во II—VII вв. здесь находились крепость и поселение — один из наиболее значительных пунктов древней Апсилии. О том, что гора эта и позже привлекала внимание людей, говорят фундаменты средневекового храма [12, с. 18—19, 30—31].

От крепости сохранились довольно значительные участки стены, протянувшиеся на несколько сот метров, и ряд башен. Одна из них имела высоту до 8 м и была облицована крупными хорошо обработанными квадратами известняка в духе римских традиций. Тропы внутри крепостных стен ведут через заросли орешника, боярышника и колючек. Почва под ногами пестрит фрагментами древней посуды. Этих обломков много и в осыпях, уходящих в глубокие ущелья по сторонам горы.

Поселение апсиров располагалось и за пределами крепостных стен, возведенных в конце IV—V вв. на крутом склоне горы южнее. Здесь в зарослях можно увидеть остатки древних каменных террас искусственного происхождения, на которых стояли когда-то рядами деревянные жилища. От поселения тропа через скалистую местность приводит к роднику — струе холодной воды, вырывающейся из небольшой пещеры. Этой водой пользовались жители Шапки — иного родника вблизи нет, а рядом с этим найдены обломки древней посуды, которую случайно разбивали женщины, ходившие сюда за водой.

Хорошо сохранившаяся древняя дорога соединяла крепость и поселение с территорией могильника. Он располагался на площади 1,5х2,5 км севернее, по склонам ряда холмов. Именно здесь, начиная с 1945 г., вели раскопки И. А. Гзелишвили, М. М. Трапш, Г. К. Шамба, М. М. Гунба, В. Б. Ковалевская и автор этих строк. Как оказалось, каждая семья обладала в рамках этого могильника своим кладбищем, состоявшим обычно из 80—100 могил, образовавшихся в течение 400—500 лет. Каждый мужчина того времени — воин. В мужских захороне-

312

ниях найдено многочисленное железное оружие — топоры, мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел, щиты и т. д. В женских погребениях множество украшений — браслетов, серег, ожерелий, булавок, пряжек и т. д., но совершенно отсутствуют орудия труда — мотыги, зернотерки, пряслица, характерные для других могильников района. Не найдено ни одного отдельного детского захоронения. Апсилы были язычниками и у них, в частности, не полагалось хоронить детей на семейном кладбище

до тех пор, пока они не достигали совершеннолетия и не проходили специальный языческий обряд посвящения. Иное дело кони — их погребения довольно часты на могильнике — рядом с хозяином или без него [12, с. 42]. Элементы христианства в Цебельде, по мнению автора, фиксируются со второй половины VI века, хотя существует и мнение о более раннем его проникновении в Цебельду [27; 29].

Апсилия — значительное политическое образование, занимавшее центральную Абхазию в III — начале VIII вв. н. э. по побережью от Нового Афона до Очамчиры и в горы до перевалов на Северный Кавказ. Аписилы (апсы) — народ, позднее ставший составной частью абхазской раннефеодальной народности и передавший ей свое самоназвание (самоназвание абхазов «апсуа» «народ апсы», название Абхазии «Апсны» — («страна апсов»). По своему происхождению аписилы связываются с упомянутыми выше гениохами и могут в Цебельдинской долине и на прилегающей территории рассматриваться как непосредственные потомки кораксов. Вместе с тем созвучие этнонима «аписилы» с «фасиане» — так называлось население центральной Колхиды в I тыс. до н. э., позволяет видеть в аписилах и потомков более широкого этнического массива, занимавшего в древности всю Колхиду [12, с. 140].

Апсилия была цветущей страной, покрытой густой сетью крепостей, поселений и дорог. Наиболее значительные, богатые ее населенные пункты располагались вдоль трассы древнего торгового пути от побережья к Клухорскому перевалу. Существование этого пути и следует видеть в основе возникновения здесь особой цебельдинской цивилизации, возникшей под непосредственным влиянием античного культурного мира. Научное значение памятников Цебельдинской культуры неопределимо. Они нужны для выяснения важнейших вопросов этногенеза абхазов и их истории в позднеантичное и раннесредневековое время, для познания прошлого всей Колхиды от Трапезунда до Сочи. Цебельдинские памятники представляют собой уникальный по полноте источник для изучения оружия, военного дела, украшений и стеклянной посуды эпохи «великого переселения народов» на территории СССР, Средней и Южной Европы. Цебельда дает очень много и для изучения археологии самой Византии, на собственной территории которой очень слабо изучены оружие и украшения раннего средневековья.

В первой половине VIII века Апсилия подвергается многократным нашествиям арабов. Основные крепости Цебельды берутся штурмом, поселения

313

разоряются и сжигаются, большинство населения гибнет в боях, других угоняют в рабство. В плену замучен Евстафий, сын «блистательного патрикия» Маринэ, последний вождь аписилов.

Среди холмов, покрытых могилами жителей поселения горы Шапка, выделяется один своей высотой, с которой, как на ладони, просматривается вся Цебельдинская долина. Здесь в XI веке была построена небольшая церковь, от которой теперь сохранился лишь фундамент, над которым когда-то поднимались белокаменные стены, украшенные по фасаду резным орнаментом. В развалинах церкви еще в 1866 году было найдено несколько плит с барельефными изображениями, в основном ветхозаветных и евангельских сцен [30, с. 22— 23]. Эти плиты относятся к VIII веку и были принесены в эту церковь из какого-то другого, уже разрушенного к тому времени храма,

находившегося поблизости. Другие плиты, украшенные растительным и геометрическим орнаментом, относятся к XI—XII вв. Резной крест с фасада был сделан уже в XIV веке. Тогда же площадка вокруг храма была обнесена каменной стеной с воротами. Под стенами храма в средние века находилось кладбище. В одной из могил были замечательные золотые серьги с подвесками, инкрустированные голубыми камешками, в другой— стеклянный иранский сосуд XIV—XV вв. По холмам вокруг храма, на пашнях скоплениями глиняных черепков выделяются остатки ряда древних крестьянских усадеб, население которых молилось в этой церкви.

Орнаментированные плиты VII—VIII вв. были найдены также восточнее в поселке Марамба в развалинах церкви, построенной лет 50 назад [12, с. 115]. Эти и вышеотмеченные находки говорят о том, что в окрестностях Цебельды в VIII веке уже мог стоять каменный христианский храм, отличавшийся богатством внешнего и внутреннего оформления.

Прежде чем познакомиться с наиболее значительным памятником Цебельдинской долины — крепостью Цибилиум, столицей древней Апсилии, мы вернемся на основную трассу Военно-Сухумской дороги в том месте, где кончается Пацхирское ущелье. Расположенное здесь село Ольгинское также в своих окрестностях имеет немало интересных памятников древности. К востоку уходят холмы, где расположен описанный выше могильник апсиров, на запад тянутся две горы — Агыш и Чижоуш. На вершине первой известны палеолитическая стоянка и несколько поселений, выдаваемых скоплениями разновременной керамики в размывах между зарослями [6, с. 15, 58]. Более выразительны древности горы Чижоуш. В скалах обрыва к реке Малая Мачара еще П. С. Уварова указывала на пещерный замок, не найденный до сих пор. Интересны древние поселения с массой керамических фрагментов на восточной и западной вершинах горы. Мимо последней через небольшой перевал проходила в древности дорога, соединявшая Цебельду с побережьем. Здесь у обрыва к реке Келасур находится курганообразная возвышенность с

314

остатками каменного сооружения, окруженная каменным валом длиной до 150 метров и шириной до 2—3 м. Внутри вала много обломков древней посуды, среди которой донышки амфор последних веков до н. э. и средневековых пифосов. Здесь же найден кремневый наконечник дротика. Не исключено, что здесь, вблизи перевала, располагалось в древности святилище [6, с. 58].

У подножья горы Чижоуш к северу в конце XIX века переселенцы с Украины основали село Полтавское. В настоящее время от этого села сохранилась лишь церковь, построенная в начале нашего столетия на средства некой монахини, собравшей их в многолетних странствиях по России. Белокаменное здание церкви с примыкающей к ней высокой колокольней, украшенное красными куполами, возведено в стиле русских церквей и на фоне абхазских гор являет совершенно неповторимое зрелище [9, с. 109]. К западу, в тенистом лесу прячутся развалины древнего храма, исследованного еще в 1886 году. Храм состоял из основного зала и пристроек — с запада притвор, с юга — усыпальница, перекрытая каменным сводом. Стены зала были в свое время покрыты штукатуркой с красочными фресками. При раскопках найдено большое число

украшенных резьбой камней, а также бронзовый подсвечник, серебряные позолоченные оклады икон с грузинскими надписями XII века и др. [30, с. 24—30].

Не менее интересные памятники находятся и в окрестностях с. Верхняя Лемса, расположенного северо-восточнее Ольгинского, выше шоссе. На полях там и здесь белеют кремневые орудия, относящиеся к нижнему палеолиту — их возраст около 100 тысяч лет. Здесь же на небольшой полянке остатки поселения эпохи неолита — 7 тысячелетий назад несколько деревянных хижин вмещали представителей небольшого рода. Среди находок большое число кремневых изделий — пластинок, проколов, пилок, наконечник стрелы. Есть и несколько орудий из обсидана—вулканического стекла, свидетельствующих о связях с южным Кавказом. Интересны каменные тёрочки, которыми могли размалывать зерно [6, с. 37].

В нескольких сотнях метров выше как-то местный бульдозерист наткнулся на клад бронзовых изделий, среди которых были слитки бронзы весом до 35—30 кг, топоры и тесла, возраст которых не менее 3 тысяч лет. Много позже, уже в средние века, здесь возник поселок, в центре которого в период не ранее XI—XII вв. была построена из гладкотесанных блоков известняка небольшая однозальная церковь. Сохранились многочисленные плиты, покрытые резным растительным и геометрическим орнаментом, а также с изображениями фигур святых, украшавших интерьер и фасад храма [30, с. 19—21].

Еще выше в урочище Котловина между вершинами Ахупач и Прцха также имеется несколько интересных памятников. Среди них сложенные из известняковых плит гробницы раннебронзовой эпохи, в которых были найдены каменный топор и кремневый наконечник, поселение раннесредневековой

315

эпохи, венчающее небольшую вершину между названными горами, развалины средневекового храма.

Мы достигаем села Цебельда, центр которого расположен в низине, окруженной известняковыми возвышенностями. К югу поднимаются лесистые склоны горы Апианча. На ее вершине, на высоте около 1000 м над уровнем моря, найдены палеолитические кремневые орудия, возраст которых определяется двумя-тремя сотнями тысячелетий. На восточном ее отроге, близ бывшего поселка Верхняя Юрьевка, найдены кремневые орудия мустьерского времени (80—50 тыс. лет). В III—VII вв. здесь находилось небольшое поселение апсиров. В погребениях найдены кувшины, железное оружие, украшения. В средние века здесь была построена небольшая христианская церковь — уже в нашем веке камень из стен был использован при сооружении греческой церкви.

Восточнее Цебельды высится стройная пирамида горы Адагуа, на вершине которой в старину находилось языческое святилище. Рассказывают, что лет 200—300 назад на этой вершине росла огромная липа, в тени которой совершались абхазами моления. Сейчас здесь можно увидеть лишь остатки сооружения, сложенного из камня насухо. Рядом найдены обломки древних глиняных сосудов [6, с. 37].

В глубине ущелья между горами Адагуа и Апианча, носящего у местного населения название Кеп-Богаз, несколько миллионов лет назад протекала река Амткел. Но теперь здесь сухо, и лишь в очень дождливые зимы посреди обширной поляны в центре ущелья

появляется небольшое озерцо. Вблизи этого места у подошвы Апианчи виден грот, разделенный узкой естественной стеной на две части. Здесь в верхнем палеолите и мезолите (20—10 тыс. лет назад) проживала небольшая группа людей. В культурных отложениях пещеры найдены многочисленные кремневые и костяные орудия, кости животных, в том числе пещерного медведя, дикого кабана, оленя, зубра, тура и других животных, которыми питались жители грота [6, с. 15].

В километре северо-западнее гротов Кеп-Богаз у проселочной дороги, ведущей из пос. Марамба к крепости Цибилиум, сохранились следы двух открытых стоянок с кремневыми орудиями переходного периода от среднего к верхнему палеолиту (около 40—30 тысяч лет назад). Здесь же в кувшине найден прах человека, умершего около 2000 лет назад. Погребенному была положена серебряная римская монета.

У подножья горы Адагуа в четырех километрах восточнее с. Цебельда на двух утесах с обрывами к Кодору расположены живописные развалины огромной крепости, известной уже в источниках VI века под названием Цибилиум (Тзибила или Тибелия). Отсюда и современное название села Цебельда. Проселочная дорога, в значительной своей части идущая параллельно древней дороге, выводит сначала к небольшому роднику, а затем через распадок, где в древности располагались ворота, на обширную поляну. Здесь находилось

316

поселение, проявляющееся теперь на поверхности почвы и в размывах канав многочисленными обломками глиняной посуды, костями животных, металл-ческими шлаками и др. Отсюда хорошо видны стены и башни, заросшие вековыми деревьями. Длина крепости по фасаду до 350 метров. В крепости сохранились руины трех башен, двух средневековых церквей, множества подсобных помещений, цистерна и т. д. [12, с. 33—85].

Стены крепости не раз видели многочисленных врагов. Византийский историк Прокопий Кесарийский сохранил любопытные сведения о событиях персо-византийских войн, происходивших в середине VI века и на территории Цебельды. Особенно интересна история о том, как персы захватили Цибилиум и чем это кончилось. Историк сообщает: «У начальника этой крепости была жена, родом из Апсилии, очень красивая лицом. В эту женщину внезапно безумно влюбился начальник персидского войска. Сначала он старался соблазнить ее, когда же он увидел, что не имеет успеха, то без всякого колебания применил насилие. Приведенный этим в яростный гнев, муж этой женщины ночью убил его самого и всех тех, которые вошли с ним в это укрепление,... и сам завладел укреплением». В конце VII — первой половине VIII вв. эти стены неоднократно отражали нападение арабов. Ниже по тропе, ведущей к брешу в стене, где, вероятно, находились ворота в северную часть Цибилиума, был найден череп коня с богатой на нем уздечкой. Судя по всему, это след далекой битвы, в которой конь, как, вероятно, и его хозяин, был убит и придавлен обломками стены. Явно чужеземный облик позолоченных медных украшений уздечки и их форма позволяют подозревать их арабское происхождение.

Вблизи, севернее крепости Цибилиум, на склонах и холмах располагался обширный могильник. В погребениях, относящихся к III—VII вв., найдены серебряные монеты

римского времени, железное оружие, мотыги, украшения. В 1911 году здесь же было найдено богатое, но тут же разграбленное погребение в бронзовом саркофаге, который теперь хранится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Есть в этом районе и более древние находки — погребения с большим числом браслетов, бус и других изделий последних веков до н. э., могилы конца бронзовой эпохи, кремневые орудия, насчитывающие несколько десятков тысячелетий.

С воротной башни Цибилиума открывается живописная панорама лесистых глубин Кодорского ущелья. Юго-восточнее, из-за хребта, выступает одинокая вершина, известная под именем Пскал. На ней хорошо сохранились развалины небольшой крепости, стены которой сложены из огромных глыб, имеющих больше метра в поперечнике. Внутри крепостных стен возвышается небольшой прямоугольный в наружном плане храм, в котором лежит несколько известняковых плит, покрытых резным орнаментом и различными изображениями (человеческая фигура, солнце и др.). Топография укрепления позволяет сопоставить его с Тцахаром — главной крепостью мисимиан — племени, засви-

317

детельствованном здесь византийскими историками. В 556 году под этими стенами произошло большое сражение между мисимианами и византийским войском. Красочное описание осады Тцахара оставлено историкам Агафием. На поверхности земли на территории крепости и южнее за пределами стен, где располагалось когда-то поселение, лежат во множестве обломки древней глиняной и стеклянной посуды — следы былой жизни.

318

Глава 3.

В ущельях Келасура и Амткела

Севернее Цебельдинской долины параллельно ей между ущельями рек Келасур и Амткел тянется Азانتская долина, обрамленная с юга горами Ахупач, Прцха и Ахыста, с севера — горным массивом Малый Схапач. Дорога в Азантскую долину ведет от центра Цебельды по тенистому, на большем своем протяжении сухому ущелью, в конце которого вблизи перевала Куабчара находится несколько очень интересных памятников. Юго-западнее упомянутого перевала в верхней части крутого склона ущелья идет гряда скал, в одной из которых чернеет отверстие пещеры, служившей жилищем небольшой человеческой группе в раннем мезолите (более 10 тысяч лет назад). К этому времени относятся находки основного культурного слоя пещеры, в котором найдено большое число кремневых орудий — скребков, резцов, сверл, наконечников стрел, различных пластинок, сегментов и других изделий геометрических форм, а также костей животных — пещерного и бурого медведя, леопарда, лисы, волка, тигра, благородного оленя, кавказского тура, дикой козы, косули и других животных, служивших добычей древним охотникам. К началу позднего палеолита (около 30 тысяч лет назад) относится нижний культурный слой пещеры, в то время как в верхнем найдены черепки глиняной посуды

феодалного времени. Длина пещеры до 200 м и в ее конце имеется естественный колодец [3; 31].

Очень крутая тропа через лес и кустарники по скалистому гребню выводит восточнее перевала к вершине горы Ахыста (717 м над уровнем моря). Здесь находится одна из крупнейших крепостей Апсилии. Периметр ее стен около 350 метров. Внутри стен сохранились фундаменты нескольких строений. В толще западной стены виден и тайник — небольшое помещение размером 2x1 м со сводом, выложенным тесаным камнем. Воротная башня и восточная стена, в наиболее доступной своей части, несет на себе следы значительных разрушений, возникших, по-видимому, при последнем штурме крепости, после чего крепость и находящееся юго-восточнее поселение были навсегда покинуты. Ниже поселения, проявляемого валами, фундаментами строений и

319

многочисленными обломками керамических изделий, шлаков и костей животных на поверхности почвы, располагался отдельными пятнами могильник. Отсюда известны находки характерной апсильской посуды, отдельные железные предметы. Судя по всему, конец жизни поселения положило арабское нашествие первой половины VIII в. [12, с. 35—36].

Шоссе ведет от перевала к селу Гергемыш, расположенному в центре Азантской долины. В селе, если не считать отдельных находок кремневых изделий палеолитической эпохи да сложенной насухо каменной стены, охватывающей огромную площадь на вершине одного из холмов и еще совершенно не изученной, древних памятников пока не обнаружено. Зато в западной и восточной частях долины их множество.

Крепость, поселение и могильник II—VII вв. н. э. известны в урочище Лар в среднем течении левого притока Келасур — реки Джимеле. Крепость занимала вершину скалистого утеса. С двух сторон его обнимают глубокие ущелья — отвесные скалы поднимаются на высоту до 40—50 метров. Стены крепости сложены насухо из ломаного камня. В густых зарослях прячутся небольшие лужайки, где почва насыщена древними остатками — обломками глиняной посуды, металлическими шлаками, костями домашних и диких животных. Первое поселение возникло здесь еще в позднебронзовую эпоху, затем в начале нашей эры эта территория заселяется более густо, а в IV—V вв. были возведены крепостные стены. Вне стен, по склону, на площади до 1,5 га прослеживаются остатки параллельных террас, на которых в древности расположились жилища поселения V—VII вв. Восточнее, южнее и западнее поселения, на площади до 2 квадратных километров, прослеживается могильник, где отдельными, по семейному признаку, скоплениями располагаются погребения древних жителей урочища. Железное оружие, многочисленные украшения, стеклянная и глиняная посуда, своеобразные языческие погребальные обряды — далеко не полный перечень открытий и находок на этом огромном кладбище [12, с. 36, 44].

Ниже, в урочище Абгидзра, расположенном вблизи устья реки Джимеле. при проведении дороги были частично нарушены остатки поселения бронзовой эпохи. Среди находок — многочисленные обломки глиняных сосудов, кремневые вкладыши и т. д. Уже на правом берегу Келасур, вблизи деревянного моста, на лесистом склоне расположена пещера Белоснежка. Ее залы, богато украшенные естественными натечными образованиями,

давно привлекали людей. В первом зале найден большой каменный молот с перехватом для закрепления на деревянной рукоятке. Такие молоты широко использовались в позднебронзовую эпоху при добыче и обработке медной руды. В глубине пещеры за очень узким лазом найдены отдельные кости пещерного медведя, занесенные сюда, по-видимому, древними охотниками. Рядом в ущелье видна еще одна пещера, у входа в которую найдена кремневая пластинка мезолити-

320

ческого времени, а в глубине, в конце одного из ответвлений, обломки кувшинов раннесредневекового времени [9, с. 11].

На подъеме к урочищу Чацкал в 1—1,5 км от Келасур на вершине, окруженной 5—10-метровыми обрывами, видны остатки древних стен, сложенных насухо из мелкого камня и образовавших ряд помещений между глыбами известняка. Одно из помещений, оконтуренное изнутри скальным выступом, а снаружи — искусственной стеной, имело, по-видимому, перекрытие, державшееся на бревнах, перекинутых со скалы на деревянные столбы в стене. Здесь найдены обломки керамики античного и раннесредневекового облика [6, с. 61].

К наиболее интересным памятникам, расположенным в восточной части Азантской долины вблизи озера Амткел, относятся дольмены — гробницы среднебронзовой эпохи (2000—1500 гг. до н. э.). Один из этих дольменов — самый высокий на Кавказе — вместе с крышкой и дном по фасаду имеет около 3,4 м. Дольмен прекрасно сохранился. Его передняя часть, эффектно оформленная пилонами боковых стен, темным козырьком крыши и белой слабо выпуклой фасадной стеной с чернеющим отверстием, живописно выступает из окружающей зелени. Через это отверстие когда-то в дольмен вносились кости и имущество умерших. Позднее когда задняя стена его упала внутрь, поверх нее было захоронено еще несколько человек, с которыми были положены вещи, характеризующие уже позднебронзовую эпоху. Вблизи большого Азантского дольмена видны развалины еще нескольких гробниц. Другое их скопление отмечено западнее в пос. Сул. Здесь у одного из дольменов оказалось два отверстия — в передней и задней стенах [26; 15].

В интересном вопросе о происхождении западнокавказских дольменов можно выделить две точки зрения — одни авторы склонны утверждать, что идея и форма этих гробниц была занесена сюда во второй половине III тыс. до н. э. издалека (Португалия, Сардиния и др.) морским путем, а затем с побережья распространилась по всему Западному Кавказу; другие — предполагают, что эти гробницы возникли здесь самостоятельно на основе трансформации подкурганых дольменов новосвободненского этапа Майкопской раннебронзовой культуры в период не ранее конца III—начала II тыс. до н. э.

От большого Азантского дольмена тропинка через заросли орешника выводит к обрыву, за которым, далеко внизу, открывается гладь Амткельского озера. Несколько десятков метров вниз по скалистым уступам и вот перед нами вход в небольшую, двухэтажную пещеру, которую называют Верхний грот. Нижнее светлое помещение имеет ровный каменистый пол, местами покрытый землей, в котором найдены обломки глиняной посуды, каменных орудий и костей животных. Верхний этаж представляет собой

большое овальное помещение, скрытое целиком в скале. В него можно попасть по приставной деревянной лестнице через естественный люк. Здесь найдены обломки древней глиняной посуды и кусочек кожи, на котором концом тонкого режуще-

321

го инструмента были нанесены изображения оленя, а сзади него неясный контур человеческой фигуры [6, с. 38].

Очень интересный комплекс памятников II— VI вв. расположен на горе Бат, прикрывающий Азанту с юга. На вершине горы сохранились развалины небольшой крепости-стены, воротная башня, еще какая-то неясная кладка фундаментов. Южнее из земли и камня когда-то было возведено более десятка искусственных террас, ступенчато спускавшихся вниз по склону. Поверхность этих террас покрыта фрагментами древней глиняной посуды, керамическими и металлическими шлаками, костями животных, обломками каменных зернотерок, ступок и другими следами интенсивной человеческой деятельности. Обращает на себя внимание большое количество кусков хорошо высушенной глиняной обмазки, некогда покрывавшей стены древних сооружений. Поселение с запада было защищено мощным валом, протянувшимся в длину на 160 метров [12, с. 21, 22, 36].

Захоронения жителей этого достаточно крупного поселения совершались по западному пологому склону горы, а также севернее ее, вблизи большого азантского дольмена. В последнем пункте в развитом средневековье был построен небольшой христианский храм с каменной оградой. Среди развалин виден обломок грубо-обработанного известнякового креста, украшавшего, по всей видимости, фасадную часть здания. Исключительно живописны и интересны окрестности озера Амткел. Разгадка истории его происхождения оказалась тесно связанной с изучением местных древностей. Как известно, озеро образовалось в результате мощного обвала в 1891 г. На десятки километров ощущался подземный толчок, каменная чаша быстро начала заполняться водой. Однако страхи окрестного населения, что свеженаваленная плотина не выдержит огромного напора воды, оказались напрасными.

В одно дождливое воскресенье у края дороги, ведущей по гребню обвальной плотины, сухумский краевед А. С. Вознюк увидел выступающие из земли фрагменты большого кувшина. В нем оказались два маленьких кувшинчика, булавка-фибула, бусина, а также остатки пережженных человеческих костей, а рядом были обнаружены еще один кувшинчик, железный топор и два железных наконечника копий. Погребение датировалось IV—V вв. Эта находка всех удивила — каким образом на плотине, которой 80 лет, оказалось погребение 1500-летней давности? После непродолжительных поисков в вековом лесу, окружавшем поляну с погребением, удалось найти остатки поселений средневековой и более древней эпох, а также кремневые отщепы, возраст которых определялся в 40-80 тысяч лет. Дальнейшие наблюдения показали, что в центральной и восточной части плотины на поверхности лежит мощный (до 4 м) слой красных глин, который мог образоваться только в результате многотысячелетнего выветривания известняков. Кроме того, по наблюдениям геолога Б.

322

Л. Соловьева, поверх плотины когда-то откладывалась морена ледника, оползавшего с урочища Апушта.

Так удалось приоткрыть завесу над интересным фактом из жизни одного из самых «молодых» озер Абхазии. Первый обвал как, вероятно, и первое озеро, появились здесь еще более 100 тысяч лет назад — тогда и начала формироваться плотина. В основе современной плотины можно проследить ряд ярусов различной давности. Озеро возрождалось, некоторое время существовало, а затем его вода, отыскав выход под плотиной, уходила. Новый оползень закупоривал отверстие под плотиной, и снова появлялось озеро. Так произошло и в 1891 г. А основная плотина уже много тысячелетий служит человеку и по ней издавна проходит путь из Азанты в сторону гор и дальних перевалов [10].

Урочище Апушта, расположенное восточнее Азанты, в последние годы прославилось своим могильником III— VII вв. В 50-х гг. здесь проводились интенсивные лесозаготовительные работы, в результате которых часть почвы была смыта и на поверхности оказались многие десятки древних могил. Разнообразная керамика, редкие формы украшений и другие находки из этого могильника, а также материалы из поселения, расположенного поблизости на гребне отрога горы Пшоу, позволили приподнять завесу над жизнью еще одного поселка апсилов. Оборонительные стены последнего, сложенные насухо из обломков выломанного здесь же известняка, поднимаются в несколько ярусов по склонам, охватывая небольшие террасы, на которых когда-то располагались жилища. На центральной площадке крепости виднеется отверстие в двухъярусную пещеру, уходящую вниз, в толщу известняков на 20-25 метров [7; 12, с. 23, 37].

323

Глава 4.

В преддверии Багадских скал

С того участка шоссе, где постепенно понижающаяся гора Ахыста переходит в скопление холмов, протянувшихся к подошве горы Адагуа, в просвете между последней и Апианчей можно в ясную погоду уловить уголок морской синевы. Вдоль этого гребня когда-то проходила дорога из Цибилиума к крепости Ахыста.

Здесь же, северо-восточнее Цибилиума, когда-то находилось абхазское село Шакуран, позднее, во второй половине XIX столетия переименованное в Захаровку, а теперь известное как село Амткел. На его окраине в тени лип видны развалины Цебельдинского укрепления, построенного царскими войсками в 1837 году. Здесь служили многие декабристы, в том числе и А. А. Бестужев-Марлинский, отсюда были получены его последние письма. Мощные бастионы и куртины частично разобраны, а слагавший их материал лег в фундаменты окрестных крестьянских домов.

Ниже крепости темнеет ущелье реки Шакуран с замечательным 50-метровым водопадом и рядом интересных пещер, ежегодно посещаемых десятками спелеологов. Юго-восточнее водопада, на небольшой возвышенности, обрывающейся в сторону глубокого Джампальского каньона, сохранились остатки поселения и небольшого укрепления IV—

VII вв. [12, с. 19].

Минуя село Амткел, шоссе достигает железного моста через Джампал, построенного в 1903 году. Сюда же от центра села спускаются интересные следы древней ледниковой морены, прорезанной древней дорогой, функционировавшей уже в первых веках н. э. На поверхности моренных отложений найдены кремневые орудия мустьерской эпохи [6, с. 16].

Джампальский каньон отличается живописностью — каскады скал, буйные заросли, опускающиеся по крутым склонам к самой реке, самшитовые и ореховые перелески по широкому днищу ущелья, многочисленные гроты, большинство которых издавна служило жилищами человеку. Вблизи моста в скалах чернеет задымленным сводом большой грот. Называют его Джампальским. Грот был заселен в эпоху позднего мустье — раннего верхнего палеолита (около 30 тысяч лет назад). Значительно позже, уже в эпоху ранней бронзы, в нем снова

324

разместилась небольшая человеческая община. Здесь горели яркие костры, на которых поджаривалось мясо животных, а вокруг кипела жизнь — разбивалась глиняная посуда, готовились различные орудия, разбрасывались кости животных. Найдено здесь и одно захоронение — скелет без черепа, посыпанный красной охрой. Под небольшим навесом рядом находилась небольшая стоянка позднемезолитической эпохи с большим числом кремневых и обсидиановых орудий, костей животных — оленя, кабана, лисы, пещерного медведя [31, с. 6—19].

В трех километрах ниже по ущелью, на правом берегу Кодора вблизи устья Джампала, находится один из наиболее интересных памятников каменного века Кавказа — Холодный грот (абх. Хупынипшахуа). Раскопками археолога Л. Н. Соловьева в этом гроте была приоткрыта яркая картина жизни небольшого коллектива людей эпохи позднего верхнего палеолита и мезолита (15—10 тыс. лет назад). Судя по находкам (многочисленные кремневые изделия, кости животных и др.), здесь изготавливались орудия труда, свежее мясо животных, обрабатывались шкуры, из которых шилась одежда. На позднем этапе существования поселения важнейшее значение приобретает рыбная ловля — охота на лосося, заходившего сюда в период нереста, прежде на рыбу охотились как и на других животных — глушили ее камнем, дубиной, копьем, но отработанных приемов рыболовства еще не было. В мезолите появилось специализированное рыболовное орудие — копьё с отделяющимся от древка наконечником — гарпуном. Подвижную связь с древком осуществлял линь из жилы зверя или из растительных волокон. Раненая таким орудием рыба уходила в глубину, а рыболов «водил» рыбу до тех пор, пока она не обессиливала и не становилась его добычей. Еще позже, на переходном этапе мезолита к неолиту, жители грота начинают использовать и орудия из камня — появляются долота, раскалыватели костей, первые зернотерки и мотыгообразные орудия [23].

Наибольший интерес среди находок в Холодном гроте вызывают обломки человеческих черепов, челюстей и костей, найденных вместе с костями животных в пещерной нише, куда выбрасывали пищевые отходы. Антрополог М. М. Герасимов попытался по этим обломкам реконструировать образ древнего человека, в котором обнаружили

заметные негроидные черты.

Через арку Холодного грота открывается вид на бурные воды Кодора, за которым полого поднимается холмистое урочище Амзара. Попастъ туда можно по навесному мосту, от которого тропа вскоре приводит к интересному, полностью сохранившемуся средневековому храму. Сейчас его помещение освещается через два небольших дверных проема — узкие окна в алтарной и западной стенах совершенно закрыты обвивающей храм буйной зеленью. В полутьме просматривается строгая кладка стен из грубо обработанных известняковых плит да две глубокие узкие ниши в алтаре. Площадка вокруг храма окружена каменной стеной.

325

Из урочища Амзара долгая тропа через буковый и тисовый лес выводит к перевалу, на котором сохранились развалины большого храма, известного среди местного населения под названием Кяч-ныха. Стены храма, возведенные из грубо обработанных плит известняка, были когда-то покрыты штукатуркой с яркой фресковой росписью. В храме выделяется центральный зал, два боковых продольных помещения с самостоятельными полукружиями, а также три помещения с запада. Вблизи храма видны развалины еще одного прямоугольного строения.

Вблизи Холодного грота, ниже устья Джампала, в известняковых скалах, имеющих красноватый от железистых примесей оттенок (абх. Ахра Капш), имеется несколько гротов, в которых издавна находил себе приют человек. Еле заметная тропинка очень круто через заросли и вдоль осыпи поднимается к широкому арочному входу. Небольшое естественное помещение, получившее название Красный грот, служило жилищем небольшой группы людей уже на последних этапах бронзовой эпохи. Находки этого времени включают следы кострищ, множество керамических фрагментов, украшенных штампованными узорами, обломки орудий из гальки, кости животных, в том числе горного тура. В VII—VIII вв. н. э. на закате Цебельдинской культуры небольшая группа апсиров довольно длительное время находила приют под сводами грота. После себя они оставили множество фрагментов характерной глиняной посуды, а также обломок стеклянного сосуда [5].

Вернемся к железному мосту через Джампал. Чуть выше этого моста эта река получает справа приток — речку Схча, берущую начало в Азантской долине. Никаких интересных памятников, за исключением плохо сохранившихся развалин небольшого христианского храма, вдоль этой реки пока не обнаружено. До строительства моста попасть на отроги противоположной горы Пал можно было только вброд в 300 м вверх по Джампалу. Здесь ширина подъема прямо от русла реки на плато достигает 4 м. Всюду же, вверх и вниз по ущелью, нависают недоступные обрывы высотой от нескольких до нескольких десятков метров.

Интересно расположение крепости Пал — еще одной твердыни Апсилии, занимавшей вершину холма северо-восточнее Джампальского моста. Холм служит как бы основанием мыса, образованного верхним и нижним каньонами Джампала. Следы древней дороги поднимаются к подножью холма и огибают его с юга над обрывом к реке. Руины крепости скрыты в зарослях северной оконечности холма. Здесь сохранились остатки оборонительных стен, сложенных из обломков известняка насухо и остатки нескольких

строений вокруг огромного скалистого останца, возвышающегося в центре крепостного двора. Поселение располагалось на продолжении холма южнее крепости и было отделено от последней глубоким рвом. По окраинам поселения в зарослях также видны остатки оборонительных стен, а также фундаменты многочи-

326

сленных сооружений. Как на крепости, так и на поселении по склонам холма можно видеть множество фрагментов древней глиняной посуды, обломки каменных зернотерок, терочников, металлических и керамических шлаков и костей животных [12, с. 23—24, 37].

Следы древней дороги через село Чины, в окрестностях которого на вершинах холмов заметны развалины каких-то древних стен, ведущих сначала в сторону села Георгиевское, а затем сворачивающих на восток к перевалу, расположенному за вершиной горы Пал. Здесь обходили недоступные в древности Багадские скалы. К северу от перевала в одном из гротов, имеющих в скалах, тянущихся вдоль гребня, найдены кремневые изделия мезолитической лоры. В окрестностях села Георгиевского местные жители при обработке полей часто находят черепки древней посуды и железное оружие. Отсюда живописная тропа уводит к альпийским пастбищам.

Современная же трасса Военно-Сухумской дороги от села Чины ведет по отрогам горы Пал в сторону ущелья Кодора. Крутой поворот и вот далеко внизу виден Кодор — самая большая река Абхазия. Слева небольшой родник, выше — в скалах видно множество навесов и гротов. В некоторых — следы человеческой жизни, черепки древней посуды, кости животных, изделия из камня и кремня [5].

Багадские скалы — исключительный по живописности уголок Абхазии. Двумя мощными параллельными каскадами скал спадает гора Пал к мутным водам Кодора. Узкая полоска дороги на головокружительной высоте была пробита лишь на рубеже нашего столетия, но тропы в обход скал существовали издавна. Об этом говорит, в частности, старинный Багадский мост. Река здесь заключена в узкий (до 10—15 м) и глубокий (до 60 м) каньон, через который издавна перебрасывали легкий мост, сплетенный из местных лиан и других волокнистых растений. Сразу за ним на небольшом холме видны остатки каменных фундаментов, а рядом найдены фрагменты средневековой глиняной посуды. В километре вверх, в урочище Бедук, вблизи родника сохранились развалины небольшого храма, сложенного из хорошо обработанных крупных известняковых плит. Вокруг него следы поселения XII—XIV вв. — обломки пифосов, кувшинов, поливной керамики. Следы средневековых поселений прослеживаются и дальше вверх вдоль лесовозной дороги.

327

Глава 5.

По Дальскому ущелью

За Багадской скалой ущелье Кодора слегка расширяется. Густо поросшие склоны гор полого опускаются к реке, образуя просторную долину. С перевала за вершиной горы

Пал следы древней дороги направляются в ущелье реки Хинга, пересекают два ее небольших притока и выходят к ущелью реки Учкур. Здесь на небольшой вершине располагалось полтора тысячелетия назад небольшое поселение апсилов. Лишь фрагменты древней посуды по склонам выдают его теперь. Само ущелье Учкура пока совершенно не исследовано, не среди местного населения ходят рассказы о находках железных и бронзовых предметов в кувшинах.

Село Лата расположено в средней части Дальского ущелья. В центре села рядом с шоссе стоит длинное приземистое здание из булыжника и кирпича известное под названием «дворец князей Маршания». Постройка имела два этажа и была разделена поперечными стенами на ряд помещений. Во внешних стенах первого этажа видны обрамленные кирпичом бойницы, предназначенные для небольших пушек. В этом своеобразном доме-крепости первоначально в начале 1841 г. располагался русский гарнизон, а позднее поселился дальский князь Батал Маршания (Маршьян). Его могила сохранилась вблизи сооружения. Ее богато орнаментированные плиты и мраморное надгробие, с мусульманской надписью, хранятся теперь в Абхазском государственном музее. В километре к северу от центра села, в глубине небольшого ущелья, на утесе, выше живописного водопада, видны древние стены. Они сложены грубо обработанных плит известняка с частичным соблюдением рядов в облицовке. Значительную часть небольшого крепостного двора занимает выступ скалы. Находки в крепости—обломки кувшинов, пифосов—больших хозяйственных сосудов — и других, главным образом глиняных изделий — относ о время функционирования крепости к XI—XIV вв. На противоположном берегу Кодора, в лесной чаще, можно осмотреть раз-валины небольшого средневекового храма. Стены его были облицована известняковыми плитами, поверх которых, по штукатурке, была сделана бога-

328

тая фресковая роспись. Время сооружения и функционирования храма относится к XII—XIV вв. Несколько лет назад храм подвергся хищническим раскопкам местных кладоискателей, раскопавших часть стен и уничтоживших вместе с ними большую часть росписей.

Имеются вблизи центра села Лата и более древние находки. Среди них интересен клад бронзовых слитков — один из них достигал в весе 30—35 кг, а также предметы из захоронений апсилов — железные боевые и хозяйственные топоры, хрустальные бусы и др.

Интересные исторические объекты можно осмотреть и в пос. Верхняя Лата. По подвесному мосту нужно перейти на левый берег Кодора. Тропа через лес и мимо отдельных абхазских усадеб приводит к небольшой поляне, в центре которой почти во всю высоту сохранилась восточная часть храма XII—XIV вв. Остатки дверных проемов, узкая щель окна в алтаре, кувшины-голосники, служившие для улучшения качества звучания песнопений во время службы, а поверх всего этого корни и стволы деревьев, густая листва — таков современный облик памятника. По окраинам поляны заметны остатки каменной стены. Рядом у русла небольшого ручья лежит огромный валун, на поверхности которого видны прориси человеческих рук и надписи вдоль пальцев, нанесенные арабским шрифтом [9, с. 113].

Дальше, вверх по Кодору, древние памятники известны только по правому его берегу в устьевой зоне наиболее значительных притоков рек Куабчара, Зима и Чхалта. В первых двух случаях это укрепленные поселения апсилов, занимавшие небольшие вершины и проявляемые теперь большим числом обломков древней посуды.

Выдающимся памятником раннесредневековой эпохи является Чхалтинская крепость (Чиркс-абаа), занимающая живописный мыс, возвышающийся над слиянием рек Кодор и Чхалта справа от шоссе. Верхняя площадка скалистого мыса окружена массивными стенами, наращивавшими естественные обрывы еще на 8—10 метров. Внутри крепостных стен верхнего яруса видны руины нескольких зданий. Среди них особенно выделяется прямоугольная башня. К ней примыкает ряд помещений, идущих вдоль оборонительной стены, в которой видны бойницы, возможно, позднего происхождения. Напротив, у южной стены, расположены руины прямоугольного здания, облицованного тесаным известняком и туфом. Можно думать, что здесь находилась небольшая крепостная церковь.

Нижний ярус стен Чхалтинской крепости охватывает пространство юго-западнее подошвы скалы, служащей основанием верхнего яруса сооружений. Здесь видны остатки ворот, а также фундаменты нескольких построек. Оборонительные стены возведены из грубо обработанных блоков местной породы (габбро). Судя по своим конструктивным особенностям, крепость была построена в раннем средневековье (IX—X вв.) и функционировала довольно

329

долго. Не исключено, что на этом месте прежде располагалось укрепленное поселение апсилов. Среди находок в крепости известна золотая монета Юстиниана I, отчеканенная в VI веке.

Вблизи крепости к северу, на возвышенном месте, сохранились развалины небольшого однозального храма с южной пристройкой, в которой, вероятно, находился склеп. Стены храма облицованы белоснежным известняком, ближайшие выходы которого имеются в нескольких километрах отсюда в ущелье р. Зима. Местные жители утверждают, что какие-то каменные сооружения имеются и на ряде других вершин вблизи крепости. Они же рассказывают о частых находках древних захоронений с железным оружием, бронзовыми украшениями и глиняной посудой, характеризующих, по-видимому, местное поселение апсилов.

В древности здесь путь раздваивался — одна тропа шла к Марухскому перевалу вдоль Чхалты, вторая — к Клухорскому перевалу вдоль Кодора. Основное значение имело второе направление. В отличие от Марухского направления, вдоль которого пока древние памятники не найдены, оно сохранило до наших дней целый ряд крепостей, храмов и других следов человеческой деятельности. Но прежде, чем отправиться туда, посмотрим, какие памятники выявлены в последние годы в окрестных высокогорьях, на альпийских лугах.

Тропы к высокогорным пастбищам Абхазского хребта ведут через урочище Апушта, по долине Джампала, от села Лата и вдоль ущелья реки Зимы, а также через Чхалтинский проход. Как и в других районах Абхазии, здесь выявлены многочисленные древние сезонные пастушеские поселения, известные в народе под названием ацангуары —

«ограды карликов». Каждый комплекс включает жилое помещение, небольшие хозяйственные пристройки и многочисленные загоны для скота. Все сооружения возведены из ломаного камня насухо. На Абхазском хребте сейчас известно около сотни таких памятников. Фрагменты керамики и другие находки говорят, что наиболее интенсивное освоение пастбищ и строительство жилых и хозяйственных пастушеских комплексов Абхазского хребта началось во второй половине VIII века и закончилось в X веке, т. е. совпало по времени с эпохой Абхазского царства.

На горном массиве Гуарап, в урочище Абылраху, вблизи одного такого пас-тушеского комплекса построек, В. С. Орелкиным исследован обломок скалы, на верхней плоскости которого высечено в древности множество рисунков, среди которых есть и изображения топоров VI— VII вв., фигура всадника с копьем, различные знаки. На другом камне, расположенном поблизости, видны искусственные лунки, возможно предназначавшиеся для сбора крови животных, приносившихся в жертву во время какого-то обряда [6, с. 63].

330

Глава 6.

От Чхалты до Клыча

Дальское ущелье кончилось. Впереди очень широкая долина со множеством холмов, постепенно поднимающихся в сторону Главного хребта. Дорога идет по правому берегу Кодора через уголья села Ажара. Здесь интересны два объекта — поселение IV—VII вв. и средневековая церковь.

Упомянутое поселение является пока наиболее удаленным в горы памятником цебельдинской культуры, характеризующей древнюю Апсилию. Оно расположено на северо-восточной окраине села на отроге одного из хребтов. Конечная часть отрога отделена от основного массива глубоким (до 30 м) искусственным рвом. Ее северо-восточную возвышенную часть занимало маленькое многоугольного плана укрепление, сложенное из ломаного камня на известковом растворе. На площадке юго-западнее укрепления располагалось когда-то несколько строений. Культурный слой почти весь ополз — на склонах лежат многочисленные фрагменты древней глиняной посуды — кувшинов, краснолаковых блюд и др. [12, с. 24, 38].

От храма XII—XIV вв., располагавшегося в 200 м севернее современного шоссе вблизи описанного поселения, сохранились лишь фундаменты. По ним можно судить, что церковь была однозальной, имела один вход и, возможно, придел с запада. Вокруг видны остатки ограды.

Сурово и неприступно ущелье реки Мрамбы. Неподалеку от устья на краю поляны, расположенной высоко на плече уходящего к юго-востоку хребта, обнаружены развалины еще одного храма. Сохранилась нижняя часть стен, сложенных из тесаного камня на растворе. Церковь была однозальной, прямоугольной в плане, без выступающей с востока абсиды, что должно указывать на ее позднее происхождение (XII—XIV вв.).

Миновав село Генцвиш, современное шоссе переходит на левый берег Кодора, по которому направляется к ущелью Сакена. В древности же тропа шла по правому берегу Кодора до слияния рек Гвандра и Клыч, до брода через последний. Вблизи этого места на

северо-восточной окраине села Омаришара, на вершине одного из холмов, сохранились остатки древнего укрепленного

331

поселения. Оборонительные стены были сложены насухо из ломаного камня. В восточной части памятника видны остатки сильно разрушенного здания, возможно церкви, возведенного из обработанных каменных плит на известковом растворе. Вся поверхность площадки, окруженной стенами, покрыта фрагментами древней посуды, большинство которой по своему облику относится к концу раннефеодальной эпохи (X—XI вв.). Здесь же найдены обломки круглых мельничных жерновов.

Древняя дорога, миновав брод через Клыч, по левому его берегу направлялась к Клухорскому перевалу, на подступах к которому вблизи замечательного Клычского водопада — «Абхазской Ниагары» — располагались в раннем средневековье оборонительные рубежи Абхазского царства. Клычская крепость относится к выдающимся оборонительным сооружениям этого времени. В плане она имеет форму неправильного четырехугольника, стены ее возведены панцирной кладкой из хорошо обработанных блоков местного камня на прочном известковом растворе. Стены укреплены башнями и контрфорсами. Одна из башен имела каменный свод. В крепость вели ворота, имевшие арочное перекрытие и позже заложенные. Внутри стен на крепостном дворе заметны фундаменты нескольких сооружений, среди которых выделяются развалины, по-видимому, храма. Вне крепостных стен видны следы рва и вала, на котором найдено бронзовое кольцо, характерное для уздечных наборов IX столетия [9, с. 115].

В 200 м севернее развалин Клычской крепости на небольшом холме сохранились развалины еще одного, служившего форпостом к первому, но меньшего по размерам укрепления. Стены его сложены из ломаного камня насухо. Густые заросли лавровишни и колючего падуба не дают возможности до конца разобраться в планировке памятника. Еще выше Клыч принимает в себя последний крупный приток слева — реку Хакял. В ее верховьях, выше живописного водопада, на поляне автором найдены фрагменты средневековой посуды — следы древнего пастушеского стойбища. Вдоль основной трассы древнего пути по левому берегу Клыча уже выше границы леса сохранились развалины нескольких ацангуар — поселений пастухов раннесредневекового времени. На подступах к самому Клухорскому перевалу под навесом скалы были когда-то случайно обнаружены кости человека и при них костяные палочки-пронизи, орнаментированные поперечными рубчиками.

Ряд любопытных памятников старины выявлен автором в последние годы и восточнее, в ущелье реки Сакен, на территории и в окрестностях одноименного села. На северной его окраине сохранились развалины маленькой церкви, около которой до недавнего времени собирались местные жители в день святого Георгия. Стены храма сохранились на высоту до полутора метров. Он сложен из грубообработанных глыб местной породы на слабом известковом растворе. Судя по ряду характерных обломков, каменный свод храма держался на арках из известнякового туфа, ближайšie выходы которого находятся в

окрестностях села Чхалта в 20 км отсюда. В развалинах храма местные жители находили обломки мельничных жерновов.

Второй древний храм был найден на северо-восточной окраине села Сакен. Его развалины венчают вершину, одиноко поднимающуюся на склоне горного массива Гагуа. Высота месторасположения храма — около 1600 м над уровнем моря. Таким образом, это самый высокогорный христианский памятник Абхазии. По своей конструкции он сходен с первым храмом, но отличается более значительными размерами. Стены его сложены из местного камня на известковом растворе, а свод, как и в первом случае, опирался на туфовые арки. Лет 15 назад местные жители нашли здесь обломки мельничных жерновов и несколько железных крестов, судя по описанию, относящихся к XIV—XV вв. Любопытен факт находки в ряде храмов района мельничных жерновов. Судя по всему, у средневековых богомольцев здесь было в обычае делать такие приношения, в которых можно усмотреть пережиток каких-то языческих верований.

Уникальный памятник был открыт вблизи Сакенского озера. Здесь, на одной из вершин узкого гребня, проходящего юго-западнее озера, высятся стены гигантской циклопической крепости. Циклопической потому, что эти стены сложены из огромных камней без применения раствора. Они тянутся через вековой пихтовый лес в длину на 260 м, постепенно заворачивая к северу и смыкаясь в петлю. Ширина стены до 4-5 м, высота до 3 метров. Дополнительные стены той же кладки прослеживаются по контуру вершины еще на 160 метров. В центре «петли» на возвышенном месте находится небольшое (2x2 м) квадратное помещение, от которого, вниз по склону, лучами расходятся каменные валы. Здесь, вероятно, находился языческий жертвенник. Трудно пока объясним огромный объем работ, затраченный на сооружение крепости. Предназначалась она, по-видимому, прежде всего для укрытия скота, который перегоняли жители низин к высокогорным пастбищам Сакена. Немалое значение имела и перевальная дорога, соединявшая Сакен с Центральной Сванетией. Конструктивные особенности стен крепости позволяют датировать ее временем не позже IX—X вв. В прилегающей высокогорной зоне сохранилось большое число ацангуар. Они имеются на пастбищах горы Гагуа, южнее перевала Хида, по Кодорскому хребту. Особенно интересен комплекс на горе Ламкац. Он состоит из центрального прямоугольного здания с внутренней площадью до 6 м². В него ведет узкий дверной проем. Стены возведены из крупных (до 1 м в поперечнике) обломков камня. Пол выложен плитами. У юго-восточного угла снаружи пристроено каменное сидение. Двор вокруг здания, имевшего деревянное перекрытие, был огорожен каменной стеной, к которой пристроено изнутри и снаружи еще несколько помещений. Большое число обломков глиняной посуды свидетельствует об интенсивной деятельности пастухов в VIII—X вв. [17, с. 94—95].

Все, что вошло в эту книгу, отражает уровень наших знаний двухгодичной давности. С тех пор вдоль Военно-Сухумской дороги было выявлено и исследовано много новых интересных памятников, о некоторых из них мне хочется рассказать.

В последние годы по обеим сторонам реки Мачары проведены значительные работы по террасированию склонов холмов с целью посадки цитрусовых. В результате оказались почти полностью разрушенными десятки древних поселений, среди которых особенно пострадали памятники эпохи Диоскуриады. В ходе охранных разведок автору удалось не только собрать большое число древних обломков, выброшенных на поверхность, но и проследить в разрезах террас мощностъ культурных слоев и структуру самих поселений. Особенно интересны были находки в поселке Капитановка (обломки диоскурийских и привозных амфор, бронзовые колокольчики и браслеты, железные ножи, бусы и другие изделия V — II вв. до н. э.) и на холме Мачара-2 (фрагмент каменной формы для отливки бронзовых топоров, обломки чернолаковой посуды, амфор, железное оружие и сельскохозяйственные инструменты). В первом пункте удалось проследить остатки 10 усадеб V—II вв. до н. э., во втором — 6 усадеб VIII—VII вв. до н. э. и до полутора десятка усадеб V—II вв. до н. э.

В бассейне реки Малая Мачара удалось выявить два неизвестных ранее средневековых храма — первый в селе Александровка, а второй — на склоне горы Ахупач. В последнем случае в основании церкви, построенной в начале текущего столетия греками-переселенцами, оказался древний фундамент прямоугольных очертаний, а рядом были обнаружены каменная голова барана и обломки орнаментированных плит, некогда украшавших фасад храма.

В ходе работ двух экспедиций Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР были уточнены и значительно дополнены сведения о Герзеульской крепости (раскопки О. Х. Бгажба) и о раннеолитическом поселении в Верхней Лемсе (раскопки автора). В первом пункте были раскопаны воротная башня и уникальная цистерна с устройством для сбора дождевой воды. На втором памятнике было обнаружено множество кремне-

334

вых, обсидиановых и каменных орудий, отражающих быт и культуру древних жителей этих мест в VI тысячелетии до н. э.

Несколько захоронений апсилов было обнаружено на могильнике у крепости Шапка. Одно из погребений представляло собою прямоугольную яму, вырубленную в мергеле, в которой лежал на боку большой двуручный сосуд, рядом стоял небольшой кувшинчик с прислоненными к нему мергелевыми плитками и лежали обугленные кости с вещами, характерными для женских погребений Цебельды рубежа VI—VII вв. н. э. Судя по всему, первоначально прах и инвентарь находились в большом сосуде, установленном вверх дном, однако в момент засыпки могилы урна упала на бок, и в ней остался только небольшой кувшинчик, богато украшенный штампованным орнаментом, двуспиральными налепами и головкой барана. Умершую в мир иной сопровождали три бронзовых булавки-фибулы, ожерелье из пастовых и янтарных бус, железный нож и замечательные серебряные серьги с подвесками в виде пирамидок зерни. Из других находок особенно интересно донышко амфоры, найденное вблизи Багадского

моста на левом берегу Кодора в обресе лесовозной дороги. Подобные амфоры изготавливались местными греческими мастерами Диоскуриады в III—II вв. до н. э. Этот факт, наряду с уже известными находками чернолаковой посуды и амфор в окрестностях Цебельды и бронзового аттического шлема вблизи Клухорского перевала (Домбайская долина), служит дополнительным указанием на то, что во второй половине I тысячелетия до н. э. в этом районе уже проходила проторенная торговая тропа, соединявшая побережье с глубокими горными долинами и выводившая через них на Северный Кавказ.

В 1977 году начинаются многолетние раскопки Цибилиума — главной крепости древней Апсилии. Изучение памятников Военно-Сухумской дороги, кажется, входит в свою новую фазу — от разведок и небольших раскопов археологи переходят к вскрытию древних культурных остатков широкими площадями. И поэтому читатель вправе надеяться, что в недалеком будущем в этих горных долинах будут сделаны новые находки, которые могут оказаться и более значительными чем те, о которых повествует эта книга.

335

Литература

1. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — «Советская археология», 1971, № 2.
2. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
3. Бердзенишвили Н. З. Новые данные по палеолиту Абхазии. — «Труды Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа АН ГССР». XXX 1959.
4. Бжания В. В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. — «Советская археология», 1966, № 1.
5. Бжания В. В. Поселения очамчирской культуры в горах Абхазии. — «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973.
6. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
7. Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник IV—VI вв. в Абхазии, — «Советская археология», 1970, № 1.
8. Воронов Ю. Н. Келасурская стена. — «Советская археология», 1973, № 2.
9. Воронов Ю. Н. Материалы к туристскому освоению Военно-Сухумской дорога — «Вопросы развития туризма», Сухуми, 1969.
10. Воронов Ю. Н. Озеро Амткел. — Газ. «Советская Абхазия» 1975, 30 мая.
11. Воронов Ю. Н. Позднеантичные памятники села Азанта. — «Труды Абхазскер: государственного музея». IV, Сухуми, 1974.
12. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.
13. Гзелишвили И. А. Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии. — «Сообщения Академии наук Грузинской ССР». VIII, 1—2. Тбилиси, № 7.
14. Гунба М. М. Археологические раскопки в с. Цебельда в 1969 г. — «Археологические исследования в Грузии в 1969 г.». Тбилиси, 1971.
15. Джапаридзе О. М. Дольменная культура в Грузии. — «Труды Тбилисского государственного университета». 77, 1950.

16. Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. — «Известия научно-исследовательского института Кавказоведения», 3, 1935.
17. Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1972.
18. Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.
19. Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. — «Известия археологической комиссии», 33, М., 1909.

336

20. Пачулиа В. П. В краю золотого руна. М., 1968.
21. Пачулиа В. П., Воронов Ю. Н. Новые памятники средневековой культуры Абхазии. — «Труды Абхазского государственного музея», IV, Сухуми, 1974.
22. Пачулиа В. П. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969.
23. Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва (Холодный грот) в 1960 г. — «Труды Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа АН ГССР», XXXII, 1960.
24. Соловьев Л. Н. Палеолитические стоянки долины реки Кодора в связи с историей Кодорской долины. — «Выездная сессия Груз. филиала АН СССР в г. Сухуми 26—29 сентября 1940 г., Тбилиси, 1940.
25. Стражев В. И. Руинная Абхазия. — «Известия Абхазского научного общества», I, Сухуми, 1925.
26. Стражев В. И. К Азантскому дольмену. — «Известия Абхазского научного общества», IV, Сухуми, 1925.
27. Трапш М. М. Культура Цебельдинских некрополей. — Труды, III, Тбилиси, 1973.
28. Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. — Труды, IV, Сухуми, 1975.
29. Шамба Г. К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970.
30. Уварова П. С. Материалы по археологии Кавказа. IV, М., 1894.
31. Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси, 1973.

337

Рисунки

338

Подписи к рисункам

Рис. 1. Схема расположения основных древних памятников вдоль Военно-Сухумской дороги.

Рис. 2. Находки на Верхне-Мачарском поселении — глиняная посуда (1—22), очажная подставка (23), культовая голова барана (24) и бронзовый наконечник стрелы (28) из слоя позднебронзовой эпохи; глиняные миска (25), кувшинчик (30), донца синопской (26) и местной (27) амфор и железный топор-цалда (29) из слоя последних веков до н. э.

Рис. 3. Планы Верхне-Мачарского (1) и Вороновского (3) храмов, заградительных стен, дворца и крепости в Мерхеул (2) и поселения на западной вершине горы Чижоуш (4).

Рис. 4. Реконструкция и разрез башни Келасурской стены (1) и план цепи башен этой стены у входа в Пацхирское (Ольгинское) ущелье (2). Находки на территории Багмаранской крепости — обломки глиняных пифосов (3, 4, 8), кувшинов (6, 7, 9), чаш (5), стеклянный сосуд (10) и железный наконечник стрелы (22) из слоя позднесредневекового (?) времени и обломки пифосов (11—13, 15, 16), чаш (14), местных амфор (17, 18), синопской черепицы (20), чернолаковых сосудов (21) и других изделий (19) из слоя последних веков до н. э. Железн. нож (23) с террит. Герзеульск. могильн.

Рис. 5. Общий вид крепости и поселения на горе Шапка (1 — реконструкция) и находки с их территории — мустьерская кремневая пластина (2), шлифованный каменный топор (3), грузило из гальки (4), каменные терочник (5) и зернотерка (6), пращевые камни (7, 8), обломки глиняных сосудов из слоя бронзовой эпохи (9—13), глиняное пряслице (14), обломок ручки сосуда (15) и синопского лутерия (16) из слоя последних веков до н. э., обломки различных глиняных сосудов-амфор (17, 30), пифосов (18—28), двуручных сосудов (30), кувшинчиков (31—36), стеклянная бусина (37).

Рис. 6. План средневекового абхазского поселка юго-восточнее с. Октомбери (1) и материалы из домовищ — обломки глиняных пифосов (2, 15), мисок (3, 16), горшков (4—9, 11, 12), кувшинов (13, 19) и других изде-

339

лий (10, 14, 18), сверленное каменное грузило (17), железные шило (20) и наконечники стрел (21—26) XII—XIV веков.

Рис. 7. Резные камни из храма VIII в. в с. Марамба (1, 2), план Полтавского храма (3) и найденные в нем резные каменные плиты (4—9), глиняные кувшин (10) и обломок пифоса (11), бронзовый канделябр (12).

Рис. 8. Кремневые орудия из различных пунктов в окрестностях Цебельды — ашельские (1, 2) и мустьерский (3) отщепы Апианчи, мустьерские остроконечники из окрестностей Цибилиума (4) и с поверхности ледниковой морены в с. Амткел (5, 6), верхнепалеолитические изделия из грота у с. Георгиевского (7, 8), с территории Герзеульского могильника (9), с горы Агыш (10, И) и с неолитического поселения в урочище Метелёвка (29, 34 — обсидиан, 12—28, 30—33, 35, 36 — кремь).

Рис. 9. Общий вид гротов Кеп-Богаз (1) и находки из слоя верхнепалеолит. времени — оруд. из крем. (2—17) и кости (18—22).

Рис. 10. План Пскальской крепости (1), кладка ее стены (2) и различные находки из слоя позднеантичного и раннесредневекового времени — обломок плиты с греческой надписью (3), фрагменты пифосов (4—6, 8, 9, 19, 21), двуручных сосудов (7), кувшинов (10—14, 16, 18), горшков (15, 20, 22—24), краснолаковая тарелка (17) и стеклянный бокал (25).

Рис. 11. Планы крепостей Цибилиум (1), Ахыста (2), Лар (3), Чацкал (4), Бат (5), Апушта (7) и развалин храма в долине р. Схча (6).

Рис. 12. Общий вид большого Азантского дольмена (1) и его план и профиль (2). Находки из дольменов Азанты — бронзовые булавки (3—6), крюк (11), бусы (10, 15, 16) и подвески (9, 12—14), керамические сосуды (7, 8). Каменный молот из пещеры Белоснежка (17).

Кремневые орудия верхне-палеолитического времени с плотины озера Амткел (18—20) и инвентарь погребения IV в. н. э. на той же плотине — план и разрез могилы (21), трехручный сосуд-урна (22, 23), кувшинчик (24—25), бронзовая фибула (27), железные наконечники копий (28) и топор (29), пастовая бусина (26).

Рис. 13. Находки из верхнего слоя Джампальского грота — обломки глиняной посуды (1—15), изделия из камня (16—19, 21, 27—29, 31), кремня (20, 26, 30) и кости (22—25).

Рис. 14. Общий вид Холодного грота на Кодоре (1) и находки в нем — орудия из камня (2, 11, 13) и кремня (3—10, 12), костяные проколки (14, 19), гарпуны (16, 17), копалка из рога (15), просверленная кость пещерного медведя с орнаментом (18).

Рис. 15. Планы храмов в урочищах Амзара (1), Кеч (2) и Бедук (5), крепостей Пал (4) и у с. Чины (3).

Рис. 16. Планы «Дворца Маршания» (1) и крепости (2) в с. Лата, храмов в сс. Лата (5), Верхняя Лата (3), Чхалта (4) и Ажара (7) и позднеантичного городища в с. Ажара (6).

310

Рис. 17. Общий вид Чхалтинской крепости (1) и фрагменты миски (2) и горшка (3) отсюда. Материалы из поселения апсилов на Зиме — обломки глиняных пифосов (4—7, 14, 20, 25, 28), кувшинов (8, 10, 11, 13, 15—18, 21, 23, 24, 26, 27), горшков (9, 12, 19, 22), сосудов с отпечатками циновок на днищах (29, 30).

Рис. 18. Планы раннесредневековых пастушеских поселений («ацангуара») в высокогорьях Абхазского хребта — Зима (1, 2, 3), Квараш (4, 5), Копшара (6, 7) и обломки керамической посуды — кувшинов (8, 16) и горшков (9—15), найденных в ацангуарах Копшара.

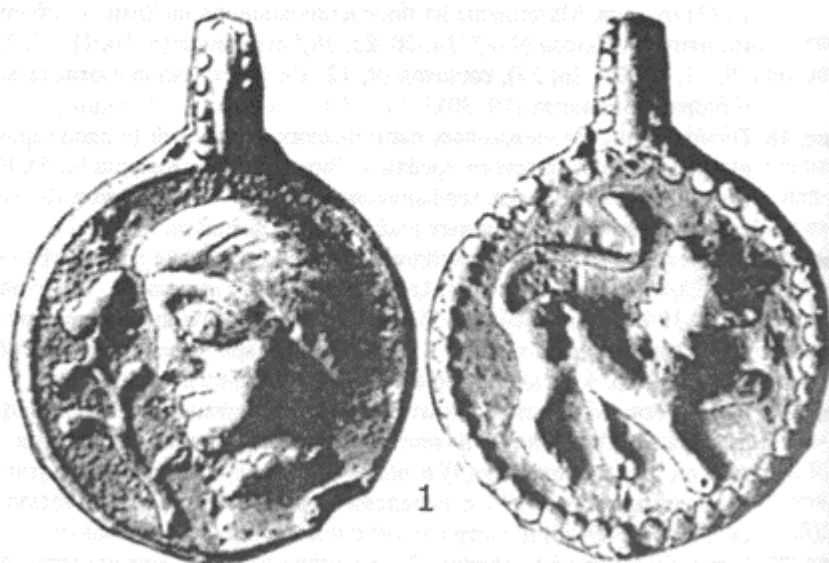
Рис. 19. Клычская крепость (1) и найденные в ней бронзовое колечко IX—X вв. (2), обломки кирпича (14) и керамических изделий - горшков (3, 6—8, 10—13), пифосов (4, 5), кувшинов (15, 16) и другой посуды (9).

Рис. 20. Планы крепостей в ущелье Клыча (1), в Омаришаре (2) и у Сакенского оз. (6), хр. у устья Мрамбы (3) и в Сакене (4, 5).

Рис. 21. Планы поселений античного времени в Капитановке (1) и на холме Мачара-2 (2). Железный инструмент для обрезки винограда (3), флакон для благовоний (4) и обломок каменной формы для отливки бронзовых топоров (5) с поселения Мачара-2; обломки диоскурийских амфор (6—8) и кастрюль (9) с поселения у Капитановки.

Рис. 22. План и детали оформления (2, 3) фасада храма на склоне горы Ахупач; комплекс урнового захоронения из Шапкинського могильника — план (4), обломки двуручного кувшина (5, 6), кувшинчик (7), пастовые (8—11, 13) и янтарная (12) бусы, бронзовые фибулы (14—16), серебряные серьги (17, 18) и железный нож (19); донце диоскур. амфоры из района Багад. моста (20).

341

Оловянный медальон и бронзовая брошь из погребений VII в. у Цебельды

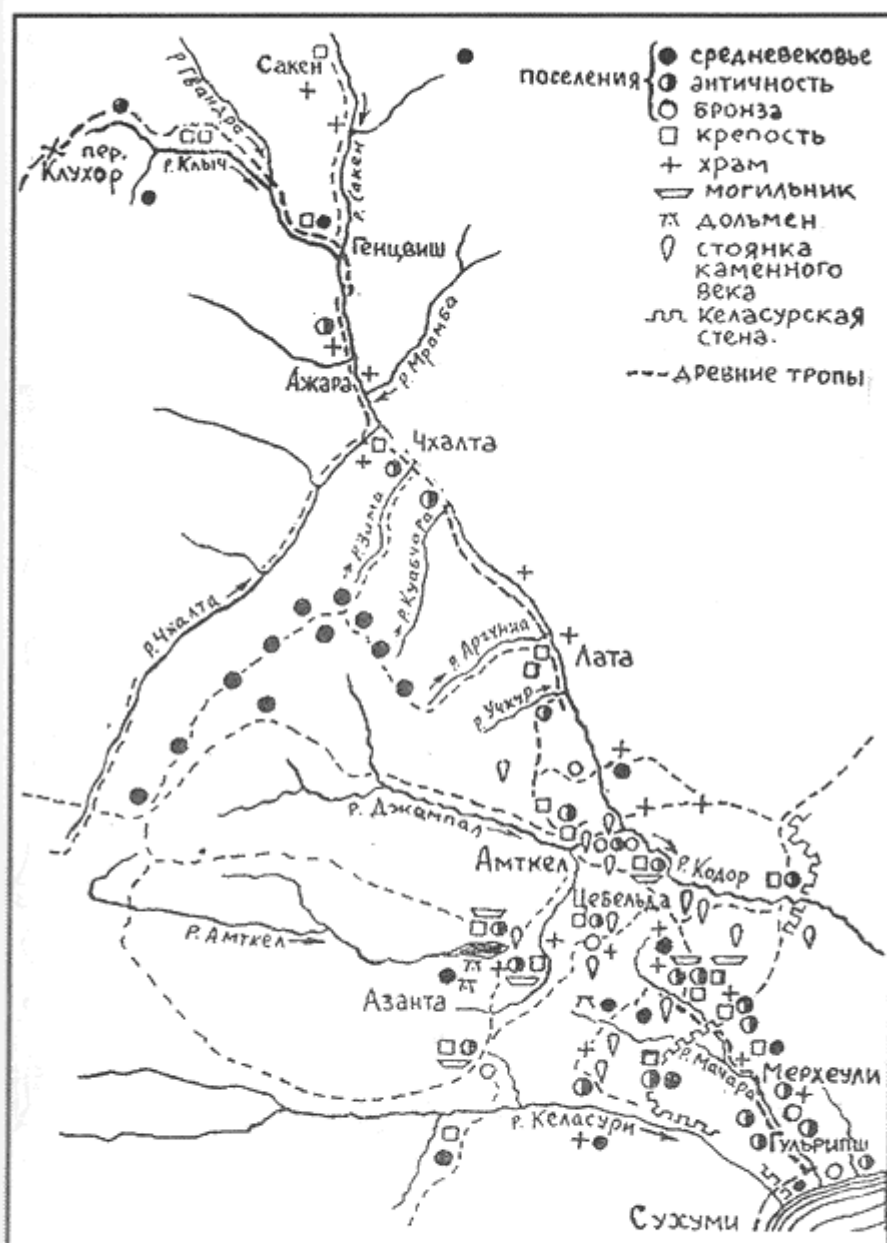

Рис. 1.

Рис. 2.

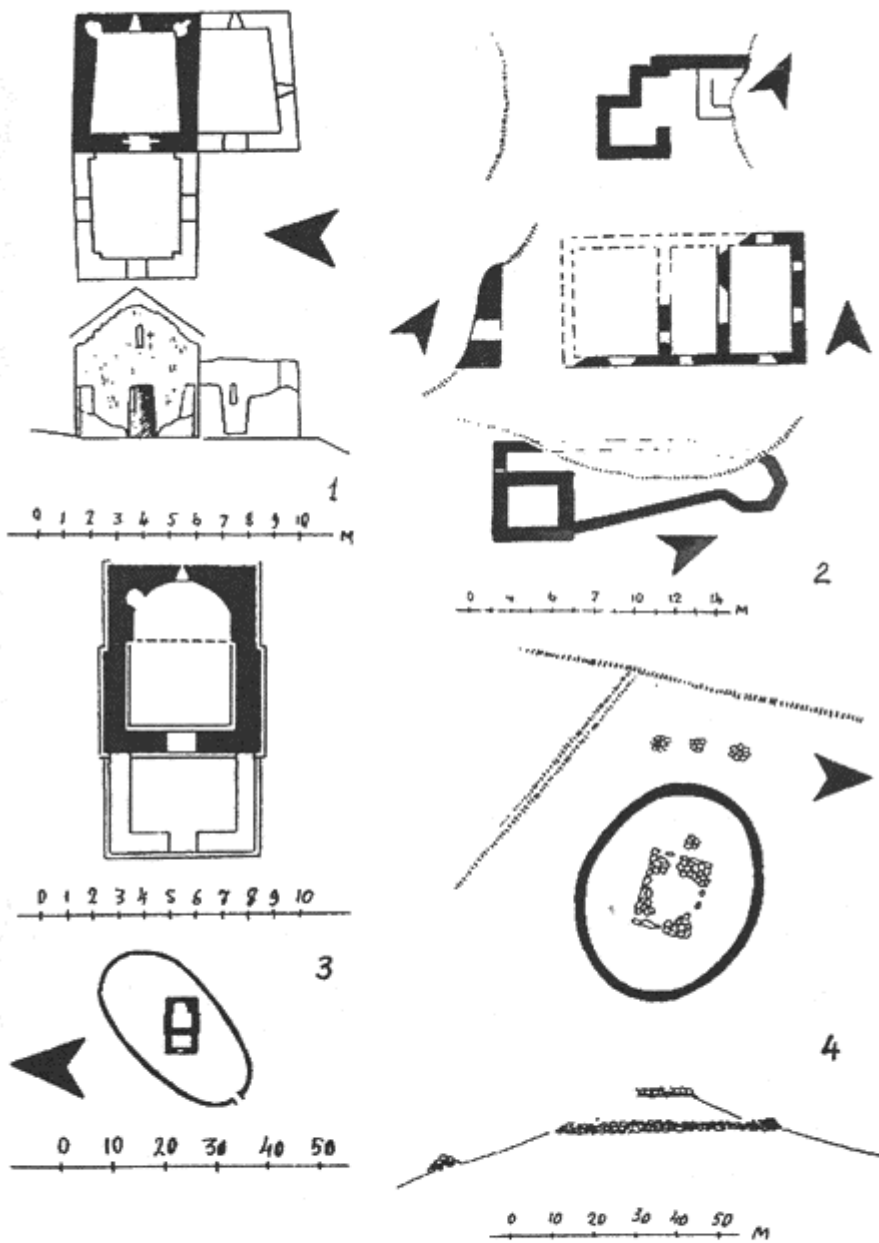

Рис. 3.

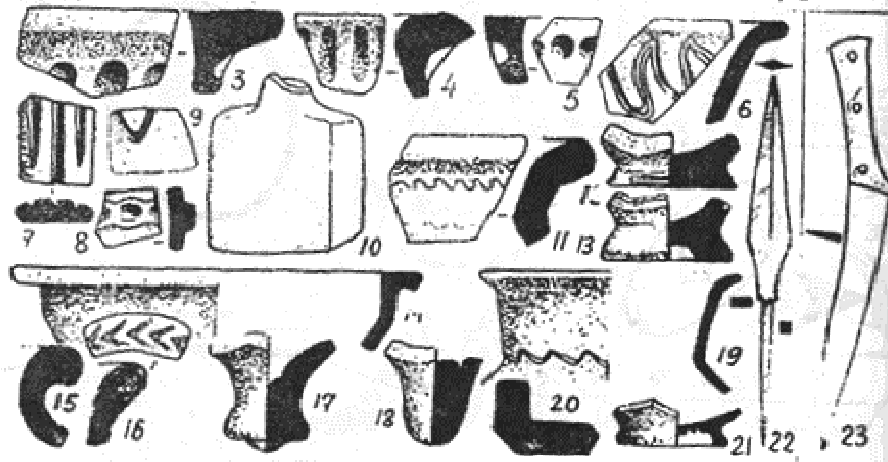
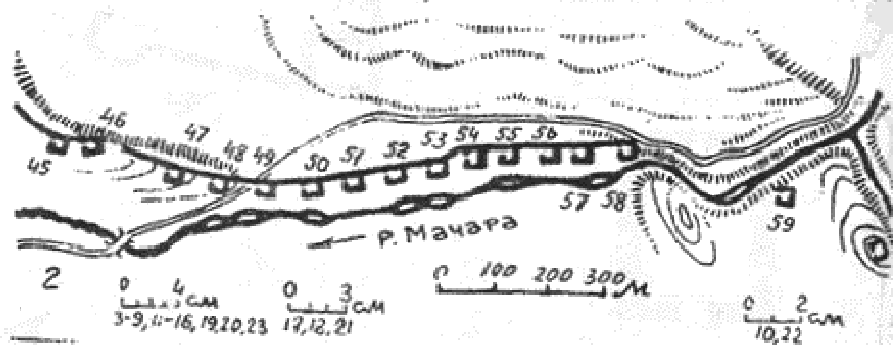
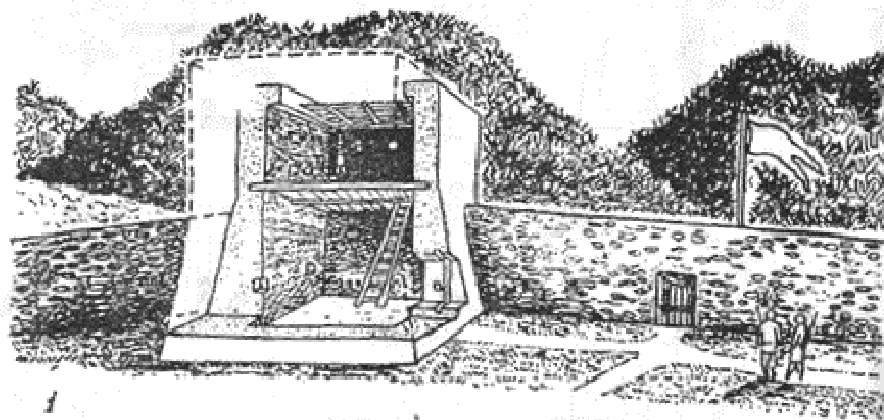

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

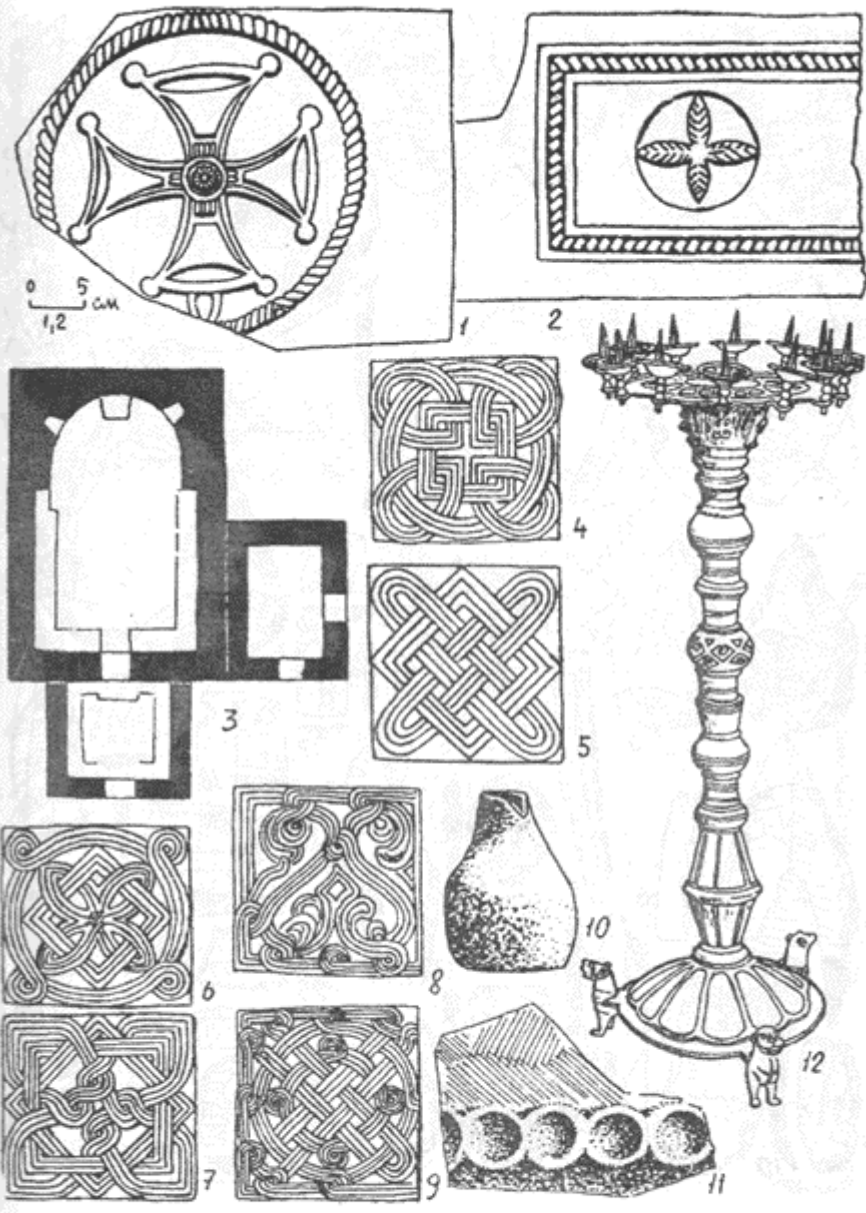

Рис. 7.

Рис. 8.

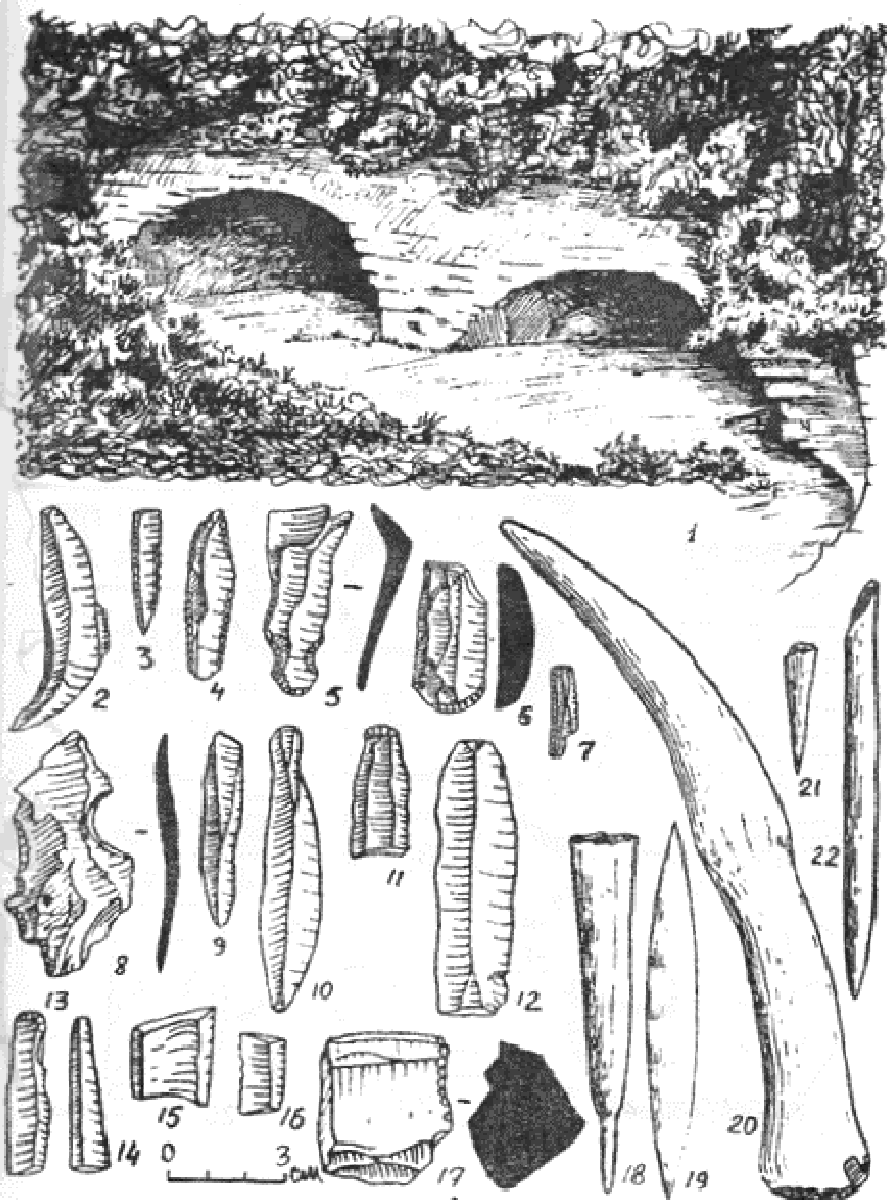

Рис. 9.

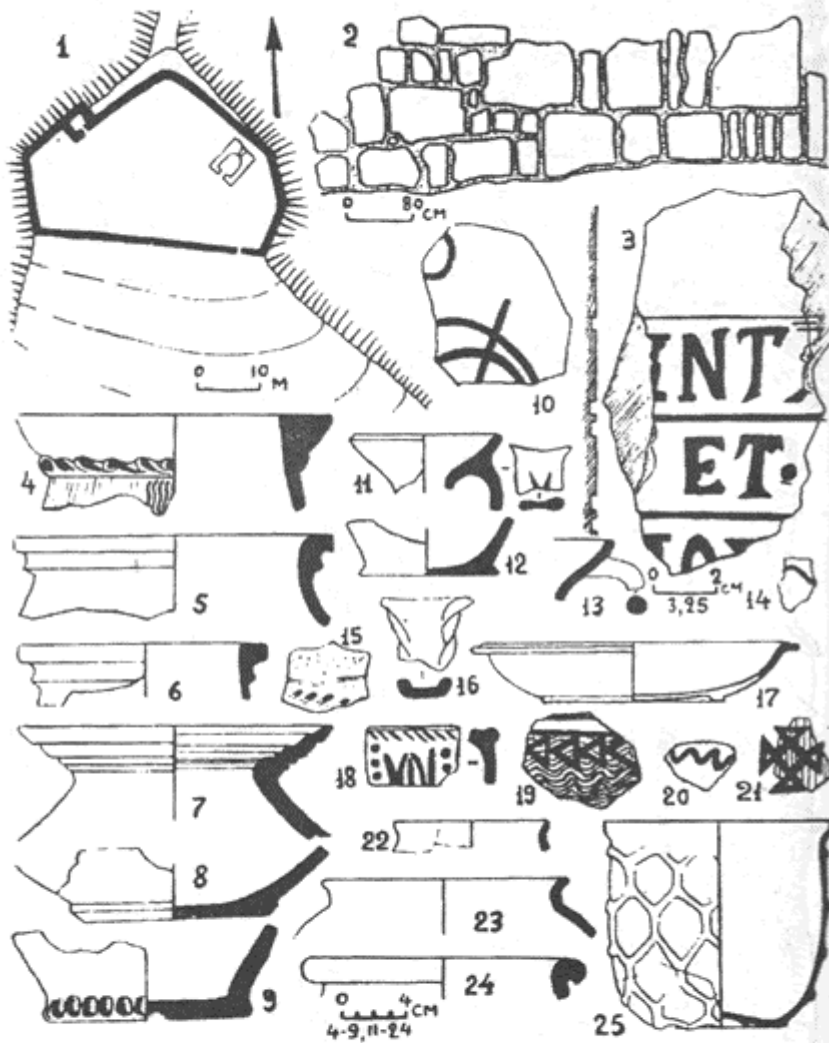

Рис. 10.

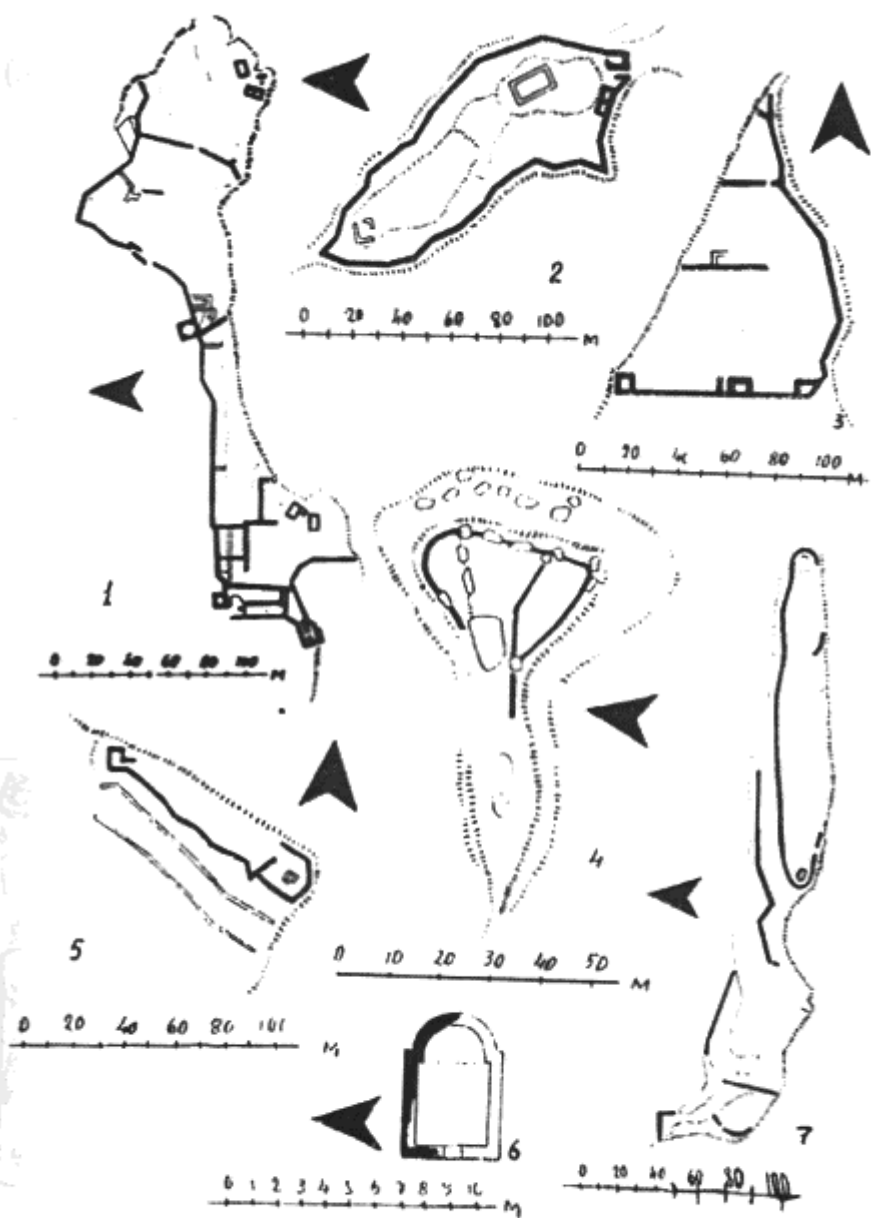

Рис. 11.

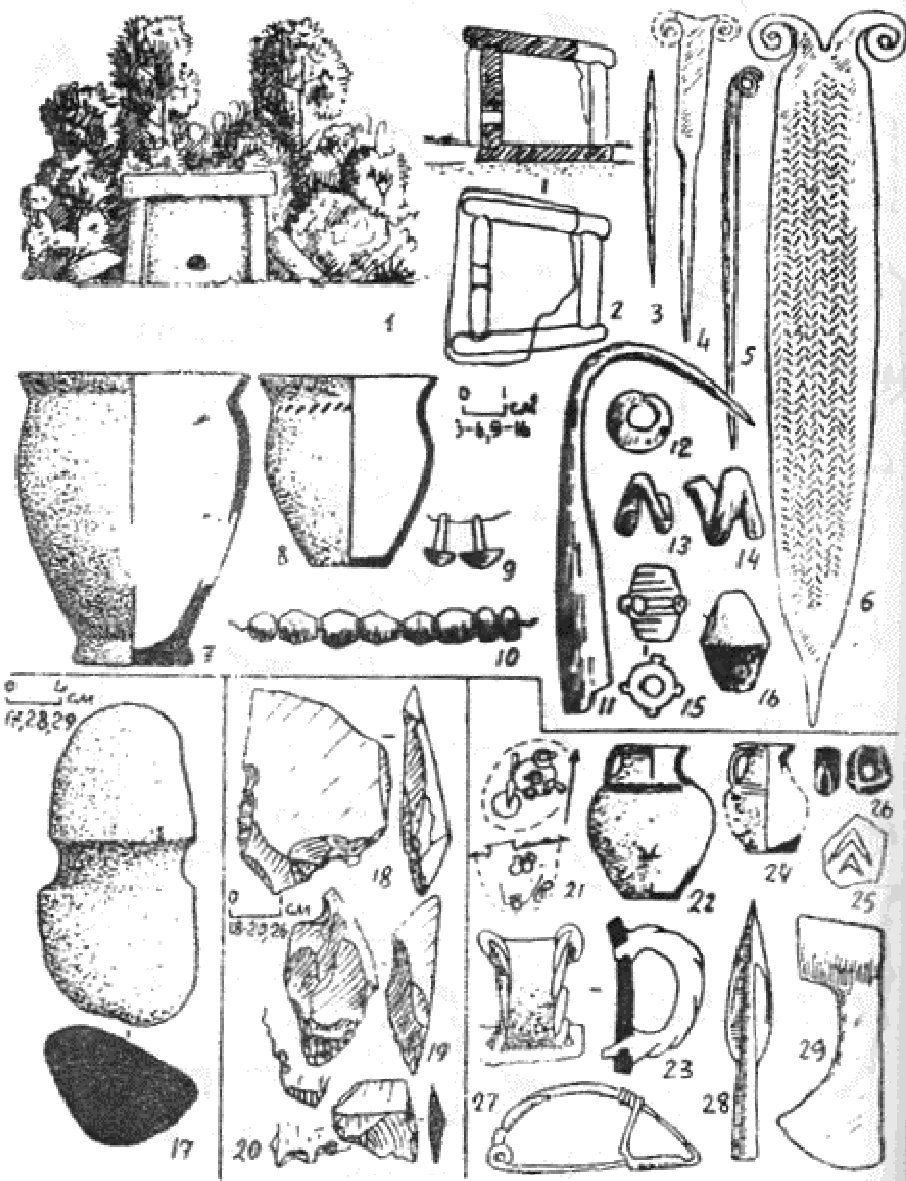

Рис. 12.

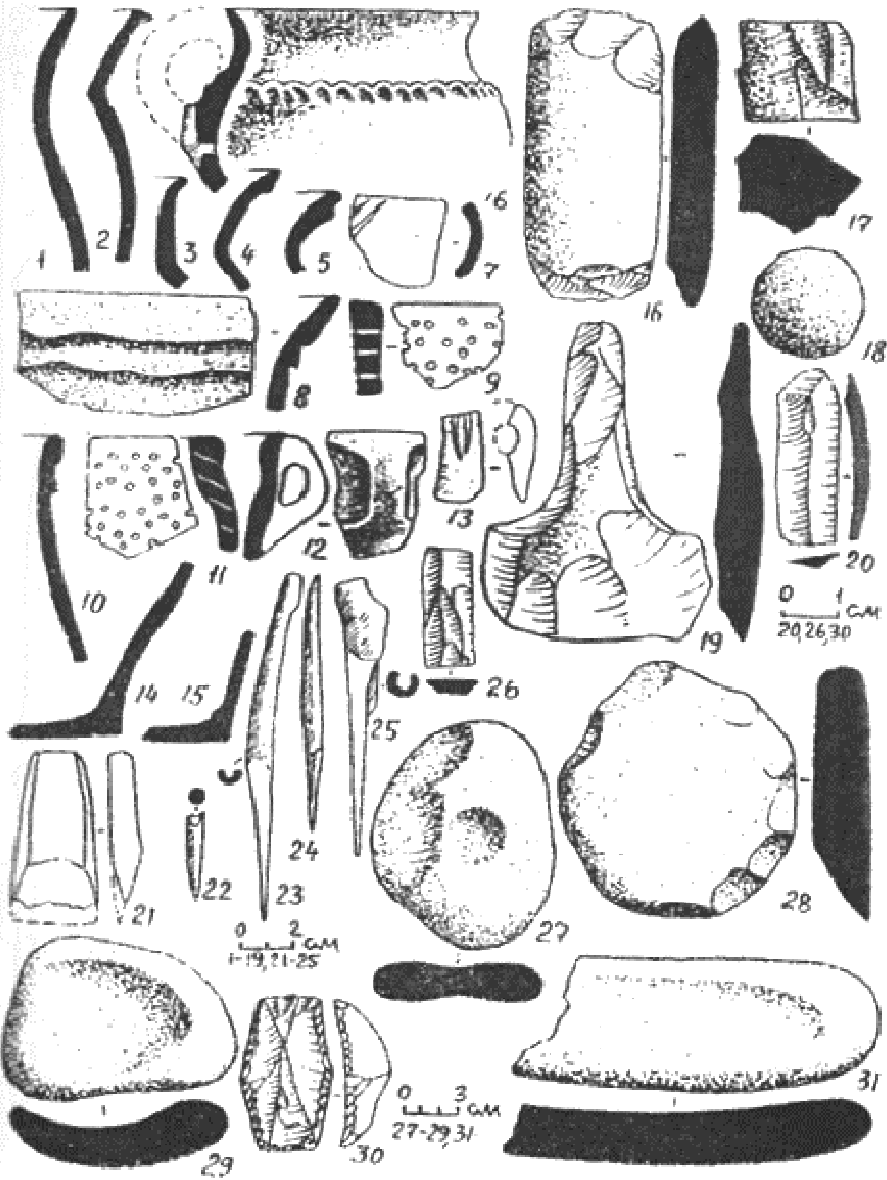

Рис. 13.

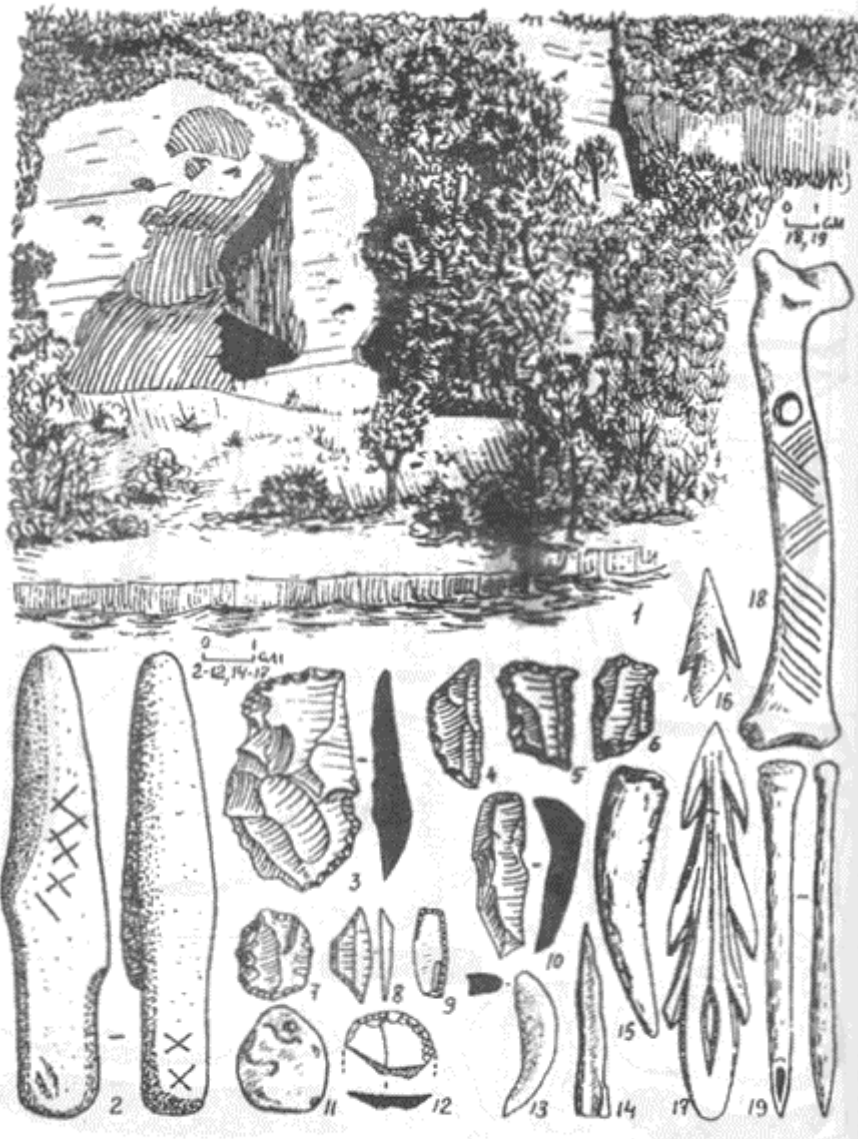

Рис. 14.

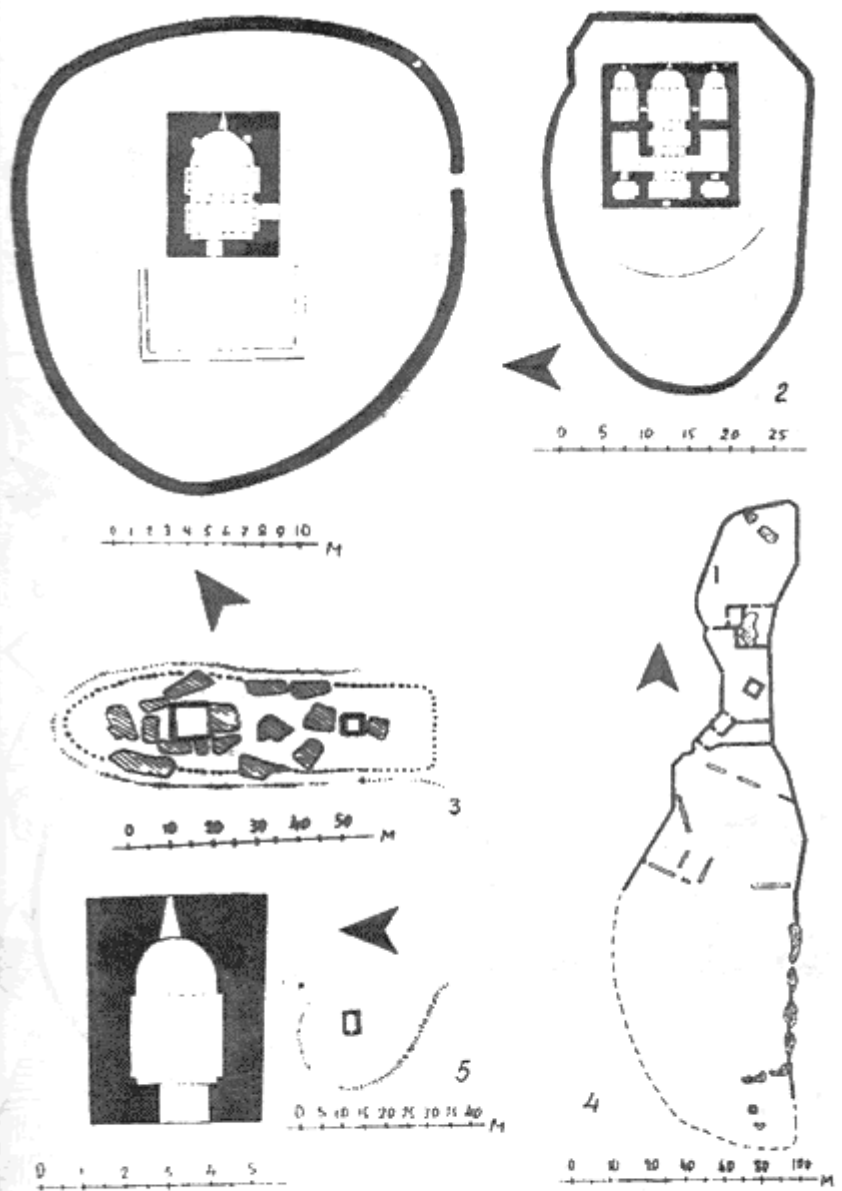

Рис. 15.

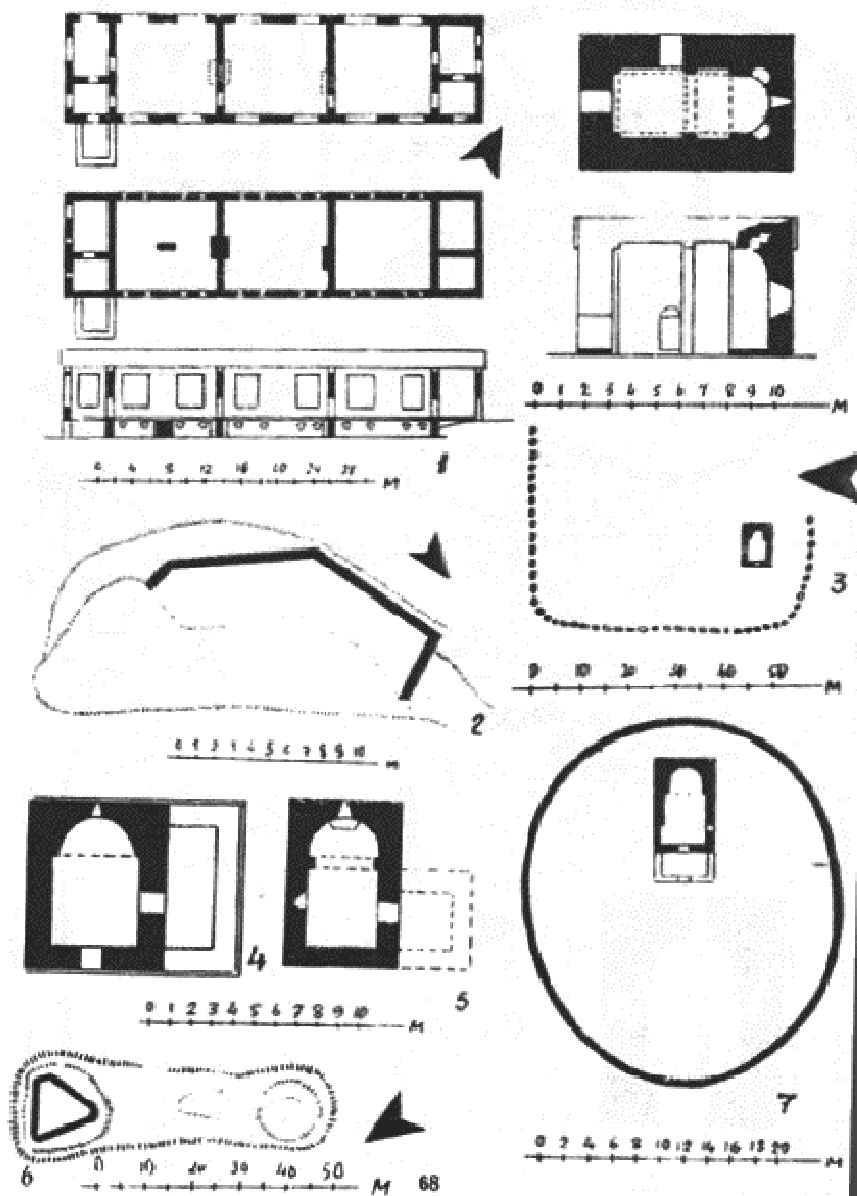

Рис. 16.

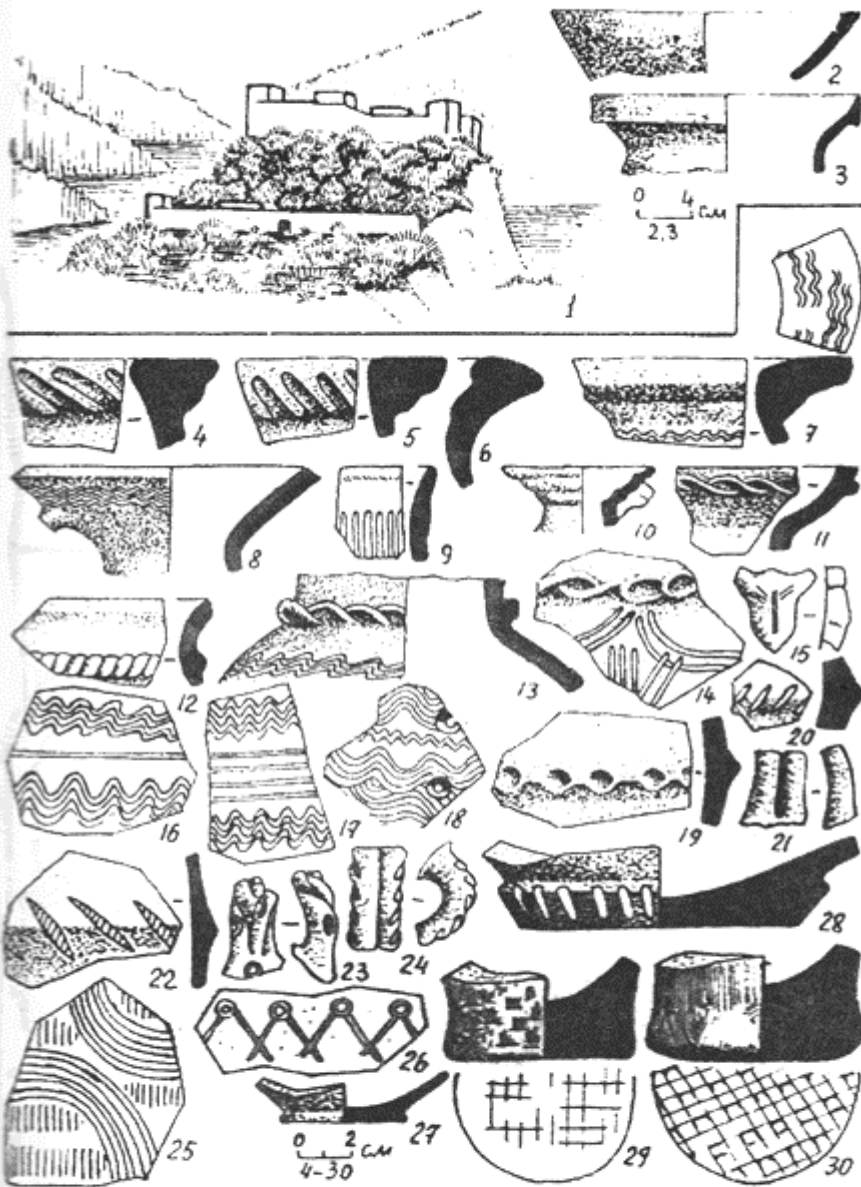

Рис. 17.

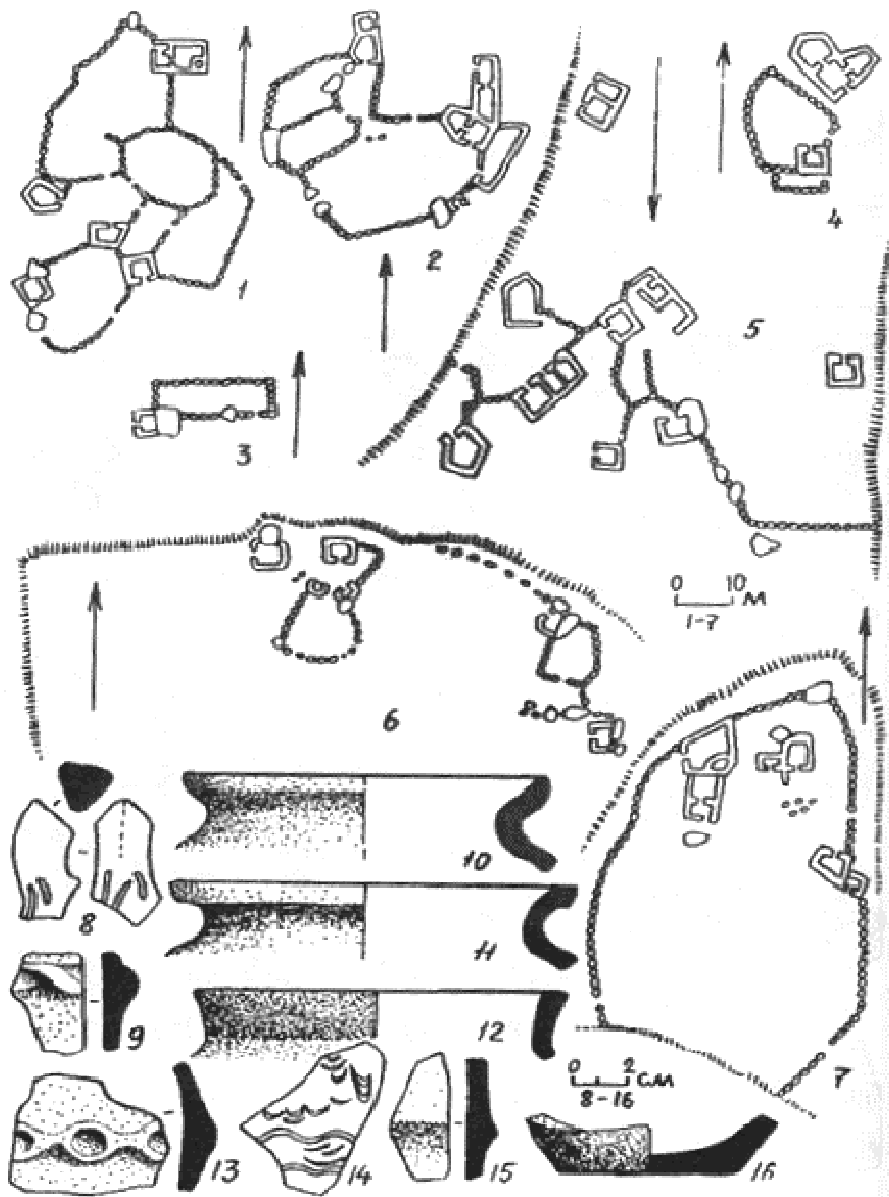

Рис. 18.

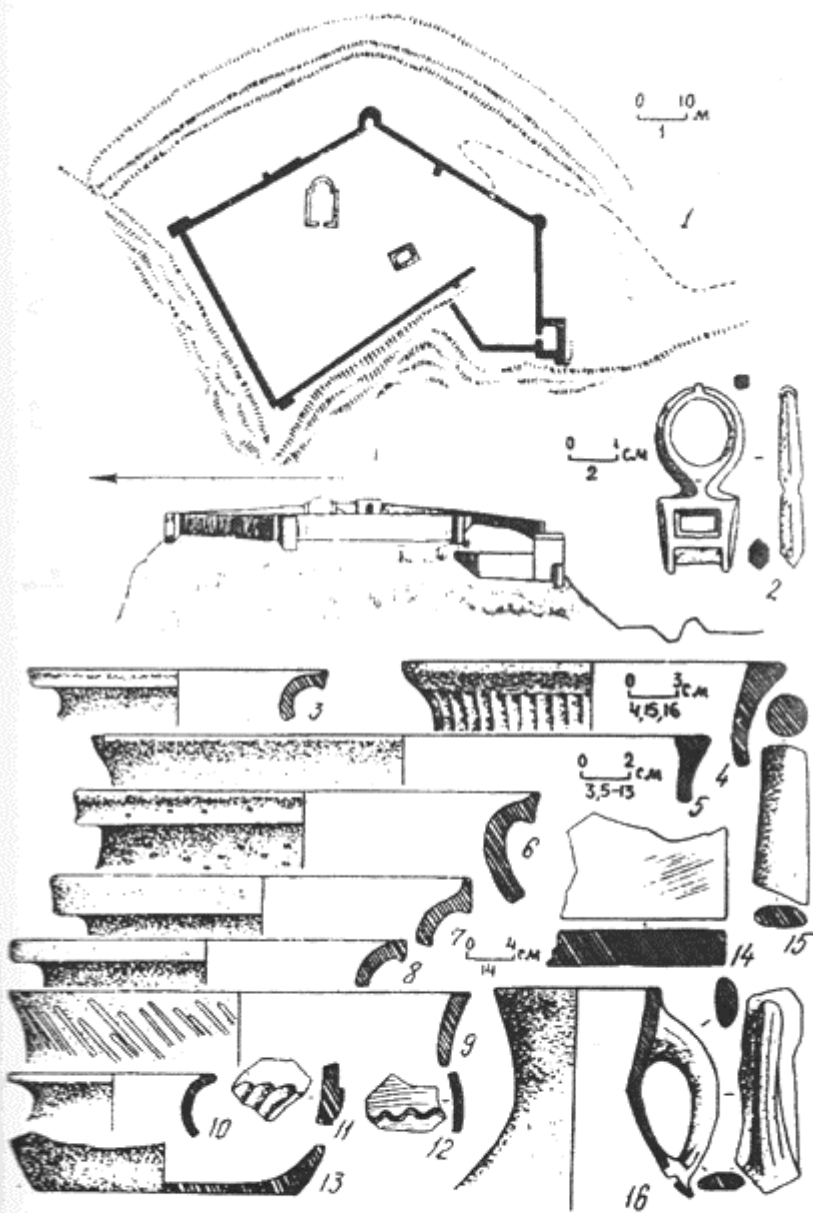

Рис. 19.

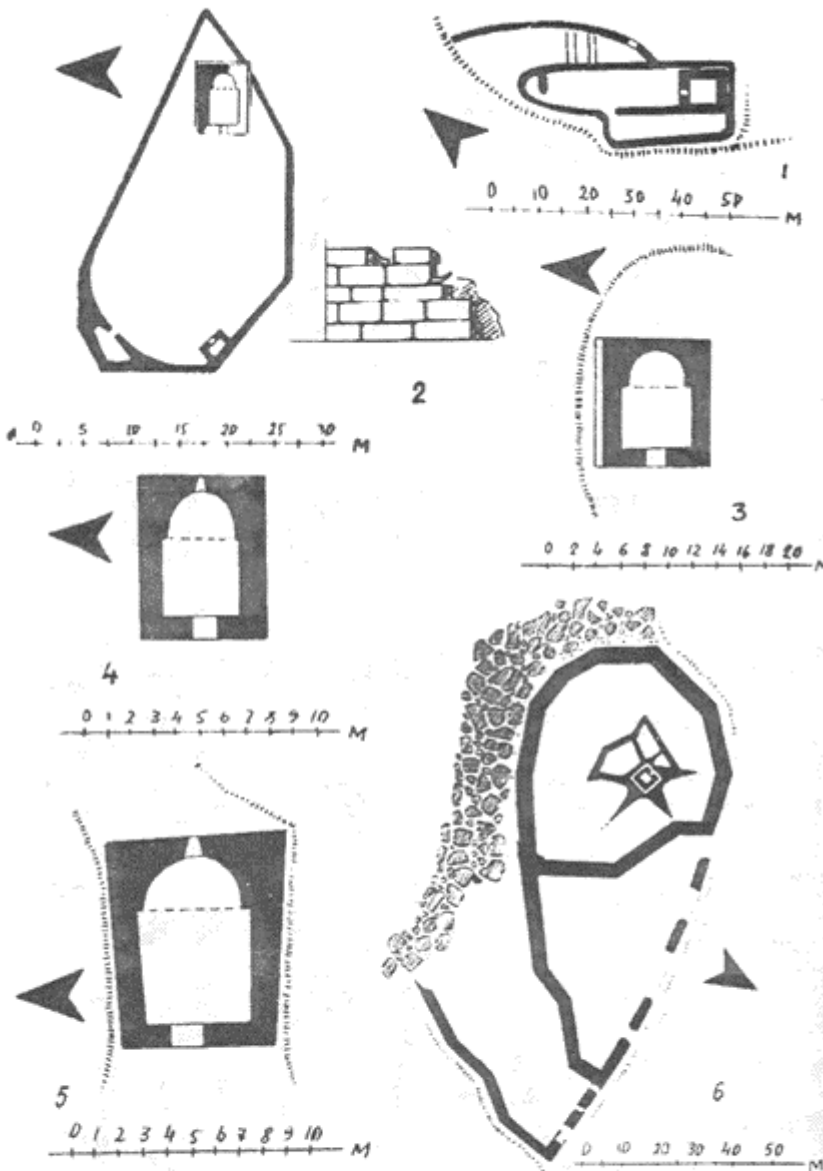

Рис. 20.

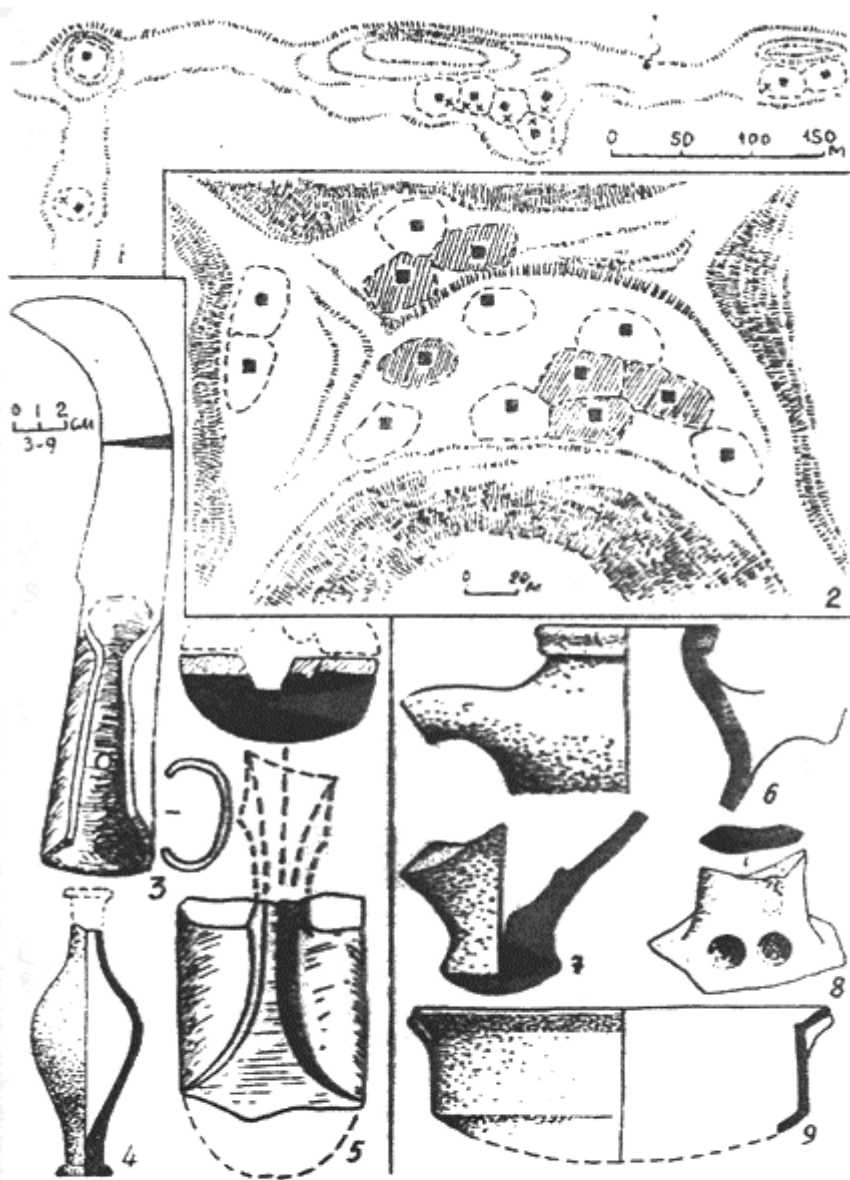

Рис. 21.

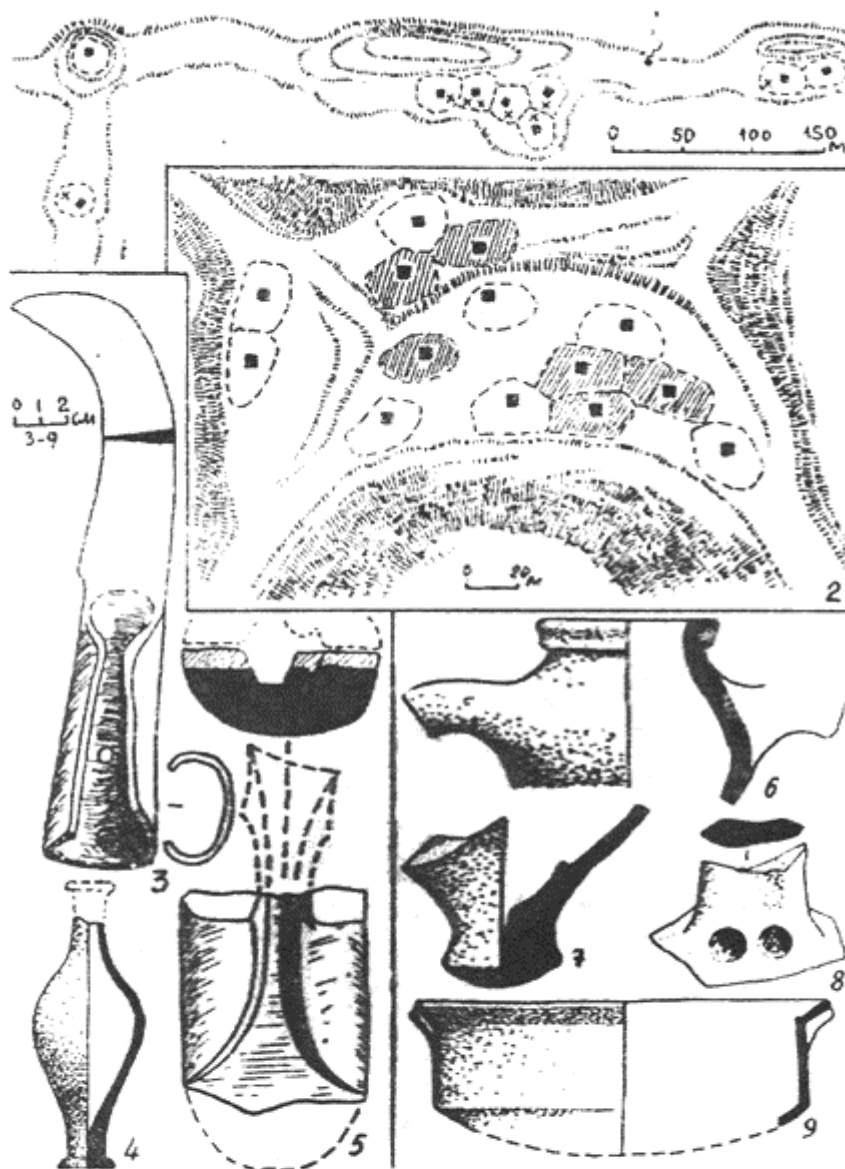

Рис. 22.

Древности Азантской долины

Книга "Древности Азантской долины" впервые была опубликована в 1982 году издательством "Мецниереба", Тбилиси.

366

Введение

Азантская долина уже давно известна своими замечательными дольменами. В последние годы в ряде публикаций появились сообщения и о других не менее интересных местных археологических объектах, значение которых в изучении древних горных обществ Абхазии трудно переоценить.

Азантская долина представляет собою широкую впадину между гор, протянувшуюся в длину с востока на запад на 15-20 км, а с севера на юг на 5-6 км. С юга в долину круто спускаются склоны хребта с вершинами Ахупач, Прцха и Ахыста. С севера долину окаймляют пологие склоны г. Большой Схапач, с запада круто поднимаются отроги Чумкузбы, у основания которой расположено урочище Чацкал. С востока тянутся гребни гор Малый Схапач, Пшоу и Бат, у подножия которых раскинулись урочища Апушта, Азанта и озеро Амткел. Район сличается обилием родников и рек, среди которых наиболее значительны Келасури и Амткел, водораздел между которым проходит по возвышенности в средней части долины. К востоку долина открывается широким ущельем, по дну которого протекает р. Схча, берущая начало на склонах Б. Схапача. Отсюда же берет начало и р. Джимеле, в среднем течении которой расположено урочище Лар, а в нижнем — урочище Абгидзра. Окружающие долину горы сложены известняками, в которых реки образуют глубокие и узкие каньоны и водопады. Здесь много карстовых полостей — пещер, гротов, колодцев и т. д. Дно долины скрыто глинистыми и мергелевыми отложениями.

Древние жители долины для своих поселений избирали места, с одной стороны, имевшие естественные убежища и дававшие строительный материал, а с другой стороны, создававшие условия для земледелия и других видов хозяйства. Поэтому основные известные в долине памятники тяготеют к стыку известняков и глинисто-мергелистых отложений. Долину издревле с окружающей территорией соединяли удобные тропы и дороги. Вдоль реки Келасур проходит тропа от берега моря к Марухскому перевалу. В ту же сторону идет тропа через урочище Апушта.

Древние тропы ведут через Чацкал в долину Гумисты. Вдоль р. Схча и через перевал Ахыста легко можно попасть в Кодорское ущелье и в Цебельдинскую долину.

Целью настоящей работы является сведение воедино всех известных сегодня на территории Азантской долины археологических памятников и их предварительная классификация по эпохам.

367

Глава 1.

Памятники каменного века

История изучения. Первые находки палеолитических орудий в Азантской долине были сделаны на плотине Амткельского озера в январе 1963 г. Б. Л. Соловьевым и Ю. Н. Вороновым (1). На той же плотине Б. Л. Соловьев проводил сборы орудий и в 1966 г. В последующие годы Ю. Н. Вороновым были зафиксированы местонахождения кремневых орудий в урочище Чацкал (1966, 1970 гг.) (2), в районе с. Азанта (1967 г.) (3), в урочище Апушта (1966—1967 гг.) (4) и на плотине Амткельского озера (1966, 1971 гг.) (5).

Плотина Амткельского озера. Кремневые орудия попадают в двух пунктах — в центральной и восточной части плотины у дороги, ведущей из Азанты в урочищу Апушта (рис. 17 - 1). В первом пункте поверх следов древней ледниковой морены найдены орудия мустьерского облика. Среди них особенно интересен остроконечник (рис. 1 - 2), покрытый густой желтовато-белой патиной и обработанный по краям двухъярусной ретушью. Второе орудие — небольшой асимметричный остроконечник из белого сильно метаморфизированного кремня. Первоначальное орудие может быть отнесено к раннему мустье, переделка — к позднему. Третий остроконечник более массивен (рис. 1 - 13) и обработан у острия с обеих сторон ретушью. Форма и густая белая патина относят и это орудие к эпохе мустье. Здесь же подобраны отщеп с подправкой (рис. 1 - 4) из светло-серого кремня и обломок орудия из темно-серого сланца (рис. 1 - 8).

В восточной части плотины собрано несколько изделий из белого и серого кремня с очень слабой патиной. Одно из них обработано односторонней крутой рету-

1 Б.Л. Соловьев. Четвертичные оледенения бассейна реки Кодора на Западном Кавказе. БКИЧП. 1967, с. 74.

2 Ю.Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, с. 15, табл. XIII, 8; Разведки в Абхазской АССР, «АО 1970 года», М., 1971, с. 378.

3 Ю.Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, с. 15, табл. XIII, 4.

4 Там же, с. 15, табл. XIII, 4.

5 Ю.Н. Воронов. Разведочные работы в Абхазской АССР, «АО 1971 года», М., 1972, с. 472.

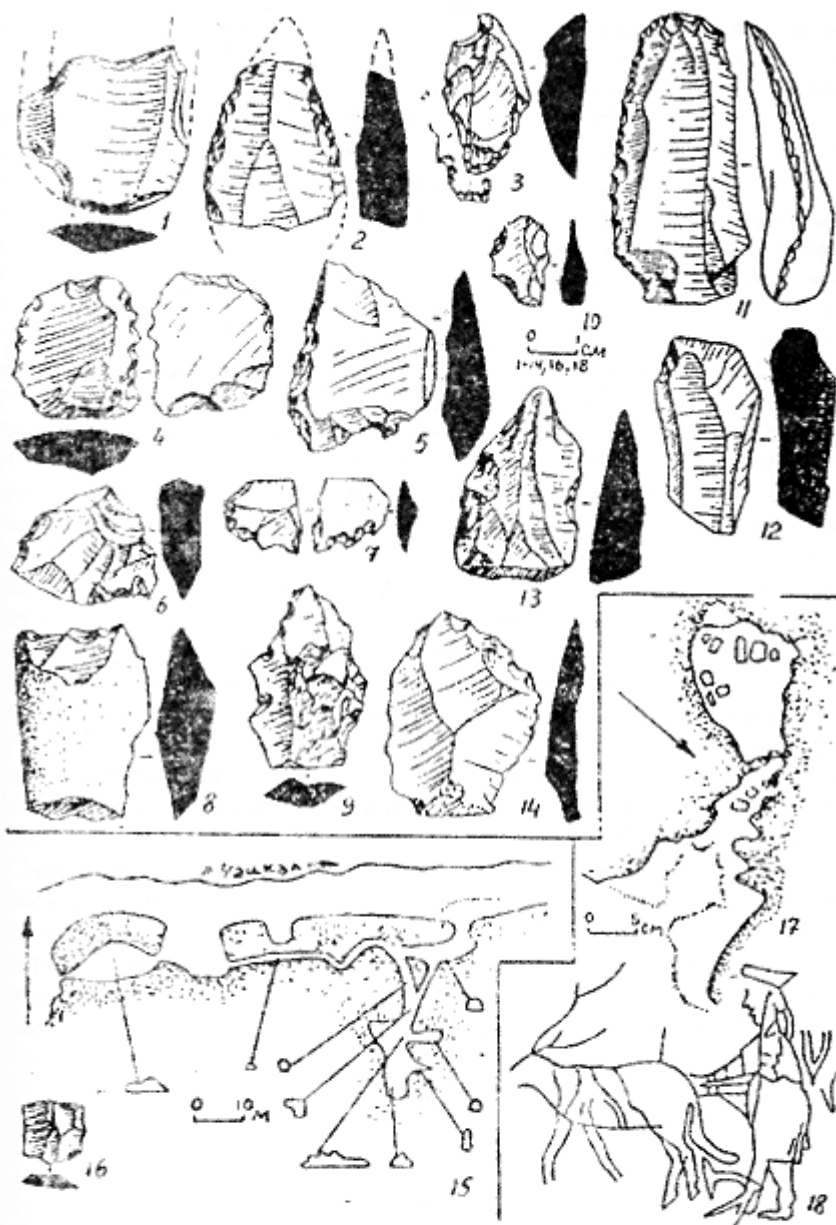

рис. 1

шью, образующей зубцы (рис. 1 - 5), у двух других двусторонней ретушью выделен режущий край (рис. 1 - 3, 6), четвертое изготовлено на пластинке (рис. 1 - 7). Эти орудия могут быть отнесены к мезолиту или к неолиту.

Урочище Апушта. Кремни со следами древнейшей обработки выявлены здесь главным образом в погребениях IV— VII вв., куда они попадали в качестве составных частей огнедобывающих инструментов. Одно из орудий представляет собой массивный, по-

видимому, позднемустье́рский отщеп с краевой ретушью (рис. 1 - 11) из серого сильно патинизированного кремня. Другое орудие (рис. 1 - 12) изготовлено на обломке с грубой подправкой и слабой патиной. В восточной части урочища найден миниатюрный отщеп (рис. 1 - 10) из белого кремня со слабо патинизированной поверхностью.

Сел. Азанта. В нескольких десятках метров южнее большого дольмена отмечено несколько сильно метаморфизированных отщепов мустье́рского (?) времени. Здесь же найден остроконечник (рис. 19) из красного кремня со слабо патинизированной поверхностью (верхний палеолит?).

Урочище Чацкал. На подъеме к урочищу в 1,5 км от моста через р. Келасур подобран мустье́рский отщеп с крупной односторонней ретушью вдоль края (рис. 1 - 14). Юго-восточнее в ущелье ручья, стекающего с урочища, находится небольшая пещера (ее план приведен на рис. 1 - 15), в вестибюле и в конечном зале (50 м от входа) которой обнаружены скопления костей пещерного медведя. Накопления вестибюля, достигающие двухметровой толщины, постепенно разрушаясь, осыпаются на дно ущелья. В осыпи помимо костей пещерного медведя найдена пластинка (рис. 1 - 16), из розового кремня, которая может быть отнесена к мезолиту.

Такова краткая характеристика памятников каменного века в Азантской долине. Судя по находкам, ее урочища посещались древнейшими охотниками еще в эпоху мустье́ (100—35 тыс. лет назад). Наибольший интерес представляют находки на плотине Амткельского озера, которые позволяют установить ее достаточно почтенный возраст вопреки до недавнего времени господствовавшему мнению, что вся плотина эта возникла в начале 90-х годов прошлого столетия. Несмотря на свою скудность, рассмотренные материалы позволяют надеяться, что дальнейший поиск древнейших остатков человеческой жизнедеятельности в Азантской долине должен увенчаться интересными открытиями.

370

Глава 2.

Памятники эпохи бронзы

История изучения. Первые исследования памятников рассматриваемой эпохи в Азантской долине проводил В. И. Стражев летом 1925 г., когда им были открыты здесь первые в Абхазии дольмены (3 дольмена и 1 дольменовидная гробница) (1). Он же собрал здесь сведения о находке в высокогорной части села могил с бронзовыми вещами (2). Результаты поиска В. И. Стражева нашли отражение в одной из работ М. М. Иващенко, который одновременно привел сведения о поступивших в Сухумский музей из Азанты в 1926 г. бронзовых бычках и бусинах (3). В 1935 г. в Азанте проводила разведочные работы экспедиция ГАИМК в составе А. А. Иессена (руководитель), Б. Б. Пиотровского и Л. Н. Соловьева (4). В 1946 г. Б. А. Куфтин произвел раскопки в четырех дольменах и дольменовидных гробницах Азанты (5). В следующем году В. Соловьев фиксирует остатки бронзовой эпохи в гроте, названном им Верхним. В 1956 г. О. М. Джапаридзе обследовал три дольмена, раскопанных А. Куфтиным, и затем опубликовал материалы раскопок 1947 г. (6). В 1963 г. Б. Л. Соловьев и Ю. Н. Воронов заложили шурф в вестибюле Верхнего грота (7). В 1965 г. В. А. Юшин обнаружил в открытой им пещере Белоснежка каменный молот (8). В

следующем году Ю. Н. Воронов произвел визуальное обследование азантских дольменов (9). В 1970 г. Л. Н. Соловьев и В. В. Бжания снова шурфова-

1 В. И. Стражев. К Азантскому дольмену, ИАНО, IV, 1926, с. 125 - 127.

2 В. И. Стражев. Бронзовая культура в Абхазии, ИАНО, IV, 1926, с. 109.

3 М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, ИНИНК, 3, 1935, с. 11, 34 - 44, 85, рис. IV.

4 А. Нссен. Сухумская экспедиция ГАИМК, СА, 3, 1937; Л.Н.Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. ТАИ, XXXI, 1960, с. 71.

5 Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, Тб., 1949, с. XVIII.

6 О.М. Джапаридзе. Дольменная культура в Грузии, ТГУ. 77, 1959, с. 101, 102, рис. 27-32, 34-36.

7 Ю.Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, с. 38.

8 Там же, с. 38, табл. XVII, 19.

9 Там же, с. 38, табл. XXII 1,2,4,6; XXXVIII, 5; XL, 19; XLIV, 18, 19; XLVII, 23.

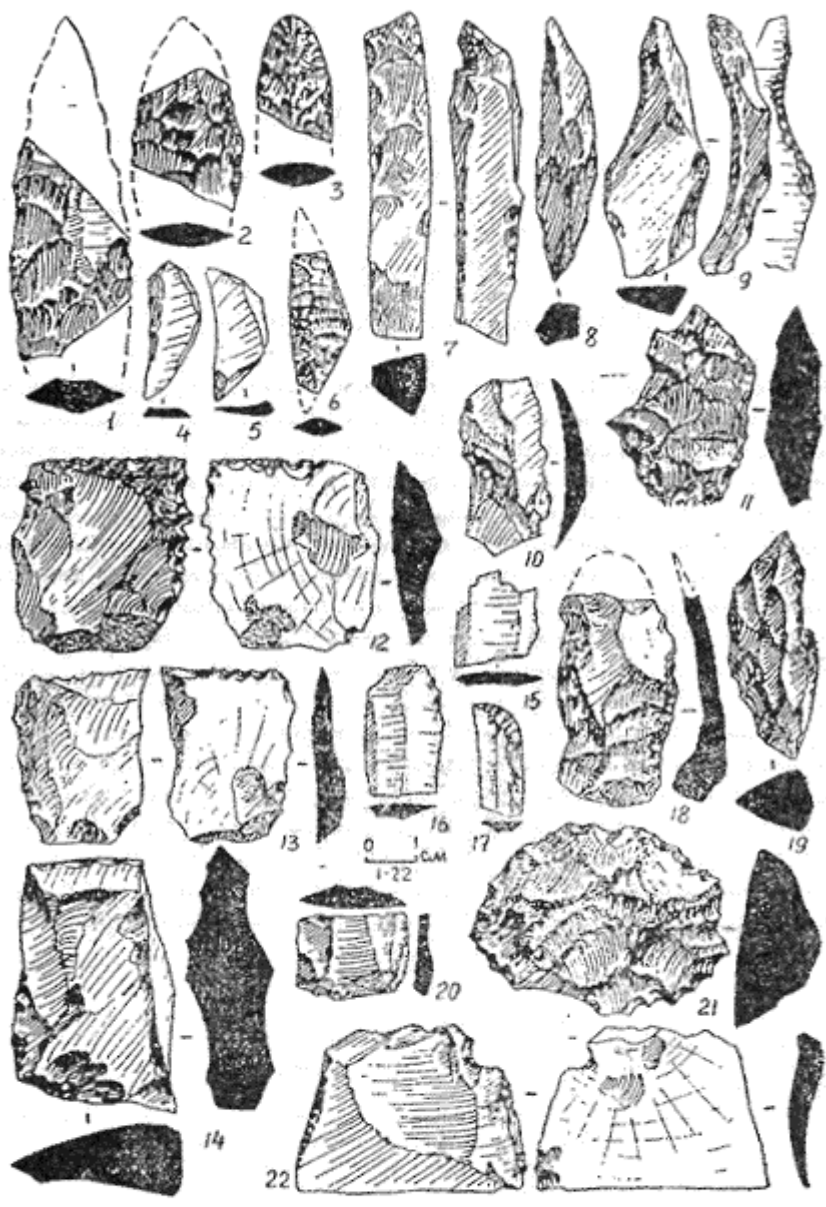

рис. 2

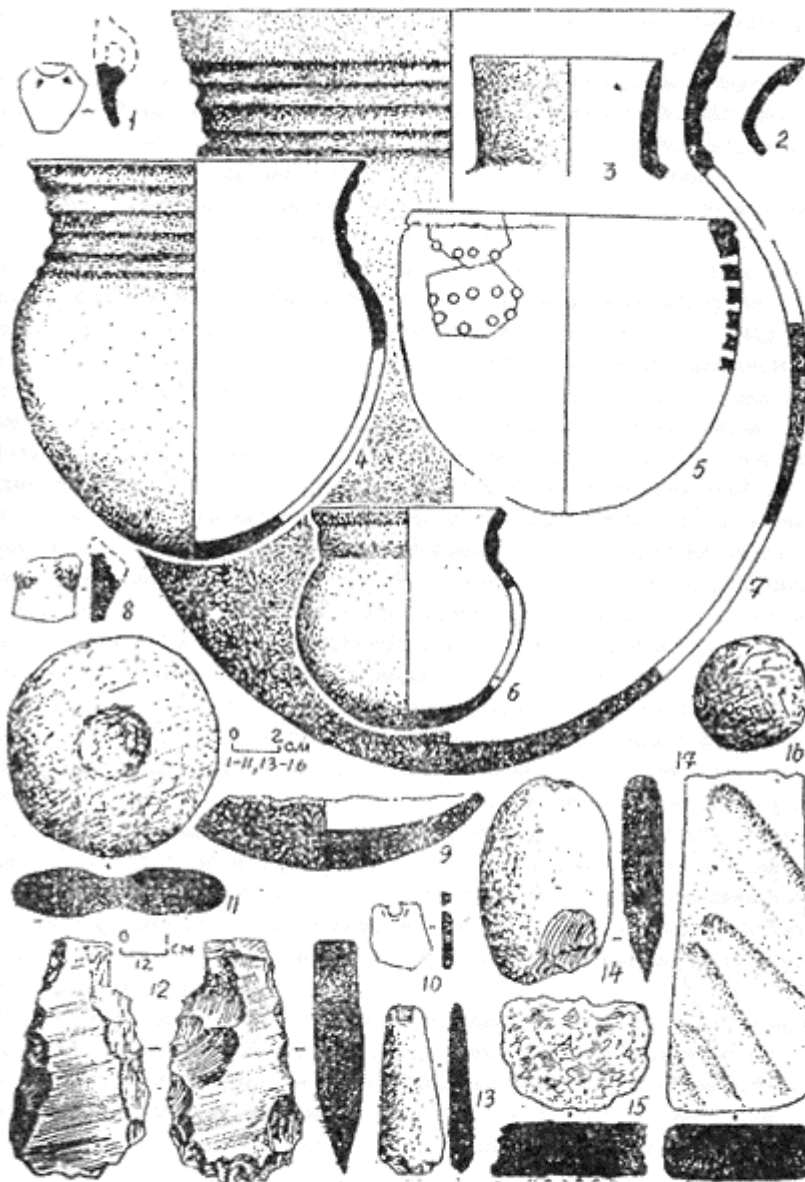

рис. 3

ли накопления грота Верхнего (10). В 1974 г. В. А. Юшин зафиксировал поселение с кремневыми орудиями и керамикой в урочище Абгидзра. В 1976 г. Ю. Н. Воронов заложил на этом поселении разведочный шурф (11).

Пещера Белоснежка. Пещера расположена на правом берегу р. Келасур в 300 м западнее моста и в 50 м южнее ущелья р. Чацкал. Молот найден в 90 м от входа в центре первого зала. Длина орудия 25 см, диаметр до 11,5 см (рис. 4 - 27). Рабочие части имеют легкую

сработанность. Такие орудия использовались в бронзовом веке для дробления медной руды. Визуальный осмотр места находки дополнительных материалов не дал.

Урочище Абгидзра. Располагается по левому берегу р. Келасур выше впадения в нее р. Джимеле. При проведении дороги здесь были обнаружены кремни со следами обработки и обломки керамики (см. приложение 1). Шурф размером 2х2 м показал, что культурный слой здесь уходит горизонтально в толщу крутого склона, достигая в 2 м от дороги мощности в 1,5 м. Находки включают лепную глиняную посуду, кремневые изделия, каменные орудия, кости животных. Размер сосудов, судя по обломкам, был очень различен — от 10 до 50 см в диаметре. Толщина стенок соответственно колеблется от 0,3 до 2 см. Венчики, как правило, слегка отогнуты и оформлены по краю рантом (рис. 3 - 2) или горизонтальными ребрами (рис. 3 - 4, 6, 7). Имеются и обломки довольно узких высоких горловин (рис. 3 - 3). На одном обломке отмечено основание небольшой петлевидной ручки (рис. 3 - 1), на другом — шишковидные выступы (рис. 3 - 8). Днища сосудов округлые утолщенные (рис. 3 - 4, 6, 7, 8). Плоских доньев обнаружить не удалось. Поверхность сосудов чаще шероховатая от обильной примеси мелкого и крупного песка, реже со слабым лощением по ангобу (рис. 3 - 1, 3). На одном обломке отмечено сверленное отверстие — след ремонта (рис. 3 - 10). Интересны фрагменты светлоглиняного цедильника (рис. 3 - 5). Здесь же найдены крупные плоские обломки обожженной глины (рис. 3 - 15), возможно, от покрытия пола жилища. Кремневый инвентарь включает дротики (рис. 2 - 7, 12-14, 22), сверла (рис. 28 - 9), пластинки (рис. 2 - 4-5, 10, 15-17, 20) и пластины (рис. 2 - 18), ножевидные массивные орудия (рис. 2 - 2, 19, 21), асимметричный треугольник (рис. 26) и др. Обработка большинства изделий грубая, небрежная, но попадаются орудия, обработанные тонко и тщательно (рис. 2 - 3, 6, 12). Среди каменных изделий выделяются гальки со следами работы (рис. 3 - 13,14), шары (рис. 3 - 16), круглые плоские камни со следами долбления (рис. 3 - 11), песчаниковый брусок с зашлифованными какой-то работой бороздами (рис. 3 - 17), миниатюрный топорик из сланца с подшлифовкой (рис. 3 - 12). Костный материал дал следующую картину (определение Н. И. Бурчак-Абрамовича): мелкий рогатый скот, преимущественно коза — 64%, крупный рогатый скот— 15%, свинья — 9%, бурый медведь — 12%.

10 О.Х. Бгажба, В.В. Бжания, М.М. Гунба, Л.Н. Соловьев, Г.К. Шамба, Л.А. Шервашидзе
Археологические исследования в Абхазии, «АО 1970 года», М., 1971, с. 370.

11 Ю.Н. Воронов. Раскопки в пос. Верхняя Лемса, «АО 1976 г.». М., 1977, с. 471.

374

Керамика, кремневые и каменные орудия находят себе ближайšie аналогии в материалах Воронцовской пещеры (12) и грота Джампал-1 (13), датированных серединой второй половины III тыс. до н. э., а также стоянки Бочаров Ручей (Сочи), относимой к тому же времени (14). Поэтому можно полагать, что рассматриваемое поселение функционировало в период существования на Северном Кавказе Майкопской культуры эпохи ранней бронзы.

Сел. Азанта. Памятники бронзовой эпохи, известные на территории села, включают две группы дольменов и дольменовидных гробниц, а также следы человеческой

жизнедеятельности в гроте Верхнем.

Первая группа дольменов расположена на северо-восточной окраине села у обрыва к озеру Амткел. Наиболее известен так называемый Большой азантский дольмен. Его обмеры: ширина передней плиты 2,37 м, высота 2,04 м, диаметр отверстия, направленного в сторону склона, 0,41x0,32 м, длина боковой плиты (в реконструкции) 3,6 м, высота спереди 2 м, сзади 1,5 м. Общая высота сооружения вместе с покровной и донной плитами — 3,4 м (рис. 4 - 1). Это самый высокий из дольменов, известных на Западном Кавказе. При раскопках оно погребение было обнаружено поверх упавшей внутрь задней плиты, стальные под ней. Инвентарь захоронений включал бронзовые височные завитки (рис. 4 - 7, 12, 13), разнотипные бусы (рис. 4 - 8-10, 14) и гвоздевидные подвески (рис. 4 - 11), большую булавку с плоским орнаментированным елочкой стержнем и двухзавитковой головкой (рис. 4 - 4), небольшую булавку с такой же головкой (рис. 4 - 6), шило (рис. 4 - 5), литую фигурку медведя и керамические сосуды (рис. 4 - 2, 3). Другой дольмен этой группы находится в 25 м севернее; он почти скрыт в земле. Длина боковых плит до 3 м, ширина передней плиты до 2 м, высота их более 1,5 м. Крышка кусками провалилась внутрь. Третий дольмен расположен в 150 м севернее под деревом посреди поля. Хорошо сохранились передняя и обе боковые плиты. В 150 м западнее дольмена на вертикальных выходах известняка, выступающих из почвы на 2 м, лежит горизонтально плита со слетами обработки. В этом же районе упоминается дольменообразная гробница размером 3x3 м, из которой по некоторым данным, происходят три бронзовые фигурки быков (рис. 4 - 29) и крупная угловатая бусина. Отсюда же происходит бронзовый топорик (рис. 4 - 28), наружные поверхности обуха которого оформлены тремя невысокими валиками. Вторая группа дольменов выявлена на западной окраине села (пос. Сул) в 2 км от первой. В центре группы находится большой дольмен правильно трапециевидной в плане формы и двумя отверстиями — в фасадной и задней плитах (рис. 4 - 15). Его размеры; ширина фасадной плиты 2,7 м, высота 1,64 м,

12 Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы - стоянки Воронцовской пещеры, ТАИ, XXIX, 1958, с. 138-154, табл. I-VI.

13 Ю.Н. Воронов, ук. соч., с. 38, табл. XLIX.

14 А.А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», СА, XII, с. 179, 199.

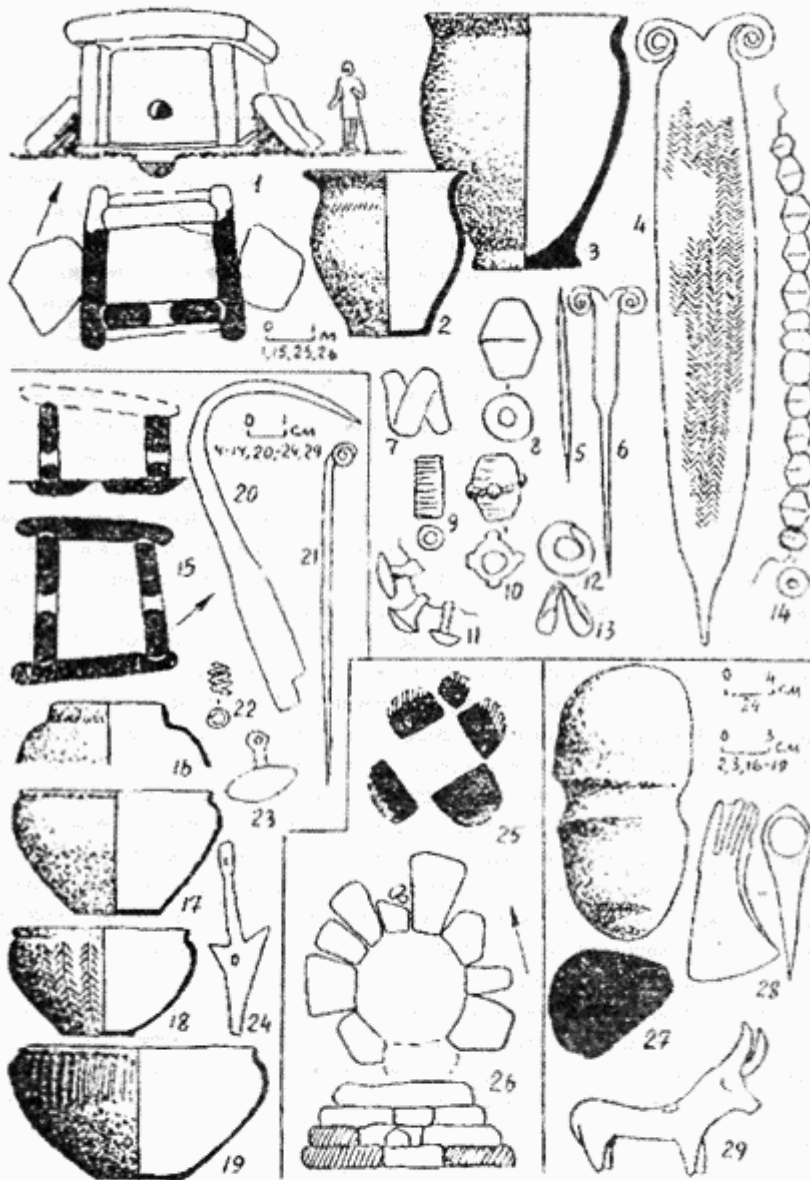

рис. 4

376

ширина задней плиты 2,44 м, высота — 1,44 м, длина боковой плиты до 3,5 м. В дольмене прослежены остатки более двух десятков захоронений, инвентарь которых содержал разнообразную керамику (рис. 4 - 16-19), бронзовые крюк (рис. 4 - 20), булавку (рис. 4 - 21), подвески с грибовидными головками (рис. 4 - 23), обломки спиралей (рис. 4 - 22), стреловидный предмет (рис. 4 - 24), а также кабаньи клыки с просверленными отверстиями для подвешивания и др. Рядом находятся две дольменовидные гробницы. Первая из них сложена из довольно беспорядочно положенных плашмя обломков

известняковых плит, которые образуют прямоугольное помещение размером 1,4x1,8 м (рис. 4 - 25). По рассказам местных жителей Б. А. Куфтин нашел здесь человеческие кости без инвентаря.

Во второй гробнице аналогичные плиты были положены очень плотно, без зазоров и в три яруса, образуя колодцеобразное помещение диаметром в 2,3 м, которое было, по-видимому, перекрыто большой плитой, обломки которой лежат рядом (рис. 4 - 26).

Большие плиточные дольмены Азанты относятся к одному строительному этапу, который на основании сделанных в этих гробницах находок не может быть датирован глубже среднебронзовой эпохи (2000—1500 гг. до и. э.) (15). Дольменообразные составные гробницы, подобные азантским распространяются на заключительном этапе дольменной культуры (1600—1400 гг. до н. э.) (16). Эти даты являются пока наиболее приемлемыми для рассмотренных памятников Азанты.

Грот Верхний. Эта небольшая пещера расположена на высоте около 100 м над уровнем озера и в 50 м ниже уровня плато с дольменами. Нижний этаж или вестибюль пещеры представляет собой светлое помещение размером 20x10 м, в потолке которого на высоте 6 м видно отверстие, через которое можно попасть во второй этаж, представляющий собой замкнутое помещение размером 14 x 10 м и высотой до 5 м (рис. 1 - 17). Шурф, заложенный в вестибюле показал накопления с маловыразительными обломками керамики бронзовой эпохи и костями животных. В верхнем этаже найдены обломки аналогичной посуды и обрывок кожи с процарапанными на нем изображениями оленя и человека (рис. 1 - 18).

15 В. И. Марковин. *Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения)*, СА, 1, 1973, с. 21.

16 Там же, с. 14.

377

Глава 3.

Памятники Цебельдинской культуры в бассейне р. Джимеле (урочище Лар)

История изучения. Поселение зафиксировано автором в обресе дороги 27 августа 1963 г. Крепость выявлена и обмерена в сентябре 1964 г. экспедицией Абхазского общества охраны памятников культуры, проходившей под руководством Ю. Н. Воронова. Первые следы могильника выявлены в 1966—1967 гг. после расширения дороги западнее Чертова моста через р. Джимеле, когда здесь было доследовано пять погребений. Результаты исследования 1963—1967 гг. были доложены на соответствующей конференции в Тбилиси в 1968 г. (1) и опубликованы в 1969 г. (2) В ходе разведок, проводившихся Ю. Н. Вороновым в августе—сентябре 1972 г., на поселении был заложен шурф, а на могильнике доследованы еще несколько погребений (3). Часть соответствующих материалов была опубликована в 1975 г. (4)

Поселение. Древний культурный слой прослеживается западнее Чертова моста между ущельем основного западного притока р. Джимеле и Мертвым каньоном на площади около 1,5 га (рис. 516). Мощност главным образом

-
- 1 Ю.Н. Воронов. Позднеантичный комплекс к западу от с. Азанта Абхазской АССР. Программа работ XVII Научной сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1967 г. в Грузии, Тб., 1968, с. 4. В этих работах приняли участие краеведы В.А. Юшин, А.С. Вознюк, В.В. Орелкин, А.Н. Берников, П.А. Белов и др.
- 2 Ю.Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, с. 61, 62, табл. X, 4; XXVI, 23, XXVI, 5, 6; XXVIII, 38, 39; XL, 1-5, 11, XLII, 16.
- 3 Открытый лист № 34 за № 7 - 397/1142, выданный АН Грузинской ССР на имя автора 11 августа 1972 г. В работах экспедиции приняли участие Ю.Н. Воронов, В.А. Юшин, А.А. Судаков, а также кандидат исторических наук А.М. Хазанов. Материалы исследований хранятся в фондах Абхазского государственного музея.
- 4 Ю.Н. Воронов. Тайна цебельдинской долины. М., 1975, с. 22, 36, 44, рис. 5, 1; 11, 10, 11, 12, 1-4; 17, 1-3; 21, 2; 22, 1-16; 29, 11, 12; 35, 4; 47, 1.

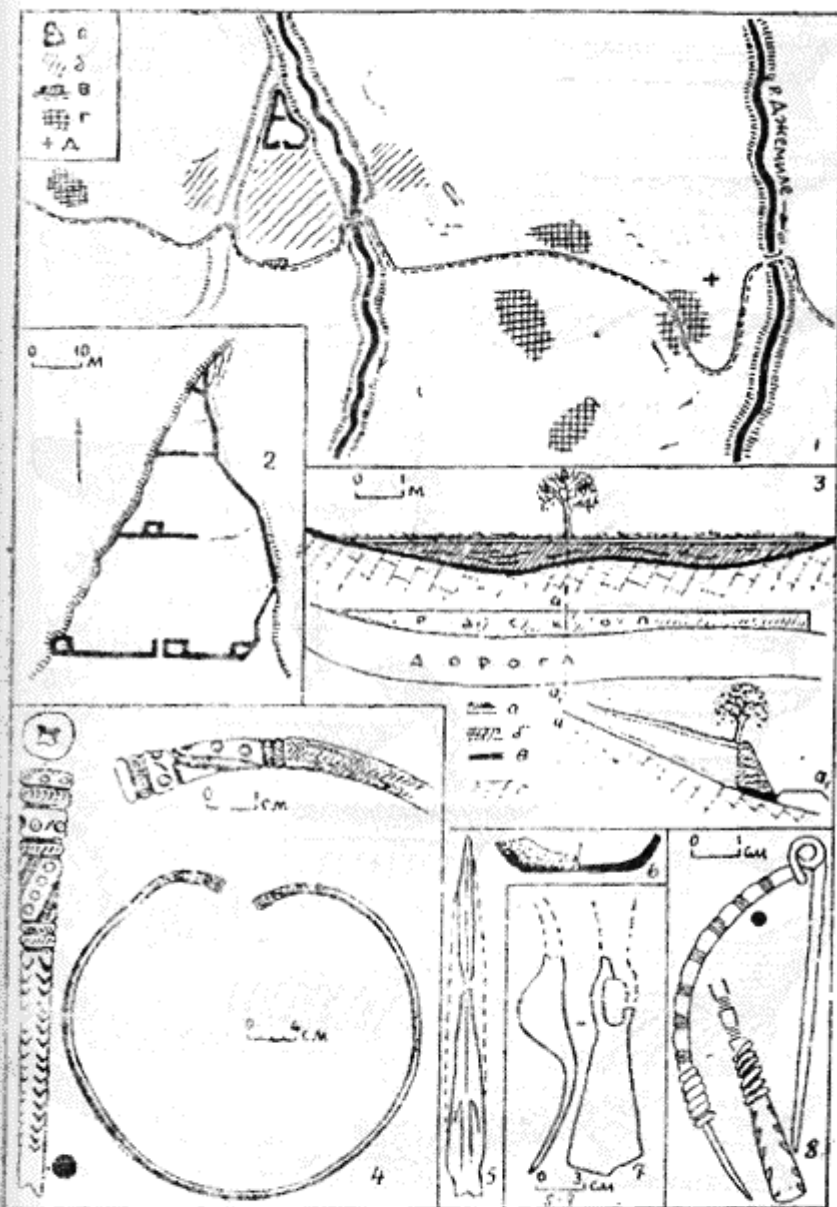

рис. 5

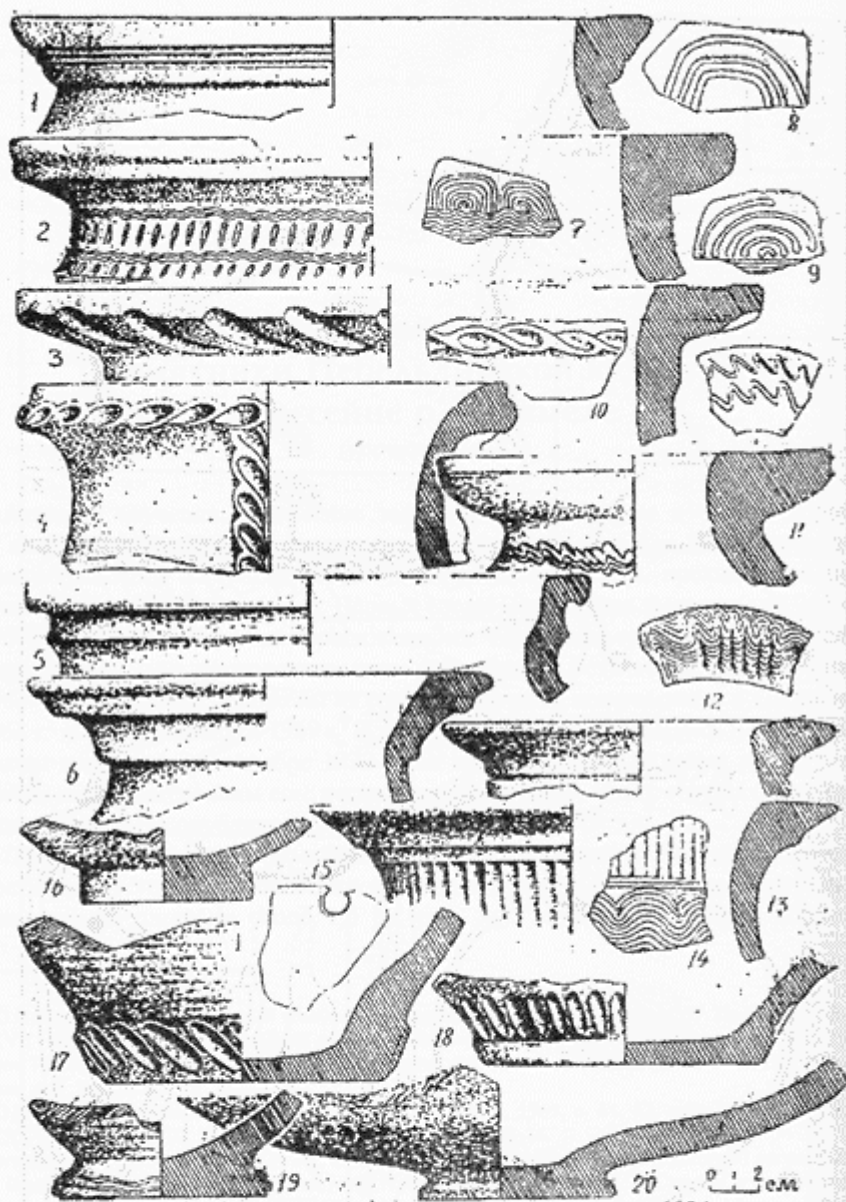

рис. 6

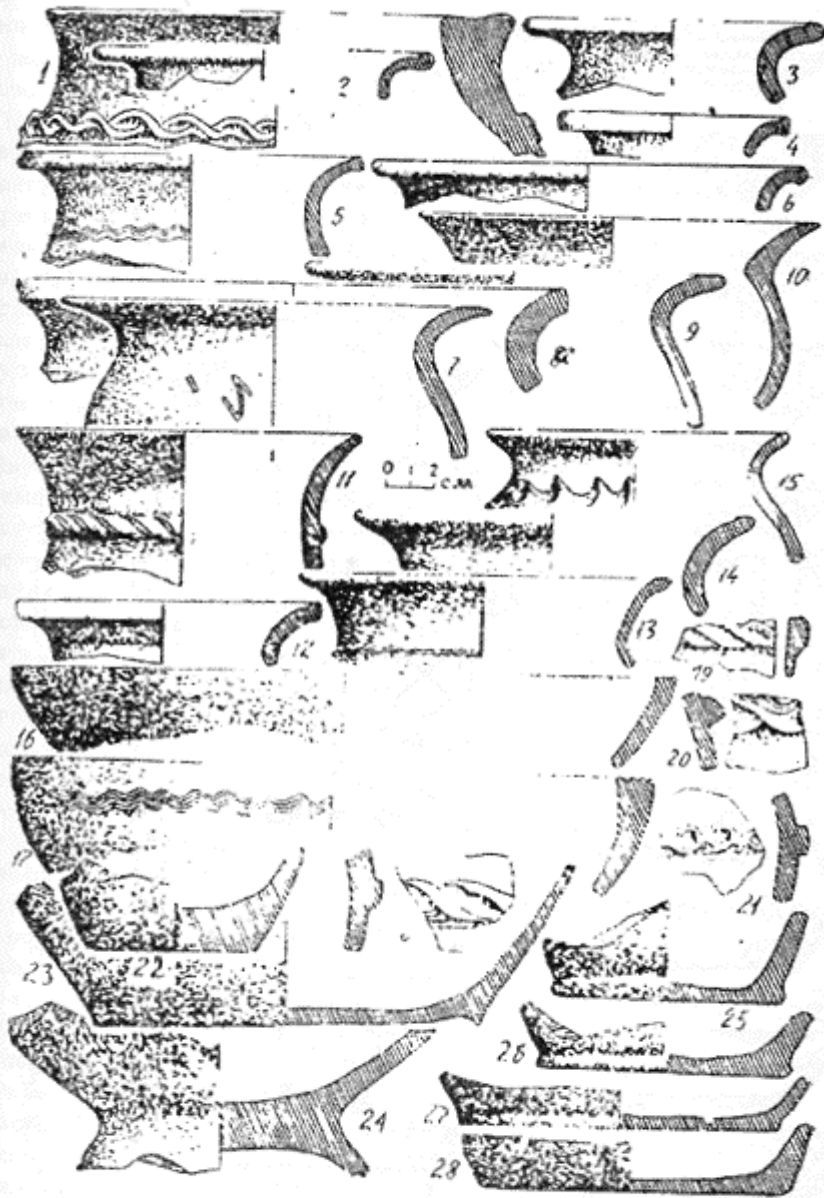

рис. 7

рис. 8

переотложенного культурного слоя незначительна, в отдельных случаях она достигает 3,5-2 м. На территории поселения видны теперь лишь остатки поперечных валов и террас, на которых находились жилища. Подъемный материал включает керамику, фибулы, бусы, железное оружие и другие изделия.

Керамические фрагменты из сборов на поселении характеризуют следующие типы гончарной и лепной (главным образом кухонной) посуды местного производства: 1)

пифосы с массивными разнопрофильными венчиками (рис. 64 - 4-6, 13), украшенные рельефным шнуровым (рис. 6 - 4, 8, 10) либо волнистым (рис. 6 - 8, 14) орнаментом вдоль венчика и горловины; донья массивные, выступающие (рис. 6 - 16); на отдельных фрагментах (рис. 6 - 15) следы ремонта; 2) двуручные сосуды с чашеобразным обычно гофрированным венчиком (рис. 8 - 1, 2), волнистым (рис. 8 - 6) и штампованным (рис. 8 - 6, 7) орнаментом вдоль горловины, полукруглыми, декоративно оформленными по краям ручками (рис. 8 - 8) и плоским дном; 3) одноручные красноглиняные кувшины и кувшинчики с чашеобразным венчиком (рис. 8 - 9-11), богато орнаментированными ручками (рис. 8 - 9, 16, 19, 23, 28) с двуспиральными налестками (рис. 8 - 17, 30), нарезным волнистым (рис. 8 - 4, 33) и штампованным (рис. 8 - 18) орнаментом вдоль тулова и плоскими (рис. 8 - 33) либо выступающими рельефно орнаментированными (рис. 8-т 37) доньями; 4) одноручные кувшины вытянутой формы из светлой, тонкоотмученной глины с легким лощением поверхности; венчик двухваликовый (рис. 8 - 12), ручки уплощенно-овального сечения (рис. 8 - 21, 24), орнамент редок — лишь изредка у основания ручки прочерченные фигуры (рис. 8 - 24), днища плоские; 5) кухонная посуда представлена главным образом корчагами и горшками с разнопрофильными венчиками (рис. 7 - 2, 4-10, 13-15), волнистым орнаментом вдоль горловины (рис. 7 - 5, 15), отдельными графемами (рис. 7 - 7) и плоскими доньями; 6) миски с закраинами простейших контуров (рис. 7 - 16); 7) котловидные сосуды — фрагменты боковин с рельефным шнуровым (рис. 3 - 18-20) и пальцевым (рис. 8 - 21) орнаментом; 8) фрагменты типологически трудно определимых сосудов (рис. 7 - 25, 8 - 33). К привозным керамическим изделиям относятся фрагменты закраин (рис. 8 - 34) и доньев (рис. 8 - 35) краснолаковых блюд.

Кроме того, на поселении найдены две бронзовые фибулы (рис. 15 - 23, 25), относящиеся к V в., бусина из зеленоватого прозрачного стекла (рис. 15 - 24), железные топоры (по сообщению местных жителей), керамические железные и медные шлаки, кости домашних (корова, овца, свинья) и диких (кабан, медведь, птицы) животных и т. д. Охранный шурф длиной до 20 м и шириной до 1,5 м, заложенный в 1972 г. вдоль шоссе, где культурный слой разрушается наиболее интенсивно, дал более тысячи фрагментов разнообразной керамики, отдельные каменные и металлические изделия, керамические и металлические шлаки, кости домашних животных. Культурный слой носит во всяком случае в верхней своей части переотложенный характер (рис. 5 - 3).

383

Керамика из раскопа подразделяется на ряд групп, включающих пифосы, двуручные кувшины, одноручные кувшинчики, различные миски и тарелки, кухонные горшки, котловидные сосуды и др.

Пифосы характеризуются венчиками, боковинами и доньями (рис. 9 - 1-12). Число фрагментов пифосов составляет около 12% от общего числа керамических обломков. Венчики в сечении округлые (рис. 9 - 3), утолщенные откинутые (рис. 9 - 4), массивные с утолщением сверху (рис. 9 - 5-8). Последние часто орнаментированы вдавлениями (рис. 9 - 5, 6) или многорядной волной по наружной плоскости венчика, аналогичной волной по верхней плоскости венчика (рис. 9 - 8), волной (рис. 9 - 16), рядом вертикальных борозд (рис. 9 - 7, 8) и различными знаками (рис. 9 - 1, 2) вдоль горловины и верхней

части тулова. Днища пифосов плоские, широкие, обычно выступающие (рис. 9 - 9, 11-12). Обжиг сосудов обычно красный; глина грубая с песчаной примесью, поверхность снаружи рифленая, изнутри заглаженная.

Двуручные кувшины характеризуются венчиками, боковинами и доньями (рис. 9 - 13-18). ЭТИ фрагменты составляют около 10% от общего числа обломков. Венчики гладкие (рис. 9 - 16), редко с гофрировкой, ручки полукруглые в сечении, обычно орнаментированы (рис. 9 - 13-15), пригорловая часть и тулово украшались многорядной волной (рис. 9 - 17), кружочками (рис. 9 - 18) и др. Днища плоские.

Одноручные кувшины представлены венчиками, ручками, доньшками и обломками боковин (рис. 9 - 19-34); составляют до 15% от общего числа фрагментов и делятся на два типа: а) красноглиняные с гофрированным или гладким чашечкообразным венчиком (рис. 9 - 21-22), с жгутовидно оформленными и орнаментированными ручками (рис. 9 - 19, 20, 23, 25, 27), орнаментированными стенками (рис. 9 - 24), разнопрофильными доньями (рис. 9 - 29-33,) и б) светлоглиняные лощеные кувшинчики с овальными в сечении ручками (рис. 9 - 28) и плоским дном (рис. 9 - 34). Судя по аналогиям в местных погребениях, первый тип этой посуды относится ко второй половине IV—VI вв., второй — к VI—VII вв.

Миски и чаши местного изготовления отличаются разнопрофильными закраинами (рис. 10 - 2-5), по верхней или боковой (рис. 10 - 4, 5) плоскости которых нанесен волнистый орнамент; составляют до 5% от общего числа фрагментов.

Краснолаковые тарелки и другие изделия из тонкоотмученной глины в сборах 1973 г. отмечены невыразительными фрагментами, которые составляют около 2% от общего числа находок.

Кухонная посуда включает обломки разнообразных изделий серого и черного обжига, редко изготовленных на гончарном круге и обычно лепных от руки. Они составляют около 50% от общего числа керамических фрагментов. Здесь выделяются сосуды баночной формы (рис. 10 - 10, 13-15), горшки с откинутым венчиком овальных очертаний (рис. 10 - 6, 7, 16—26, 31), иногда с легким загибом внутрь (рис. 10 - 27, 30), со срезанным у края венчиком (рис. 11 - 1-4, 6), с утолщенным венчиком (рис. 11 - 7-9), с загнутым внутрь или откинутым венчиком без кругового выступа снизу (рис. 11 - 5, 11-17, 18) и с таковым рис. (11 - 15-16, 20-24). В последнем слу-

рис. 4

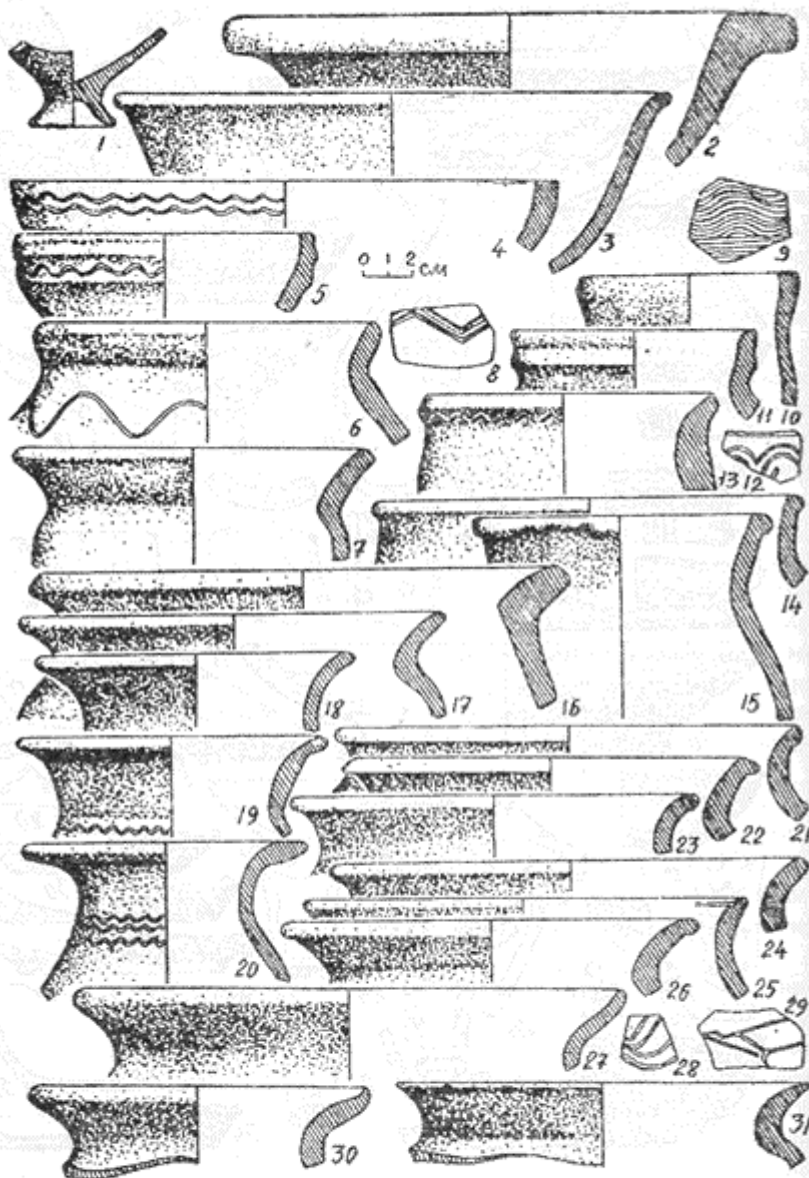

рис. 10

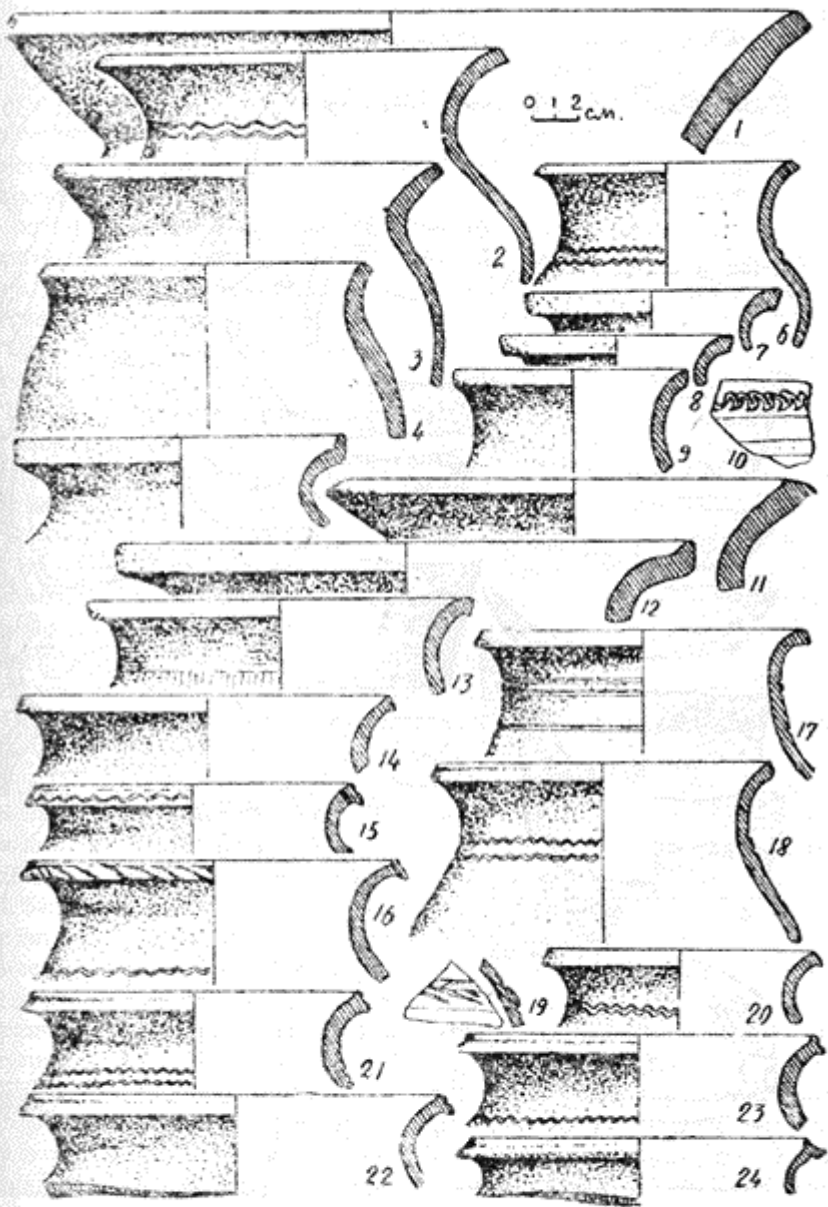

рис. 11

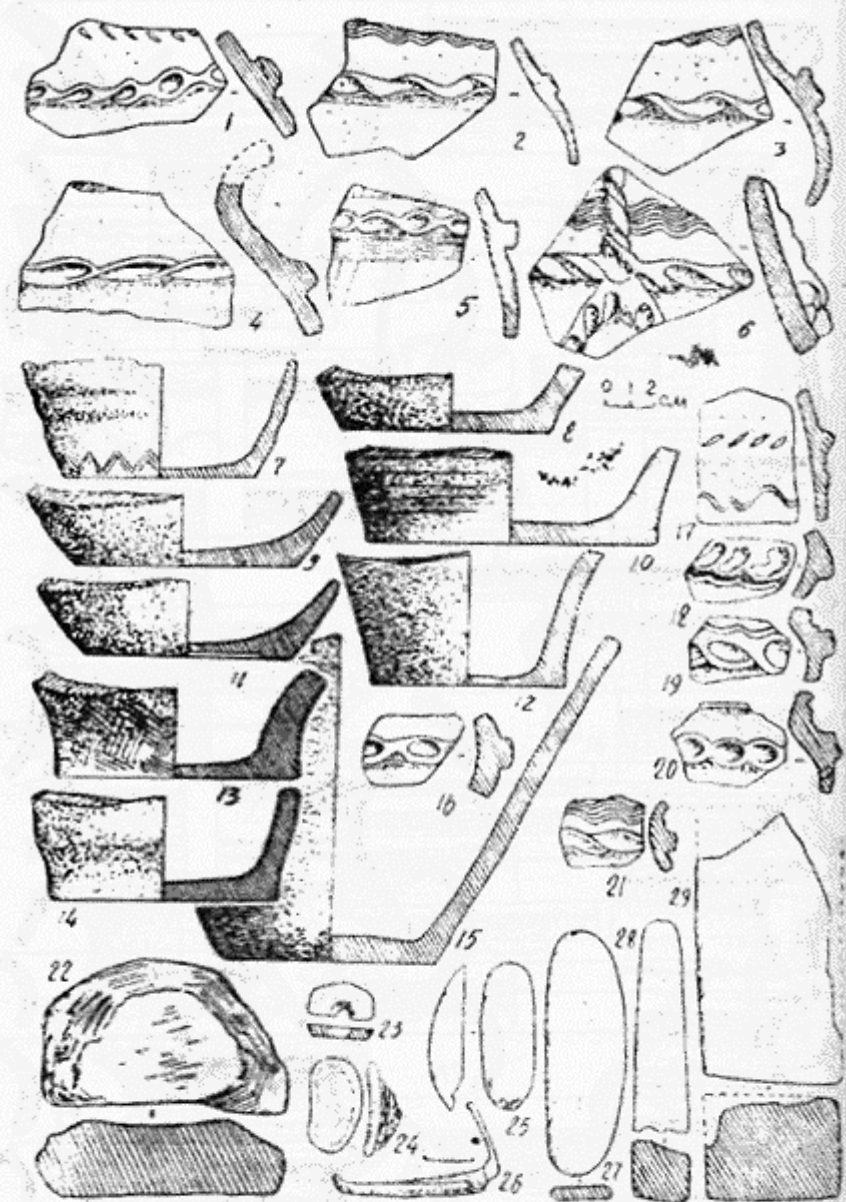

рис. 12

чае профили горшков носят поздний характер — гл. образом VII в. Горшки украшались обычно волнистым орнаментом различного характера (рис. 10 - 8, 12, 28, 29, 11 - 12) либо насечками по слабому ранту (рис. 11 - 9).

В последней группе изделий по характеру обжига стоят фрагменты, условно соотносимые с крупными горшками и котловидными сосудами, украшавшиеся жгутовыми рантами с последующей их обработкой насечками и вдавлениями (рис. 12 -

1-6).

Значительное число фрагментов, главным образом, доньев и закраин характеризуют лепную посуду, формы которой пока не поддаются реконструкции (рис. 10 - 1, 5, 7-21). Обращает на себя внимание обломок керамической заготовки из стенки сосуда для пряслица (рис. 12 - 23).

Каменные изделия с поселения включают обломки зернотерок, ступок, терочников (рис. 12 - 22), точильные бруски (рис. 12 - 25-27, 28, 29) и другие изделия.

Большое количество железного шлака — на площади в 20 м² встретилось до 40 желваков и сгустков железного шлака. Следы какого-то металлического изделия прочно сцементированы с галечкой (рис. 12 - 24). Здесь же найден обломок железной фибулы (рис. 1226) IV—V вв.

В раскопе было выявлено более 200 обломков костей животных, из которых 60 поддались определению. Н. И. Бурчак-Абрамович выделил среди них обломки костей крупного (40%) и мелкого (40%) рогатого скота, а также кости свиньи (20%). Крупный рогатый скот представлен костями мелкопородных быка и коровы различного возраста. Среди костей мелкого рогатого скота выделены козел и баран. Среди свиней много молодняка.

Основной комплекс находок с поселения в урочище Лар вмещается в рамки IV—VII вв. н. э.

Крепость. Подобно другим апсильским населенным пунктам исторической Цебельды, поселение в урочище Лар имело свое укрепление (цитадель), расположенное выше поселения на мысу, образованном ущельем западного притока р. Джимеле и Мертвым каньоном (глубина последнего в районе верхней дозорной башни крепости превышает 50 м). Остатки крепостных стен хорошо прореживаются с юга и юго-востока (рис. 5 - 2). Стены сложены насухо из крупных камней; ширина стен до 3-4 м, сохранность местами до 1,5 м в высоту. К южной стене изнутри примыкают фундаменты трех округло-прямоугольных башнеобразных сооружений, два из которых, по-видимому, служили для защиты ворот. Внутри крепостных стен прослеживаются фундаменты ряда сооружений. С вершины утеса, где, по-видимому, находилась дозорная башня, хорошо просматривается местность и имеется зрительная связь с двумя другими крепостями апсильов, находящимися на вершинах гор Бат и Ахыста. От вершины утеса на север очень круто спускается к ручью узкая тропинка. Культурный слой на территории крепости частично смыт — его мощность обычно не превышает 0,5 м. Подъемный материал из крепости включает многочисленные керамические

389

обломки, которые характеризуют следующие типы, главным образом, гончарной посуды местного производства: 1) Пифосы с массивными венчиками (рис. 6 - 1-3, 11, 12), по верхней плоскости которых часто наносился волнистый орнамент (рис. 6 - 3, 11, 12), а боковые плоскости с бороздами (рис. 6 - 1, 11) и выемками (рис. 6 - 3); вдоль горловины наносился волнистый орнамент, иногда поверх вертикально нанесенных борозд (рис. 6 - 1, 11); в ряде случаев отмечены парные (рис. 6 - 7) либо одинарные (рис. 6 - 9) концентрические полукруги в верхней части тулова при переходе к горловине. Днища пифосов либо плоские (рис. 6 - 18), либо массивные, резко выступающие (рис. 6 - 17, 19, 20), орнаментированные пальцевыми выемками (рис. 6 - 17, 18), либо слабой врезной

волной (рис. 6 - 19); 2) Корчаги с массивными венчиками и рельефным жгутовым орнаментом (рис. 7 - 1); 3) Кухонная посуда, представленная разнопрофильными венчиками гончарных и лепных горшков (рис. 7 - 3, 11, 12), иногда украшенными рельефными налепными валиками с зубчатой насечкой (рис. 7 - 11); 4) Миски простейших контуров (рис. 7 - 17), орнаментированные многорядной волною, снаружи ниже края и по его верхней плоскости; 5) Вазочковидные сосуды с высоким полым поддоном (рис. 7 - 24); 6) Двуручные сосуды с чашеобразными, часто слабо гофрированными венчиками (рис. 8 - 3); 7) Одноручные кувшины и кувшинчики с чашечкообразными венчиками (рис. 8 - 17), с орнаментированными ручками (рис. 8 - 14, 15, 17, 20, 25, 26, 31, 32); зооморфными налепами (рис. 8 - 13) и волнистым (рис. 8 - 27) либо штампованным (рис. 8 - 5) орнаментом на тулове; 8) Одноручные вытянутой формы кувшинчики из тонкоотмученной светлой глины с залощенной поверхностью с ручками уплощенно — овальной в сечении формы (рис. 8 - 22); 9) Довольно значительное число доньев от неопределенных сосудов из простой (рис. 7 - 22, 23, 27) и тонкоотмученной (рис. 7 - 28; 8 - 36) глины. Среди прочих керамических фрагментов выделяются обломки краснолаковых сосудов и архаичных по своему облику, главным образом, лепных изделий, свидетельствующих о возможном существовании в этом пункте поселений, во всяком случае начиная с эпохи поздней бронзы (рис. 8 - 29 — «рогатая» ручка).

Помимо описанных находок, на территории крепости обращают на себя внимание скопление ошлакованных керамических фрагментов, возможно, свидетельствующих о существовании здесь в свое время гончарной печи, железные и медные шлаки, кости домашних и диких животных, обломки каменных зернотерок, пестов, терочников, оселков и т. д.

Могильник. Как было отмечено выше, следы могильника проявляются главным образом вдоль дороги к западу от моста через р. Джимеле (рис. 14 - 1) западнее, южнее и юго-восточнее крепости и поселения

Погребение № 1. Труположение воина головой на север (рис. 13 - 1). В головах одноручный кувшин с чашечкообразным венчиком из светло-коричневой хорошо отмученной глины (рис. 13 - 2) и фрагменты второго кувшина (рис. 13 - 3). На правом плече три железных наконечника копий (рис. 15 - 5-7) и железный топорик с молоточковидным обухом (рис. 13 - 8). У левого плеча бронзовая фибу-

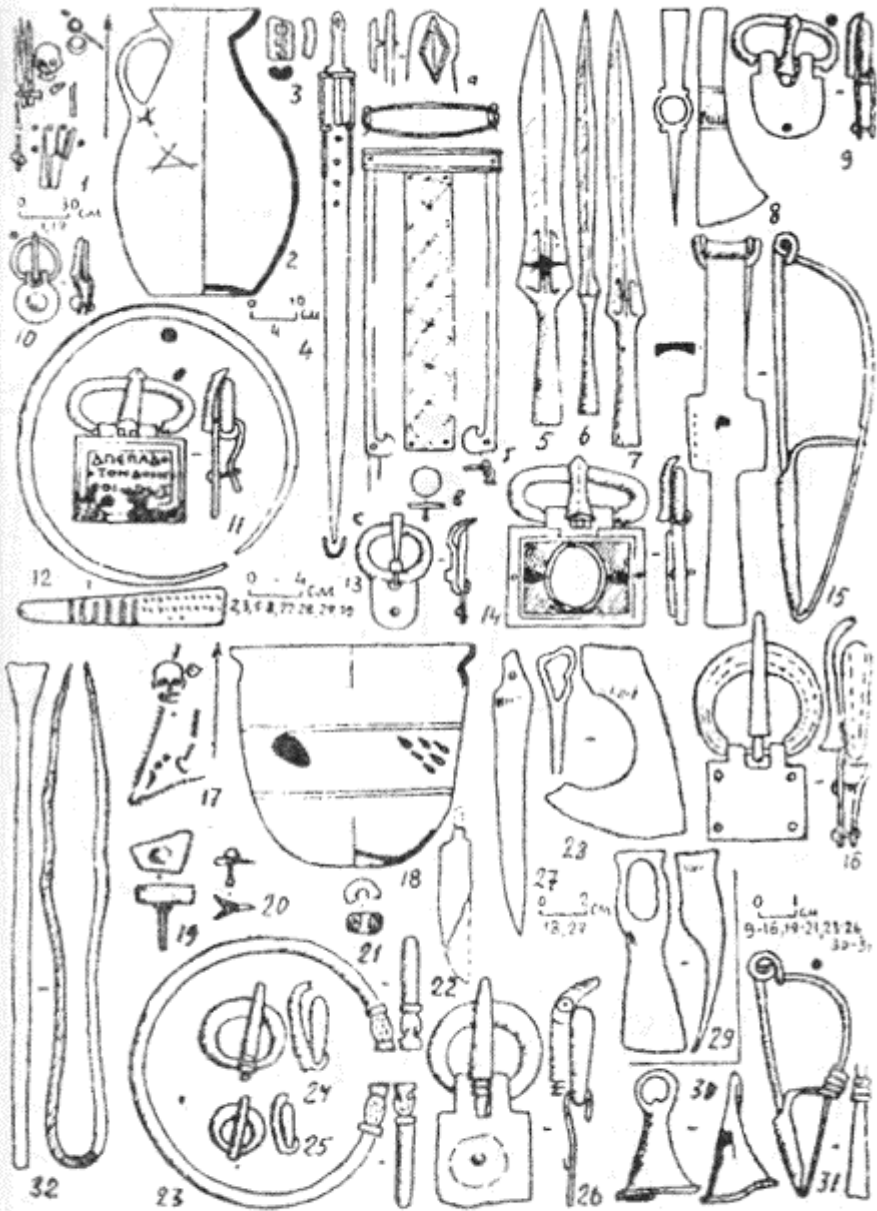

рис. 13

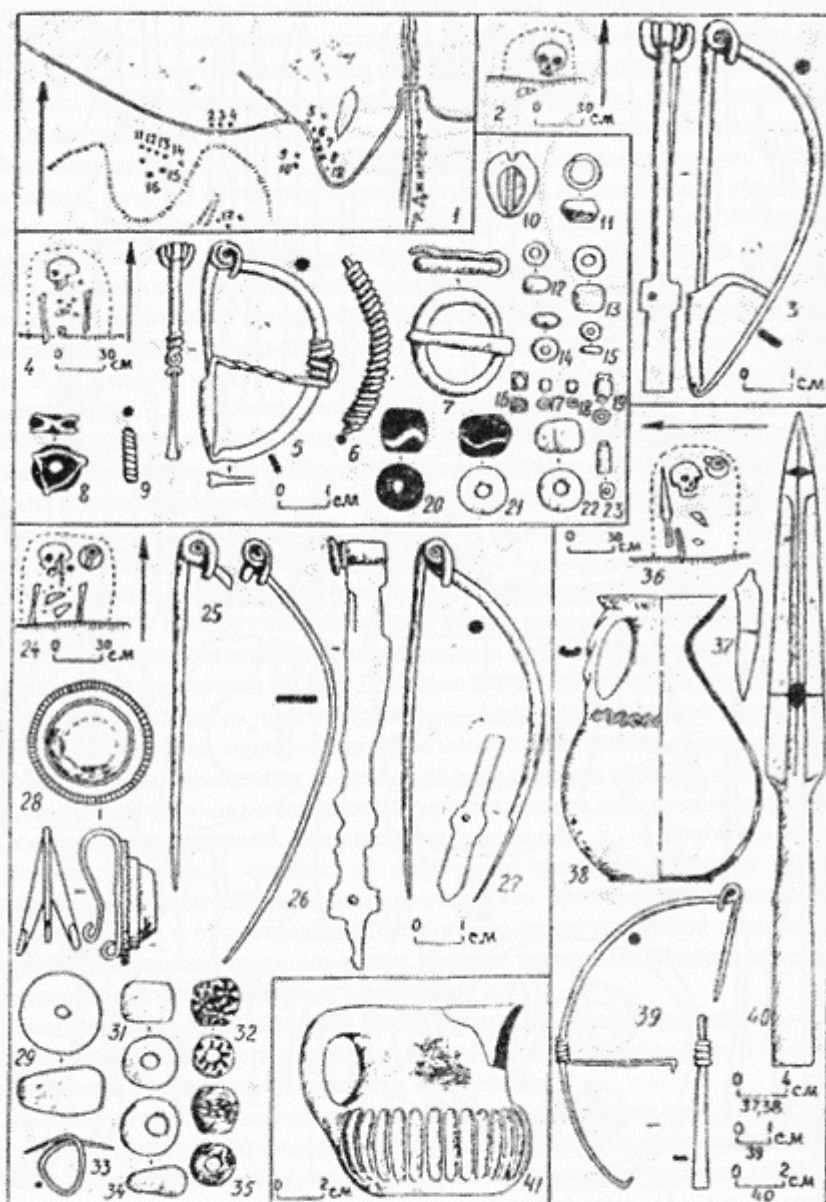

рис. 14

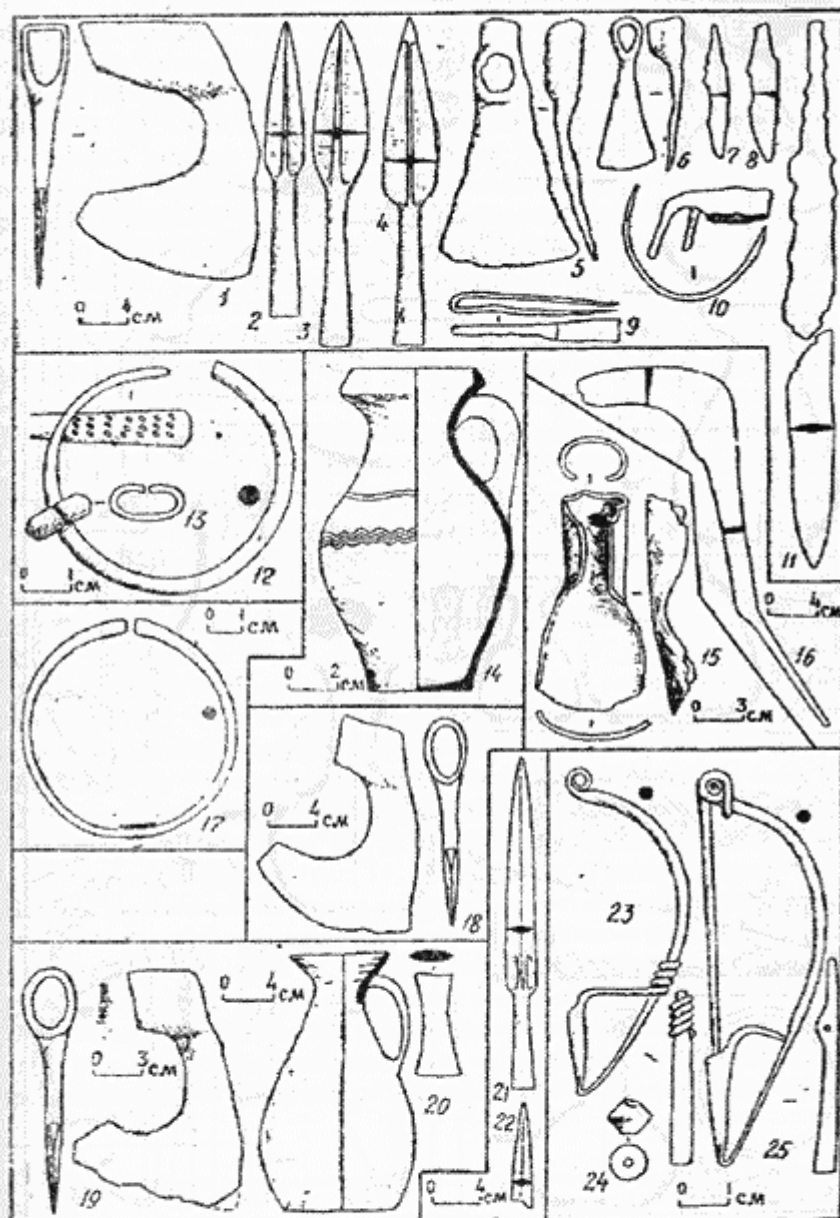

рис. 15

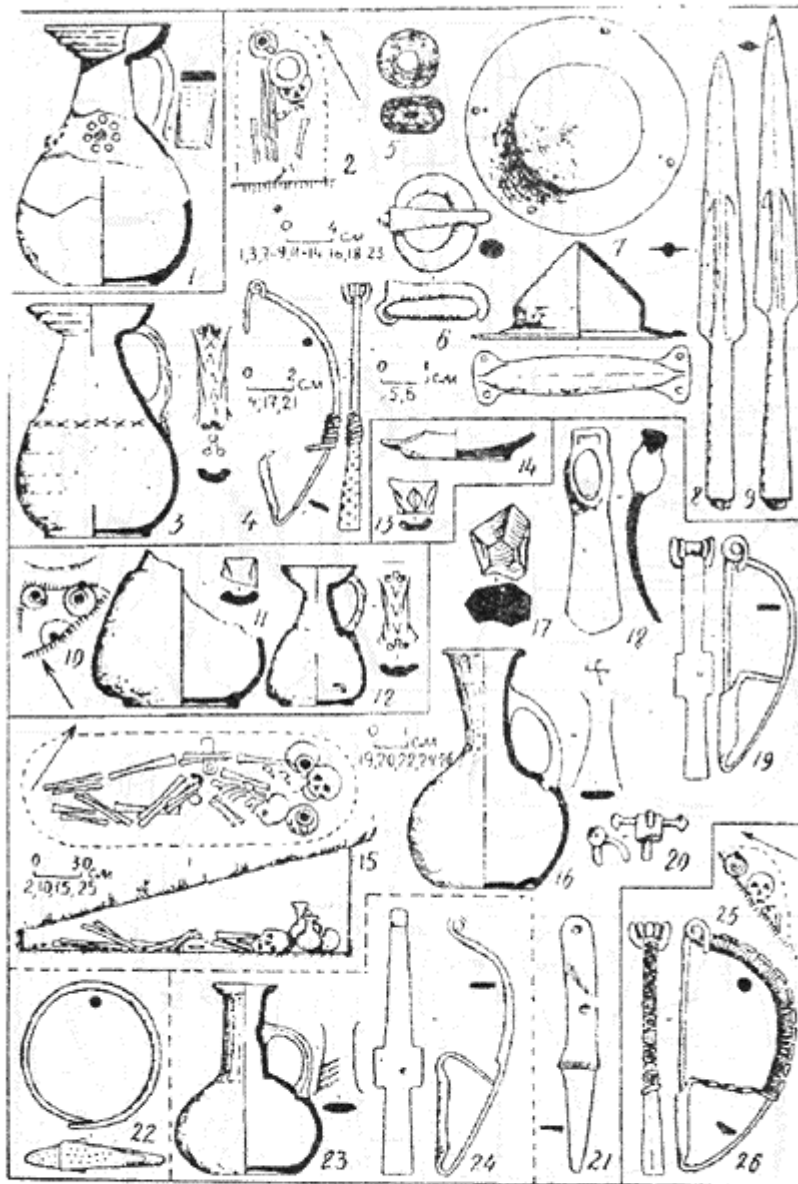

рис. 16

ла (рис. 13 - 15), на правой руке — бронзовый браслет (рис. 13 - 12), у пояса шесть разнотипных пряжек — три бронзовых (рис. 13 - 9, 11, 14) с позолотой и инкрустацией желтым, синим и бесцветным стеклом и три серебряных (рис. 13 - 10, 13, 16). На одной из пряжек (рис. 13 - 11) дефектная греческая надпись: АПЕПЛА ΤΟΝΑΟΗΣ... Ο...Ο...Υ, содержание которой, по-видимому, связано с назначением пряжки апеплос — «неодетый», товος «натянутый ремень») и т. д. В ногах лежал сломанный пополам железный меч (рис. 13 - 4) с остатками деревянных ножек с серебряными украшениями (рис. 13 - 4аб), фрагменты железного ножа. Основные характеристики инвентаря

погребения (пряжки, фибула, браслет, наконечники копий и др.) относят его ко 2-й полов. VI — 1-й полов. VII в н. э. (5).

Погребение № 2. Остатки труположения головой на север (рис. 14 - 2). На груди бронзовая фибула (рис. 14 - 3), по своему типу относящаяся к V — перв. полов. VI в. н. э.(6).

Погребение № 3. Остатки женского труположения головой на север (рис. 14 - 4). На груди бронзовая фибула (рис. 14 - 5), остатки фибулы с бронзовой обмоткой (рис. 14 - 6, 9) и 23 бусины: одна из бесцветного стекла (рис. 14 - 22), одна из стекла сине-голубого цвета с белым пояском (рис. 14 - 21), одна из синего стекла с белым пояском (рис 14 - 20), одна из стеклянной пасты темно-синего цвета с белыми рельефными поясками (рис. 14 - 8), одна стеклянная с золотистой прокладкой (рис. 14 - 12), одна сердоликовая (рис. 14 - 13), семь из стеклянной пасты синего цвета (рис. 14 - 17, 18), десять из стекла медового цвета (рис. 14 - 14-16, 19, 20), одна раковина каури (рис. 14-10), одна бронзовая пронизь (рис. 14 - 11). В районе пояса бронзовая пряжка (рис. 14 - 7). Судя по основным находкам (пряжка, фибулы) погребение должно быть датировано второй половиной IV— началом V в. н. э.(7).

Погребение № 4. Остатки женского труположения головой на север (рис. 14- 24). В головах фрагменты кувшина, у висков две серебряные подвески с сердоликовыми вставками (рис. 14 - 28, 29), на груди три бронзовых фибулы (рис. 14 - 25-27), бронзовый завиток (рис. 14 - 33) и 5 бусин — 2 янтарных (рис. 14 - 30-31), 1 пастовая зеленого цвета с красно-желто-синими вставками (рис. 14 - 32), 1 пастовая красного цвета с желто-коричнево-зелеными вставками (рис. 14 - 32), 1 стеклянная медового цвета — (рис. 14 - 34). Судя по пластинчатой крестовидной фибуле, погребение относится ко времени не ранее второй половины VI в.(8).

Погребение № 5. Полностью разрушено при расширении дороги. Следов костяка не выявлено. Комплекс относится скорее всего к погребению кузнеца и представляет собой набор поврежденных (за исключением гривны) изделий,

5 А.К. Амброз. *Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы*, СА, 2, 1971, с. 110, табл. 1, 25.

6 Там же, табл. 1, 25.

7 А.К. Амброз. *Ук. соч.*, с. 107.

8 Там же, табл. 1, 34.

395

предназначенных для переработки. Находка включает железные топор (рис. 15 - 1), четыре наконечника копий (рис. 15 - 2-4), две мотыги (рис. 15 - 5-6), два ножа (рис. 15 - 7-8), меч (рис. 15 - 11), щипцы (рис. 15 - 9), скобель (рис. 15 - 10). Отсюда же происходит серебряная массивная гривна (рис. 5 - 4), подобранная в двух метрах от пункта находки на траве. Весь комплекс, судя по форме наконечников копий, должен датироваться IV в н. э.(9).

Погребение № 6. Остатки труположения головой на восток. В обресе дороги прослежены остатки черепа и обломок синей стеклянной бусины.

Погребение № 7. Остатки мужского труположения головой на северо-восток (рис. 14 -

36). В головах кувшин (рис. 14 - 38), на правом плече железный наконечник копья (рис. 34 - 40), на груди бронзовая фибула (рис. 14 - 39), у пояса железный нож (рис. 14 - 37). Судя по фибуле, погребение может быть отнесено к IV в. н. э.(10).

Погребением № 8. Остатки труположения на восток. В головах фрагменты кувшина, здесь же бронзовый браслет (рис. 15 - 12) с бронзовой обоймочкой (рис. 15 - 13). Судя по форме браслета, погребение относится ко второй половине VI—VII вв.(11).

Погребение № 9. Остатки труположения засвидетельствованы находкой на поверхности обломков бронзовой фибулы, бронзовым браслетом (рис. 15 - 17) и человеческим зубом.

Погребение № 10. Остатки труположения, от которого сохранились целый (рис. 15 - 21) и фрагментированные (рис. 15 - 22) железные наконечники копий.

Погребение № 11. Труположение пожилой женщины на спине головой на СВ (рис. 16 - 15). У правого плеча кувшин (рис. 16 - 16), под локтем правой руки железная мотыга (рис. 16 - 18), на груди бронзовая (рис. 16 - 19) и обломок железной (рис. 16 - 20) фибул, там же обломок кремня (рис. 16 - 17). На поясе лежал железный нож (рис. 16 - 21), нижняя челюсть ребенка и миниатюрный бронзовый браслет (рис. 16 - 22). Поверх этого скелета лежал скелет девочки-подростка в скорченном положении на боку лицом на юг; на плече бронзовая фибула: (рис. 16 - 24), в головах кувшин (рис. 16 - 33). Дата погребения — втор. полов. VI — перв. полов. VII вв.

Погребение № 12. Труположение мужское головой на ССВ (рис. 12 - 2). Череп прикрыт железным умбоном (рис. 16 - 7). У черепа кувшинчик (рис. 16 - 3), на груди бронзовая фибула (рис. 16 - 4) и пастовая бусина (рис. 16 - 5). На правом плече два наконечника копий (рис. 16 - 8, 9), у пояса бронзовая пряжка (рис. 16 - 6). Дата — IV — перв. полов. V в.

Погребение № 13. Труположение головой на ССВ (рис. 16 - 10), доследованы остатки черепа и двух кувшинов (рис. 16 - 11, 12).

Погребение № 14. Невыразительные обломки кувшинчика, остальное смыто.

Погребение № 15. Остатки берцовых костей скелета, остальное смыто.

9 Там же, табл. 1, 8.

10 Там же, табл. 1, 10.

11 Ю.Н. Воронов, В.А. Юшин. *Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии, КСИА, 128, 1971, рис. 41, 7.*

Погребение № 16. Труположение головой на восток. В головах невыразительные фрагменты от кувшинчика и бронзовая фибула (рис. 12 - 26).

Погребение № 17. Труположение головой на север (рис. 13 - 17). В головах стеклянный стакан с синими напаями (рис. 13 - 18). На груди обломок пастовой бусины (рис. 13 - 24), на левой руке бронзовый браслет (рис. 13 - 23), на поясе три бронзовых пряжки (рис. 13 - 24-26), железный нож (рис. 13 - 22) и два неопределенных гвоздевидных предмета из железа (рис. 13 - 19) и бронзы (рис. 13 - 20). Дата погребения судя по форме пряжек и стеклянного сосуда, должна определяться серединой — второй половиной V в.

Погребение № 18. Остатки труположения головой на СВ, зафиксированы обломки кувшина (рис. 5 - 6) и железного наконечника копья (рис. 5 - 5).

С территории Ларского могильника известен ряд других случайных находок, связанных с разрушенными погребениями. Это керамические сосуды (рис. 14 - 14, 15 - 14, 20, 16 - 1, 13-14), четыре железных топора (рис. 13 - 28, 15 - 18, 19), железные мотыги — обычные (рис. 5 - 7; 13 - 29) и тесловидная (рис. 15 - 15), железные серп (рис. 15 - 16) и нож (рис. 13 - 27), железные щипцы (рис. 13 - 32), а также бронзовые колокольчик (рис. 13 - 30) и фибулы (рис. 5 - 8, 13 - 31).

Таким образом, наблюдения в бассейне р. Джимеле в течение нескольких лет позволили выявить яркий материал, значительно расширяющий наши представления о памятниках Апсолии III—VII вв.

397

Глава 4.

Позднеантичные памятники села Азанта (комплекс Бат)

История изучения. Весь комплекс соответствующих памятников на территории Азанты был выявлен автором 13 июля 1963 г. Предварительные результаты их обследования были опубликованы в 1969 г.,(1) а основные итоги 10-летних наблюдений были подведены в публикациях 1974(2) и 1975 гг.(3).

Поселение. Соответствующие остатки обнаружены на заросшей густым лесом вершине горы Бат (661 м), ограничивающей село с юга. Здесь в древности было возведено из земли и камня более десятка искусственных террас, развалы которых теперь ступенчато спускаются вниз по южному склону вблизи обрыва к Холодной речке. Каждая терраса имела в длину до 50-100 м, а в ширину 8-10 м. Подпорные стенки, сложенные из ломанного камня насухо, и теперь кое-где достигают высоты 0, 5-1 м. Основное поселение занимало площадь 2-2,5 га, протянувшись в длину на 300 м, в ширину на 50-100 м. На его западной окраине на небольшом естественном возвышении находится небольшое (2 x 2 м при высоте стен до 1-1,5 м и толщине их до 1,5 м) строение, сложенное из камня насухо. Еще западнее в лесу вблизи следов древней дороги, ведущей к поселению, находится небольшое болотце, свидетельствующее о возможном присутствии здесь в древности родника. Поверхность террас покрыта обломками керамических и каменных изделий. Особенно многочисленны фрагменты пифосов (рис. 19 - 1-3, 12, 13, 25, 28, 29), больших широкогорлых сосудов (рис. 19 - 7), котлов (рис. 19 - 10), мисок (рис. 19 - 21), горшков (рис. 16, 31). кувшинов (рис. 19 - 27) и др. Сюда же примыкают куски глиняной обмазки с отпечатками деревянной основы (рис. 19 - 15), каменные терочники (рис. 19 - 18), ступки (рис. 19 - 1). Следы производственной деятельности представлены керамиче-

1 Ю.Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, с. 62. Табл. X, 5; XXV, 33, 34; XXVII. 4.

2 Ю.Н. Воронов. Позднеантичные памятники села Азанта, ТАГМ, IV, 1974, с. 204-210, рис. 1-6.

3 Ю.Н. Воронов. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 21-22, 36, 44, рис. 5, 2, 11, 13, 19, 5-9, 42, 5, 14, 15, 45, 2.

скими и металлическими шлаками. Osteологический материал представлен костями крупного и мелкого рогатого скота.

Крепость. Окруженное стенами пространство занимает довольно узкую полосу выше поселения. Длина ее около 100 м, а ширина до 20 м (рис. 17 - 2). Стены сложены панцирной кладкой с забутовкой на довольно прочном известковом растворе. Стены высотой до двух метров сохранились с юга. Они тянутся от обрыва до восточной башни, блокировавшей подход к крепости с запада. С севера стены почти не сохранились — здесь склон очень крут, местами обрывист. Восточный край представляет собой 100-метровый обрыв в ущелье р. Холодной, и здесь укрепления нужны не были. На крепостном дворе прослеживаются каменные фундаменты каких-то строений. Находки многочисленных фрагментов керамики, каменных зернотерок, керамических и металлических шлаков, костей животных свидетельствуют о существовании поселения и внутри крепостных стен. Среди находок особо следует отметить обломки пифосов (рис. 19 - 4-6, 9, 11, 14), больших двуручных сосудов с двумя ручками (рис. 19 - 8), кувшинчиков (рис. 19 - 19, 22, 25) привозных амфор с гофрированными стенками (рис. 19 - 23), краснолаковых тарелок. В своем большинстве керамические фрагменты как с поселения, так и из крепости соответствуют основным формам посуды, характеризовавшим Апсилию в IV—VII вв. н. э.(4). Интересен фрагмент прямоугольной в сечении ручки небольшого кувшина, орнаментированной штампованными месяцевидами полукружками (рис. 19 - 26). Аналогично оформленная посуда появляется в местных могильниках с прогнутыми фибулами конца IV — первой половины V вв. н. э.(5). Этим периодом, вероятно, и следует датировать время строительства крепостных стен. Наиболее поздним смотрятся обломок кухонного горшка с поселения (рис. 19 - 16), профиль которого уже имеет раннесредневековый облик (VII—начало VIII вв.)(6) и плоскоовальная в сечении ручка крупного кувшина из хорошо отмученной глины, подобные которому распространяются в Цебельде в VI—VII в. н. э.(7). Интересно и лепное дно (рис. 13 - 24), хотя и напоминающее днища цебельдинских амфор V—VI вв., но по качеству глины скорее относящееся к древнейшему слою поселения, которое, судя по обломкам рогатых ручек и другим материалам относится, по-видимому, еще к предантичной эпохе.

В полукилометре западнее крепости плато пересечено мощным валом, начинающимся у северного обрыва горы и уходящим к югу на 184 м, образуя просека в покрывающем гору лесе. Высота вала в настоящее время до 1,5 м, ширина

4 М.М. Трапи. *Культура Цебельдинских некрополей. Труды, III, Тб., 1971, с. 131 - 138; Г.К. Шамба, Ахаччарху - могильник нагорной Абхазии, Сухуми, 1970, с. 18 - 32; Ю.Н. Воронов, ук. соч., с. 64 - 69.*

5 М.М. Трапи. *Ук. соч., табл. XII, 1.*

6 М.М. Трапи. *Материалы по археологии средневековой Абхазии. Руды, IV, Сухуми, 1975, рис. 50, 8.*

7 Ю.Н. Воронов, В.А. Ющин. *Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии, СА, 1, 1973, рис. 10, 4; 12, 4; 13, 4; 14, 2.*

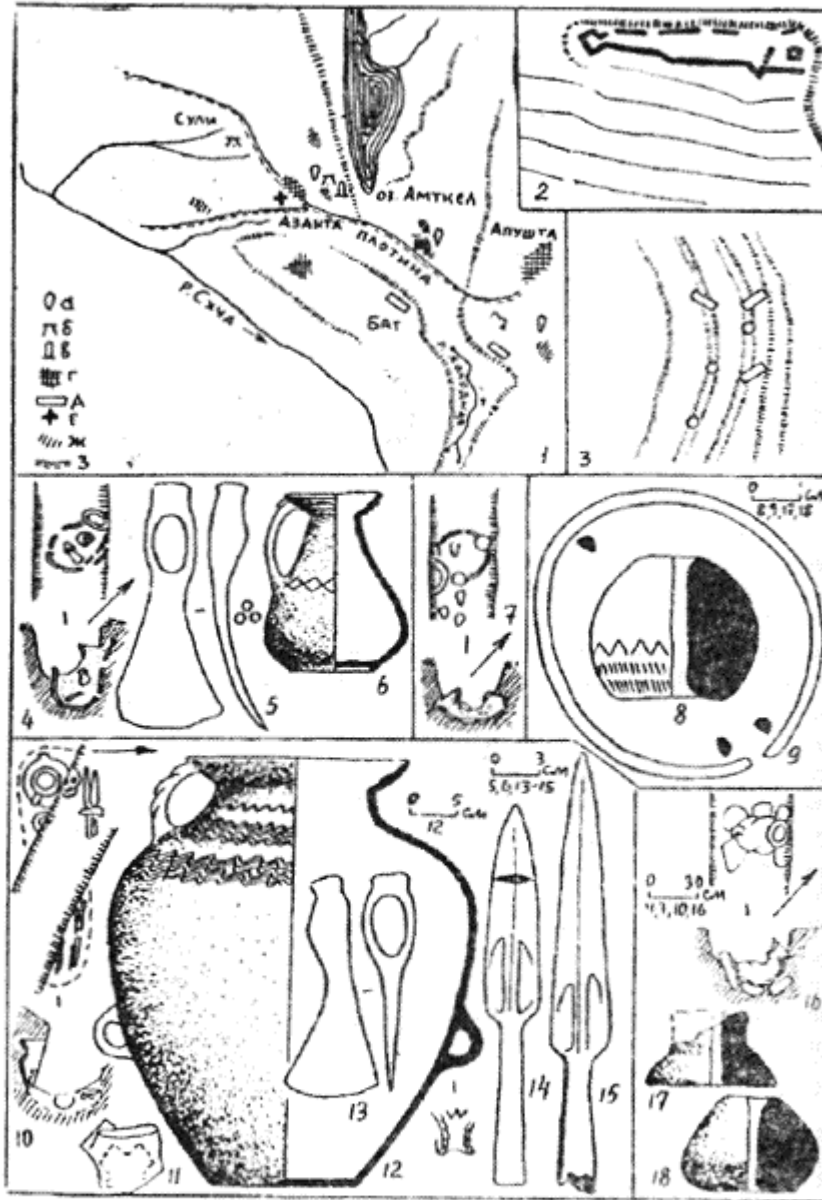

рис. 17

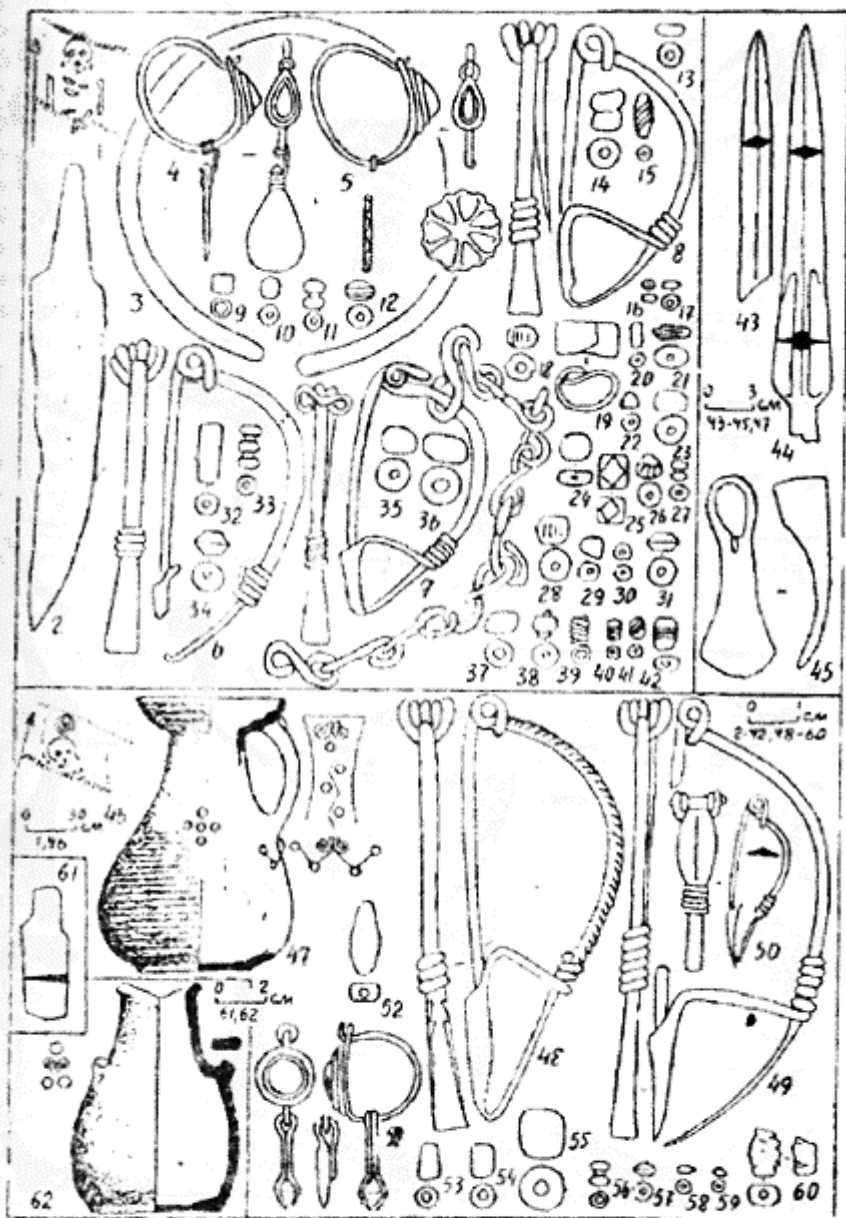

рис. 18

рис. 19

402

до 4 м. Сложен он насухо из обломков известняка, иногда достигающих метра в поперечнике. Судя по всему вал этот был сооружен в рассматриваемую эпоху и в его задачу входило преградить прямой доступ неприятелю к поселению.

Могильник. Два скопления древних захоронений, принадлежавших жителям описанного поселения, прослеживаются по пологому склону той же горы к западу и на противоположном склоне в 2 км к северу. Первый пункт сильно разрушен сельскохозяйственными работами, ведущимися здесь последние 60-70 лет. Из

разрушенных погребений известны ручка большого двуручного сосуда-урны (рис. 19 - 30) и обломок ручки кувшинчика (рис. 19 - 20). Второе кладбище находится в 300 м южнее большого азантского дольмена вблизи развалин средневекового храма (рис. 17 - 1а).

Здесь дорога к озеру прорезала в грунте две глубокие колеи, вызвавшие разрушение шести погребений (рис. 17 - 3).

Погребение № 1. Кремация в пифосе (рис. 17 - 7). Инвентарь смыт.

Погребение № 2. Кремация в двуручном сосуде (рис. 17 - 16), обложенном плитками мертеля. Вместе с пережженными костями два керамических пряслица (рис. 17 - 17, 18).

Погребение № 3. Кремация в пифосе (рис. 17 - 4). Внутри находились железная мотыжка (рис. 17 - 5) и кувшинчик (рис. 17 - 6).

Погребение № 4. Ингумация мужчины головой на запад (рис. 17 - 16). У правоте плеча найдены большой фрагментированный двуручный кувшин с третьей дополнительной ручкой у венчика и значком W (рис. 17 - 12) и обломки маленького кувшинчика с интересным знаком у основания ручки (рис. 17 - 11). На левом плече лежали два железных наконечника-копья (рис. 17 - 14, 15) и железный топорик (рис. 17 - 3). Судя по форме как большого сосуда, известного по комплексам IV в. н. э. (8), так и наконечников копий это погребение не должно датироваться временем позже первой половины V в. н. э.

Погребение № 5. Ингумация женщины головой на север (рис. 18 - 1). У висков найдены две серебряные серьги со стеклянными каплевидными вставками и своеобразными привесками (рис. 18 - 4, 5), у шеи три фибулы — серебряная одночленная с бронзовой цепочкой (рис. 18 - 7) и две железных двучленных (рис. 18 - 6, 8), бронзовая обоймочка (рис. 18 - 19) и пронизь (рис. 18 - 39), 39 бусин: 17 синих стеклянных, из которых 8 гладких (рис. 18 - 10, 23, 24, 26, 29, 32, 34, 36); 2 с белыми полосками (рис. 18 - 38), 5 с белокрасным пояском (рис. 18 - 16, 40, 41), 3 с тремя белыми поясками (рис. 18 - 28), 7 пастовых, из которых 2 желтые (рис. 18 - 9, 30), 2 черные (рис. 18 - 28), 1 зеленая (рис. 18 - 16), 2 синих (рис. 18 - 22), 9 стеклянных с золотистой (рис. 18 - 12, 17, 18, 27, 33, 35, 37) и серебристой (рис. 18 - 11, 31) прокладкой, 5 стеклянных, из которых 1 черная (рис. 18 - 14), зеленая (рис. 18 - 21), медового цвета

8 Ю.Н. Воронов, А.С. Вознюк, В.А. Юшин. Алуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии, СА, 1. 1970, рис. 11, 2.

403

(рис. 18 - 25), 2 бесцветных (рис. 18 - 20) и 1 сердоликовая (рис. 18 - 13). На правой руке находился бронзовый браслет (рис. 18 - 3), на поясе железный нож (рис. 18 - 2).

Сочетание одночленной фибулы с серьгами северо-причерноморского типа первых веков н. э. с двумя двучленными дуговидными фибулами, характерными уже для IV в. н. э. позволяет это погребение отнести ко времени не ранее конца III — начала IV вв. н. э.

Погребение № 6. Женская ингумация головой на север (рис. 18 - 46). В головах стоял глиняный кувшинчик с грушевидной формы туловом (рис. 18 - 47). На груди найдено три бронзовых фибулы — одна круглопроволочная дуговидная (рис. 18 - 42) и две разнотипные с прогнутой спинкой (рис. 18 - 48, 50), 44 стеклянных бусины — две

зеленых (рис. 18 - 52, 53) и остальные синие (рис. 18 - 54-60). У висков находились две бронзовых серьги с бронзовыми подвесками и вставками из голубого стекла (рис. 18 - 51). Судя по форме фибул и кувшинчика погребение относится ко времени не ранее конца IV — первой половины V вв. н. э.(10).

Случайные находки, связанные с разрушенными погребениями этого могильника, включают фрагменты керамики, орнаментированное пряслице (рис. 178) бронзовый браслет (рис. 189), железную мотыгу (рис. 18 - 45), два фрагментированных наконечника копий (рис. 18 - 43, 44) и железный нож (рис. 18 - 61). К этой же группе вещей должен быть отнесен и кувшинчик (рис. 18 - 62), найденный в 30 м южнее в основании близлежащего средневекового храма.

9 А.К. Амброз. *Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы*, СА, 2, 1971, с. 107, рис. 4, 4.

10 Там же, рис. 4, 6-9.

404

Глава 5.

Памятники IV—VII вв. в урочище Апушта

История изучения. Рассматриваемые в этой главе памятники были зафиксированы автором в конце января 1962 г. (могильник) и в середине августа 1963 г. (поселение и крепость). В 1966—1968 гг. автором и краеведами А. С. Вознюком и В. А. Юшиным по заданию Абхазского общества охраны памятников культуры проводились исследования разрушавшихся в результате эрозии почвы погребений. Всего за указанный промежуток времени было выявлено 27 захоронений, материалы которых были опубликованы в 1969(1) и 1970 гг.(2) В последующий период здесь было В. А. Юшиным и автором исследовано еще около десятка захоронений. Определенный объем сведений о соответствующих памятниках Апушты содержится в работе автора, обобщающей результаты исследований позднеантичной Цебельды и опубликованной в 1975 г.(3)

Поселение. Судя по имеющимся материалам основное поселение рассматриваемого времени на Апуште совмещалось с территорией укрепления, расположенного на гребне западного отрога горы Пшоу и окаймляющего урочище с юга (рис. 20 - 1). Следы другого поселения отмечены в километре северо-восточнее в верховьях одного из протекающих здесь ручьев. Характер находок позволяет отнести их к заключительному этапу существования памятников подобного рода в Цебельде. Поскольку материалы этих поселений полностью соответствует находкам, выявленным на других позднеантичных поселениях Азантской долины (Бат, Лар), я не стану здесь специально останавливаться на их разборе.

Крепость. Как уже отмечено, остатки укреплений IV— VII вв. прослежены на гребне западного отрога горы Пшоу, обращенного к ущелью Холодной

1 Ю.Н. Воронов. *Археологическая карта Абхазии, Сухуми*, 1969, с. 62, табл. X, 6; IV, 34; XXVI, 3, 4, 6, 8, 21; XXVII, 15, 24, 27; XXXVI, 16; XXXVII, 1,4; XXXIX, 6; XL, 18; XLIV, 34; XLVII; 32, 33.

2 Ю.Н. Воронов, А.С. Вознюк, В.А. Юшин. Апуштинский могильник IV - VI вв. н. э. в Абхазии, СА, 1, 1970, с. 175-190, рис. 1-16.

3 Ю. Н. воронов. Тайна цебельдинской долины. М., 1975, с. 23, 37, 45, рис. 11, 9, 13, 7, 15, 3, 19, 1-4, 31, 1, 9; 32, 2; 41, 3, 11; 42, 26, 27.

405

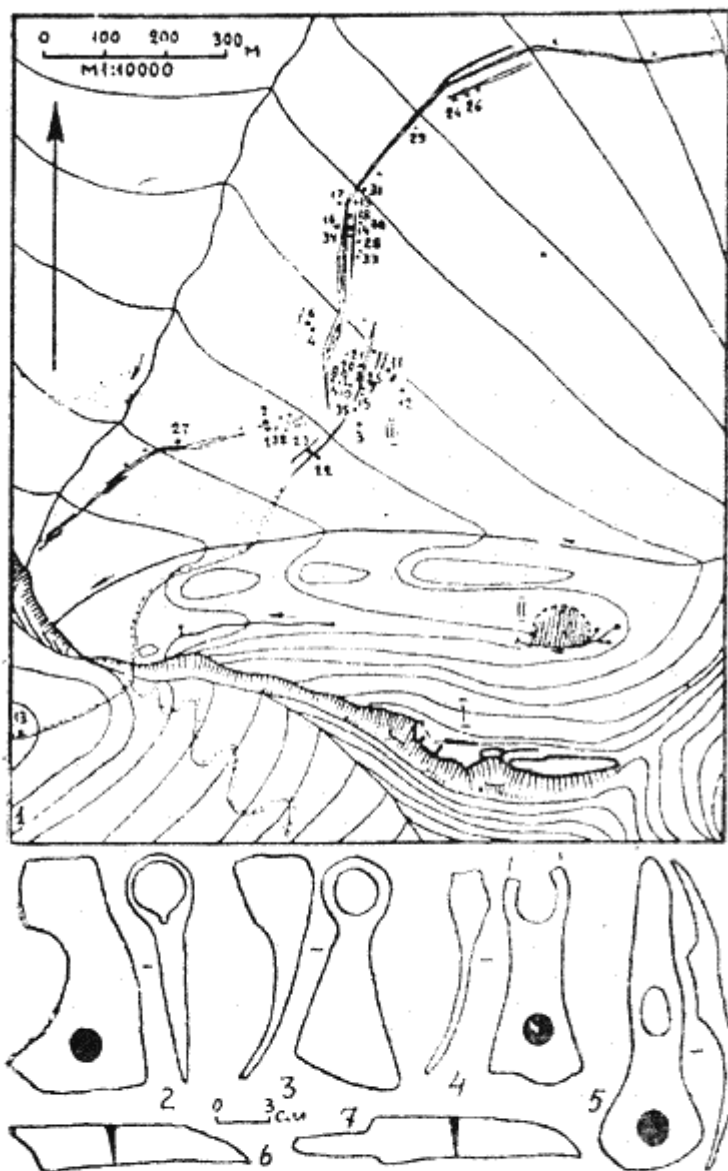
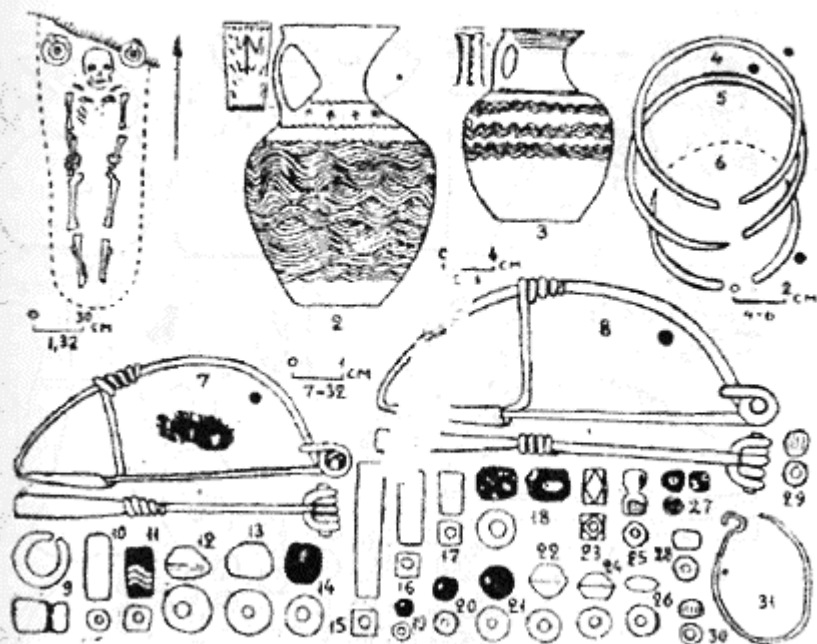

рис. 20

406

pic. 21

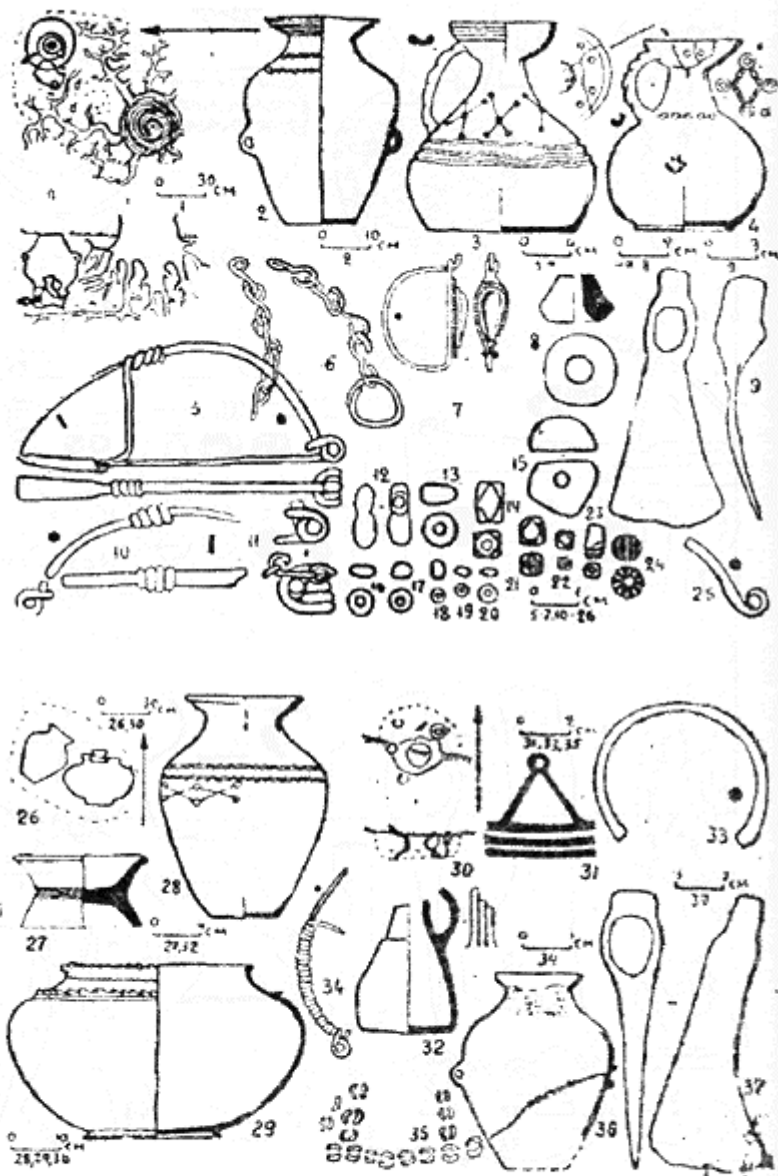

рис. 22

речки 200 метровым обрывом. Напротив, на расстоянии, по прямой составляющем менее километра, хорошо просматривается вершина горы Бат с остатками укрепления на ней. Жители обоих поселений могли свободно переговариваться друг с другом в случае необходимости. С севера рассматриваемый гребень защищен крутым склоном, переходящим в каскад мелких обрывов. Стены сухой кладки охватывают территорию длиной до 350 м и шириной в 20-40 м. Ширина стен не превышает обычно 1-1,5 м, а их высота лишь местами теперь достигает 1 м. Они служили прежде всего для наращивания

линии двухметровых обрывов, обрамляющих гребень, в нижней части которого располагались ворота (рис. 20 - 2). В средней части крепости находится небольшая пещера, попасть в которую можно лишь через отверстие в ее своде. Верхний ярус пещеры представляет собою помещение диаметром до 10 м и высотой до 8 м. Нижний ярус соединен с верхним широкой вертикальной шахтой глубиной до 6-8 м. Все склоны внутри и снаружи оборонительных стен усыпаны обломками древней посуды и прочими свидетельствами былой человеческой жизнедеятельности.

Могильник. Общая площадь, на которой фиксируются древние захоронения, составляет около 50 га (рис. 20 - 1). В настоящее время отсюда известно около 40 погребений. Все они обнаружены либо в стенках канав на глубинах до 1 м либо прямо на поверхности размытой почвы.

Погребение № 1. Женская ингумация, ориентированная головой на север (рис. 21 - 1). С обеих сторон черепа стояло по кувшину (рис. 21 - 2, 3). На груди лежали две бронзовые фибулы (рис. 21 - 7, 8) и бусы: 109 из синего стекла, из которых 78 шаровидных (рис. 21 - 19-21), 25 призматических (рис. 21 - 15-17), две субконических (рис. 21 - 22, 24), одна бочонковидная (рис. 21 - 14), одна четырнадцатигранная (рис. 1 - 23), одна с тремя белыми поясами (рис. 21 - 11) и одна с белыми глазами (рис. 21 - 27), две из зеленого стекла (рис. 21 - 12, 26), три стеклянных с золотистой прокладкой (рис. 21 - 25, 29, 30), две сердоликовых (рис. 21 - 13), одна темно-синяя настоявая с голубыми глазками (рис. 21 - 18), две красных керамических (рис. 21 - 10) и бронзовая обоймочка (рис. 21 - 10). На правой руке два бронзовых браслета (рис. 21 - 5, 6), на левой — один (рис. 21 - 4). Фибулы и керамические изделия находят себе аналогии в памятниках Цебельды IV в. н. э.(4).

Погребение № 2. Мужская ингумация, ориентированная головой на юг (рис. 21 - 32) обнаружена в 1,5 м севернее погр. № 1. На левом плече лежал железный топор (рис. 21 - 33). В районе пояса найдены железная пряжка (рис. 21 - 35) и фрагмент железного ножа (рис. 21 - 36), у левого бедра — короткий железный меч (рис. 21 - 34) у рукоятки которого была бронзовая бляшка (рис. 21 - 37). Обломок серебряного браслета (рис. 21 - 38) подобран снаружи у правого плеча.

4 А.К. Амброз. *Проблемы раннесредневековой хронологии восточной Европы*, СА, 2, 1971, табл. 1, 10; Ю. Н. Воронов. *Тайна цебельдинской долины*. М., 1975, с. 67, рис. 13, 7.

409

Судя по форме пряжки и железного оружия погребение это относится ко времени не позднее первой половины — середины IV в. н. э.(5).

Погребение № 3. Женская ингумация, ориентированная головой на север (рис. 22 - 1), в 100 м восточнее описанных погребений. В головах вверх дном находился большой двуручный сосуд (рис. 22 - 2), в его горле находился маленький кувшинчик (рис. 22 - 4), рядом лежали другой кувшинчик (рис. 22 - 3) и железная мотыга (рис. 22 - 9). У черепа найдены две серебряные серьги с каплевидными стеклянными вставками (рис. 22 - 7). У шеи большое число бус: 378 из синего стекла, из которых 372 бисерных шаровидной или биконической формы (рис. 22 - 17, 19, 22), 4 четырнадцатигранных (рис. 22 - 14, 22), одна призматическая с белыми поясами (рис. 22 - 23), одна круглая с

белыми полосками (рис. 22 - 24), 7 из зеленого стекла — 6 округлых (рис. 22 - 18) и одна четырнадцатигранная (рис. 22 - 21), 4 каплевидные из стекла медового цвета (рис. 22 - 12), 2 янтарные (рис. 22 - 15, 16) и одна сердоликовая (рис. 22 - 13). На груди найдено 3 бронзовых (рис. 22 - 5, 10, 25) и одна железная (рис. 22 - 11) фибулы. Две фибулы имели бронзовые цепочки (рис. 22 - 6). У левого локтя лежало керамическое пряслице (рис. 22 - 8). Фибулы, керамика, серьги, набор бус относят рассмотренное погребение ко времени не позже IV в. н. э.

Погребение № 4. Сильно разрушенное кремационное захоронение (рис. 22 - 26) было выявлено в 170 метрах севернее первых двух захоронений. На поверхности почвы выступали обломки большого (двуручного?) сосуда (рис. 22 - 28), широкого котловидного сосуда (рис. 22 - 29) и небольшой вазочки (рис. 22 - 27). В урне помимо пережженных костей отмечены обломки круглопроволочной фибулы. Вазочки с высоким полым поддоном характерны обычно для ранних (III—IV вв.) комплексов Цебельды (6), однако оформление большого сосуда жгутовидными налепными рантами в столь ранний период пока не засвидетельствовано — они распространяются на местной посуде как будто лишь в IV—VII вв.

Погребение № 5. Полуразрушенное кремационное женское (?) захоронение (рис. 22 - 30) обнаружено в 80 м северо-западнее от погр. № 3. Урна — большой двуручный сосуд, украшенный по плечам тремя бороздами и треугольниками с кружочком (рис. 22 - 31), стояла вверх дном. Рядом находились маленький кувшинчик (рис. 22 - 32), обломки железного ножа и три железных браслета (рис. 22 - 33). Дата погребения, по-видимому, не должна выходить за рамки IV—V вв. н. э.

Погребение № 6. Женская ингумация, ориентированная головой на юг (рис. 23 - 1), обнаружена в 15 м северо-западнее погр. № 4. У правого плеча лежала железная мотыга (рис. 23,), у левого плеча — фрагменты маленького кувшинчика из светлой тонко отмученной глины. На груди найдены 4 бронзовых фибулы (рис. 23 - 3-6) и фрагменты бронзовой ажурной пластинки (рис. 23 - 2). На левой руке был бронзовый браслет (рис. 23 - 8), у пояса — железный нож

5 А.М. Хазанов. *Очерки военного дела сарматов.* М., 1971, с. 24.

6 М.М. Трапш. *Культура цебельдинских некрополей.* Труды, III, Тб., 1971, табл. II, 2.

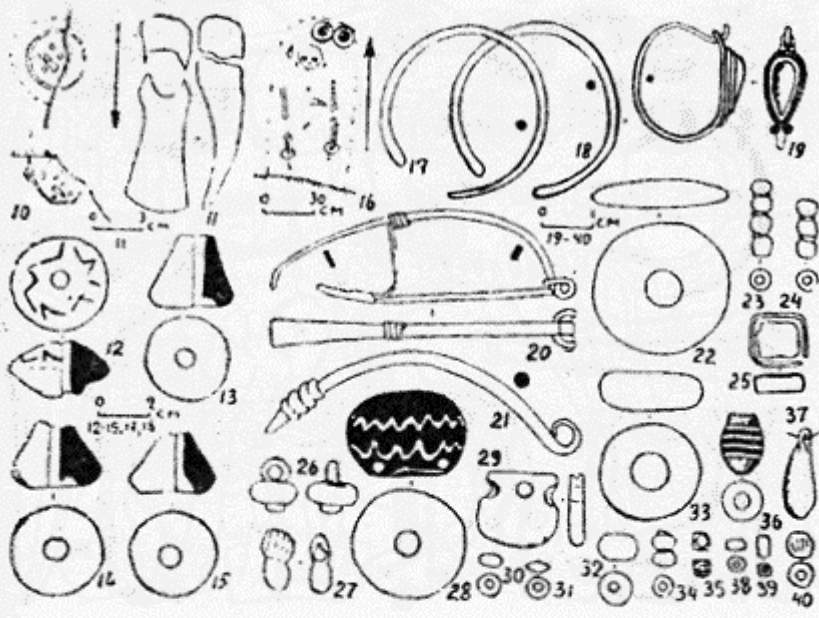
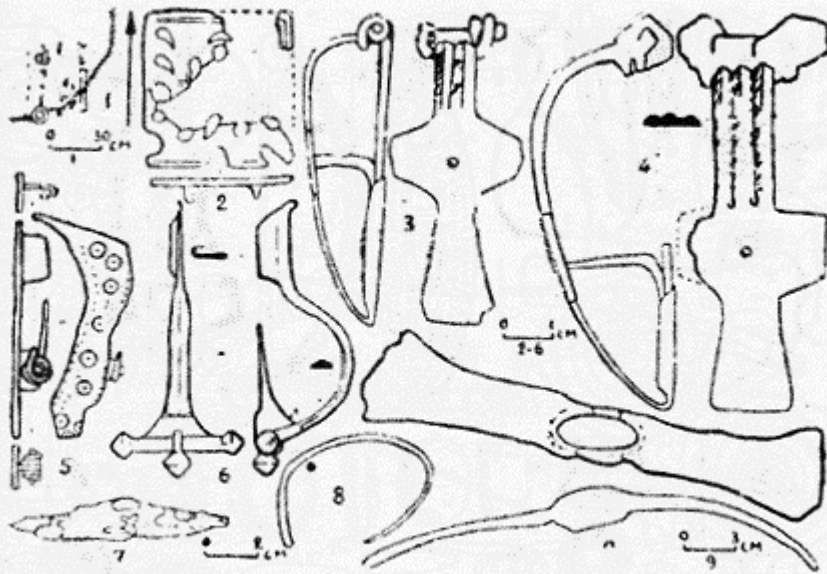

рис. 23

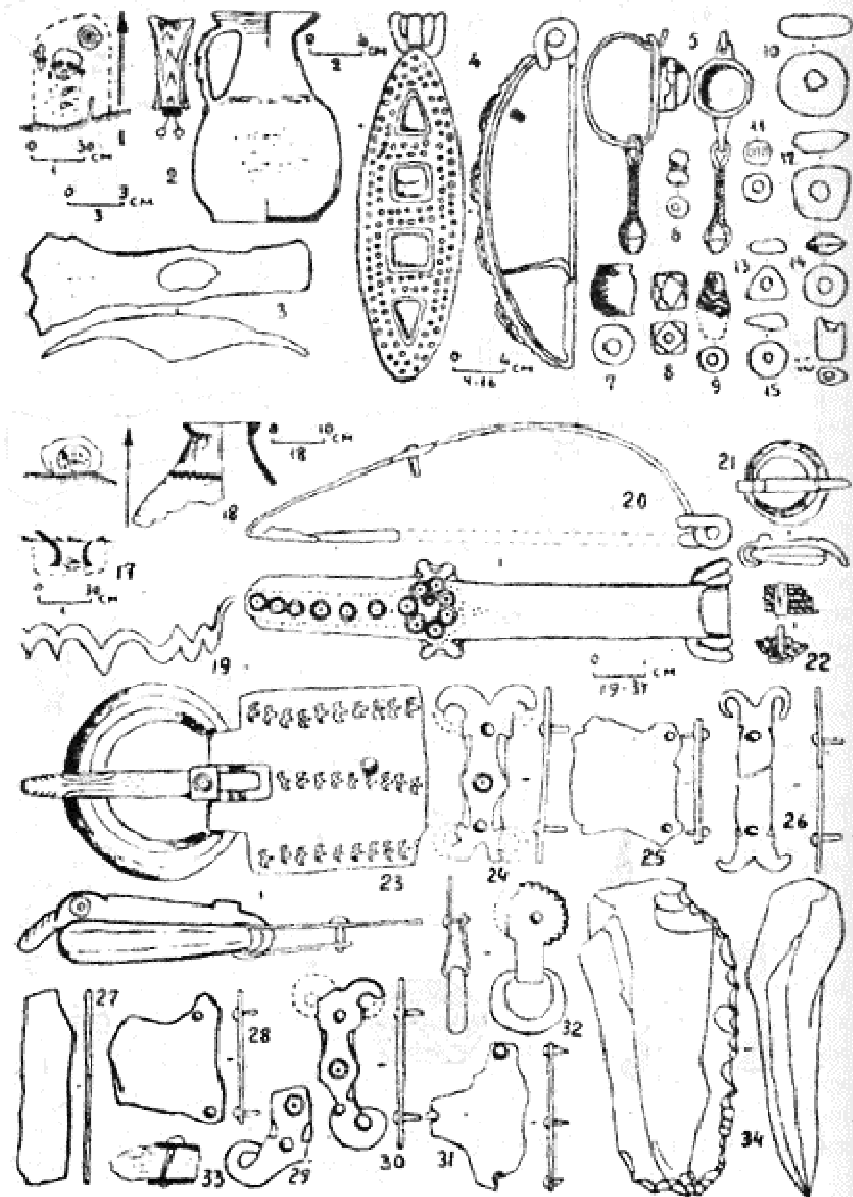

рис. 24

рис. 25

(рис. 23 - 7). На основании форм фибул и пластинки с запятойвидными прорезами А. К. Амброз отнес это погребение ко второй половине VII в. н. э.(7).

Погребение № 7. Женская кремация в большом двуручном сосуде (рис. 23 - 10) доследована в 4 м восточнее погр. № 5. Среди пережженных костей на дне урны найдены 4 керамических пряслица (рис. 23 - 12-15) и железная мотыга (рис. 23 - 11). Рассмотренные материалы скорее всего не должны выходить за хронологические рамки

IV—V вв.

Погребение № 8. Женская ингумация, ориентированная головой на север (рис. 23 - 16), была найдена в 1 м западнее от погр. № 5. В головах сохранились лишь фрагменты донышков двух маленьких кувшинчиков, справа от черепа лежала бронзовая фибула (рис. 23 - 20); фрагменты другой бронзовой фибулы (рис. 23 - 21) найдены на груди. У черепа лежали две серебряные серьги с каплевидными стеклянными вставками (рис. 23 - 19), в области шеи найдено много бус: 317 из синего стекла, среди которых 145 мелких четырнадцатигранных (рис. 23 - 35), 144 бисерных (рис. 23 - 34), четыре суббиконических (рис. 23 - 31), 11 двучастных (рис. 23 - 34), две трехчастных (рис. 23 - 24), одна четырехчастная (рис. 23 - 23), восемь из стекла медового цвета, среди которых одна призматическая (рис. 23 - 39), четыре в форме корзиночки (рис. 23 - 26), три каплевидных с ребристым ушком (рис. 23 - 27). одна зеленая стеклянная каплевидная (рис. 23 - 37), одна стеклянная с золотистой прокладкой (рис. 23 - 40), три настоящих, из которых одна большая черная с белой и красной волнами и желтыми пятнами (рис. 23 - 28), одна синяя с сине-бело-черными поясками (рис. 23 - 36) и одна красная (рис. 23 - 30), две сердоликовых (рис. 23 - 32), четыре янтарных (рис. 23 - 22, 29, 33). Здесь же найдено бесцветное стеклышко в бронзовой оправе (рис. 23 - 25). На руках было по одному бронзовому браслету (рис. 23 - 17, 18), у пояса — обломки железного ножа. Форма фибул, серег, ассортимент бус позволяют датировать рассмотренное погребение IV в. н. э.

Погребение № 9. Женская ингумация, ориентированная головой на север (рис. 24 - 1), была найдена в 1 м восточнее погр. № 8. У черепа находились кувшинчик (рис. 24 - 2), железная мотыга (рис. 24 - 3) и две серебряные серьги (рис. 24 - 5). На груди лежали две бронзовые фибулы, одна из них истлела, другая, лучше сохранившаяся, имела серебряную накладную спинку со стекловидными вставками (рис. 24 - 4). У шеи найдено несколько бусин: шесть из темно-синего стекла, из которых две двучастных (рис. 24 - 6), одна четырнадцатигранная (рис. 24 - 8), одна уплощенная биконическая (рис. 24 - 4), одна цилиндрическая (рис. 24 - 7), одна с белыми поясками (рис. 24 - 9), семь янтарных (рис. 24 - 10, 12, 13, 15, 16) и одна с серебряной прокладкой. Погребение это исходя из формы фибулы кувшина, серьги и мотыги, считаю возможным отнести к V в. н. э.

Погребение № 10. Остатки мужской (?) кремации (рис. 24 - 17) в пифосе, поставленном вверх дном, выявлены в 1,5 м к западу от погр. № 7. Пифос украшен

7 А.К. Амброз. Ук. соч., с. 110, табл. 1, 45-47, рис. 4, 15, 16.

414

однорядной волной (рис. 24 - 18, 19). В заполнении горловины среди остатков пережженных костей находились бронзовые фибула (рис. 24 - 20), пряжка (рис. 24 - 23), детали поясного набора (рис. 24 - 24-31), портупейное кольцо (рис. 24 - 32), пряжка (рис. 24 - 21), остатки железного ножа (рис. 24 - 22, 33) и кремень (рис. 24 - 34). Исходя из формы пряжки и фибулы, рассмотренное погребение скорее всего должно быть отнесено к середине VI в. н. э. (8).

Погребение № 11. Остатки мужской кремации в пифосе, стоявшем вверх дном (рис. 25 - 1), доследованы в 50 м северо-западнее погр. № 12. Рядом с урной найдены обломки маленького кувшинчика и железный наконечник копья (рис. 25 - 2). В урне находился

маленький железный наконечник (рис. 25 - 3).

Погребение № 12. Остатки женской ингумации, ориентированной головой на юг (рис. 25 - 4), обнаружены в 70 м восточнее погр. № 7. Инвентарь: 3 небольших кувшинчика — верхний разрушен, средний (рис. 25 - 5) реконструирован, нижний рассыпался (рис. 25 - 7), остатки железного ножа, 2 бронзовые фрагментированные фибулы (рис. 25 - 8) с двуспиральными привесками (рис. 26 - 12), 2 серебряные серьги (рис. 25 - 10, 11), остатки бронзовой цепочки (рис. 25 - 9) и немногочисленные бусы: 4 стеклянных, из которых 1 с золотистой прокладкой (рис. 25 - 26), 1 светло-коричневая (рис. 25 - 21), 2 синие (рис. 25 - 14, 19), 7 пастовых, из которых 3 черные с желтыми глазками (рис. 25 - 24, 28), 3 черные с белыми поясками (рис. 25 - 20, 22, 25), 1 красная (рис. 25 - 18), 2 гешировые (рис. 25 - 13, 15), 4 янтарные (рис. 25 - 16, 17, 27), 1 из белого камня (рис. 10 - 23). Фибула и кувшин относят это погребение, скорее всего, к V в. н. э.

Погребение № 13. Остатки мужской кремации (рис. 25 - 30), в большом трехручном сосуде (рис. 25 - 31, 34), доследованы на плотине Амткельского озера в 300 м юго-западнее от выхода с плотины на урочище Апушта. Снаружи урны находились 2 фрагментированных кувшинчика, железный топор (рис. 25 - 37) и два железных наконечника копий (рис. 25 - 38). Внутри урны, среди пережженных костей, были найдены фрагментированный кувшинчик (рис. 25 - 32) (9), обломок бронзовой двучленной лучковой фибулы (рис. 25 - 36), пастовая бусина черного цвета с белыми полосками (рис. 25 - 30). Судя по форме топора, наконечников копий и фибулы рассматриваемое погребение должно быть датировано IV в.

Погребение № 14. Остатки женского захоронения выявлены в 200 м севернее от погр. № 7. Здесь найдены обломки большого двуручного сосуда (рис. 25 - 39) и лежавшие южнее 2 железных браслета (рис. 25 - 40, 41).

Погребение № 15. Мужская ингумация, ориентированная головой на север (рис. 26 - 1), доследована в 1 м южнее погр. № 7. У правого плеча лежали два

8 М.М. Трапш. Ук. соч., табл. XXXV, 4; А.К. Амброз. Ук. соч., с. 1, 19, 25.

9 Реконструкция этого кувшинчика, предлагаемая в настоящей работе, несколько отличается от ранее опубликованной (Ю.Н. Воронов, В.А. Юцин, А. С. Вознюк, ук. соч., рис. 113), что было вызвано более тщательным изучением сохранившихся его фрагментов.

415

проржавевших железных наконечника копий (рис. 26 - 5), железный топор (рис. 26 - 4) и кувшинчик (рис. 26 - 2). У пояса найдена бронзовая пряжка (рис. 26 - 3), относящая захоронение ко времени не ранее второй половины V—VI вв.

Погребение № 16. Остатки женской ингумации, ориентированной головой на север (рис. 26 - 6), доследованы в 6 м западнее погр. № 14. В головах были найдены обломки большого двуручного сосуда (рис. 26 - 7), украшенного в верхней части (рис. 26 - 8) и на ручках (рис. 26 - 9) незамысловатым орнаментом. Рядом находился фрагментированный маленький кувшинчик. У левого плеча лежала железная мотыга (рис. 26 - 15), а на труди остатки трех бронзовых фибул (рис. 26 - 11-13), бронзовая бусина (рис. 26 - 10) и бронзовое колечко, возможно, от пряжки (рис. 20 - 14). Форма мотыги и фибул выдает поздний (не ранее второй половины VI—VII вв.) характер захоронения.

Погребение № 17. Остатки женской ингумации, ориентированной головой на север (рис. 26 - 16) найдены в 40 м севернее погр. № 16. Инвентарь погребения включал фрагментированный большой двуручный сосуд, железный нож (рис. 26 - 27), две бронзовые фибулы (рис. 26 - 17, 18), небольшое число бус: шесть настоящих, из которых одна синяя с красными крапинками (рис. 26 - 20), три красные с сине-желтыми полосками (рис. 26 - 20, 25, 26), одна красная с бело-голубыми полосами (рис. 26 - 22), одна голубая с желтыми глазками (рис. 26 - 23), две сердоликовые (рис. 26 - 24), одна стеклянная голубая с белыми полосами (рис. 26 - 19). Судя по фибуле, погребение это относится ко времени не ранее середины VI в. н. э.

Погребение № 18. Из комплекса, разрушенного в 20 м севернее погр. № 14, происходят обломки кувшина (рис. 26 - 28), бронзовой с позолотой пряжки (рис. 26 - 29), двух бронзовых фибул (рис. 26 - 30-32) и железный нож (рис. 26 - 33). Фибулы и пряжка относят захоронение ко времени не ранее середины VI — начала VII вв.

Погребение № 19. Остатки женской ингумации, ориентированной головой на север (рис. 27 - 1) найдены в 5 м к северу от погр. № 18. Инвентарь включал — верхнюю часть большого двуручного сосуда (рис. 27 - 2-4), стоявшего вверх дном, фрагменты маленького кувшинчика, железную мотыгу (рис. 27 - 8), три бронзовых фибулы (рис. 27 - 5-7), бусы: 21 из синего стекла, из которых 20 четырнадцатигранных (рис. 27 - 13) и одна округлая (рис. 27 - 14), три настоящие черные — с голубым глазком (рис. 27 - 9), с белым пояском (рис. 27 - 9) и с красным и желтым поясками (рис. 27 - 10), одна гешировая со срезом (рис. 27 - 15), одна белая пастовая с зеленым глазком (рис. 27 - 12). Погребение датируется VI в.

Погребение № 20. Остатки мужской ингумации (рис. 26 - 16) исследованы в 14 м севернее погр. № 7. Здесь найдено 2 фрагментированных железных наконечника копий (рис. 27 - 19), железный топор (рис. 27 - 20) и кувшинчик (рис. 27 - 17) с рельефным крестом на дне (рис. 27 - 18). Кувшины такого типа характеризуют в Цебельде памятники VI—VII вв. (10).

10 Ю. Н. Воронов, В.А. Юшин. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии, СА, 1, 1973, с. 186, рис. 10, 5.

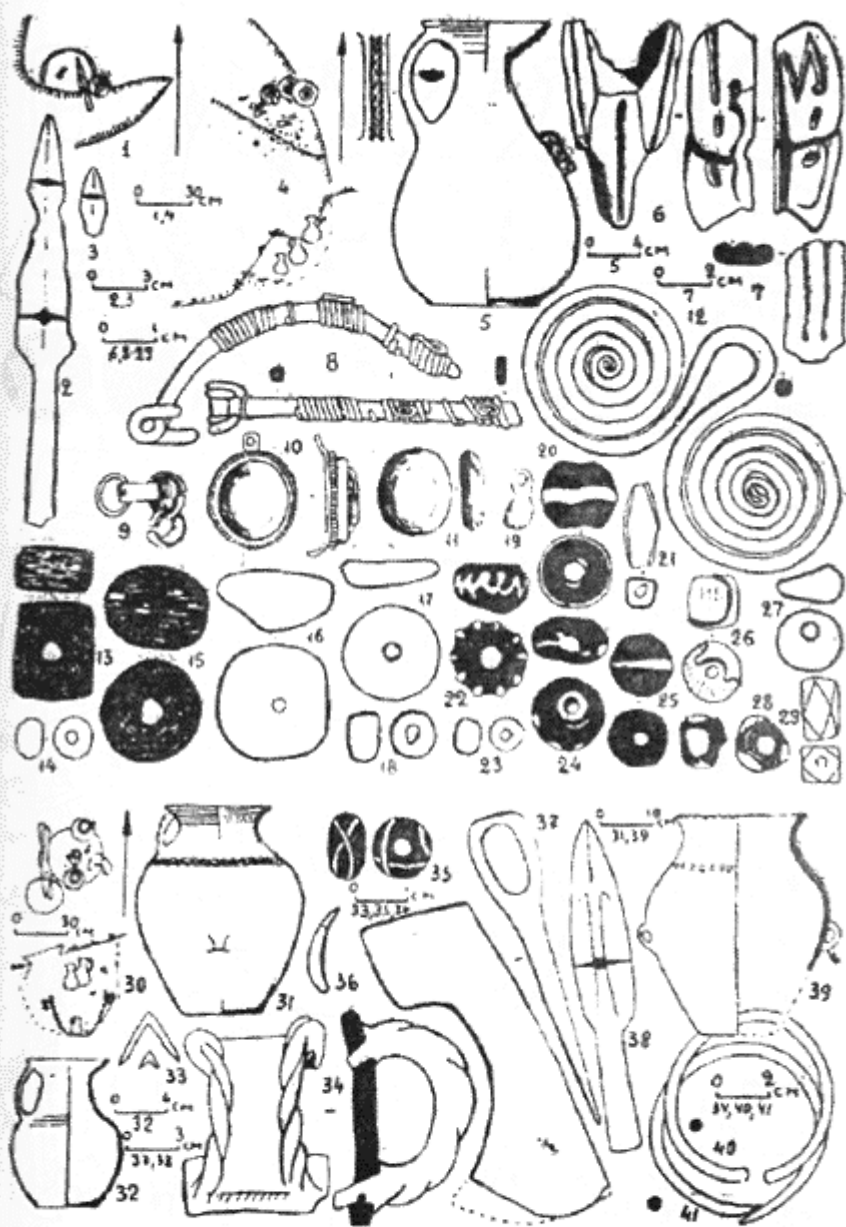
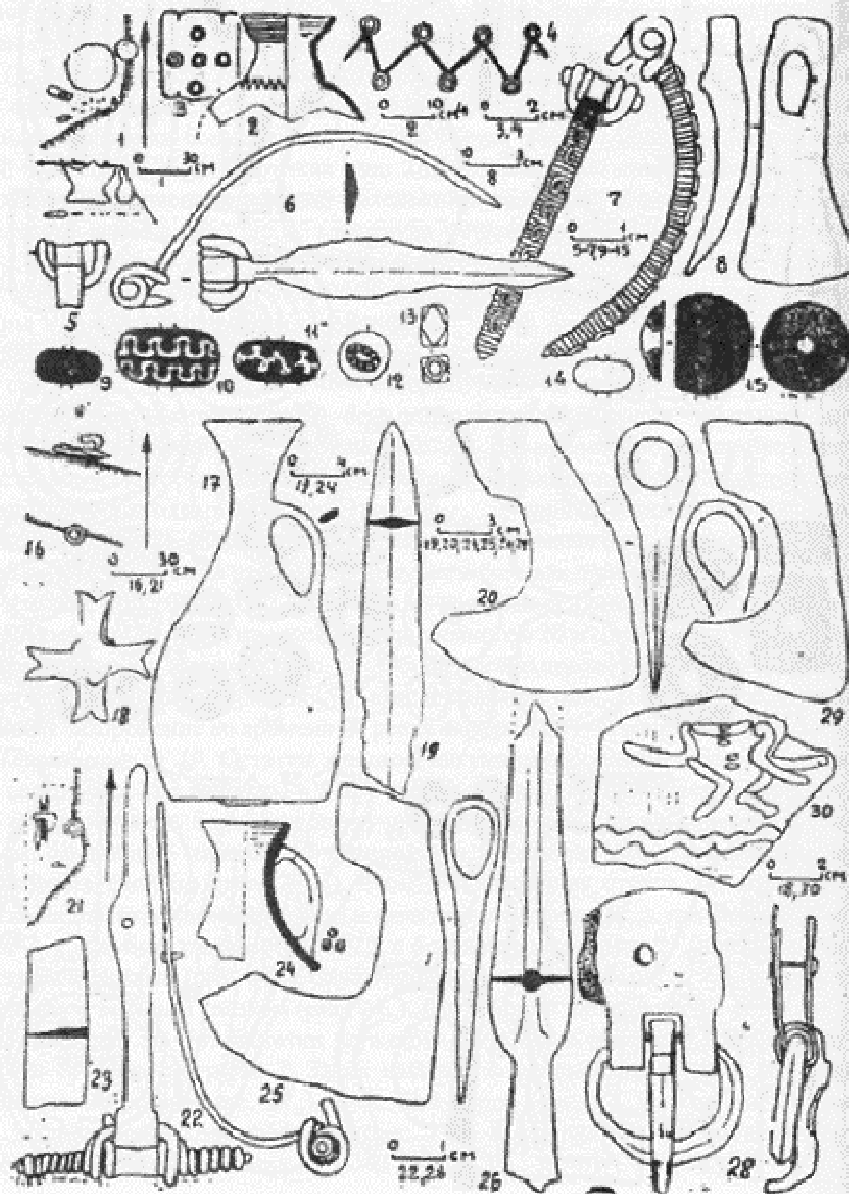

рис. 26

pic. 27

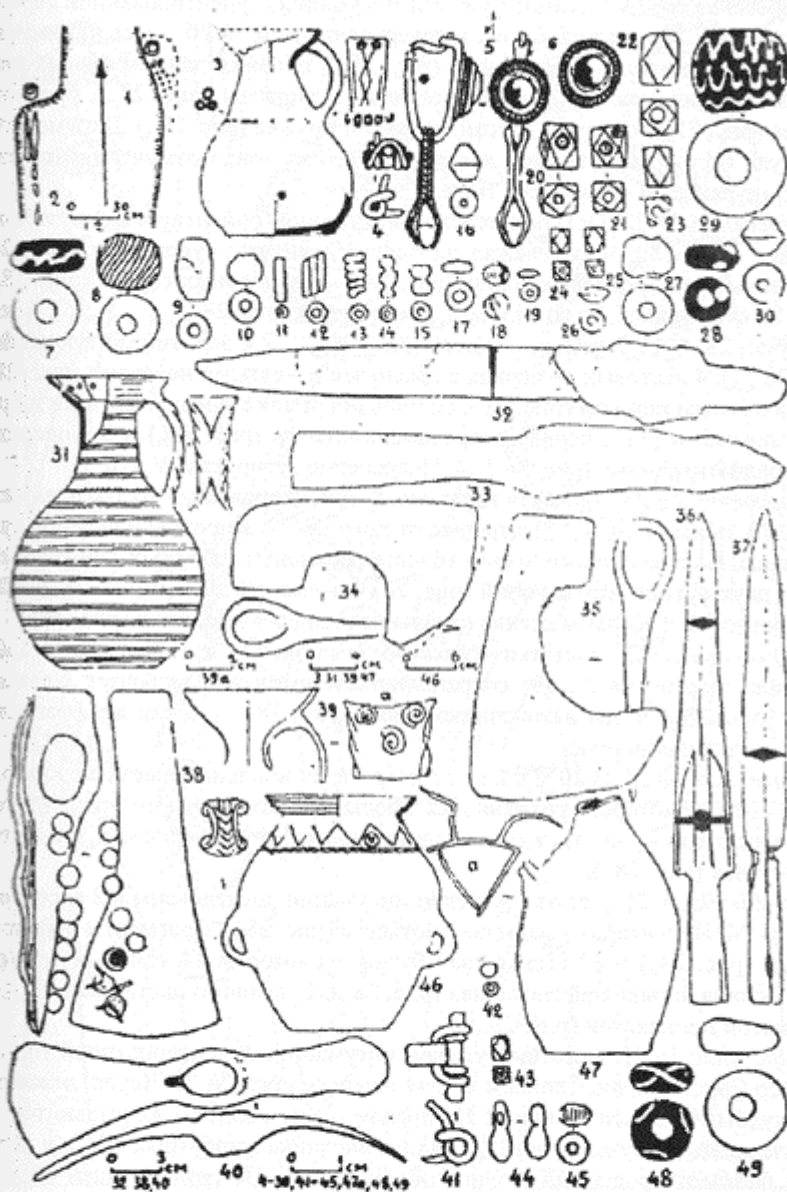

рис. 28

Погребение № 21. Остатки мужской ингуляции, ориентированной головой на север (рис. 27 - 21), выявлены в 2 м севернее от погр. № 20. Здесь находились: часть горла глиняного кувшинчика (рис. 27 - 24), обломки двух железных наконечников копий (рис. 27 - 26) и однолезвийного кинжала (рис. 27 - 23), бронзовая фибула (рис. 27 - 22), обломок другой фибулы и пряжка (рис. 27 - 28). Дата погребения, судя по форме кувшина, изготовленного из тонко отмученной светлой глины, не ранее VI — начала VII вв. н. э.

Погребение № 22. Остатки женской ингумации, ориентированной головой на север (рис. 28 - 1). Череп лежал на боку. Инвентарь: кувшинчик (рис. 28 - 3), фрагменты трех бронзовых фибул (рис. 28 - 4), 2 серебряных серьги (рис. 28 - 5, 6), бусы: 25 стеклянных, из которых 15 темно-синих (рис. 28 - 10, 13, 15, 16, 19, 22, 27), 6 зеленых (рис. 28 - 11, 12, 30) 2 медового цвета (рис. 28 - 9, 17), 2 с золотистой прокладкой (рис. 28 - 14, 18), 4 пастовых — черная с красными и желтыми поясками (рис. 28 - 29), черная с белым пояском (рис. 28 - 7), сплошь покрытая синими, желтыми и красными поясками (38 - 8), черная с желтыми глазками (рис. 28 - 28) и 3 гишеровые четырнадцатигранные (рис. 28 - 20-21). Погребение датируется V в. н. э.

Погребение № 23. Мужская ингумация, ориентированная головой на север (рис. 28 - 2), обнаружена в 1 м западнее от погр. № 22, в противоположной стенке канавы. На поверхности были найдены фрагменты железных кинжала (рис. 28 - 32) и двух наконечников копий (рис. 28 - 33), железный топор (рис. 28 - 34), обломок бронзовой фибулы; в стенке канавы находился кувшинчик (рис. 28 - 31).

Погребение № 24. Остатки мужского захоронения доследованы в 150 м севернее погребения № 19; сохранившийся инвентарь включает железные топор (рис. 28 - 35) и два наконечника копий (рис. 28 - 33, 37), а так же фрагменты маленького кувшинчика.

Погребение № 25. В 20 м к югу от погр. № 20 найдены железный топор, на одной стороне которого сохранились плоды мелкого местного ореха (фундука), а на другой — остатки ткани, сложенной в 3-4 слоя (рис. 28 - 38), и венчик кувшинчика (рис. 28 - 39).

Погребение № 26. Остатки женской ингумации доследованы в 2 м севернее погр. № 24. Инвентарь — железная мотыжка (рис. 28 - 40), фрагменты бронзовой фибулы (рис. 28 - 41) и 17 стеклянных бусин, из которых 14 темно-синих (рис. 28 - 42), 1 синяя четырнадцатигранная (рис. 28 - 43), 1 медового цвета (рис. 28 - 44), 1 с золотистой прокладкой (рис. 28 - 45).

Погребение № 27. Остатки мужской ингумации, ориентированной головой на север (рис. 29 - 1), доследованы в 50 м западнее погр. № 22. Череп, лежавший на боку, был обложен камнями. На правом плече найдены железные топор с молотковидным обухом (рис. 29 - 2), два наконечника копий (рис. 29 - 3, 4), у левого плеча фрагментированный кувшинчик (рис. 29 - 6). На груди найден обломок кремня (рис. 29 - 5). Аналогичный кувшин найден в вышеописанном погребении № 3, которое датируется IV в.

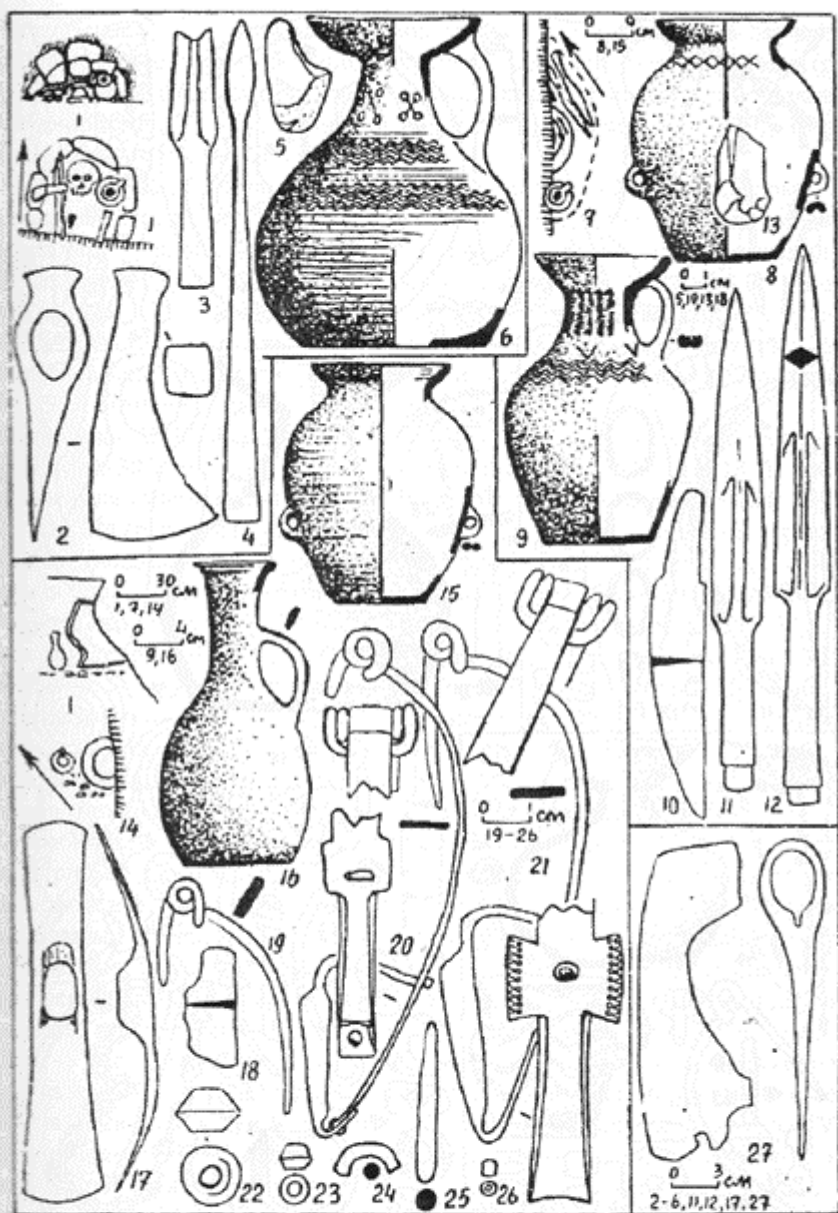

рис. 29

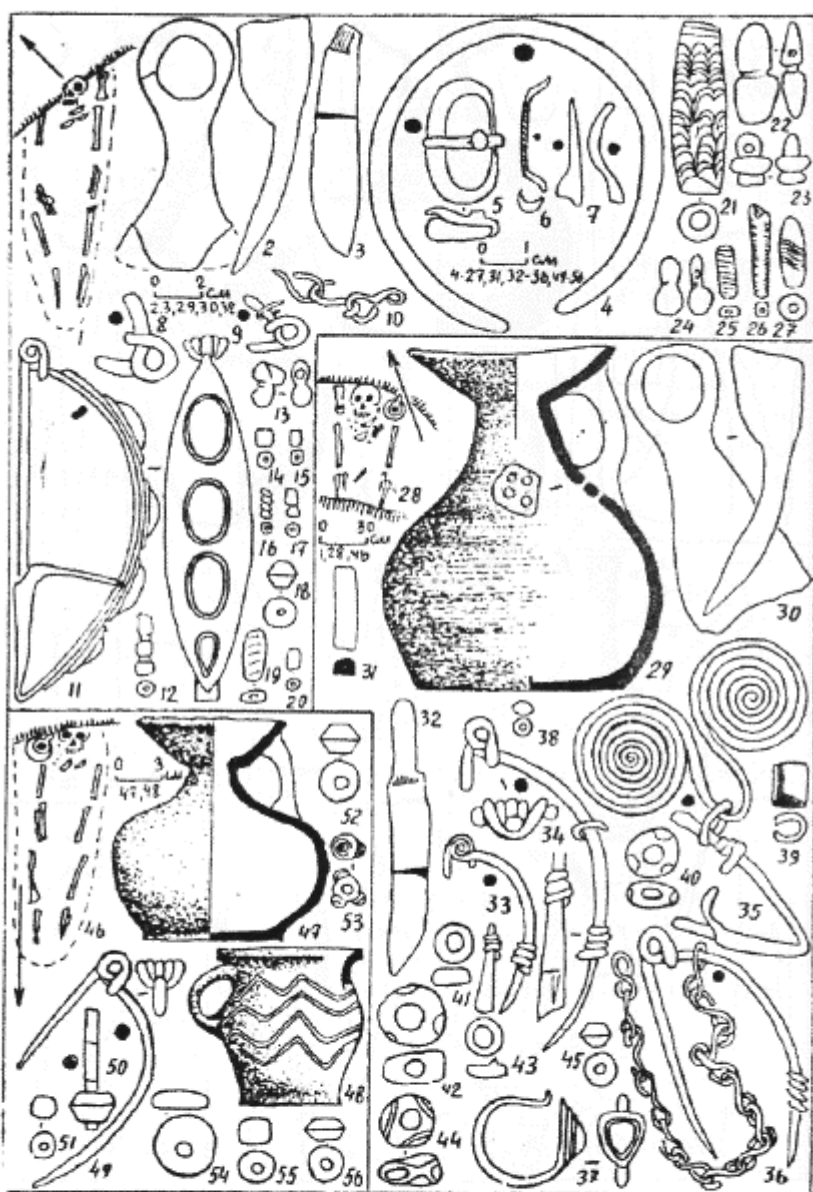

рис. 30

Погребение № 28. Остатки мужской кремации доследованы в 5 м южнее погр. № 14. Инвентарь — большой двуручный фрагментированный сосуд (рис. 29 - 8), небольшой фрагментированный кувшин (рис. 29 - 9), два железных наконечника копий (рис. 29 - 11, 12), железный нож (рис. 29 - 10) и кремь (рис. 29 - 3). Погребение может быть отнесено к V в. н. э.

Погребение № 29. Остатки женской кремации (рис. 29 - 14) доследованы в 150 м севернее погр. № 28. Урной служил большой сосуд (рис. 29 - 15) с двумя двухдольными ручками,

установленный вверх дном. Рядом стоял светлоглиняный кувшинчик (рис. 29 - 16). Среди пережженных костей найдены 3 бронзовые фибулы (рис. 29 - 11-21), обломок железного ножа (рис. 29 - 8), железные стержень (рис. 29 - 25) и полукольцо (рис. 29 - 24), 3 бусины — 1 из голубого стекла (рис. 29 - 26), 1 из стекла медового цвета (рис. 29 - 22) и 1 из стеклянной пасты желтого цвета (рис. 29 - 23). Комплекс датируется втор. полов. VI—VII вв.

Погребение №30. Женская ингумация, ориентированная головой на северо-восток (рис. 30 - 1), доследована в 4-5 м восточнее погр. №№ 14 и 18. У левого плеча лежала железная мотыга (рис. 30 - 2), а рядом обломок серебряной серьги гнс. 30 - 6). На груди были найдены фрагменты бронзовой со щитком, украшенным стекловидными вставками (рис. 30 - 11) и двух железных (рис. 30 - 8, 9) фибул, обломки бронзовой цепочки (рис. 30 - 10), разнообразные бусы: 39 стеклянных, из которых 22 голубых — 3 трехчастных (рис. 30 - 12), 5 двучастных (рис. 30 - 17), 10 одночастных (рис. 30 - 20), 2 биконических (рис. 30 - 18) и продолговатая (рис. 30 - 19), 16 медового цвета — 1 корзиночководидная (рис. 30 - 23), 5 каплевидных (рис. 30 - 13, 24), призматических (рис. 30 - 15), 7 многочленистых (рис. 30 - 16, 25, 26), 2 с золотистой гтроткладкой (рис. 30 - 14), 2 пастовых с многоцветным оформлением (рис. 30 - 21, 27), 1 янтарная (рис. 30 - 22). Общий характер комплекса позволяет датировать его предварительно второй половиной IV — первой половиной V вв. н. э.

Погребение № 31. Женская ингумация, ориентированная головой на северо-восток (рис. 30 - 28), была доследована в 25 м севернее погр. № 30. На правом плече лежала железная мотыга (рис. 30 - 30), у левого плеча стоял кувшинчик без ручки, но со следами ее повторного прикрепления (рис. 30 - 29). У висков найдены серебряные серьги с округлым вставным сердоликом (рис. 30 - 37). На груди лежали 4 фрагментированных бронзовых фибулы (рис. 30 - 33-36) с бронзовыми двуспиральными привесками и цепочками, бронзовая обоймочка (рис. 30 - 39) и 7 бусин — из стекла медового цвета (рис. 30 - 41, 43, 45) и 3 пастовых — черная с голубыми глазками (рис. 30 - 42), черная с белыми полосками (рис. 30 - 44) и черная с желтыми глазками (рис. 30 - 40) и 1 сердоликовая (рис. 30 - 38). Комплекс датируется IV в.

Погребение № 32. Женская ингумация, ориентированная головой на юг (рис. 30 - 46), обнаружена в 2 м восточнее погр. № 1. У правого плеча находился кувшинчик (рис. 30 - 47), на груди найдены бронзовая фибула, плохо сохранившаяся серебряная трубочка с надетой на нее пастовой бусиной (рис. 30 - 49), 6 других бусин — 1 из бесцветного стекла (рис. 30 - 54), 2 из синего стекла (рис. 30 - 52, 56),

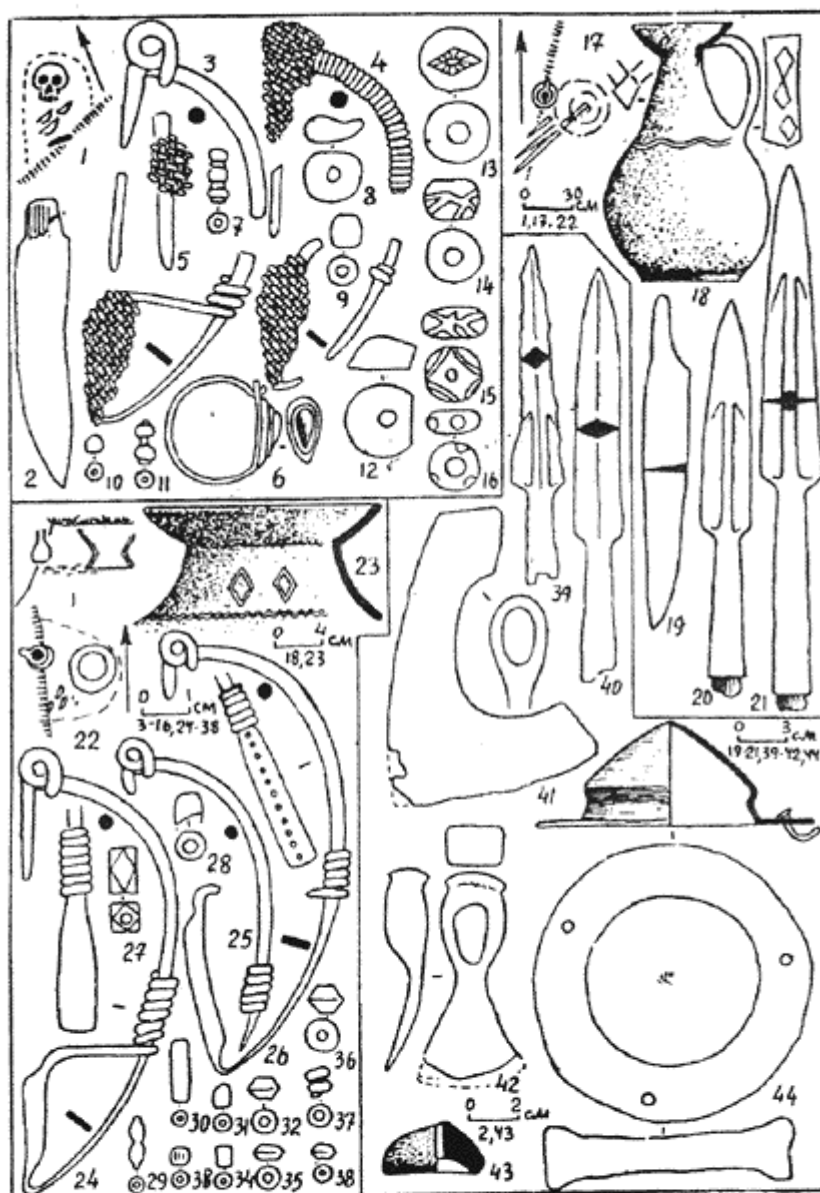

рис. 31

1 с серебристой прокладкой (рис. 30 - 51) и 2 пастовых — оранжевого цвета (рис. 30 - 55) и зеленая с желто-синими глазками (рис. 30 - 53). Поверх тазовых костей была положена глиняная кружка (рис. 30 - 48). Это погребение я также отношу к IV в.

Погребение № 33. Остатки женской ингумации, ориентированной головой на север (рис. 31 - 1), доследованы в 4 м южнее погр. № 28. Здесь найдены железный нож (рис. 31 - 2), две железные сильно фрагментированные фибулы с обрывками ожелезненной ткани (рис. 31 - 3-5), обломки серебряных серег с каплевидными вставками (рис. 31 - 6), и до

240 бусин, из которых 6 пастовых — 2 красных с многоцветными глазками (рис. 31 - 13), 1 красного цвета (рис. 31 - 9), 1 черная с белыми полосками (рис. 31 - 15), 1 черная с зелеными полосками (рис. 31 - 14) и 1 черная с голубыми глазками (рис. 31 - 16), а остальные стеклянные — 1 зеленого цвета (рис. 31 - 8), 15 с золотистой прокладкой (рис. 31 - 7, 11) и до 220 голубых бисерин (рис. 31 - 10). Здесь же найден обломок сердоликовой бусины (рис. 31 - 12). Любопытно, что по-видимому, из-за условий почвы бисер почти весь был в полурастворенном состоянии — не рассыпалось лишь до 10 экземпляров. Форма фибул и серег относит и это погребение ко времени не позже IV в. н. э.

Погребение № 34. Мужская кремация доследована в 2 м южнее погр. № 14. Пифос — урна совершенно был разрушен (рис. 31 - 17). Рядом с урной находились небольшой кувшинчик (рис. 31 - 18) и два железных наконечника копий (рис. 31 - 20-21), а внутри нее железный нож (рис. 31 - 19). Погребение может быть датировано V в. н. э.

Погребение № 35. Женская ингумация, ориентированная головой на север (рис. 31 - 22), обнаружена в 20 м южнее погр. № 7. Инвентарь включал большой двуручный сосуд (рис. 31 - 23), стоявший вверх дном, обломки маленького кувшина, три бронзовых фибулы (рис. 31 - 24-26) и 30 стеклянных бусин — 1 бесцветная (рис. 31 - 28), 10 с золотистой прокладкой (рис. 31 - 29, 32, 33, 35, 38), 11 зеленых мелких (рис. 31 - 34) и 1 длинная (рис. 31 - 30), 7 темно-синих (рис. 31 - 27, 31, 36, 37). Комплекс этот, исходя из формы фибул, можно отнести к IV в. н. э.

Дополнительные сведения об Алуштинском могильнике дают материалы из полностью разрушенных погребений. Эти материалы включают как частично сохранившиеся *in situ* остатки урн и другой керамики без прочего инвентаря, так и уже перемещенные элементы этого инвентаря. Опустошенные временем урны были отмечены в следующих пунктах: а) в 20-25 м южнее погр. № 22; б) в 30 м южнее погр. № 7; в) в 20 м западнее погр. № 3; г) в районе погр. № 18. Нижняя часть небольшого кувшина типа рис. 21 - 39 выступала из почвы в 2 м восточнее погр. № 33. Сам упомянутый кувшин (рис. 21 - 39) имевший у основания ручки кусок пастовой бусы, вдавленный еще в сырую глину (рис. 21 - 39а), и украшенный врезным крестом (рис. 21 - 39б), выпал из стенки канавы выше погр. № 1. Прочие находки распределяются следующим образом. Бронзовая фибула (рис. 22 - 34), фрагменты большого двуручного сосуда (рис. 22 - 36), железный топорик (рис. 22 - 37) и железный умбон (рис. 31 - 44) найдены в районе погр. № 7. Кув-

425

шинчик (рис. 21 - 40) и железная мотыга (рис. 21 - 41) найдены вверх по канаве от погр. № 1. Железный топор (рис. 27 - 29) и фрагмент кувшина (рис. 27 - 30) найдены в районе погр. № 15. Кувшин (рис. 28 - 46), кувшинчик (рис. 28 - 47) и две пастовые бусины (рис. 28 - 48, 49) найдены в районе погр. № 24 и 26. Из других случайных находок на территории рассматриваемого могильника отмечу железные топоры (рис. 20 - 2, 29 - 27, 31 - 41), наконечники копий (рис. 31 - 39, 40), мотыги (рис. 30 - 3, 5, 41 - 42), ножи (рис. 20 - 6, 7) и керамическое пряслице (рис. 31 - 43).

Как показывает картографирование соответствующих находок на Алуштинском могильнике, погребения здесь распределяются не сплошным могильным полем, а образуют разделенные определенным пространством скопления могил. С полным

основанием уже можно говорить о четырех таких скоплениях; а рядом намечаются еще три. Судя по всему и для могильника Апушта характерна закономерность, отмеченная в других районах Апсилии — выделение в рамках родового кладбища большесемейных могильников. Следовательно, можно говорить, что население Апушты в рассматриваемое время состояло по меньшей мере из семи больших семей, что определяет численность местного населения в единицу времени в 100-120 чел., а общее число соответствующих захоронений на Апуште очень условно в 1000-1200. Значительная часть этих могил уже разрушена в результате эрозии и сельскохозяйственных работ, но не меньшее число их еще спокойно лежит в земле.

426

Глава 6.

Средневековые памятники Азантской долины

История изучения. Первые сведения о средневековых памятниках района были собраны Б. Л. Соловьевым и автором в конце января 1962 г. (храм в Азанте, следы поселений у большого дольмена и на плотине Амткельского озера). В сентябре 1966 г. автором были зафиксированы поселение — убежище в урочище Чацкал, поселение на восточной окраине Азанты и др. Упоминания об этих памятниках были опубликованы в 1969 г.⁽¹⁾. В 1973 г. В. А. Юшиным были зафиксированы остатки укрепления восточнее Аблухуары и следы домовищ северо-западнее азантского дольмена № 1.

Западная часть долины (Чацкал, Абгидзра, Пар). Остатки очень своеобразного укрепленного поселения сохранились в 1-1,5 км от Келасурского моста на подъеме к урочищу Чацкал. Вершина холма защищена 10-15-метровыми обрывами с севера и с юга. Вход на территорию памятника ведет с запада по узким естественным ступеням на скалистый выступ высотой 5 м. С востока площадка защищена каррами, а ее территория частично заграждена известняковыми глыбами до 3-4 м в поперечнике. Пространство между ними в необходимых случаях заполнено мелкими камнями, образуя линию обороны. В северо-восточном углу из площадки имеется 4-метровый скалистый уступ, под которым видны остатки большого помещения, ограниченного с южной стороны скалой, а со всех остальных — остатками насыпи, сохранившейся в длину до 20 м, в ширину до 2 м, на высоту до 1,5 м. Длина помещения — 14 м, ширина — 5-8 м (рис. 32 - 3). Когда-то, можно полагать, по северному краю стояли столбы, на которые с уступа были переброшены бревна, поддерживающие кровлю. Подъемный материал очень невыразителен — мелкие обломки кухонной и столовой посуды не дают опоры для окончательных выводов. Часть обломков может быть отнесена к раннему средневековью (VIII—X вв.).

К тому же, вероятно, времени относится и слой с обломками пифосов, кухонных горшков и костей животных, выявленный в упомянутой выше пеще-

1 Ю.Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, с. 62.

427

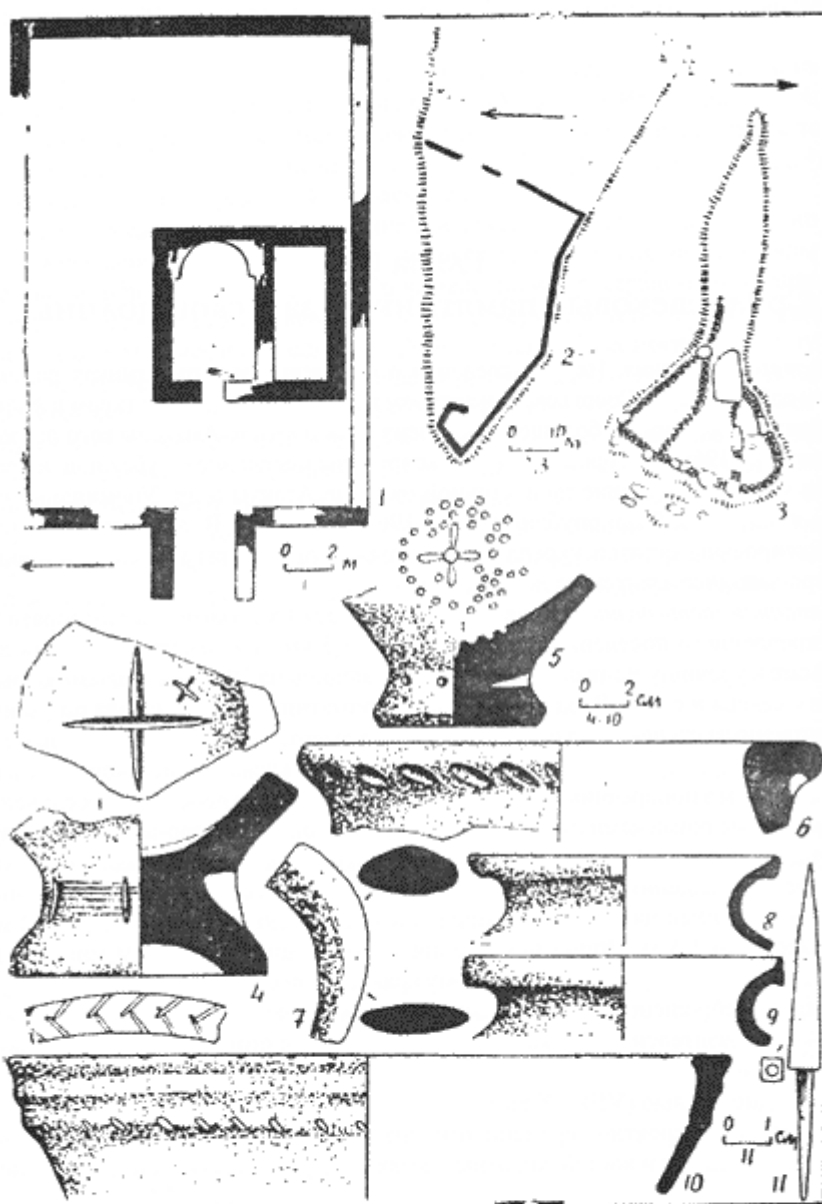

рис. 32

ре в ущелье Чацкальского ручья (рис. 1 - 15). Следы домовищ развитого средневековья (обломки пифосов, кухонной и поливной посуды) заметны в лесу выше поселения раннебронзовой эпохи в уроч. Амидзра, а также вдоль дороги западнее позднеантичных памятников уроч. Лар. Очень невыразительные остатки небольшого храма, построенного в период не ранее XI—XII вв., расположены над Чертовым мостом в восточной части Ларского могильника (рис. 5 - 1). Восточная часть долины (Аблухуара, Азанта, Апушта). Остатки укрепления — убежища

выявлены на холме у шоссе на восточной окраине с. Аблухуара. Холм к северу имеет обрыв, с юга по контуру плоской вершины идет стена, сложенная насухо из обломков известняка. Толщина стены до 1,5 м. Сохранилась она местами на высоту до 1-1,5 м. Площадь, ею охваченная, составляет около 1, 2 га (рис. 32 - 2). Находки включают обломки пифосов и кухонной посуды развитого средневековья (XII — XIV вв.). В 1,5-2 км юго-западнее большого дольмена на южном склоне пологой возвышенности в густом лесу прослежены остатки искусственных террас и каменных оград, охватывающие площадь до 0, 5 га. Подъемный материал, включающий обломки кухонных горшков (рис. 32 - 8, 9), больших мисок (рис. 32 - 10) и других изделий, отнесен предварительно к раннему средневековью IX—X вв.). Следы домовищ, относящихся к развитому средневековью выявлены на террасе вдоль обрыва к озеру в районе дольменов (обломки пифосов, кухонной посуды и поливной керамики), а также в верхнем слое культурных накоплений в гроте Верхнем. В 200 м северо-западнее дольмена № 3 в лесу отмечен слой средневековых остатков, из которого происходят донная часть глиняной вазы (рис. 32 - 5), венчик пифоса (рис. 32 - 6) и ручка кувшина (рис. 32 - 7).

Фундаменты сильно разрушенного средневекового храма и ограды находятся в центре с. Азанта. Небольшая зальная церковь имела придел, возможно, склеп с юга и прямоугольную в плане ограду с воротами на запад (рис. 32 - 1). Здесь подобраны обломок донной части глиняной вазы (рис. 32 - 4) и железный наконечник стрелы XII—XIV вв. (рис. 32 - 12).

Следы нескольких средневековых усадеб, проявляемые соответствующими обломками, а также остатками больших винных кувшинов, зарытых в землю, прослежены в центральной части плотины Амткельского озера, в урочище Апушта, а также в безымянном урочище, расположенном в 5-6 км выше озера в глубине ущелья Амткела.

429

Заключение

Итак, Азантская долина оказалась обладательницей целого комплекса важных для понимания древней и средневековой истории Клухорского перевального пути (Военно-Сухумская дорога) памятников археологии. Здесь выявлены выразительные следы палеолита и бронзовой эпохи, частично исследованы дольмены, а также поселения и могильники Цебельдинской культуры, произведена первичная фиксация многих средневековых памятников. Особенно выразительны поселения, крепости и могильники III—VII вв., показывающие, что в этот период местное население, принадлежавшее к древнеабхазскому племени апсиллов, переживало значительный экономический и культурный расцвет.

С 1978 г., когда настоящая работа была в основном написана, в отношении наших знаний об этом районе мало что изменилось. Можно лишь отметить фиксацию (1979 г.) неизвестной ранее, сильно разрушенной группы дольменов вблизи развилки дороги в урочище Лар и к озеру Амткел (в 5 км западнее последнего).

Следует отметить, что все описанные в книге памятники сосредоточены вдоль современных дорог (не отдаляясь от них более чем на 12 км). Это, вероятно, объясняется

совпадением современных и древних путей, хотя не исключено, что еще очень много археологических объектов, расположенных вне указанной полосы, ждет своего первооткрывателя. Дальнейшие, уже стационарные исследования в Азантской долине несомненно должны обогатить наши знания по археологии этого во многих отношениях уникального уголка горной Абхазии.

430

Памятники села Герзеул

Книга "Памятники села Герзеул" впервые была опубликована в 1980 году издательством "Алашара", Сухуми.

432

Предисловие

Поселок Герзеул расположен в пяти километрах к востоку от центра села Мерхеул. Дорога к поселку отходит от 10-го километра Военно-Сухумской дороги и затем полого поднимается вдоль подошвы Герзеульского хребта. Между этим хребтом и лежащей к северо-востоку горой Апианча тянется с запада на восток от реки Мачары до Кодора впадина, называемая Герзеульским проходом. Длина прохода более 7 км.

«Селение Герзеул, — писал известный краевед-археолог М. М. Иващенко, — принадлежит к Мерхеульскому сельскому обществу. Расположено оно по северному склону невысокого Герзеульского хребта, который небольшим ущельем отделяется от горы Апианчи. Ныне Герзеул, или Арзеул, как его называют местные жители, ничем не замечателен, но в начале прошлого века, при первом появлении в Абхазии русских, он был известен как крупный торговый центр, куда свозились контрабандные товары, получаемые морем из Турции. В то время через Герзеул шла дорога, которая через гору Апианчу вела в сел. Мрамбу и далее через Цабал и Дал к верховьям рек Кодора и Чхалты и к перевалам на Сев. Кавказ и в Сванию. Надо полагать, что той же дорогой пользовались и в древности» [27, 1].

Происхождение названия Герзеул до конца не выяснено. По мнению топонимиста Г. З. Шакирбай, это название связано с именем рода Гурзовых, имевших когда-то свой «аул», т. е. поселок, в центральной части прохода. Известный этнограф Ш. Д. Инал-ипа полагает, что наименования этого типа (Мерхеул, Арсаул и др.) на территории центральной Абхазии следует связывать с группой древних названий, оканчивающихся на -ал (Цабал, Дал, Ходжал, Амткял и др.) и характерных для территории исторической Апсилии [30, 378]. В этом случае Герзеул (Грзал) имеет достаточно древнюю историю. Герзеульский хребет сложен конгломератами — сцементированной галькой, покрывавшей дно моря, плескавшегося над этими местами в третичном периоде. Южный склон хребта сильно изрезан многочисленными узкими ущельями, где берет начало большая часть речушек, впадающих в море между Мачарой и Кодором. Северный склон этого хребта круто падает вниз, препятствуя проходу из впадины в сторону моря напрямую. Почти так же

круты и склоны Апианчи, сложенной известняками, которые образовались из морского ила в верхнемеловом и раннетретичном периодах. В средней, наиболее возвышенной части прохода, Герзеульский хребет и Апианча соединены невысокой водораздельной грядой, носящей, по данным И. Е. Адзинба, название Цвафыркыра, т. е. «место подачи деревянных крюков», что, вероятно, связано с крутизной местных троп.

Вдоль прохода, особенно в западной и центральной его частях, обнажаются мергели, поверх которых лежат пласты глинистых сланцев и глин. Склоны гор покрыты дубовыми и грабовыми лесами. Низинная же часть прохода в основном заросла ольхой, перемежающейся с одичавшими плодовыми деревьями. Здесь часты сильные ветры, вызванные тягой между двумя ущельями и незащищенностью прохода в широтном направлении.

Места эти чрезвычайно живописны. В самом начале прохода в реку Мачару впадают два небольших притока, с двух сторон берущих начало у подошвы Герзеульского хребта и огибающих его вершину, на которой расположена крепость. В ущельях этих притоков имеются живописные водопады, узкие скалистые каньоны, совершенно еще нетронутые уголки буйных зарослей. Тропы, проложенные вдоль гребня Герзеульского хребта и по склону Апианчи, дают возможность путнику любоваться панорамами предгорий и гор вплоть до вершин Главного Кавказского хребта. Очень красиво и в восточной части прохода, где сначала происходит быстрая смена близко расположенных пейзажей, а затем с высоты хорошо просматриваются крупнейшая река Абхазии Кодор, уходящие за ней вдаль склоны Панавского хребта и просторы Колхидской низменности.

Для человека, хорошо знающего дорогу, путь от Мачары до Кодора не представляет никаких трудностей. Пологий трехкилометровый подъем, затем такой же спуск без резких перепадов высот занимают не более 2-3-х часов спокойного целеустремленного хода. Гораздо больше потребуется времени для основательного знакомства с достопримечательностями этих мест. Цель этой небольшой книжки — рассказать об исторических памятниках Герзеула и его окрестностей, помочь всем желающим в познании интересного прошлого одного из замечательных уголков Абхазии.

Из истории поиска

Ни одно подлинно научное открытие не осуществляется в одиночку, а лишь в тесном содружестве и благодарной приемственности.

Клио

Первые сведения о памятниках в районе Герзеульского прохода принадлежат В. И. Чернявскому, который упомянул о существовании семи башен Келасурской стены, замыкавших ущелье р. Мачары [44, 18]. Девять башен в этом месте насчитала в 1886 г. П. С. Уварова [43, 34]. Затем об этих башнях упоминали В. И. Стражев [39, 158] и М. М. Иващенко [26, 65; 29, 92]. Л. Н. Соловьев отметил семь башен по правому берегу Мачары и одну на правом берегу р. Кодора [38, 37]. И. Е. Адзинба в последнем пункте увидел две

башни [1, 107]. Келасурская или Великая абхазская стена в связи с Герзеульским проходом упоминается также в работах В. П. Пачулиа [35, 44; 36, 125 и др.], О. Х. Бгажба [7, 13], Т. Берадзе [9, 71], М. М. Гунба [22]. В июле 1966 г. экспедицией Абхазского совета Грузинского общества охраны памятников культуры в составе В. П. Пачулиа (руководитель), Ю. Н. Воронова, В. С. Орелкина, А. С. Четверухина, А. Д. Эпштейн и И. Ф. Шаманиди были произведены обмеры и описание трассы стены от Мачары до Кодора, где башни и другие ее оборонительные сооружения были зафиксированы лишь у берегов этих рек [13, I—14, рис. 4, 2; 14, 115—116, рис. 2, 5; 3, 1].

П. С. Уварова в своем дневнике, помимо башен Келасурской стены, отметила, что «в стороне от Мачарского ущелья... местный житель, Рейман, производил раскопки и открыл могилы с признаком сожжения» [42, 103]. По всей вероятности речь шла о могильнике у Герзеульской крепости [19, 12], относящимся к памятникам теперь знаменитой цебельдинской культуры, представление о которой сложилось в научном мире только в конце 50—70-х годов текущего столетия благодаря работам М. М. Трапша, Г. К. Шамбы, Ю. Н. Воронова и М. М. Гунбы. Памятники этой культуры в рассматриваемом районе в настоящее время известны двух пунктах — у известкового завода у начала Пацхирского (Ольгинского) ущелья и на обширной поляне напротив входа в Герзеульскую крепость.

435

О могильнике у завода стало известно в начале 60-х годов, когда здесь при расширении известкового карьера было обнаружено до двух десятков погребений IV—VII вв. с обрядом трупоположения и трупосожжения в урнах — больших двуручных сосудах и пифосах. Впервые могильник этот упомянут З. В. Анчабадзе [3, 219]. Обряд погребения и найденные здесь железные топоры и мечи описаны М. М. Трапшем [40, 124, 145, 148; 41, 66—167]. О железных наконечниках копий, бронзовых пряжках и фибулах из этого могильника упоминает Г. К. Шамба [45, 42, 48, 60, 74, 77; 46], топоры отсюда — М. М. Гунба [23, 84]. Сведения о могильнике и связанных с ним железном оружии, бронзовых и серебряных предметах, о керамике приводятся в «Археологической карте Абхазии» [11, 15] и других работах Ю. Н. Воронова [19, 41].

Второй могильник характеризуется женским кремационным захоронением III в. н. э., доследованным Ю. Н. Вороновым в 1966 г. [11, 59, табл. XL, 34, 35; XLIII, 32; XLIV, 1, 27; 13, 12; 19, 41, рис. 42, 2, 3; 44, 3, 4; 45, 13], и отдельными находками, указывающими на длительный период использования этой территории под кладбище (с VI в. до н. э. по X в. н. э.), и собранными при совместных экскурсиях Ю. Н. Воронова с известными советскими археологами А. И. Тереножкиным, В. А. Ильинской, И. С. Каменецким и М. П. Абрамовой в 1969 и 1971 гг. [13, 12, рис. 4, 23].

В 1926 г. вблизи крепости и могильника был найден и почти весь разошелся по рукам крупный клад серебряных монет, чеканенных в Кесарии Каппадокийской в I—II вв. н.э. М. М. Иващенко удалось собрать сведения о 469 монетах [27] из этого клада, который затем многократно привлекал внимание исследователей — о нем писали А. Н. Зограф [24; 25, № 179], Е. А. Пахомов [33, № 179], В. В. Кропоткин [31, № 1577], К. В. Голенко [21, 65—66, 94—100, табл. 1—3], Г. К. Бокучава [10, 13—14], М. М. Трапш [40, 210—211], Ю. Н. Воронов [11, 59, 69, 13, 12; 19, 87—89, рис. 28, 2—9]. Г. К. Шамба [45, 75], М. К.

Хотелашвили и др.

Особое место занимают исследования Герзеульской крепости. Впервые о ней упоминает М. М. Иващенко в 1927 г. [28, 11]. Первое описание крепости было сделано в 1963 г. В. П. Пачулиа, который отметил здесь две башни, древнюю церковь и колодец, а на территории села зафиксировал следы водопровода из керамических труб [34; 35, 44, фото на стр. 41; 36,88; 37]. В 1964 г. В. П. Пачулиа осматривал крепость вместе с писателем Константином Симоновым. С 1962 г на памятнике проводил разведки Ю. Н. Воронов, которому принадлежат первый план крепости, опубликованный позднее В. П. Пачулиа [36, рис. 34], и другие сведения о характере построек и культурных напластований [11, 59, табл. XI, 7 XXVII, 30, 33—35, 40; XLV, 3; 12, 140—141; 13, 11; 19, 29, 30, рис. 3 и др.]. В марте 1965 г. крепость была описана и обфотографирована А. С. Вознюком. В 1972 г. крепость была осмотрена Л. Н. Соловьевым и О. Х. Бгажба. Систематические раскопки в крепости были начаты экспедицией Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР

436

в июле — августе 1973 г, под руководством О. Х. Бгажба и при участии студентов Воронежского государственного университета — Г. Постнова, В. Крупника и др. Были частично раскопаны средневековый храм и погребения при нем [47]. Материалы этих раскопок позднее частично опубликовал в своей книге о средневековом ремесле в Абхазии О. Х. Бгажба [8, 37, табл. I—IV]. В 1976 г. раскопки в крепости были продолжены. На этот раз были объединены усилия двух экспедиций Абхазского института — Герзеульской (руководитель О. Х. Бгажба) и Цебельдинской (руководитель Ю. Н. Воронов), в результате чего удалось не только откопать храм, но и выявить в толще платформы под ним огромную раннесредневековую цистерну, исследовать две башни, еще одну цистерну, ворота, произвести разведки в окрестностях [4, 463—464]. В этих раскопках приняли активное участие С. З. и Г. З. Лакоба, В. А. и Г. А. Логиновы. А. С. Четверухин, группа краеведов из СФТИ — В.А. Юшин, М.И. Залдастанишвили, С. Г. Новичков, С. С. Гришутин, Ю. Г. Рубанов, работник Сухумского аэропорта В. Молодцов и другие, осуществившие часть земляных работ на общественных началах, безвозмездно. Из других эпизодов, связанных с историей изучения памятников Герзеульского прохода, считаем нужным отметить следующие. В 1967, 1970, 1976 и 1978 гг. на территории Герзеульского могильника Ю. Н. Воронов и С. З. Лакоба проводили сбор кремневых орудий. Там же Ю. Н. Вороновым (1966 и 1977 гг.) и А. С. Четверухиным (1966 гг.) были зафиксированы и частично доследованы остатки поселения бронзового века. В 1966 г. В. А. Юшин, А. С. Вознюк и Ю. Н. Воронов обследовали грот у с. Тех [1—8]. В том же году Ю. Н. Воронов зафиксировал грот и следы поселений античного и средневекового времени в урочище Духан, впервые описал Герзеульскую пещеру. В 1973 г. О. Х. Бгажба и Ю. Н. Воронов выявили поселение античного времени у дороги в начале Герзеульского хребта. В сентябре 1977 г. Ю. Н. Воронов прошел траверсом Герзеульский хребет, зафиксировав в ряде пунктов остатки разновременных поселений, совместно с В. А. Юшиным произвел замер трассы древнего водопровода. Рекогносцировочный обход всего Герзеульского прохода был осуществлен также авторами и художником А. А. Судаковым в сентябре 1978 г. Рисунки для настоящей

работы выполнены Ю. Н. Вороновым, фотографии — В. Б. Левинтасом.

Как видно из сказанного, древности Герзеульского прохода обратили на себя пристальное внимание исследователей совсем недавно. Понадобилось несколько лет целенаправленного поиска, который позволил стереть еще одно белое пятно на археологической карте Абхазии. Перед авторами стояла трудная задача в одной небольшой книжке дать полный свод сведений об архитектурных и археологических памятниках Герзеульского микрорайона, сделать их достоянием науки и широкого читателя. Насколько это удалось, судить не нам.

437

Однако, как представляется, подобные «биографии» должно иметь каждое село нашей республики. Такие работы будут способствовать благородному делу выявления, изучения, охраны и популяризации памятников материальной и духовной культуры древней и средневековой Абхазии.

438

На берегах Мачары

Страшно смотреть на вершины гор, окутанные седыми облаками. Страшно взглянуть и на бездонный обрыв, по которому все время змейкой извивается река Маджарка... И как не любоваться такими дивными картинами!

К. Д. Мачавариани

Позади осталось село Мерхеул — мы только что пересекли очередной мост через р. Мачару и двигаемся в сторону Пацхирского или Ольгинского ущелья. Впереди полнеба закрыли горы — слева от ущелья Агыш, справа — Апианча. Рядом с дорогой появились руины древней башни, за ней еще и еще. Две стены этой башни давно рухнули, две другие — еще сопротивляются давлению шоссе и обвивающим их корням инжира. Не исключено, что именно здесь остановила когда-то коня П. С. Уварова и сделала в своем путевом дневнике запись: «На широкой поляне вдоль реки, заросшей колючкой, папоротником, ежевикой и пр., возвышается группа из девяти древних башен..., сложенных из кругляков и так сильно и густо обвитых кустарником и плющем, что, несмотря на цалды и топоры, мы только с трудом могли пробраться до одной из них, чтобы изучить ее форму и конструкцию; башня оказалась четверугольной с закругленными углами и, в связи с остальными, служила, вероятно, в былое время для защиты окружающей местности» [43, 34]. Теперь к башням подойти не очень сложно. Часть их свободно торчит посреди поля, другие, хотя и скрыты в глубине приусадебных участков колхозников, но вполне доступны — в одной башне сарайчик, в другой — винный погреб.

Башни и стена, их соединяющая, сложены из подручного материала — взятого из реки булыжника. В панцире стен использован крупный булыжник без всяких следов обработки. Ряды в кладке не соблюдались — поверхность стен представляет собой беспорядочное скопление разнокалиберных выпуклин. При возведении укреплений

использован грязно-белый раствор низкого качества. Помимо извести, в нем присутствуют не слишком обильные примеси

439

речного песка и гравия. Раствор применяли экономно — в толще стен попадаются пустоты, что пагубно сказалось на прочности сооружения. Как правило, башни имеют очень неглубокий фундамент, а часто обходятся и без него. Размеры башен в плане, как правило, не совпадают: башня № 50 — 7,5х7,5 м; башня № 51 — 9х8,5 м; башня № 52 — 8,5х8 м; башня № 53 — 8х7,5 м; башня № 56 — 8,5х8,5 м; башня № 57 — 9х8,5 м и башня № 58 — 9х8,5 м. Высота их составляет 4-6 м. Стены изнутри отвесны, снаружи немного сужаются вверх; толщина их у подошвы — 1,5-2 м, вверху — около 1 м. Слегка пирамидальная форма способствовала большей устойчивости башен, чем встроенных между ними промежуточных участков стены. В каждую башню вел вход, облицованный деревянными брусками и запиравшийся на бревенчатый засов, пазы от которого можно увидеть в некоторых постройках. Башни имели два этажа. Междуетажное перекрытие было деревянным, оно держалось на массивных балках, упирающихся в специальные углубления в стенах. С этажа на этаж попадали по приставной деревянной лестнице. Верхний край башенных стен обычно представляет собой узкую заглаженную раствором плоскость без следов зубцов, которые обычно характеризуют более древние оборонительные сооружения. Крыша в башнях, судя по всему, была не сплошной, образуя навесы вдоль стен [13, 13].

Между шоссе и входом в ущелье башни и стена образуют слегка изогнутую линию, длиной всего в 670 м, т. е. расстояние между соседними башнями составляет в среднем меньше 70 м. Известный советский этнограф-кавказовед Л. И. Лавров, знакомившийся с этим участком Келасурской стены осенью 1978 г., подчеркнул, что такое размещение башен может свидетельствовать о применении в период их использования ранних форм огнестрельного оружия. Об этом же говорит и форма бойниц, хорошо сохранившихся на участках стены восточнее Кодора [36, 126].

Вопрос об ориентации стены на этом ее участке решается легко. Основное значение при этом нужно придавать входным проемам — каждому понятно что в башни их защитники должны были входить со стороны защищаемой стеной пространства. В нашем случае все входы обращены на юго-запад, а стена, соединяющая башни, прикрывает дверные проемы с севера. Следовательно, защищаемое стеной пространство располагалось к югу и юго-западу от нее. О том, что этот участок стены предназначался для отражения нападений со стороны ущелья и лежащей за ним Цебельдинской долины, говорит башня № 59, которая предназначалась для переброски линии обороны на левый берег Мачары и увода ее к подошве Апианчи и далее к ущелью р. Кодор. Еще в 30-х годах XIX столетия знаменитым французским ученым и путешественником Ф. Дюбуа-де-Монперэ было отмечено, что цебельдинцы издавна представляли угрозу для прибрежного населения. Это и побудило строителей стены обратить особое внимание на укрепление этого наиболее удобного

440

выхода из Цебельды на побережье. Другая задача рассматриваемой оборонительной линии — охрана древней подгорной дороги, спускавшейся через Герзеульский проход к Мачаре, и брода через последнюю.

Тактическое значение рассматриваемой оборонительной линии на первый взгляд не было велико. Башни здесь возведены почти на самом берегу реки, разливы которой могли иногда препятствовать переброске к стене подкреплений и боевых припасов. В связи с этим Л. Н. Соловьев справедливо отмечал, что «трудно было выбрать более невыгодную позицию с протекающей сзади рекой» [38, 27]. Замыкающая линию башня (№ 58) построена у самой воды и настолько близко к скале, что в нее могут попадать соскальзывающие сверху камни. Тем более эту башню было легко обстреливать сверху врагам. И все же раннюю свою задачу — соединить с максимальной экономией сил и средств естественные препятствия (скалы, обрывы, ущелья и пр.) на пути вторжений со стороны гор — древние строители выполнили с большим искусством.

К сожалению, специальных раскопок Келасурской стены ни на этом, ни на других ее участках пока не проводилось. В 1966 г. на месте незадолго до того разрушенной башни (№ 49), к западу от вышеописанной башни № 50, были найдены остатки зарытого в землю пифоса позднесредневекового облика с грубым расчесом поверхности. Тогда же у башни № 59, на левом берегу Мачары, было подобрано несколько обломков глиняной посуды, отнесенной к «турецкому» времени. Шурфовка в двух башнях (№№ 47 и 53) выявила до 2 м завала стен (№ 47) и речных наносов (№ 53), под которыми на поверхности целика зафиксированы тонкий (0,1 м) слой пожарища и редкие обломки пифосов и кувшинов, датированных также поздним средневековьем.

В отношении даты и обстоятельств постройки Келасурской стены уже полтора столетия ведутся оживленные дебаты. Почти столетие господствовала точка зрения Ф. Дюбуа-де-Монперэ, считавшего, что эта стена была возведена древними греками задолго до рубежа новой эры. Затем М. М. Иващенко датировал стену VI веком, связав ее со строительной деятельностью византийцев. Эта дата с незначительными вариациями разделяется большинством исследователей [1, 152; 2, 53, 22, 150; 26, 86; 30, 243; 35, 36; 36, 125; 38, 88; 41, 149 и др.]. В последнее время сделаны попытки связать памятник со строительной деятельностью Левана Дадиани в XVII в. [9, 73; 14, 121 и др.].

У шоссе, выше описанных башен, в самом начале каньона Мачары, высится корпус Мерхеульского известкового завода. Над ним белеет рваное углубление карьера, где добывают известняк. В начале 60-х годов на месте этого карьера находилась небольшая (20х30 м) ровная площадка, при разрушении которой уничтожено свыше двадцати погребений с обрядом сожжения и трупоположения. В захоронениях присутствовал богатый инвентарь, от которого сохранились два меча, пять наконечников копий, два топора, один наконечник стрелы — всё оружие из железа, обломки четырех бронзовых фибул-застежек,

441

бронзовые браслет, бляха-застежка, скоба и двуспиральный завиток, серебряные фибула и подвеска с сердоликом в оправе, три бусины, обломки кухонных горшков и краснолаковой чаши.

Из двух мечей, обнаруженных на этом могильнике, один оказался двухлезвийным

(длина его 71 см). Близкие формы оружия хорошо известны по материалам из раскопок в соседней Цебельде, где выявлен богатый набор вооружения апсилов, использовавшегося в IV—VII вв. н. э. Совсем недавно среди происходящих оттуда мечей первого типа О. Х. Бгажба выделил серию изделий из дамасской стали. До недавнего времени, согласно сводке А. Антейна, миру было известно 28 экземпляров дамасских мечей римского времени, причем на территории Советского Союза — ни одного. Теперь устанавливается, что почти каждый из двухлезвийных мечей рассматриваемого типа, найденных в Абхазии, может оказаться изготовленным из дамасской стали. О преимуществе дамасских мечей над простыми железными говорить не приходится. Как свидетельствуют древние источники, римляне в войне с галлами были вооружены мечами из дамасской стали, в то время как последние — простыми железными мечами. Во время битвы мечи галлов при ударе сразу гнулись. Хороший меч ценился на вес золота и мог служить нескольким поколениям. Мечи из дамасской стали были важным предметом торговли, часто они продавались в страны, весьма удаленные от центров их производства. Судя по имеющимся данным, в III—VI вв. н. э. мечи из дамасской стали были еще очень редкими. В VII—VIII вв. — расцвет их бытования, а в XI в. они почти полностью исчезли.

Изучение одного из дамасских мечей, происходящих из Абхазии, произведенное О. Х. Бгажба в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР при консультации заведующего лабораторией проф. Б. А. Колчина и научного сотрудника Л. Хомутовой, показало, что его основа сварена из 6 перемежающихся стальных и железных полос. Железные полосы под микроскопом демонстрируют мелкое зерно, что свидетельствует об очень высоком качествековки. Стальные полосы изготовлены из высокоуглеродистой стали; сварочные швы исключительно тонкие и чистые. Рисунок на клинке напоминает собой букет, созданный сочетанием сваренных и скрученных белых (железных) и темных (стальных) полос. Это четвертый по имеющейся типологии и самый сложный вид узора, который встречается на самых ранних римских так называемых «нидамских» мечах III в. н. э.

Весь клинок меча целиком из дамасской стали никогда не делался. Дамасский узор обнаруживается на клинках в той их части, где проходит дол, и идет полосой вдоль клинка. При изготовлении же режущей части меча дамасская сталь не применялась — лезвия, приваренные к основе, лишь закалены. Таким образом достигалось сочетание твердости режущей части с вязкостью основы меча, что было важным и необходимым атрибутом оружия подобного рода.

442

В том, что дамасские мечи получили широкое распространение на территории Абхазии нет ничего неожиданного. Здесь находились такие крупные военные базы Рима, а затем Византии, как Себастополис, Питиунт, Зиганис и др., где размещались когорты — воинские подразделения римских легионеров. Эти когорты обслуживали различные ремесленники, в том числе и оружейники, которые передавали свой опыт и выходцам из местных древнеабхазских племен апсилов и абасгов, имевших на вооружении дамасские мечи. Последние могли попасть в местную культурно-этническую среду и как трофеи, и в результате обмена. Дамасские мечи, вероятно, широко использовались во

византийско-персидских войн в VI в., в которые были втянуты и предки современных абхазов.

Второй меч из рассматриваемого могильника принадлежит к типу однолезвийных. Длина его 58 см. Совершенно аналогичный цебельдинский меч, датируемый VI—VII вв., недавно исследовал О. Х. Бгажба в той же упомянутой выше лаборатории. Для анализа с клинка было взято два клинообразных шлифа — у острия и ручки. В первом случае клинок оказался сваренным из пяти железных полос, во втором этот признак отсутствовал. Такая разница выдает стремление древних оружейников сделать рубящую часть клинка более прочной, а прилегающую к рукояти — более вязкой, что предохраняло меч от поломки во время боя. Той же цели служил и широкий дол, проходящий с одной стороны вблизи спинки клинка, облегчая вместе с тем его вес. Очень тонкие и чистые сварочные швы свидетельствуют о сноровке ремесленников, имевших четкое представление о режиме температур, необходимых для многослойной сварки. Для улучшения боевого качества меча был использован также древний способ цементации, придающий клинку сталистую поверхность. Способ этот заключался в том, что лезвие предварительно обсыпалось порошком из рогов и нагревалось затем до определенной температуры. В результате стгорания органических веществ выделялся углерод, который, диффундируя (проникая) в железо, превращает его в сталь. Те места, которые цементировать не предполагалось, перед нагревом обмазывались глиной. Следовательно и более поздние, однолезвийные мечи древней Абхазии обладали такими ценными качествами, как упругость и вязкость клинка, твердость лезвия, что свидетельствует о высокой культуре железообрабатывающего ремесла у древних апсилов.

Очень интересны и наконечники копий — одно из них имеет широкое листовидное острие, характерное для вооружения апсилов в III—IV вв., у остальных перо пламевидной формы, что типично для заключительного этапа цебельдинской культуры (VII в.). К тому же периоду относятся наконечник стелы и железный топор с молоточковидным обухом.

Особняком стоит массивный топор с длинной тульей и широким лезвием. Первый на Западном Кавказе топор такой формы был найден в Цебельде бота-

443

ником Ю. Н. Вороновым в 1915 г. Топоры этого типа получили позднее в литературе название «цебельдинских» по месту их первоначального обнаружения. Из Цебельды и ближайших ее окрестностей известно ныне более 70 таких топоров, а по всему Восточному Причерноморью — около 150, причем это число постоянно растет. В погребениях эти топоры обычно находят у левого, реже у правого плеча в комплексе с двумя наконечниками копий. Сочетание топора с мечом в одном захоронении крайне редко, что позволяет предполагать существование у древних цебельдинцев специализированных воинских подразделений, топорноносцев и меченосцев. Топоры рассматриваемой формы появляются в Восточном Причерноморье в почти завершеном своем виде на сравнительно позднем этапе развития местной материальной культуры и не имеют здесь своих прототипов. Ни один из исследователей не смог выявить эти топоры в комплексах древнее IV века. Известный абхазский

археолог М. М. Трапш подчеркивал, что «более ранняя дата бытования таких топоров в Цебельде пока не устанавливается» [40, 148]. В то же время большинство комплексов с такими топорами датируется VI в.

В течение IV—VII вв. эти топоры в окрестностях Цебельды претерпевают определенную эволюцию. Экземпляр из нашей коллекции относится к ранним образцам, датируемым второй половиной IV — первой половиной V в. и характеризующимся небольшим срезом на нижнем угле лезвия, овально-прямоугольным проухом с плоской тыльной частью и удлиненной тульей. Металлографический анализ цебельдинских топоров позволил установить разнообразие технологических приемов апсильских кузнецов, изготавливавших свое оружие из высококачественных железа и стали с использованием приемов цементации, закалки и многослойной сварки.

Еще Б. А. Куфтин обратил внимание на сходство формы цебельдинских топоров с топорами позднеимперского времени из Германии и Богемии. Очень близки к рассматриваемой форме и топоры франков — так называемые франциски, имевшие также распространение в IV—VI вв. К сходным чертам относится общий контур этих изделий, свисающая лопасть со срезом на нижнем угле, некоторая вислообушность, овально-прямоугольный обух и др. Особенно примечательно, что длина рукояти цебельдинских топоров, с абсолютной точностью засвидетельствованная В. С. Орелкиным на рисунках жертвенного камня на горе Гуарап (Абхазский хребет), полностью совпадает с длиной рукоятей топоров из франкских могил. Эти топоры франки использовали в качестве метательного оружия. По сообщению крупнейшего византийского историка VI в. Прокопия Кессарийского, у этих топоров «железо было крепким, ... деревянная же ручка очень короткой. При первом же натиске по данному знаку они обычно бросают во врагов эти секиры, разбивая их щиты, и убивают их самих». Существуют специальные исследования по выявлению поражающей способности францисков в броске. И. Вернером, например, устано-

444

влено, что брошенный соответствующим способом (во вращении) этот топор образовывал «опасные зоны» для головы противника через каждые четыре метра своего полета. Применение боевых топоров в качестве метательного оружия засвидетельствовано у славян вплоть до XII—XIII вв. — например, новгородцы метали топоры в Липецкой битве.

Рассмотренные «цебельдинские» топоры использовались в первую очередь в военных целях как универсальный инструмент во время похода и боя. Применялись они, несомненно, и в хозяйственной деятельности. Внешнее и функциональное соответствие апсильских и франкских топоров той же эпохи, а также интересный факт распространения сходных форм топоров по обширной территории вдоль границ Римской империи от Кавказа до Бельгии позволяет предполагать в основе формирования цебельдинских топоров те же закономерности, которые обусловили общность и многих других изделий на варварской периферии позднеимперского и ранневизантийского мира (умбоны для щитов, поясные наборы, украшения, уздечки и др.). Не исключено, что прототипом рассмотренных топоров являлся римский боевой топор, изображение которого сохранилось на знаменитой колонне Траяна в Риме (II в.) и

который отличается от наших топоров лишь большей симметричностью лезвия. Бронзовые и серебряные фибулы из погребений у известкового завода относятся к тому типу украшений, который характеризовал апсильскую культуру на рубеже VI—VII вв. (по схеме А. К. Амброза и Ю. Н. Воронова). Подобные фибулы найдены в последнее время не только в погребениях апсилов, но и в культурном слое в крепости Цибилиум, где они твердо (с помощью иранской монеты начала VI в.) были датированы периодом после 550 г. н. э., когда эту крепость заняли персы. К поздним находкам относится и бронзовый браслет, концы которого украшены насечкой. Подвеска же с сердоликом гораздо древнее — ее аналоги встречаются в комплексах III—IV вв. [40, 218, табл. XVII]. Бусы представлены двумя экземплярами из янтаря и одной трехчастной стеклянной бусиной с внутренней металлической прокладкой серебристого цвета. Украшения последнего типа пользовались большим спросом в античную эпоху. Древнейшие их экземпляры, датированные IV в. до н. э., найдены в Египте, откуда способ их производства позднее был заимствован многими ремесленными центрами Средиземноморья. Способ этот сводился к следующему: кусочек металлической (золотой или серебряной) фольги, толщиной до 0,0001 мм, наносился на стеклянную трубочку-основу, на которой закреплялся с помощью какого-то растительного клея. Затем изделие подогревалось до температуры 600–800° и поверх размягченного стекла, соединенного с металлом, наливалось расплавленное стекло, которое образовывало наружную оболочку толщиной в 0,5–1 мм. Рваные закраины нашей бусины относят ее к поздне римскому времени (II—III вв. н. э.). Столь же ранней смотрится и бронзовая двуспиральная подвеска — подобные изделия в Цебельде с течением вре-

445

мени увеличиваются в размере, давая наиболее крупные формы в V—VI вв. Назначение круглой выпуклой бляхи с поперечной планкой на обороте, петлей сверху и выпуклой розеткой в центре, как и скобы на двух гвоздиках, пока не ясно. Аналоги ее известны в Болгарии.

Мы познакомились очень кратко с памятниками, отражающими историю наиболее западной окраины Герзеульского прохода. Теперь наш путь идет на восток, на левый берег Мачары, где зеленеют сады села Герзеул.

446

От Мачары до Герзеула

Заметны еще поныне следы древней... дороги.

И. А. Владимиров

Следы древней дороги от брода через Мачару вдоль небольшого ее левого притока полого поднимаются вверх, сворачивая постепенно к востоку. Затем дорога переходит на гребень, идущий параллельно известковому кряжу, увенчанному руинами Герзеульской крепости. Слева, внизу, на дне небольшого ущелья, остается очень красивый водопадик, тонкой серебристой струйкой устремляющийся в небольшой

котлован с 10-метровой высоты.

Где-то здесь осенью 1926 г. на участке крестьянина Начкебия найден знаменитый клад серебряных монет. Свыше 500 кружочков с ликами римских императоров покоилось в небольшом кувшинчике, рядом с которым лежали различные предметы из бронзы и золота. Клад и вещи немедленно разошлись по рукам. М. М. Иващенко удалось с трудом уговорить сельчан показать ему хоть часть найденного. Среди 469 просмотренных монет были определены золотое подражание статеру фракийского правителя Лисимаха, один серебряный динарий первого римского императора Августа. Остальные монеты трех номиналов (220 дидрахм, 169 драхм и 78 триоболов) принадлежали к продукции монетного двора города Кесарии Каппадокийской. Один экземпляр был чеканен в период правления императора Нерона (54—68 гг.), 30 — при императоре Веспасиане (69—79 г.), 9 — при Домициане (81 — 96 гг.), 22 — при Нерве (96—98 гг.), 165 — при Траяне (98—117 гг.), 90 — при Адриане (117—138 гг.), 63 — при Антонине Пие (138—161 гг.), 28 — при Люции Вере (161—169 гг.), 59 — при Антонине Пие и Марке Аврелии (161—180 гг.). Тогда М. М. Иващенко удалось выпросить для Сухумского музея 107 монет, обломки бронзового треножника и подставки для светильника, два золотых лепестка от венка. Позже, уже после публикации основной части клада, М. М. Иващенко достал еще 8 монет, которые передал в Государственный музей Грузии. Одна из этих монет относилась ко времени правления Домициана (91—92 гг.), одна — Нервы (98 г.), три — Траяна (112—117 гг.), одна — Адриана (121—122 гг.), одна — Антонина Пия (139 г.) и одна —

447

Люция Вера (161—169 гг.). Исчерпывающую публикацию 59 монет, которые ему удалось осмотреть в музеях в 1963 г., сделал К. В. Голенко [21, 94—100]. Согласно же сводке Г. К. Бокучава [10, 13—14], в Абхазском государственном музее в 1964 г. имелось 87 герзеульских монет.

Монеты Герзеульского клада несут на себе значительную информационную нагрузку. На их лицевой стороне прекрасно сохранились портреты императоров в лавровых венках и надписи вокруг («императорские легенды»), передающие их имена и титулы, на оборотной стороне можно видеть изображения различных богов и другие сюжеты. На монетах Домициана изображена богиня Афина в шлеме, которая держит в правой вытянутой руке сову, а левой — опирается на копье. На другой монете того же императора — изображение палицы Геракла. На оборотной стороне монет Нервы изображена Свобода — женская фигура в характерном одеянии и с соответствующими атрибутами в руках (жезл и др.). Особенно богаты такими сюжетами монеты Траяна — на одной видим гору Аргей, на вершине которой стоит обнаженная фигура в короне, с жезлом и сферой в руках, на другой — две руки, соединенные в рукопожатии, между которыми помещен украшенный лентами значок легиона, на третьей — обнаженная фигура Аполлона, который держит в правой руке лавровую ветвь, а в левой — лук и стрелу, на четвертой — богиня Тихе в венце и соответствующем одеянии, которая стоит, опираясь правой рукой на корабельный руль, а в левой держит рог изобилия, на пятой — идущая богиня Ника с венком в правой протянутой руке и с пальмовой ветвью, положенной на плечо, в левой руке, на шестой — гора Аргей с обнаженной фигурой на ее

вершине, на седьмой — палица Геракла. На монетах Адриана присутствуют палица, богиня Ника, гора Аргей с обнаженной фигурой или с тремя звездочками, сидящая богиня Тихе в соответствующем одеянии и головном уборе, держащая в левой руке рог изобилия, а правой опирающаяся на руль. На обороте монет Антонина Пия присутствует гора Аргей с обнаженной фигурой. Аналогичное изображение украшает монету и Люция Вера.

Всякий монетный клад, по определению известного советского нумизмата А. Н. Зографа, представляет собой «значительную денежную сумму... — определенный капитал путешествующего торговца, походную кассу военного отряда, сбережения какого-либо горожанина и пр., зарытую ее обладателем в каком-либо вместилище (горшке, металлическом сосуде, мешке и т. д.) в землю с целью уберечь ее от хищных взоров путевых разбойников-грабителей или неприятелей, разоряющих страну. Если владельцу за смертью или отъездом не удастся по миновании опасности вновь выкопать свое сокровище, то оно остается в земле и выкапывается в наше время при вспашке почвы, при земляных работах, при археологических раскопках» [24, 106]. А. Н. Зографом дата зарытия Герзеульского клада определена в пределах 161—182 гг. н.э.. примерно 168 г. «В этом году, — писал А. Н. Зограф, — по-видимому, произошли

448

нения на Кавказе, сопровождавшиеся, между прочим, убийством царя эниохов — племени, обитавшего в современной Абхазии. В ходе этих волнений и вызванных ими военных действий римского наместника Каппадокии Марция Вера вполне естественно зарытие клада» [24, 106].

Герзеульский клад монет, несомненно, отражает какой-то очень важный эпизод во взаимоотношениях Апсилии — этого известного древнеабхазского политического образования с Римской империей. В момент зарытия клада приморская часть Апсилии, как и всей Колхиды, входила в состав римской провинции Каппадокии. Ближайшей к Герзеулу римской крепостью был Себастополис, располагавшийся на берегах Сухумской бухты. От Себастополиса к Герзеулу шел важный путь, который как раз вблизи места находки клада раздваивался — одна его ветвь шла в Цебельду и дальше к перевалам на Северный Кавказ, другая — направлялась в сторону Центральной Колхиды, к району нынешнего Сурамского перевала. У развилки этих важнейших дорог несомненно должен был находиться какой-то населенный пункт, где могли останавливаться путники на ночь — от Себастополиса до Герзеула как раз один, дневной переход для путешествующих пешком или на лошадях с грузом. Кесарийская серебряная монета в этот период служила не только удовлетворению денежных потребностей почти всей римской Малой Азии и прибрежных районов Восточного Причерноморья. Судя по находкам в погребениях апсильов в Цебельде, эта монета пользовалась большим спросом и у местных племен, особенно, вероятно, у их родовых старейшин и вождей. Уже в начале II века во главе Апсилии стоял базилевс (царь-военачальник) с римским именем Юлиан, который принял знаки царской власти от императора Траяна. Как обычно бывало, помимо знаков власти, местные правители регулярно получали от римских императоров крупные денежные суммы в обмен за лояльность, поддержку торговцам, участие в обороне подступов к римским укреплениям на побережье. Не исключено, что очередная такая

сумма была отправлена апсилийскому правителю в конце 60-х годов II в. Посланец императора, застигнутый врасплох грабителями, успел закопать в землю монеты и другие подарки (золотой венок и проч.), а затем он и его спутники были перебиты. Подобная ситуация вблизи этих мест возникла и в VI веке, когда посланник Юстиниана Сотерих привез деньги для раздачи северо-кавказским племенам и остановился в Бухлоонс (совр. Пахулан №) — одном из населенных пунктов соседней с Апсилией Мисиминии. Византийский историк Агафий следующим образом описывает дальнейшие события: «Сотерих... когда настала ночь, беззаботно лег спать, не расставив никаких караулов. Равным образом его сыновья, спутники, домашняя прислуга и рабы, следовавшие за ним, все они более беззаботно, чем следовало..., предались сну. Между тем мисимияне, не стерпев полученного оскорбления, вооружились, набросились на них и, ворвавшись в помещение, где почивал военачальник, немедленно перебили спав-

449

ших рабов. Когда, естественно, поднялся сильный крик и шум, сознание беды дошло до Сотериха и прочих, которые там находились. Когда они со страхом соскочили со своих постелей, еще отягченные и расслабленные сном, то совершенно не могли защищаться. У одних запутанные шкурами ноги препятствовали движению. Другие же, бросившись за мечами, чтобы принять участие в беспорядочной схватке, беспомощно метались впотьмах, не зная, что делать, и наталкивались на стены, позабыв, где положили оружие. Некоторые, отчаявшись в обрушившемся на них бедствии, ничего и не предпринимали, а только звали один другого и издавали жалобные вопли, не зная, что предпринять. Когда они находились в таком состоянии, ворвавшиеся варвары изрубили и самого Сотериха и его детей и всех прочих; разве только кто случайно ускользнул через заднюю дверь или другим способом. Когда преступники это сделали, они ограбили поверженных и все имущество, которое те привезли с собою, и сверх того императорскую казну...» (Agath., III, 16). А было у Сотериха в этой казне 28 тысяч золотых монет — во времена Юстиниана I Империя платила своим союзникам-соседям значительно больше чем во II веке!

Еще один небольшой спуск, затем подъем и мы, легко преодолев полуторакилометровый путь от брода через Мачару, оказываемся на довольно широкой поляне, где когда-то находился Герзеульский могильник античной эпохи. В течение последнего столетия площадь эта интенсивно распахивалась и перекапывалась, в результате чего почва была смыта до мергелей, а вместе с ней было разрушено и большинство захоронений и других следов былой человеческой жизни.

Взгляд привычно скользит по неровной поверхности склона, выхватывая то обломок керамики, то замшелый булыжник, то почерневшую кость. Таким способом в разные годы была собрана на поляне довольно выразительная коллекция кремневых отщепов и пластин, указывающих на заселенность этих мест с эпохи среднего палеолита — около 50 тысяч лет назад здесь бродили охотники в поисках дичи, изготавливали из кремня орудия. На спуске к Большому Герзеульскому ручью, который протекает по ущелью, отсекающему кряж крепостью от Апианчи, хорошо видны остатки поселения более позднего времени — по размытому дождями склону вразброс лежат обломки каменных орудий и грубой лепной посуды. Между двумя канавами на небольшом возвышении

удалось на площади в три квадратных метра и на глубину до 0,2-0,4 расчистить ножом небольшой участок древнего жилища. Закраина сосуда орнаментом из ряда треугольных вдавлений, донышко лепного горшочка, несколько обломков керамических стенок с глубоким расчесом поверхности, рубилообразные каменные орудия, пластинка из кремня — таков полный перечень сделанных здесь находок. Раньше здесь был найден край сосуда с петлевидной ручкой, в верхней части которой налеплены два кружочка. III тысячелетие до н. э. — такова пока наиболее вероятная дата этого поселения. Длинный железный нож изогнутой формы и обломок бронзового браслета с

450

весловидным концом, подобранные на поверхности почвы, свидетельствуют о существовании здесь в VI—V вв. до н. э., скорее всего, могильника. Близкие ножи известны из краснояцкого и других раннеантичных могильников Абхазии. Такая форма ножей сложилась в раннежелезную эпоху на территории Урарту, откуда распространилась по всему Закавказью.

О том, что могильник здесь существовал и в позднеантичную эпоху, говорят не только случайные находки (бронзовые браслет с сетчатой орнаментацией и спорная цепочка), но и одно почти целиком сохранившееся женское кремационное захоронение в урне — небольшом красноглиняном кувшинчике, от которого сохранилась лишь донная часть. Среди пережженных костей найдены две бронзовые одночленные фибулы-застежки, украшенные обмоткой с завитками, два бронзовых браслета — концы одного украшены головками змей, бронзовые височная подвеска и кольцевидная серьга, железный нож, кремень для добывания огня, бусины — 2 синих стеклянных, 5 гагатových, 3 янтарных, 3 пастовых — черная, красная и белая. Погребение датировано второй половиной III в. н. э. [20, 187]. Серия захоронений без инвентаря, совершенных по христианскому обряду, составляет верхний горизонт могильника [19,41].

В погребениях начала и середины I тысячелетия н. э. на территории Абхазии очень часты находки гагатových (гешировых) и янтарных бус. Гагат — это минерал органического происхождения, образованный отложениями хвойной древесины в морском иле. Он встречается отдельными кусками в горных породах либо в пластах бурого угля, смолистой разновидностью которого и является гагат. Его часто также называют геширом — это кавказское название широко распространилось благодаря тому, что на Кавказе находятся крупнейшие его месторождения. В окрестностях Кутаиси, например, до сих пор в заболоченных местах, покрытых ольховым и каштановым лесом, известны карьеры по разработке гагата. Выделка изделий из него была долгой, но не сложной. Главной заботой древних мастеров было сохранение в гагате необходимой влажности, без чего он быстро трескался и рассыпался. Зато этот материал легко режется, сверлится и полируется. Изделия из него весьма привлекательны своим глубоким черным тоном.

Минералом органического происхождения является и янтарь. Это ископаемая смола хвойных деревьев третичного периода. В античный период янтарь широко использовали для всевозможных поделок, им облицовывали внутренние помещения парадных зданий, украшали мебель. Уже древние авторы отмечали такие свойства янтаря, как особенность расцветки, способность наэлектризовываться от трения и притягивать мелкие

предметы, лекарственные свойства, горючесть, вероятность включения разнообразных насекомых. Знаменитый римский географ и историк Плиний Секунд, погибший при извержении Везувия в 79 г. н. э., писал, что янтарь «в роскоши чтят столь высоко и что сделанное из него изображение человеческое, сколь бы мало оно ни было,

451

превосходит ценою живого и здорового человека». Геологически выделена Балтийско-Днепровская янтароносная провинция, с территории которой и поступал в основном янтарь в мастерские Средиземноморья и Причерноморья, откуда уже готовые изделия расходились то всему античному миру и его периферии.

От могильника хорошо обзриваем склон Апианчи. Видно, как тропа, только что исчезнув в ущелье, снова вьется уже по противоположной его стороне, а затем раздваивается. Левое ее ответвление уходит через заросли самшита и осыпи, мимо небольшого карстового озерца и водопада вниз к ущелью Мачары. Главная же тропа устремляется вверх мимо родника и покинутых садов. Метров 160 крутого подъема и перед нами зеленая лужайка, где в траве краснеют обломки средневековых сосудов. Рядом, в зарослях на крутом склоне, прячется вход в Герзеульскую пещеру, впервые обследованную нами в 1966 г. Ширина входа до 4 м, но потолок низок — всего полтора метра. За порогом ступень, за ней вторая — можно выпрямиться. Еще дальше — 9-метровый обрыв. Здесь в вестибюле пещеры, как рассказывают местные жители, в нише, лет сорок назад стояла каменная «икона» — плита с изображением креста, которая затем упала в провал. Основной ход ведет вправо, где раздваивается. Правая ветвь тянется метров 15 горизонтально, потом уходит резко вниз и заканчивается тупиком. Левое ответвление представляет собой наклонную трубу, заканчивающуюся 2-метровым обрывом и дном основной шахты. Оно завалено обломками известняка, упавшими сверху. По стенам стекает вода, кое-где прицепился мох. Вправо уходит щель — по ней ползком преодолеваем метров 10 и выходим на карниз над 4-метровым обрывом. За ним небольшой, очень уютный грот, украшенный сталактитами. В углу мы увидели небольшое отверстие, из которого тянуло холодом. Позже известный краевед и спелеолог В. Юшин расширил это отверстие в надежде найти за ним большую пещеру. Однако наградой за труды оказался дополнительный ход метров на 50, заканчивающийся на этот раз пробным тупиком.

452

Герзеульская крепость

Место, где находятся эти башни, мне показали издали от греческой школы, но из-за сумерек... не смог осмотреть.

М. М. Иващенко

К западу от могильника хорошо виден подъем к крепости — узкий известняковый гребень, вдоль которого идет тропа, выбитая тысячами ног в течение многих столетий. Когда-то здесь шли строители, солдаты, богомольцы, в последние годы участвовали

посещения археологов, теперь здесь часто можно видеть и туристов. Дорога полого поднимается через заросли самшита и боярышника, уходит в сень дубов, граба и орешника. Справа и слева ее ограждают крутые склоны и обрывы. Известняки лежат почти вертикальными пластами; на гладкой их поверхности выступают панцири ископаемых «ежей» и других животных, населявших миллионы лет назад плескавшийся здесь океан. Вот пробежала юркая зеленая ящерица, а чуть поодаль в расщелине затаилась, свернувшись кольцом, кавказская гадюка — единственная ядовитая змея в Абхазии.

Наконец путь преграждают руины башни, стены которой сохранились до высоты 5 метров. Сложены они из ломаных, слабо обработанных мелких блоков известняка на прочном серовато-белом известковом растворе с довольно обильной примесью мелкого гравия и песка. Ряды в кладке в основном выдержаны, а на уровне порога наружного входа в башню проходит пояс кирпича, положенного в один ряд. Вход этот приподнят над уровнем скалы метра на полтора, так что попасть в него было возможно только по приставной лестнице. Внутренность башни была целиком на глубину до 2 метров заполнена обломками камня, кирпича, раствора и земли, поверх которых выросли вековые деревья. Чтобы разобраться, в конструкции башни, узнать, что оставили на ее полу древние строители и гарнизон крепости, пришлось вручную очистить ее внутреннее пространство. Сначала были срублены деревья и выкорчеваны пни. Вспоминается очень характерный случай. Как раз в момент корчевки самого большого пня, вместе с корнями и землей на них весившего не

453

менее 120-150 килограммов, когда силы наши иссякали, на башню поднялся атлетического сложения мужчина и сочным голосом представился: «Мухарбек Камбулатович Есиев, доктор технических наук, профессор МВТУ имени Баумана». Он потеснил рабочих к краю башни и умело, с захватывающей радостью впился ломом под корни пня, раскачал его, затем, отбросив лом обнял громаду руками, напрягся и... на глазах изумленной публики пень оторвался от земли и рухнул в обрыв. Таких добровольных, затем много расспрашивавших помощников перевидали мы немало. Раскопки в башне позволили установить интересные особенности ее конструкции, а также выявили много материалов, рассказывающих об истории крепости. Как выяснилось, башня (ее наружный размер 7х7 м) заключала в себе два смежных помещения, разделенных стеной с дверным проемом. Оба помещения имели одинаковые размеры — 1,6 х 3,35 м. Еще одна дверь выводила из башни на внутренний крепостной двор. Таким образом, в башне имелось три последовательных входа одинаковых размеров (ширина — 1,15 м; высота — 1,8 м). Все они были перекрыты в свое время кирпичными арками; остатки одной из них хорошо видны на внутренних дверях. Оба помещения имели каменный потолок, поверх которого находилась боевая площадка, огражденная барьером с зубцами. Высокий порог внешнего входа был выложен кирпичом. В примыкавшем к нему помещении вдоль южной и западной стен сохранился узкий цокольный выступ, на который, вероятно, опирался деревянный пол. Средняя дверь имела очень низкий порог, у внутренней двери он отсутствовал — здесь на этот уровень выходит скала.

В завале строительного мусора (горизонт накоплений «А») были найдены в большом количестве квадратные (28 x 28x5 см) и прямоугольные (30x1x4 см) кирпичи от дверных арок, обломки черепицы, уникальный керамический желоб — слив, служивший, по-видимому, для отвода дождевой воды с боевой площадки башни. В слое «Б» (мощность его 0,1-0,2 м), образованном накоплениями последнего периода жизни крепости, найдены массивные венчики больших хозяйственных сосудов — пифосов, один из них покрыт отверстиями, способствовавшими более равномерному обжигу изделия, на другом треугольное вдавление — знак мастера. Пифосы близких форм широко использовались в развитом и позднем средневековье (XII—XVII вв.). Найденные здесь же кухонные горшки были характерны в основном уже в позднем средневековье (XIV—XVII вв.). Таковы и обломки кувшинов — ручка с наколкой и крач широкого вертикального венчика. На позднюю дату, вероятно, указывает и отсутствие поливной посуды, обычной для памятников Абхазии XI—XIV вв. Из других находок интересны цилиндрическое керамическое пряслице и гранитные ядра. Ниже лежавший горизонт «В», (мощность — до 0,3 м) представлял собой смесь земли с песком, гравием и известью без единого черепка посуды — надо полагать, что он накопился в период, когда крепость была заб-

454

рошена и дождевые потоки намывали в башню всякий мусор. Горизонт «Г» (мощность — 0,1-0,2 м) состоял в основном из золы и мелких угольков. Наиболее достоверное объяснение этому обстоятельству — сильный пожар, во время которого выгорели пол и двери. К пожару привело скорее всего неудачное для защитников крепости сражение, после которого жизнь в ней долго не возобновлялась. Под слоем пожарища снова оказались накопления культурного слоя (горизонт «Д», мощностью до 0,2 м) с большим числом обломков керамики. Здесь пифосы отсутствовали, зато набор кухонной и столовой посуды оказался более богатым. Горшки, вазочки, миски, сковороды и другая посуда по своему облику перекликаются с раннесредневековыми материалами (VIII—X вв.) из других районов Абхазии. Интересен обломок закраины сосуда из зеленоватого прозрачного стекла с ирризованной поверхностью. Здесь же попадались обломки песчаниковых плиток со следами использования, кости животных, главным образом мелкого рогатого скота, Ниже выделена небольшая прослойка («Е») накоплений строительного мусора, лежавшего поверх приставших к скале («Ж») кусков и капель раствора, указывающих на то, что перед началом строительства скала была полностью очищена от земли.

В задачу этой башни входила охрана подступов к главным крепостным воротам, которые мы обнаружили в 25 метрах к северо-западу. Взаимное расположение башни и защищаемых ею ворот было обусловлено тем строительным принципом, о котором писал еще известный античный архитектор I в. до н. э. Витрувий: «Главным же образом следует заботиться о том, чтобы подход к стене при нападении был нелегким, для чего обводить его по краю кручи с таким расчетом, чтобы дороги к воротам вели не прямо, а слева. Ибо раз это будет сделано так, то нападающие окажутся обращенными к стене правым боком, неприкрытым щитом». Так и здесь. Врагу сначала надо было подойти по узкому гребню к башне, а затем пройти по столь же узкой тропе между обрывом и стеной, откуда сыпались стрелы, копы и камни, к воротам. Если все же враг добирался

до ворот и пытался их сломать, открывалась внешняя дверь башни и в тыл штурмующим ворота выскакивал отряд защитников.

Ворота Герзеульской крепости отличаются простотой и совершенством. Ширина их проема, перекрытого сверху кирпичной аркой, снаружи составляла 1,6 м при вероятной высоте 1,8 м. Изнутри ворота имели форму коридора, шириной до 2,6 м, при длине свыше 5 метров. Полотно ворот замыкалось с помощью бруса, скользящего в толще стены. Очень близкой конструкции ворота выявлены и при раскопках Цибилиума и Археополя, которые датируются временем от второй половины IV до первой половины VI в. За входом в глубине коридора скала круто поднимается вверх. Строители высекали в ней три ступени. При расчистке ворот на поверхности скалы был найден кусок железной обивки с беспорядочными мелкими отверстиями треугольной формы, которые, возможно, оставлены стрелами. Здесь же было найдено покрытое

455

наколкой полое дно «жаровни», подобные которой были известны вплоть до позднего средневековья. Обломки горшков, ваза, ручки и бок кувшина с налипшим рантом могут быть отнесены к раннему средневековью.

Крепость протянулась в длину почти на полкилометра — длина северной линии стен до 480 м. Ширина же огражденного стенами пространства не превышает 50 м. С севера оборонительная линия идет почти все время по гребню горы, с юга она немного спускается вниз, охватывая часть склона. Толщина стен — 1,8-2 м. Судить же об их высоте трудно, т. к. нигде они не сохранились выше 4-5 м. Можно полагать, что поверх стены шла боевая платформа с зубчатым барьером. Почти всюду, особенно на северной стене, виден однорядный, а иногда и двухрядный кирпичный пояс. Кирпич квадратный, того же типа, что и в башне. На его лицевой поверхности часто видны выдавленные пальцем до обжига перекрещивающиеся диагональные полосы. Они способствовали лучшему сцеплению в кладке стен и арок известкового раствора с кирпичом. Этот прием был широко известен в раннесредневековом зодчестве. По склонам горы ниже стен попадают обломки древней глиняной посуды, но их намного меньше, чем под стенами крепостей соседней Цебельды. На территории Герзеульской крепости выявлено несколько интересных сооружений, в основном расположенных вдоль северной стены, рядом с которой идет и современная тропа.

В 70 м от привратной башни можно осмотреть цистерну № 1, которая занимает впадину между двумя скальными выступами. Внутренний ее размер 3,1x4 м, при толщине стен свыше 1,5 м. Цистерна разделена на две части выступами (0,9x0,7 м), которые служили опорой для арки; последняя, как и, вероятно, весь свод, была сооружена из прямоугольного (36x28x4 см) и квадратного (29x29x5 см) кирпича. Внутренняя поверхность каменных стен цистерны покрыта толстым (до 2 см) слоем штукатурки, поверхность которой заглажена местами до блеска. Кое-где заметна цемянка — известь с толченой керамикой, характерная для позднеримских и византийских построек. Емкость цистерны до 25 кубометров воды. При расчистке в ней не оказалось ничего, кроме строительного мусора. Кирпича хотя у строителей и было достаточно, все же раствору придавалось большое значение — его прослойки между кирпичами толще, чем они сами. На кирпичах часты отпечатки козьих копы г. собачьих лап, различные рисунки

и знаки — на одном нанесен пальцем круг с девятью лучами, расходящимися из центра, на другом — нацарапаны какие-то буквы, на третьем — свастика и, возможно, крест. Найденные вне крепостной стены на склоне вблизи цистерны обломки венчиков пифосов, дно горшка с пористыми стенками и пряслице можно датировать VII—VIII вв. Не исключено, что в момент строительства крепости здесь уже существовало какое-то поселение.

Еще выше, примерно в 100 м от первой цистерны, выявлена вторая, гораздо большая по размерам. Эта цистерна оказалась скрытой в толще огромной

456

искусственной платформы, возведенной из грубообработанных мелких квадров известняка, перемежающихся в облицовке с трехрядными и двухрядными кирпичными поясами. Водоем имеет крестообразную в плане форму и состоит из основной прямоугольной камеры, размером в плане 2,6х5,1 м и высотой до 3,7 м, и двух боковых камер, углубленных на полтора метра в стены первой. Ширина их до 2,3 м, а высота — почти 2 м. В целом внутреннее пространство цистерны слегка ассиметрично. Своды ее сложены из квадратного (30х30х4 см) и прямоугольного (30х15х4 см) кирпича, причем в основании арок использованы особо массивные керамиды темного обжига (33 х 23х8 см). Поверхность пола, стен и сводов покрыта толстым (до 2 см) слоем штукатурки, затертой местами до блеска. Здесь также отмечено использование цемянки. Цистерна могла вместить до 50 кубометров воды.

Платформа имеет ассиметричную форму: длина ее по восточной стене — 21 м, по западной — 16,5 м, ширина же всюду одинакова — 8,6 м. Платформа состоит из двух частей — в южной находится цистерна, северная же, более короткая, не исследована. В стенах южной части платформы проходят многорядные кирпичные пояса, а в северной постройке они отсутствуют. Зато в ее стене видны три каких-то отверстия. Поверх южной части платформы одновременно с нею было построено здание, от которого сохранились частично две стены — восточная и северная. В наружной кладке первой видны три двухрядных кирпичных пояса. В северной стене было два входных проема, разъединенных простенком с тремя трехрядными сквозными кирпичными поясами. Стены были дважды штукатурены, причем поверхность наружной штукатурки была закопчена. Крыша этого здания, вероятно, выполняла функцию площадки для сбора дождевых вод. Платформа и здание были возведены одновременно с оборонительными стенами крепости — юго-восточный угол платформы сложен с ними вперевязку. В северо-западном углу платформа образует нишу между двумя стенами (в южной хорошо видны двухрядный и трехрядный кирпичные пояса), тогда же заложены бутом. Изнутри стены здания были покрыты штукатуркой, местами образующей два слоя. В оборонительных стенах и других постройках Герзеульской крепости широко использовались кирпичные пояса в один, два и три слоя. Стены, в которых применялась такая конструкция, представляли собой фактически чередование слоев камня и кирпичей, т. е. были сложены так называемой смешанной кладкой (*opus mixtum*). Это вид конструкции стен зародился и затем широко использовался в римском строительстве императорского времени, затем он широко применялся в раннесредневековых постройках Византийской империи. Оттуда он пришел и в Колхиду,

где пользовался исключительной популярностью в IV—VII вв. Кирпичные слои смешанной кладки предназначались для выравнивания осадки стен и для укрепления всей конструкции. Они в Герзеульской крепости, как и повсюду, имеют гораздо меньшую высоту,

457

чем слои камня, которые несли основную нагрузку. Наблюдениями над числом кирпичных рядов в таких поясах занимались многие исследователи (П. Лемерль, С. П. Бобчев, В. А. Леквинадзе). Им удалось установить и подтвердить многими примерами, что число кирпичных слоев в поясах увеличивалось с течением времени, а с VII века, помимо построек с шестьюрядными и семьюрядными кирпичными поясами, вновь появляются сооружения, в которых число кирпичных рядов уменьшается и перестает подчиняться какой-либо закономерности. Думается, что и Герзеульская крепость в этом отношении являет хороший пример. Находки в башнях и цистернах крепости древнее VIII—IX вв. не обнаружены.

Вместе с тем, если наиболее поздним в Абхазии и, по-видимому, во всем Восточном Причерноморье, оборонительным сооружением со смешанной кладкой была Анакопия (20—30-е годы VII в.), то теперь пальма первенства как будто переходит к Герзеульской крепости, продвигая существование соответствующих традиций, вероятно, почти на целое столетие вперед.

До завершения раскопок думали, что на месте второй цистерны находился лишь «раннехристианский» храм. Храм действительно здесь был, но он оказался сравнительно поздним — не ранее XI—XII вв., а может быть, и XIV в. Крепость была давно покинута, все заросло лесом, здание над платформой, разрушилось (вероятно, рухнули его западная и южная стены), когда сюда снова пришли строители. Возможно, они думали, что здесь прежде уже был храм; не исключено, однако, и то, что их просто привлекали древние руины как своим выгодным («поближе к богу») расположением, так и обилием строительного материала. Во всяком случае они использовали восточную и северную стены древней постройки, а западную и южную возвели заново, но не на древнем фундаменте, а сдвинув их к центру платформы. В результате наиболее тяжелая, алтарная часть церкви оказалась прямо над сводом цистерны. В северной стене строители храма заложили один из входных проемов и сузили второй. В углах и в средней части боковых стен они возвели многоступенчатые пилястры, на которые опирались арки, поддерживавшие свод. Нижняя часть пилястров была сложена из известняковых столбиков, выше был использован речной туф. Последний материал лежал также в основе арок перекрытия, им были сужены двери в церковь. Вдоль стен появилось широкое каменное сидение. Раствор, на котором было построено здание церкви, оставлял желать лучшего — это довольно рыхлая известково-глинистая масса светло-коричневого цвета. Не удивительно поэтому, что, несмотря на то, что платформа и связанная с нею постройка сохранились со времени основания церкви почти в неизменном виде, от храма мало что осталось. Можно отметить и еще одну небрежность строителей храма — ориентировка его не учитывает важный принцип: алтарная часть, как правило, должна быть направлена на восток. Герзеульский же храм, как и платформа, ориентирован на юг.

Интерьер церкви украшала известняковая алтарная преграда, разновременные обломки которой были обнаружены при разборке завала цистерны — это часть колонн, блоки с рельефными изображениями арок, двойных и тройных столбиков, фрагмент мраморной плиты, сильно оббитая плита с изображением равноконечного креста в круге и рамке. В отличие от остальных деталей преграды, последняя плита была явно во вторичном использовании — ее поверхность сильно испачкана раствором. Под ним сохранились следы красной краски, когда-то покрывавшей углубления между концами креста. На торце этой плиты оказались остатки какого-то процарапанного изображения.

Как только церковь была построена, при ней возникло кладбище. Прежде всего, конечно, внимание средневековых герцезульцев должна была привлечь цистерна — превосходный готовый склеп! Примечательно, однако, что ни одного целого скелета мы в ней не нашли. Здесь было захоронено, судя по количеству черепов, не менее 12 человек. Их кости в беспорядке были сосредоточены в северо-западной части головной камеры, а также в ее северной нише. В южной же нише был найден один мало потревоженный скелет ребенка, с которым лежали две берцовых кости взрослого человека. Такое странное отношение к своим покойникам со стороны сородичей-христиан очень нас удивило. Создается впечатление, что уже порядком (но не до конца — позвончики, например, в ряде случаев еще сохраняли последовательность позвонков) расчлененные скелеты сбрасывались во тьму цистерны через люк в ее потолке. Там же были найдены обломки закраин двух горшков, миски, стенки пифоса, лежавшие вместе с костями на поверхности 20—30-сантиметрового слоя наносов песка и извести, покрывавших пол цистерны.

Остатки расчлененных захоронений найдены также восточнее храма в заполнении между стеной крепости и платформой. С этими костями были погребены многочисленные обломки лощеных сосудиков и найденный здесь раньше бронзовый нательный крест. Один целый костяк был обнаружен в упомянутой выше нише в северо-западном углу платформы. У черепа слева стоял кувшинчик с отломанной ручкой и двумя отверстиями на вертикальном венчике для подвешивания на веревочке.

Кувшинчик изготовлен из хорошо отмученной глины светло-серого обжига с лощением. Здесь же найдена медная шаровидная прорезная подвеска с петлей. Помимо этого скелета в нише оказались остатки по меньшей мере еще трех захоронений, которым, по-видимому, принадлежали три других целых кувшинчика, найденных здесь же. Один — изготовленный из хорошо отмученной глины, был разрисован светло-бурой краской поверх лощения, два других — изготовлены из более грубой глины красного обжига. Один целый скелет и несколько разрозненных без инвентаря обнаружены у северной стены храма снаружи.

Интересное захоронение мы обнаружили и внутри церкви, в склепе, занимающем ее северо-восточный угол. В склепе оказалась небольшая (150x50 см)

гробница, обложенная камнем. В нее был буквально втиснут скелет рослого мужчины —

плечи его упирались в стенку гробницы, череп лежал на груди, ноги были согнуты. Важно также отметить, что левая его рука при захоронении была уже оторвана в локте — соответствующая часть лучевых костей лежала на плече, а кости пальцев обнаружены у пояса. Здесь же у западной стенки гробницы найдена грудка костей, по-видимому, женщины, а ее череп был брошен на тазовые кости мужчины. Надо полагать, что это ей первоначально принадлежала могила. На поверхности скалы, которая служит полом гробницы, подобрана маленькая голубая стеклянная шаровидная бусинка.

Заключительный момент истории храма представляется весьма драматичным. Свод цистерны, наконец, не выдержал тяжести алтарной части храма и провалился. С грохотом посыпались вниз каменные блоки с резьбой, куски стен и крыши. В завале найдены стеклянная бутылочка — бальзамарий, половина мельничного жернова, кровельная плоская и гнутая черепица, кусок тонкой водопроводной трубы, кусочек янтаря, обломки плоских (оконных?) стеклышек. И несомненно, весть о случившемся далеко разнеслась по округе, место это было объявлено проклятым. И с того страшного дня вплоть до середины нынешнего столетия здесь бывали лишь охотники.

А территория крепости тянется отсюда к северу еще почти на 300 м. Рядом с описанной платформой ниже по склону видна какая-то подпорная стена, дальше по хребту заметны остатки еще нескольких каменных фундаментов. Вблизи второй башни, замыкающей крепость с севера, исследована еще одна (третья по счету) цистерна — узкая камера со слегка закругленными углами, углубленная в расщелину скалы на 6 метров. Стенки цистерны выложены смешанной кладкой из камня и кирпича, поверх которых нанесен толстый слой цемянки. Емкость этого резервуара — 18 кубометров. В заполнении обнаружены обломки кирпичей, черепицы, водопроводных труб, керамических сосудов (кувшины, горшки, фрагмент амфоры) и стекла, пращевые камни и каменный оселок, датируемые VIII—X вв. Строители крепости прекрасно понимали, что известняковый гребень, где они работали и где должен был потом жить и сражаться многочисленный гарнизон, не может нигде сам задержать воду, а до родников и рек здесь слишком далеко. Поэтому мудрые инженеры не поленились соорудить в Герзеуле уникальный комплекс цистерн для сбора и хранения воды, равных которому на Западном Кавказе неизвестно.

И вот, наконец, вторая и последняя, так называемая «дозорная» башня Герзеульской крепости. Ее внутреннее помещение не очень велико (3,96х3,3 м). В отличие от первой башни она, вероятно, не имела каменного свода, во всяком случае завал камней и раствора оказался в ней всего полутораметровой толщины. Дверной проем метровой ширины имел когда-то кирпичную арку. В северной стене обнаружено большое, почти метровой ширины окно, когда-то также перекрытое кирпичной аркой. При разборке завала внутри башни найдены

460

кирпичи (34х26х4 см), а на поверхности скалы обломок жернова и несколько фрагментов кухонной посуды. Поверх тонкого, культурного слоя обнаружены следы пожара — толстая прослойка золы и угольков, после чего башня уже не использовалась. Через окно в башне сквозь просветы в ветвях дуба и реликтовой сосны можно любоваться видом на Пацхирское (Ольгинское) ущелье и открывающуюся за ним

Цебельдинскую долину. Далеко внизу слышен шум замечательно красивого Герзеульского водопада, который иногда называют жемчужным. На запад взору открывается широкая панорама на холмистые предгорья и долину Мачары. Еще дальше хорошо видна Анакопия. Не исключено, что когда строилась Герзеульская крепость, Анакопия уже играла важную роль центра большой области, и это тоже было учтено строителями.

461

От Герзеула до Кодора

*В тревоге столетия морщили лбы,
И время седое брело еле-еле.
И горы громоздкие, встав на дыбы,
В просторы раскинувшиеся смотрели...*
Киазым Агумаа

Покидаем крепость и останавливаемся в центре села Герзеул, где расположены школа, магазин и автостоянка. Здесь, рядом со школой и был найден древний водопровод, о котором писал В. П. Пачулиа. Позже нам удалось проследить его линию на протяжении почти 1200 м. Начинаясь он от родника у подножья Герзеульского хребта. По словам местного жителя Акакия Берия, родник когда-то был выложен камнем и над ним в скале стояла каменная доска с «греческой» надписью. Отсюда водопровод, многократно обнаруживавший себя при распашке, шел вниз по левому берегу ручья. Линия водопровода от родника до школы была почти идеально прямой. Затем она сворачивала немного вправо, при выходе же на поляну, где был могильник, сворачивала влево. По рассказам старожилов, раньше трубы находили у подошвы холма, в начале подъема на крепость.

Сложен этот водопровод из довольно тонких керамических труб, входивших одна в другую и залитых по всей линии известковым раствором. Поскольку обломки таких же труб найдены в завале цистерны № 3 в крепости, можно думать, что водопровод был построен одновременно с нею. Допустить мысль, что водопровод шел прямо в крепость, трудно, т. к. из-за довольно крутого подъема и значительной разницы высот трубы выдержать такой нагрузки не могли. На это обстоятельство нам указывал в связи с рассматриваемым водопроводом и академик Б. Б. Пиотровский. Можно полагать, что водопровод был проведен к подножию скалы, по которой тянется тропа в крепость. Отсюда вереницы водоносов поднимали воду наверх, наполняя ею иссякавшие запасы в цистернах.

462

С поляны, где заканчивается водопровод, хорошо обозревается западная часть Герзеульского хребта, по вершинам которого разбросаны разновременные памятники. У поворота дороги, ведущей к поселку, в самом начале хребта нами собраны обломки древней посуды. Их можно связывать с поселением, которое располагалось в V—VI вв. до

н. э. на вершине, господствующей над дорогой. В километре выше следы еще одного поселения того же времени — по склонам разбросаны черепки пифосов, кувшинов, горшков... На самой высокой точке этой части хребта, напротив крепости, находилось небольшое поселение или, возможно, сторожевой пост раннесредневекового времени — там подобрана ручка кувшина с наколами. Эта вершина отделена от продолжения хребта довольно глубоким ущельем. Влево отсюда стекает Малый Герзеульский ручей, вправо уходит один из ручьев в сторону Агудзеры. Преодолеть этот участок крайне сложно. Несколько часов пробирались мы через густые заросли, соскальзывали по осыпям, карабкались по скалам, прежде чем преодолели менее километра по прямой. Далее Герзеульский хребет по всему гребню совершенно чист в археологическом отношении. Лишь в его середине на пирамидальной вершине, над урочищем Цвафыркыра, мы собрали несколько обломков красноглиняных сосудов, покрытых волнистым орнаментом. Отсюда тропа спускается круто вниз, еще 20 минут и мы — в урочище. Сюда же ведет и грунтовая дорога от центра поселка Герзеул. В средние века в Цвафыркыре было несколько крестьянских усадеб, о чем свидетельствуют обломки грубых пифосов и другой посуды, разбросанные по пашне. К Кодору теперь можно попасть двумя путями, Один из них — это прямая дорога, связываемая с именем генерала Геймана и построенная в скальном склоне горы Апианчи. Другой путь — древняя тропа, которая спускается вниз, в ущелье, и пролегает через густой ольховый лес, местами заболоченный, и пересекает ручей, относящийся к бассейну Кодора. За ним поляна, ореховые деревья, увитые виноградом, яблони, фундаменты заброшенных еще совсем недавно домов, легкий подъем. И вот мы на перевале, за которым расположено урочище Духан.

Слева от перевала крутой скальный склон Апианчи, справа небольшой массив конгломератных холмов, где удалось подобрать несколько черепков средневековой посуды. Спускаемся вниз и выходим на обширную известковую осыпь, из-под которой выбивается превосходный родник. Над ним слева чернеет отверстие грота. Высота входа до 10 м, ширина — 11 м, глубина полости — 16 м. Пол в передней части образован мощным слоем щебенки. Не исключено, что в глубокой древности его могли использовать под жилье или временную стоянку — в гроте сухо и безветренно. Тропа от родника поднимается еще на один маленький перевальчик, на котором, как и справа на вершине холма, собраны обломки посуды античного и средневекового облика. Отсюда хорошо виден и слышен Кодор — до него мень-

463

ше километра. Дорога от урочища Духан плавно спускается вниз по распадку, в нижней части которого мощный сель перемешал глину, камни и деревья. Здесь же минеральный источник окрасил в ржавый цвет камни.

Справа заканчивается крутой склон, к которому подходит сильно разрушенная булыжниковая стена, смыкающаяся с прямоугольной башней. Дальше уже на самом берегу Кодора высится еще одна башня, на которой означена цифра 62. Эти башни в свое время хорошо описал И. Е. Адзинба. Предоставим ему слово: «Далее линия стены ... направляется к Кодору..., пересекает реку у села Наа, у самого верхнего паррома, где многоводный Кодор с шумом и ревом выбивается из горных теснин. На правом берегу

реки Кодор, у подошвы горы Апианча, стоят две башни. Здесь сходятся два пути, идущих один — по правому берегу реки через горный хребет Апианч, Техский хребет, Авирадзара, Богаз в Цебельду, и другой — по узкому ущелью вдоль подошвы горы Апианча (свостока на запад) через Цвафыркыра... Эти две башни, находящиеся на расстоянии 80 м друг от друга, очевидно, закрывали указанную дорогу, проходящую между скалой и башнями в этом месте» [1, 107]. Как и вдоль Мачары, входы в башни ведут со стороны моря, а враг ожидался из глубины ущелья.

В нескольких сотнях метров севернее башен Келасурской стены, в обрыве к Кодору, находился большой грот, разрушенный недавно при строительстве дороги. В 1966 г. удалось провести его предварительное обследование. Первым поднялся, используя заранее вбитые в расщелины скалы крюки, отважный Виктор Юшин. Он закрепил лестницу на двадцатиметровой высоте. Защелкнуты карабины на грудной обвязке, страховочная веревка натянута, внизу ревет и пенится Кодор — так поднимались остальные. Перед взором открылось большое помещение площадью более 220 кв. м. Слегка почерневший от дыма былых костров потолок взметнулся на 10-метровую высоту. У края обрыва к Кодору когда-то проходила стена, от которой сохранились фундаменты и один кусок, длиной в 4 м, высотой 1,5 м и шириной 0,7 м, сложенный из необработанных известняковых глыб на известковом растворе с примесью в нем обломков керамики.

Слегка наклонный пол грота был покрыт метровым слоем культурных отложений. Разведочный шурф позволил выявить довольно много обломков горшков, кувшинов и мисок, датированных ориентировочно XI—XIV вв. Кроме того, была найдена раковина мидии. В центре помещения стояла небольшая каменная платформа, сложенная насухо из камня. Высота ее до 1 м, ширина около 2 м. Судя по всему, с внешним миром грот сообщался с помощью узкого карниза, позже частично обвалившегося, и системы деревянных переносных мостиков.

На этом мы завершаем свое путешествие по окрестностям села Герзеул.

464

* * *

Много интересных сведений скопилось в результате проведенных в последние годы исследований в поселке Герзеул и в его окрестностях. Широко поставленные разведки и стационарные раскопки позволяют говорить о многих сторонах славной истории этих мест. Одним из наиболее крупных фактов этой истории нужно считать постройку Герзеульской крепости, которая в свою очередь является отражением каких-то очень важных событий, пережитых не только данным микрорайоном, но и, по-видимому, всей Абхазией.

Как уже отмечалось, Герзеульская крепость находится на перекрещении двух важнейших древних путей Абхазии — дороги через Цебельду и Клухорский перевал (современная Военно-Сухумская дорога) и подгорной дороги, тянувшейся от Анакопии в сторону Кутаиси и дальше к перевалам Сурамского хребта.

В отношении значения первого пути через Цебельду написано немало. Особенной известностью он пользовался в конце поздней античности и в раннем средневековье,

когда его называли «Даринский путь» или «Путь через Апсилию». Этой дорогой, в частности, воспользовался во второй половине VI в. византийский посол Зимарх, когда возвращался из Средней Азии и из страха перед персами не смог пройти по расположенному восточнее Мисимиянскому пути. Той же дорогой воспользовался и будущий византийский император Лев Исавр, когда предпринял свой вояж в Аланию в начале VIII века.

Достаточно известен и второй, подгорный путь на территории Абхазии, подробно описанный еще И. Е. Адзинбой. Преимущества этого пути, позволяющие легко и быстро обойти лабиринты предгорий и болотистые низины приморской низменности, были неопределимы в далеком прошлом, когда не существовало капитальных дорог. Особое значение этот путь получил также в раннем средневековье. По нему прошел в VI в. в Апсилию и Абасгию иранский полководец Набед, с войском которого сюда пришли боевые слоны. Этой же дорогой воспользовались арабы в VIII веке. В последующие столетия эта дорога связывала важнейшие центры Абхазского царства от Кутаиси до Анакопии, и потому, вероятно, еще в XI в. в грузинских летописях она называется «Абхазский путь».

Герзеульская крепость, судя по всем материалам, в ней добытым, появилась в VIII в. или незадолго до арабского нашествия, или, что пока нам представляется более обоснованным, сразу же после отступления Мурвана Кру. Во всех случаях Герзеульская крепость должна была служить важной преградой на дальних подступах к Анакопии, с которой, повторяем, вероятно, не случайно она имела зрительную связь.

Продолжение и расширение исследований в Герзеуле, в том числе и в крепости, неизбежно обогатят новыми интересными материалами наши знания о Герзеуле — маленьком поселке с большой историей.

465

Литература о памятниках Герзеульского прохода

1. Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
2. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (V—XVII вв.). Сухуми. 1959.
3. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
4. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н., Лакоба С. З. Раскопки в Герзеульской крепости. — «Археологические открытия 1976 года». М., 1977.
5. Бгажба О. Х. Герзеульская археологическая экспедиция. «Амцабз», 1. Сухуми. 1977.
6. Бгажба О. Х. История изучения средневековых памятников Абхазии. — «Материалы по археологии Абхазии». Тбилиси, 1967.
7. Бгажба О. Х. Материальная культура средневековой Абхазии (VI—XVIII вв.). — Автореф. канд. дисс. М., 1972.
8. Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII—XIV кв.). Сухуми, 1977.
9. Берадзе Т. Вахушти Багратиони и вопросы исторической географии Одиши. «Сборник по исторической географии Грузии», IV. Тбилиси, 1971.
10. Бокучава Г. К. Несколько замечаний по поводу публикации М. М. Иващенко о Герзеульском кладе монет Кесарии Каппадокийской. — «Тезисы докладов научной сессии АГМ». Сухуми, 1964.

11. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
12. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978.
13. Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми, 1977.
14. Воронов Ю. Н. Келасурская стена. — «Советская Археология», 2. М., 1973.
15. Воронов Ю. Н. Материалы к туристскому освоению Военно-Сухумской дороги. — «Вопросы развития туризма». Сухуми, 1973.
16. Воронов Ю. Н. По Герзеульским тропам. — «Советская Абхазия», 4 сентября 1970.
17. Воронов Ю. Н. Разведочные работы в Абхазской АССР. «Археологические открытия 1971 г». М., 1972.
18. Воронов Ю. Н. Там, где жили предки. — «Советская Абхазия», 22 июня 1966.
19. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.
20. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт в могильниках Цебельдинской культуры (II—IV вв. н. э.). «Советская Археология», 1. М., 1979.
21. Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964.

466

22. Гунба М. М. Келасурская стена. — «Известия Абхазского института», VI. Тбилиси, 1976.
23. Гунба М. М. Новые памятники Цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978.
24. Зограф А. Н. Античные монеты. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 16. М., 1951.
- 24а. Зограф А. Н. Несколько добавочных замечаний по поводу Герзеульского клада. — «Известия Государственной академии истории материальной культуры», VII, ЮМ., 1931.
- 25 Зограф А. Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. — «Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа», 1 Л., 1945.
- 26 Иващенко М. М. Великая Абхазская стена. — «Известия Абхазского научного общества», IV. Сухуми, 1926.
- 27 Иващенко М. М. Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской. — «Известия Государственной академии истории материальной культуры», VII, 10. М., 1931.
- 28 Иващенко М. М. Дополнительный отчет о поездке в сел. Апианское, Юрьевское, Герзеул Сухумского уезда. — «Центральный Гос. архив Абхазской АССР», ф. 391, д. 75.
- 29 Иващенко М. М. О направлении Келасурской стены, т. «Известия Абхазского научного общества», IV. Сухуми, 1926.
- 30 Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1976.
31. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. — «Свод археологических источников», Г4-4. М., 1964.
32. Леквинадзе В. А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии. — «Византийский временник», 34. М., 1973.
- 33 Пахомов С. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II — «Труды ИИЯК Аз. ФАЙ», 1, II (41). Баку, 1938.
- 34 Пачулиа В. П. В краю золотого руна (исторические места и памятники Абхазии). М., 1964.
- 35 Пачулиа В. П. В краю золотого руна. М., 1968.

- 36 Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968.
- 37 Пачулиа В. П. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969.
- 38 Соловьев Л. Н. Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена). Сухуми, 1940 (рукопись) — Архив АБИЯЛИ, № 344.
39. Стражев В. И. Руинная Абхазия. — «Известия Абхазского научного общества», 1. Сухуми, 1925.
40. Трапш М. М. Культура Цебельдинских некрополей. — Труды, т. III. Тбилиси, 1972.
41. Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии.— Труды, т. IV. Сухуми, 1975.
42. Уварова П. С. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок).— Путевые заметки, II. М., 1891.
43. Уварова П. С. Христианские памятники Кавказа. «Материалы, по археологии Кавказа», IV. М., 1894.

467

44. Чернявский В. И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. — Труды V Арх. съезда. Протоколы Подготовительного комитета. М., 1882.
45. Шамба Г. К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970.
46. Шамба Г. К. Население нагорной Абхазии в позднеантичного эпоху. — Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1966.
47. Шервашидзе Л. А., Бгажба О. Х., Бжания В. В., Шамба Г. К., Цвинария И. И. Археологические исследования в Абхазии. — «Археологические открытия 1973 г.». М., 1974.

468

Рисунки

Описание рисунков

Рис.1. Герзеульская крепость в системе важнейших древних путей Абхазии.

Рис. 2. Схема размещения памятников вдоль Герзеульского прохода (1 — каменный век, 2 — бронзовый век, 3 — VI—I вв. до н. э., 4 — I—VII вв. н. э., 5 — VIII—X вв., 6 — XI—XVII вв., 7 — древние тропы, 8 — современные дороги); планы и профили гротов у с. Тех (2) и в урочище Духан (3).

Рис. 3. Кремневые отщепы (1, 2, 6, 8, 10), пластины (3—5, 7) и точильный камень (10) стоянки у Герзеульской крепости.

Рис. 4. Поселение бронзового века у Герзеульской крепости. План и разрез (1), керамические (2—6), каменные (7, 8, 10, 11) и кремневое (9) изделия.

Рис. 5. Обломки глиняных изделий из поселений античного (1—9, 11—14) и средневекового (10, 16) времени, найденные на повороте Герзеульской дороги (1—9), на вершинах Герзеульского хребта (14—16) и в урочище Духан (10—13).

Рис. 6. Инвентарь кремационного захоронения III в. н. э. (1—20) и случайные находки с территории могильника у Герзеульской крепости. План погребения (1), бронзовые фибулы (2, 3), браслеты (8, 9, 23, 24), подвеска (6), серьга (10), цепочка (22), железные ножи (5, 21, 25) кремний (4), бусы из стекловидной пасты черного (12), красного (26) и белого (10) цвета, из янтаря (13, 14, 17), гешира (11, 15, 16, 18, 19) и синего стекла (20, 27).

Рис. 7. Серебряные монеты из Герзеульского клада. Чекан императоров Домициана (1, 2), Нервы (3), Траяна (4—12), Адриана (13—17), Антонина Пия (18) и Луция Вера (19).

Рис. 8. Могильнику известкового завода. Фибулы (1—5), подвески (6,8), скоба (7), бляха (9), наконечник стрелы (10), браслет (11), бусы (12—14), блюдо (15). 1—6 — серебро; 2—5, 7—9, 11 — бронза; 10 — железо; 12 — стекло с серебристой прокладкой; 13,14—янтарь; 15 — красный лак.

469

Рис. 9. Материалы из могильника у известкового завода (1,2 — мечи); 3—6 — наконечники копий; 7, 8 — топоры), из поселения у Герзеульской крепости (9—11) и со склонов под стенами крепости (12—17).

Рис. 10. Герзеульская крепость. План (1), деталь кладки стены (2), схема трассы водопровода (3) и звено водопроводной трубы (4).

Рис. 11. Герзеульская крепость. Ворота (1) и воротная часть крепости (2), обломок железной оббивки из ворот (3).

Рис. 12. Герзеульская крепость. Воротная башня.

Рис. 13. Герзеульская крепость. Воротная башня. Керамические (2—12, 14—18), стеклянные (13) и каменные (1) изделия из нижнего культурного слоя. Терочник (1), горшки (2, 4—7, 9, 11), ваза (3). кувшины (8, 10, 12, 14—18).

Рис. 14. Герзеульская крепость. Воротная башня. Керамические (1—13,15) и каменные (14) изделия. Сковорода (1), миски (2, 3), горшки (4—7, 9, 10) и кувшины 8, 11 — 13), точильный камень (14).

Рис. 15. Герзеульская крепость. Воротная башня. Керамические (1—10, 12—14) и каменные (11) изделия. Пифосы (1, 2), горшки (3, 4, 6, 12, 14); пряслице (5), кувшины (7, 9, 10, 13), миски (8), гранитное ядро (11).

Рис. 16. Герзеульская крепость. Керамические изделия из ворот (1), из верхнего слоя воротной башни (2), со склонов крепостного холма (3—12) и с могильного поля (13—15). Вазы (1), кувшины (2, 7—11, 13), горшки (3—6, 14, 15), чаши (12).

Рис. 17. Герзеульская крепость. Керамические изделия из ворот (4, 5, 7—10), из цистерны № 2 (1—3) и со склонов крепостного холма (6, 11). Горшки (1, 3, 4, 6), миска (2), ваза (5), кувшины (7—11).

Рис. 18. Герзеульская крепость. Цистерна № I (1) и находки на склонах крепостного холма (2—5). Венчики пифосов (2, 3), дно горшка (4) и пряслице (5).

Рис. 19. Герзеульская крепость. План цистерны № 2.

Рис. 20. Герзеульская крепость. Разрез цистерны № 2 (вид с запада).

Рис. 21. Герзеульская крепость. План храма и захоронений поверх цистерны №2.

Рис. 22. Герзеульская крепость. Разрез храма поверх цистерны №2.

Рис. 23. Герзеульская крепость. Разрез цистерны №2 (1) и храма поверх нее (2) (вид с юго-востока).

Рис. 24. Герзеульская крепость. Кирпичи (1—9, 11, 12), плоская (10) и гнутая (13—16) черепица из воротной башни (1,2), из стен (3—5), сводов (6, 7) и перекрытия (10, 13—16) цистерны № 2, из свода цистерны № 1(8, 9, 12) и из оборонительной стены (11).

Рис. 25. Герзеульская крепость. Кирпич (1), черепица (2—15) и слив (16) из цистерны № 1 (1), цистерны № 2 (2—9) и воротной башни (15, 16).

470

Рис. 26. Герзеульская крепость. План захоронений в цистерне № 2(1).

Рис. 27. Герзеульская крепость. Керамика (1—11), стеклянный бальзамарий (12) и бронзовая подвеска (13) из погребений в нише платформы (1—4, 13) у северо-восточной стены (5—11) и из завала цистерны (12).

Рис. 28. Герзеульская крепость. Известняковые (1, 3—10) и мраморная (2) архитектурные детали из завала цистерны № 2.

Рис. 29. Герзеульская крепость. Известняковые архитектурные детали из завала цистерны № 2.

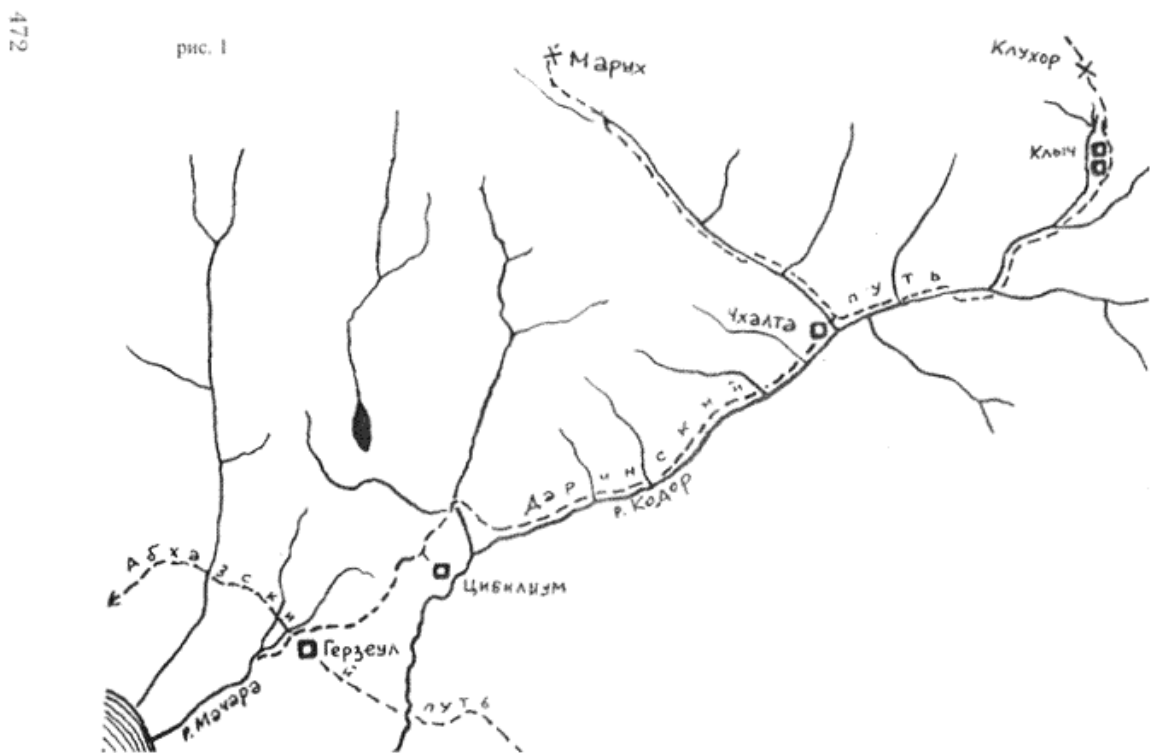
Рис. 30. Герзеульская крепость. Архитектурные детали из известняка (1—5) и известнякового туфа (6—12) из завала цистерны № 2.

Рис. 31. Герзеульская крепость. Архитектурные детали из известнякового туфа (1, 2), жернов (3), камень с изображением креста (4), обломки кирпичей с знаками мастеров (5—7), медный крест (8) из завала (1—4) и у северной стены (5—8) цистерны № 2.

Рис. 32. Герзеульская крепость. Дозорная башня. План и разрез (1), обломки керамических изделий (3—5), жернов (6), кирпичи (7—12), цистерна № 3 (2) и находки из нее — кувшины (13, 14), оселок (15), обломки стекла (16), водопроводной трубы (17) и кирпича (18).

Рис. 33. Келасурская стена — линия стены на берегах Мачары (1), планы башен № 47 (2) и № 53 (3), керамика из башни № 47 (4—9), разрезы накоплений в башне № 47 (10 — А — завал, Б—кострище и керамика, В — глина, Г — скала) и № 53 (11 шурф 1): А — наносная глина, Б — щебенка, В — глина и щебенка, Г — кострище, Д — глина-целик; 12 (шурф 2); А — щебенка, Б — щебенка с песком, В — завал стен, Г — глина, щебенка и песок, Д — кострище, Е — глина-целик).

471

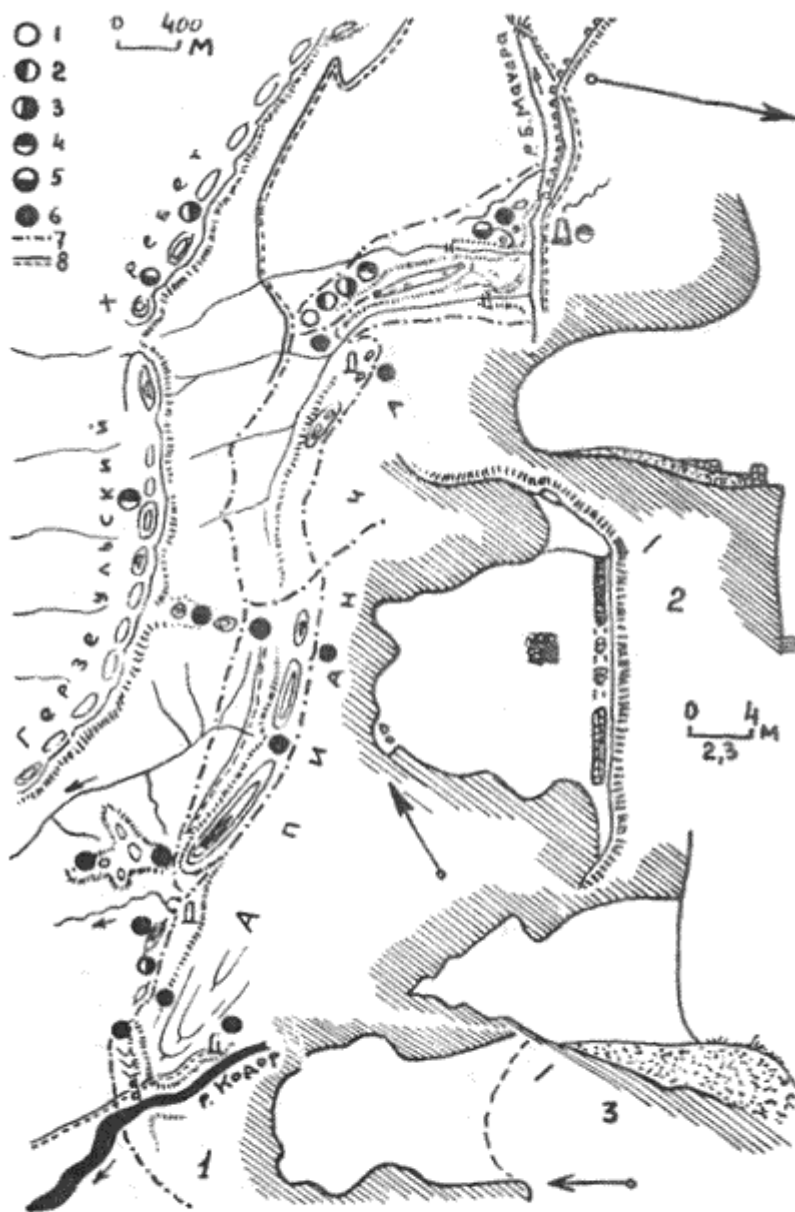

рис. 2

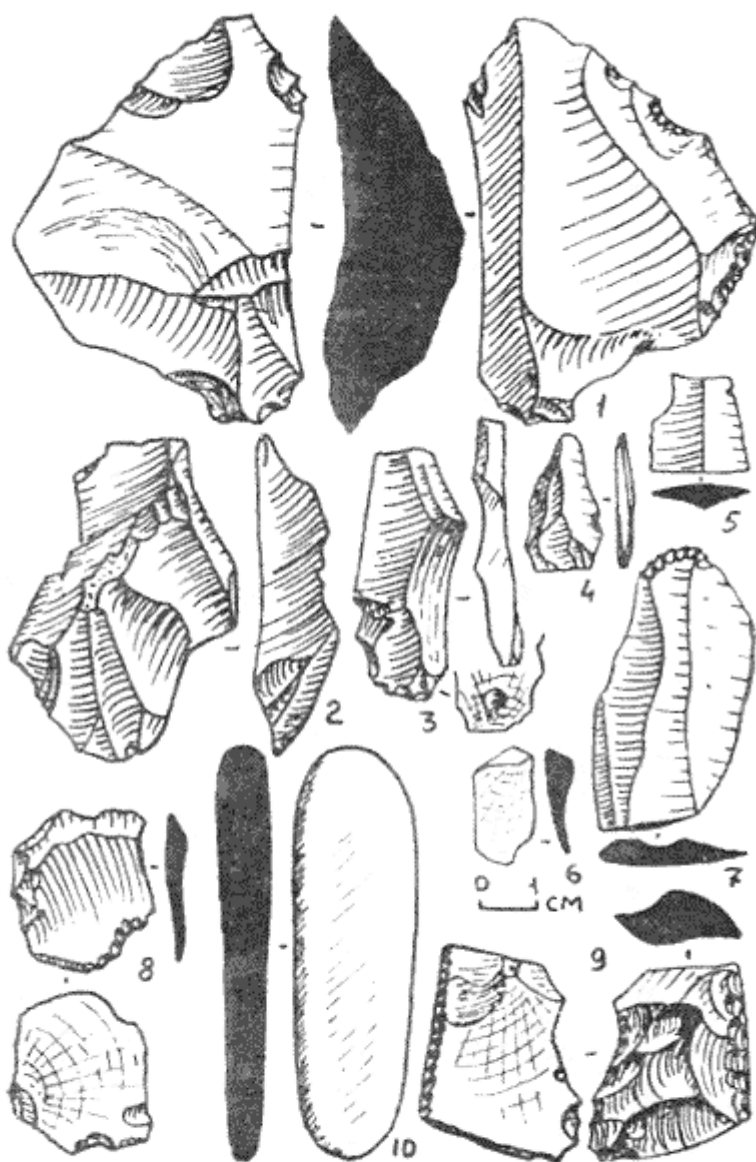

рис. 3

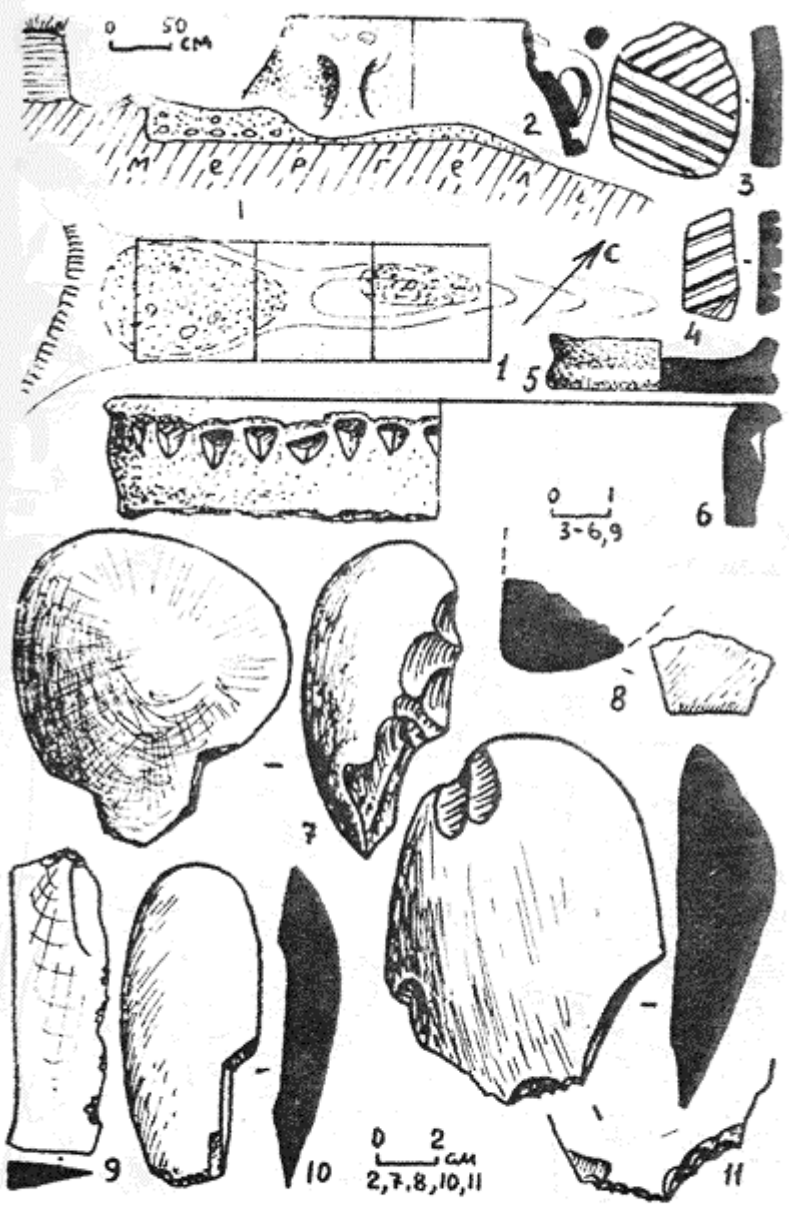
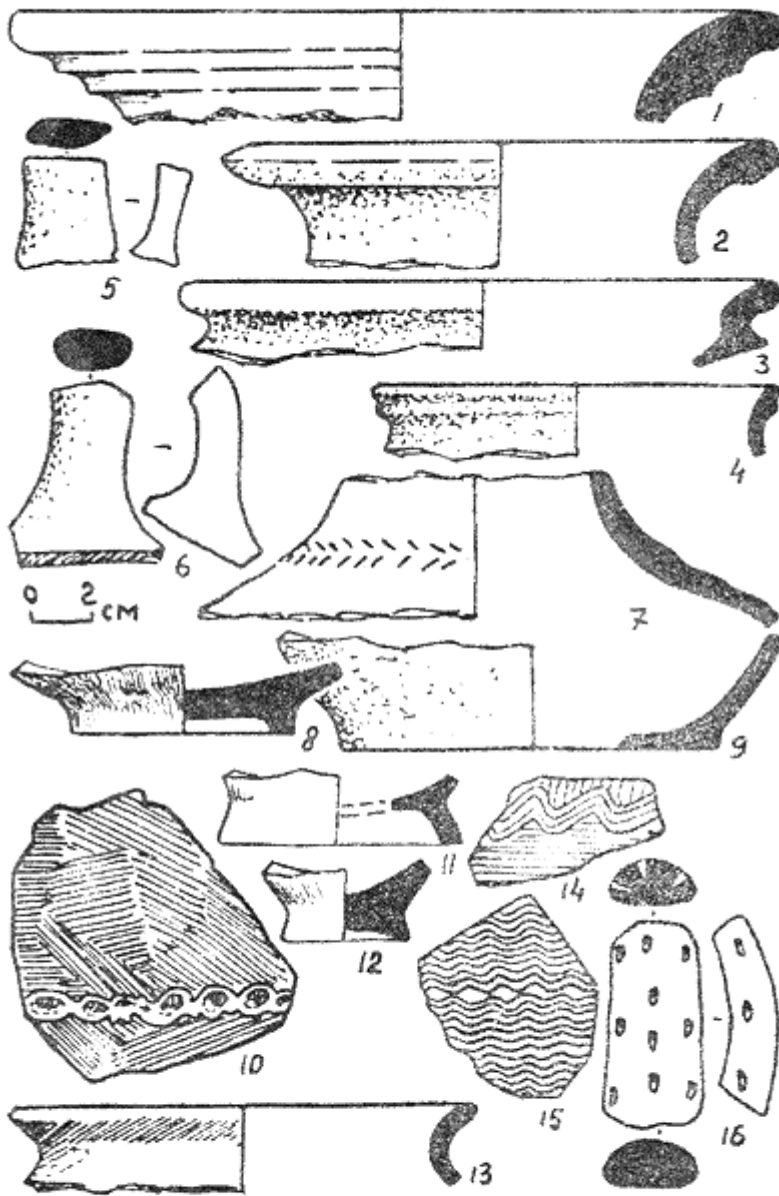

рис. 4

pic. 5

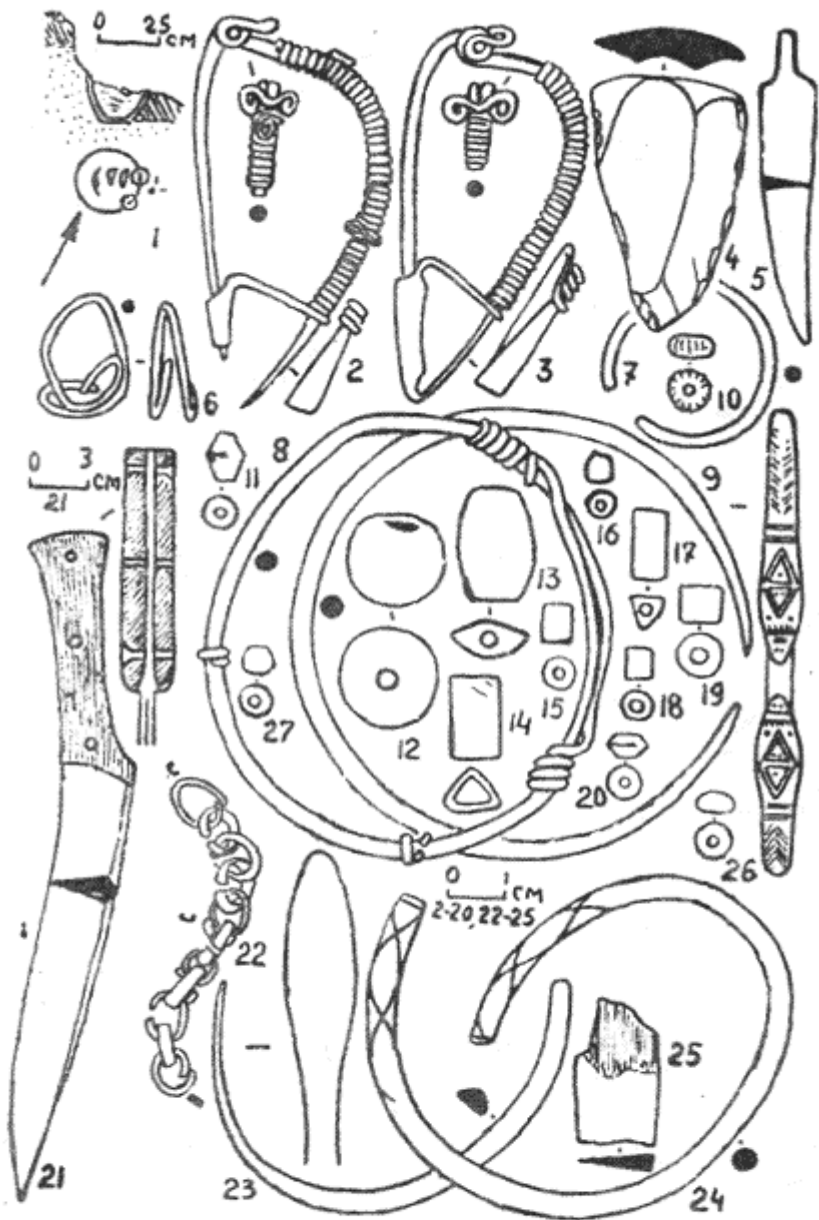

рис. 6

рис. 7

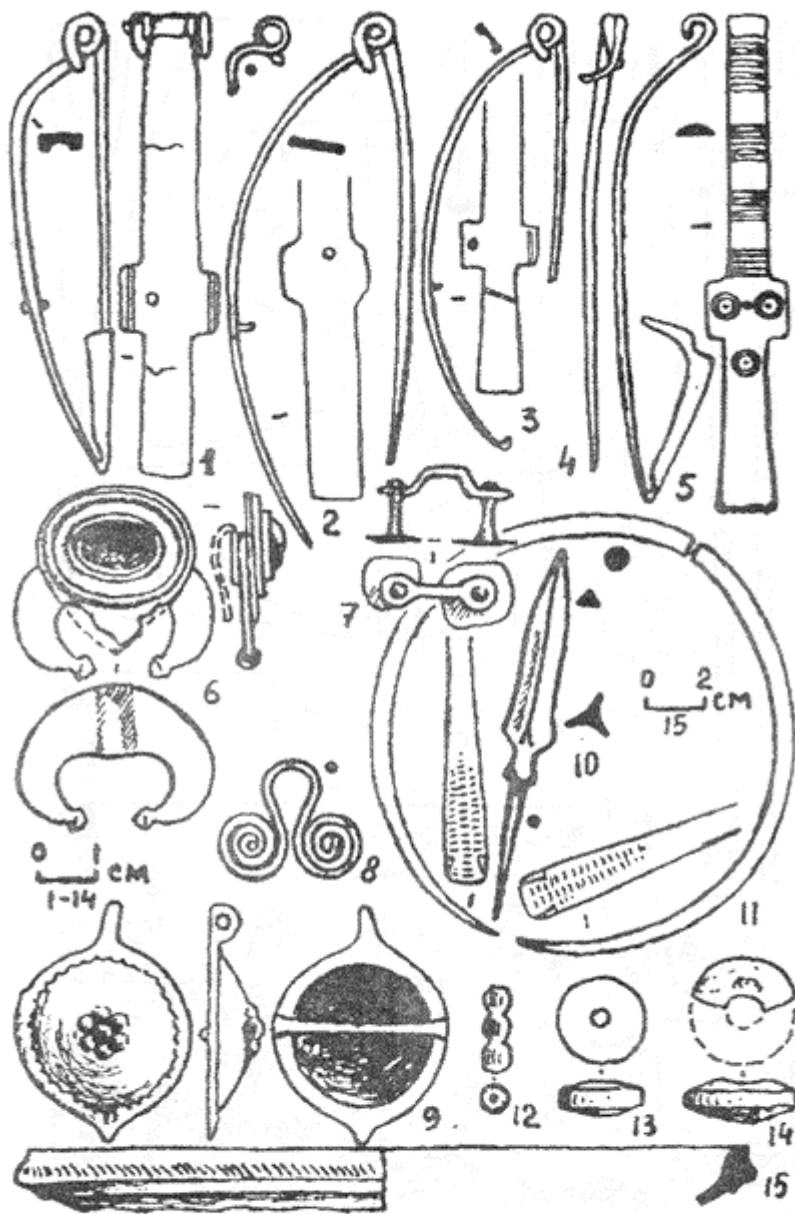

рис. 8

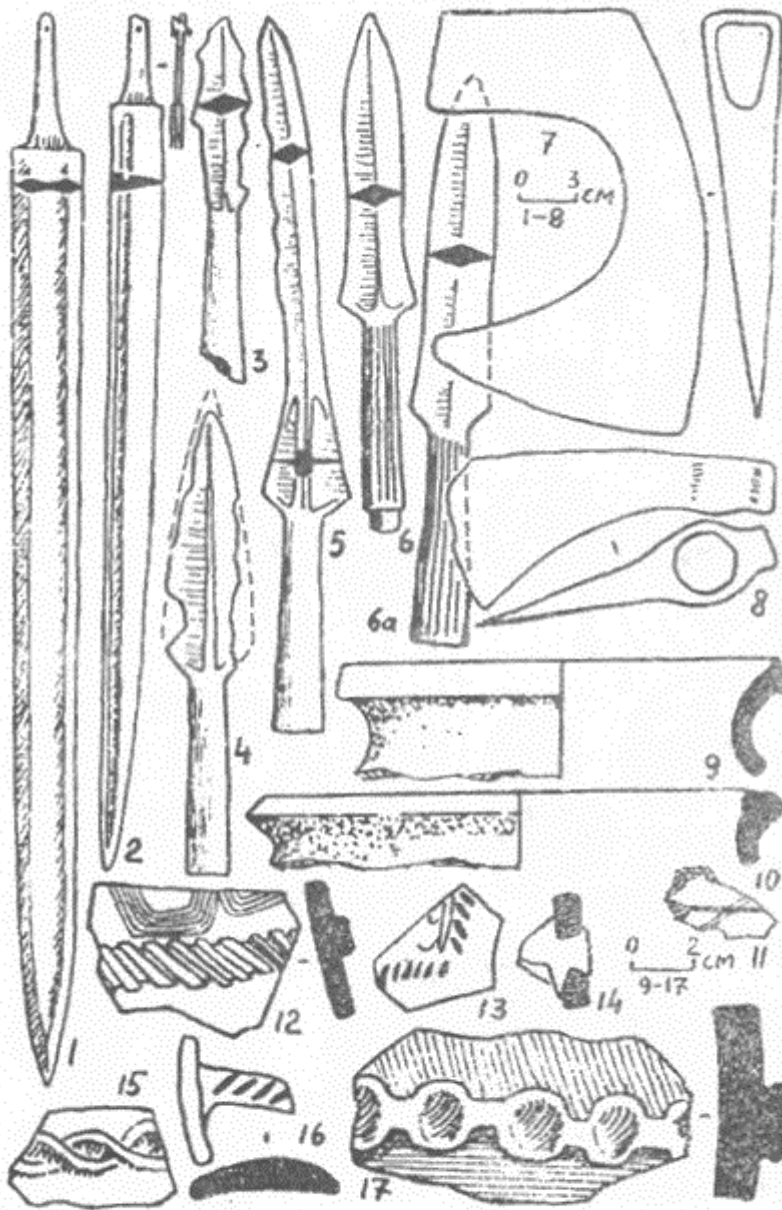

рис. 9

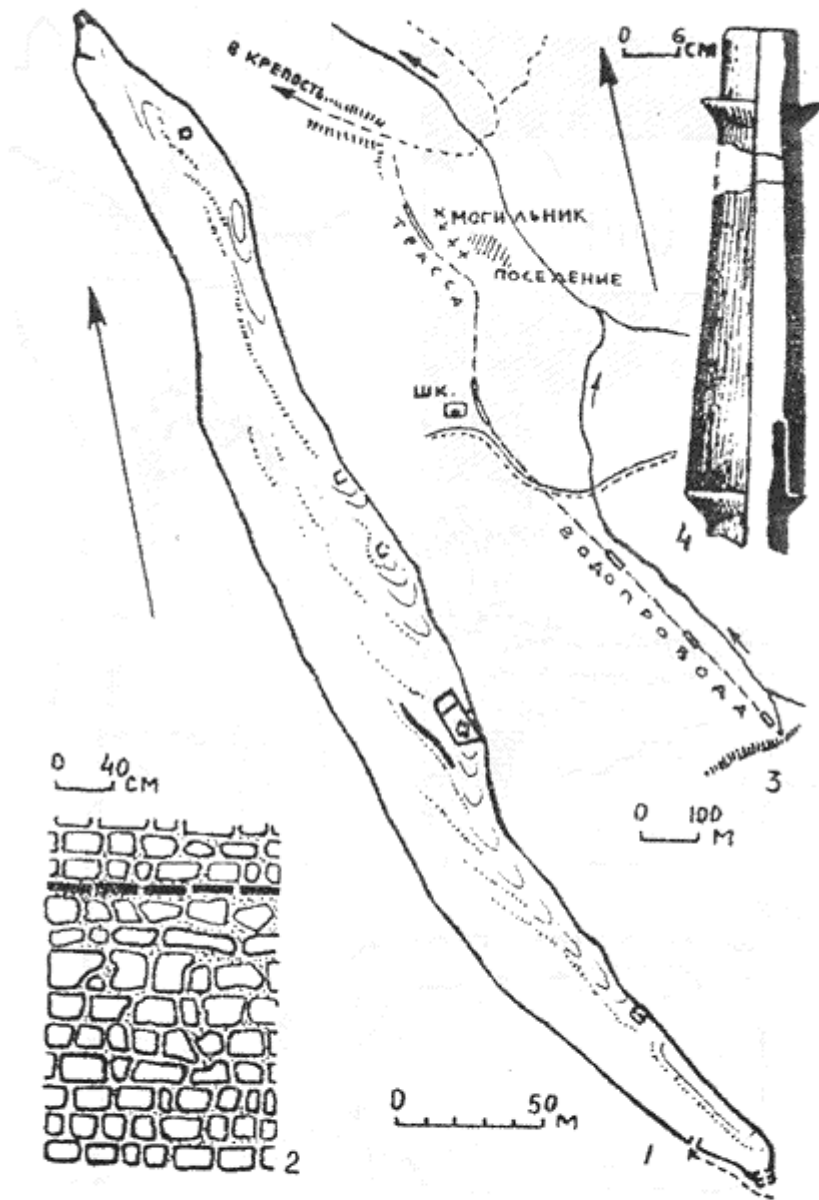
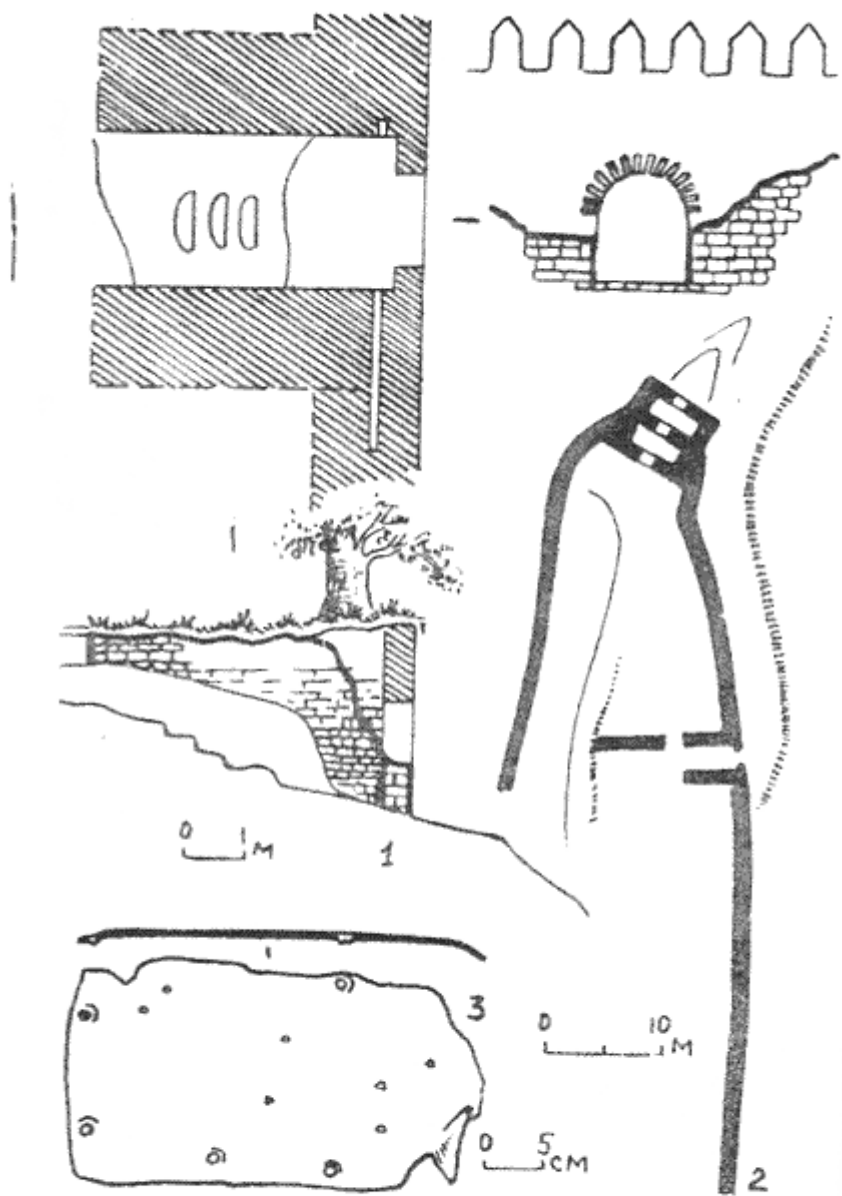

рис. 10

pic. 11

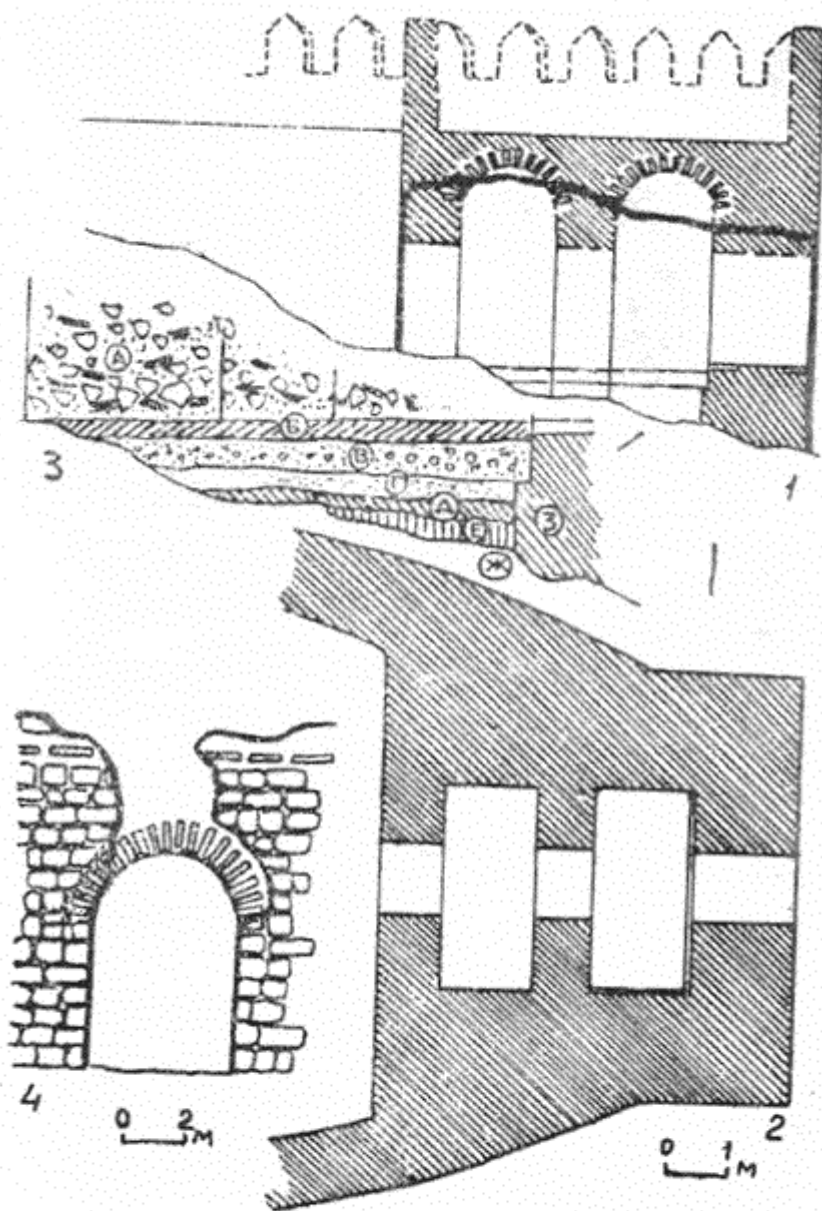

рис. 12

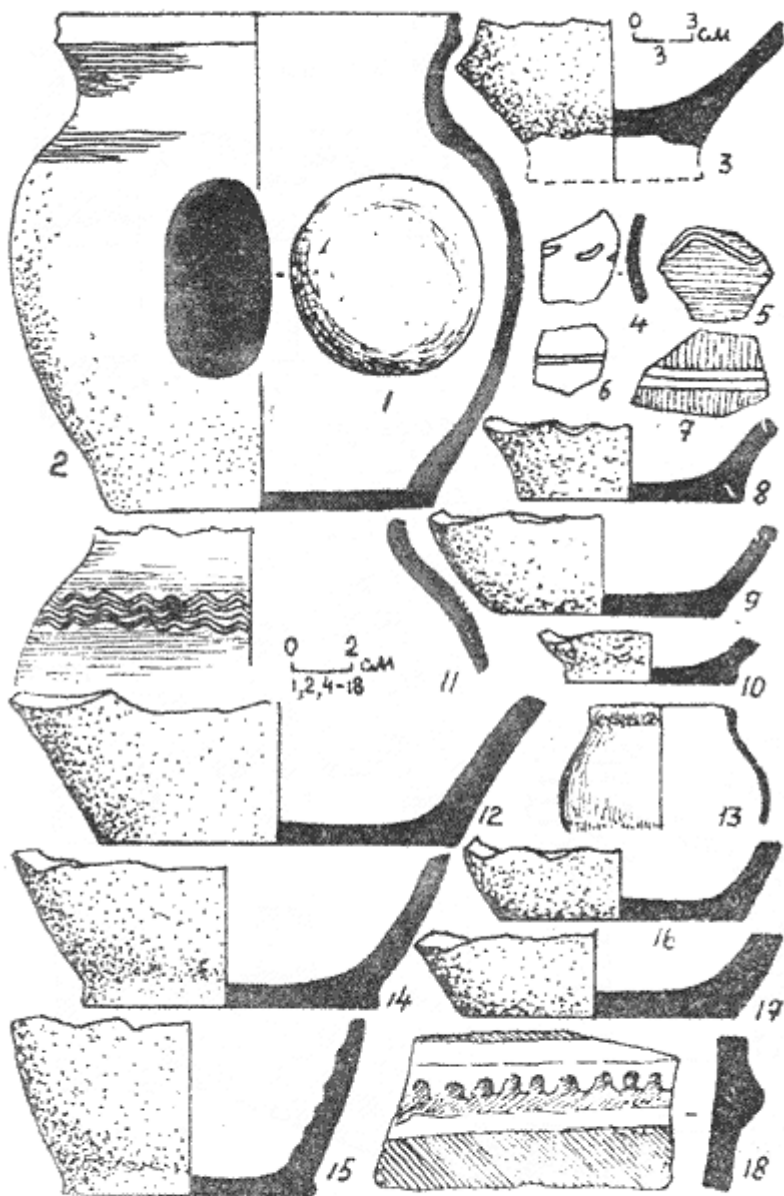

рис. 13

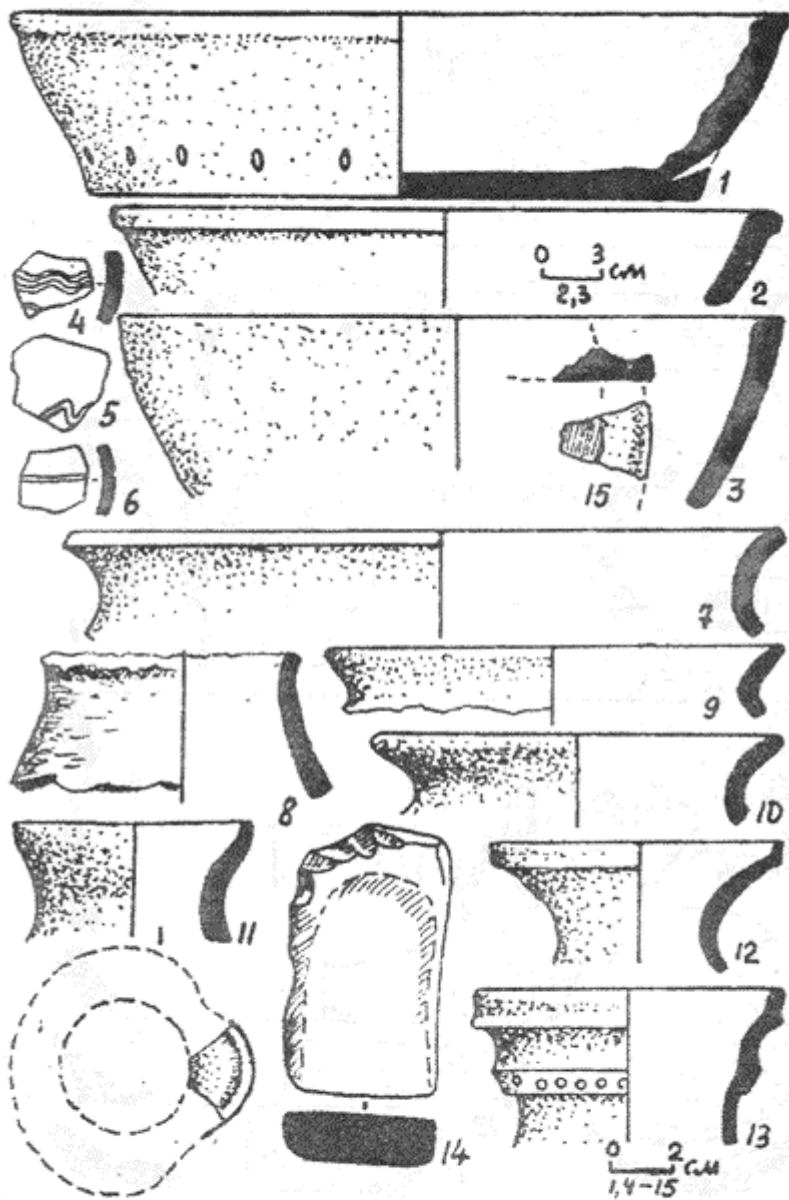

рис. 14

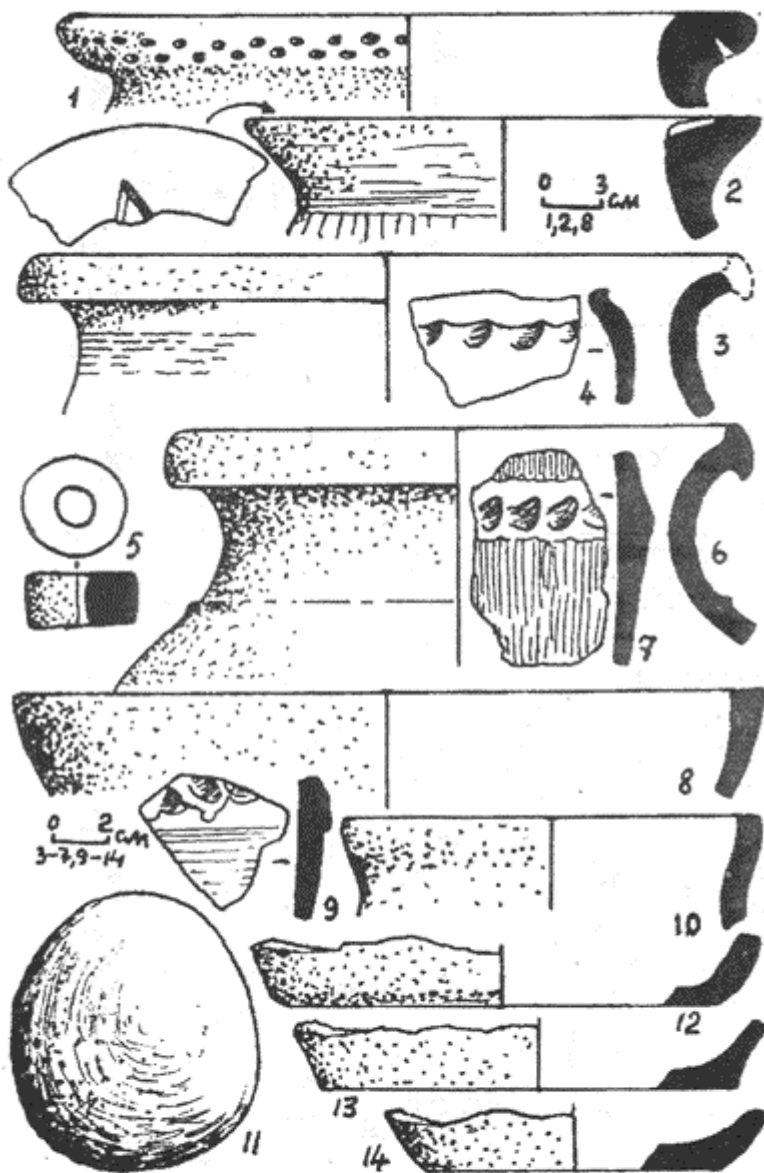

рис. 15

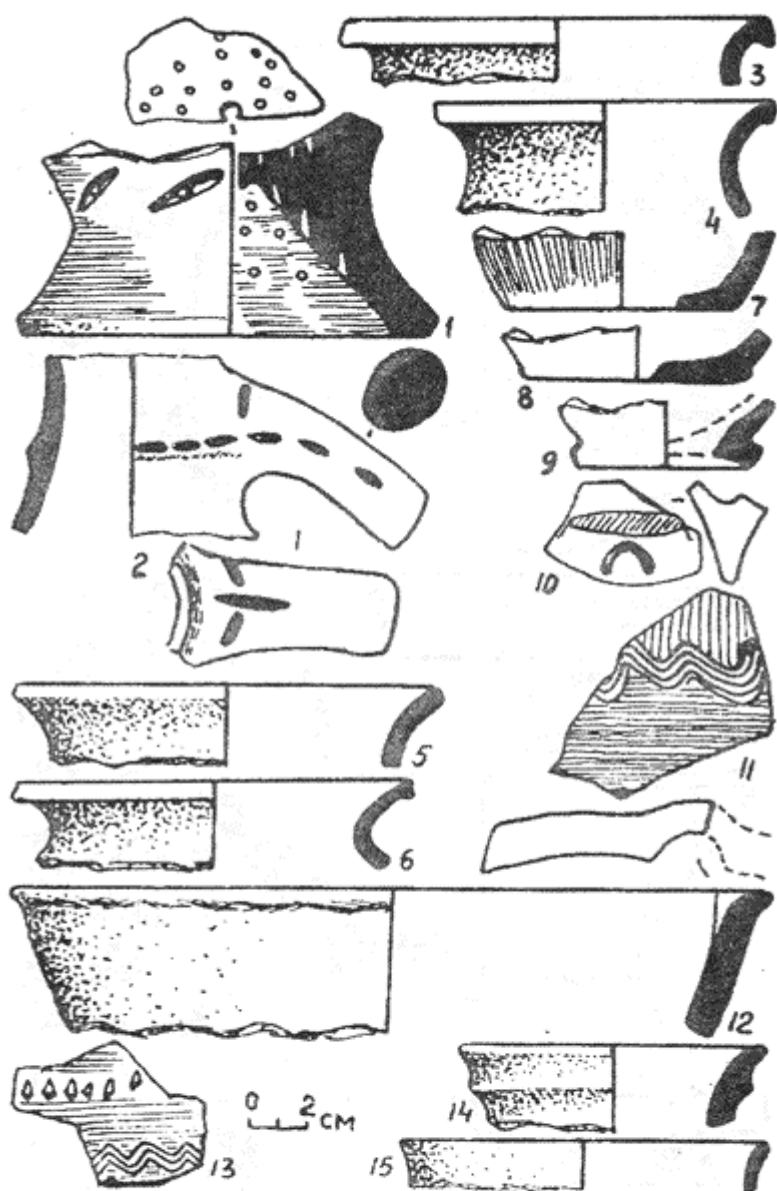

рис. 16

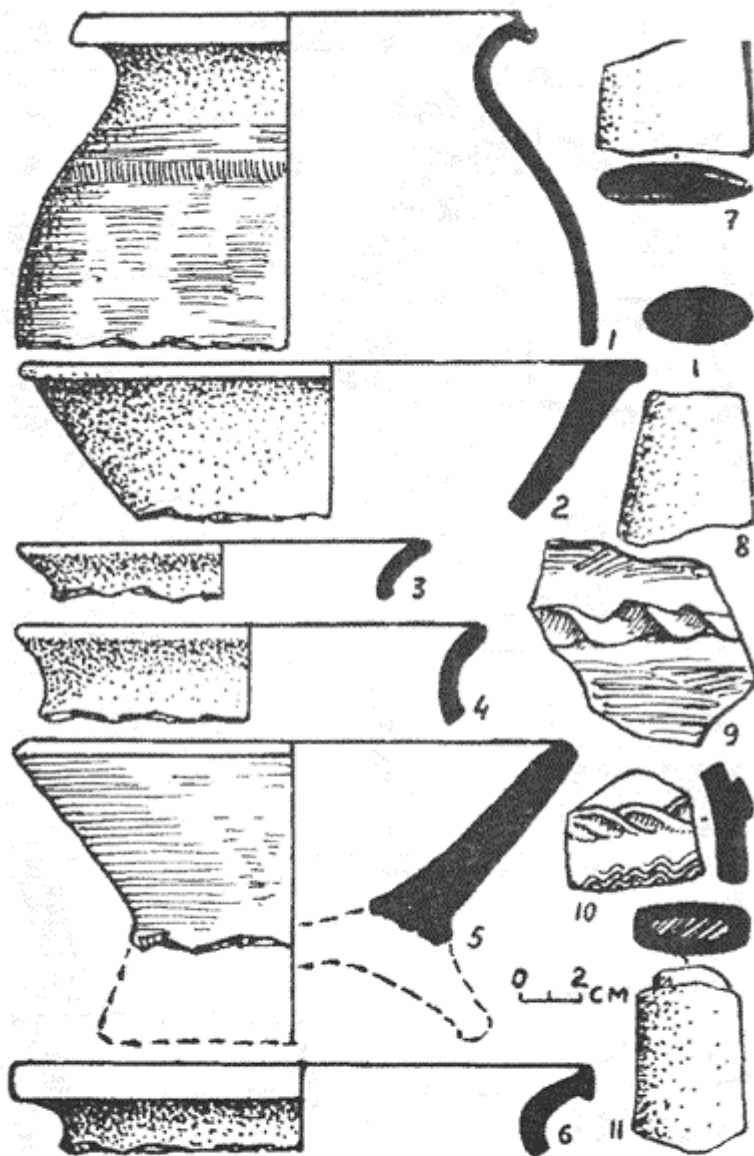

рис. 17

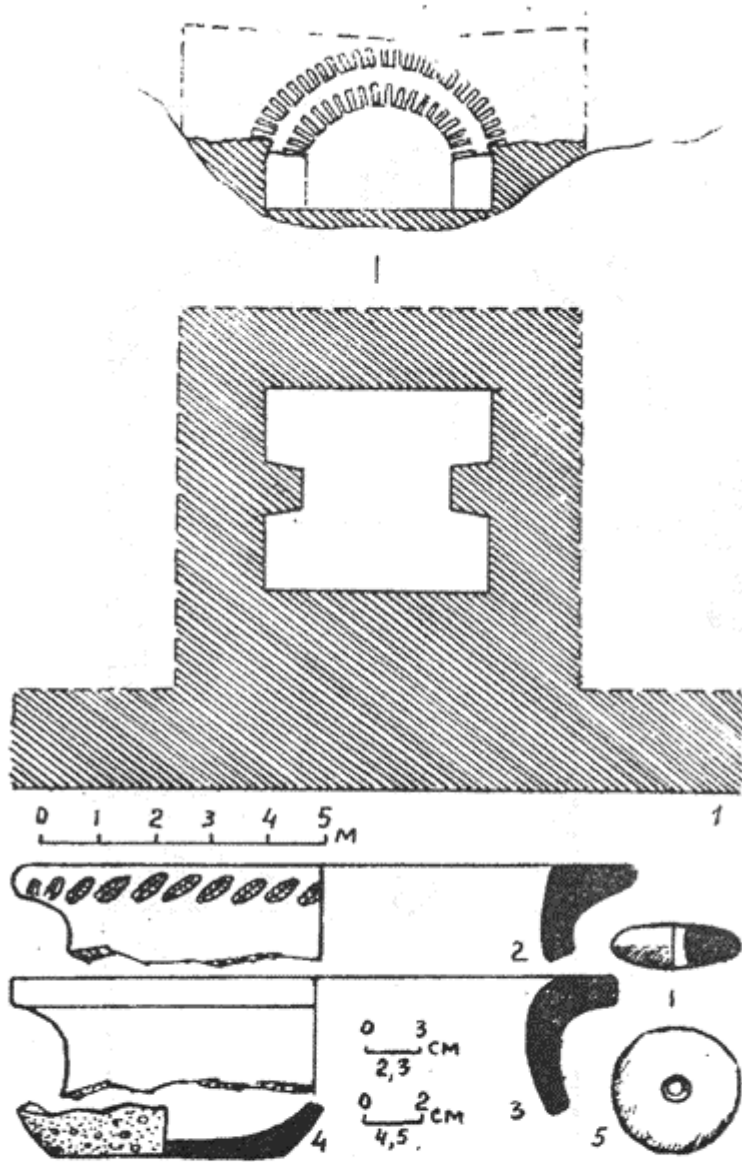

рис. 18

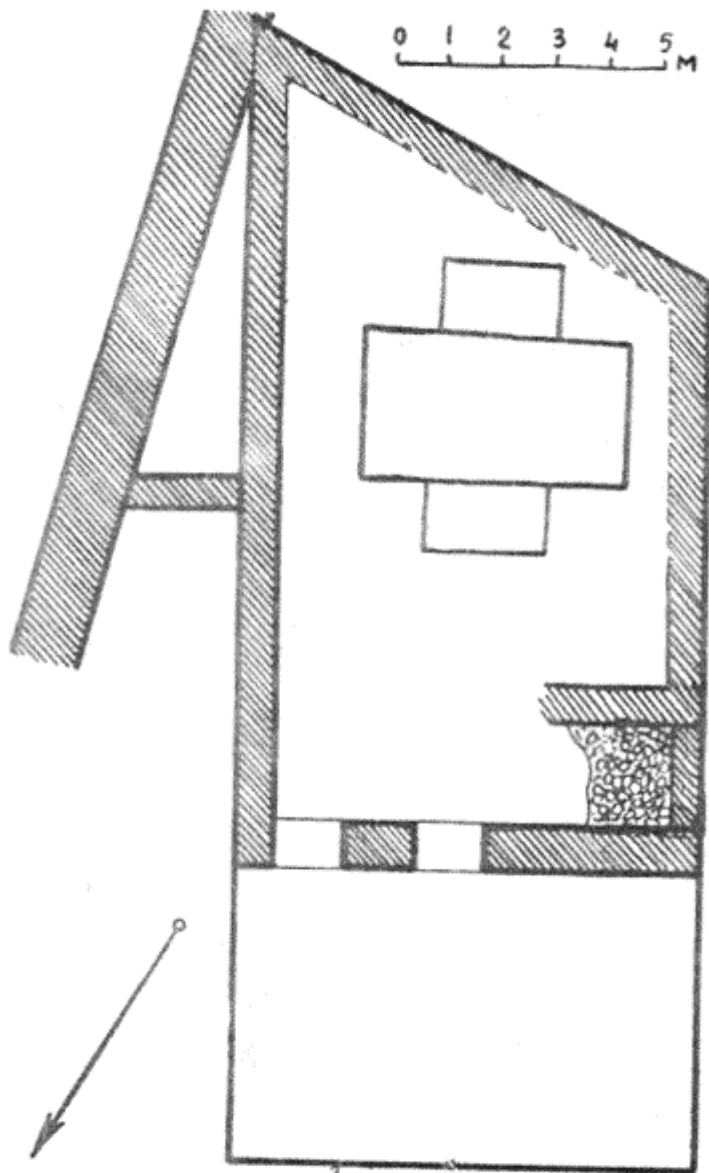
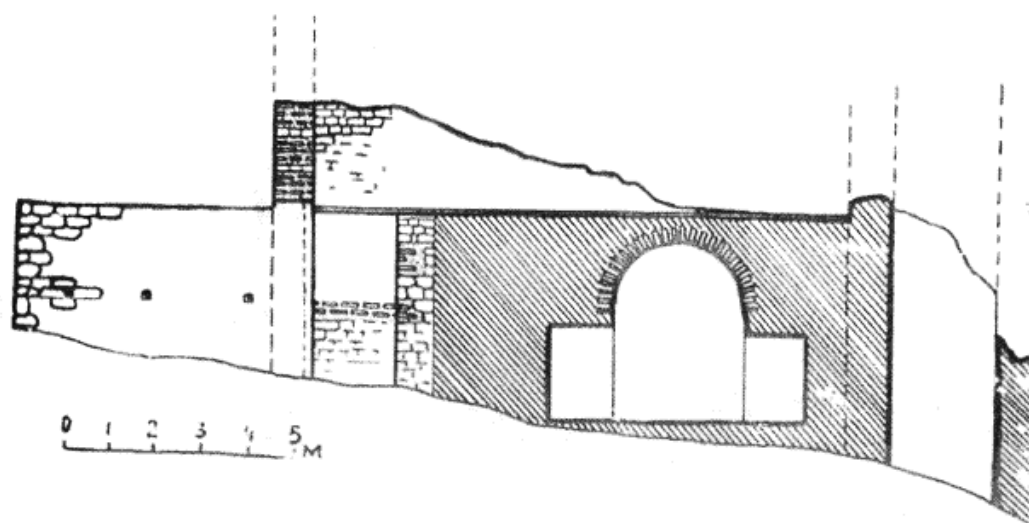

рис. 19

рис. 20

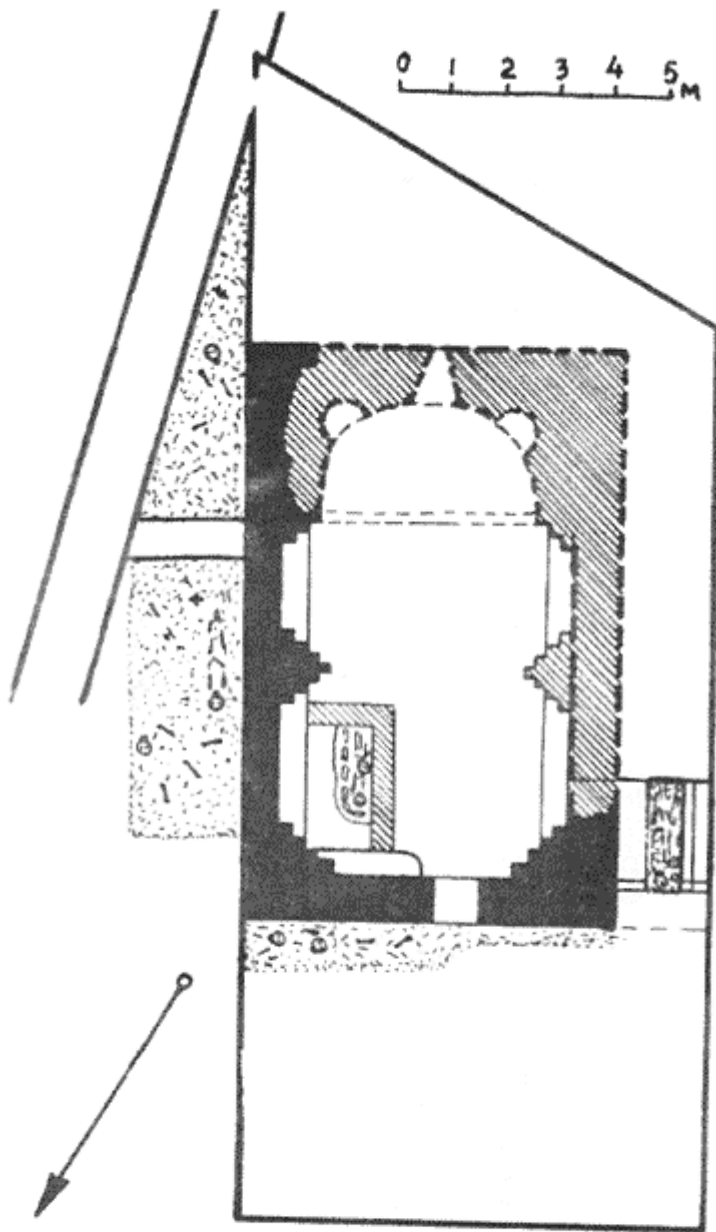
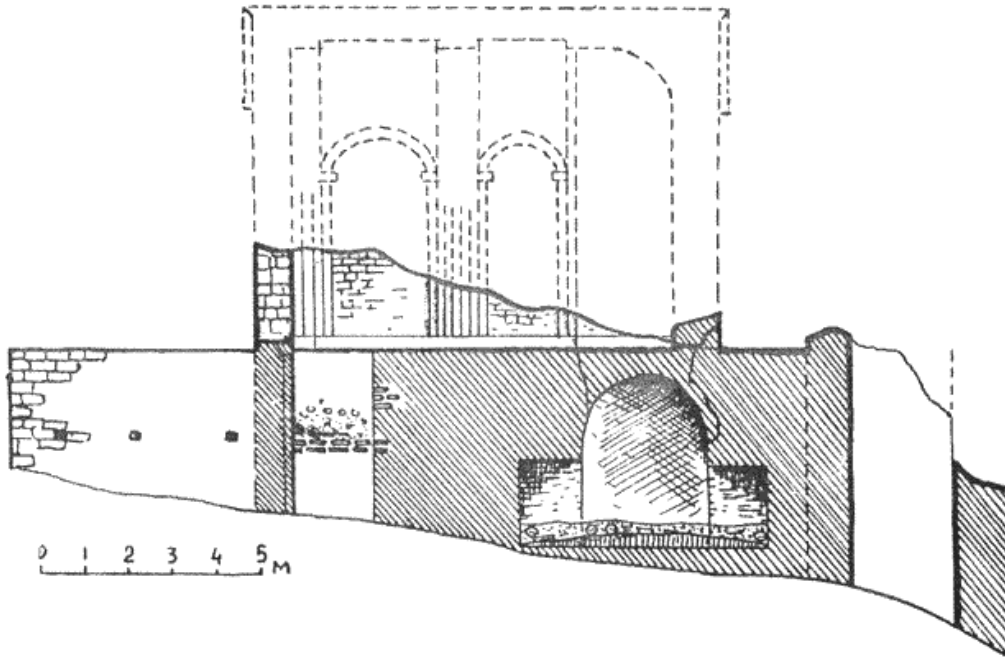

рис. 21

492

рис. 22

493

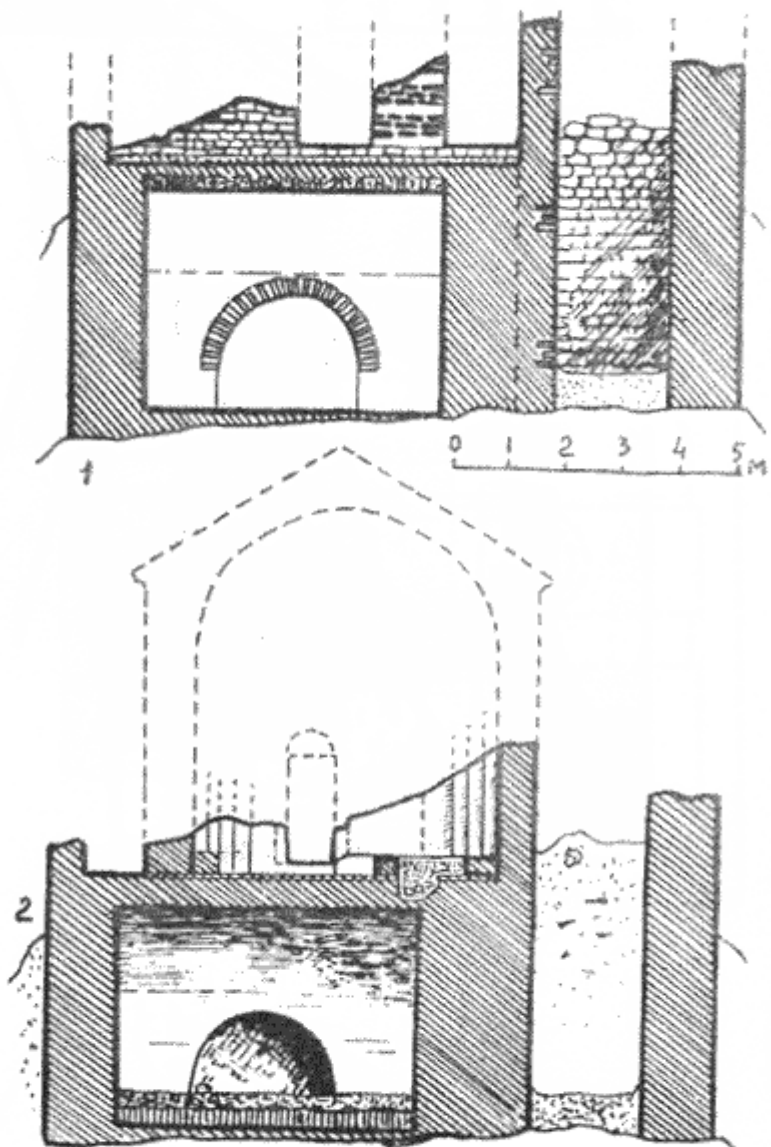

рис. 23

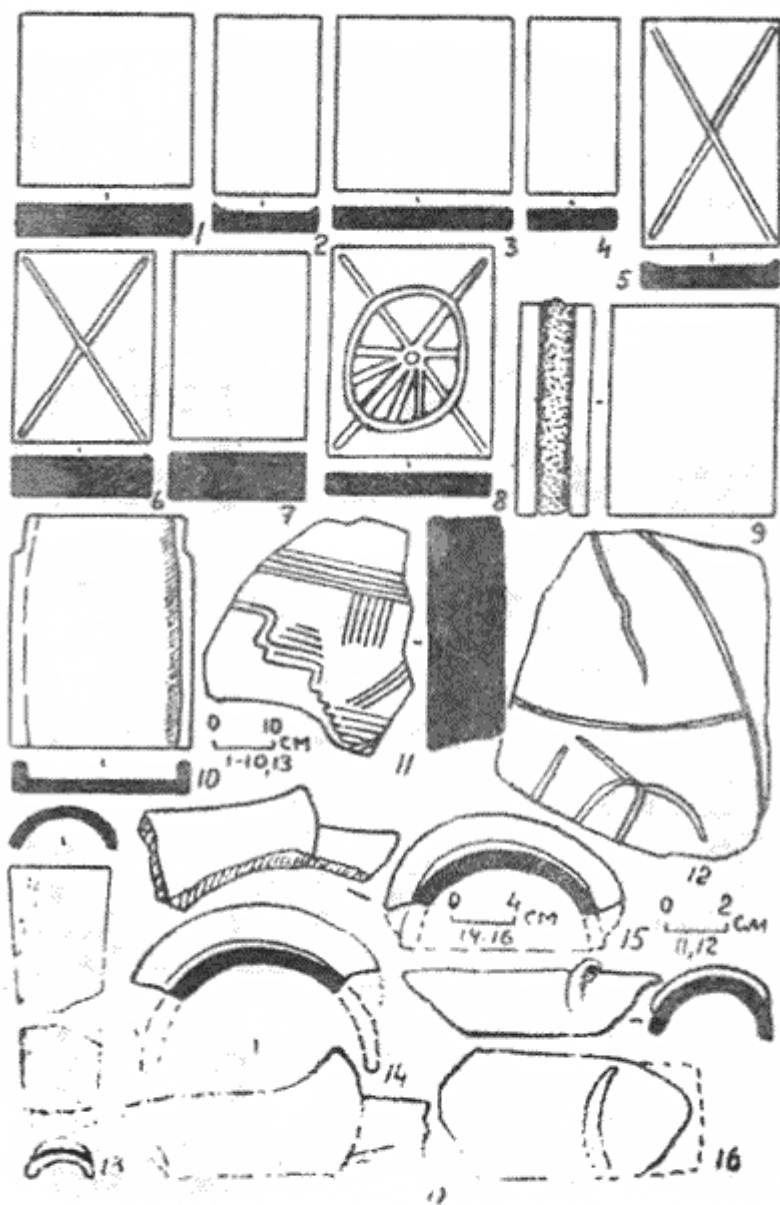

рис. 24

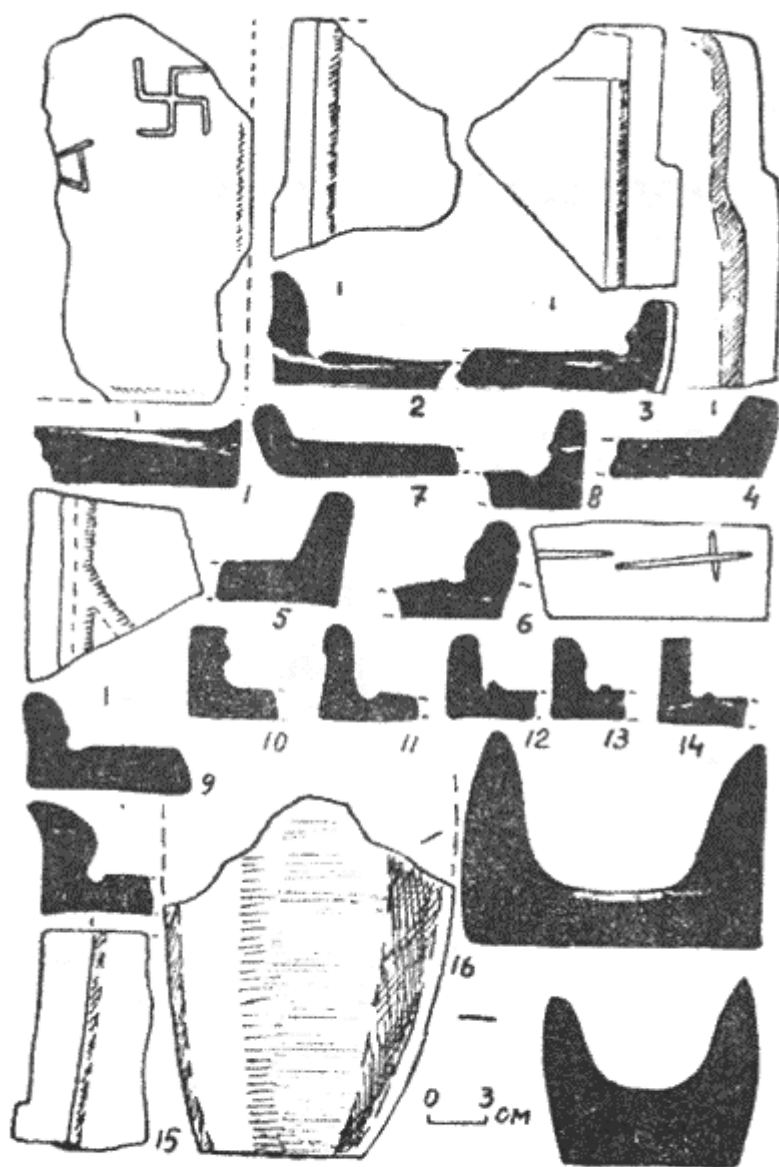

рис. 25

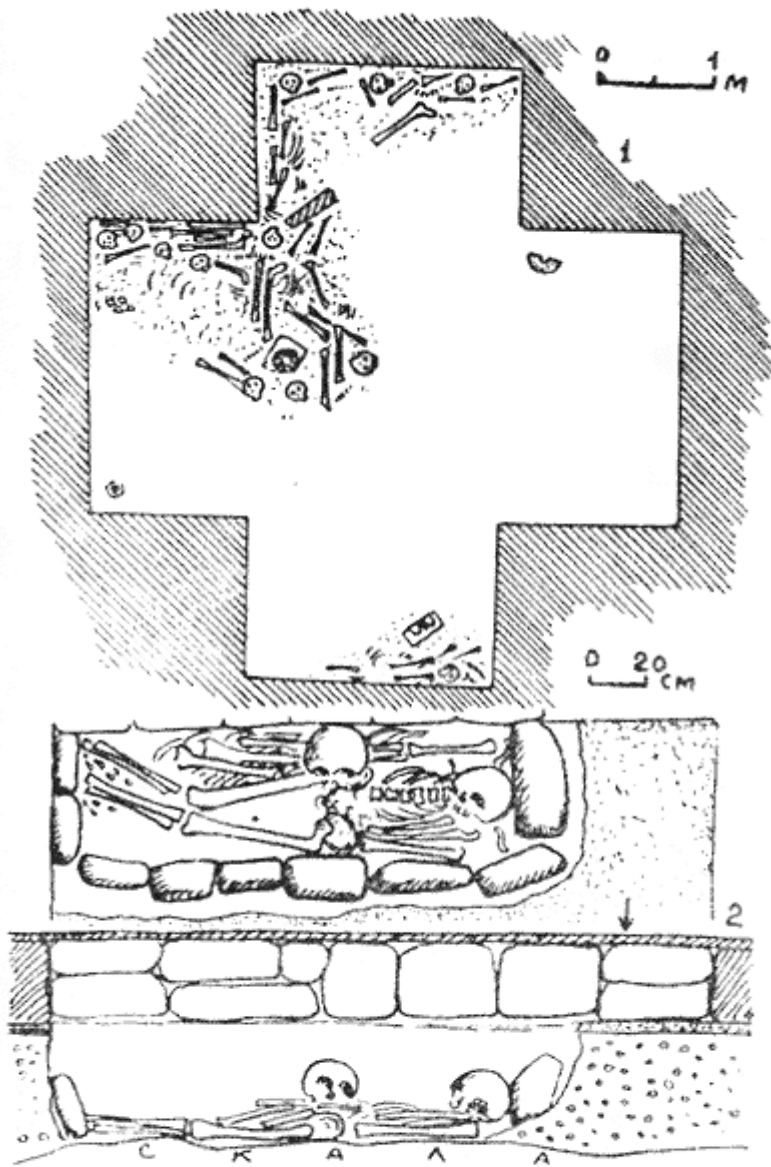

рис. 26

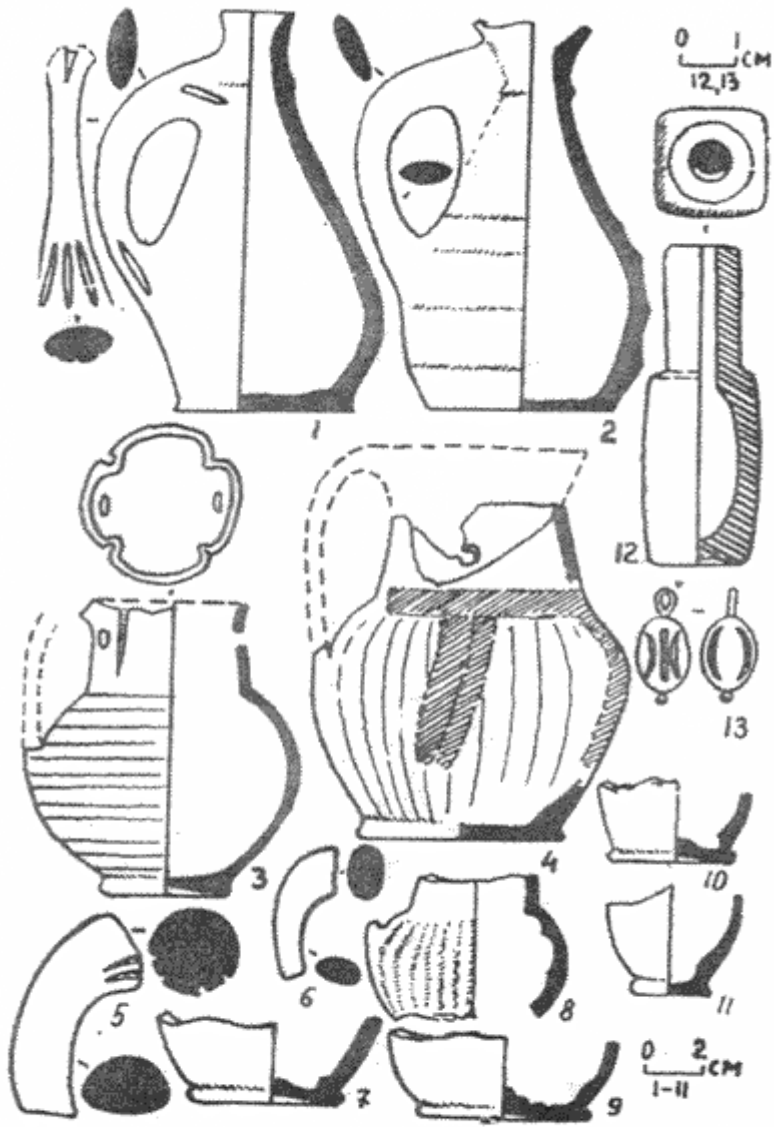

рис. 27

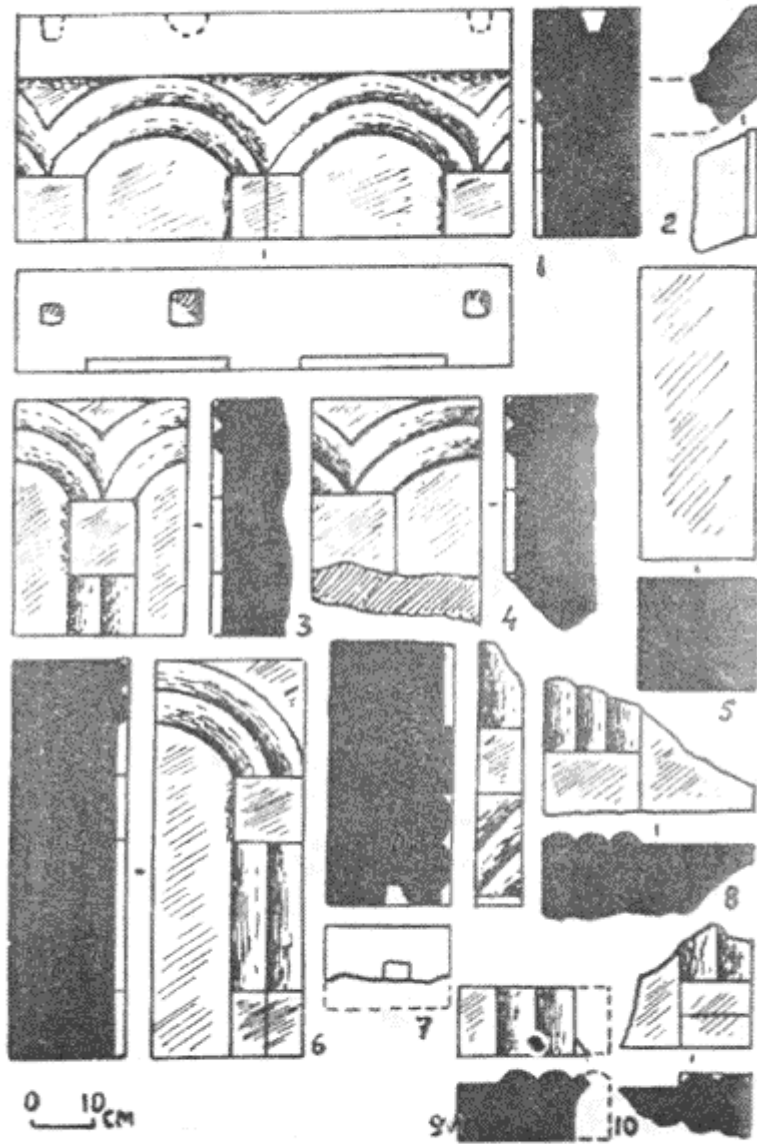

рис. 28

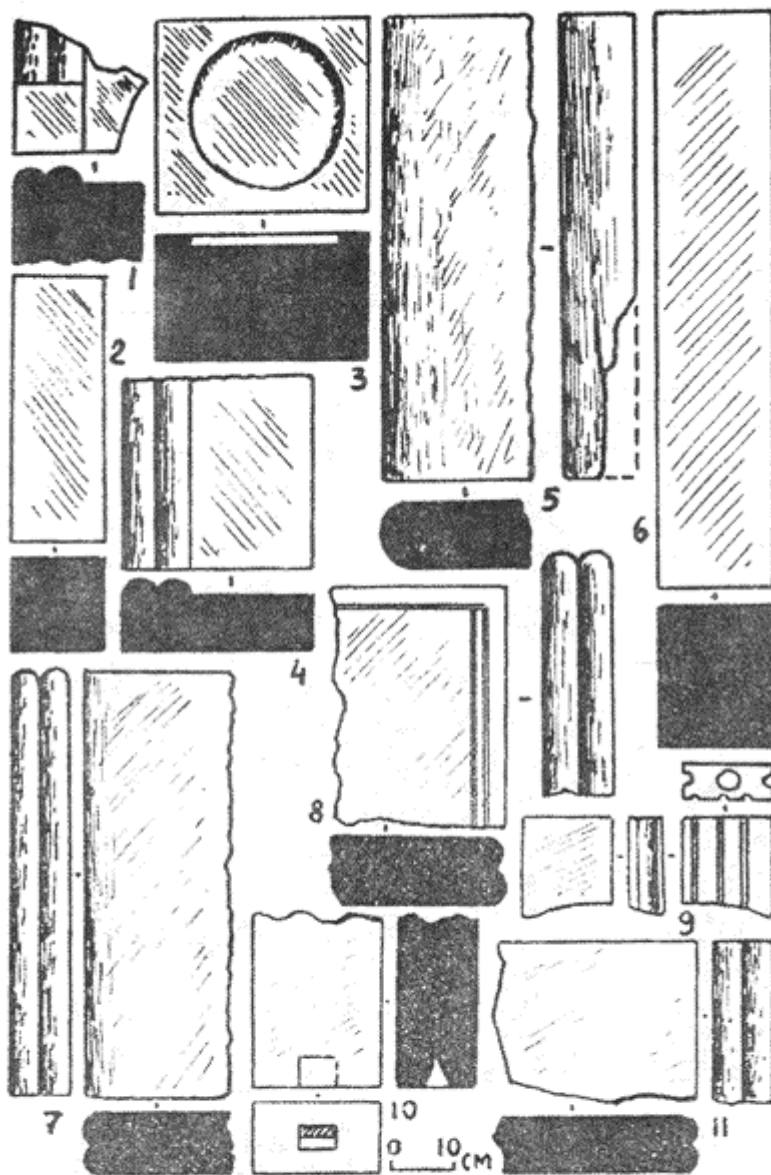

рис. 29

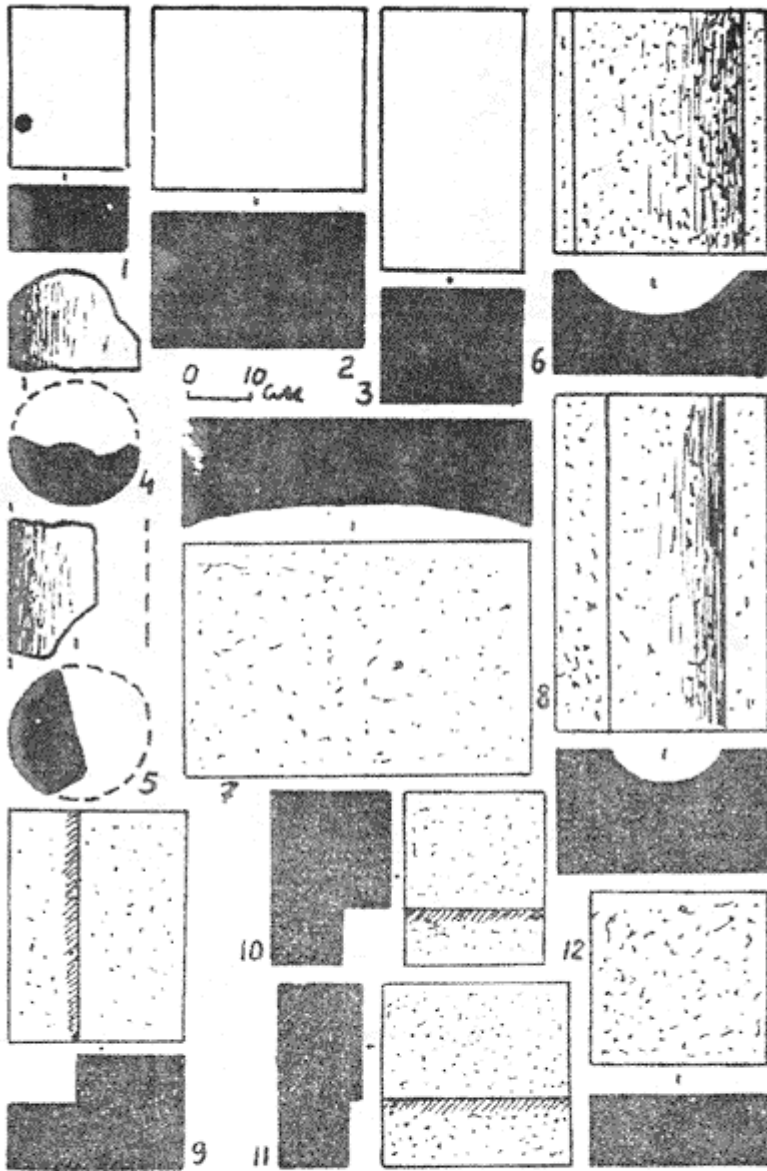

рис. 30

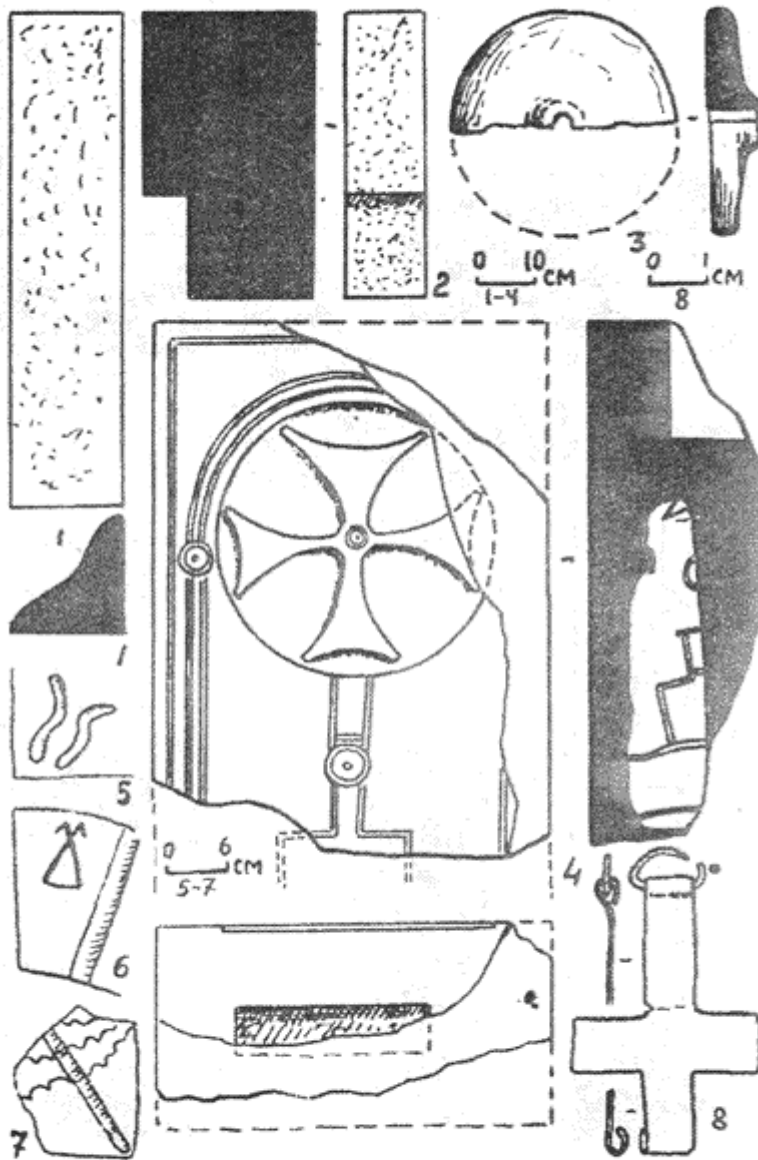

рис. 31

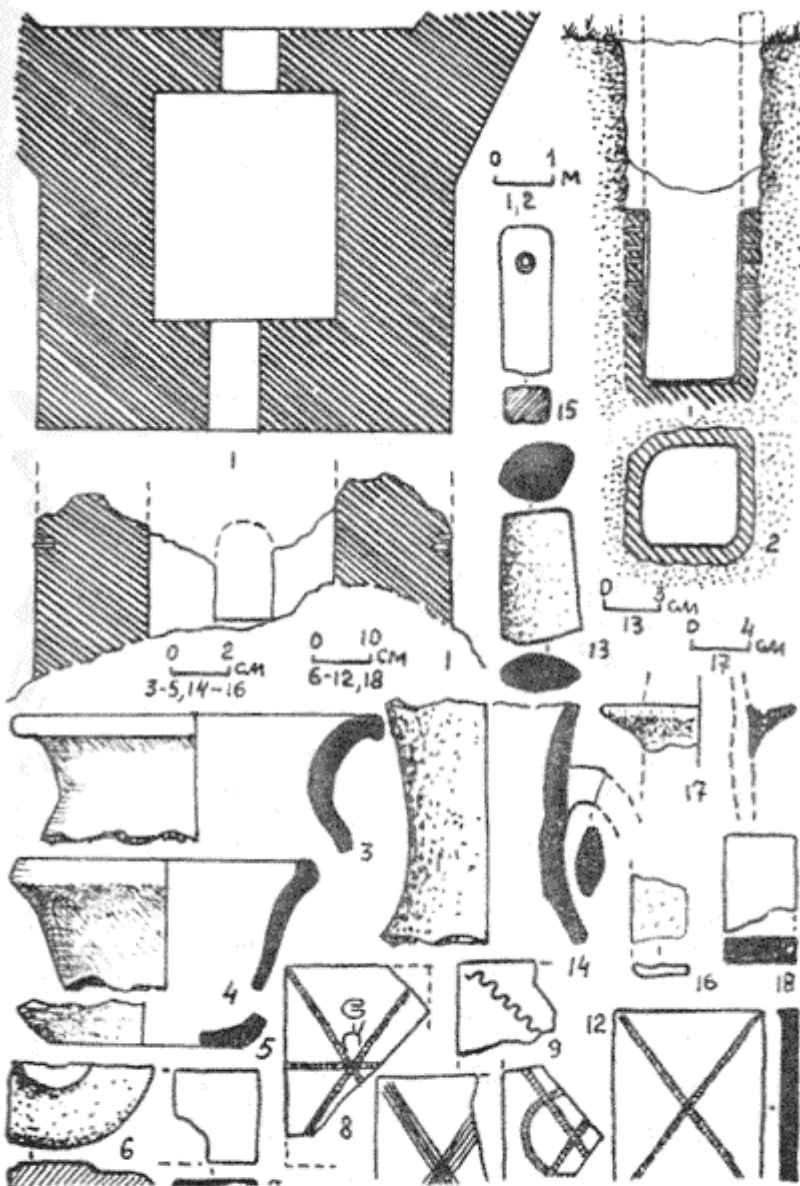

рис. 32

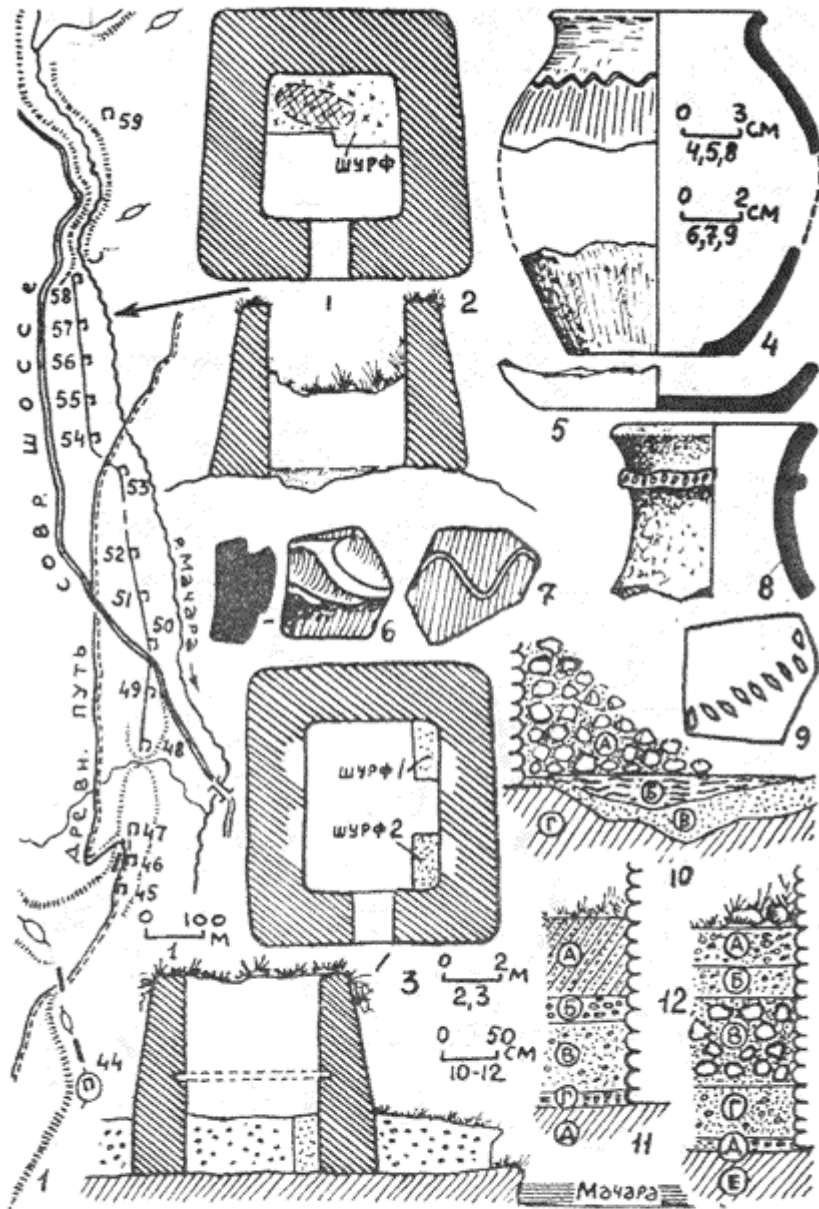

рис. 33

Главная крепость Апсилии

Книга "Главная крепость Апсилии" впервые была опубликована в 1986 году издательством "Алашара", Сухуми.

(Написана в соавторстве с О. Х. Бгажба. - Прим. ред. Абхазской интернет-библиотеки.)

1. Несколько вводных слов

Апсилия — древнеабхазское политическое образование, первые сведения о котором мы находим у прославленного римского географа и историка Плиния Секунда (I в. н. э.), а наиболее поздние — в трудах летописцев, описывающих события VIII века н. э. Это название, проявляющее себя, по-видимому, в имени мифологического Апсирта задолго до рубежа н. э., сохраняется здесь, судя по данным грузинских источников, и в эпоху развитого средневековья в форме «Апшилети», «апсары», а сегодня прозрачно выступает в самоназвании абхазов (апсуа), называющих свою страну Апсны («страна апсов»).

Согласно источникам, Апсилия охватывала центральную и восточную часть современной Абхазии, а ее центр находился в Цебельдинской долине между 15 и 35 километрами Военно-Сухумской дороги. Позднее этот центр был перемещен к юго-западу, в средневековый Цхум, ныне столицу автономной республики — Сухум (древние Диоскуриада и Себастополис).

В последнее десятилетие в этом живописнейшем уголке Абхазии ведутся археологические исследования, участниками которых почти с самого начала поиска являются авторы этих строк. О древностях Цебельды написано во многих книгах, им посвящено более сотни статей в научных изданиях и в прессе, цебельдинские материалы вошли в несколько диссертаций. Ежегодно раскопки в Цебельде приносят множество новых интереснейших фактов из древней и средневековой истории края, систематическая публикация и популяризация которых имеет первостепенную важность.

Настоящая работа посвящена объектам Цибилиума, который обычно сопоставляется с главной крепостью Апсилии Тзибиллой (Тцибила, Тибелия), упоминаемой византийскими источниками (Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский) в связи с событиями середины VI века н. э.

В отношении используемого нами вслед за большинством авторов названия «Цибилиум» высказано мнение, что оно «представляется неудачным, т. к. игнорирует название Цибил первоисточника — Прокопия Кесарийского» [143, с. 71]. Между тем в первоисточнике форма «Цибил» отсутствует — в различных списках Прокопия отмечено до десятка вариантов (греч. Τζιβίλω,

507

Τζιβίλων, Τζιβίλιν, Τζιβίλν, Τζιβίλ, Τζιβίλη, лат. Tzibiloum, Tzibelium и др.), в то время как Агафий упоминает Τιβελεος. Эти факты указывают на то, что начальной буквой в этом названии было вовсе не русское «Ц» (в греческом вообще отсутствующее), а сложный звук типа «ТЦ», и сегодня сохраняющийся в абхазском названии Цабал.

О пережитом Тцибиллой летом и осенью 550 г. н. э. Прокопий писал следующее: «...В этой

стране есть крепость в высшей степени укрепленная; местные жители называют ее Тзибилой. Один из знатных людей у лазов по имени Тердет, который носил у этого народа название... «магистра», поссорившись с царем лазов Губазом и став его врагом, тайно вошел в соглашение с персами, что передаст им укрепление. Приведя с этой целью войско персов, он отправился в Апсилию для выполнения этого замысла. Когда они были близко от крепости, Тердет с сопровождавшими его лазами, поехав вперед, оказался в укреплении, так как те, которые сторожили эту крепость, не имели никакого основания не доверять начальнику лазов и поэтому не проявили к нему никакой подозрительности. Таким образом, подошедшее персидское войско Тердет принял в укреплении.

Вследствие этого мидяне стали думать о захвате под свою власть не только Лазики, но и Апсилии. Ни римляне, ни лазы, занятые войной вокруг Петры и теснимые войском мидян, не могли послать помощь апсильцам. У начальника этой крепости была жена, родом из Апсилии, очень красивая лицом. В эту женщину внезапно безумно влюбился начальник персидского войска. Сначала он старался соблазнить ее, когда же он увидел, что не имеет успеха, то без всякого колебания он применил насилие. Приведенный этим в яростный гнев, муж этой женщины ночью убил его самого и всех тех, которые вошли с ним в это укрепление, оказавшихся невинной жертвой страсти их начальника, и сам завладел укреплением. Вследствие этого апсильцы отпали от колхов, упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощи, когда они подвергались насилию со стороны персов. Но Губаз послал к ним тысячу римлян под начальством Иоанна, сына Фомы многими дружескими речами и обещаниями ему удалось привлечь их на свою сторону без всякого сражения и вновь сделать подданными лазов...» [126, с. 403].

Развалины Тцибилы—Цибилиума расположены на обрывистом краю Кодорского ущелья на отроге горы Адагуа. В результате раскопок здесь в 1977—1985 годах вскрыт великолепный комплекс оборонительных, жилых, хозяйственных и культовых построек. Как внутри крепости, так и на расположенном рядом могильнике апсиров выявлен богатейший археологический материал, вносящий важные коррективы в историю не только самой Апсилии, но и всего Восточного Причерноморья в целом. Читателю предоставляется возможность ознакомиться с процессом поиска, пройти по древним коридорам и помещениям, посетить крупнейший в Западном Закавказье некрополь, заглянуть в летопись событий, пережитых апсилами на наиболее крутых поворотах их истории.

508

2. До начала раскопок

Впервые на карте Абхазии название крепости Цибилиум появилось в 30-х годах XIX века, когда знаменитый франко-швейцарский ученый и путешественник Ф. Дюбуа де Монпере на основании анализа соответствующего отрывка из восьмой книги «Истории войн», написанной крупнейшим византийским историком Прокопием Кесарийским в 554 г. н. э., уверенно локализовал крепость на территории Цебельды [96]. Не повезло Дюбуа с вариантом этого названия, сохранившимся в труде другого византийского историка Агафия Миринейского в форме «Тибелеос», который был помещен исследователем восточнее Ингура. Затем вопросом локализации «Тзибелиума»

занимался М. Броссе, который отождествил его с упоминаемой в том же районе источниками VIII в. крепостью Собга [22, с. 240].

Сама крепость в доступной нам литературе впервые упомянута адмиралом И. Серебряковым, которого сюда 30 августа 1851 г. привел дальский князь Баталбей Маршания. «На пути из Марамбы, — писал адмирал в 1865 г., — к спуску в долину Амткяла я осмотрел развалины древнего греческого укрепления, лежащего на крутом возвышении, которое выдается у обрыва правого берега Кодора, имеющего высоты до 250 сажень. Оттуда открывается живописный вид на Кодорское ущелье» [128, с. 96]. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. прилегающая к крепости территория (1497,5 десятин) была пожалована генерал-лейтенанту П. Краевичу, а затем перешла к его братьям — профессору физики К. Краевичу и врачу-эпидемиологу Д. Краевичу. Вскоре здесь были основаны армянские села Большие и Малые Краевичи. «Краевичами» стали называть и крепость. Еще в 80—90-х годах ее развалины стали привлекать внимание туристов. По рассказам старожилов, «сюда часто погожими летними днями направлялись группы любопытных — дамы в длинных, отделанных кружевом платьях под разноцветными зонтиками и кавалеры в шляпах и белых перчатках». Крепость в этот период еще покрывал крупноствольный вековой лес, в тени которого совершенно не было колючек. В начале текущего столетия крепость была включена в число обязательных объектов посещения революционеров, скры-

509

вавшихся в вороновской усадьбе «Ясочка», расположенной в 7 км западнее. Сюда совершали, в частности, прогулки руководитель «Сухумской коммуны» в 1905 г. Б. Захаров и его легендарный дядя, друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. Лопатин. Крепость привлекла внимание и местных кладоискателей, которые рылись в башнях, храмах и на могильнике.

Летом 1907 г. Абхазию посетил известный русский археолог, профессор А. Миллер, которому сухумский краевед В. Чернявский рассказал и о крепости в Цебельде. В архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР сохранился отчет А. Миллера, в котором рассказывается, как исследователь 22 июня на дилижансе выехал в Цебельду, затем верхом добрался до усадьбы Краевичей и осмотрел крепость. 23 и 24 июня он вел раскопки двух храмов и снял план оборонительной линии. Исследование велось с помощью четырех рабочих, которым было выплачено 8 р. 50 к. (по рублю каждому за рабочий день и премиальные). Материалы из крепости были использованы А. Миллером в двух публикациях [119; 120], а также в докладе, прочитанном 21 марта 1908 г. на заседании этнографического отделения Русского географического общества. «В этой крепости, — говорится в отчете заседания, — докладчик видит древний Тцибилум, известный по описанию войн Хозроя с Юстинианом». Аналогично («Цибилум») названа эта крепость и в упомянутом его отчете из архива. В 1911 г. вблизи крепости, в пос. Малые Краевичи, найден при раскопке бронзовый гроб, который был разграблен крестьянами, а затем под присмотром жандармов отправлен в Петербург, где надолго затерялся. В 1925—1927 гг. крепость многократно посещалась сотрудниками Абхазского научного общества В. Стражевым и М. Иващенко. В своем отчете последний, в частности, отмечал:

«Городище длиной около 0,5 версты... К северу от башни (№ 1 — Ю.В. и О.Б.)... идет стена, несколько к западу от нее находится начало подземного хода. Прекрасно сохранившаяся арка, свободная незасыпанная часть которой имеет около 1,5 м высоты, начинается собой род сводчатого туннеля..., выложенного хорошо пригнанными тесаными плитами». В Абхазском государственном музее хранятся кувшины, мотыги, топоры, наконечники копий, украшения, собранные тогда исследователями на пашне и у окрестных жителей. Крепость продолжала привлекать внимание туристов. В одном из писем (8 июля 1927 г.) племянника Г. Кржижановского — А. Рябкова, отдыхавшего тогда в «Ясочке», сообщалось в этой связи следующее: «Первая остановка была на развалинах древней крепости. О ней хотелось бы писать и писать, и восторгаться. Вообрази себе несколько небольших... башен, от которых остались лишь части стен да фундамент, прилепленные на самый край высокой и отвесной скалы... Когда ты смотришь сквозь бойницу вниз, то голова кружится и все силы напрягаешь на то, чтобы эта влекущая глубина не тянула бы столь сильно, чтобы как-нибудь удержаться... Громадное, но меньшее впечатление произвела Багатская скала».

510

В тридцатых годах текущего столетия в крепости продолжала функционировать каменоломня, откуда брался камень для фундаментов домов в окрестных деревнях. Вековой лес сменился колючим подлеском, а на террасе, ниже развалин храма, на западном утесе раскинулся огород. В августе 1940 г. в Абхазский государственный музей от местного жителя А. Калайджяна поступила коллекция предметов из могильника. В конце 30 — начале 40-х гг. здесь неоднократно бывал один из пионеров археологии Абхазии Л. Соловьев, в публикациях и дневниковых записях которого сохранились сведения о находках каких-то греческих надписей VI—VII вв., а также двух захоронений и ряда изделий, связанных с могильником. Согласно данным, собранным им 26 июля 1942 г., в упомянутом выше бронзовом гробу было найдено два скелета — мужской и женский. На женщине было «блестящее» платье, которое «рассыпалось в прах, золотое кольцо с сердоликом, золотой браслет», а в головах бронзовый «светильник» и другие вещи, которые были растащены находчиками.

Летом 1945 г. Цибилиум был осмотрен видным грузинским археологом и геологом И. Гзелишвили, который собрал сведения о кремационных захоронениях и отметил находку железного топора [87, с. 99]. В 1959 г. визуальное обследование укреплений Цибилиума произвели крупнейший специалист по римским и византийским древностям Колхиды В. Леквинадзе, датировавший строительный слой крепости IV в., и видный абхазский историк В. Пачулиа. В 1961 г. здесь побывали известный абхазский археолог М. Трапш и художник В. Орелкин, который произвел зарисовки отдельных объектов крепости.

В конце 50 — середине 70-х годов Цибилиум и его окрестности находились под краеведческим наблюдением Ю. Н. Воронова, проводившего здесь исследования разрушавшихся от распашки и эрозии почвы древних объектов. В этих изысканиях принимали активное участие краеведы В. Юшин и А. Вознюк (1966—1975 гг.), А. Судаков (1966 г.), В. Орелкин (1967 г.), П. Белов (1968 г.) и др. В результате был снят подробный план крепости, составлена карта могильников и других объектов в ее окрестностях,

выявлено около 30 погребений и собрано большое число разнообразных изделий из разрушенных могил. Эти работы и основанные на них публикации подготовили почву для развертывания в крепости и ее окрестностях широких археологических раскопок.

511

3. Анатомия поиска

За девять сезонов (I.VI—I.VIII.1977 г.; 13.V—16.VII.1978 г.; 3.VIII—18.X.1979 г.; 28.VII—15.X.1980 г.; I.VII—25.IX.1981 г.; 2.V—I.VIII.1982 г.; 28.VII—4.XI.1983 г.; 2.V—2.VIII.1984 г. и 20.VI—2.IX.1985 г.) в Цибилиуме была вскрыта площадь до 4000 квадратных метров при глубине раскопок от 1 до 8 м. Общий объем работ в крепости составил около 8000 кубометров земли и обломков камня, перемещенных вручную на расстояние до 40 метров. На могильнике была вскрыта площадь свыше 300 квадратных метров при средней глубине в 1 м., в результате чего было исследовано около 400 погребений III в. до н. э. — VII в. н.э. Помимо этого, ежегодно экспедицией выполнялся объем до 100 кубометров на других объектах (Герзеульская крепость, башни Келасурской стены, крепость и могильник Шапки, церковь в Мрамбе, ацангуары и др.). Общая сумма затрат экспедиции в X и XI пятилетках составила свыше 70 тыс. рублей, т. е. в среднем около 6 рублей за кубометр исследованных накоплений. В результате выявлено, обработано и изучено свыше 50 тысяч единиц разнообразнейших изделий, охватывающих практически все исторические эпохи от палеолита до позднего средневековья, опубликовано несколько десятков заметок и статей, начато издание серии монографий о древностях Цебельды. За всем этим стоит работа человеческого коллектива, именуемого Цебельдинской экспедицией, а также всех тех, кто оказывал ей поддержку со стороны. Работы в Цебельде включали в себя ряд взаимосвязанных этапов, о каждом из которых необходимо сказать хотя бы несколько слов, чтобы у читателя осталось представление о «романтике» археологического поиска. Итак первое: подготовка экспедиции. Она включает в себя организацию финансирования и быта экспедиции, заготовку продуктов, инструментов и других материалов, список которых достигает обычно нескольких десятков наименований. В силу различных причин объективного и субъективного порядка этот этап, как правило, охватывает период с начала года и до начала полевых работ, отнимая много времени и сил. Основное финансирование раскопок в Цебельде велось через Абхазский институт за счет средств, выделяющихся Академией наук

512

Грузинской ССР. С 1978 г. все более широкое участие в исследованиях памятников Апсилии принимал Абхазский государственный музей, работы которого оплачивались через Министерство культуры Абхазской АССР.

И вот наконец все письма написаны, гарантии получены, тачки, лопаты, кирки приобретены, собрана документация на каждого рабочего, автомашина для транспортировки экспедиционного имущества найдена. Далее погрузка у института и у мест жительства участников и выгрузка на базе, в качестве которой с самого начала был избран гостеприимный дом Г. и Ж. Коджаманянов, расположенный в с. Малые Краевичи

в 1,5 км от крепости. В трех маленьких комнатах нам (иногда до 10 человек) пришлось прожить в общей сложности около двух лет. Нам — это, помимо авторов этой книжки, кандидатам исторических наук М. Гунба и И. Хрушковой, работавших в составе экспедиции в 1977 — 1979 гг., заведующему отделом археологии Абхазского государственного музея Н. Шенкао, препараторам—лаборантам—вдове М. Трапша, первого профессионального археолога-абхазца В. Трапш и молодому археологу В. Логинову, фотомастеру В. Левинтасу и многим другим.

Здесь же концентрировались все находки, производились их чистка, реставрация, зарисовка, фотографирование, демонстрация многочисленным посетителям и хранение. За водой на первых порах ходили за 100—350 м к родникам, а когда они пересыхали, и к минеральному источнику в соседнем ущелье. Затем в деревне появился водопровод и стало легче. Утром — от базы до крепости вверх полтора километра пешком, вечером с грузом находок назад — таков был ежедневный маршрут научного и технического состава экспедиции в период раскопок. Условия, что и говорить, вполне спартанские. Несколько в ином ключе сложился быт рабочих-землекопов. Часть их из шефской организации (СФТИ) в числе 10—15 человек ежегодно разбивала под стенами крепости палаточный городок, где размещались также жены работавших, их дети, родственники и друзья. Для доставки инвентаря и исходных продуктов питания использовали личный транспорт (мотоциклы, позже и автомашины), когда же дорога от дождей раскисала, за хлебом-солью бегали за 4 километра в Цебельду. Пищу готовили на костре сами, организуя поочередное дежурство. Первые четыре сезона за водой приходилось ходить с ведрами за 250—300 метров, затем протянули шланг, и вода пошла к палаткам из родника, от которого и в VI в. был проложен в крепость водопровод. Дожди — довольно частое явление в Цебельде. Скрывались от них сначала в кладоискательской брешу под башней № 1, затем, когда была сооружена крыша над третьей башней, в ней прятались от дождя, а иногда и ночевали, просыпаясь от прыгающих на лицо лягушек. Позднее соорудили рядом с палатками навес и деревянный домик на манер пастушеских балаганов в горах. Если в первый сезон проезжей дороги от крепости практически не было, то в течение последующих лет грунтовая дорога из-за усиливающегося потока автомашин была накатана по старой тележной колее.

513

Второй сезон завершился бульдозерной зачисткой этого пути, а в 1983 г. удалось пустить поток автомашин по более укороченной грунтовой дороге, проведенной при содействии поэта Е. Евтушенко. На шефской бригаде лежала доставка досок, железных листов, цемента, аннотационных щитов и указателей, различного инвентаря (совковые лопаты, кирки, веревки, подчас и тачки). Этой бригадой был осуществлен основной объем работ по расчистке крепостных сооружений (башня № 1, наружная стена и прилегающее к ней пространство, все помещения вдоль куртин 1—3), много было сделано и на могильнике. До 200 кубометров накопилось за эти годы на личном счету В. Юшина, М.

Залдастанишвили, С. Новичкова, С. Гришутина, Ю. Рубанова, А. Хомухи, В. Тюнникова, работающих в Цебельдинской экспедиции с момента ее основания.

Другая группа землекопов состояла из жителей села Цебельда — рабочих совхоза и их детей. Она отличалась, естественно, более мобильным составом — не менее 50

цебельдинцев за эти годы вложили свой труд в исследование прошлого родного села. Они работали в крепости (башни № 2 и 3, храмы, пространство между стенами, благоустроительные работы) и на могильнике, расчистка которого осуществлена в основном их силами. Мы с благодарностью здесь упоминаем имена Б. Аведисяна, К. Кесяна, С. и В. Караманьянов, В. и В. Гугасянов, К. Лашхия, С. Чакряна, В. Топчяна, В. Чолакяна, Л. Загарджяна, С. Высоцкого, Х. Муселимяна и многих других. Ежедневно пешком или верхом они сходились к крепости из различных уголков Цебельды, неся с собой в узелках нехитрый крестьянский обед (хлеб, мадзун-мацони, мед, овощи, фрукты и проч.) всегда с «запасом», приглашая затем к импровизированному столу на траве, в тени орешника или кизилового дерева, как научно-технический состав экспедиции, так и просто оказавшихся в этот момент рядом гостей крепости.

В числе тех, кто принимал активное участие в раскрытии загадок Цибилиума, ежегодно было 2-3 человека, прямо не примыкавших к упомянутым группам. Среди них Л. Декунов и Г. Логинов из Сухума, А. Мелин и А. Четверухин из Ленинграда, А. Киричук и И. Слонимский из Донецка и многие другие. Интересны и такие факты. Пилот авиалайнера «Ленинград — Сухуми» А. Стериопуло многократно после завершения рейса на мотоцикле добирался до крепости и бескорыстно бросался в раскоп «помочь ребятам». Славно поработали здесь на общественных началах инженер В. Ракитин из Свердловска, историк и поэт С. Лакоба и инженер Н. Тагильцева с дочкой Юлией из Сухуми, художники-оформители из Нефтекумска В. Степанов и С. Мирошниченко, агроном М. Минасян и многие другие цебельдинцы.

Во всех делах, сотворенных в эти годы на Цибилиуме, активное участие принял Г. Чепнян, бригадир землекопов — он копал, рубил, таскал, поджигал, возил, кормил, строил — словом, делал все, что было возможно для успеха общего дела. С 1980 г. Г. Чепнян — штатный смотритель Цибилиума; он ежедневно встречает посетителей, дает объяснения, очищает и охраняет этот уни-

514

кальный объект. Первейшие помощники Чепняна в этом благородном деле — его мать Маруся, жена Кегец и сын Варткес.

Теперь о самих раскопках. Отличительной чертой нашей экспедиции являлась четкая постановка исторических задач, которые нужно решить в Цебельде: 1) уточнение даты и обстоятельств появления комплекса апсильских крепостей и их значения в системе древностей Абхазии и Восточного Причерноморья в целом; 2) осуществление параллельных исследований крепостей, поселений и могильников в целях расширения и уточнения сведений об облике и эволюции апсильской культуры; 3) конкретизация таких важных моментов истории Апсолии, как особенности социально-экономического и культурного развития, политическая ориентация, дата и обстоятельства христианизации, функционирование ответвления Великого шелкового пути и др. С самого начала мы решили и то, что исследования в крепости будут идти постепенно, путем прирезки новых участков к уже раскопанным, без суеты и выискивания «лакомых кусков». При этом нас не испугала перспектива того, что в условиях имеющихся средств мы, до полного исследования памятника, должны посвятить ему около 30 лет, т. е. практически отдать ему всю жизнь. Что делать? Так повелось, что в жизни археологов

обязаны быть своя Троя или свой Кармир-Блур. У нас будут Цибилиум и стоящая за ним Апсилия!

Когда мы подошли к Цибилиуму в первый раз, перед нами встала сплошная стена кишачих змеями и прочей живностью зарослей — деревьев и кустарников, переплетенных лианами, колючими сасапарилью и ежевикой. Расчистка от них составила первый этап раскопок. Вспоминается вековой дуб, стоявший за первой башней над сторожевым помещением. Чтобы его убрать, три человека трудились три дня. Не менее суток пилили и рубили огромную липу, нависавшую над винным складом. А граб над западным входом в главный храм сыграл шутку с исследовательницей последнего — он так основательно заполнил корнями проем, что вход не попал на план. Нам потом вдвоем пришлось (раскопки уже кончились, а вход все же угадывался!) часа три раскачивать ствол, подпиливая одно корневище за другим. Еще сложнее было с подлеском. В левой руке короткая ореховая палка, методично подсовываемая под очередной ствол колючки, в правой руке топорик, которым наносится удар — таких движений пришлось сделать многие тысячи. Поникшие переплетения стягивались деревянными крюками, скручивались в огромные рулоны, перекатывались на площадки. Палящее солнце подсушивало их, а затем горели костры. И что интересно — сколько ни подливалось бензина, сколько ни подсовывалось автомобильных шин, а пламя не брало стебли, месяцами сохранявшие влагу. Очищенные же места через три-четыре недели вновь заполнялись зеленью, буйно тянувшейся из всех щелей и трещин. Затем сдирался дерн — веками перегнившие листья и ветви, переплетенные корнями на глубину до 0,5 м. Каждый раскоп начинался с шурфа (примерно

515

2x2 м), который врубался в подстилающий завал камня, щебенки и раствора. Дальше казалось, что работа шла легче — сыпучка выдиралась из-под дерна, затем с помощью лома, кирки и топора в нем прорубались щели. Образованные таким образом «дольки» весом до 50—100 кг падали в подставленную тачку. Основной объем давали завалы у стен — их мощность в среднем составляла до 4 метров, достигая местами (башня № 3 и др.) 6—7 метров. Здесь основными орудиями были кирка и лом (взрыхление), мотыга (сгребание на железный лист) и совковая лопата (перекидывание в тачку или за стену). Завал разбирался постепенным углублением по ходу работы либо когда расчищалось замкнутое в четырех стенах пространство (башня 3, помещение 2—7 и др.) по спирали. Во всех случаях широко использовались дощатые мостки различной сложности. Их длина в отдельных случаях достигала 30—40 метров и, например, А. Хомуха, работавший на тачке, не раз с гордостью отмечал, что к концу рабочего дня он пробежал с ней свыше 20 километров, т. е. столько же, сколько от Цибилиума до моря по прямой. Здесь дожди были, пожалуй, наибольшей помехой — по мокрому наклону досок скользили и колеса тачки, и ноги. Бывали случаи, когда с высоты 2—3 м все это падало вниз; однажды даже при этом было сломано ребро. Крайние помещения, особенно когда пользование тачкой исключалось, очищались совковыми лопатами. Великолепно при этом смотрелись С. Новичков и А. Декунов. Иногда сквозь шум падающих камней прорывался шепот: «...2225, 2226...» — это шел счет лопатам, через определенное число которых бросавший позволял себе короткий отдых. Хранилище в башне № 1 очищалось с

помощью ведер — 2000 раз скользили они вверх и столько же вниз. Помимо мусора, с глубины 6 метров пришлось поднимать огромные (до 100 кг) блоки от свода. Один из них, несмотря на строжайшее соблюдение техники безопасности, соскользнул на пальцы К. Рубанова, оставив на них навсегда памятный след.

Под завалом начинался культурный слой, в котором выделялось по два, три и более горизонтов накоплений, отражающих историю крепости в период ее функционирования. Здесь требовалась максимальная осторожность. Каждый горизонт сначала разрыхлялся киркой и ножом, затем его содержимое мотыгой перегребалось на железные листы, перебрасывалось в тачку и перебиралось пальцами. Благодаря этому не только фрагменты керамики, металлические изделия, кости животных, но и мельчайшие бусинки и обломки стекла не ускользали от внимания исследователей. И так дециметр за дециметром до поверхности первоначального пола или скалы. Запомнилась разборка нижнего яруса накоплений в башне 3, где из-за задержки столетиями воды образовалась вязкая жижа, которую не брали ни лопата, ни нож. Пришлось нам хватать ее руками, проминать пальцами и, после извлечения древних обломков, стряхивать в тачку. Таких тачек набралось более 20. Зато пересушенная сыпучка в винном складе содержала три яруса пифосов, поштучная расчистка которых заняла свыше трех недель не менее изматывающего труда.

516

А на могильнике? Конечно и там были свои сложности. На глубину до 2—3-х лопат можно было идти безбоязненно. Затем, когда появлялись первые признаки погребений — контуры ям, крупные сосуды, требовалась квалифицированная рука. Препарировкой могил занимались в большинстве авторы этих строк, а также Н. Шенкао и В. Логинов. Иногда черновую работу по подготовке погребений проводили и наиболее внимательные рабочие. На расчистку каждой могилы в среднем уходило по 1,5 — 2 часа, а в ряде случаев приходилось работать по 5 и более часов, прежде чем все детали становились ясными. Время от времени, давая себе минутный отдых, мы спрашивали друг друга: «Ну как там у тебя, в твоей могиле? Что нового?». В палящих лучах солнца под ножами и пальцами постепенно появлялись посуда, оружие, орудия труда, украшения... Почвы здесь глинистые, подчас удавалось фиксировать лишь следы костного тлена вблизи бронзовых изделий, много хлопот доставляли повторные (до трех) захоронения в одной яме — надо было проследить, что кому принадлежало. Бывало, только отпрепарируешь погребение, как набегают грозы и раскоп заливают до краев водой, а потом надо ждать сутки, пока он просохнет, и очищать вновь все теперь уже от ила, нанесенного со склонов. После расчистки каждое погребение наносилось на план, зарисовывалось во всех деталях, описывалось и фотографировалось на черно-белую и цветную пленку. Затем шла разборка: все вынималось, снабжалось этикетками (дата, номер могилы и др.) и расфасовывалось в десятки пакетов. Многие изделия (бронза, серебро, глина) при разборке рассыпались — приходилось либо, залив клеем, вынимать их вместе с окружающей землей, либо на месте зарисовывать их след. Это позволило сохранить большое число редких форм, прежде уходивших от исследователей.

Параллельно с раскопками велись ежедневные записи в дневниках, отражавшие

наиболее важные моменты и детали, производилась графическая и фотофиксация разрезов культурного слоя, на планы раскопов наносились находки, следы костров, пожарищ и т. д. Архитектурные сооружения, выявлявшиеся в ходе расчистки, детально фотографировались и обмерялись, причем особое внимание, помимо всех деталей (дверные проемы, сидения и др.), уделялось кладкам из тесаных квадров, где зарисовывался каждый камень. Постоянно велись наблюдения над раскопанными ранее объектами, где солнце и дожди, постепенно расчищая и разрушая стены и полы, выявляют незамеченные в первый момент детали кладок, заложенные позднее проемы, отдельные изделия в растворе, на поверхности почвы и в расселинах скалы. В соответствии с существующим правилом экспедиция регулярно выделяла часть средств на охранные работы. В 1977 г. была забетонирована брешь объемом до 10 кубометров в основании башни № 1. Цемент и воду в бочках завезли на телеге из деревни, раствор в ведрах таскали через стену. В 1978 г. были забетонированы главная калитка, вход и опоры в башне № 3; над последней была сооружена крыша. Цемент для этого выделили шефы из СФТИ, а ольховые бревна

517

10-метровой длины рабочие заготовили сами, сволокли их с помощью лошадей со склонов горы Адагуа, аккуратно вкатили на древние стены, перекрыв башню дранью, закупленной в верховьях Кодора. Гвозди и проволоку собрали в деревне. В 1979 г. была сооружена крыша из толя над комплексом бани, а осыпавшаяся в этом месте снаружи стена протейхизмы засыпана землей на протяжении 20 м при глубине до 4 м. В 1980 г. были укреплены стены в храмовом комплексе. Машину бетона для этого доброго дела доставил поэт Д. Чачхалиа. В дальнейшем, в связи с включением памятника в план государственных консервационно-реставрационных работ, охранный деятельность экспедиции была свернута. Находки, собранные по горизонтам и участкам, укладывались в полиэтиленовые мешочки (по 5-10 килограммов каждый), снабжались этикетками (дата, место и горизонт) и транспортировались на плечах, лошадях, мотоциклах, а иногда и на подвернувшейся автомашине на базу. Изделия из глины, стекла и кости в соответствии с методикой, разработанной В. Трапш, сначала сушились и освобождались от грязи механическим способом, затем отмачивались и мылись с помощью специальных щеток в теплой и холодной водах, вновь тщательно просушивались, сортировались по форме и материалу, затем, что можно, склеивались. Сотрудниками экспедиции за весь период было склеено частично или полностью свыше 500 сосудов из погребений, восстановлены десятки форм из культурного слоя крепости. Изделия из железа и других металлов после просушки очищались от коррозии и грязи механическим путем. Достаточно трудоемкой была обработка серебряных изделий, часто представлявших собой скопление пластинчатых и проволочных обломков и сердоликов. Одна из брошей, например, потребовала около 10 часов труда на очистку, сборку на бумажной основе и клеевое покрытие, в результате чего этот уникальный памятник искусства стал вновь доступным для обозрения во всем своем великолепии. Важная стадия работы — зарисовка, которой в нашем случае подверглись практически все находки, имевшие информационную нагрузку. Зарисовка велась на миллиметровке (ширина рулона 0,85 м, общая длина его за 9 сезонов — около 100 метров; в среднем на

погонный метр пришлось до 150 предметов). Параллельно велась инвентаризация — на каждом изделии и обломке ставились шифр (место находки, год) и номер в соответствии с составлявшейся параллельно полевой описью, в которую заносились кроме того данные о типе изделия, числе фрагментов, происхождении и т. д. Обработку находок завершал В. Левинтас, фотографировавший все наиболее выразительные изделия по комплексам и отдельно на черно-белую и цветную пленки узкого и широкого формата. Все завершала упаковка в ящики и отправка находок по месту хранения — в фонды Абхазского государственного музея и Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа, либо в угловую комнату нашей «базы». Совершенно измотанные, мы с рулонами подмышкой покидали гостеприимные Краевичи и, поднявшись на ближайший холм, бросали прощальный взгляд на контуры крепости: «До следующего сезона, Цибилиум!».

518

С самого начала раскопок на крепость хлынул людской поток. Сначала это были цебельдинцы, затем те, кто лет 20 назад покинул эти места, но любовь к ним осталась; за ними пошли их соседи и знакомые. Вскоре появился лозунг: «Кроме Риды и Холодной речки есть еще и Цибилиум!» Запылала многочисленная костры, потянуло запахом свежего шашлыка. Все чаще на крепости можно было увидеть художников с этюдниками, а глубокими вечерами в храме над обрывом устраивались импровизированные концерты — звучали абхазские, грузинские, русские, армянские, греческие песни, проводились сеансы телепатии... В 1977 г. памятник посетило около 500, на следующий год — до 2000, а в 1983 г. — уже около 7000 человек. Мы принимали всех одинаково приветливо, отвечали на вопросы, затем стали водить экскурсии. В 1979 г., например, каждому из авторов пришлось провести по крепости до тридцати групп по 10—15 человек в каждой. С 1980 г. мы завели здесь книгу отзывов, в которой оставили за шесть лет след около 1000 человек из различных городов нашей страны (Москва, Ленинград, Киев, Тбилиси, Ереван, Баку, Минск, Рига, Вильнюс, Фрунзе, Новосибирск, Харьков, Донецк, Днепропетровск, Кировоград, Целиноград, Норильск, Сочи и др.) и зарубежных (Берлин, Варшава, Будапешт, Прага, Вена, Париж, Лондон, Нью-Йорк, Стамбул, Дамаск и др.) Тогда же для охраны памятника выделили штат смотрителя. В 1983 г. введена плата за осмотр крепости — было распространено свыше 500 билетов. Кульминационным моментом стало проведение 17 июля 1983 г. в Цибилиуме важного культурно-пропагандистского мероприятия — здесь, чтобы поговорить об уважении к деяниям предков, о сохранении памятников культуры, по инициативе поэта Е. Евтушенко, влюбившегося в Цибилиум с первого взгляда, собрались в день его 50-летия свыше 150 человек — партийные и советские работники района и республики, писатели и поэты из Сухума, Тбилиси, Москвы, многочисленные гости из-за рубежа. Крепость привлекла внимание широкого круга журналистов, корреспондентов газет («Правда», «Литературная газета», «Советская культура», «Советская Абхазия», «Дроша» и др.), журналов («Дружба народов», «Советская литература», «Литературная учеба», «В мире книг» и др.), представителей Гостелерадио СССР, операторов Ленинградского, Грузинского и Абхазского телевидения, а также из Брно (ЧССР), корреспондентов АПН и ТАСС. Большое значение для нас имело внимание научной общественности. С результатами

раскопок на месте, помимо руководства и сотрудников Абхазского института член-корреспондент АН ГССР Г. Дзидзария, доктора наук Ш. Инал-ипа, Х. Бгажба, А. Куправа, Б. Сагария, кандидаты наук Г. Шамба, Г. Амичба, Р. Чанба, И. Цвинария, С. Шамба, зав. библиотекой Е. Маргания и др., ознакомились видные археологи — доктора наук А. Амброз, В. Кропоткин, И. Кругликова, Е. Черных, А. Халиков. В. Леквинадзе, О. Лордкипанидзе, П. Закарая, Н. Ломоури, кандидаты наук А. Болтунова, В. Ковалевская,

519

И. Каменецкий, В. Петренко, И. Брашинский, Л. Церетели, М. Барамидзе, В. Пачулиа, В. Джапаридзе и др. историки — доктора наук С. Хромов, Ю. Кораблев, И. Лейберов, А. Дубинин, Л. Лавров, кандидаты наук М. Бибигов, Ю. Виноградов, Ф. Шелов-Коведяев, Г. Анчабадзе и др. искусствоведы — доктор наук Р. Меписашвили, проф. В. Цинцадзе, представители медицины — академик И. Шхвацабая, доктора наук А. Труфанов, В. Зухарь, Б. Газетов, Б. Никифоров, географы — доктора наук Н. Гвоздецкий, Ш. Лашхия и др., видные архитекторы-реставраторы В. Либсон, Б. Гнедовский, Н. Датиева и многие, многие другие. Частыми гостями с начала раскопок на крепости стали партийные и советские руководители республики, района и села, оказывавшие экспедиции помощь в организации быта, снабжении техникой и инвентарем. Постоянное внимание экспедиции уделяли доктор искусствоведения А. Аргун, заслуженный инженер Абхазской АССР Э. Аршба, заслуженный работник физкультуры и спорта Абхазской АССР и Грузинской ССР Р. Аршба, инженер-геодезист П. Казанба и др. Нам часто задают вопрос, не мешает ли нам этот людской поток, не отрывает ли он нас от своего прямого дела. Нет, — отвечаем мы, — наоборот, помогает: ведь мы работаем не для себя, а для общества, которое через нас, своих гонцов в прошлое, узнает пережитое им, свою историю и чем больше людей прикоснется к нашему делу, тем лучше, тем наша функция целесообразнее, уютнее. Археология — наука популярная: романтика археологического поиска вошла в пословицу. В этом отношении нам особенно повезло — Цибилиум и в историческом, и в природном отношении, и по содержанию своих тайников необыкновенно романтичен, даже подчас сказочен вопреки и благодаря удивительной определенности, выразительности и академичности вытекающей из него информации. Нам есть что показать, о чем рассказать. Встречая идущих к крепости людей, мы постоянно вспоминаем слова В. И. Ленина: «Нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко, как у нас» (ПСС, т. 45, с. 364). И мы прилагаем все усилия, чтобы Цибилиум был достойным примером глубокой справедливости этих слов.

520

4. Абхазская Троя

Словно челны на гребне волны, взлетели над глубиной ущелья Кодора два скалистых утеса. Оборонительные стены охватывают их с запада (свыше 60 м), с севера (350 м), и, частично, с востока (50 м). С юга крепость защищена исключительно живописным, совершенно неприступным каскадом обрывов, протянувшихся в длину более чем на 400

метров. Расчистку крепостных сооружений мы начали с западного утеса, который издавна был наиболее доступной частью Цибилиума. Древние строители возвели здесь две параллельных стены, которые усилили тремя мощными башнями. Наружная стена — протейхизма — протянулась почти на 70 метров. Перед началом раскопок она была скрыта в завалах мощностью до 5 метров, над поверхностью которых можно было в зарослях увидеть лишь один выступ метровой высоты. В плане протейхизма имеет форму меандра, образованного в средней части прямоугольным двориком, простреливавшимся с трех сторон и скрывавшим в своей глубине главную калитку, к которой обычно пытались пробиться осаждавшие. Стены протейхизмы (их толщина — 2,6 м) сложены крупноквадровой панцирной кладкой на прочном известковом растворе. Длина отдельных блоков в панцирях — около метра, высота — 30-40 см. Кое-где снаружи видны пазы от квадратных брусьев, когда-то служивших опорой для строительных лесов. Изнутри сохранились основания 11 ниш — ширина каждой — до 2,8 м при глубине до 1,25 м. Ниши когда-то были перекрыты арками, поверх которых проходила боевая тропа, огражденная снаружи барьером с зубцами, между которыми защитники в нападающих метали стрелы, копья, камни, сосуды с кипящими водой и маслом. Протейхизма местами сохранила высоту до 5,25 м, первоначально же она была не ниже 6—7 метров, что делало ее неуязвимой для наиболее крупных осадных лестниц. За протейхизмой и теперь резко выступает главная стена, сложенная мелкоквадровой кладкой с соблюдением рядов в панцирях, где все неровности были заглажены раствором, а затем по швам была прочерчена сетка линий. Такая кладка, зародившаяся в Римской империи еще во II—III веках н. э., получила затем широкое распространение в византийском зодчестве. До наших раскопок натер-

521

ритории Восточного Причерноморья такая кладка отмечена не была. Очень хорошо она представлена в византийской крепости Несебр, расположенной на болгарском побережье Черного моря. Главная стена также имела боевую тропу, проходившую за зубчатым барьером, где размещался второй ряд стрелков, поражавших врага поверх голов своих соратников на протейхизме. Исходя из объема завала вокруг стены и из указаний «Тактики» — работы анонимного автора VI в., определявшего высоту куртин в 12 локтей (около 9,5 м) при толщине 5 локтей (около 2,3 м), можно определить высоту главной стены Цибилиума в 10 — 12 метров. Ее толщина — до 2,6 м, т. е. несколько больше нормы.

Двойные стены широко практиковались в раннесредневековом фортификационном зодчестве. Особую популярность такое сочетание получило после строительства грандиозной оборонительной линии Константинополя при Феодосии Великом в первой половине V века н. э. В Колхиде этот признак имеют: Петра (Цихисдзири), построенная во второй четверти VI в. византийцами к северу от Батуми, лазские крепости Археополь (Нокалакеви) и Родополь (Вардцихе), а также, по-видимому, Гагрская крепость. Двойной стеной в VI в. был укреплен и Херсонес в Крыму. На территории Болгарии в настоящее время известно около 30 крепостей с главной стеной и протейхизмой.

Подходы к стенам охраняли башни, первая из которых (12х6 м при высоте более 13 м) венчает край обрыва к Кодору и сильно выдвинута вперед перед фасом протейхизмы.

Через бойницы и с крыши башни было удобно контролировать подходы к центральному дворику перед калиткой, поражая врага стрелами с правой, незащищенной щитом, стороны. Перед началом строительства скала была выровнена, а на склоне вырублены ступени, на которых сооружена сперва сердцевина башни с шестиметровой глубины камерой для хранения продуктов. На блоках, облицовывающих камеру изнутри, выбиты различные греческие буквы. Затем был возведен наружный панцирь из гладко обработанных блоков известняка, сложенных в строгие ряды. Второй этаж башни образовывало небольшое помещение, имевшее бойницы в северной и северо-западной гранях, большое арочное окно в южной стене и дверной проем в восточной стене. В окне до недавнего времени сохранялись пазы от деревянного бруса, на котором, согласно легенде, и сегодня бытующей у цебельдинцев, когда-то висел колокол, звон которого эхо ущелья разносило на десятки километров. Восточнее проема на наружной полости стены еще лет 50 назад, как говорят, был хорошо виден выбитый в камне «греческий» крест. В восточной части помещения в полу находится лаз в камеру, который до начала 30-х годов текущего столетия был заложен замковой плитой с железным кольцом, сброшенной в обрыв кладоискателями. С тех пор камера постепенно заполнялась камнем, щебенкой и мусором, в которых в 1977 г. найден человеческий скелет с разбитым черепом. На дне камеры, где скала образует ступень, сохранилось около метра древнейших накоплений, содержавших обломки амфор и пифосов VI в.

522

Главная особенность башни — клинообразная западная часть, сильно поврежденная кладоискательским взрывом в 1961 г. Однако, благодаря сохранившимся в одном из Ленинградских архивов обмерам А. Миллера и следам на скале, удалось определить угол клина в 108—110°, соответствующий требованию анонимного автора «Тактики» и максимально предохранявший башню от воздействия тарана. Пятигранные башни к началу раскопок Цибилиума еще не были известны на территории Советского Причерноморья. Позднее, сопоставив план Цибилиума с планом Эски-Кермена, А. Амброз указал нам и там в сходной позиции аналогичную башню, от которой, впрочем, остался лишь след на скале. Зато в других районах Византийской империи (Балканы, Малая Азия, Сирия, Северная Африка, Италия и др.) их известно около сотни. В углу, образованном протейхизмой и северной стеной первой башни, мы обнаружили два пифоса, вставленных один в другой. Площадка вокруг была выложена камнем, судя по всему, здесь в XIV—XV вв. в тени башни располагался винный погреб какого-то поселанина.

Северо-восточный угол двора в изгибе протейхизмы против калитки занимала печь для обжига известняка, древнейшая из известных в Восточном Причерноморье. Снаружи она в плане квадратная (4,6х4,7м), внутренняя же камера имеет форму овала и соединена с внешним миром топчным каналом, служившим одновременно входом. Сложена печь на глинистом растворе из мелких известняковых квадратов, образующих изнутри двойной, а снаружи однорядный панцирь. Нам пришлось специально изучить конструкцию Мерхеульского известкового завода для того, чтобы убедиться в том, что с VI по XX вв. технология обжига известняка здесь мало изменилась — теперь благодаря использованию каменного угля процесс непрерывен, а тогда каждая порция сырья и

дров требовала отдельной загрузки и расчистки. Помимо отдельных обломков амфор и кухонной посуды, в печи был найден железный нож. Нам удалось проследить и тот интересный факт, что печь была вписана в изгиб протейхизмы в начале строительства крепости и разрушена сразу же после его завершения. Площадка была выровнена, и на ее поверхности стали накапливаться обломки посуды и прочий бытовой мусор начального периода функционирования Цибилиума.

Калитка для вылазок — так логичнее всего называть вход, через который теперь все идут в крепость. Ширина проема калитки изнутри — 1,9 м, а снаружи он сужен выступами из тесаных квадров до 1,2 м. О форме перекрытия судить трудно — снаружи оно могло быть архитравным (из одной плиты), как в Трахее (Новый Афон) или Археополе, либо полуциркульным, как в нижеописанной башне № 3 и в протейхизме Археополя. Калитка имела две створки, вращавшиеся в специальных лунках, которые выбиты в плитах за упомянутыми выступами. В восточной стене калитки виден паз от засовного бревна — от его движения осталась полировка на камне. Наружный порог калитки разру-

523

шен, внутренний хорошо сохранился. Площадка между ними выложена плитами, на двух из которых выбиты греческие буквы.

Калитка вводит в перибол — пространство между протейхизмой и главной стеной. Здесь в начале расчистки завала на глубине 0,5 м найден скорченный женский костяк с разбитым черепом, захороненный лет 150 — 200 назад. В основании завала рядом с калиткой справа в углу находилось помещение, от которого сохранились выложенный кирпичом пол, основание южной каменной стены и укрепленная булыжником яма для столба, поддерживавшего кровлю. На полу найдены медная монета Юстиниана, отчеканенная в Константинополе в 527—538 гг., стилос из слоновой кости, с помощью которого писали на покрытых тонким слоем воска досках, обломки амфор и другой глиняной посуды. Вдоль стены лежало несколько тысяч пращевых ядер — отборных речных галек, принесенных сюда из Джампальского ущелья в начале использования крепости. В основании протейхизмы вблизи угла сохранилось отверстие, которое, судя по всему, служило для отвода дождевых потоков с боевой тропы через толщу стены под пол помещения. Желоб вне стены был выложен плитками мергеля. Разобрав пол помещения, мы опустились в земляную засыпку до поверхности скалы, где обнаружили кусок нетронутой строительством почвы, в которой сохранилось захоронение девочки, содержавшее кувшины, бронзовую булавку-фибулу и пряслице с какой-то надписью рубежа IV— V веков. Рядом были отмечены остатки других погребений, которые позволили установить, что до постройки крепости в этом месте располагалось кладбище апсидов, уничтоженное при расчистке скалы перед сооружением стен.

За южной стеной помещения уровень пола перибола ступенчато повышался приблизительно на 0,5 м. В засыпи обнаружена линия водопровода, построенного до возведения этого участка протейхизмы, под которую он уходит. Водопровод представляет собой желоб из камня на растворе (сечение 12x10 см, толщина стенок — 13 см), перекрытый плоскими кусками известняка на том же растворе. Изнутри желоб обмазан сантиметровым слоем красной цемянки (известь с толченой керамикой). Линия водопровода (куски цемянки, раствор, обломки керамических труб) прослежена нами

вне крепостных стен на 354 м до единственного в этом районе родника на юго-восточном склоне горы Адагуа, дебет которого (4—5 кубометров в сутки) соответствует сечению желоба.

Слева от описанного помещения высятся стены башни № 2, которая возведена впритык к главной стене. Ее наружный план — 9,55х9,5 м, сохранность стен на высоту до 4—5 м. Обращает на себя внимание непомерная толщина этих стен — с севера и юга она составляет 3,2 м, с запада — 4 м. Панцирь стен башни сложен из грубообработанных мелких квадров с соблюдением рядов и последующей декоративной обработкой швов. Северная стена сохранила изнутри след бревна, ушедшего своими концами в толщу западной и восточной стен. Их непомерная толщина и это бревно, служившее опорой для како-

524

го-то мощного рычага, помогли нам понять назначение башни — на ее крыше когда-то стояла катапульта, метавшая через протейхизму во врага, бегущего к калитке, каменные ядра, дробившие кости и людям, и лошадям. Сотни таких ядер весом от 25 до 40 кг выявлены в процессе раскопок внутри башни и вокруг нее по всей территории крепости. Их везли сюда, как и песок, гравий, пращевые ядра и др., по четырехкилометровому подъему из ущелья реки Джампал. Многие участки этой дороги можно увидеть и сегодня вблизи крепости.

В забутовке западной стены катапультированной башни мы обнаружили бронзовую серьгу, имевшую два отверстия для подвесок. Пришла посмотреть на стройку любопытная апсилийка и уронила нечаянно серьгу, которую затем зацепила лопата при замешивании раствора, а нам, археологам, остался важный знак — вот такие серьги носили в Апсилии в момент строительства Цибилиума. При разборке завала внутри башни вдоль ее южной и, частично, восточной стен обнаружено скопление из более чем 100 кирпичей, соединенных раствором в блоки до четырех рядов. Эта находка свидетельствует об особой заботе строителей о прочности стен башни — многорядные кирпичные пояса служили для укрепления построек на случай землетрясения, а в данном случае играли важную роль в амортизации отдачи катапульты. Прием использования кирпичных поясов, истоки которого уходят в Рим императорского времени, получил широкое распространение в ранневизантийском зодчестве. В Восточном Причерноморье четырехрядные кирпичные пояса присутствуют в кладке стен Археополя, Родополя, Сканды и Сарапаниса (Шорапани).

Во внутреннее помещение башни вход вел со стороны внутреннего двора через главную стену — сохранилась нижняя часть дверного проема шириной 0,95 м. Внутренний порог представляет одну из 12 ступеней лестницы, по которой спускались в башню. Раскопки помещения позволяли проследить интересные моменты ее истории. После сооружения башня короткое время использовалась под жилье — на поверхности скалы отмечены остатки трех костров, вокруг которых собрано множество обломков керамики, среди которых особенно важны половинка краснолакового блюда и светильник, аналогии которым вскоре удалось найти среди материалов VI в., обнаруженных в Афинах и Сирии. Затем началось постепенное разрушение башни — поверх рассмотренных остатков накопился полуметровый слой щебенки, извести и песка, включавший обломки

кирпичного пояса. Позднее наступил короткий, но весьма активный период в жизни башни — вдоль ее северной стены, на которой сохранилась копоть, и по центру отмечено до 20 кострищ, большинство которых использовалось многократно. Пространство между ними было заполнено наносами земли, песка, глины, перемешанных примерно в половинной пропорции с обломками керамических изделий и костей животных (в основном домашних, среди которых, по определению Н. И. Бурчак-Абрамовича, преобладали молодые свиньи, мелкий рогатый скот, некрупные лошади

525

и быки, куры), образовавших слой мощностью до 165 см. Среди других находок — железные наконечники стрел, нож, гвоздь и обрывки кольчуги, обломки стеклянных стаканов, рюмок и оконного стекла, костяные игольник и пластины-обкладки боевых луков, каменная подвеска с изображением солнца и каких-то знаков, пращевые шары. Эти и другие материалы отражают быт византийского гарнизона, который разместился в Цибилиуме осенью 550 года и, судя по кострищам, провел здесь несколько холодных недель или месяцев, тесно контактируя с местным населением. Затем разрушение стен продолжилось и до нашего прихода в башне уже никто не бывал.

Теперь несколько слов о находках в периболе между второй и третьей (о ней ниже) башнями. У северной стены катапультной башни, под четырехметровым завалом, обнаружена площадка, вымощенная камнем, поверх которой находилось многократно использованное кострище. Северный край вымостки опирался на поставленные на ребро квадры, образующие ступень высотой до 0,5 м, перед которой пространство было выложено плитняком. Удалось отметить след одного из столбов, на которых держался деревянный навес. Среди находок поверх вымостки интересны обломки амфор, рюмки из зеленого и синего стекла и ножка роговидного стеклянного сосуда с продольными голубыми полосами. Под вымосткой обнаружен завал стены башни, в котором найдены обломки каменных желобчатых стоков, через которые уходили когда-то дождевые потоки с крыши башни. На поверхности скалы отмечен тонкий горизонт накоплений времени строительства крепости. Следовательно, и здесь перед появлением византийцев, оставивших вымостку, башня разрушалась.

Водопроводная линия проходит ниже вымостки, заходя сначала под угол протейхизмы, а затем под главную стену. У упомянутого угла от основной линии водопровода отходило вниз, к бане, ответвление, в которое вода вливалась через горло амфоры, вмazanной в раствор на стыке. Тут же обнаружены обломки этой амфоры — мастера оббивали ее на месте. Ответвление сложено небрежно из плитняка на слабом растворе и местами совершенно разрушено. У нас создалось впечатление, что оно носило временный характер и функционировало только в период строительства крепости. Выше и ниже водопроводной линии от главной стены отходят две низкие каменные стенки, сложенные насухо. Они служили для укрепления крутого склона. Ниже — в средней части главной стены, к ней прислонена небольшая постройка из камня на глинистом растворе, рядом с которой найдены скопления железного шлака. Не исключено, что здесь велись какие-то кузнечные работы. Ниже, у угла протейхизмы, выявлены следы еще одного помещения, имевшего деревянный навес и оконтуренного сверху каменной стенкой, выравнивавшей склон. В периболе отмечены накопления трех периодов —

строительного, первоначального и заключительного использования. Из находок интересны обломки конской уздечки, железная бритва, бальзамарий — стеклянный флакончик для душистого масла... Вблизи

526

юго-западного угла третьей башни найден очаг — два слоя кирпича образовывали квадратную площадку, почва вокруг которой утрамбована щебнем, выявляя еще один навес размером 2 x 3 м.

Северная часть перибола в изгибе протейхизмы занята баней, имевшей три помещения — холодное (фригидариум), теплое (тепидариум) и горячее (калдариум), а также резервуар для согрева воды. Первое помещение вписано в угол между северным и западным отрезками протейхизмы, а его пол выложен мергелевыми плитами на цемянковом растворе. С юга оно примыкало к теплому помещению, с востока же, возможно, капитальной стены не было — легкое деревянное перекрытие держалось на столбах, вдоль которых каменный канализационный желоб выводил воду из ванны горячего помещения за пределы крепости. В северо-восточном углу холодного помещения найдена вмурованная в желоб горловина амфоры, через которую уходила вода, вытекавшая из теплового помещения. На полу громоздились плиты, которыми когда-то была сложена лестница, служившая для подъема на боевую платформу протейхизмы.

Из холодного помещения бани в теплое ведет трехступенчатая лестница. На пороге выбит желобок для стока воды. В северо-западном углу теплового помещения находился бассейн для мытья ног, сложенный из мергелевых плит. На его дне найдены обломки кувшина, вдоль стен тянулись каменные сидения, в одно из которых вмурован кусок мельничного жернова. Пол сложен из мергелевых плит, положенных в два слоя на цемянковом растворе, и держится на кирпичных арках и каменных столбиках. В юго-восточном углу сохранилось основание дымохода из вставленных друг в друга амфор VI в. с отбитыми доньями. Пол подогревался через перекрытое кирпичной аркой топочное отверстие, которое сохранилось снаружи рядом с лестницей. Из теплового помещения в горячее ведет дверной проем, перекрытый когда-то кирпичной аркой. Стены помещения сложены из камня с кирпичными трехслойными поясами, один из которых сохранился в полукруглой ванне, примыкающей к помещению. Кирпичное дно ванны покато к северу, где и теперь можно видеть сливное отверстие, заложенное в момент расчистки продолговатым голышом и выводившее в прямоугольный отстойник. В растворе, покрывавшем стенки и дно ванны, мы нашли обломки амфоры и трех рюмок из зеленоватого стекла. Создается впечатление, что перед окончанием строительства бани ее создатели распивали вино, а затем, разбив амфору и рюмки, бросили их в раствор, совершив обряд, напоминающий современный пуск кораблей. Снаружи рядом с ванной сохранилось прямоугольное топочное отверстие. С востока к горячему помещению примыкал резервуар, облицованный несколькими слоями водонепроницаемой цемянки. Под ним находится третье топочное отверстие, перекрытое кирпичной аркой, и служившее для подогрева воды в резервуаре и пола горячего помещения. Вокруг бани и в ней найдены многочисленные обломки зеленоватого оконного стекла, фрагменты амфор и крупных кувши-

нов. На кирпичах из кладки стен пальцами либо щепкой нанесены перекрещивающиеся полосы, полукруги, буква К, служившие для более прочного сцепления с раствором. Третья башня — великолепный образец архитектурной мысли VI века. Будучи наиболее высокой в системе (ее северная стена превышала 13 м), эта башня соединяла в себе мощь двух первых, как бы уравновешивая их на правом фланге обороны. Перед началом раскопок здесь угадывалось лишь небольшое возвышение с углублением в центре. После двух сезонов работ, когда отсюда было извлечено около 350 кубометров обломков камня, кирпича и земли, выявилась внутренняя полость двухэтажной башни, размером 6,85х6,6 при толщине стен 2,5 м и высоте их от 6 до 8 м. Башня имела покоившееся на четырех массивных угловых опорах кирпичное перекрытие, представлявшее собою, по видимому, уже полный парусный свод, образованный вырезанным из сферической поверхности квадратом, который в своей верхней части, находящейся на уровне вершин подпружных арок, является как бы самостоятельным куполом, еще очень пологим. Как и его вероятный прототип — первый вариант купола Константинопольской Софии, он держался не очень долго, рухнув через 25—30 лет после постройки.

Интересно, что второй вариант (с меридианальными ребрами и др.) купола Софии, заверченный в 563 г н. э., также представлен на территории Апсилии, характеризуя расположенный в 20 км юго-западнее Цибилиума Драндский собор. Постройка последнего в соответствии с многочисленными фактами, в том числе, несколькими десятками амфор из перекрытия более поздних, чем материалы из горизонта 550 г. Цибилиума, определяется концом правления императора Юстиниана, либо последующим периодом в рамках VI в. (Ю. Воронов, В. Леквинадзе, А. Якобсон). Тип Драндского храма вызывает до сих пор споры. Одним из авторов книги он был отнесен к типу крестовокупольных на четырех столбах [53, с. 97]. Против этой точки зрения выступила Л. Хрушкова, утверждающая, что в Драндском соборе столбов нет и соответствующий тип в VI-VII вв. распространения не имел. В действительности же именно этот период в архитектуре Византии и Переднего Востока характеризуется широким распространением четырехстолпных композиций, причем основные, несущие, опоры — «столбы» — на планах нередко выглядят свободно стоящими, но «в действительности всегда являются частью прорезанных арками стен», отличаясь сложной и несимметричной формой [Комеч А. И. Храм на четырех колоннах и его значение в истории византийской архитектуры. — В кн.: Византия, южные славяне и древняя Русь. Западная Европа, М., 1973, с. 69; Мнацаканян С. С. Наследие Востока в мемориальных памятниках Армении. — В кн.: Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. Л., 1985, с. 269, 276—278, 282—283 и др.]. Вариантом таких несущих опор, как нам представляется, с полным основанием могут считаться и опоры Дранды.

Во всяком случае наличие в Апсилии двух этапов формирования купола, соответствующих константинопольской Софии — факт примечательный. Поверх купола нашей башни располагалась боевая площадка, окруженная зубчатым

барьером, а в его центре изнутри выступала железная петля, на которой висел хорос — подобие люстры — с помощью факелов освещавший второй этаж башни. Деревянное междуэтажное перекрытие опиралось на консоли, которыми служили блоки, выступающие из опор и плоскости южной стены. Последние совершенно аналогичны консолям из башен Археополя. В южной стене хорошо сохранился входной проем, который до недавнего времени принимали за подземный ход. Через него башня соединялась с периболом. Арка проема состоит из семи рядов крупных клиновидных блоков на которых нанесены метки камнетесов в виде греческих букв В и К, а также стреловидных значков, причем не беспорядочно, а строго в соответствии с рядами. Можно поэтому полагать, что знаки эти наносились в каменоломне в соответствии с чертежами, а затем обеспечивали правильность сборки на месте. В западной и частично северной стенах сохранились бойницы, помещаемые между крупноквадровыми укрепительными поясами, подобно обручам, стягивающими башню. Бойницы устроены с тем расчетом, чтобы стоящие в них лучники могли с успехом выбирать цель, в то время как враги видели перед собой широкую плоскость стен с щелями, попасть в которые было очень трудно. Бойница перекрыта аркой из пяти клиньев, причем средний блок изящно выступает за линию дуги. Конструкция из пяти клиньев характерна для большинства входных проемов Археополя. В северной стене на уровне пола видно отверстие, перекрытое камнем с угловыми выемками. Перед ним раскопан очаг, дно которого выложено кирпичом, а центральная часть сложена из камня. В восточной стене видна еще одна арка, служившая запасным выходом из крепости для неожиданных вылазок против врагов, скапливавшихся у фасадной калитки. Расположен этот выход с таким расчетом, чтобы враг, подходивший к крепости с запада, не мог его видеть, а если и пытался к нему пробиться, то должен был по узкой тропе у северной подошвы башни двигаться к этим воротам, обратившись к защитникам крепости неприкрытой щитом правой стороной. По этому поводу еще в I в. до н. э. знаменитый римский архитектор Витрувий писал: «Главным же образом следует заботиться о том, чтобы подход к стене при нападении был нелегким, для чего обводить ее (*дорогу — Ю. В. и О. Б.*) по краю кручи (следует) с таким расчетом, чтобы дороги к воротам вели не прямо, а слева. Ибо раз это будет сделано так, то нападающие окажутся обращенными к стене правым боком, неприкрытым щитом». В южном простенке входа сохранилось гнездо для засовного бревна, когда-то запиравшего дверь. Интересно, что как внутренний порог, сложенный в три ряда квадров вне связи с боковыми стенками, так и одна сторона арки, утопленная в стене, находят соответствие во входе башни «А» Археополя, обнаруживая один архи-

529

тектурный почерк. В восточной стене нашей башни хорошо виден стык с главной стеной, под прямым углом поворачивающей к востоку. Стык указывает на то, что башня, как и катапультная, возведена после завершения строительства главной стены с использованием части ее в своем внутреннем пространстве. До начала раскопок в Цибилиуме считалось, что крупноквадровая кладка в Восточном Причерноморье предшествует по времени грубой мелкоквадровой кладке. На этом основании, например, протейхизма Археополя датируется более ранним временем, чем его главные стены. Однако в нашем случае удалось ясно показать, что они сосуществуют и даже (на

момент строительства) занимают противоположную хронологическую позицию — башня № 3, возведенная в перевязку с протейхизмой, пристроена к главной стене. Несколько квадратных башен с угловыми опорами, подобных Цибилиуму, нам удалось найти лишь в описаниях византийских укреплений VI в. в Северной Африке. В ходе раскопок в башне № 3 были восстановлены следующие страницы ее истории. Перед началом строительства почва была срезана до поверхности скалы. В углублениях последней сохранились лишь отдельные линзы древнейшего грунта с обломками глиняных сосудов, характеризующих поселение VI—IV веков до н. э. Поверх них найдены скопления обугленных древесных стволов. Подошва фундаментов опирается в скалу, наклон которой заставил строителей сделать цоколи ступенчатыми, возвести в центре башни полуметровую подпорную стенку и нанести сюда такой же мощности слой земли для выравнивания пола башни. После возведения стены были оштукатурены, а падавший при этом вниз раствор покрыл почти сплошь пол башни. Поверх этой растворной корки были вновь насыпаны песок и земля, поднявшие уровень пола у северной стены еще на 0,5 м. Поверх насыпи был сооружен очаг, накопления вокруг которого отразили первый период функционирования башни. Затем некоторое время здесь не жили — большой очаг затянулся землей, щебенкой и песком, сносившимися сюда из перибола. Потом короткое время в башне горят костры, под ноги бросаются обломки керамики... и вновь с дождевыми потоками в башню из перибола сносятся песок и земля. Наконец, катастрофа: купол, рассыпавшись на десятки кусков, рухнул вниз, а за ним посыпались блоки со стен.

В процессе исследований башни № 3 было просмотрено около 11 тысяч обломков керамики, кроме которых в башне найдены многочисленные осколки стеклянных рюмок и чаш, железные наконечники стрел, панцирные пластины, обломки ножей и наконечников копий, бронзовые пластинчатые крестовидные и Т-образные фибулы-застежки, костяные пластины от обкладки луков, бусы, большое число пращевых ядер и костей животных. При этом абсолютное большинство амфор падает на заключительный период использования крепости, который связывается с пребыванием византийского гарнизона зимой 550 — 551 годов. Большинство пифосов приходится на первый этап использования крепости, когда, естественно, здесь скапливались запасы продовольствия.

Вернемся в южную часть перибола. Между второй башней и протейхизмой, выше линии водопровода, находилось помещение, через которое шли дальше внутрь крепости и крышу которого использовали для перехода на боевую тропу протейхизмы и на башню № 1. На западной стене катапультной башни сохранились следы раствора, указывающие высоту арки сводчатого перекрытия помещения — до 2,8 м. На север помещение открывалось широкой аркой, а в южной стене сохранилось два дверных проема — левый, выводящий в коридор, и правый, через который поднимались на крышу. В западной нише поверх каменного пола обнаружены остатки костров — уголь и зола, залежавшие линзами общей мощностью до 10 см. Здесь коротали ночи часовые. На полу помещения выявлено три горизонта накоплений — строительного, начального и заключительного периодов функционирования крепости. С последним, помимо амфор и другой посуды, связана бронзовая Т-образная шарнирная фибула.

От башни № 1, вдоль стен второй башни и примыкающего к ней помещения, тянется коридор, в западной части которого сохранилось основание ниши и три

монументальные ступени лестницы. Последняя поднималась па крышу караульного помещения, а оттуда поверх ниши вела в первую башню. Здесь, в углу образованном протейхизмой и южной стеной караулки, в 1977 г. в первый день раскопок на глубине 20 см от дневной поверхности найден кувшинчик с кладом из 106 серебряных монет — грузинских (с пометкой, определяющей местом чекана город Тифлис) подражаний арабским (куфическим) дирхемам рубежа X—XI вв., среди которых оказался один подлинный аббасидский дирхем халифа аль-Махди (779—780 гг.). Эта находка крупнейшего из известных кладов такого рода монет показала, что к рубежу X—XI веков уровень поверхности завалов в крепости был таким же, как и в момент начала раскопок. У юго-западного угла катапультной башни сохранилось основание арки еще одного входного проема. За ней — легкий подъем к калитке в первой куртине — единственному входу на внутреннюю территорию крепости с запада. При расчистке скалистого пола перед ним, помимо обломков керамики, найден череп ребенка, а в расщелинах скалы прослежены уходящие под стены скопления угля и золы — следы пожара, предшествовавшего строительству крепости, когда покрывавшая утес растительность выжигалась. Сама калитка сильно разрушена — с трудом просматривается проем метровой ширины.

Направо уходит куртина № 1, упирающаяся в обрыв. Ее длина до 35 м. Подступы к крепости в этом месте затруднены крутыми склонами и скалами. Их охрана осуществлялась также с помощью первой башни. Поэтому этот отрезок крепостной стены не имеет никаких дополнительных укреплений. Изнутри к нему примыкает серия помещений. Первое, рядом со входом, по-видимому, выполняло сторожевую роль. На поверхности пола из наносной утрамбованной земли найдены обломки посуды, большинство которой составляли амфоры и

531

кружки с горшками. Здесь же лежал точильный брусок. В метровом завале найдены остатки человеческого скелета и обломки посуды XIV—XVI вв. Пол следующего помещения частично образован подрубленной скалой, частично наносной землей, в которой найден обломок браслета с прогнутой спинкой, вероятно, из разрушенного поблизости в момент строительства погребения эллинистической эпохи. На полу отмечены следы костров, собраны обломки амфор, пифосов, кувшинов, горшков, стеклянных сосудов. В более чем метровой толщины завале стен найдены три средневековых погребения, ориентированных головой на север. Третье помещение, представлявшее собой, по-видимому, навес, ограничено с юга и севера платформами, каждая из которых опиралась на две параллельные стенки. По этим платформам, очевидно, солдаты избегали на боевую тропу стены. Горизонт времени использования крепости содержал обломки амфор, пифосов, апсильских двуручных сосудов и кувшинов, чаш, горшков, кружек, черепицы и т. д. Здесь же найдены донышки стеклянных сосудов, в том числе светильников с ушками и каплевидными ножками, большое число фрагментов краснолаковых блюд, железные наконечники стрел, гвозди, обломки бронзовых пряжек, браслета, крестовидных фибул, цепочек, керамические пряслица от веретен и точильные камни. В завале выявлено 20 захоронений XIV—XVII веков, в которых найдены железные пряжка и колечко.

К северу от внутренней крепостной калитки, вдоль главной стены (куртина № 2), расположен ряд монументальных сооружений различного назначения. Помещение 2—1 примыкает к катапультной башне, с которой связано дверным проемом, о котором говорилось выше. Пол помещения образован толстым (до 10 см) слоем водонепроницаемой цемянки, с закруглением переходившей в штукатурку стен, что наводит на мысль, что первоначально помещение рассматривалось как бассейн (отстойник при давальне?). Две другие двери выводили одна на север в винный склад, вторая на восток — в давальню; в проемах сохранились следы брусьев, образовавших пороги. На полу помещения выявлены выразительные следы пожара — прогоревшие балки перекрытия, брусья дверных коробок, скопления угля и золы, в которых обнаружено свыше сотни панцирных железных пластин различной конфигурации. Один из панцирей имел фигурную обивку из изогнутых бронзовых пластинок, скрепленных медными гвоздями. Часть пластин отличалась особо крупными размерами. Их назначение сначала было для нас неясным. Консультации с тбилисскими, московскими, а затем и западноевропейскими специалистами не помогли — здесь таких изделий до сих пор известно не было. Наконец, благодаря публикации в Токио результатов исследований японских археологов в Иране, удалось установить, что подобные пластины входили в состав конского доспеха персов. Первая в СССР подобного рода находка в том же помещении сопровождалась своеобразным уздечным набором, рядом с которым лежали железный крюк и обуглившийся обломок дверной коробки — перед нача-

532

лом пожара уздечка висела рядом с выходом в сторону винохранилища. Из других находок интересны бронзовые ручки от деревянных (походных?) шкатулок, ременные наконечники, железные и бронзовые пряжки, железные гвозди, крюк для подвешивания котла над костром, обрывки массивной надочажной цепи, обломок пилы, нож, каменная ступа и при всем этом ни одного обломка керамики! Нас особенно обрадовала вторая в Колхиде серебряная монета с изображением иранского шаха Кавада, отчеканенная в 505 — 506 годах в городе Мерве. Свыше 20 железных наконечников стрел лежали почти исключительно вдоль стен. В середине найден метательный боевой топор, широко известный по окрестным могильникам апсилов. Удалось установить, что северо-восточный угол помещения был взломан в момент штурма, а стрелы влетели через образовавшуюся брешь. Яркая картина боя, обрисованная всеми этими находками, невольно вызвала в памяти сообщение Прокопия Кесарийского о сражении между оккупировавшими летом 550 года крепость персами и восставшими апсилами. Редкая удача — столь ярко проиллюстрировать скупые строки источников! После боя некоторое время никто здесь не жил — штукатурка и верхние части стен стали заваливаться внутрь, затянув пожарище слоем песка, извести и щебенки. Позднее завал разровняли и построили у северной стены очажную площадку (слой раствора, покрытый обожженной глиной на площади 1x1 м), а в целом помещение получило новое стропильное перекрытие. Среди находок в этом горизонте преобладала керамика — амфоры, пифосы, кувшины, горшки, чаши. Один из пифосов был врыт у входа в давальню, в этот период уже не функционировавшую. Из других находок интересны железное кресало для добывания огня, гвоздь, панцирные пластины, комок кольчуги... Помещением вновь

некоторое время никто не пользовался — стены продолжали разрушаться, образовав по всей площади новую прослойку песка и щебенки. Последний период пользования комнатой характеризуется остатками двух костров и многочисленными обломками амфор, пифосов, кувшинов и горшков, раковин улиток и створок морских устриц, употреблявшихся в пищу византийским гарнизоном. Одна из амфор, почти целая и с перехватом в средней части тулова лежала у южной стены. Затем вновь запустение, теперь уже — до нашего прихода.

Так называемая давяльня — небольшая комната, примыкающая к первому помещению с востока. Основную часть ее пола занимает каменная платформа, по сторонам которой в углах стояло по одному пифосу. Платформа отделена от ступени под дверным порогом глубоким желобом, по которому какая-то жидкость стекала в землю под северную стенку, разрушенную в момент сражения апсиллов с персами. Снаружи у северной стены найден кирпичный очаг — здесь когда-то был деревянный навес.

Ниже расположено винохранилище — прямоугольной формы помещение 2-3, деревянное покрытие которого, державшееся на массивных бревнах, было

533

залито сверху двадцатисантиметровым слоем раствора — затертой до блеска водонепроницаемой цемянкой, обеспечивавшей постоянную прохладу в помещении. Входной проем прослежен в средней части восточной стены, а у дверей в первое помещение найдены остатки двухступенчатой каменной лестницы. Раскопками установлена следующая последовательность событий, пережитых винохранилищем. Очищенная от земли скала была затем выровнена наносной утрамбованной землей, насыщенной разновременными остатками, в том числе обломками древнегреческих чернолаковых сосудов IV—III вв. до н. э. В пол было врыто два десятка пифосов. Вскоре здесь произошел пожар, в результате которого все пифосы были разбиты и погребены под завалом из цемянковой крыши. С пожарищем связаны многочисленные металлические изделия — до 30 гвоздей, свыше сотни обломков панцирных пластин, до десятка наконечников стрел, наконечник дротика, засовные петли, молот, обломки бронзовых сосудов, пластинок, проволоки. В одном из пифосов было спрятано 17 железных петель неясного назначения. Вскоре после разрушения над помещением была восстановлена деревянная кровля, у северной стены расположен кирпичный очаг, а в средней части зала врыты в завал шесть пифосов. Вокруг них найдены обломки различной посуды, причём амфор было мало. Интересны ножки и стенки стеклянных рюмок, бронзовая круглая пластина, орнаментированный свисток из отростка оленьего рога. Рядом с очагом были в тот период зарыты три совершенно целых импортных керамических флакона для душистых масел, которыми натирались после бани. Затем помещение было покинуто, крыша и часть стены рухнули, переломив пифосы. Через некоторое время, когда внутри винохранилища образовался полуметровый слой мусора, сюда вновь пришли люди и, заровняв юго-западный угол, возвели там из камня и глины платформу, поверх которой было установлено свыше десятка пифосов. Интересно, что печь, в которой обжигались аналогичные пифосы, недавно обнаружена в Атаре Абхазской, которую с Цебельдой связывает издавна функционирующая 20-километровая горная тропа.

Исходя из данных византийских историков Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского, мы полагаем возможной следующую увязку археологических реалий винохранилища с историческими событиями. Вскоре после постройки помещения им овладели персы, которые пили вино из нижнего яруса пифосов (лето 550 г.). Потом последовало сражение с апсилами, пожар и разрушения. В период размещения здесь византийского гарнизона осенью того же года помещение было восстановлено — византийские солдаты пили вино из среднего яруса пифосов. Заключительный момент использования винохранилища мы связываем с пребыванием здесь византийского полководца Мартына, возглавлявшего операцию против мисимиан осенью 556 года. С севера к винохранилищу примыкает помещение 2—4, вдоль южной и западной стен которого сохранились каменные скамьи. Как стены, так и ска-

534

мьи были покрыты толстым слоем штукатурки, поверхность которой сильно закопчена. В северо-восточном углу расположено выложенное булыжником сливное углубление, а в восточной стене сохранился дверной проем. При расчистке помещения было выявлено два горизонта накоплений. На поверхности частично скалистого, частично земляного пола обнаружены следы сильного пожара — обугленные бревна и брусья от перекрытия, с которыми связаны железные наконечники стрел от простых и станковых луков, панцирные пластины, бронзовый перстень с изображением на печатке и орнаментированный браслет, рюмки из синего и зеленого стекла. Верхний горизонт содержал следы костров, обломки многочисленных амфор и кружек, среди которых особенно примечательна верхняя часть аланского сосуда — первое материальное свидетельство пребывания в Цебельде северокавказских послов, которые вели здесь переговоры как с апсилами, так и с византийцами. В центре помещения горели костры, вдоль стен сидели люди, говорили, подставляли кружки виночерпию, в углу мыли руки, сливали остатки вина.

С востока перед входом в зал пристроено небольшое помещение, южная каменная стена которого снаружи подперта булыжниковой платформой, северная стена — утрамбованным массивом наносной вязкой глины. Убрав последнюю, мы обнаружили в расщелинах скалы под стеной две медные монеты с профилем Юстиниана I, отчеканенные в первое десятилетие его правления в Константинополе и Теополесе — так была переименована знаменитая Антиохия после землетрясения в ноябре 528 г. Эта находка наряду со многими другими фактами позволила четко ограничить начало строительства Цибилиума временем не ранее лета 529 года. Угол между залом с сидениями и главной стеной занимает небольшой каменный бассейн, стенки которого, как и примыкающая площадка, выложенная плитняком и кирпичом, были покрыты водонепроницаемой цемянкой. Площадка с бассейном была перекрыта деревянным навесом, опиравшимся на столбы. На поверхности площадки и рядом найдены обломки амфор и другой посуды, керамический водосток, железные гвозди, стержневой наконечник крупной стрелы с шипами и свинцовым стабилизатором, нож, бронзовые стержень и щиток пряжки.

Ниже, от главной стены на восток, тянется каменная подпорная стенка, образующая на крутом склоне террасу. Под нее уходит участок водопровода — цемянковый желоб,

перекрытый черепицей с клеймами епископа Константина. В растворе, покрывавшем черепицы, найдена бронзовая пластинчатая крестовидная фибула. У главной стены выявлено основание (площадка и несколько слегка выступающих ступеней) монументальной лестницы, по которой поднимались на боевую тропу стены и крышу башни № 3. Прилегающее к лестнице пространство выложено булыжником и имело в древности деревянное перекрытие на столбах. К лестнице с востока примыкало небольшое помещение, вход в которое вел с юга. Восточная часть этого помещения была занята

535

платформой из булыжника, поверхность которой залита цемянкой, образующей гладкий пол. К северу расчищено здание (помещение 2—7), встроенное в угол между куртинами № 2 и № 3 и имевшее, по-видимому, три этажа. В первый этаж попадали через узкую (ширина 0,82 м) дверь в восточной стене из коридора между зданием и цистерной № 1. Во второй этаж двери вели из помещения 2—6. От них сохранился проем, имевший деревянный порог. Междуетажное перекрытие опиралось на два яруса бревен, положенных накрест друг на друга. Стены здания были почти сплошь оштукатурены, а пол выровнен утрамбованной наносной землей, в которую у восточной стены были вкопаны два пифоса. У западной стены на полу лежала амфора. Здесь же, помимо многочисленных обломков глиняной посуды, найдены медная иголка, железный нож, ножки и закраины стеклянных рюмок, много куриных костей. Затем произошел пожар — остатки перекрытий, рухнув вниз, образовали почти полуметровый слой угля и золы, в котором найдены железные нож, многочисленные гвозди, наконечники стрел, дверной засов, обрывки кольчуги, более 100 пластин от панциря, к моменту пожара лежавшего на полу второго этажа. После пожара стены здания некоторое время осыпались, образовав завал мощностью до двух метров. Поверх него позднее вдоль северной стены была возведена из камня и земли платформа мощностью до 1,5 — 2 м, поверх которой найдены малочисленные обломки амфор, пифосов и кувшинов, отражавших последний период использования здания.

Коридор между помещением 2—7 и первой цистерной остался нераскопанным.

Цистерна представляет собой прямоугольный (емкостью свыше 100 кубометров) бассейн — накопитель, куда ведет водопровод. Каменные стены и пол бассейна были покрыты толстым слоем красной цемянки. В толще стен выявлены пояса из двух и трех прослоек квадратного кирпича, на лицевой строке которого сохранились отпечатки клейм с именем епископа Константина, аналогичные черепице из водопровода. На дне цистерны обнаружены обломки амфор, пифосов, привозной двуручный кувшин, светильник, миски с придонными ушками, в которых разносили солдатам еду, обломки стеклянных рюмок.

С востока к первой цистерне примыкает вторая, емкость которой составляла свыше 350 кубометров. В стене между цистернами проходит соединяющая их труба, состоящая из керамических и каменных звеньев. Выход трубы заглублен в небольшую арку, рядом с которой возведена платформа, служившая, по-видимому, основанием лестницы, по которой спускались в бассейн. С противоположной, восточной стороны сохранились основания двух каменных ниш, в одной из которых, в глубине маленькой арки, видно

отверстие — отсюда водопровод уходит на второй утес, где также имеется еще не раскопанное водохранилище. Цибилиум сегодня обладает крупнейшей на территории Советского Причерноморья раннесредневековой системой крепостного водоснабжения, оснащенного накопителями, объем которых превышает 500 кубометров.

536

В процессе расчистки, на цемянковом дне второго бассейна найдены обломки привозных амфор, крупных керамических ведер и других сосудов, которыми в 30—50-х годах VI века черпали из бассейна воду. В развитом средневековье его внутренняя площадь была использована под винохранилище — в толще завала найдено 5 пифосов, каждый из которых вмещал 50—100 литров вина. Турецкая, богато орнаментированная курительная трубка показала, что крепость посещалась и в конце XVIII столетия. Центральное помещение в системе застроек западного утеса занимает огромное прямоугольное (49,4 x 12,4 м) здание, северная стена которого сохранилась местами на высоту до 6 м, сильно разрушившись только лишь в восточной своей части. Внутреннее пространство разделено на отсеки перегородками, сложенными как на растворе, так и из ломанного камня насухо. Расчистка восточных отсеков показала, что постройка служила выравнивающим скалу основанием обширных деревянных помещений казарменного типа. Нижняя часть отсеков заполнена наносной землей, в которой мы обнаружили множество обломков разновременных амфор, пифосов, краснолаковой и стеклянной посуды, изделий из железа и бронзы. Особенно интересной была находка обломков ионийских амфор с полосами VI в. до н. э., впервые проиллюстрировавших торговые и культурные связи только что основанной тогда Диоскуриады с предками апсиллов — кораксами — древнейшим из известных на этой территории племен, населявших горные долины. Позднее отсеки были заполнены ломаным известняком, поверх которого обнаружена булыжниковая вымостка пола с остатками заключительного этапа функционирования крепости — кострищами, обломками амфор, пифосов, каменной чаши, жерновов ручных мельниц, костяных рукоятей ножей и др.

Вернемся к калитке в первой куртине, и осмотрим храмовый комплекс на вершине утеса. Древнейший ярус построек образуют два храма — малый, занимающий вершину, и большой, расположенный севернее на плече утеса. Последний храм был построен с тем расчетом, чтобы каждый входящий в калитку, тут же упирался взглядом в фасад церкви. Это большая однефная базилика с нартексом и южным приделом. С востока она имела выступающую пятигранную снаружи и округлую изнутри апсиду. Алтарная часть приподнята двумя слоями цемянки на 0,45 м над уровнем пола нефа — основного помещения, от которого отделена алтарной преградой — узким каменным барьером с проходом в центре. Наружная поверхность преграды была оштукатурена. Часть ее основания сохранилась — на ней изображены красной краской в натуральный размер три ряда кирпичей. Как бы ни была проста эта раннехристианская роспись, она является древнейшим памятником такого рода на Кавказе. Вдоль преграды, возможно, при ремонте была возведена платформа с четырьмя колоннами, от которых остались основания и обломок витого известнякового ствола. С этой колоннадой должна быть связана капитель, най-

денная здесь в 1907 году А. Миллером и украшенная орнаментом, содержащим изображения раннехристианских крестов, виноградной лозы, птиц и животных. К украшениям алтаря, по-видимому, относится и обнаруженный в церкви обломок мраморной плиты. В глубине алтаря можно увидеть остатки синтрона — сидения вдоль стены. Пол зала был также покрыт цемянкой.

У южной стены между алтарем и входом в придел сохранилась оштукатуренная каменная скамья. Главный вход в храм находился в западной стене, к которой снаружи примыкал нартекс — темное помещение, через которое шли на молитву. Нартекс сильно разрушен и поэтому не удастся судить ни о главном входе в него со стороны крепостной калитки, ни о каменной лестнице перед этим входом, ни о входе с юга, где к нартексу примыкала небольшая узкая пристройка неясного назначения. Главный храм имел черепичную крышу на деревянной стропильной основе. Карнизы были выложены специальным кирпичом с фигурными зубчатыми вырезами.

Южный придел состоит из двух помещений — в восточном сохранились каменные алтарь, скамья и сливное устройство, в западном — каменная купель, имеющая снаружи форму прямоугольника (храма?) с выступом на восток. Бассейн купели, выложенный кирпичом, имеет форму креста, дно которого образуют две ступени. Взрослые язычники в момент обращения в христианство спускались по этим ступеням в купель.

Накапливавшаяся в бассейне вода выливалась затем через отверстие в первом помещении в ущелье Кодора. Купель Цибилиума — древнейший и пока единственный из известных памятников такого рода во внутренней Абхазии. Здесь впервые в массе принимали христианство предки абхазов в начале 30-х годов VI в.

С юга к приделу примыкает прямоугольное помещение, стены которого сложены вперевязку, т. е. одновременно со стенами крещальни. Юго-западный угол помещения занимает гробница — рака, в которой хранились мощи христианского святого «под спудом», т. е. были наглухо замурованы. Гробница сужена к востоку и перекрыта восемью досками-сороковками, поверх которых залита раствором с камнями. Внутри находился ковчег — деревянный ларец, от которого сохранились железные гвозди и обломки черной древесины. Ларец содержал несколько мелких разрозненных человеческих костей — фалангу пальца, позвонки, обломки ребра и черепной коробки. Кости эти, несомненно, были приобретены где-то далеко на юге и вместе с сопровождавшей их легендой доставлены за тысячу километров в Цибилиум, придав особую святость этому месту.

Второй, меньший храм, также относится к типу однефных базилик с деревянным стропильным перекрытием. Он имел полукруглую снаружи и подковообразную изнутри апсиду с алтарным ограждением и основное помещение, к которому с запада примыкает нартекс. Хорошо сохранились северная и, частично, западная стены, включенные затем в позднесредневековую церковь. В этих стенах прослеживаются дверные проемы; северный приподнят

высоко над землей и выводит на стену помещения с гробницей. Вход в нартекс также вел

с севера — западная его стена идет по краю обрывистого склона, где нет удобного подхода. Гробница прислонена к оштукатуренной поверхности северной стены малого храма, и поэтому этот храм — древнейшая культовая постройка западного утеса, возведенная, безусловно, в рамках единого замысла, одновременно с крепостью (самый конец 20 — 30-е годы VI в. н. э.). Благодаря находке гробницы с мощами, содержащее ее помещение, на наш взгляд, логичнее всего определить как мавзолей, посвященный какому-то очень видному мученику. Несмотря на определенные отличия от раннесредневековых мавзолеев, с ними наш памятник связывают такие определяющие черты, как двухчастное деление основного помещения (северная ячея, по-видимому, оставлена для какого-то почетного захоронения, скорее всего первого епископа Апсилии), примыкающее с востока дополнительное помещение (проявляется сегодня лишь высеченным в скале прямоугольным углублением), расположение помещения с гробницей к северу от малого храма, с которым оно было функционально связано с помощью высоко поднятого входа в северной стене малой базилики. Таким образом, эта базилика носила мемориальные функции, чем и объясняется ее более почетное, чем кафедрала, положение в комплексе.

В XIII—XIV вв., после долгого запустения, это место вновь привлекало церковников. Они возобновили малый храм, но в еще меньших размерах, соорудили к северу подсобное помещение, превратив остальную территорию вокруг в кладбище, функционировавшее до начала XVII в. Новая церковь была возведена по типу простейших грузинских однонефных зальных построек с прямоугольным наружным планом. При этом заново были возведены восточная и южная стены. Прежние дверные проемы были заложены, а новый сделан в южной стене. Стены церкви были оштукатурены, а сводчатое перекрытие сложено из камня с применением в арке над алтарной преградой речного туфа. Служебная постройка квадратной формы была построена над алтарной частью большого храма — здесь, возможно, вначале жил священник. Ограда комплекса включала в себя северную стену большого храма и его нартекса. От северо-западного угла последнего до первой крепостной куртины она возведена насухо из крупных обломков стен древнейших храмов. Вблизи куртины находились ворота, от которых сохранились две ступени и порог, небрежно сложенные из квадров крепостных стен. Далее ограда использовала линию первой куртины и обрыва по окружности до апсиды большого храма. Внутри ограды выявлено до 300 целых и поврежденных при последующих захоронениях костяков. В отдельных погребениях попадались красноглиняные и поливные кувшины, стеклянные иранские сосуды, железные сабля, ножи, гвозди, пряжки, колечки; медные наперстки, серьги; серебряный перстень, золотая пуговица и др. Любопытны железные ключи от дверных замков, совершенно аналогичные тем, которые в тот период использовались в крупнейших городах Руси, Европы и Ближнего

539

Востока. Ключи эти, связанные с женскими могилами, позволили установить, во-первых, острую нужду средневековых цебельдинцев в прочных запорах и этим показать достаточно высокую степень их цивилизованности и, во-вторых, выявили черты пережиточных языческих верований, в соответствии с которыми хозяйка могла,

отлучившись на минуту с того света, навестить своих родственников, которые оставляли ей для того ключ.

Планы и описания храмового комплекса Цибилиума получили всесоюзное и даже зарубежное звучание много раньше других объектов крепости. Первый из вариантов, опубликованный Л. Хрушковой в журнале «Византийский временник» в 1982 г., отражает уровень представлений на лето 1979 г., когда раскопки комплекса были еще далеки от завершения. Поэтому в упомянутой публикации оказались упущенными в малой базилике наружные заплечики у апсиды, ее северная и западная стены с входными проемами, нартекс и ряд других важных деталей. В большом храме остались незамеченными входной проем в западной стене зала, наружная гранность цокольной части апсиды (при этом цоколь почему-то назван фундаментом, хотя всюду в крепости фундаментом служит скала), трехступенчатая лестница, ведущая из зала в крещальню, основание алтарной преграды с росписью, нижние части четырех колонн перед алтарем, с которыми связана капитель, обнаруженная в 1907 г. Там же, непонятно, как, северный внутренний заплечик апсиды и остатки синтрона в южной ее части оказались на метр сдвинутыми к западу, брешь же в западной стене, пробитая позднесредневековым захоронением, показана как изначально существовавшая. В южном приделе не показан дверной проем между крещальней и помещением с алтарем, в то время как за наружный абрис купели приняты рваные края пола, разрушенного позднесредневековыми захоронениями. Подлинные же контуры купели — вогнутые боковые стенки и апсидообразный выступ — не замечены. Между храмами, без всяких на то оснований, нарисованы три помещения, где якобы хранилось церковное имущество и отдыхали священнослужители. В действительности здесь находилось помещение с гробницей, которое не примыкало, а сложено вперевязку с южной стеной придела. Перед ним с запада показано еще одно помещение, реконструированное на основе подпорного выступа, возведенного на цементе при охранных работах в храме в 1979 г. Там же упущены остатки небольшой продолговатой пристройки и сохранившиеся на скале следы тропы, ведущей к входам в придел большого и нартекс малого храмов. Отсутствие необходимых наблюдений над раствором, швами и характером кладок привело исследовательницу к неверному выводу о одновременности обеих базилик — малая датирована второй половиной VI — первой половиной VII вв., а большая — концом V — первыми десятилетиями VI в. Ряд неточностей был допущен и в отношении позднесредневековой церкви — ей были приписаны северная и западная стены VI в., апсиде изнутри придана подковообразная форма, зал утратил асимметричность и т. д.

540

Поскольку в наших докладах и публикациях регулярно появлялись сообщения о новых находках на территории храмового комплекса Цибилиума, возникла необходимость в создании более свежего «кабинетного» варианта. На новом плане Л. Хрушковой, опубликованном в ее научно-популярной книжке «Цандрипш», учтены (без соответствующих ссылок) некоторые наши поправки — отмечены входные проемы в западных стенах залов большой и малой базилик, выровнен внутренний северный заплечик апсиды большого храма, внесены наружные заплечики апсиды и нартекс в план малого храма, изъято большое помещение к северу от нартекса малой базилики и

др. Вместе с тем сохранена значительная часть ошибок первого варианта (позиция синтрона, помещение у входа в крещальню с запада, форма купели, вход из крещальни в помещение с алтарем, постройки между малой и большой базиликами и др.), которые дополнены отсутствующими на памятнике входными проемами в западной и южной стенах нартекса большой базилики и в западной стене нартекса малой базилики, а также квадратной пристройкой у северозападного угла последнего, реконструированной на основе остатков прямоугольной обкладки позднесредневекового захоронения. При внесении правок исчезли линия алтарной преграды большой базилики и дверь в северной стене малой базилики, причем наружные заплечики апсиды последней оказались спущенными относительно их истинного положения на 0,5 м... Словом, исследование храмового комплекса Цибиліума уже имеет свою достаточно драматичную историю. Путь к истине не прост...

От храмов узкая тропа ныряет в заросли, покрывающие остальную часть крепости, протянувшуюся на восток еще почти на 300 метров. Там нам предстоит исследовать множество интереснейших памятников — башни, водохранилища, главные крепостные ворота, храмы, другие разнохарактерные постройки, таящие уйму важнейших сведений и фактов из истории Цебельды и прилегающих районов Закавказья. С вершины западного утеса открывается великолепный вид на красноватые, изрезанные выветриванием скальные плоскости восточного утеса, на 400-метровую глубину ущелья, со дна которого чуть слышно доносится шум крупнейшей реки Абхазии, на поросшие девственным лесом склоны Панавского хребта, на одном из перевалов которого в пределах видимости с крепости находятся таинственные развалины средневекового монастыря Кячныха. А позади Цебельды — пологие склоны холмов постепенно повышаются, сливаются с горными хребтами, уходящими к Большому Кавказу, студено поблескивающему кусками льда на горизонте. И всюду видны крепости и поселения апсидов — к западу, в семи километрах, на горе Шапки, к северу — на вершинах Ахыста, Бат и Пшоу, к северо-востоку — на горе Пал, к югу за Кодором — Пскал. Раскопки Цибиліума позволили подойти вплотную к решению ряда важнейших вопросов истории Абхазии, и, в целом, Восточного Причерноморья в

541

VI в. Эти раскопки сдвинули дату подобных крепостей, обычно относимых к IV в., на VI в.; показали теснейшую связь Апсилии с Византией, большую роль апсидов в охране подступов к опорным пунктам Империи на Черноморском побережье; выявили всю серьезность угрозы со стороны северо-кавказских кочевников — союзников Ирана; подтвердили высокую точность сведений византийских историков о событиях VI в. в Колхиде; проиллюстрировали эти события конкретными фактами — пожарами и разрушениями, вооружением и многочисленными другими изделиями. Раскопки показали, что Апсилия в тот период обладала одной из совершеннейших оборонительных систем Закавказья, в строительстве которой наряду с апсидами принимали участие византийские инженеры; уточнили время принятия апсидами христианства; установили имя и круг деятельности первого апсидийского епископа; обогатили науку множеством других интереснейших фактов.

5. Могила апсилов

На холмах и склонах, окаймляющих северную подошву горы Адагуа, на площади почти в три квадратных километра раскинулся могильник, где на протяжении многих веков хоронили своих родственников жители поселения у крепости Цибилиум. Могильник не был сплошным — погребения лежат скоплениями от нескольких десятков до нескольких сот человек в каждом, занимая наиболее удобные пологие пространства. Эти скопления характеризуют отдельные семейные кладбища, которых известно уже здесь до десятка. Наиболее удалены от крепости погребения в урочище Богаз, у спуска в ущелье между горами Апианча и Адагуа. В могилах найдены керамика, монеты и другие материалы II—VI веков. Следующее скопление отмечено на северной окраине Джихашкарского луга, расположенного между поселком Малые Краевичи и склоном Адагуа. В этом районе найден в начале века медный саркофаг. Несколько погребений повреждено при пахоте, в 100 м от поселка, выше и ниже дороги, ведущей от него вдоль гребня к крепости. Такое же расстояние отделяет предыдущее кладбище от следующего, расположенного в 40 м ниже перевала на том же гребне. Здесь раскопано четыре захоронения, содержащих много керамики, вооружения, украшений, монет римских императоров. Далее с двух сторон подъем к крепости окаймляют обширные поляны. Западная была когда-то раскорчевана под виноградник, а ныне занята лесопосадками; при корчевке, рассказывают старожилы, здесь было разрушено множество погребений, содержащих посуду, железные, бронзовые и золотые предметы. Продолговатое поле с востока лишь частично сохраняет свои сокровища — многолетняя распашка уничтожила не менее сотни могил от VIII века до н. э. до VI—VII веков н. э. Первый же шурф дал самобытную керамику, бронзовые, серебряные и золотые изделия, монеты... Наиболее восточное скопление могил расположено вблизи остатков усадьбы Краевичей. На западной окраине поляны, над которой возвышаются утесы с оборонительными сооружениями, рядом с дорогой, наши раскопки выявили около 20 могил IV—VI вв. Здесь же мы уловили край поселения — каменные фунда-

менты какого-то здания и множество привозных и местных изделий. И, наконец, последнее могильное поле расположено в 100 м к западу от крепости, выше и ниже дороги, на продолговатой (100x40 м) поляне. За девять сезонов нам удалось раскопать здесь на площади свыше 3 000 кв. м 350 захоронений. Это кладбище ныне — крупнейшее из исследованных за всю историю археологических раскопок в Восточном Причерноморье. Древнейшие его захоронения датируются III—I веками до н. э., позволяя углубить время функционирования цебельдинских могильников почти на 500 лет. Практически сегодня это единственный в Закавказье памятник, где можно проследить эволюцию одной семьи на протяжении почти 1000 лет и обосновать присутствие апсилов в Цебельде задолго до появления их в письменных источниках. Всего в окрестностях Цибилиума выявлено свыше 400 могил, свидетельствующих о непрерывности существования здесь поселка от VIII—VII вв. до н.э. до раннего

средневековья. Из инвентаря почти каждого комплекса могла бы получиться отличная музейная витрина.

Большое значение придается погребальному обряду, на котором исследователи основывают многие выводы относительно этноса, социальных отношений, верований и других моментов истории. На нашем, как и на других могильниках апсилов, прослежено параллельное исполнение двух погребальных обрядов кремации и ингумации — обычного труположения. В первом случае умершего сжигали, его прах с мелкими вещами ссыпали в крупный сосуд-урну, вокруг которого в могильной яме размещали остальную посуду, оружие и прочие приношения. Кремации составили 7,3% от общего числа погребенных; остальные были похоронены обычным способом и различались в основном по полу, возрасту, ориентировке, инвентарю. В 1979 году («год ребенка») впервые в истории изучения апсильских могильников были обнаружены детские захоронения, которые потом стали обычной находкой. Погребения III — начала VI веков к ориентировке безразличны — расположение могильных ям определялось лишь экспозицией склона. С момента принятия христианства (вторая четверть VI в.) происходит упорядочение в ориентации — только головой на запад. Здесь впервые в Восточном Причерноморье удалось получить интересные данные о воздействии христианизации на погребальный обряд местного населения. Сначала из могильного инвентаря были исключены у мужчин керамика и оружие, у женщин — посуда и орудия труда. Позднее родственники не оставляют погребенным ни украшений, ни деталей одежды. Естественно, в тот же период уходит в прошлое и обряд кремации. Гробов апсилы не знали — в могилах лишь изредка встречаются остатки подстилок и больших кусков древесной (грецкий орех?) коры, которой подстилалась и перекрывалась верхняя часть погребенных.

Опишем несколько наиболее интересных погребений, дающих представление об особенностях языческого погребального обряда апсилов. Из ранних

544

кремационных погребений особенно выразителен комплекс III века, найденный в 1982 году в километре севернее крепости. Урна представляла собой огромный коричневоглиняный сосуд с двумя вертикальными ручками у горла и орнаментацией из различных комбинаций треугольников. В урне, помимо пережженных костей воина, найдены одночленная железная фибула-застежка, оплавленные остатки крупного стеклянного сосуда, три ножа, три точильных камня, несколько серебряных монет. Во второй стоявшей рядом урне оказался прах женщины, в котором обнаружены три фибулы, нож, ожерелье из разнообразных оплавленных в огне бус, серебряная монета. Вокруг урн стояло еще семь разнохарактерных сосудов — кувшинов, чаш, горшков, кружек, были положены короткий железный меч типа римских гладиусов, боевой и рабочий топоры, топор-цалда, два широколистных наконечника копий. Перед всем этим лежал костяк коня, ноги которого перед погружением в могилу были связаны. Была ли принудительной смерть женщины, сопровождавшей воина, неизвестно. Стоявший в одном из ингумационных женских погребений IV века двуручный кувшин был до половины заполнен мелким орехом-фундуком, среди которого найдены глиняные пряслица, серебряная серьга, обрывки золотой проволоки и около десятка

серебряных монет, сложенных столбиками. В ряде погребений отдельные как мелкие, так и грецкие орехи найдены на груди среди украшений. Они входили в комплект приношений, которые оставляли покойнику родственники и знакомые.

К V веку относится выразительное погребение мальчика-подростка, раскопанное в 1978 году. В могиле обнаружены, помимо четырех местных сосудов (кувшины, горшок и миска), привозные краснолаковая тарелка, стеклянный бокал с рельефными изображениями крестов, массивный золотой перстень с крупным сердоликом в оправе. Великолепен метровой длины меч в выложенных серебряными змеями и окрашенных в красный цвет деревянных с кожаной обивкой ножнах. Рукоять меча оформлена серебряными обоймами и украшена сердоликом в золотой оправе с зернью. Рядом лежал кинжал, ножны которого также были выложены серебром, а перекрестие наборной рукояти инкрустировано разноцветным стеклом. Здесь же найдены разнообразные серебряные и бронзовые пряжки, фибулы, ветка фундука. Все это было накрыто прямоугольным деревянным щитом с железной обивкой. Столь богатого захоронения в могильниках Цебельды еще не находили.

Среди захоронений середины VI—VII вв. примечательна женщина среднего возраста, похороненная вместе с мальчиком 7 — 8 лет, по-видимому, сыном.

У этой женщины оказалось самое длинное из до сих пор найденных в Абхазии ожерелье — в его состав входило свыше 600 разнообразных бусин, среди которых бронзовая подвеска в виде сердца и сердоликовая гемма с изображением зайца. На руках погребенной было по три разнотипных бронзовых браслета, а в ушах редкой формы серьги. Наиболее поздние могилы с инвентарем харак-

545

теризуются парным захоронением мужчины и женщины. У мужчины оказался сильно вытянутый череп с искусственной деформацией. Вооружение отсутствовало, но зато исключительно выразителен поясной набор, характерный для аварского времени (вторая половина VI—VII вв.), содержащий несколько бронзовых пряжек, ременных наконечников, различной формы бляшек и пуговиц, исполненных в так называемом геральдическом стиле. На ногах погребенного сохранилась остатки высокой кожаной обуви, украшенной серебряными ременными пряжками и фигурными нашивками. У женщины было ожерелье из сердоликовых бус, двухствольный игольник и крестовидная пластинчатая фибула-застежка.

Очень интересным было и захоронение воина с конем, раскопанное в 1984 г. В яму размером 2х3 метра был опущен сначала живой конь со спутанными ногами. При засыпке он тянул голову вверх, сохранив эту трагическую позу до наших дней. На костяке коня обнаружены детали седла — железные пряжки от подпруги, бронзовая цепочка от седельной луки, остатки серебряной пластинчатой обивки. Голова воина покоилась на крупе коня. Он лежал на спине с подогнутыми в коленях ногами, упирившимися в специально для этого положенный камень. Имущество погребенного включало копьё с железным наконечником, нож, кувшин и великолепный поясной набор — множество пряжек, наконечников ремней, нашивок, подвесок, исполненных в геральдическом стиле. Дата погребения — вторая половина VI — первая половина VII вв. н. э. Эта замечательная находка вновь подтвердила наше давнее мнение, что и среди

апсильской знати спустя несколько десятилетий после официального признания христианства даже вблизи церковных центров продолжали сохраняться традиционные языческие верования и обычаи.

Для нас момент официального принятия христианства в Апсии и фактическая христианизация ее основного населения — вещи разные. Если ранние храмы Цибилиума, кирпичи и черепица с клеймами епископа Константина, указание Прокопия Кесарийского, первым назвавшего в 50-х годах VI века апсильов христианами — свидетельства первого порядка, идущие в первую очередь от Византии и ее интересов в этом районе, то могилы рядовых апсильов сохранили до наших дней их истинное отношение к проблеме. Как и всюду, свои традиционные воззрения апсилы не сразу обменивали на догматы новой религии. Официально, на уровне связанных с Византией правителей, признав христианство, внутренне, особенно на уровне низов, апсилы еще долго сопротивлялись чуждой вере, реализовывая свои истинные воззрения, в частности, в погребальном обряде — этом важнейшем нашем источнике по идеологии и культуре древних цебельдинцев.

На рассматриваемом могильнике впервые в истории исследований Апсии неоднократно были отмечены случаи повторных захоронений в одной могильной яме, что способствует установлению более четкой хронологии погребаль-

546

ного инвентаря. В одном случае оказались наложенными друг на друга погребения двух женщин и одного воина, умерших с интервалами примерно в 100 лет. В другом случае при захоронении женщины-христианки (исходя из ориентации и отсутствия инвентаря) было частично разрушено погребение воина, кости которого были при этом изрублены и аккуратно сложены вдоль женского костяка. Интересны и некоторые другие моменты, в частности, у одного воина левая нога оказалась отсеченной по самый таз и положена у правого бока.

Исключительно выразительна и самобытна керамика апсильов, в которой выделяется тарная, столовая и кухонная посуда. Тара апсильов характеризуется в рассматриваемом могильнике пифосами — крупными безручными сосудами, двуручными кувшинами с широким венцом и очень здесь редкими амфорами, подражающими форме привозных амфор с перехватом на тулове. Апсильские амфоры — единственный в Причерноморье пример заимствования этой рожденной в условиях морской торговли формы, ее творческой переработки и приспособления к условиям горных долин. Столовая посуда включает разнообразные по размерам и форме кувшины с чашечкообразным и воронкообразным венчиком, различные миски и чашки. С середины V и особенно в VI веке параллельно распространяются привозные или им подражающие местные кувшины с лощеной поверхностью, а также импортные краснолаковые тарелки. Кухонная посуда характеризуется разнотипными корчагами, горшками, кружками, вазочками и другими изделиями, поверхность которых сильно закопчена. Довольно много редких форм, известных в одном-двух экземплярах

— двуручных кувшинчиков, кувшинов с вертикально каннелированным горлом, миниатюрных безручных банковидных сосудов. Интересна чернолощенная аланская кружка с сосцевидными выступами, попавшая в Цебельду с Северного Кавказа. Особое

место занимает орнамент на керамических изделиях апсилов. Множество сюжетов, их направленность, изысканность и высокое мастерство исполнения позволяют не только судить о языческих воззрениях древних цебельдинцев — культах плодородия, богини матери, различных животных и растений, но и ставят их продукцию в ряд наиболее выдающихся достижений керамического производства на Кавказе.

По сравнению с соседним могильником апсилов у крепости Шапки, в некрополях Цибилиума гораздо реже встречается стеклянная посуда. Помимо упомянутого выше кубка и нескольких стаканов из стекла синего и зеленоватого цвета, здесь найдена стеклянная амфора, стенки которой покрыты сетчатым орнаментом. В Восточном Причерноморье это первая находка такого рода.

Широко представлены в комплексах Цибилиумского могильника орудия труда — зернотерки, мотыги, кузнечный и плотничный инструмент, ножницы, пряслица, шилья и иголки. Зернотерки — сильно сточенные работой, гранитные камни — найдены исключительно в женских захоронениях, располагаясь у головы или плеча. Мотыги — также особенность женских могил — чаще

547

лежат па левом плече или в ногах погребенных, иногда в стоящем рядом большом сосуде. Для ранних могил характерны короткие однолезвийные мотыги с молоточковидным обушком; с конца IV в. распространяются более крупные мотыги, у которых вместо обушка появляется второе узкое лезвие. Интересно, что аналогичные мотыги в том же веке бытовали в Западном Причерноморье (Нове и др.). К числу сельскохозяйственных орудий должны быть отнесены и цалды-топоры, лезвие которых снабжено в верхней части клювовидным выступом для цепляния за колючки и ветви. Их традиция на этой территории прослеживается с раннеэллинистической эпохи, когда в связи с развитием виноградарства в окрестностях Диоскуриады распространяются садовые ножи - флаксы, уже на местной почве получившие насадочное отверстие, подобное топорам. Интересно, что в Цибилиуме они найдены исключительно в воинских могилах.

В Цибилиумском могильнике найден и древнейший на территории Абхазии кузнечный молот, обнаруженный в одном из воинских захоронений III — IV веков. К тому же времени относятся тяжелые плотничьи топоры с молоточковидным обухом и крупные мотыги, входившие также в состав воинского снаряжения, где они сочетались с обычными боевыми топорами. В одном из мужских захоронений V в. найдена тесловидная железная мотыга. Интересен узкий рабочий топорик-тесло для обработки камня, обнаруженный в погребении мужчины, у которого иной инвентарь отсутствовал. Однотипный инструмент найден в строительном горизонте крепости. Такое совпадение служит хорошей иллюстрацией участия местного населения в строительстве Цибилиума. В одном из женских погребений VI в. найдены железные пружинные ножницы для стрижки овец — вторая такого рода находка в Апсилии. Обычным элементом женского погребального инвентаря являются пряслица, в одном или нескольких экземплярах находимые либо на груди умершей, либо в заполнении больших сосудов рядом. Судя по этим находкам, у апсилов широко бытовало мнение, что, помимо домашних и полевых работ, на том свете, как и здесь, их женщинам придется много трудиться над

изготовлением ниток. Довольно часты находки железных и бронзовых швейных иголок, по своей форме мало отличающихся от современных. Иголки в числе от одной до трех обычно помещались в специальных бронзовых трубчатых футлярах, подвешивавшихся на шею рядом с ожерельем. Иногда игольниками служили кожаные мешочки с металлическими ободками. Во многих мужских захоронениях найдены железные шильца, сохраняющие след деревянных или костяных рукояток — ими пользовались при шитье грубых частей одежды — обуви, поясов, плащей, кожаного доспеха и т. д. Наступательное вооружение апсилов, выявленное в Цибилиумском могильнике, включало лук и стрелы, метательные копья и дротики, боевые топоры, мечи и кинжалы, оборонительный же доспех характеризуется в основном

548

деревянными щитами, от которых сохраняются металлические части. Если луков обнаружить не удалось, то колчанные наборы в погребениях воинов довольно часты. В ранних могилах преобладают плоские и конические наконечники, а в V—VI вв. распространяются черешковые трехперые, а также массивные четырехгранные и округлые, служившие для пробивания кольчуги и брони. От копий сохраняются также лишь железные наконечники — среди них выделяются два типа — листовидные и стержневые, которые дают в свою очередь в зависимости от формы острия значительное число подтипов. В ранних могилах преобладают крупные наконечники с широким пером, часто сочетающиеся с небольшими коническими наконечниками, возможно служившими подтоками. Эти копья живо напоминают оружие зулусов и других африканских племен в конце XIX столетия. В V—VI веках перо становится довольно узким, ребро жесткости более профилированным и укороченным, распространяются стержневые наконечники, проявляющие сходство с позднеримским и ранневизантийским вооружением.

Характерной чертой воинских захоронений Цибилиума, как и вообще Апсилии, являются боевые топоры, которые использовались и для метания, и в рукопашной схватке, и в качестве походного инструмента, и просто в хозяйстве. До наших раскопок дата их появления в Цебельде определялась IV веком, типологических расхождений не отмечалось. Рассматриваемый могильник не только доказал бытование таких топоров в Цебельде уже в III веке, но и позволил выделить ряд разновидностей, как сосуществовавших, так и вызванных эволюцией формы. Ранние топоры оказались еще более массивными, их насадочные отверстия — более удлиненными, а обушная часть была плоской. На одном из самых ранних топоров сохранился не только изысканный вырез отверстия, но и ряды зарубок на нем, имевших либо декоративное значение, либо отмечавших число убитых этим топором врагов.

Цибилиумский могильник дал много новых фактов и о таком благородном виде древнего оружия как мечи. Здесь найдены короткие широкие клинки с реберчатыми ручками типа римских гладиусов, длинные всаднические мечи, однолезвийные клинки — предшественники сабли. Примерно половина их, судя по проведенным анализам, изготовлена из сварочного Дамаска, столь древние образцы которого зафиксированы в окрестностях Цебельды впервые в СССР. Впервые в Восточном Причерноморье отмечены такие важные моменты, как использование портупейной скобы, окраска

ножен красным цветом, украшение рукоятей золотом, помещение кармана для ножа на ножнах меча, что до того считалось специфичным только для степных кочевников, использование портупейных сумок с бронзовыми бляхами, которые прежде были характерны только для Западной Европы. В рассматриваемом могильнике обнаружена серия новых форм кинжалов — двухлезвийных и однолезвийных, ножны которых, восходя к парфянским образцам, обладали серебряными выступами для крепления к

549

бедру. Как в мужских, так и в женских захоронениях присутствуют ножи, различающиеся только размерами — у воинов они в полтора-два раза длиннее и, по-видимому, вполне могли использоваться в рукопашном бою.

В ряде погребений Цибилиума найдены щиты — округлые и четырехугольные. От первых остаются лишь конические железные выпуклости — умбоны, служившие для сохранения от ударов мечей и топоров кисти руки, от вторых — железные скобы и гвозди, укреплявшие углы и торцы. Вокруг металлических частей обычно сохраняется след древесины, позволяющей судить о форме и размерах щитов. В могиле они лежат поверх погребенного, в том же положении, что и при жизни — левая рука согнута в локте, а кисть ее часто подведена под умбон.

В окрестностях Цибилиума раскопано пока всего пять конских костяков, три из которых были связаны с захоронением воинов, а два лежали самостоятельно. От узды и сбруи сохраняются лишь металлические детали — удила, псалии, пряжки, колечки.

От одежды обычно остаются только металлические пряжки и застежки-фибулы. Вблизи металла удается иногда отметить обрывки светлой ткани довольно мелкого плетения. Поскольку как форма, так и положение этих деталей соответствуют одежде поздних римлян и, особенно, византийцев, то можно думать, что одежда апсилов мало отличалась от общепринятой в Причерноморье, следуя моде того времени.

Исследования Цибилиумского могильника значительно расширили наши сведения об одежде апсилов. Именно здесь удалось выявить серию комплексов, показавших что одночленные застежки-фибулы бытовали в Абхазии не только, как считалось прежде, во II—III веках, но и до конца IV в. Впервые в Закавказье здесь найдена двухпластинчатая фибула с двойной пружиной, подобные которой до того были известны лишь в Северном Причерноморье (Черняховская культура и др.). Интересна и серия мелких фибул с двойной пружиной, подобные которой до того не встречались в древностях Причерноморья. Если прежде Т-образные шарнирные фибулы почти не были представлены в Апсилии и их появление здесь связывали с воздействием Восточной Грузии (Самтавро), то после наших раскопок их число в Цебельде достигло нескольких десятков, позволяя переориентировать пути проникновения на Кавказ этого типа застежек, явно заимствованных у византийцев. Совершенно особое место занимают фибулы-броши, бытовавшие в Апсилии в конце IV — V веках и за пределами Цебельды пока нигде не известные. Основу таких брошей составляют серебряные и бронзовые фигурные пластины, покрытые гнездами с сердоликом и другими полудрагоценными камнями и разноцветным стеклом. Эти изысканные украшения носились на груди, плечах, голове. Фибулы в женских захоронениях лежат комплектами по три-пять штук. В погребениях воинов обычно присутствует одна застежка, лежащая на плече или груди.

Много нового дал Цибилиумский могильник и в отношении поясных наборов, характерных только для мужских захоронений. В IV—V веках такой набор включал серебряную или бронзовую пряжку и следы кожаного пояса. В VI в. к пряжкам добавляются различные наконечники, подвески, бляшки и т. д. Впервые в Западном Закавказье в рассматриваемом могильнике обнаружены геральдические пряжки различных типов, восьмеркообразные бляшки, гвоздики с полумесячными шляпками, четырехлепестковые бляшки, наконечники ремней с прорезями в виде замочной скважины и ряд других форм. Интересен набор металлических частей от ремней кожаных башмаков, включавший В-образные полые серебряные пряжки и разнообразные фигурные бляхи второй половины VI—VII вв.

Украшения наряду с оружием относятся к числу наиболее мобильных элементов материальной культуры, будучи подверженными капризам быстротечной моды. Исследования Цибилиумского могильника с особой ясностью показали, что апсилы никогда не находились в стороне от развития, характеризовавшего культурный мир того времени, а их украшения отразили все особенности этой важной части материальной культуры Причерноморья и Средиземноморья. В целом украшения апсидов были либо привозными (большинство бус, перстней, отчасти серьги, браслеты и др.), либо подражали общепричерноморским образцам (серьги, подвески, гривны, многие типы браслетов и др.), причем подражали настолько осмысленно, творчески, что сумели создать особый, апсидийский комплекс признаков, нигде неповторимый, исключительно разнообразный и выразительный. Древние цебельдинки украшали голову (серьги, заколки и др.), шею и верхнюю часть груди (ожерелья, шейные гривны, различные подвески, игольники, зеркала, броши и т. д.) и руки (браслеты, перстни). В ранних комплексах встречены простые кольцевидные серьги северопричерноморского типа. В IV—V веках они сохраняют верхнюю застежку и украшены стеклом или сердоликом в оправе. Их главная особенность — проволочные подвески с полым биконическим грузиком. Привозными, возможно, были три золотых серьги этого типа с сердоликами и подвесками, грузики которых украшены снизу пирамидками зерни. Со второй половины V в. распространяются разомкнутые кольцевидные серьги, украшавшиеся напаянными пирамидками зерни, мелкими колечками, обоймочками, капельками и т. д. Особенно выразительны серьги этого типа с многоярусными жесткими подвесками из разноцветных бусин и металлических прокладок, которые по своей форме соответствуют серьгам юстиниановской эпохи, ясно различимым на знаменитых настенных мозаиках Равенны у императрицы Феодоры и дам из ее свиты. Цибилиумский могильник дал длинный ряд разновидностей таких серег, до того в Абхазии неизвестных.

Особую группу украшений образуют височные подвески или серьги, представляющие собою ответвление серег первого типа и бытовавшие в основном

в V веке. Их характеризуют обычно крупный сердолик в серебряной оправе, напаянный

на пружинящий изогнутый стержень с двумя петлями, в которых свободно болтаются подвески с биконическими грузиками, и зажимом, с помощью которого подвеска надевалась на головную повязку. Иногда такие подвески сочетались с серьгами, но чаще употреблялись вместо них. Наиболее ранний экземпляр таких подвесок вместо сердолика был инкрустирован разноцветным стеклом. Это пока единственный образец такого рода украшений в Причерноморье, привезенный в Цебельду из более южных районов.

Нашими раскопками у Цибилиума впервые установлено использование апсильяками для украшения головы фибул-брошек, скреплявших волосы на затылке. Одна из таких брошей была выложена тремя сердоликами, оправленными в серебро. На двух сердоликах оказались вырезанными фигуры богинь Фортуны-Тюхе и Виктории, всадника и преследующей его колесницы, которую влекут несколько коней, подстегиваемых возницей — Гелиосом. Эти инталии — выдающиеся произведения позднеантичной глиптики, изготовленные где-то в малоазийских мастерских и ранее в комплексах Восточного Причерноморья не встречавшиеся. В другом случае головная брошь была украшена золотой овальной пластинкой, выложенной гнездами с разноцветными стеклышками и снабженной с одной стороны отверстиями для ряда подвесок, утраченных еще в древности. Часто волосы схватывались и простыми фибулами. мода на головные брошки в Апсилии определена рамками конца IV—V вв. Совершенно неизвестный ранее тип украшений выявлен нами в ряде воинских захоронений. Речь идет о двух золотых и нескольких серебряных колечках, лежавших на верхнечелюстной кости в районе ноздрей. Такое их положение позволило сделать вывод о бытовании в Апсилии в V — начале VI вв. обычая среди мужчин украшать нос специальной серьгой.

Около Цибилиума найдено свыше 10 тысяч разнообразных бусин, составляющих ожерелья апсильяков. В III—IV веках в моде были мелкие стеклянные и из других материалов бусы, образующие ожерелья в один-два-три оборота. В V веке распространяются крупные бусы из природных материалов, а число их в одном комплекте резко уменьшается. В VI веке происходит возврат к мелким формам. В ранних погребениях довольно часты бусы из египетского фаянса. Широко представлены бусы из многоцветного стекла (пятнистые и глазчатые), орнамент которых различается узорами, техникой исполнения и цветовыми сочетаниями. Гагатовые бусы представлены округлыми и прямоугольными формами, бытовавшими в IV—VI веках. Их наименование происходит от реки Гагаи, протекающей в древней Лидии (Малая Азия), где находятся крупнейшие местонахождения этого минерала — смолистой разновидности ископаемого бурого угля. Широко использовались апсильяками во все времена бусы из янтаря — ископаемой смолы хвойных деревьев третичного периода, выходы которой имеются в Прибалтике и на Украине. В составе ожерелий найдены янтарные изделия от мель-

552

чайших овалов до крупных (до 5 см в поперечнике) аморфных кусков. Также широко, особенно на раннем (III—IV вв.) и на позднем (VI в.) этапах, использовались бусы с металлической (золотистой или серебристой) прокладкой, изготовлявшиеся в

Александрии Египетской и других центрах Юго-Восточного Средиземноморья. Интересны различных размеров и формы многоцветные стеклянные бусы с поперечно-полосатым орнаментом. В двух случаях отмечено использование какого-то ранее неизвестного в древностях Причерноморья чешуйчатого покрытия, имевшего на поверхности иные окраску и узор — в виде глазков коричнево-красного цвета. Это покрытие быстро осыпалось от соприкосновения с воздухом. Широко представлено и одноцветное стекло — пронизи, четырнадцатигранники глухого голубого цвета, подвески грушевидной или корзиночковидной формы из прозрачного янтарно-желтого («медового») стекла, пронизи в виде схематизированного изображения дельфинчиков и т. д. Во второй половине V—VI веков распространяются бусы из горного хрусталя — разновидности кристаллических кварцев, характеризующиеся прозрачностью и чистотой массы. Часть этих украшений, как полагают, местного производства. Особняком стоят многоцветные (полихромные) стеклянные бусы с орнаментами в мозаичной технике, встречающиеся в комплексах Цибилуума до начала VI века. Среди них выдающееся место занимает бусина из погребения первой половины V века, поверхность которой украшена шахматным рисунком, образующим три яруса по восемь квадратов в каждом. Квадраты отделены друг от друга красными и голубыми перегородками, а их внутренняя поверхность заполнена в свою очередь мелким шахматным узором (6х6 квадратиков) желто-коричневого и бело-коричневого цвета. В изломах хорошо видны пучки разноцветных стеклянных палочек, составляющих мозаику. Четыре квадрата в среднем ярусе образованы заливкой синего стекла, в которую посажены белые лица размером до двух-трех миллиметров в поперечнике. Зрачки, веки, брови и нос, а также нижний абрис лица исполнены из тончайших перегородок темно-фиолетового стекла. Рот — голубой. Головной убор образован зелеными дольками в несколько ярусов, разделенных перегородками красного цвета. Из-под него выступают волосы, выделенные желтым стеклом. Лица слегка деформировались во время обжига, что придает им особенную живость и выразительность. Все известные мозаичные украшения типа рассматриваемой бусины относятся к продукции Александрии Египетской, причем их производство ограничивается рамками I—II веков, н. э. Позднее распространились комбинированные орнаменты, в том числе характерное для II—IV веков шахматное размещение двух мотивов, среди которых, однако, лица до сих пор известны не были. Уникальность нашей бусины заключается в том, что она, позволяя, с одной стороны выделить новый тип александрийской продукции такого рода, с другой стороны, указывает, что использовались эти украшения не только до II в. н. э., как это обычно считается, но до V века включительно.

553

Среди других элементов ожерелий апсилик отметим изредка попадающиеся каменные бусы и бусы из меловой породы. Последние найдены в Абхазии впервые. Особняком стоят металлические украшения, среди которых примечательны две крупные биконические полые золотые бусины, украшенные разноцветным стеклом и полудрагоценными камнями (светлый сердолик, сапфир и др.). Гнезда их окружались поясками из зерни, обрывками крученой проволоки, завитками и восьмерками. Серебряные и бронзовые пронизи и обоймочки малочисленны. Очень популярным в

Цебельде во все времена был сердолик — кроме серег, перстней, брошей он широко применялся и в ожерельях. Сердолик — красноватая разновидность халцедона, окраска которого обусловлена железистыми примесями. На одной такой бусине из комплекса IV века оказалась гемма с изображением зайца. Вместе с ней найдены шаровидные бусы из бледного сердолика, орнаментированные белой краской, образующей на поверхности узор в виде решетки, полос, перемежающихся точками и кружками. Изредка попадаются и раковины каури.

До недавнего времени на территории Апсилии был известен лишь один тип бронзовых шейных обручей (гривен). Теперь добавилось еще два типа — из простой проволоки, где петля образована не отверстием в расплюсненном конце, а завязкой, и обнаруженные в 1983 году все гривны типа пекторалей. Последние сплетены из нескольких проволок, образующих ажурную, витую переднюю часть, а их застежка состоит из петли и крючка. Большой популярностью среди древних цебельдинок пользовались наборы бронзовых косметических инструментов в виде двух подвешенных к колечку стерженьков с лопаточкой и плоским острием. Прежде в Цебельде были известны однотипные наборы с поперечными насечками. Нами установлено их большое разнообразие — стерженьки имеют прямоугольное, прямоугольно-округлое и круглое сечения, орнамент различается сочетанием черточек, «жемчужин» и т. д. Подобные инструменты, появившись на Ближнем Востоке еще в III тысячелетии до н.э., получили широкое распространение лишь в эпоху Великого переселения народов (Германия, Крым, Северный Кавказ и др.). У Цибилиума найдено и единственное на территории Апсилии металлическое зеркало, датируемое V веком. Его лицевая сторона отполирована до зеркального блеска. Стерев ладонью глину, мы увидели в нем свои лица — первые лица после той женщины и ее родных. На обороте зеркала имеется петля для подвешивания, вокруг которой нанесен орнамент в виде расходящихся от центра лучей. Поскольку подобные зеркала были широко распространены в тот период в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, можно думать, что оно попало в Цебельду с севера через перевалы. Среди подвесок, также входивших в число украшений шеи и груди, интересны бронзовые бубенчики, просверленные клыки животных.

Редко в погребениях апсилик встречается один браслет, обычно их два, а иногда и несколько. В III—V веках в могильнике Цибилиума обычны проволочные

554

браслеты с рублеными концами. Нашими раскопками обнаружен также ряд редких форм, в Восточном Причерноморье ранее не выявлявшихся. Среди них бронзовые браслеты с перевязкой, состоящей из петли и крючка, один из которых был украшен камнем с греческой монограммой СХI. Подобные браслеты в Северном Причерноморье (Керчь) найдены в комплексах конца IV—V вв. Один серебряный браслет имел шарнирное крепление; его замковая часть украшена сердоликом в оправе и обломком мозаичной бусины, также сидящим в серебряном гнезде. Концы другого браслета одеты в утолщения из белой пастовидной массы, поверх которой идут разного диаметра серебряные муфточки. Оба последних браслета найдены в могилах, датируемых началом V века. Интересен бронзовый браслет с гранеными и орнаментированными утолщенными концами и бусовидным утолщением на спинке, аналогии которому

известны в составе ряда комплексов VII в. (Перещепино, Самтавро и др.). В 1983 году в двух могилах VI в. обнаружены широкие ребристые браслеты со львиными головками, у которых натуралистично выделены грива, уши, глаза, ноздри, раскрытая пасть. Впервые найдены и наборные браслеты — один состоял из нанизанных на нитку бронзовых обоймочек, перемежавшихся бусинами, второй — только из мелких пастовых бусинок. Среди других форм интересны браслеты с двойной перевязкой, во II — I вв. до н. э. широко распространившиеся по всей Европе (Испания, Германия и др.), а в Колхиде бытовавшие во II—IV веках н. э. Довольно часто стали попадаться в Цебельде браслеты с призматическими утолщениями, украшенные гравированными кружками с точкой в центре и поясками нарезок и раньше известные лишь на территории соседних Абасгии и Санигии в комплексах VI—VII вв. Обломок такого браслета найден в крепости Цибилиум в горизонте 550 г. н. э. Широко в VI—VII веках бытовали браслеты с расплюснутыми концами, украшенными точечными линиями (Цебельда, Трахея, Питиунт, окрестности Сочи, Поволжье).

Цибилиумский могильник дал большое число перстней, отличающихся разнообразием изображений на печатках. В ранних могилах преобладают цельнолитые экземпляры. С V века распространяются перстни, у которых печатка припаяна к кольцу. Печатки украшались полудрагоценными камнями, на которых вырезаны фигуры женщин и прыгающего льва, различные монограммы. На бронзовых печатках сохранились изображения жука-скарабея, скачущего коня, женской головы в профиль, орнаментальных мотивов — перекрещенных линий, кружочков, солнцевидной фигуры и др. Особняком стоит массивный золотой перстень с крупным сердоликом в оправе с зернью. Очень интересен железный перстень с впаянной серебряной печаткой, на которой вычеканено изображение христианского креста.

В ногах одной из женщин, погребенной в VI в., найдена свинцовая печать с греческой монограммой, в которой читается слово ТЭОС, т. е. «бог». Вокруг печати отмечены следы кожи, позволяющие предполагать, что в иной мир эту даму сопровождал свиток с какими-то, скорее всего магическими письменами

555

— еще одна ранее незафиксированная интересная деталь из истории культуры Абхазии раннего средневековья.

За время раскопок на могильнике Цибилиума найдено свыше 40 серебряных монет, отчеканенных в период правления следующих римских императоров: Тиберия (14—37 гг. н. э.) — 1 экз., Веспасиана (69—79 гг. н. э.) — 1 экз., Траяна (98—117 гг.) — 1 экз., Адриана (117—138 гг.) — 7 экз., Антонина Пия (138—161 гг.) — 5 экз., Луция Вера (161—169 гг.) — 2 экз., Марка Аврелия (161—180 гг.) — 4 экз., Септимия Севера (193—211 гг.) — 8 экз., Юлии Домны (193—217 гг.) — 3 экз., Каракаллы (211—217 гг.) — 1 экз., неопределенные (II—III вв.) — 9 экз. Большинство этих монет отчеканено на монетном дворе Кесарии Каппадокийской, одна в Риме (Марк Аврелий), одна в Эмесе (Септимий Север) и одна еще на каком-то восточном дворе. Обычно в погребении лежит одна монета — либо на поясе, либо во рту. Дважды по несколько монет найдено в урнах с прахом воинов, однажды — в двуручном сосуде при одной женской ингумации. Все монеты связаны с комплексами III—IV веков.

Итак, исследования Цибилиумского могильника не только удвоили общую информацию о культуре апсилов, но и выявили широкий круг материалов, впервые обнаруженных как на территории самой Апсилии, так и, во многих случаях, всего Восточного Причерноморья. Помимо установления множества неизвестных ранее черт местной самобытной древнеабхазской культуры, подчеркнуты чрезвычайно тесные и плодотворные связи апсилов с Римом и его преемницей Византией. Хорошо прослеживаются непосредственные или через посредство соседей связи с Северным Кавказом, Северным Причерноморьем, Ираном, Сирией, Малой Азией, Северной Африкой, Прибалтикой и Поволжьем. Эти материалы показывают со всей очевидностью, что Апсилия во II—VII веках была органической, хотя и периферийной частью римско-византийского культурного мира, что ее население было в курсе лучших достижений материальной и духовной культуры того времени — мужчины пользовались наиболее совершенным оружием, женщины не отставали от моды на одежду и украшения. В основе этого сближения с другими районами Причерноморья и Средиземноморья прежде всего следует видеть те благоприятные условия, которые сложились в рассматриваемом районе благодаря существованию наиболее удобного транскавказского перевального пути, шедшего от приморского римско-византийского города — крепости Себастополиса через Цебельду на Северный Кавказ. Апсилы в своих погребальных и прочих памятниках предстают не дикими горцами, растратившими свои силы на «отчаянную борьбу» с Империей, а достаточно для своего времени образованными, культурными и обеспеченными людьми, умело использовавшими выгоды многосторонних договоров и транзитной торговли.

556

6. Немного истории...

Изучая Цибилиум, мы постоянно обращаемся к свидетельствам византийских историков, пытаюсь через сопоставление археологических данных и скупых летописных строк подойти к решению важнейших вопросов истории Апсилии, а вместе с ней и всего Восточного Причерноморья в VI веке. Круг этих вопросов чрезвычайно широк, а их окончательное решение — дело будущего. Однако промежуточные выводы, как неизбежные ступени к постижению истины, делались нами постоянно. Кое с чем из того, что устоялось в нашем сознании за прошедшие годы, мы хотим поделиться с читателем в этой главе.

Мы начали раскопки Цибилиума, твердо веря, что он (как и все его аналоги в Колхиде) был построен во второй половине IV и, в крайнем случае, в V в. н. э. Однако уже к концу второго сезона под нажимом многочисленных фактов мы должны были изменить свои первоначальные выводы. Находки закладных монет окончательно установили, что Цибилиум и другие аналогичные укрепления Апсилии и соседних областей были построены одновременно в течение короткого промежутка времени, начавшегося не ранее лета 529 года. Бесспорно активное участие в этом строительстве византийских инженеров, о чем говорят все основные характеристики Цибилиума (планировка, конструкции, материалы, надписи и т. д.). Строительство должно было завершиться к лету 541 года, когда в Колхиду вторглись персы, а византийцы покинули свою главную

базу на территории Апсилии — Себастополис (совр. Сухум), удалившись в Трапезунт. Следовательно, на сооружение в Апсилии оборонительной системы (до 10 крепостей) — одной из крупнейших в Закавказье — остается двенадцать летних сезонов. Сюда входит и прокладка дорог, и подготовка территории, и заготовка стройматериалов, и само строительство, объем которого только в Цибилиуме составил около 20 тысяч кубометров кладки. Здесь работали тысячи людей, работали на износ, сюда были вложены колоссальные по тем временам средства...

Социально-экономическая структура Апсилии обрисована археологически уже достаточно полно. Здесь выделяются центральный, наиболее богатый район с густым населением (Цебельда), и периферийные слабозаселенные террито-

557

рии. Основное население Апсилии было сосредоточено в двух десятках поселений, к которым прилегают обширные кладбища. Каждое из этих поселений представляло собой родовой поселок, объединявший 5—10, а иногда и несколько десятков больших семей, каждая из которых, в свою очередь, вступала в полосу распада на малые семьи. В могильниках Апсилии не отмечено сколько-нибудь значительной имущественной дифференциации между отдельными семьями вплоть до VI—VII вв., что объясняется правовым регулированием, характерным для родовой организации. В то же время на территории Апсилии отмечена определенная социально-экономическая специализация отдельных родов в рамках племени: население большинства поселений было занято земледелием, скотоводством, различными ремеслами (гончарством, железообработкой и т. д.), в то время как один род был освобожден от этих обязанностей. Вместе с тем население последнего пункта (Шапки) являлось главным потребителем большого числа импортных изделий—стекла, краснолаковой посуды и др.

Обращает на себя внимание воинственный облик всего мужского, первоклассно вооруженного (мечи из сварочного Дамаска и проч.) населения древней Апсилии. Здесь неукоснительно соблюдался принцип «каждый боеспособный мужчина — воин». В «потусторонний мир» апсилиеца уходил в полном боевом облачении, иногда с конем. До IV—V вв., помимо вооружения, в воинских захоронениях присутствуют сельскохозяйственные орудия (мотыги, цалды), кузнечный и плотничий инструмент, которые свидетельствуют, что «второе великое разделение труда» в этот период еще не коснулось апсильцев. Вплоть до V—VII вв. мужчины различных семей внутри рода обладали примерно одинаковым снаряжением. Не отмечено в Апсилии даже в VI веке и централизованного правления: наиболее высокая должность, упоминаемая в источниках, это «начальник крепости». Все это позволяет определять социально-политический строй древних апсильцев как «военно-демократический». Характеризуя такого типа строй, Ф. Энгельс писал: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни» [К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 164]. Думается поэтому, что ни соответствующих средств, ни внутренних предпосылок для стимулирования крепостного строительства такого объема у самой, отдельно взятой, Апсилии не было. Этот стимул надо искать вне ее пределов.

В византийских источниках юстиниановской эпохи многократно подчеркивается, что апсилы наряду с соседними абастами и мисимианами, населявшими в ту пору Абхазию, были поданными лазов. Исследователи обычно не сомневаются в достоверности этого сведения, воспринимая соответствующие цитаты буквально. Однако, как представляется, необходим более осторожный подход к проблеме, учитывающий не только обстановку внутри Колхиды, но и внешнеполитическую ситуацию. Как известно, в 523 г. персы упразднили

558

Картлийское царство, установив свое господство в Восточной Грузии. Византия в качестве ответной меры юридически в том же году оформила свой протекторат над Лазикой. Отныне важнейшими признаками лазских царей стали христианская вера, жены — дочери византийских сановников и высокооплачиваемая должность силентиария при дворе императора. Из-за этого были сорваны переговоры о мире между византийским императором Юстином и шахом Ирана Кавадом, а затем Юстин послал в Лазику регулярные части византийской армии, которые разместил в только что отстроенных крепостях — Сканда и Сарапанис. В начале царствования Юстиниана (527—565 гг.) эти крепости, временно оставленные византийцами, заняли персы. В 532 г. Юстиниан и сменивший Кавада Хосров заключили мирный договор, получивший наименование «Вечного», по которому персы признали Лазику сферой влияния Византии, отдав ей Сканду и Сарапанис в обмен на две крепости в Малой Азии. Почти 10-летняя передышка позволила обеим могущественным державам того времени подготовиться к решающим битвам. Источники приписывают Хосрову высказывание, согласно которому «персам, если они завладеют Лазикой, возможно будет без большого труда... идти прямо на Византию, нигде не переправляясь через море, как это постоянно делают и другие варварские племена, которые живут там» [126, с. 395]. Тот же Хосров определял Лазику (видимо, в соответствии с представлениями византийских политиков), как «передовое укрепление против кавказских варваров» и полагал, что обладание ею «будет персам полезно и в том отношении, что они из этой страны без всякого труда будут в состоянии... быстрым нашествием взять самую Византию, не встречая нигде сопротивления». В другом месте Прокопий писал, что «царь лазов обязан был охранять своими подданными границы и не допускать, чтобы враждебные гунны с Кавказа, смежного с их областью, вторгались через Лазику в Римские владения. Они стерегли границы, не получая от римлян ни денег, ни войска». По «Вечному миру» Византия обязалась выплатить Ирану 110 тысяч либр золота за оборону кавказских проходов от кочевников, среди которых первое место принадлежало аланам и гуннам-савирам. К периоду действия «Великого мира» относится и уже давно обсуждаемое учеными сообщение Прокопия о том, что Юстиниан «укрепил все ущелья в этой стране — их обыкновенно называют клисурами, чтобы таким образом, перед врагами были закрыты все пути в Лазику».

Очень важно, что в источниках ни разу не упоминается о каких-либо самостоятельных санкциях лазских царей по отношению к «вассальным» апсилам и их соседям. Во всех случаях карательные экспедиции совершали византийцы. Особенно интересен пример с апсилами. Прокопий сначала пишет, что византийский отряд для наказания абасгов и

возвращения апсилов под власть лазов был послан Юстинианом, а затем утверждает, что этот отряд прислал Губаз. Последний момент подчеркивает роль царя лазов в качестве промежу-

559

точной административной инстанции. В целом же из источников следует, что в формировании общеколхидского политического и культурного единства под эгидой лазов немаловажную роль играла Византия, проводившая в этом районе сложную дипломатическую игру. Как справедливо отмечено академиком Г. Меликишвили, «свое право на господство» в Колхиде византийцы основывали «на правах своего подданного — лазского царя».

Такова была политическая ситуация, в которой создавалась оборонительная система Апсилии во главе с Цибилиумом.

Давно известно, что расцвет апсильских поселений в окрестностях Цебельды связан с проходившим здесь ответвлением Великого шелкового пути, соединившим причерноморские центры с Северным Кавказом. Но этот путь нес с собой не только культуру и достаток, но и смерть, и разрушения. Если апсильские кувшины, найденные по ту сторону Клухорского перевала, вблизи Теберды, можно объяснить экономическими связями, то такой же кувшин из богатого погребения представителя кочевнической знати под Нальчиком скорее всего служит иллюстрацией успешного набега, произведенного через Цебельду еще в IV веке. В первой половине VI в. эти набеги стали проводиться ежегодно. И, прежде чем добраться до византийских центров, кочевники грабили и уничтожали население по пути. Каждый набег через перевалы оборачивался для цебельдинцев пожарами и другими бедствиями. В этих условиях интересы Апсилии, принимавшей на себя начальный натиск, и Византии — главного объекта этих нашествий, совпадали.

Активное участие апсилов в организации обороны своей страны проявляется в расположении двух важнейших их крепостей. В переговорах основную роль должны были играть знатные люди из главенствующего рода, располагавшегося на горе Шапкы. По согласованию с ними место основного гарнизонного укрепления было определено с тем расчетом, чтобы главный удар при вторжении северокавказских союзников Ирана пришелся на Цибилиум, игравший, таким образом, роль основного заслона на подступах одновременно и к резиденции правителей Апсилии, и к византийским опорным пунктам на побережье. Нам представляется, что именно в этот период была заключена и система договоров, объединившая все местные племена для совместной обороны проходов в Колхиду. Территориальное и численное преимущество лазов и их расположение на важнейших путях из Восточного Закавказья и Северного Кавказа (через Сванию по Риони) определило их главенствующую роль. На Византию же легла обязанность снабжения этого объединения денежными субсидиями, инженерами и квалифицированными рабочими, воинскими контингентами и т. д. Судя по всему, ситуация в Колхиде в первой половине VI в. была близка той, которая в ту же эпоху характеризовала левобережье Дуная, правители которого внешне сохраняли независимость. Как известно, Византия в том районе обеспечивала надежную оборону Балканского полуострова от

нашествия мигрирующих варваров путем создания передовых укрепленных аванпостов на их территории, в частности, именно в 30-х годах VI в. Империя выдавала своему союзнику, вождю гуннов или гепидов Мундо субсидии на постройку военнооборонительных пунктов в подвластном ему районе. В качестве таких же аванпостов выступают крепости Апсилии и ее соседей. Нам повезло: пограничные оборонительные линии (лимесы) юстиниановской эпохи давно выявлены и исследованы в Северной Африке, на Ближнем Востоке, по Дунаю; нам же через раскопки Цибилиума и других крепостей Апсилии впервые удалось установить облик и начать исследование передовых эшелонов кавказского лимеса.

Итак, поощряя и санкционируя местное крепостное строительство в Апсилии и других регионах Колхиды, как вытекает из разнохарактерных источников, Византия преследовала далеко идущие цели. Очень важно, что в Апсилии, где крепости эти построены исключительно при издавна существовавших населенных пунктах, стройка была подлинно всенародной. Сегодня мы можем назвать и кое-кого из тех, кто непосредственно руководил работами в Цебельде. Обнаружение на кирпичах и черепице из Цибилиума клейм с именем епископа Константина раскрыло нам имя не только первого христианского пастыря апсиров, но и одного из главных вдохновителей строительства крепости. Теперь ясно, что Цибилиум с самого начала проектировался и как важный христианский центр, о чем говорят, помимо клейм, его ранние храмы. Раскопки в Цибилиуме ярко проиллюстрировали выводы специалистов об активной роли византийской церковной дипломатии, внешняя мягкость и гибкость которой зачастую, по словам крупнейшего советского византиста З. Удальцовой, «являлась лишь прикрытием ее истинных устремлений к подчинению соседних стран и народов и к распространению не только церковного, но и политического влияния Византии». Можно предполагать, что епископ Константин провел в Апсилии лет десять и покинул Цибилиум в 541 году, переправившись вместе с византийским гарнизоном Себастополиса в Трапезунт. Начатая же им достаточно круто христианизация апсиров успешно была продолжена его преемниками: на могильнике возврата к старым языческим обычаям не произошло.

Другой персонаж, тесно связанный с Цибилиумом, — видный византийский полководец армянин Иоанн, сын зодчего Фомы, который по приказу Юстиниана строил «многие укрепления в Лазике». Иоанн был активным участником сражения с персами за Петру летом 549 г., где с отрядом из 50 человек осуществил подкоп и был ранен. Затем, в начале лета 550 г. в битве при Гиппосе, близ Археополя, он, возглавляя конницу византийцев, умелым маневром способствовал разгрому персидского полководца Хориана и отличился при взятии военного лагеря персов. Ранней осенью того же года он возглавил карательный отряд, переброшенный морем из Фасиса к Трахее — главной крепости восставших абасгов, где, в частности, руководил морским десантом. После завер-

шения этой жестокой акции Иоанн во главе тысячного отряда византийцев подступил к стенам Тцибилы-Цибилума и «дружескими речами и обещаниями» сумел без боя взять крепость. Поздней осенью 550 г. он сыграл решающую роль и во взятии у персов Петры, проведя свой отряд ему одному известным путем по отвесной скале на крепостную стену. Сам Иоанн погиб в этом бою: какой-то перс нанес ему смертельный удар камнем, пущенным с помощью пращи. «Этот человек, — писал про Иоанна Прокопий, — проявил удивительные подвиги храбрости в битве с врагами». Ему в ту пору не было и 25 лет, в источниках он назван «юношей». Судя по всему, Иоанн, как это было принято, в те времена, всюду следовал за своим отцом, и пока тот осуществлял надзор за строительством, хорошо изучил местность и людей. Петра и Цибилум — постройки 30-х годов VI в., как, по-видимому, и другие крепости, вблизи которых он смог отличиться. И кто знает, бескровное решение вопроса с Тцибиллой — Цибилумом не было ли результатом давней дружбы с подростком - апсилом, который стал затем начальником крепости?..

Частое упоминание в источниках в составе византийского войска солдат и военачальников негреческого происхождения не удивительно. Византия была многонациональным государством, а в ее армии служили наемниками представители и многих соседствовавших с империей народов — славяне, анты, гепиды, лангобарды, готы, аланы, гунны - савиры, армяне, лазы, абасги, апсилы и многие другие. Столь же многоэтничны и лица, имевшие отношение к Цибилуму. О епископе Константине и полководце Иоанне сказано. Теперь перейдем к другим персонажам этой давней и славной драмы.

Летом 550 г. знатный лаз Тердет с группой своих единоплеменников, изменив своему царю Губазу, хитростью передал Цибилум персам. Тердет был одним из наиболее близких к Губазу лиц, носил византийский придворный титул «магистр оффициорум» (гофмаршал) и, по-видимому, ведал лазо-апсильскими делами. Надо полагать, что апсилы хорошо знали Тердета, видели неоднократно у себя и прежде, когда он приезжал сюда с дипломатическими и инспекционными целями. Тердет привел в Цибилум персидского полководца Набеда, который взял в плен скрывавшуюся здесь Феодору — вдову лазского царя Опсита, родного дяди Губаза. Феодора, как подчеркивает источник, подобно женам других лазских царей, была гречанкой, дочерью одного из сенаторов. Ее, как и захваченных в Абасгии 60 мальчиков-заложников, Набед увел «в пределы персов». Месяца через два после его ухода оставленный им в Цибилуме персидский гарнизон был перебит апсилами. Примерно через такой же промежуток времени в крепости разместился византийский гарнизон, который, судя по всему, пробыл там недолго. Летом 553 г. в Апсильи вновь появились персы и их союзники гунны-савиры во главе с полководцем Мермероем, направлявшимся в Абасгию. Несмотря на то, что у персов было много боевых слонов, они не решились вступить в

562

сражение с вставшим на их пути византийским гарнизоном Цибилума и вернулись назад. «Это был человек, — писал о Мермерое Агафий, — величайшего ума, сделавшийся виднейшим среди персов, опытнейший в военном деле, мужественный духом. Будучи уже престарелым и издавна хромым на обе ноги, он не мог ездить верхом, но лишения

переносил, как сильнейший юноша... появлялся часто в строю, носимый на носилках, и этим внушал страх врагам и поднимал дух своих». Мермерой пришел в Колхиду летом 549 г., затем вновь вернулся сюда весной 551 г., восстановил Кутаис, где прожил до лета 554 г., когда заболел и уехал в Мцхету, где скончался. В соответствии с обычаями персов его обнаженное тело близкие вынесли за город и оставили «на растерзание нечистым псам и птицам».

В мае — ноябре 556 г. в Апсии находилось четырехтысячное войско византийцев, продвижение которых в сторону мисимиан долго сдерживало войско персов и савиров. Лишь тогда, когда выпал в горах первый снег, византийцы достигли Цибилиума (Тибелия, по Агафию). Общее руководство действиями войска осуществлял один из известных византийских полководцев Юстиниановской эпохи Мартын. Лично император отправил его в Италию в 537 г. на помощь Велизарии. Там Мартын до 540 г. участвовал в обороне Рима и ряда других городов (Террацина, Ариминум, Милан и др.) от готов. С весны 553 г. он находился в Колхиде в качестве главнокомандующего византийскими силами, руководил операциями у Телефиса, Оногуриса, Острова и Родополя, организовал оборону Фасиса, под которым нанес поражение иранскому полководцу Нахогарану, за что с того по приказу Хосрова содрали с живого кожу. Некая тяжелая болезнь заставила Мартына остаться в Цибилиуме на несколько недель и отсюда руководить военными действиями против восставших мисимиан. После возвращения из Апсии Мартын за причастность к убийству лазского царя Губаза был отстранен от всякой власти Юстинианом, который «из уважения к его победам и благоразумию» простил его, приказав Мартыну, однако, «жить честным человеком».

Вместе с Мартыном в Цибилиуме остановился другой видный полководец - каппадокиец Иоанн Дакик, личный посланец императора, который должен был тщательно осведомлять Юстиниана обо всем и награждать от его имени отличившихся воинов императорскими дарами. Когда византийское войско в Мисиминии стало испытывать затруднения, Мартын поставил во главе него Иоанна Дакика, обеспечившего успех операции. В числе других военачальников, участвовавших в этом походе и побывавших в Цибилиуме, были армянин Бораз, имевший титул лохага, лаз Фарсант — магистр и руководитель лазского отряда, несшего службу в императорском дворце в Константинополе, вождь отряда цанов (чанов) Феодор, таксиарх Максенций. Среди солдат, прошедших в эти дни через Цибилиум, источники сохранили также имена исавра Илла, анта Леонтия, славянина Сваруны...

563

Победы Византии на Востоке привели к резким изменениям обстановки в Западном Закавказье, которое превратилось фактически в провинцию Империи. С местной политической арены уходят базилевсы — цари, вместо которых у лазов, апсилов и абасгов появляются патрикии, кровно (через систематические браки) и культурно тесно связанные с Византией и представлявшие ее чиновничий аппарат на местах. Эти победы и успешная дипломатическая деятельность не только стимулировали феодализацию восточнопричерноморского региона, но и повернули к Византии северокавказские народы (особенно аланов, а позднее тюрок и хазар), которые, получая от нее ежегодно крупные субсидии и другие дивиденды, образовали на северных склонах Кавказа

значительные раннеклассовые и раннегосударственные объединения с широкой сетью укреплений вдоль всех важнейших транскавказских путей, что положило конец систематическим набегам кочевников в пределы Империи. Северокавказские народы оказали во второй половине VI—VIII вв. большую поддержку Византии в борьбе сначала с Ираном, а позднее и арабами. В этих условиях необходимость в оборонительных системах, созданных в колхидских ущельях (клисурях) в начале правления Юстиниана и подготовивших все эти важные изменения, отпала.

После 556 года Тцибила — Тибелия — Цибилиум в источниках не упоминается. Отсутствуют достаточно определенные факты и в добытых раскопками археологических материалах, показывающих, что во всяком случае со второй половины VI до XIII—XIV вв. жизнь на западном утесе полностью замирает. Однако окончательное суждение об этом в отношении всей крепости можно будет иметь только после раскопок на восточном утесе, где находятся главные крепостные ворота и который, безусловно, был намного лучше укреплен, чем западный, в силу своих природных возможностей. Нашими раскопками в расположенной в 7 километрах западнее Цибилиума крепости Шапки установлено, что во всяком случае до начала VIII в. укрепления Апсилии продолжали использоваться местными жителями. В 569—570 гг. мимо Цибилиума прошел византийский посол Зимарх, возвращавшийся в Константинополь из Средней Азии. В Апсилии он остановился в пункте Рогатория, который логичнее всего сопоставить с резиденцией главного рода апсиллов на горе Шапки. Здесь мы нашли позолоченную византийскую пряжку с ажурным щитком и другие материалы второй половины VI — начала VIII вв.

По мнению большинства исследователей, упоминаемый в связи с событиями первой половины VIII в. Сидерон («Железная крепость») должен быть также локализован в окрестностях Цebelды [10, с. 361; 147, с. 139]. Согласно сообщению византийского историка Феофана Хронографа в 708—711 годах по Западному Кавказу совершил вояж будущий византийский император Лев Исавр. В мае 711 года он вместе с 50 аланами с севера пересек на «круглых лыжах» заснеженный перевал (Марух или Клухор) и в районе границы Алании и Апсилии встретил 200 византийских солдат, в основном армянского проис-

564

хождения, которые скрывались здесь от арабов. Лев Исавр объединил их со своими спутниками и двинул их против Сидерона — мощной крепости, комендант которой (также, по-видимому, армянин) Фарасман находился на службе у арабов. Лев Исавр потребовал, чтобы Фарасман подчинился власти Империи и помог ему с отрядом «спуститься к морю и переправиться в Трапезунт». Получив от Фарасмана отказ, Лев Исавр приступил к осаде укрепления. Узнав об этом, «первейший среди апсиллов» патрикий Марин привел к Сидерону 300 воинов-апсиллов и предложил Льву Исавру свои услуги. Фарасман, увидев это, выразил согласие служить Империи, но впустил внутрь крепости с Львом Исавром лишь 30 солдат. Когда ворота открылись, последний, нарушив клятву, ворвался в Сидерон со всем войском и три дня занимался его разрушением. Затем Лев Исавр направился с Марином в его резиденцию, где «с великими почестями был принят апсильцами», которые проводили его, видимо, в Себастиополис и посадили

на корабль. В этом отрывке Сидерон помещается на окраине Апсилии, но недалеко от резиденции Марина, подобно тому, как расположена крепость Тибелия у Агафия. Такое представление возникает и теперь, когда стоишь на обрывистом краю ущелья Кодора, а сзади тянутся горные долины с многочисленными поселками. Поэтому с наибольшей вероятностью все эти события могут быть связаны с восточным утесом Цибилиума. Когда в 738 г. в Апсилию, которая тогда рассматривалась как часть «Римской земли», вторглись арабские полчища во главе с Сулейманом Ибн-Исамом, правитель апсилов Евстафий засел в Сидероне. Крепость арабы взяли штурмом, а Евстафий попал в плен. Последний патрикий апсилов был незаурядным человеком, имя которого позднее стало широко известно в христианском мире. Источник [106, с. 303] сообщает, что в 740 г. Сулейман Ибн-Исам перебил «всех пленных христиан во всех городах его владычества, причем пострадал и Евстафий блаженный, сын Марина, знаменитого патрикия. Несмотря на все принуждения, он не отрекся от истинной веры и в знаменитом городе месопотамском Харане оказался истинным мучеником, где святые мощи его благодатью божиею производят всякие целения». Так была закрыта последняя страница славной истории раннесредневекового Цибилиума.

* * *

Наше краткое путешествие в историю Цибилиума — главной крепости Апсилии — подошло пока к концу. Новые ее страницы будут раскрываться постепенно, по мере расширения наших раскопов в восточном направлении. Там, в буйных зарослях под густым переплетением корней, под завалами камня, нас ждут (мы знаем!) не менее яркие открытия, которые, расширив наши горизонты в познании героического прошлого наших предков, послужат основой для новых книг.

565

7. Литература о Цибилиуме

1. Агафий. О царствовании Юстиниана. — М.-Л., 1953, с. 118.
2. Алексеева Е. П. Как жили в прошлом. — Коммунизм алашара: Черкесск, 1985, 14 декабря, с. 11.
3. Алексеева Е. П. Крепость Цибилиум. — Коммунизм алашара: Черкесск, 1986, 31 мая с. 12.
4. Алексеева Е. П. Ценный труд по археологии Абхазии — Апсны капш, 1986, 20 июня, с. 3.
5. Амичба Г. А., Папуашвили Т. Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей. — Тбилиси, 1985, с. 26—31.
6. Амичба Г. А. Политическое положение раннесредневековой Абхазии (VI—X вв.). — Сухуми, 1983, с. 27—33.
7. Андриасян С. Серебро Цибилиума. — Советская культура, 1978, 21 ноября, с. 8.
8. Андриасян С. Тайны древних стен. — Советская культура, 1984, 25 декабря, с. 4.
9. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). — Сухуми, 1959, с. 7, 2, 50, 51, 58, 59.

10. Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962, с. 361.
11. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. История изучения археологии Абхазии. — Тбилиси, 1982, с. 27—31.
12. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. — Сухуми, 1980, с. 49.
13. Бгажба О. Х. Древние сокровища Цебельды. — Амцабз, № 3, 1980, с. 16—17.
14. Бгажба О. Х. Исследования в Цебельдинской крепости. — Амцабз, № 2, 1978, с. 14—15.
15. Бгажба О. Х. Открытия в Цебельде. — Амцабз, № 2, 1979, с. 12—14.
16. Бгажба О. Х. О кузнечном ремесле в позднесредневековой Абхазии (XIV—XVI вв.). — Известия Абхазского института, в. X, Тбилиси, 1981, с. 115—119.

566

17. Бгажба О. Х. По следам кузнеца Айнара. Из истории кузнечного ремесла древней и средневековой Абхазии (VII в. до н. э. — XV в. н. э.). Сухуми, 1982, с. 25.
18. Бгажба О. Х. Раскопки башни № 1. — Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.), Тбилиси, 1983, с. 6—9.
19. Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии (VIII в. до н. э. — XV в. н. э.). — Тбилиси, 1983, с. 8,30,31, 57,61,76.
20. Бондарев Н. Д. В горах Абхазии. — М., 1981, с. 96—97.
21. Бриллиантов А. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника. — Христианский восток, т. VI. Петроград, 1917, с. 33.
22. Brosset, Histoire de la Georgie, — S.Pt, 1849 p. 240.
23. Воронов Ю. Н. Апсолийские брошки. — Апсоны аказара, № 3, 1981, с. 8—10.
24. Воронов Ю. Н. Апсолийский орнамент. — Апсоны аказара, № 1, 1970, с. 8—11.
25. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. — Сухуми, 1969, с. 60—61.
26. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Аланы в Колхиде (VI—VIII вв. н. э.). — XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов), Орджоникидзе, 1986, с. 24, 25.
27. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Логинов В. А. Исследования Цибилума. — Полевые археологические исследования в 1979 г., Тбилиси, 1982, с. M8—124.
28. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды (итоги исследований Цибилума в 1978—1982 гг.). Тбилиси, 1985, 212 с.
29. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, № 158, М., 1979, с. 67—71.
30. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Раскопки могильника Цибилум-1. — Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.), Тбилиси, 1983, с. 54—60.
31. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Цебельдинская экспедиция в XI пятилетке. — Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке» (тезисы докладов), Баку, 1985, с. 99, 100.
32. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К. Археологические исследования в Кодорском ущелье. — Полевые археологические исследования в 1980 г., Тбилиси, 1982, с. 63—68.
33. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Исследования в Цебельде. — Археологические открытия 1980 г. в Абхазии, Тбилиси, 1982, с. 81—86.

34. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Работы Цебельдинской экспедиции. — Полевые археологические исследования в 1981 году, Тбилиси, 1984, с. 74—77.
35. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К. Исследования Цибилиума и его окрестностей. — Полевые археологические исследования в 1982 году (краткие сообщения), Тбилиси, 1985, с. 65—67.
36. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К. Открываются тайны Цибилиума. — Советская Абхазия, 1980, 27 сентября, с. 3.
37. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К. Цебельда: вновь уникальные находки. — Советская Абхазия, 1982, 14 августа, с. 3.
38. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К. Цебельда: открытие за открытием. — Советская Абхазия, 1985, 18 октября, с. 3.
39. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К. Цебельда: открытия продолжаются. — Советская Абхазия, 1985, 31 января, с. 3.
40. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К. Цебельда: поиск продолжается. — Советская Абхазия, 1983, 25 октября, с. 3.
41. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К. Цибилиум: уникальные находки. — Советская Абхазия, 1981 г., 23 сентября, с. 3.
42. Воронов Ю. Н. Богатая сокровищница. — Дроша, 1982, 8 мая, с. 4.
43. Воронов Ю. Н. Введение в кн.: «Археологические исследования в Цебельде» (результаты раскопок 1977 г.). — Тбилиси, 1983, с. 3—5.
44. Воронов Ю. Н. Взаимосвязи горных и равнинных районов Абхазии в античности и раннем средневековье. — Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации), Тбилиси, 1984, с. 49—50.
45. Воронов Ю. Н. В крепости Цибилиум. — Советская Абхазия, 1970, 27 ноября, с. 4.
46. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. — М., 1978, с. 144—147.
47. Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в железном веке (вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э.—VIII в. н. э.). — Автореф. докт. дисс., М., 1984, с. 30—32.
48. Воронов Ю. Н. Главная крепость Апсилии, — Дроша, 1984, 28 февраля, с. 4.
49. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г. Итоги работ Цебельдинской археологической экспедиции. — Полевые археологические исследования в 1977 г., Тбилиси, 1980, с. 244—251.
50. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования в Цебельдинской долине. — Археологические открытия 1977 г., М., 1978, с. 478.

51. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Работы Цебельдинской экспедиции. — Археологические открытия 1978 г., М., 1979, с. 468.

52. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Раскопки в Цебельде. — Полевые археологические исследования в 1978. — Тбилиси, 1981, с. 175—183.
53. Воронов Ю. Н. Диоскуриада—Себастополис—Цхум. — М. 1980, с. 95.
54. Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. — Сухуми, 1977, с. 22—24.
55. Воронов Ю. Н. Западный Кавказ в эпоху Юстиниана (527—565 гг.). Конференция XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). — Майкоп, 1984, с. 23—25.
56. Воронов Ю. Н. Из истории византийско-аланских связей в VI—VII вв. — Конференция по археологии Северного Кавказа. XII «Крупновские чтения» (тезисы докладов), М., 1982, с. 61—62.
57. Воронов Ю. Н. Из истории западнокавказских перевальных путей. — Археология и краеведение — школе (тезисы докладов и сообщений второй региональной научно-практической конференции), Грозный, 1985, с. 53—54.
58. Воронов Ю. Н. Искусство апсилов: 1. Керамика. — Апсны аказара; № 4, 1985, с. 10—12; 2. Украшения. — Апсны аказара, № 5, 1985, с. 11—13; 3. Архитектура. — Апсны аказара, № 6, 1985, с. 12—14.
59. Воронов Ю. Н. Исследования Цибилиума. — Археологические открытия 1982 г., М., 1983, с. 423—24.
60. Воронов Ю. Н. Исследования Цибилиума. — Археологические открытия 1983 г., М., 1984,
61. Воронов Ю. Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии. — Вестник древней истории, № 3, М., 1968, с. 138—139.
62. Воронов Ю. Н. Краснолаковая посуда Апсилии (V—VI вв.). — Известия Абхазского института, в. XII, Тбилиси, 1983, с. 88—96.
63. Воронов Ю. Н. Краткий очерк археологии Клухорского перевального пути. — Алашара, № 1, 1969, с. 76—77.
64. Воронов Ю. Н. Материалы к туристскому освоению Военно-Сухумской дороги. — Вопросы развития туризма, Сухуми, 1973, с. 98—115.
65. Воронов Ю. Н. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н. э. — Краткие сообщения института археологии АН СССР, № 159, М., 1979, с. 44—52.
66. Воронов Ю. Н. Найден клад. — Советская Абхазия, 1977, 7 июля, с. 4.
67. Воронов Ю. Н. Находки археологов (АПН). — Черноморская здравница, 1981, 23 апреля, с. 3.
68. Воронов Ю. Н. Новая жизнь древней крепости. — Советская Абхазия, 1978, 24 мая, с. 4.

569

69. Воронов Ю. Н. Новое об архитектурных памятниках Цебельды. — Апсны аказара, № 2, 1979, с. 2—5.
70. Воронов Ю. Н. Новые открытия археологов. — Дроша, 1984, 13 сентября, с. 4.
71. Воронов Ю. Н. О дате оборонительной системы Апсилии (по материалам раскопок 1977—1982 гг. в Цебельде). — Известия Абхазского института, в. XIII. — Тбилиси, 1985, с. 86—93.

72. Воронов Ю. Н. О некоторых новых находках в окрестностях Цебельды. — Известия Абхазского института, в. X. — Тбилиси, 1981, с. 110—113.
73. Воронов Ю. Н. Открытия в Цебельде. — Советская Абхазия, 1978, 10 августа, с. 4.
74. Воронов Ю. Н. Охрана природного окружения памятников архитектуры. — Вопросы совершенствования природоохранной работы в Абхазской АССР (тезисы докладов), Сухуми, 1984, с. 34—35.
75. Воронов Ю. Н. Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги. — Тбилиси, 1984, с. 24.
76. Воронов Ю. Н. Раскопки башни № 3. — Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.), Тбилиси, 1983, с. 40—53.
77. Воронов Ю. Н. Раскопки в Цебельде. — Археологические открытия 1980 г., М., 1981, с. 398—399.
78. Воронов Ю. Н. Раскопки в Цебельде. — Археологические открытия 1979 г., М., 1980, с. 406.
79. Воронов Ю. Н. Раскопки Цибилиума. — Археологические открытия 1981 г., М., 1983, с. 407.
80. Воронов Ю. Н. Стекло из раскопок Цибилиума (1977—1980 гг.). — Известия Абхазского института в. XI. Тбилиси 1983, с. 118—124.
81. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. — М., 1975, с. 10—16, 19, 21, 32—35, 39, 40, 42—44, 48, 49, 52—133, 146—153.
82. Воронов Ю. Н. Уникальный памятник искусства. — Советская Абхазия, 1983, 5 марта, с. 4.
83. Воронов Ю. Н. Цебельда: уникальные находки. — Апсны капш, 1982, 1 декабря, с. 4.
84. Воронов Ю. Н. Цебельдинский стилос. Апсны аказара, № 6, 1980, с. 12.
85. Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв. — Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. Советско-венгерский сборник, М., 1982, с. 121—165.
86. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках Цебельдинской культуры (Абхазия). — Советская археология, № 1, М., 1979, с. 184—189.
87. Гзелишвили И. А. Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии. — Сообщения Академии наук ГССР, № 1—2. — Тбилиси, 1947, с. 99.

570

88. Гнедовский Б. В. Исторические памятники — наше общее богатство. — Советская Абхазия, 1978, 18 октября, с. 4.
89. Гунба М. М. Атарские гончарные печи. — Тбилиси, 1985, с. 48.
90. Гунба М. М. Очерки истории Абхазии. — Сухуми, 1982, с. 5.
91. Гунба М. М. Раскопки башни № 2 и помещения № 1. — Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.), Тбилиси, 1983, с. 27—39.
92. Гунба М. М. Цебельдинская крепость. — Апсны капш, 1977, 24 сентября, с. 4.
93. Джалагания И. Л., Бгажба О. Х., Воронов Ю. И. Клад подражаний арабским дирхемам из Цебельды. — Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.), Тбилиси, 1983, с. 10—26.
94. Джибути Т. Возрождение «Абхазской Трои» (ТАСС). — Московская правда, 1980, 14

мая, с. 3.

95. Джомиади К. Большой праздник в Цебельде. — Дроша, 1983, 21 июля, с. 2.
96. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase — Paris Neuchatel 1833 — 1843. Atlas, рi. XIV.
97. Евтушенко Е. А. С душою — о стране души. — Абхазия в русской литературе, Сухуми, 1983, с. 4—5.
98. Иващенко М. М. Великая абхазская стена. — Известия абхазского научного общества, в. IV, Сухум, 1926, с. 85.
99. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов — Сухуми, 1976, с. 226, 227, 230, 241, 246.
100. Каухчишвили С. Г. Сведения византийских писателей о Грузии (Георгика), т. II. — Тбилиси, 1965, с. 162—164, 211.
101. Кузнецов В. А. Новый вклад в археологию Абхазии. — Советская Абхазия, 1689, 21 июня, с. 3
102. Кварчия В. Е. Ойконимы Абхазии в письменных источниках. - Сухуми, 1985, с. 74—75.
103. Лакоба С. З. В стенах Цибилиума. - Советская Абхазия, 1979, с. 4.
104. Лакоба С. З. Поэт и археолог.— Ерцаху, Сухуми: 1981, с. 211.
105. Леквинадзе В. А. Материалы по монументальному строительству в Лазике. — Вестник государственного музея Грузии, XXII-В, Тбилиси, 1961, с. 137—139.
106. Летопись византийца Феофана (в переводе с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Тарнавского). - М., 1887, с. 288, 289, 301, 303.
107. Либсон В. Я. Горные очи Сванетии. — Моспроектовец, 1983, 8 апреля, с. 4.
108. Логинов В. А. Главная крепость Апсилии. — Комунистури шрома, 1980, 11 сентября с. 3.
109. Логинов В. А. К изучению апсильской керамики. - Алашара, № 1, 1981, с. 79—80.

571

110. Логинов В. А. К технологии изготовления древнеабхазской керамики. - Сообщения Академии наук ГССР, III, № 3, Тбилиси, 1983, с. 656—659.
111. Логинов В. А. Охране памятников - комплексный подход. - Дроша, 1981, 9 апреля, с. 4.
112. Логинов В. А. Раннеземледельческая символика Апсилии (по данным керамического производства). Сообщения Академии наук ГССР, 109, № 3, Тбилиси, 1983, с. 657—659.
113. Логинов В. А. Тайна Цебельдинской долины. — Комунистури шрома, 1980, 18 марта, с. 4.
114. Логинов В. А. Тайны древней крепости. — Советская Абхазия, 1984, 2 июня, с. 4.
115. Логинов В. А. Цебельдинские кувшины. - Апсны аказара, № 4, 1983/ с. 14—15.
116. Логинов В. А. Эволюция форм и орнаментальных мотивов керамики Юго-Западного Кавказа в позднеантичную и ранневизантийскую эпохи. - Материалы профессорско-преподавательской межинститутской сессии, посвященной 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне и 50-летию со дня основания Тбилисского педагогического института им. А.С. Пушкина, № 51, Тбилиси, 1985, с. 51—52.
117. Логинов В. А. Этнографический аспект изучения керамики Абхазии II—VII вв. н. э. —

- Известия Абхазского института, в. XIII, Тбилиси, 1985, с. 57—65.
118. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. — Тбилиси, 1959, с. 65, 90, 92.
119. Миллер А. А. Археологический и этнографический очерк Черноморского побережья. — Живая старина, т. I, СПб, 1908, с. 2.
120. Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году. - Известия Археологической Комиссии, т. 33, СПб., 1909, с. 77—81.
121. Мрамба Ц. Работают реставраторы. — Советская Абхазия, 1983, 22 июня, с. 4.
122. Орелкина М. В. Раскопки Цибилиума. — Дроша, 1977, 3 сентября, с. 3.
123. Пачулиа В. П. Абхазия. Историко-культурный очерк. — Сухуми, 1976, с. 119.
124. Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. — М., 1968, с. 123.
125. Пачулиа В. П. По историческим местам Абхазии. - Сухуми, 1958, с. 146—147.
126. Прокопий из Кесарии. Война с готами. — М., 1950, с. 403, 432.
127. Saltykov A. A. La vision de saint Eustache sur la stèle de Tsebelda. — Cahiers archeologiques, 33, Picard, 1985, p. 5—15.
128. Серебряков Л. М. Дорога из Сухуми к Кубани через Главный Кавказский хребет. - Морской сборник, т. 6, СПб., 1865, с. 96.

572

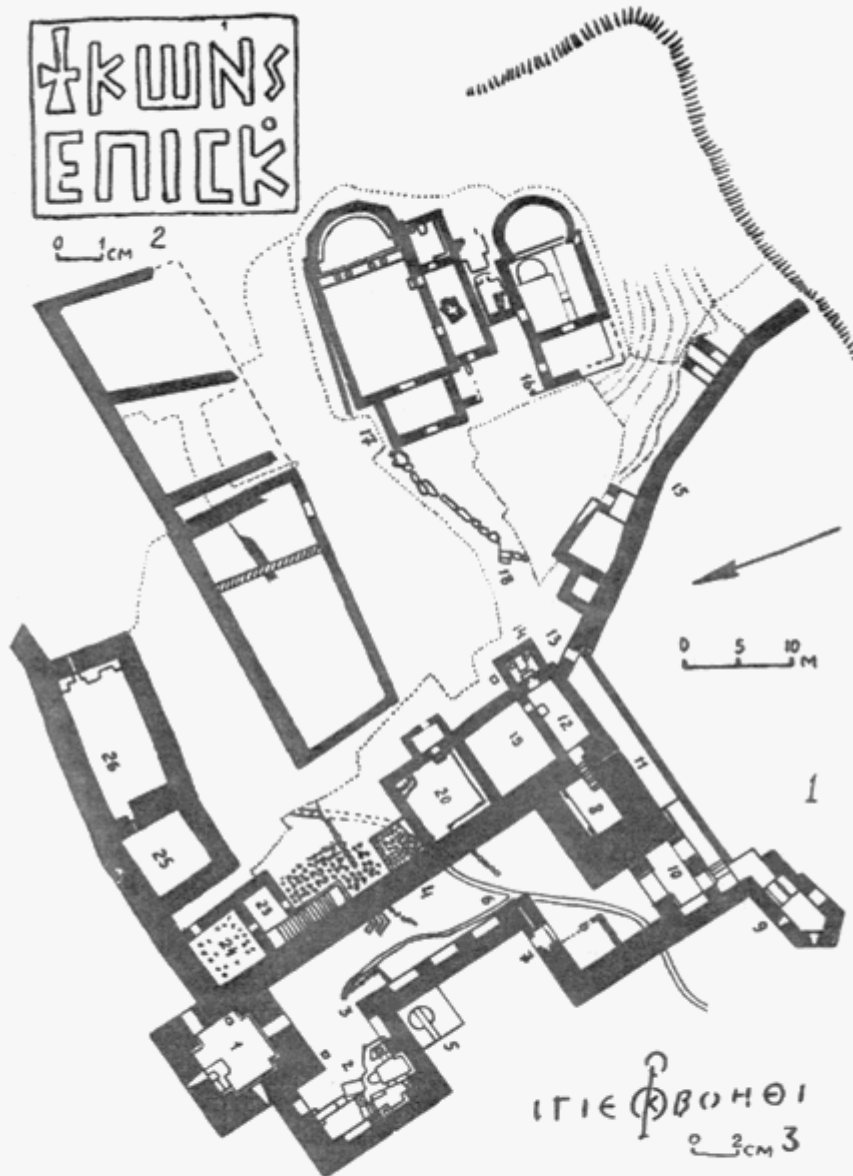
129. Синельников М. Цебельда. — Литературная Грузия, № 9, 1985, с. 106.
130. Соловьев Л. Н. Цебельда. — Советская Абхазия, 1936, 12 июля, с. 4.
131. Стражев В. И. В поисках старины. - Советская Абхазия, 1927, 6 августа, с. 2—3.
132. Тванба С., Мрамба Ю. Высокая ответственность таланта. Евгению Евтушенко — 50 лет. — Советская Абхазия, 1983, 22 июля, с. 3.
133. Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей. Труды в 4-х томах, т. III. — Тбилиси, 1971, с. 12—13.
134. Троицкая Н. Тайны крепости. — Советская культура, 1983, 22 февраля, с. 4.
135. Тужба Б. М. У подножья Багады. Историческая повесть. — Сухуми, 1985, с. 162.
136. Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия). Византийский временник, т. 45. — М., 1984, с. 192—200.
137. Khroushkova L. Les baptisteres paleochretiens du littoral oriental de la Mer Noire. Сборник радова Византолошког института, Белград, 1981, кн. XX, р. 15—24.
138. Хрушкова Л. Г. Новые материалы эпохи средневековья из Цебельды (раскопки 1970 г.). — Известия Абхазского института, в. XIII, Тбилиси, 1985, с. 94—103.
139. Хрушкова Л. Г. О религиозных верованиях апсиллов. — Известия Абхазского института, в. XII. — Тбилиси, 1983, с. 77—85.
140. Хрушкова Л. Г. Раскопки двух церквей в 1977 г. — Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.). — Тбилиси 1983, с. 61—74.
141. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. - Тбилиси, 1980, с. 18, 36, 37.
142. Хрушкова Л. Г. Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977—1979 гг.). — Византийский временник, вып. 43, М., 1982, с. 147—177.
143. Хрушкова Л. Г. Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. - Сухуми, 1985, с. 71—73 и др.

144. Церетели Л. Д., Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Возрастает интерес к памятникам Цебельды. - Советская Абхазия, 1984, с. 3.
145. Церетели Л. Д., Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Музей под открытым небом. — Дроша, 1984, 9 августа, с. 4.
146. Чачхалия Д. К. Два неба. — Сухуми, 1982, с. 4—8.
147. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980, с. 67, 139.
148. Шамба Г. К. Ахаччарху - древний могильник нагорной Абхазии. — Сухуми, 1970, с. 80.
149. Шамба Г. К. Очерки по археологии Абхазии. — Сухуми, 1981, с. 23, 107.
150. Шамба С. М. О чем говорят монеты. — Сухуми, 1982, с. 13, 34—40.

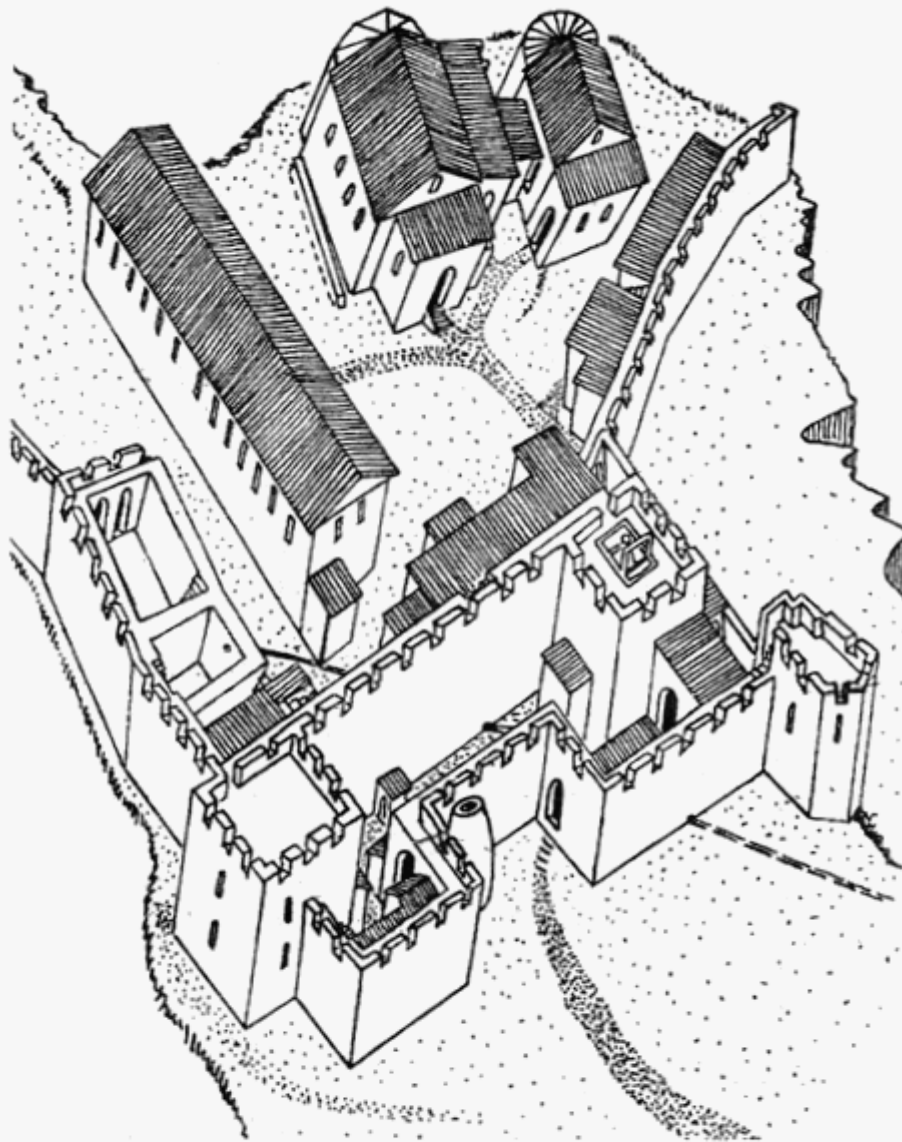
573

Иллюстрации

574

Цибелиум. План раскопаной части (1), клеймо епископа Константина (2), греческая надпись на кирпиче(3).

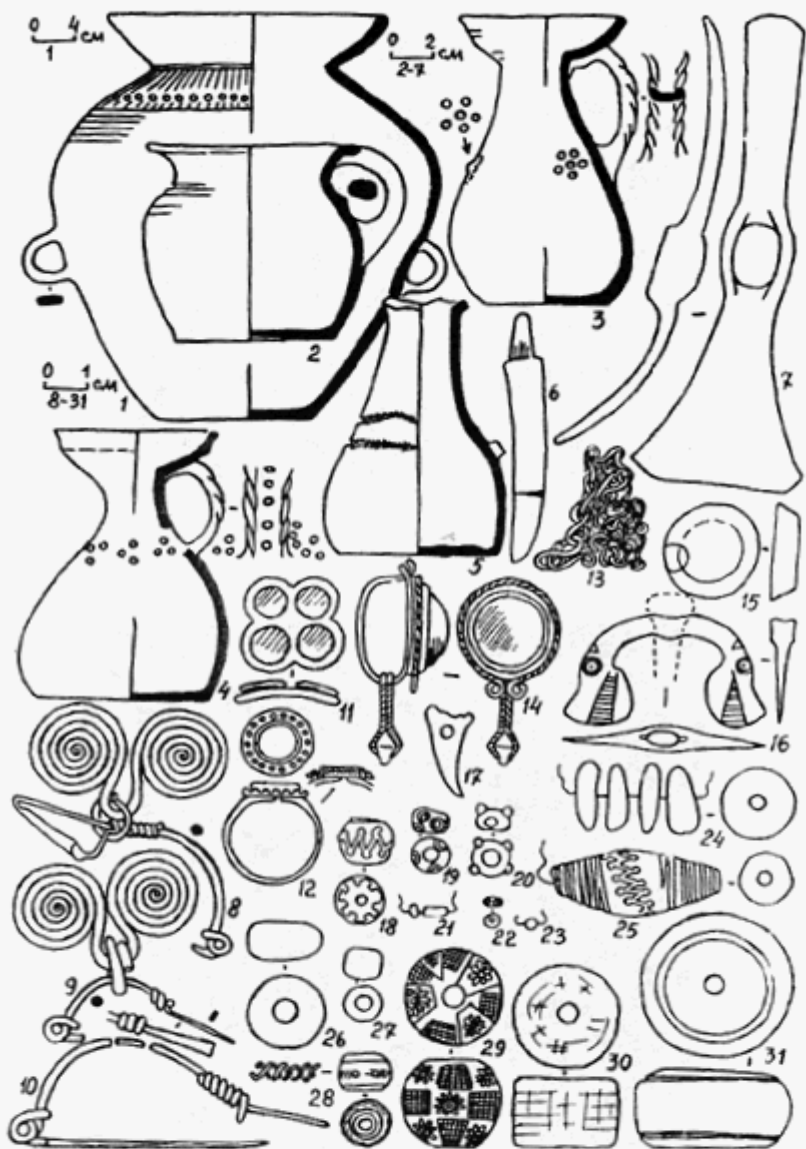
Цибилум. Вариант реконструкции западной части

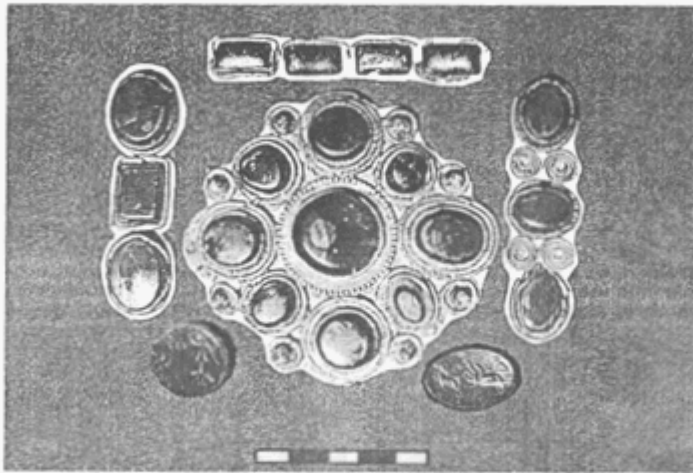
Керамика апсилов

Женское лицо на бусине

Вещи из погребений апсиллов

Апсидийские брошки

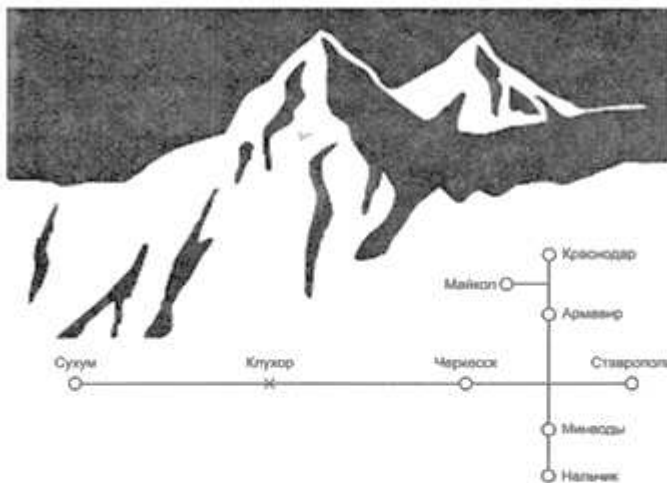
Цибелиум. Башня № 3

Драма Военно-Сухумской дороги

Книга "Драма Военно-Сухумской дороги" впервые была опубликована в 1994 году ассоциацией "Интеллигенция Абхазии", Сухум.

Драма Военно-Сухумской дороги

Пролог

Проход через Апсилию, Даринский путь, Клухорская тропа, Военно-Сухумская дорога... Замечательна история этой важнейшей на Западном Кавказе перевальной дороги, издавна связывавшей Черноморское побережье с Северным Кавказом. Регулярные передвижения людей по ней начались еще в каменном веке. В эпоху бронзы по обе стороны перевала складывалась однородная материальная культура, связываемая с далекими предками абхазо-адыгов. В раннем железном веке, в период скифских походов эта однородность продолжала сохраняться благодаря перевалу. Уже в VI—IV веках до н.э. через Клухорский и соседние перевалы устремились древнегреческие купцы. В Домбае и верховьях Лабы обнаружены бронзовые аттические шлемы и другие изделия, попавшие туда через горы из приморской Диоскуриады (совр. Сухум). В римскую эпоху, когда вдоль этого пути расположились наиболее цветущие поселения древнеабхазского племени апсиллов, значение Клухорского перевала усилилось. С одной стороны выгоды торговли, с другой — нараставшее проникновение воинственных алан и других северокавказцев. Присутствие предков осетин-алан, их могилы и посуда обнаружены археологами в Цебельде. В VI веке, когда здесь пролегло ответвление Великого шелкового пути, соединявшего Византию и Китай, дорога через Клухор называлась Даринской (от алано-иранского «Дар» — «ворота», «проход»). В эпоху Абхазского царства через этот перевал распространялось христианство, о чем свидетельствуют расположенные вдоль пути Драндский храм, цебельдинские церкви, храмы Шоана и Сенты. Снова Клухорская тропа играла важную роль в местной экономике и культуре в XIV—XVI веках, когда по ней направлялись на Северный Кавказ и в Поволжье итальянские купцы, доставлявшие товары из приморской генуэзской колонии Себастополь (совр. Сухум) в Золотую Орду. По этому пути в XIV—XVIII веках переселялась в верховья Кубани основная часть предков ныне обитающих там абазин. Интересная закономерность отмечена археологами: как только через перевал устремлялись в большом количестве добрые товары, люди и идеи, жизнь по обе его стороны расцветала, число жителей резко возрастало. И наоборот, как только транзит прерывался, население нища-

ло и столь же резко сокращалось. Роль Даринского пути на Западном Кавказе может быть приравнена к значению Дарьяльского (перевод с алано-иранского «проход аланов») и Дербентского (перевод с ирано-персидского «железные ворота») проходов в центральной и восточной части Большого Кавказа. В XIX—XX веках роль дороги через Клухорский перевал постепенно снижалась по мере развития морского каботажного судоходства, строительства приморских шоссе и железных дорог, вызвавших нарушение необходимого для нормальной человеческой жизнедеятельности в этом регионе баланса между вертикальными и горизонтальными направлениями связей. Это нарушение регулярно вызывало у местного населения по обе стороны перевала боль и потребность утолить эту боль возвращением дороге через

Клухор ее традиционной функции транзита. Как это происходило, рассказывается ниже.

584

Драма дороги

Первое документальное свидетельство о постановке вопроса строительства колесной дороги через Клухорский перевал для связи Сухума с Северным Кавказом относится к 1822 году. «Мысль о проведении дороги из Сухума через главный хребет, — писала газета «Кавказ» (№ 80 за 1866 г.), — существовала еще в то время, когда владельцем Абхазии был Дмитрий, готовый... всеми средствами споспешествовать русским в этом важном предприятии, возбуждавшем фанатизм многих в Абхазии».

В 1833 году Абхазию посетил известный швейцарский исследователь Ф.Дюбуа-де-Монпере, который в своем дневнике отметил необходимость скорейшего строительства дороги через Клухорский перевал, сравнив Цебельду в ее будущей роли соединительного звена между Северным Кавказом и Причерноморьем с Симплоном-тоннелем, соединяющим Францию с Италией.

В апреле — мае 1837 года саперы, входившие в состав отряда барона Розена, проложили колесную дорогу от Сухума до Цебельды — через гору Апианча. После присоединения Цебельды к Российской империи (18 мая 1837 года) встала задача практического решения вопроса о проведении перевальной дороги. С этой целью через Главный Кавказский хребет по инициативе генералов Раевского и Анрепа летом 1842 года был командирован штабс-капитан Ф. Я. Лисовский, за четыре года своей работы приставом Цебельды основательно изучивший регион и, исходя из личной практики, обратившийся в высшие инстанции с соответствующим проектом. В Краснодарском архиве хранится дело «О предположении открыть путь сообщения через Кавказский хребет из Цебельды в Карачай и Теберду и соединить таким образом Сухум с Пятигорском и Ставрополем», составленное из множества документов, отражающих подвижнический труд Лисовского, лично исследовавшего Санчарско-Лабинский и Клухорско-Нахарский перевальные узлы и подходы к ним с юга и севера. Сравнительная характеристика данных топосъемки, отзывов проводников-абхазцев, черкесов, карачаевцев и кабардинцев, климатических и иных природных условий заставила Лисовского остановиться на варианте «Цебельда-Дал-Карачай» как наиболее экономичном и целесообразном. Отметив, что

585

путь Сухум-Цебельда-Хумара составляет 181 версту, а путь Бамбора-Псху-Ахметгорск — 186 верст, Лисовский заключил: «Первый из этих путей служит ныне вьючным и то довольно неудобным сообщением для горцев; а второй не только не представляет такого сообщения, но во многих местах почти непроходим и для сильных горцев, даже пеших». Большую заинтересованность в исследованиях Лисовского и в оказании ему помощи проявили тогда военный министр России Чернышев, владетельный князь Абхазии Михаил Шервашидзе, генералы Безобразов, Павлов, Нейгарт, Муравьев, полковник Филипсон, князь Кизилбек Маршан. Отчитываясь о проделанной в 1846—1848 годах работе, кавказский наместник генерал

С.Воронцов в соответствующей докладной записке отмечал: «Как известно, в прошлом существовала дорога из Абхазии через Цебельду, Дальское ущелье, а после по подножию Эльбруса через перевалы она входила в Кабардинию по Лабской линии... Мне кажется только то, что пока надо усовершенствовать гужевое сообщение, которое будет полезным с точки зрения торговли и станет возможной перевозка войск с горной артиллерией».

В 1849 году была организована военная экспедиция под руководством князя Эристового с целью изучения возможности «проложения колесной дороги вверх по Кубани, через перевал на Нахарском гребне, в Цебельду, а оттуда опять вниз в Сухум-кале» (Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества, т. 10, вып.7, 1876). Вот что по этому поводу писал князь: «Генерал Раевский первый возбудил этот вопрос... Покойному князю Мих. Семен. Воронцову угодно было мне поручить осмотреть все пути, ведущие из Кубанской области к Сухуму. В 1849 г. в середине августа я через перевал Нахарский спустился близ истоков Клыча. Здесь переночевав, я на другой день поднялся на перевал Клухорский, который нашел весьма удобным и легким для разработки. В 1850 г. я осмотрел Марухское ущелье до самого перевала, и никакого признака жилья не нашел. Между тем по Кодорскому и Тебердинскому ущельям нашел везде признаки жизни... Надо думать, что население Кодора и Теберды не могло бы существовать без сообщения... В мае 1850 г. я с отрядом из 6-ти слабых рот, 10 сотен казаков и 6 орудий выступил из Кисловодска и, прибыв в Теберду, тотчас приступил к разработке колесного сообщения до уроч. Агур. Имея в виду, как важно открыть сообщение Сухума с Кубанской областью, по назначении меня в 1858 г. Кутаисским генерал-губернатором, я прибыл в Сухум с целью на месте разоренного Мрамбинского укрепления устроить новое»... (газ. «Кавказ», № 217 за 1879 г.).

В августе 1851 года была организована экспедиция под руководством адмирала М. Л. Серебрякова. В задачу экспедиции входил «обзор местности с целью проложить вьючную тропу через Цебельду и Главный хребет». Проводником в этом путешествии был дальский князь Баталбей Маршан, который провел экспедицию по маршруту Сухум-Цебельда-Дал-Адзгара-Марух-Нико-

586

лаевский пост на реке Кубань (газ. «Кавказ», №№ 39—43 за 1852 г.). Результаты экспедиции Серебрякова, несмотря на пережитые ею трудности, отвлекли внимание от других вариантов транскавказской дороги, создав у администраторов, журналистов и читателей впечатление, что «для сообщения с северным склоном» в Абхазии якобы существует лишь одна известная труднопроходимая и весьма затруднительная для разработки тропинка через Марухский перевал в Карачай». Как отмечала газета «Кавказ» (12 за 1865 г.), «в 1863 году, по поводу различных газетных слухов была предпринята рекогносцировка через Марухский перевал и войска наши, действительно, летом по скользкому льду совершили этот переход, но он оказался невозможным для прохода лошадей по причине трещин в ледниках, крутых подъемов и пр. Поэтому Марухский перевал, вероятно, будет оставлен». Внимание к Клухорско-Нахарскому перевальному узлу вновь было привлечено после путешествия известного кавказоведа Г.И.Радде, которого в июле 1865 года князь Ростом Маршан провел по маршруту Сухум-Цебельда-

Дал-Клыч-Нахар-Карачай (газ. «Кавказ», № 45 за 1866 г.).

В 1867 году во главе Сухумского отдела встал генерал В. А. Гейман, уделивший много внимания дорожному строительству в крае, в том числе и в направлении Северного Кавказа. В 1868 году силами двух рот 17-го Кавказского линейного батальона была построена дорога в Лату в обход Багадских скал через перевал Джегергял. Первыми шли снайперы, за ними шествовал генерал и тыкал палкой в те места, где следовало бить шурфы и закладывать порох, затем шли саперы и звучали взрывы. Солдаты убирали и ровняли полотно. Шествие замыкал запряженный двумя лошадьми орудийный лафет, колеса которого подтверждали, что необходимая ширина дороги выдерживается четко. В период правления Геймана были выполнены и скальные работы на протяжении 6 километров в Пацхирском ущелье. Дорога через Апианчу оказалась заброшенной. В 1868 году, параллельно с проектами колесной дороги, призванной соединить Сухум с Северным Кавказом, родился и проект проведения здесь Транскавказской железной дороги. Его авторами были видный кавказский администратор и исследователь Ю. П. Проценко, инженер Н. В. Иогель и граф П. И. Кутайсов. Против этого проекта выступил тифлисский деятель М. Н. Герсеванов, который заявил: «Что же касается до проекта г.Проценко проведения железной дороги от Царицина через Ставрополь к Сухуму, то он не выдерживает критики потому. .. что ныне проводится колесная дорога от Сухума в Кубанскую область инженером Прокофьевым из долины реки Гумисты в долину реки Бзыбь и далее через ущелье Мзымты в ущелье Малой Лабы» («Кавказ» № 22 за 1869 г.). Будучи включенным в состав Сухумской администрации в 1871 году, Проценко попытался реализовать свою идею по соединению Сухума с Невинномысском железной или, в крайнем случае, гужевой дорогой. Докладная записка соответствующего содержания была при поддержке генерала Кравченко представлена в Кавказское

587

горское управление и будущая «дорога из Сухума в Кубанскую область» с согласия «Августейшего Главнокомандующего на Кавказе «была включена» в число дорог государственных, подлежащих немедленному сооружению на государственные средства» (газ. «Кавказ», № 128 за 1895 г.). Специально созданная комиссия, состоявшая из тифлиских чиновников, прибыла в Сухум, на первых порах вскружив головы местным обывателям, которые стали вспоминать о роли Клухорской дороги в процветании Диоскуриады, Себастополиса, Апсолии, Анакопии, великого Питиунта и даже Бедии «с портом в Илорах». На рассмотрение комиссии, однако, были представлены три проекта — первый (трехперевальный, поддерживавшийся некоторыми тифлискими специалистами и старшиной Мироновым) должен был соединить Кутаис с Екатеринодаром, второй (двухперевальный, нанесенный второпях «красным карандашом» самым, по отзывам современников, глупым и нерешительным генералом Кравченко, незадолго перед этим распределившим и себе в Цебельде садовый участок в 30 десятин), ставил целью соединить Сухум с Кабардой через ущелье Амткела и Марухский перевал, и третий, подсунутый кем-то из членов комиссии, предусматривал строительство железной дороги со стороны Ново-Сенак. «Последнее, — отмечала газета «Кавказ» (№ 128 за 1895 год) позднее, — генерала устроило и он не стал настаивать на поиске оптимального пути на Северный Кавказ... и обрек Сухумский край

на гибель в 1877 году». Проект Проценко попал под сукно, а средства, ежегодно отпускавшиеся на строительство шоссе Сухум — Зугдиди, были переброшены на строительство дорог в окрестностях Кутаиса и Ахалциха. Сухумским же интеллектуалам оставалось главным виновником катастроф и бездорожья в Абхазии считать «полную канцелярскую безгласность» да констатировать, что спускаются в Кубанскую область через перевалы Марухский, Нахарский и Клухорский три тропы; через последний из них всадники приезжают в Кисловодск на третий день» (газ. «Кавказ», № 149 за 1873 г.). Не нашли отклика в сердцах администраторов ни положительные результаты обследования (совместно с Мироновым) Клухорского перевала князем Бебутовым в 1871 году (газ. «Кавказ», № 181 за 1881 г.), ни совершенно определенные указания Е. Прудкова, опубликованные им также в газете «Кавказ» (№№ 149 и 150 за 1873 г.): «Дорога в Цебельду имеет все преимущества самой крепкой связи, при помощи которой власть в крае становится безусловно прочной... Эта огромная котловина, закрытая со всех сторон почти недоступными горами, подобно грозной твердыне командует Абхазией... Направление через один из Цебельдинских перевалов, в верховьях Кубани, к Пятигорску и Ставрополю, на соединение с Кавказской железной дорогой, обещает неисчислимые выгоды, придвигая к морю богатые во всех отношениях долины Кумы и Кубани. Крайне желательно теперь же разработать один из перевалов». Генерал Кравченко навсегда вошел позорным пятном в историю Абхазии. И современники вполне заслуженно в основе этого позора видели предше-

588

ствующий отказ от строительства нормальной дороги через Клухор на Северный Кавказ. Будь эта дорога достроена к 1877 году, не было бы бегства Кравченко со своим отрядом из Абхазии, не был бы razорен Сухум, не пережили бы тогда абхазы еще одну страшную волну махаджирства. Поэтому последующие 15 лет тема дороги через Клухор остро обсуждалась в прессе и среди наиболее разумных и доброжелательных жителей Абхазии и окрестных регионов.

Поисковые работы на Кодорско-Тебердинской трассе возобновились в 1879 году, когда во главе Сухумского отдела встал полковник Аракин. Первым из северокавказцев, поднявших тогда этот вопрос, был Ф. Кузовлев, в своей статье «К вопросу о проложении дороги через Кавказский хребет для соединения Кубанской области с Черноморским побережьем» (газ. «Кубанские ведомости», №№ 35 и 36 за 1879 г.) предложивший провести эту дорогу через «перевал Домбай-Ульген» по долине реки Птыш. Оценив стоимость строительства в 70-80 тысяч рублей, Кузовлев завершил свою статью призывом: «Дайте эти деньги населению и дорога на перевал будет окончена в один год!». Тогда же и в Тифлисе была создана комиссия во главе с тем же Герсевановым по рассмотрению вопросов колонизации Черноморского округа, в том числе и Абхазии. Полковник Фрайер и Ю. Проценко представили в эту комиссию записку «Определение сети главнейших дорог в Черноморском округе и Сухумском отделе», в которой было предложено сосредоточить усилия на дороге из Кодорского ущелья на Теберду. По поручению Аракина в августе 1879 года А. Бернацкий составил профиль местности от Сухума до перевала Домбай-Ульген. В путешествии приняли участие сам Аракин и дорожный инженер Оловянников. В июле 1880 года по поручению начальника

управления путей сообщения на Кавказе Палибина исследования в регионе проводил инженер Даль, опубликовавший позднее обстоятельный отчет «О перевалах Кавказского хребта в Кубанскую область Домбай-Ульген, Нахар и Клухор» (газ. «Кавказ», №№ 148, 167, 168, 170, 172, 174 и 177 за 1881 год). Лично, с помощью абхазских проводников обследовав все три перевала, Даль с полным основанием заключал: «Клухор представляет больше удобства для развития по его склонам дороги, а потому я и остановился на нем... В предположении проложить шоссе через Клухор мной и составлен проект Сухумо-Кубанской дороги... Все шансы на развитие шоссейной дороги в пользу Дальского ущелья и перевала Клухор... Стоимость всей дороги со всеми на ней сооружениями с южной стороны и до верха перевала исчислена в сумму (вместе со стоимостью пороха) около 2,5 миллионов».

Проект инженера Даля привлек внимание начальника Военно-народного управления на Кавказе А. В. Комарова, предпринявшего собственное восхождение на Клухорский перевал в июле 1881 года. В корреспонденциях газеты «Кавказ» (№№ 181 и 187) тогда сообщалось: «Как слышно, выбор ген. Комарова должен пасть на наиболее доступный в настоящее время перевал Клухор, пользуя-

589

щийся всеобщей известностью и служащий для прогона скота в летние месяцы... Личное участие в этом деле ген. Комарова, стоившее ему много труда, навсегда связывает его имя с успехом этого предприятия и несомненно будет оценено местным населением... Поездка привела А. В. Комарова к убеждению, во-первых, в необходимости скорейшего соединения Сухума с Кубанской областью и устройства на всем этом безлюдном пути станций для путешественников, во-вторых, к тому, что это соединение должно быть произведено по Дальскому ущелью и затем через перевал Клухор... Десятки лет прошли в метаниях с одного перевала на другой... Потрачено много труда и денег, а дороги все нет». В начале 1882 года к торможению строительства дороги были подключены петербургские бюрократы. «Мы слышали, — говорилось в газете «Кавказ» (№ 137 за 1882 г.), — что сумма, которую испрашивало кавказское начальство на проложение Сухумско-Кубанской шоссейной дороги через Клухорский перевал, в С.-Петербурге, в комиссии, занимающейся сокращением государственных расходов, исключена из сметных ассигновок... Ю. Проценко, не найдя поддержки своим идеям на Кавказе, по приглашению министра путей сообщения России генерала Анненкова направился в Ашхабад, где принял участие в строительстве Закаспийской железной дороги» (газ. «Кавказ», № 168 за 1885 г.).

Между тем инженер Даль упорно работал над осуществлением своего проекта. Покровительствовал ему князь Дондуков-Корсаков. В газете «Кавказ» (№ 269 за 1885 г.) о поездке князя в Цебельду рассказывается следующее: князь-главнокомандующий «2 сентября выехал из Сухума для осмотра работ по вновь строящейся дороге через Клухорский перевал на соединение Сухума с Баталпашинском по р. Теберде. Эта новая дорога, обращающая на себя особую заботливость князя, имеет не только важное торговое значение, как путь доставления произведений Кубани к Черноморскому побережью, минуя дальний путь на Владикавказ, Тифлис и Кутаис. Если только не будет отказа в тех скромных средствах, которые ныне отпускаются на устройство этого

важного сообщения сметными остатками, то можно надеяться, что в 1887 году частью каменная дорога и в некоторых лишь местах вьючная тропа — будет открыта для беспрепятственного движения как торгового, так и военного. Из осмотра по направлению к подошве Клухора 30 верст, разработанных для колесного сообщения, его сиятельство мог убедиться в отличном исполнении его предначертаний инженерами ведомств путей сообщения, за что он особенно благодарил инженера Даля»... Среди безусловных достижений последнего — сооружение горизонтальной двухкилометровой полки на Багадских скалах и проведение дороги по скалам от ущелья Гвандры до Клухорского перевала. Осенью 1887 года князь вновь посетил Цебельду. Дорога тогда еще шла здесь по южному краю долины через Мрамбу и усадьбу Вороновых «Ясочка», где часто останавливался Даль. Хозяйка усадьбы А. К. Прогульбицкая-Воронова оставила о том моменте следующую запись: «Дондуков с несколькими генералами был в

590

Сухуме и думал проехать на перевал в Карачай; в числе сопровождавших его был и Вейденбаум; все проезжали мимо нас. Вейденбаум подъехал верхом к дверям... Только с лошади и едва слышно произнес «до свидания...»

Однако уже в начале 90-х годов дорога эта особенно в районе перевала была фактически заброшена. К. Д. Мачавариани по этому поводу писал в газете «Кавказ» (№273 за 1891 г.) следующее: «Когда будет устроена дорога через Цебельду на Клухорский перевал, а оттуда в Кубанскую область, тогда, быть может, люди науки будут приезжать для осмотра этого богатого, но заброшенного уголка. Вся надежда на скорое проведение этой дороги». В 1894 году Г. А. Рыбинский опубликовал статью «Путевые очерки Клухорского перевала Главного Кавказского хребта. Положение разрабатываемой Тебердинско-Кодорской тропы, признанной имеющей первостепенную государственную важность» (газ. «Кавказ», № 12 за 1894 г.). Даля уже не было в живых и заново к перевалу отстраивал дорогу инженер Дикманю. В ущелье Клыча Рыбинский воскликнул: «Вот она где находится — Сухумская Швейцария, вот наши Альпы!» Далее (газ. «Кавказ», № 16 за 1894 г.) Рыбинский писал: «На постройку Тебердинско-Кодорской тропы затрачено небольшими суммами в продолжении целого десятилетия всего только полмиллиона рублей, на 70 верстах она вырублена в скалах. Со стороны Сухумского округа тропа доведена инженером Далем (умер два года назад) вплоть до вершины перевала... Со стороны Северного Кавказа дорогу строил инженер Суходольский. Тропа не соединена на одну версту... Если бы была дорога в 6 месяцев, то мясо в Абхазии, Мингрелии и Имеретии стоило бы не 10 копеек за фунт, а в 2 раза дешевле — 5 копеек за фунт... Из всего сказанного выходит, что миллионное население Западного Закавказья приплачивает 5 копеек за каждый фунт мяса из-за отсутствия дорог через перевал... А теперь лишь громадный подъем по бесконечным зигзагам тропы инженера Даля по правому склону Клыча. Места сухой кладки во многих местах осели и обрушились, оставляя для проезда над ужасающими отвесными кручами тропу шириной не более одного аршина; лошадь и всадник в таких случаях прижимаются к скале, трясясь всеми фибрами боязливого сердца... Шоссе через Клухорский перевал было излюбленным проектом бывшего начальника Кавказского края Дондукова-Корсакова. Он прекрасно понимал все выгоды этой дороги... Об этом много писал и более обстоятельно, чем я,

известный для Абхазии радетель ее интересов Ю. П. Проценко... У перевала мы застали комиссию из трех инженеров и чиновника контрольной палаты, производивших оценку полуразрушенных снежными завалами работ покойного инженера Даля... На перевале многие из нас не удержались, чтоб не написать красной краской на одной из глыб своих инициалов. На камне много таких надписей; лет 10 тому назад, сидя на нем, выпил бокал шампанского генерал Комаров, бывший начальник горского управления на Кавказе. Он принадлежал к сторонникам проведения через Клухор перевального шоссе и осматривал путь по поручению князя Дондукова-Корса-

591

кова». Не менее обстоятельное описание Клухорской дороги и ее достопримечательностей оставил будущий начальник Сухумского военного округа, полковник В. К. Прогульбицкий в своей статье «Поездка в Цебельду» (газ. «Кавказ», №№99, 100, 111, 125, 126, 132—135 за 1892 г.). В 1890 году на Кавказ вернулся Проценко, который сразу же устремился к Клухорскому перевалу. На основе своих наблюдений он в следующем году представил записку в Кавказский отдел императорского русского технического общества о необходимости изысканий и строительства железной дороги по маршруту Сухум-Атара-Багада-Дал-Чхалта-Хутыя-Аманаус-Теберда. Председатель отстаивал вариант транскавказской железной дороги на Гори. Тогда Проценко размножил свою записку и разослал друзьям. В результате сначала крупное рудное верхнекубанское общество «Эльбрус» потребовало выхода к морю, а затем Общество Владикавказской железной дороги поручило инженеру Тиханову провести необходимые изыскания в районе Клухорского перевала. В конце 1894 года Н. А. Тиханов побывал в Сухуме и совершил поездку «по рекам Кодору, Клычу и Клухорскому перевалу»...

«У сухумцев кислое настроение, — сообщал «Кавказ», — и вдруг весть о приезде Тиханова — и тут же бокалы взвились в воздух... за создание из Сухума жемчужины... Энтузиазм, искренняя радость охватили, точно вихрь, сухумцев... Тиханов, пока сухумцы справляли святки, успел совершить поездку по р. Кодору и Клычу, достиг Клухорского перевала, откуда начнется постройка тоннеля, кроме измерений сделал много фотографических снимков... Тиханов ответил, что им не замечено особенных препятствий для осуществления этой идеи... Новороссийск переполнен грузами хлеба Кубанской области, ветер, бора и т.д... Необходимость искать другой порт на Черном море очевидна для всех и примирит с мыслью устройства перевальной железной дороги на Сухум и устройства в нем порта даже самых заклятых врагов» (газ. «Кавказ», № 22 за 1895 г.). О значении Сухума для переброски в Средиземноморье «части сибирских грузов» писала тогда же газета «Пермские ведомости» (№ 66 за 1895 г.).

Особую роль сыграла опубликованная в 1895 году брошюра инженера Н. Андриевского «Сухум-Кале, его данные и возможная будущность; основания для осуществления к нему железных дорог через Главный Кавказский хребет и от Закавказской их сети» (Санкт-Петербург, 1895). Приведу несколько наиболее важных высказываний специалиста: «Вопрос о наилучшем соединении Закавказья с остальной Россией... может быть наивыгоднейшим путем разрешен проведением к Сухуму железных дорог через Главный Кавказский хребет по долинам рек Кубани, Теберды, Чхалты и Кодора, представляющих наиболее легкий проход через этот хребет» (с. 36—37). «Железнодорожная линия по

долинам Кубани, Теберды, Чхалты и Кодора, с ее разветвлениями на Сухум и к станции Ново-Сенаки Закавказской железной дороги, представила бы настоящий Великий Кавказский путь, как прорезывающая плодородную Кубанскую область и богатейшие, но совершенно изолированные ныне Абха-

592

зию, Цебельду и Самурзакань... и при всем том весьма легко могла бы быть продолжена до Царицина, где оканчивается общая сеть русских железных дорог, и тем самым войти в состав чрезвычайно важного общегосударственного пути, который кратчайшим образом соединил бы реку Волгу с наиболее важным для России Черным морем» (с. 46). «При взгляде на рельеф гор Главного Кавказского хребта нельзя не заметить, что та его часть, по которой на северном его склоне протекает Кубань и Теберда с ее притоком Хутый, а на южном — Кодор и Чхалта с ее притоком Чхалта-Дзихь, представляет собой несравненно более удобную местность для проложения ширококолейной железной дороги значительного движения, нежели центральная его часть, в которой даже и при наивыгоднейшем Тарском направлении потребовалось бы развитие линии по весьма тесным извилистым ущельям речек 4-го порядка, тогда как долины речек Хутый и Чхалта-Дзихь всего лишь 3-го порядка, а при том Хутый и Чхалта-Дзихь, как и речка Чхалта, она же и Адзгара, имеют очень косое направление к Главному Кавказскому хребту, допускающее более пологий по ним подъем, что при надежности еще грунтов, сравнительной прямизне ущелий речек, пологости их берегов и малой их изрезанное™ второстепенными оврагами, является весьма важным обстоятельством для перехода здесь Главного Кавказского хребта железною дорогою или из ущелья Чхалта-Дзихь в долину р.Хутый или же прямо в последнюю из долины р. Адзгара, имеющей общий уклон всего лишь 0,018... и весьма удобный для развития линии по косогору левого ее берега. При подходах этой железной дороги к тоннелю под Главным Кавказским хребтом, по левым берегам долин речек Чхалты-Дзихь и Хутый, перевальная часть железнодорожной линии была бы совершенно обеспечена как от снежных завалов, каменных обвалов, так и от земляных и каменных наносов, а вследствие небольшой здесь ширины Главного Кавказского хребта и стенообразности подводящих к нему верховьев ущелий Чхалта-Дзихь и Хутый, самый тоннель, по всей вероятности вышел бы не свыше 8 верст и при том с весьма удобными к нему подходами, не требующими дорогостоящих крытых галерей» (с. 49, 50).

Брошюра Андриевского способствовала расширению изыскательских работ. Появился близкий по духу проект инженеров Иогеля и Палибина, предлагавших маршрут: Царицин-Дивное-Ставрополь-Невинномысск-Сухум (газ. «Кавказ», № 77 за 1895 г.). И тут же снова возросло сопротивление: с критикой проекта Андриевского выступил Б.Статковский: «Рациональнее дорога Сухум-Ново-Сенаки — 120 верст, нежели тоннель в самом широком месте через кряж горы Эльбруса... Какие же грузы захотят двигаться непременно в Сухум, по такому трудному пути, а не в Туапсе, Новороссийск, Ростов и Таганрог?.. Именно Тифлис, как центральный пункт Закавказья и должен быть соединен кратчайшим железным путем с Россией... Наоборот, такой ни с чем не сообразный проект, как Баталпашинск-Клухор-Сухум, который — не допусти,

Господи — ежели станет строиться, поглотит совершенно непроизводительно много миллионов, закроет для России Закавказье, и в вознаграждение даст совершенно ей не нужный Сухум, для наплыва в Закавказье иностранцев, которые и теперь уже шныряют по всему Кавказу, и этот-то путь очерк г. Андриевского на стр. 46 называет, вероятно, смеха ради — настоящий Великий Кавказский путь... Фантазии Андриевского, инженера, по справедливости пользующегося столь почетной репутацией, приводят в изумление» (газ. «Кавказ», № 78 за 1895г.). В итоге — ни той, ни другой дороги еще на столетие. С убедительной критикой этой точки зрения выступил Н. И. Шамшев. который отнес Статковского к числу людей, по Ф. Достоевскому «ближайшие и второстепенные причины за первоначальные» принимающих. «Чтобы поднять Сухумское побережье, — подчеркивал Шамшев, — на должную высоту экономического благосостояния, необходимо соединить гор. Сухум с Северным Кавказом». Направление дороги он определял линией Теберда-Аманаус-Чхалта-Лата-Цебельда-Анастасиевка-Дранда-Сухум, длину тоннеля — в 8 верст, а выгодность проекта — серией убедительных экономических выкладок вплоть до прибылей от вывоза продукции Грозненских нефтяных выработок. Одновременно пункт за пунктом он опроверг все аргументы против, приведенные Статковским, подчеркнув, что все расходы на строительство о железной дороги Теберда-Сухум «прямо возвратны» и составляют не более 32 миллионов рублей (газ. «Кавказ», №№ 89, 90 за 1895 г.).

Проблема Клухорской железной дороги вовлекла все новых и новых деятелей. Санкт-Петербургские «Биржевые ведомости» сообщали: «При министерстве путей сообщения образовалась комиссия под председательством тайного советника В. В. Салова... Отвергнув мысль о соединении железной дорогой Владикавказа с Тифлисом, правление Общества Владикавказской железной дороги остановилось на проекте от Невинномыска до Сухума». Вслед за этим последовало Высочайшее повеление (21 апреля 1895 года), разрешившее в течение года провести изыскания (газ. «Кавказ», №№ 114, 124 за 1895 г.), которые возглавил Тиханов — одна группа занялась промерами Сухумской бухты, вторая — под руководством полковника Хельмицкого и в составе топографов П. Ильина, М. Голембиовского и Г. Кавтарадзе — проделала огромную работу по триангуляции в горах, определила длину тоннеля менее чем в 8 верст. Геологические изыскания в районе тоннеля возглавил профессор И. В. Мушкетов (газ. «Кавказ», № 126). Весной того же года Ю. Проценко опубликовал большую историографическую статью — «Очередной проект железной дороги: соединение рельсовым путем Волги с Черным морем и Закавказьем, в связи с перевальной дорогой через Главный Кавказский горный хребет» (газ. «Кавказ», №№ 128, 129 за 1895 г.). Статья заканчивалась сообщением об изысканиях англичан по строительству железной дороги Иерусалим-Каре и предложением провести встречный железнодорожный путь по линии Царицын-Сухум-Абастуман-Карс. И тут

же вновь замаячили другие, один другого фантастичнее, варианты — через Псху, по линии Прохладная-Зугдиди-Поти по Баксану и Ингуру (проект принца К.

Ольденбургского и князя Р. Мингрельского), электрическая железная дорога от Владикавказа до Тифлиса (проект Н. Тарасенкова). И вновь статья Н. Шамшева, доказывавшего преимущество Клухорского варианта в сочетании с Сухумским портом перед другими проектами (газ. «Кавказ», №№ 213 и 215 за 1895 г.). Эта статья вызвала отповедь Н. Николадзе, которому затем была адресована реплика Шамшева: «Н. Николадзе зря клеветает на меня и «Кавказ» (газ. «Кавказ», № 225 за 1895 г.). Между тем профессор Мушкетов спустился с гор в Сухум, где сообщил, что «породы самые благоприятные для строительства» тоннеля (газ. «Кавказ», № 224 за 1895 г.). 9 сентября в Сухуме побывал председатель правления Владикавказской железной дороги И. Кербедз, который перед этим произвел осмотр районов северного (Белала-Кая) и южного (Чхалта) входов в проектируемый тоннель, пройдя Клухорский перевал и убедившись, что здесь «непреодолимых трудностей нет и в помине» (газ. «Кавказ», № 224 за 1895 г.). Вслед за этим инженер Н. Тиханов сообщил, что им «найден довольно удачное направление для тоннеля Невинномысско-Сухумской дороги. Раньше предполагалось бить тоннель с севера, а теперь найдена площадка и с юга, что ускорит работы вдвое—вместо 9 лет 4,5 года» (газ. «Кавказ», № 307 за 1895 г.). Вскоре газета «Гражданин» сообщила, что проект передан в особую комиссию при министерстве путей сообщения. Между тем ажиотаж вокруг железной дороги стимулировал строительство шоссе — в течение лета был построен участок Ольгинское — Амткел, осуществлена засыпка его щебнем. Новое направление — от подошвы Апианчи на склоны хребта Прцха — Ахыста — было стимулировано дополнительными средствами, выделенными армянским населением. Упомянутая комиссия в Петербурге не торопилась, пошли слухи, что проект отклонен, но затем появилось более благовидное объяснение — он отложен до завершения строительства Сибирской железной дороги (газ. «Кавказ», № 201 за 1896 г.). Одновременно на восстановление и «устройство вьючной тропы через знаменитый Клухорский перевал» было отпущено 200 тысяч рублей (газ. «Кавказ», № 91 за 1896 г.). Ю. Проценко уже лежал в могиле. В конце лета того же года ливни и паводки на Кубани и Теберде прервали сообщение «в северной части Клухорской дороги», вынудив правительство выделить новый кредит на восстановительные работы (газ. «Кавказ», № 227 за 1896 г.). В 1897 году эта дорога (Ольгинское-Багада-Лата-Ажара-Клухор-Кубань) упоминается среди дорог «второй категории» (газ. «Кавказ», № 253 за 1897 г.), а затем сухумцев окончательно огорчают сообщением, что «Общество Владикавказской железной дороги остановилось на проекте инженера Рудницкого с 15-верстным тоннелем по линии Дарг-Кох-Сирдигар-верховья Риона-Они-Кутаис-Сухум» (газ. «Кавказ», № 332 за 1897 г.), и снова вопрос о дороге был снят с повестки дня на полтора десятилетия.

595

Однако среди местных жителей, болевших за благополучие края, мечта о дороге через Клухор не угасала. Об этом свидетельствуют, в частности, как публикация (1911 г.) Ярошенко «По поводу строительства железной дороги через Кавказский хребет (Сухум-Нальчик)», так и выдержки из публикаций педагога К.Д.Мачавариани (Семь дней в горах Абхазии, Батум, 1900; Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу, Сухум, 1913) и лесничего Н.В.Фон-Дервиза (Сухумский округ, Записки Кавказск.

отдела Имп. Русского Географ, общества, кн. 25, Тифлис, 1906).

В 1898 году развернуло свою деятельность предприятие ростовского лесопромышленника В.Р.Максимова, приступившего к широким разработкам лесных богатств в верховьях Кодора. Это предприятие стимулировало и работы по реконструкции и совершенствованию отрезка Клухорской дороги от Сухума до Ажары под руководством инженера Суходолова. Были проведены большие взрывные работы в Пацхирском ущелье, оттрассирован участок до ущелья Джампала, в 1903 году установлены два капитальных железных (на заклепках) однопролетных моста через Джампал и Чхалту, расширена полка на Багадской скале. Дроги и омнибусы стали курсировать до Захаровки (совр. Амткел), далее путешествовали по-прежнему на лошадях. В качестве основной тягловой силы использовались буйволы. «Как неизбежное последствие развития всякого рода промышленности, — отмечал очевидец, — явилось много духанов на всем протяжении от Сухума до Чхалты... Ежедневно можно встретить и обогнать целые караваны, идущие из Сухума с провизией и разными предметами» (Фон-Дервиз, с. 71). На рубеже веков Максимов и его наследники вкладывали в развитие своего промысла свыше 750000 рублей в год. В высокогорной Ажаре (тогда русское село) появились больница, школа, церковь, электричество, телефон (К.Д.Мачавариани, Семь дней). При Максимовых была разработана тропа от Чхалты до Марухского перевала. «Вторая дорога, — писал Фон-Дервиз, — идет от города Сухума... до бывшего Цебельдинского укрепления, ныне подворья Драндского Успенского монастыря. Далее шоссе превращается в узкую тропу, пригодную лишь для верхового сообщения. Тропа эта идет по правому берегу р. Кодора до впадения в него реки Гвандры,... и переходит на левый берег притока Гвандры-Клыча. На Клухорском перевале эта тропа соединяется с шоссейной дорогой, идущей в большую станицу Баталпашинск. Странно как-то видеть, что два пункта, могущие вести между собою оживленные сношения, в начале от каждого из них имеют хорошие дороги, а посередине сообщения нет, хотя на всем протяжении верховой тропы через большие реки Амткел и Чхалту, приток Кодора, построены железные мосты, приспособленные для колесного сообщения. Очень и очень желательно, чтобы в самом скором времени эта верховая тропа была превращена в колесную дорогу, которая, несомненно, окажет большое влияние на развитие в крае промышленности, т.к. тропа пролегает в очень

596

богатой местности, где возможно развить лесное производство, а на частных землях и сельское хозяйство... остатки древних сооружений лишней раз показывают, что при существовании надлежащих путей сообщения край мог бы сильно и быстро развиваться»... (Фон-Дервиз, с. 15 сл.).

А вот еще цитаты из Мачавариани: «Нельзя не радоваться тому, что проектируемая Кубано-Сухумская железная дорога пройдет через урочище «Лат», чем сильно облегчится пользование последним для создания горной климатической станции... Пора освободиться от духа отрицания. Пора приступать к созидательным работам и устроить собственную Швейцарию... С лишком 40 лет, как разрабатывается дорога из Сухума до Клухорского перевала, а от последнего по Тебердинской долине до Кисловодска, но все-таки мы не располагаем мало-мальски сносным сообщением. Все тропа и тропа, и на эти

тропы сколько десятков и сотен тысяч ухлопали наши инженеры путей сообщения... Дали бы иностранцам Клычское ущелье, Клухорский перевал да Тебердинскую долину, они показали бы, какие можно здесь создать райские уголки... Мы говорим понятным русским языком: «Дайте им мало-мальски удобное сообщение, хотя бы колесное, из Сухума через Клухорский перевал на Северный Кавказ». Но нам отвечают: «На что вам та или другая дорога, живите, как жили и пользуйтесь отдаленной перевальной дорогой. Нам нет дела до ваших больных, до ваших разорений... Мы не раз читали в разных печатных органах о желании одной компании провести из ст. Невинномысска через Баталпашинск и Клухорский перевал Эльбрусско-Черноморскую железную дорогу и что у этой компании имеется для проведения такой дороги до 38 миллионов рублей. Мы глубоко уверены, что Эльбрусско-Черноморская железная дорога оказала бы громадную услугу не только Кавказу, но и всему населению южной России. Такие богатые области, как Кубанская и Терская, нашли бы выход к Черному морю и все свои грузы направили бы туда. А если бы устроили бы в Сухуме коммерческий порт, то один богатейший Баталпашинский отдел мог заполнить этот порт своим хлебом. Сколько скота Северного Кавказа погибает по ужасным тропам, прежде чем доставить их в Сухум... Этот Сухум, если не железной дорогой, то по крайней мере удобной шоссейной дорогой, надо соединить с Северным Кавказом, именно с Кисловодском или через Баталпашинск с Невинномысской станцией Владикавказской железной дороги и такое шоссе направить обязательно через Клухорский перевал. Надо же когда-нибудь обеспечить существование обывателей Черноморского побережья, а Сухуму дать выход на Северный Кавказ через Клухорский перевал. Поживите в Клычском ущелье, поживите в Тебердинской долине и тогда убедитесь, что эти богатейшие уголки со своей богатейшей растительностью, со своими богатыми минеральными рудами в самое короткое время могут покрыть все расходы по проведению не только порядочного шоссе, но даже железной дороги... Будь у нас дорога по ближайшему Клухорскому перевалу, генералу Бабичу (в 1877 году)

597

не пришлось бы перенести столько трудностей... Дорога — нужна для сообщения с Северным Кавказом через Клухорский перевал, нужен порт для Сухума и нужны более или менее удобные сообщения между разбросанными селами. Когда же, наконец, будет сооружен Багадский мост и когда будут приняты меры по защите поселенцев Дальского ущелья?» (Мачавариани, Описательный путеводитель..., с. 159, 163, 166, 167, 219, 306, 309 и др.).

В 1914 году была завершена разработка проектно-сметной документации Эльбрусско-Черноморской железной дороги с тоннелем под Клухорским перевалом, изысканы соответствующие средства. Было определено, что эта коммерческо-туристская дорога должна по своей красоте и экономичности переплюнуть незадолго до того построенные горные железные дороги в Альпах и Кордильерах. Завершение строительства было намечено на 1921 год, однако первая мировая война, революция и гражданская война похоронили этот гуманистический проект.

Административные структуры советской эпохи также не смогли вписать Клухорскую дорогу в планы пятилеток: уж слишком очевиден был экономический эффект, в

распределении которого неизбежно пришлось бы поделиться со многими и в первую очередь с населением Абхазии и северокавказского региона. Однако сильных мира сего устраивало положение Абхазии как причерноморского транзита и курортного уголка «братской советской Грузии». И не случайно всякий раз как тоталитаризм давал трещину, Клухорская дорога напоминала о себе.

Первый раз это произошло в 1924—1926 годах в период НЭПа, когда в число важнейших народнохозяйственных задач ССР Абхазии было включено и строительство капитального шоссе вдоль Военно-Сухумской дороги через Клухорский перевал. Были подняты дореволюционные проекты, проведены необходимые изыскания, подготовлены техно-экономические обоснования и рабочие чертежи. В сожженном в 1992 году шеваднадзевскими оккупантами Центральном Государственном Архиве Абхазии хранились многочисленные документы, связанные с планом соединения Абхазии с центральными районами Северного Кавказа транскавказской дорогой. Среди них и рукопись Е. Юшкина «Военно-Сухумская дорога на абхазской стороне (по данным изысканий Управления путей сообщения в 1880 году)», в соответствии с которой северокавказские и абхазские строители обсуждали детали и сроки сооружения дороги через Клухор. Однако поскольку эта дорога не вписалась в план инкорпорации Абхазии в границы Грузии и отрыва ее от Северного Кавказа, и этот проект был похоронен. Вновь необходимость существования дороги через Клухор остро проявила себя в период Великой Отечественной войны. Летом 1942 года линия фронта дошла до Кавказского хребта и немцы построили шоссе с севера под самое озеро Клухор. С юга колесная дорога существовала в этот момент до Захаровки-Амткела. Для защиты перевалов пришлось построить три

598

маленьких прифронтовых аэродрома в Ажаре, Генцвише и у Маруха, куда с помощью «кукурузников» (У-2, «русская фанера») перебрасывались боеприпасы и провиант, а оттуда вывозились раненые. Солдаты же шли туда от Цебельды пешком в сопровождении караванов нагруженных необходимым ослов. Пришлось срочно строить к Клухору шоссейную дорогу.

Участники боев за Клухорский перевал Иван Николаевич Троицкий и комиссар Григорьев оставили следующие интересные записи, передающие настроения и события тех дней: «16 августа днем немцы заняли Клухорский перевал и начали с боем спускаться вниз по тропе в долину реки Клыч. Помощник начальника штаба 394 дивизии майор Стрельцов отдал приказ: «Командиру истребительного отряда тов. Троицкому... п. 1. Немедленно выступить по Военно-Сухумской дороге в направлении Багады и занять там оборону. Учесть важность данного участка, т. к. в случае проникновения немецких автоматчиков, они смогут перерезать дорогу в тылу... п. 2. Нести заградительную службу на Багаде, применяя самые решительные меры к отдельным провокаторам и паникерам,двигающимся с Клухорского перевала вместе с разрозненными воинскими частями и беженцами»... Немцы бросили на Кавказ целый горно-стрелковый корпус. В составе этого корпуса есть одна итальянская дивизия и еще какая-то румынская фашистская горно-стрелковая часть, Клухорский перевал защищал один батальон 815-го полка — три роты. Их уже нет. Немцы навалились целым полком. Красноармейцы стоят насмерть.

Потери велики — от одного батальона осталось только 17 человек. Про другой батальон на Нахарском перевале ничего пока неизвестно. 20 августа немцы продвинулись от Клухора еще немного вперед и дошли до Южного Приюта, что в 12-13 км к югу от перевала. Я отобрал 10 бойцов — одно отделение и послал его заставой на старинную «турецкую» тропу в обход Багады. Были перекрыты лесные полянки, где возможна высадка парашютистов на том берегу Кодора поблизости от нас напротив Багады. Командование дивизии опасается диверсии противника с воздуха для захвата Багадской скалы. Железный мост через Джампал оказался той точкой, до которой была возможность доехать дорогою на колесах. Далее такого пути не было. Отсюда уже шла только тропа для пешехода, для всадника, для вьючной лошади. По этой тропе дважды в год прогоняли гурты и отары крупного и мелкого рогатого скота на горные цветущие пастбища. Врага нельзя пускать, чтобы он не вырвался к берегу и не перерезал бы железную дорогу и Черноморское шоссе. От этого зависит судьба армий, сражающихся у Новороссийска и Туапсе, судьба Черноморского флота и вообще всего Закавказья, от этого зависит и поведение Турции.

В Амткеле производилась перевалка грузов на спины лошадей, ослов и мулов, переправлявшихся вьюком по горной тропе. Время, ветер и вода, да зеленая растительность основательно поработали над бывшей дорогой. Сейчас это была просто довольно скверная тропа, разрушенная то тут, то там

599

оползнями или сорвавшимися с гор лавинами, погребенная местами под щебневыми осыпями или селевыми потоками, прорезанная оврагами, руслами ручьев и весенних горных потоков. Горные дороги недолго живут. Вот и знаменитые Багадские карнизы, где местами две вьючные лошади, повстречавшись, не могли разойтись. На Багаде приступили к работе несколько дорожно-саперных подразделений, которые к концу октября, затратив на работы около 40 дней, взрывами расширили каменную полку на Багадской скале и в некоторых других местах, сделав там однопутный проезд, С помощью окрестных колхозников (в основном, армяне) были приведены в относительно проезжее состояние и остальные участки дороги, был подвезен в нужные места грунт и засыпаны, сглажены кирками и лопатами крупные выбоины и колдобины по всей трассе. 21 сентября 1942 года по пробитой саперами в скале широкой полке первую прошла наша подвода с продуктами и фуражом из Амткела, а вслед за нею и первые автомашины... Ура! Скалы прорублены — они не сомкнутся больше никогда! 22 сентября в горы прошла вереница автомашин и проехало первое зенитное орудие. И снова мне приказ: «Истребительному отряду Троицкого: Вам надлежит передислоцироваться в селение Верхние Латы и осуществить там: 1) контролирование местности бассейна р. Аргуни и перекрытие всех дорог и троп, пересекающих гору Киркипал; 2) закрытие прохода через мост на левый берег Кодора, ведущий в село Чембер Очамчирского района, а также пешеходный канатный мост; 3) наведение порядка среди расположенных и проходящих воинских частей в районе Латского сельсовета; 4) занимаемый Вами оборонительный участок в районе Багадской скалы сдать 3-му батальону 107 отдельной стрелковой бригады»... В октябре 1942 года Военно-Сухумская дорога превратилась в проезжую — по ней вереницами шли телеги, брички, грузовики-

полуторки ГАЗ-А А и трехтонки ЗИС-5. В январе 1943 года частями и соединениями 46-ой армии (в ее составе воевало множество сибиряков) перевалы Марух, Клухор и Нахар были очищены от завоевателей».

В 1944 году в Цебельде было сформировано ДЭУ № 32, которому были поручены строительство и уход за трассой, приобретшей тогда важное стратегическое значение. К этому моменту силами военных была проложена шоссейная дорога по ущелью Клыча через Клухорский перевал. Одно время здесь осуществлялось движение грузового транспорта. Дорога сыграла важную роль при включении Карачаево-Черкесии в границы Грузинской ССР, осуществленном по инициативе Сталина и Берии в конце войны. Дорожники произвели замеры расстояния между Сухумом и Ставрополем и соответствующие показатели на километровых столбах сохранялись на трассе до конца 80-х годов. Аналогично и на картах 40-80 годов трасса дороги показывалась сплошной, введя в заблуждение немало автолюбителей. Новая граница Грузии существовала недолго и Карачаево-Черкесия вернулась в пределы Российской Федерации, дорога же через Клухор была заброшена еще раньше.

600

В хрущевскую оттепель тенденции развития экономики Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Ставрополья заставили вернуться к идее черноморско-кавказской дороги через Клухор. Соответствующие изыскания, осуществленные ставропольскими и московскими специалистами, показали, что наиболее рациональным, обеспечивающим круглогодичное функционирование дороги, является вариант с 4-километровым тоннелем в районе Хакеля (западная сторона Клухорского перевала). Были проведены тщательные измерения и исследования вдоль всей трассы от Ставрополя до Сухума. В 1956 году я разговаривал с северокавказским геодезистом, осуществлявшим промеры у моей цебельдинской усадьбы и утверждавшим, что новое направление шоссе будет следовать направлению дороги, существовавшей здесь в римско-византийскую эпоху. Строительство дороги началось с двух тоннелей на Багадской скале, пробитых в 1958 году. Не успев приступить к работам по проведению главного перевального тоннеля, строители ушли, поскольку очередная реорганизация в Москве (совнархозы) позволила властям в Тбилиси взять соответствующее финансирование и исполнение проекта в свои руки, деньги истратить, а дорогу не построить. Единственными памятниками этого доброго начинания, инициированного северокавказцами, остались асфальтированное шоссе до района северного портала тоннеля у Клухорского водопада и два Багадских тоннеля.

Вновь к идее перевальной дороги через Клухор вернулись в 1970—1971 годах, когда в ЦНИИЭП лечебно-курортных зданий (Москва) и в ЦНИЛТЭ ЦСТЭ ВЦСПС (Сухум) в рамках разработки комплексной темы «Туристское освоение транспортных магистралей» была осуществлена работа по оценке Клухорской (Военно-Сухумской) дороги как туристско-коммерческой оси, призванной объединить причерноморскую и минераловодскую группы курортов и разгрузить Кавказское автомобильное кольцо. Приведу выдержки из двух публикаций на эту тему — моей (я был официальным руководителем темы) и В.М.Кривошеева.

«Военно-Сухумская дорога, — отмечалось в первой публикации, — является одним из

наиболее перспективных районов развития туризма. В настоящее время по ней проходит фактически лишь один высокогорный маршрут, особенностью которого является полное игнорирование (впрочем, вызванное объективными причинами) достопримечательностей на территории от Южного Приюта до Сухума. Неосвоенность этих мест красноречиво демонстрируется диспропорцией в загруженности Военно-Сухумской дороги в различных точках, Если северная её половина (Черкесск-Теберда-Домбай-Северный Приют) в 1968 году приняла 500 тысяч туристов, а в перспективе на 1980 год эта цифра будет составлять 800 тысяч человек, то южная часть дороги фактически остается туристической целиной, всего два-три пункта которой эксплуатируются местными туристическими организациями, что составляет с учетом

601

всех возможностей несколько тысяч человек в год... совершенно необходимым условием для успешной и экономически рентабельной реализации туристических и иных ресурсов рассматриваемой территории является сооружение соответствующей автомобильной дороги... В настоящее время вопрос о скорейшем вводе в эксплуатацию сквозного автомобильного движения по Военно-Сухумской дороге является не только единственным условием успешного развития туризма, но и приобретает важное значение в экономике всего Кавказа. Как показывают данные ЦНИИЭП лечебно-курортных зданий, Кавказ в 1980 г. примет 14 млн. туристов, среди которых автотуристы составят 1,2 млн. человек. Например, если в 1969 году по дороге на озеро Рица перевезено 800 тыс. человек, а интенсивность автомобильного движения составила 300 автобусов и 500 легковых автомобилей, то в перспективе намечается увеличение объема пассажирских перевозок до 1,6 млн. человек, что повлечет за собой увеличение интенсивности автомобильного движения до 600 автобусов и 1500 легковых автомобилей в год... в перспективе мы неизбежно можем столкнуться с появлением перенапряженных участков на трассах, а, следовательно, с замедлением общего транспортного процесса на Кавказском побережье Черного моря. Выход из подобной ситуации, наряду с постоянной реконструкцией существующих магистралей, заключается в первую очередь в развитии сети местных автомобильных дорог. На Западном Кавказе такой «разгружающей» дорогой может сегодня служить лишь срочно реконструированная и достроенная Военно-Сухумская дорога, которая с успехом выполнит задачу регулятора региональной системы дорог, обеспечит выход из Ставрополя на Черноморское побережье, в значительной степени решив при этом проблему снабжения курортов кавказского Причерноморья, в первую очередь сельскохозяйственными продуктами, вызовет резкое сокращение перепробега автотранспорта, отчего... общая годовая экономия составит 16,5 млн. рублей... Предварительные расчеты (В. Т. Корнюхов и В. М. Кривошеев) перспективной интенсивности движения и объема перевозок пассажиров в районе Клухорского перевала в 1980-1985 гг. (при условии сооружения тоннеля) свидетельствуют об огромном приливе туристов в будущем на Военно-Сухумскую дорогу, где общее число пассажиров составит до 1,9 млн. человек, а годовая среднесуточная интенсивность движения — 100 автобусов, 1100 легковых автомобилей и 300 грузовиков... Разработка со временем структуры комплексного туристического обслуживания автотуристов трассы

Военно-Сухумской дороги и создание на ее базе единого хозрасчетного организма могли бы в значительной степени способствовать организации различного профиля заповедников, приостановить интенсивное уничтожение лесных, подземных исторических богатств, обеспечить равномерное и рациональное размещение средств, и тем самым содействовать наиболее прибыльному и экономичному использованию ресурсов района... Наличие сквозной современной магистрали привлечет к много-

602

численным достопримечательностям края дополнительно многие сотни тысяч туристов, обеспечит более равномерное распределение отдыхающих на побережье, будет в немалой степени способствовать расширению сезонности туризма, позволит более рационально организовать отдых трудящихся на Черноморском побережье Кавказа» (Ю. Н. Воронов, Современное состояние и перспективы туристического освоения Военно-Сухумской дороги. — В кн.: Некоторые актуальные проблемы развития туризма и экскурсий в СССР (Материалы научной конференции). Сухум, 1970, с. 56—59).

«Особую ключевую позицию, — писал В. М. Кривошеев, — в сети автомобильных дорог Кавказа занимает так называемое Кавказское кольцо, образуемое дорогами Пятигорск-Новороссийск-Сухум-Тбилиси-Орджоникидзе-Нальчик-Пятигорск... Уже при нынешней интенсивности движения автомобильные дороги Орджоникидзе-Тбилиси и Новороссийск-Сухум требуют реконструкции. В перспективе, в связи с появлением на рынке 600 тыс. - 1 млн. легковых автомобилей в год, этот регион, обладающий особой притягательностью, станет местом массового паломничества туристов и автотуристов в частности... Годовая среднесуточная интенсивность движения на здешних дорогах по перегонам в перспективе будет колебаться от 2 тыс. до 15 тыс. единиц... Для того, чтобы избежать появления перенапряженных участков (что особенно опасно в горных условиях) и предупредить замедление общего транспортного процесса в этом регионе, необходимо наряду с реконструкцией отдельных дорог развивать сеть автомобильных дорог. В качестве «разгружающей» дороги рекомендуется использовать дорогу Карачаевск-Сухум-«диаметр» Кавказского кольца. Для этого необходимо реконструировать некоторые участки этой дороги, построить либо перевальную дорогу, либо тоннель через Клухорский перевал с подъездами. Расчеты показывают, что строить тоннель целесообразнее, а не перевальную дорогу. Общие вложения на реконструкцию участков дороги и строительство двухпутного пятикилометрового тоннеля с подъездами и противоблавиными галереями не должны превысить 60 млн. руб. С открытием транзитного круглогодичного движения по «диаметру» Кавказского кольца автодорог среднесуточная годовая интенсивность движения в течение года будет резко колебаться. Коэффициент неравномерности движения, заложенный для расчетов интенсивности и состава движения на Клухорском перевале, равный двум, уже сейчас наблюдается на отдельных участках дороги Сочи-Сухум. Расчетные сроки окупаемости строительства тоннеля и реконструкции дороги можно назвать рекордными — 4 года. Сроки окупаемости горных дорог обычно измеряются 20-25 годами. Движение по проектируемой дороге по сравнению с существующим положением дает автовладельцу ряд преимуществ, а именно: а) сокращение расстояния (90 вместо 580 км); б) сокращение времени движения (2 часа вместо 40 часов); в) обеспечивает движение в

более комфортабельных условиях; г) на всем протяжении являет

603

собой объект туризма... Все изложенное выше дает право ставить вопрос о прямом взимании платы за проезд по дороге Черкесск-Сухум. Для определения размера платы мы берем за основу самую малую экономию 3,2 и 9 рублей... Международная практика показывает, что снижение тарифных ставок оказывается эффективным только в том случае, если это снижение составляет не менее 20% от прежней. Мы предлагаем, исходя из этого аналога установить плату за пользование дорогой для индивидуальных автовладельцев на уровне 2 рублей, для всех прочих — 6 рублей... Предлагаем также для простоты расчетов взимать плату в размере 2 рубля со всех легковых автомобилей, а 6 рублей со всех грузовых и автобусов. В этом случае прямой материальный выигрыш для владельцев индивидуального транспорта будет колебаться от 1 руб. 20 коп. до 18,3 рублей, а хозяйственных организаций — от 3 до 52 рублей. Исходя из расчетной интенсивности движения и структуры потока годовая выручка через 4 года после начала эксплуатации составит: $(1100,2 + 400,6) \times 365 = 1700$ тыс. руб. Эту сумму прямых поступлений можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу строительства проектируемой дороги. 1,7 млн. рублей (наличными!), которые ежегодно будут поступать в бюджет — своеобразный дивиденд в размере 2,8 % годовых» (В. М. Кривошеев, Транспортное и туристическое значение Военно-Сухумской дороги — в кн.: Некоторые актуальные проблемы развития туризма в СССР (материалы научной конференции). Сухум, 1970, с. 60—64).

В 1971 году вдоль Военно-Сухумской дороги работала экспедиция ЦНИЛТЭ под руководством автора. На основе собранных материалов был написан объемистый отчет и составлена справка (консультанты проекта экономист В. М. Кривошеев и известный инженер-дорожник С.А.Трескинский). Дорогу было предложено строить в два пути с клумбой посередине и пятикилометровым тоннелем. Стоимость строительства была определена в 60 млн. рублей. Отчет и соответствующее ходатайство о возобновлении строительства перевальной дороги с тоннелем под Клухором легли на стол тогдашнему Председателю Совета Министров А.Н.Косыгину. Однако и здесь судьба сыграла злую шутку: Косыгин, неоднократно преодолевавший пешком и на ослике Клухорский перевал, у южной подошвы которого его поджидали с хлебом-солью и ценными подарками руководители Абхазии, решил посоветоваться со своим зятем-грузином, будущим академиком Гвишиани. Последний, зная о настроениях в Тбилиси, посоветовал отказать. Представителю же ЦНИЛТЭ тбилисские бюрократы коротко и доходчиво разъяснили: «Пока Грузии не будут возвращены исконные грузинские земли Карачаево-Черкесии, сквозной Военно-Сухумской дороги Вам не видать как своих ушей».

Наступила эпоха Шеварднадзе.

В 70-х - начале 90-х годов в сетованиях обывателей и на страницах периодики тема дороги и безысходности, в которую ее отсутствие повергало республику, периодически возникала вновь — статьи Ю. Гелашвили (Сквозь горы.

604

Военно-Сухумской дороге 100 лет. — газ. «Советская Абхазия» за 13 августа 1982 г.), Ю. Воронова (Кавказ — дорога народов, газ. «Конфедерация» за 8 апреля 1993 г.; Автодорога Минводы-Сухум. Экспресс-идея. — газ. «Сухумский вестник», № 9 за 1990 г. и др.), Е. Аджинджала и др.

Тупиковый характер нынешней Военно-Сухумской дороги оказал решающее воздействие на формирование пониженной сознательности у обитателей Кодорского ущелья, в своем большинстве активно использованных режимом Шеварнадзе в войне 1989—1994 годов против многонационального народа Абхазии. Не случайно южные подходы к Клухорскому перевалу дольше других абхазских областей находились под контролем Тбилиси. И если разумные и предприимчивые люди Абхазии, Северного Кавказа, Юга России, Ближнего Востока выступают за скорейшее строительство дороги с тоннелем под Клухорским перевалом, то противостоящее им воинство Сатаны делает все возможное для того, чтобы спасительная для всех дорога опять не появилась.

605

Эпилог

Итак, свыше 180 лет все разумные, а часто и влиятельные люди и в Сухуме, и в Тифлисе, и в Петербурге с Москвой говорили и писали о необходимости скорейшей постройки нормальной колесной дороги через Клухорский перевал или с тоннелем под ним. Правы были те, кто считал, что целые пласты местной истории имели бы совершенно иные и более светлые окраску и результаты, если бы эта дорога была построена. В самом деле, появившись она в 30-40 годах 19 века, не встала бы необходимость перед местным населением очищать ущелья и переживать Крымскую войну в Абхазии с такими потерями, появившись она в 50-60-х годах, не было бы трагедий 1866 и 1877 годов, появившись она, особенно в железном варианте, на рубеже веков, Сухум стал бы крупнейшим северокавказско-восточнопричерноморским портом с соответствующими экономическими и политическими последствиями для всей дальнейшей истории края, появившись она в 20-х годах, могло не наступить 1931 и 1937 годов в соответствующем их качестве, появившись она в 50-х годах, Абхазия имела бы шанс стать в последующие десятилетия крупнейшим (наряду с Боспором) причерноморским транзитом из Европы в Переднюю Азию, появившись она в 70-80-х годах, кошмар начала 90-х годов мог бы быть либо пресечен в корне, либо принес бы вдвое меньшие потери. Да и тяготы блокады на Псоу оказались бы сегодня вполнине легче. По большому счету все те вольные или невольные мерзавцы (по духу и достигнутым результатам), кто в течение этих 180 лет, имея возможность решить вопрос о строительстве дороги через Клухор, считали необходимым препятствовать этому строительству, на деле форменным образом издевались над сотнями тысяч и миллионами людей всех национальностей по обе стороны хребта, отказывая им в праве жить в нормальных, соответствующих природным особенностям края и духу времени условиях, и консервируя в Закавказье и на Северном Кавказе (фактически по всему югу России) отсталые формы жизни и соответствующие им самолюбие и дикость.

Один из наиболее кардинальных и результативных способов выхода из трагической ситуации, переживаемой сегодня народами Кавказа, не только через прорыв варварских

барьеров типа абхазо-кубанской границы на Псоу, но и

606

через создание новых коридоров, позволяющих с максимальной отдачей исполнять Кавказскому хребту свою традиционную функцию «дороги народов». Среди таких коридоров, сулящих Кавказу и прилегающим областям мир и стабильность, в его западной части на первом месте стоит Клухорская (Военно-Сухумская дорога). Неужели и наше поколение упустит свой шанс?!

Сухум — Гудаута
1—18 апреля 1994 года

607

Научное издание

Воронов Юрий Николаевич

Научные труды
в семи томах
том второй

Археологическая карта Абхазии
Памятники каменного века Военно-Сухумский дороги
Древности Военно-Сухумской дороги
Древности Азантской долины
Памятники села Герзеул
Главная крепость Апсилии
Драма Военно-Сухумской дороги

Атџаарадырратә тџжъымтә

Воронов Иури Николаи-ица

Атџааратә усумтәқәа
быжь-томкны
аџбатџи атом

Алсны археологиатә хсаала
Акәатџи ар рымџаду ахахәтә аамтә абакақәа
Акәатџи ар рымџаду ажәйтәрақәа
Азантә апшахәатџи ажәйтәрақәа
Ақытә Гьарзаул абакақәа
Апсилия ахрыгәгәарта хада
Акәатџи ар рымџаду адрама

Таблицы, схемы и рисунки выполнены автором.

Редактор издания и корректор — М. В. Орелкина
Фотографии В. Б. Левинтаса

Компьютерный набор С. П. Гуськова
Макетирование и верстка Д. А. Белого
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Физ. печ. лист 38,25.
Усл. печ. лист 49,73. Тираж 500. Заказ № 41.
Отпечатано в ГПП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.

(OCR — Абхазская интернет-библиотека, <http://apsnyteka.org/>.)